



Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

**Научный журнал
2023 – № 4 (35)**

*Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год*

Ярославль
2023

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevzhskii philological bulletin : научный журнал.
Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. № 4 (35). 279 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499_9679_2023_4_35. EDN ZPBRCK
2023, № 4 (35). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (главный редактор); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (зам. главного редактора); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (зам. главного редактора); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (зам. главного редактора, ответственный редактор); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (зам. главного редактора); **Т. А. Александрова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Университета Гренобль Альпы (Франция); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Видулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Деметров**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, и.о. ректора, Ярославский государственный театральный институт имени Фирса Шишигина; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин**, кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Нея Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леднев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотан**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **И. Ю. Лученская-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федюленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухун**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай (КНР); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Юо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германский язык, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2023

© Авторы статей, 2023

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2023. № 4 (35). 279 pages.
ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499_9679_2023_4_35. EDN ZPBRCX
2023, № 4 (35). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **A. A. Fedotova**, doctor of philological sciences, associate professor of the department of russian literature of the Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova**, Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zazorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova**, doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu**, doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialties:

5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Mass media registration:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal

«Verhnevolzhski philological bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2023

© Authors of the articles, 2023



«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

- Федотова А. А.** Дискурс власти и интеллигенции в творчестве И. А. Бродского _____ 8
- Болнова Е. В.** Сопоставительный анализ чернового и окончательного вариантов рассказа
В. А. Сосноры «Человек и лошадь» _____ 15
- Гавриленко В. Д.** Тема предназначения поэта и поэзии в лирике Леонида Завальнюка _____ 24
- Якушева Д. Д.** Лингвостилистические средства формирования идиостиля Екатерины II
в контексте эпохи _____ 32

Медиакоммуникации и журналистика

- Кармалова Е. Ю., Кривоносов А. Д., Чижик А. В.** Перспективы оценки эффективности
копирайтерского текста с помощью моделей машинного обучения _____ 38
- Доронина И. М.** Медиавиктимизация как результат влияния виктимогенного контента СМИ _____ 50
- Соломкина Т. А.** Функциональный потенциал устной речи в современной медийной
коммуникации _____ 57

Русский язык

- Петрова З. Ю., Фатеева Н. А.** Образный потенциал лексико-семантической группы
«Словесное искусство» в языке русской поэзии _____ 66
- Выхрыстюк М. С., Исламова Ю. В., Бакшеева М. Г.** Реальное и мистическое в тексте памятника
«Запись астрономических явлений...» начала XVIII в. _____ 73
- Малинская Т. В.** Темпоральные конструкции с лексемой *минута* в романе И. А. Бунина
«Жизнь Арсеньева» _____ 80
- Усачева О. А., Чернявская Н. А., Мещанова Н. Г.** Функционально-когнитивный потенциал
метафоры в пространстве современного блога _____ 87
- Тиханова О. В.** Иконичность предложений типа «Ивана опрокинуло» и проблема их поиска
в Национальном корпусе русского языка _____ 97
- Яковлева Е. В.** Сравнительный анализ конститuentов ситуационных когнитивных моделей
(на материале учебных пособий «English Unlimited») _____ 105

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Ковлакас Е. Ф. Топосы «ближний / дальний» в этнокультурном пространстве _____	113
Кондратенко М. М. Принципы номинации в обозначениях времени (на материале славянских языков) _____	123
Милованова Н. С., Су Хэцин Корреляция концептов «любовь» и «забота»: лингвоаксиологическая интерпретация _____	130
Сергеев М. Л. «Митридат» Конрада Гесснера: история создания и устройство музея языков ____	142
Трубкина А. И. Эмотивность ценностных смыслов художественного текста: прагматика декодирования _____	153

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Огуречникова Н. Л., Блинова С. А. Семантика комплексного психического воздействия в английских высказываниях с однородными предикатами _____	161
Ангелова М. М. Лингвокультурологический анализ изменения культурных кодов Великобритании в контексте Брексита _____	170
Пиотровский Д. Д. Изучение фарерского языка и литературы в конце XVIII – первой половине XIX вв. _____	177
Полунина Т. С., Вишнякова О. Д. О некоторых путях обогащения современной финансово-экономической лексики английского языка _____	187

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Бойчук Е. И., Косогорова Х. Г. Фонетические и лексико-грамматические особенности слов <i>нуши</i> французского происхождения под влиянием языкового многообразия Кот-д’Ивуара _____	196
Зубкова М. Н. Вариативность структур общего вопроса в современном французском языке (на материале игровых фильмов) _____	205
Долгих З. Б. Проблема перевода названий сортов винограда с португальского языка на русский _____	213

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Астафьева О. Н., Тхагапсоев Х. Г. Истоки становления и основания для развития информационно-семиотической теории культуры _____	221
Хренов Н. А. Рецепция художественного произведения как культурологическая проблема: диалог между культурами и его влияние на интерпретацию искусства _____	231
Ерохина Т. И. Социокультурное пространство как фактор формирования духовно-нравственных ценностей _____	241
Сгибнева О. И., Беликова Е. О. Культовые памятники в городском пространстве: транспозиции в диалоге времен _____	250
Летина Н. Н. Культуросообразный алгоритм исследования оснований российско-африканского диалога _____	261
Суслова А. А. Документальная основа текста города Бежецка в художественной литературе XIX–XX веков _____	273



*«The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...»*

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

- Fedotova A. A.** Discourse between authorities and intelligentsia in I. A. Brodsky's works _____ 8
- Bolnova E. V.** Comparative analysis of the draft and the final version of V. A. Sosnora's story
The Man and the Horse _____ 15
- Gavrilenko V. D.** The theme of the poet and poetry's mission in the poems by Leonid Zavalnyuk _____ 24
- Yakusheva D. D.** Linguistic means of forming the idiostyle of Catherine the Great in the context
of the epoch _____ 32

Media communications and journalism

- Karmalova E. Y., Krivonosov A. D., Chizhik A. V.** Prospects for evaluating the effectiveness
of copywriting text using machine learning models _____ 39
- Doronina I. M.** Media victimization as a result of the victimogenic media content influence _____ 50
- Solomkina T. A.** Oral speech functional potential in modern media communication _____ 57

Russian language

- Petrova Z. Yu., Fateeva N. A.** Figurative potential of the lexical-semantic group
«Verbal art» in russian poetic language _____ 66
- Vykhrystyuk M. S., Islamova Yu. V., Baksheeva M. G.** Real and mystical in the text of the early XVIII
century monument «Record of astronomical phenomena...» _____ 73
- Malinskaya T. V.** Temporal constructions with the lexeme 'minute' in I. A. Bunin's novel
The Life of Arseniev _____ 80
- Usacheva O. A., Chernyavskaya N. A., Meshchanova N. G.** Functional-cognitive potential of metaphor
within the framework of a contemporary blog _____ 87
- Tikhanova O. V.** Iconic sentences of the type «Ивана опрокинуло» (Ivan was overturned)
and the problem of detecting them in the Russian National Corpus _____ 97
- Yakovleva E. V.** Comparative analysis of situational cognitive models constituents (on the material
of textbooks «English Unlimited») _____ 105

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Kovlakas E. F. «Near / Far» toposes in ethnic cultural space _____	113
Kondratenko M. M. Nomination principles in designating time (using the material of slavic languages) _	123
Milovanova N. S., Su Heqing Correlation of the concepts «love» and «care»: linguistic-axiological interpretation _____	130
Sergeyev M. L. «Mithridates» by Konrad Gessner: the story of creation and structure of the languages museum _____	142
Trubkina A. I. Emotiveness of value semantics in literary text: decoding pragmatics _____	153

Languages of foreign countries (germanic languages)

Ogurechnikova N. L., Blinova S. A. Semantics of complex mental influence in english statements with homogeneous predicates _____	161
Angelova M. M. Linguocultural analysis of the change in cultural codes of Great Britain in the context of Brexit _____	170
Piotrovsky D. D. Studying the faroese language and literature at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries _____	177
Polunina T. S., Vishnyakova O. D. On some ways of enriching the modern english financial and economic lexicon _____	187

Languages of foreign countries (romance languages)

Boychuk E. I., Kosogorova Kh. G. Phonetic, lexical and grammatical features of nouchi words of french origin under the influence of linguistic diversity in Côte d'Ivoire _____	196
Zubkova M. N. Variation of the general question structures in the modern french language (based on feature films) _____	205
Dolgikh Z. B. Problems with translating the names of grape varieties from portuguese into russian _____	213

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Astafieva O. N., Tkhangapsoev Kh. G. Origins of formation and reasons for developing the information-semiotic theory of culture _____	222
Khrenov N. A. Reception of artwork as a cultural problem: dialogue of cultures and its influence on the arts interpretation _____	231
Erokhina T. I. Sociocultural space as a factor in forming spiritual and moral values _____	241
Sgibneva O. I. I., Belikova E. O. Cult monuments in urban space: transpositions in the dialogue of times _____	250
Letina N. N. Culture-congruous algorithm for studying the foundations of the russian-african dialogue _____	261
Suslova A.A. Documentary basis for the urban text of Bezhetsk in the XIX–XX century literature _____	273

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_8

EDN: ZUMJCG

Дискурс власти и интеллигенции в творчестве И. А. Бродского

Анна Александровна Федотова

Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. В статье поднимается актуальная проблема анализа важной для творчества И. А. Бродского темы власти. Рассуждения о взаимоотношениях интеллигенции и власти традиционны для русской общественной мысли, между тем этот аспект произведений поэта до сих пор не привлекал внимание исследователей. Для его рассмотрения обратимся к анализу малоизученных текстов Бродского различных периодов его творческой деятельности – небольшой поэмы «Речь о пролитом молоке» (1967), а также стихотворений «Развивая Платона» (1976), «Одному тирану» (1972), «Резиденция» (1983). К анализу будет также привлечено эссе Бродского «О тирании» (1980), в котором писатель в нефикциональной форме высказывает взгляды на интересующую нас научную проблему. В статье используются традиционные методы комплексного филологического анализа текстов, сопоставительный метод, а также элементы интертекстуального и рецептивного анализа. В результате исследования сделан вывод о том, что поэзия Бродского продолжает характерную для отечественной литературной интеллигенции линию критики официальной власти. В его творчестве советская власть представлена как институт подавления человеческой личности, оборотной стороной чего становится возникновение обезличенного коллективного человека, массы. Поэт изображает конфликт между подобным рода обществом и лирическим героем, который оборачивается репрессиями в адрес последнего. Отказываясь от традиционной для писательской интеллигенции XIX века роли учителя и пророка, лирический герой Бродского тем не менее остается единственным носителем нравственной истины, которая оказывается напрямую связанной с духовными ценностями.

Ключевые слова: И. А. Бродский; взаимоотношение власти и интеллигенции; «Речь о пролитом молоке»; «Развивая Платона»; «Одному тирану»; «Резиденция»; «О тирании»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Федотова А. А. Дискурс власти и интеллигенции в творчестве И. А. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 8–14. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_8. <https://elibrary.ru/ZUMJCG>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Discourse between authorities and intelligentsia in I. A. Brodsky's works

Anna A. Fedotova

Doctor of philological sciences, associate professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Abstract. The article raises a topical problem of analyzing the theme of power, which is important in I. A. Brodsky's creative work. The discourse on the relationship between the intelligentsia and the authorities is traditional for Russian public thinking, although this aspect of the poet's works has not yet attracted the attention of the researchers. To consider this issue, the author turns to the analysis of Brodsky's texts from different periods which haven't been studied enough – a small poem *Speech Over Spilled Milk* (1967), as well as the poems *Developing Plato* (1976), *To a Tyrant* (1972), and *The Residence* (1983). The analysis also involves Brodsky's essay *On Tyranny* (1980), in which the writer expresses his views on the scientific problem concerned in a nonfictional form. The article uses traditional methods of complex philological textual analysis, comparative method, as well as some elements of intertextual and receptive analysis. The conclusion of the research is that Brodsky's poetry continues the trend of criticizing the official authorities, which is characteristic of the Russian literary intelligentsia. In the poet's work, Soviet power is presented as an institution for suppressing the human personality, the reverse side of which is the emergence of an impersonal collective man, the crowd. The poet shows the conflict between such a society and the lyrical hero, where the latter suffers from repression. Rejecting the traditional role of teacher and prophet for the 19th century intelligentsia, Brodsky's lyrical hero remains the only bearer of moral truth which appears to be directly related to spiritual values.

Key words: I. A. Brodsky; the relationship between authorities and intelligentsia; *Speech over Spilled Milk*; *Developing Plato*; *To a Tyrant*; *The Residence*; *On Tyranny*

The study was supported by the Russian science foundation grant No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

For citation: Fedotova A. A. Discourse between authorities and intelligentsia in I. A. Brodsky's works. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4): 8–14. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_8. <https://elibrary.ru/ZUMJCG>

Введение

Творчество И. А. Бродского сегодня активно привлекает внимание исследователей. Значимым шагом в изучении наследия поэта стал выход его биографии, написанной Л. Лосевым [Лосев, 2008], а также замечательной монографии Б. Янгфельдта [Янгфельдт, 2011], посвященной нравственным и философским исканиям автора. Широко исследуются проблемы поэтики Бродского, который давно уже признан одним из самых сложных для восприятия и интерпретации поэтов XX века: многочисленны статьи, авторы которых не устают находить у Бродского те или иные интертекстуальные отсылки [Ахапкин, 2018]; [Богданова, Власова, 2021]; [Бурая, Богданова, 2022], [Гудониене, 2000]; [Ранчин, 2001]; [Ishov, 2017], изучаются формальные особенности лирики Бродского [Шерп, 2002], особенности циклообразования в его творчестве [Богомолов, 2004]; [Бурая, 2021], коммуникативные стратегии письма [Чаунина, 2019].

Между тем, значительный объем наследия поэта, а также частая герменевтическая «закрытость» его текстов делают осмысление его творчества еще далеким от завершения. Так, внимание исследователей до сих пор не привлекала тема, заявленная в заглавии данной статьи, а именно вопрос о том, как изображается Бродским «вечная» для российского общества проблема взаимоотношения власти и интеллигенции. Для ответа на него обратимся к анализу малоизученных текстов Бродского различных периодов его творческой деятельности – небольшой поэмы «Речь о пролитом молоке» (1967), а также стихотворений «Развивая Платона» (1976), «Одному тирану» (1972),

«Резиденция» (1983). К анализу будет также привлечено эссе Бродского «О тирании» (1980), в котором писатель в нефикциональной форме высказывает взгляды на интересующую нас научную проблему.

Основная часть

Взаимоотношение интеллигенции и власти – традиционная тема русской общественной мысли. Впервые остро она встала в русской культуре XIX в., особенно в его второй половине, когда началось активное формирование общественной прослойки, занятой умственным трудом. Отношение власти к интеллигенции в России было двойственным и строилось по принципу «притяжение» – «отталкивание»: стремление государства поставить мыслящий слой общества себе на службу сочеталось с желанием ограничить развитие личности и гражданские свободы. Особенно ярко подобная неоднозначность проявилась в годы советского режима, когда на интеллигенцию была возложена миссия по оправданию любых действий власти, а инакомыслие преследовалось. Своего апофеоза преследование инакомыслящих достигло в годы тоталитаризма, хотя еще в 1921 году, предчувствуя направление, в котором движется общество, О. Мандельштам писал: «Нельзя дышать и твердь кишит червями / И ни одна звезда не говорит» [Мандельштам].

И. А. Бродский начал свою творческую деятельность в годы оттепели, которые характеризовались ослаблением государственного преследования граждан, несогласных с направлением его политики. Массовые аресты, лагеря и расстрелы остались в прошлом, вместе с осуждением «куль-

та личности» Сталина. Между тем, взаимоотношения поэта с советской властью стали примером того, что и в 1960-е гг. аппарат государственных репрессий продолжал функционировать, пусть и в меньшей степени, чем в предшествующие годы.

Уже с двадцатилетнего возраста Бродский попал в поле внимания ленинградского комитета государственной безопасности, а в 1963 году началась активная общественная травля поэта (публикация статьи «Окололитературный трутень» в газете «Вечерний Ленинград»). Ее следствием стал быстрый арест Бродского в начале 1964 года и скорый судебный процесс, в результате которого молодой поэт был приговорен к самому суровому наказанию, которое предусматривала статья «о тунеядстве», — пятилетней ссылке и принудительному труду. Хотя благодаря общественной кампании по освобождению Бродского при активном участии Анны Ахматовой срок его ссылки был сокращен до полутора лет, преследования со стороны власти оставили тяжелый след на здоровье поэта, положив начало сердечной болезни, которая впоследствии привела к его ранней смерти.

Вскоре после возвращения из ссылки, в январе 1967 года, Бродский пишет небольшую поэму «Речь о пролитом молоке» (об этой поэме подробнее см., например, [Федотова]), которая является ярким примером его размышлений о проблемах советского общества и государственной власти и о роли художественной интеллигенции в сложившихся условиях жизни. Поэма достаточно сильно выделяется на общем фоне раннего творчества Бродского. Хотя ее автор и подвергался преследованиям со стороны власти, его творчество осуждалось не за высказывания против государственного строя, а за индивидуализм и пессимизм лирики, которые не должны проявляться в произведениях советского поэта. Между тем, «Речь о пролитом молоке» остро социальна и довольно явно выражает протестные настроения поэта.

Уже в пятой строфе ярко изображается конфликт лирического героя и государственной репрессивной машины:

Я факта в толк не возьму простого,
как дожил до Рождества Христова
Тысяча Девятьсот Шестьдесят Седьмого.
Двадцать шесть лет непрерывной тряски,
рытья по карманам, судейской таски,
ученья строить Закону глазки,
изображать немого [Бродский, 2001а, с. 180].

Несмотря на гиперболу («двадцать шесть лет непрерывной тряски»), которая усиливает эмоциональное напряжение текста, фрагмент предельно автобиографичен. Бродский отсылает читателя к наиболее трагичным событиям собственной биографии, откровенно подчеркивая и психологические изменения, которые являются неотъемлемыми спутниками тоталитарного подавления личности: «ученья строить Закону глазки, изображать немого».

Конфликт личности и власти в поэме постепенно трансформируется в противостояние лирического героя и общества в целом. Бродский не случайно двукратно подчеркивает время создания поэмы: и точной датой в конце текста (14 января 1967 года), и в самом произведении, употребляя каждое слово с заглавной буквы («Тысяча Девятьсот Шестьдесят Седьмого»). Важность исторического контекста подчеркивается краткой и ироничной картиной эпохи:

То есть все основания быть спокойным.
Никто уже не кричит: «По коням!»
Дворяне выведены под корень.
Ни тебе Пугача, ни Стеньки.
Зимний взят, если верить байке.
Джугашвили хранится в консервной банке.
Молчит орудие на полубаке [Бродский, 2001а, с. 180–181].

Общество 1960-х гг. характеризуется Бродским как максимально стабильное, среди его главных достижений поэт подчеркивает отсутствие военных действий («никто уже не кричит: «По коням!»»), «молчит орудие на полубаке») и народных волнений («Ни тебе Пугача, ни Стеньки»), ликвидацию социального неравенства («Дворяне выведены под корень»), наконец, отречение от тоталитаризма («Джугашвили хранится в консервной банке»). В свойственной афористичному стилю поэмы манере Бродский лаконично подытоживает:

Жизнь вокруг идет как по маслу.
(Подразумеваю, конечно, массу.)
Маркс оправдывается. Но, по Марксу,
давно пора бы меня зарезать [Бродский, 2001а, с. 180].

В этом фрагменте явно прослеживается противостояние индивидуального «Я» лирического героя («давно пора бы меня зарезать») и коллективного «мы» советского общества («подразумеваю, конечно, массу»).

Отрицание важного для советской идеологии коллективизма и противопоставление ему личностной неповторимости звучит и в выражении, являющемся перефразированием знаменитого лозунга французской революции 1789 года «Свобода, равенство, братство»: «Равенство, брат, исключает братство» [Бродский, 2001а, с. 181]. Поэт проблематизирует понятие равенства, видя за ним опасность обезличивания.

Характерно, что заявленная в «Речи о пролитом молоке» идея о единстве в подавлении личности лирического героя репрессивной государственной власти и обезличенной массы народа звучит и в более позднем стихотворении Бродского «Развивая Платона» (1976). Обращаясь к идеям Платона об идеальном государстве, Бродский создает образ идеального города, «где река высывалась бы из-под моста, как из рукава — рука, и чтоб она впадала в залив, растопырив пальцы, как Шопен, никому не показывавший кулака» [Бродский, 2001б, с. 122]. Этот город, как и советское государство в «Речи о пролитом молоке», является воплощением стабильности, что выражается, в частности, в образе остановившегося времени:

Время, текущее в отличие от воды
горизонтально от вторника до среды,
в темноте там разглаживало бы морщины
и стирало бы собственные следы [Бродский,
2001б, с. 123].

Между тем, стабильность оборачивается в стихотворении господством абсолютного тоталитаризма (неслучайно в произведении встречается лейтмотивный для творчества Бродского образ тирана «Тиран ему аплодировал в ложе» [Бродский, 2001б, с. 122]), результатом которого в итоге вновь становятся репрессивные действия по отношению к лирическому герою:

И когда бы меня схватили в итоге за шпионаж,
подрывную активность, бродяжничество,
менаж-
а-трау, и толпа бы, беснуясь вокруг, кричала,
тыча в меня натруженными указательными:
«Не наш!»
[Бродский, 2001б, с. 124]

В стихотворении «Развивая Платона», также, как и в «Речи о пролитом молоке», присутствует идея о глубинной общности между тиранией и охлократией. Характерно, что об обеих этих формах правления рассуждал Платон в своем диалоге «Государство», считая их отступлением от идеальной нормы и называя тиранией несправедли-

вую власть одного над всеми, а охлократией — крайнюю форму демократии, или власти не обладающего необходимым уровнем дохода народа [Платон]. Для Бродского обе эти формы взаимобусловлены и взаимосвязаны, так как власть тирана приводит к обезличиванию народа, превращению его в массу, а безличная масса, в свою очередь, жаждет поставить своим лидером именно тирана.

Показательно в этой связи возникновение в кульминации текста именно образа «толпы», вновь безусловно противопоставленной лирическому герою. Ситуация «беснующейся» толпы, «тыкающей» своими «натруженными» пальцами (эта деталь также характерна, вспомним обвинения в ту-неядстве, которые вменяли Бродскому на суде) в лирического героя отсылает к архетипическому для русской культуры сюжету о суде над Христом, когда толпа также кричала Пилату «распни», как в «Развивая Платона» она кричит «не наш!». Деление на «наших» и «не наших» также глубоко интертекстуально и укоренено в русской литературе, достаточно упомянуть роман Ф. М. Достоевского «Бесы», где именно лексема «наши» стала самонаименованием губительных для России сил: «Мы проникнем в самый народ. Наши не только те, что режут и жгут, да делают классические выстрелы или кусаются» [Достоевский].

Мысль о том, что любые формы тирании, включая современную ему советскую власть, не приемлют индивидуализма, весьма близка Бродскому и звучит, например, в его знаменитом эссе «О тирании». Слова из этого эссе, кажется, напрямую пересекаются с финалом «Развивая Платона», в котором единственным чужаком в идеальном государстве оказывается сам лирический герой: «Вот этим и занимается тирания: организует для вас вашу жизнь. Делает она это с невозможной тщательностью, уж безусловно лучше, чем демократия. К тому же она делает это для вашей же пользы, ибо любое проявление индивидуализма в толпе может быть опасно: прежде всего для того, кто его проявляет, но и о том, кто стоит рядом, тоже надо подумать» [Бродский, 2001в, с. 90–91].

Свойственное лирике Бродского понимание единства тоталитарной власти и обезличенной массы народа приводит к тому, что поэт отказывается от традиционной для русской литературной интеллигенции XIX века миссии общественного просветителя, как это прямо звучит в «Речи о пролитом молоке»: «Я не занят, в общем, чужим блаженством. Это выглядит красивым жестом» [Бродский, 2001а, с. 184]. Показательно, что поэт

резко дистанцирует себя от писателя, который настойчиво и последовательно позиционировал себя народным учителем: «Пусть закроется – где стамеска! – яснополянская хлебoreзка! Непротивление, панове, мерзко» [Бродский, 2001a, с. 189]. Несогласие с идеями Л. Н. Толстого о непротвлении злу насилием звучит в поэме призывом к активному протесту против существующих в обществе проблем.

Центральной проблемой современности, по мнению Бродского, как оно выражено в «Речи о пролитом молоке», выступает нравственная деградация:

Сейчас экономика просто в центре.
Объединяет нас вместо церкви,
объясняет наши поступки [Бродский, 2001a,
с. 182].

Приоритет материального над духовным в сегодняшнем обществе выражается в поэме в постоянном обращении к мотиву денег:

Блеск презираемого металла <...>
приятней, чем пустота в карманах,
проще, чем чехарда тиранов,
лучше цивилизации наркоманов,
общества, выросшего на шприцах [Бродский,
2001a, с. 182-183].

Помимо власти денег, современными людьми движет погоня за удовольствиями, мысль о которой в образной форме выражена Бродским через метафору наркомании:

Кайф, состояние эйфории,
диктовать нам будет свои законы.
Наркоманы прицепят себе погоны.
Шприц повесят вместо иконы
Спасителя и Святой Марии [Бродский, 2001a,
с. 185].

Говоря о власти денег и власти удовольствий над современным человеком, Бродский активно обращается к религиозным образам («церковь», «иконы Спасителя и Святой Марии»). Вспоминая о традиционных этических ценностях, поэт тем самым берет на себя характерную для русского интеллигента миссию художника как носителя нравственной истины. Показательно, что в своем утверждении религиозных ценностей Бродский вновь противопоставляет себя коммунистическому советскому государству:

Нынче поклонники оборота
«Религия – опиум для народа»
поняли, что им дана свобода,
дожили до золотого века.
Но в таком реестре (издержки слога)
свобода не выбрать – весьма убога.
Обычно тот, кто плюет на Бога,
плюет сначала на человека [Бродский, 2001a,
с. 187].

Конфликт между коллективной массой и личностью теперь реализуется на уровне индивидуальной веры, а необходимость существования в человеке духовных ценностей утверждается в виде нравственной максимы: «Обычно тот, кто плюет на Бога, плюет сначала на человека».

Показательно, что сохранение за лирическим субъектом роли хранителя нравственных ценностей свойственно и другим стихотворениям Бродского, посвященным теме власти. Пожалуй, среди наиболее ярких примеров – «Одному тирану» и «Резиденция». В стихотворении «Одному тирану», также, как и в стихотворении «Развивая Платона», создается идеализированный образ общества, в котором тиран и народ едины:

Когда он входит, все они встают.
Одни – по службе, прочие – от счастья.
Движением ладони от запястья
он возвращает вечеру уют [Бродский, 2001b, с. 9].

Тиран вновь показан в неофициальной обстановке: если в стихотворении «Развивая Платона» он аплодировал в опере, то теперь он, «примостившись в кресле» [Бродский, 2001b, с. 9] (характерно, конечно, слово «примостившись», передающее особенную атмосферу уюта) пьет кофе и ест рогалик в кафе. И вновь лишь лирический субъект является носителем памяти о том, что находится за плечами столь «дружелюбно» описанного тирана:

Он здесь бывал: еще не в галифе –
в пальто из драпа; сдержанный, сутулый.
Арестом завсегдаев кафе
покончив позже с мировой культурой [Бродский, 2001a, с. 9]

Характерна аллюзия Бродского на судьбу пострадавшего от Сталина и погибшего в результате репрессий представителя литературной интеллигенции О. Э. Мандельштама («тоска по мировой культуре», как известно, формула, предложенная

им как точная характеристика акмеизма). Оброненная в стихотворении Бродского словно мимоходом и облеченная в форму деепричастного оборота фраза о том, что власть фактически уничтожила в своей стране интеллигенцию, в очередной раз ярко демонстрирует глубоко близкую Бродскому идею о том, что если несправедливая власть может обрести единство с обезличенной массой народа, она никогда не может найти общий язык с мыслящими индивидуальностями, кем и являются интеллигенты.

В стихотворении «Резиденция», в отличие от уже проанализированных, тиран изображен Бродским наедине с самим собой. Если в стихотворении «Развивая Платона» перед читателем был изображен идеальный город, то теперь Бродский изображает идеальный дом, идеальную «резиденцию» на лоне природы:

Но уютней всего в восточном – его – крыле.
В окнах спальни синее ольшаник,
не то орешник,
и сверчок верещит, не говоря уже
о скворешнях
с их сверхчувствительными реле [Бродский].

Как и в стихотворении «Одному тирану», в «Резиденции» звучит лишь одна, зато очень резкая, диссонирующая с общей идиллической картиной нота, и если в первом случае она была включена поэтом в начало текста, то теперь она заключает произведение:

И ничто так не клонит в сон,
как восьмизначные цифры, составленные
в колонку,
да предсмертные вопли сознавшегося во всем
сына, записанные на пленку [Бродский].

В «Резиденции», как и в «Одному тирану», отсутствует прямо выраженный конфликт между лирическим героем и властью, каким он был представлен в текстах «Речь о пролитом молоке» и «Развивая Платона». Теперь лирический субъект проявляет себя через саму логику текста, вновь и вновь напоминая читателю о том, что любая несправедливая власть глубоко безнравственна по своей сути. Финал «Резиденции», в котором тиран оказывается убийцей не только по отношению к своим «врагам», но и по отношению к собственному сыну (деталь, кстати, вполне исторически точная, достаточно вспомнить Ивана IV Грозного или даже Ирода I), становится ярким аккордом в жестоких размышлениях поэта.

Заключение

Поэзия Бродского продолжает характерную для отечественной литературной интеллигенции линию критики официальной власти. В его творчестве советская власть представлена как институт подавления человеческой личности, оборотной стороной чего становится возникновение обезличенного коллективного человека, массы. Поэт изображает конфликт между подобного рода обществом и лирическим героем, который оборачивается репрессиями в адрес последнего. Отказываясь от традиционной для писательской интеллигенции XIX века роли учителя и пророка, лирический герой Бродского тем не менее остается единственным носителем нравственной истины, которая оказывается напрямую связанной с духовными ценностями, что заставляет вспомнить слова Д. С. Мережковского о том, что «Сила русской интеллигенции – не в intellectus'e, то есть не в уме, а в сердце и совести» [Мережковский].

Библиографический список

1. Ахапкин Д. «Источники света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37–56.
2. Богданова О. В., Власова Е. А. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) // Научный диалог. 2021. № 8. С. 129–148.
3. Богомолов Н. О двух «рождественских стихотворениях» И. Бродского // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. Москва: НЛЮ, 2004. С. 478–485.
4. Бродский И. Резиденция. URL: <https://www.culture.ru/poems/30819/rezidenciya> (дата обращения: 20. 04. 2023).
5. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001а. 440 с.
6. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001б. 312 с.
7. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 5. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001в. 376 с.
8. Бурая М. А., Богданова О. В. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в «Я был только тем, чего» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 17–27.
9. Бурая М. А. Стихотворение «Presepìo» в контексте рождественского цикла И. Бродского // Acta eruditorum. 2021. Вып. 37. С. 6–16.
10. Гудониене В. «Рождественская звезда» в контексте евангельских стихов И. Бродского // Славянские чтения. Даугавпилс, 2000. № 1. С. 195–201.
11. Достоевский Ф. М. Бесы. URL: <https://ilibrary.ru/text/1544/p.73/index.html> (дата обращения: 05. 06. 2023).
12. Лосев Л. В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. Москва: Молодая гвардия, 2008. 479 с.

13. Мандельштам О. Э. Концерт на вокзале. URL: <https://rustih.ru/osip-mandelshtam-koncert-na-vokzale/> (дата обращения: 05.06.2023).
14. Мережковский Д. С. Грядущий хам. URL: <http://merezkovski.ru/proizved/ham7.php> (дата обращения: 05.06.2023).
15. Платон. Государство. URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/gos01.htm> (дата обращения: 05.06.2023).
16. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. Москва : НЛО, 2001. 462 с.
17. Федотова А. А. От Луция Аннея Сенеки к Карлу Марксу: советская эпоха в «Речи о пролитом молоке» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1. С. 28–35.
18. Чаунина Н. В. Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» // Научный диалог. 2019. № 6. С. 232–241.
19. Шерр Б. Строфика Бродского: новый взгляд // Как работает стихотворение Бродского. Москва : НЛО, 2002. С. 269–299.
20. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. Москва: Издательский дом: Астрель, CORPUS, 2011. 367 с.
21. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. P. 121–163.
22. Buraja M. A., Bogdanova O. V. Sverhtekstovoe edinstvo rozhdestvenskogo, ital'janskogo i ljubovnogo pretekstov v «Ja byl tol'ko tem, chego» I. Brodskogo = Supertextual unity of the Christmas, Italian and love pretexts in I. Brodsky's «I Was Only What» // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 17–27.
23. Buraja M. A. Stihotvorenje «Presepio» v kontekste rozhdestvenskogo cikla I. Brodskogo = The poem «Presepio» in the context of I. Brodsky's Christmas cycle // Acta eruditorum. 2021. Vyp. 37. S. 6–16.
24. Gudoniene V. «Rozhdestvenskaja zvezda» v kontekste evangel'skih stihov I. Brodskogo = «The Christmas Star» in the context of I. Brodsky's gospel poems // Slavjanskije chtenija. Daugavpils, 2000. № 1. S. 195–201.
25. Dostoevskij F. M. Besy. = Demons. URL: <https://ilibrary.ru/text/1544/p.73/index.html> (дата обращения: 05.06.2023).
26. Losev L. V. Iosif Brodskij: opyt literaturnoj biografii. = Joseph Brodsky: a literary biography experience. Moskva : Molodaja gvardija, 2008. 479 s.
27. Mandel'shtam O. Je. Koncert na vokzale = A concert at the station. URL: <https://rustih.ru/osip-mandelshtam-koncert-na-vokzale/> (дата обращения: 05.06.2023).
28. Merezkovskij D. S. Grijadushhij ham = The Coming Ham. URL: <http://merezkovski.ru/proizved/ham7.php> (дата обращения: 05.06.2023).
29. Platon. Gosudarstvo. = The State. URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/gos01.htm> (дата обращения: 05.06.2023).
30. Ranchin A. «Na piru Mnemosyny»: interteksty Brodskogo. = At Mnemosyne's Feast: Brodsky's intertexts. Moskva : NLO, 2001. 462 s.
31. Fedotova A. A. Ot Lucija Anneja Seneki k Karlu Marksu: sovetskaja jepoha v «Rechi o prolitom moloke» I. Brodskogo = From Lucius Annaeus Seneca to Karl Marx: The Soviet Era in I. Brodsky's Speech over Spilled Milk // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. № 1. S. 28–35.
32. Chaunina N. V. Osobennosti voploshhenija kommunikativnyh strategij v stihotvorenii I. Brodskogo «Rech' o prolitom moloke» = Features of implementing communicative strategies in I. Brodsky's poem Speech over Spilled Milk // Nauchnyj dialog. 2019. №6. S. 232–241.
33. Sherr B. Strofika Brodskogo: novyj vzgljad = Brodsky's strophic structure: a new look // Kak rabotaet stihotvorenje Brodskogo. Moskva : NLO, 2002. S. 269–299.
34. Jangfel'dt B. Jazyk est' Bog. Zаметki ob Iosife Brodskom. = Language is God. Notes on Joseph Brodsky. Moskva : Izdatel'skij dom: Astrel', CORPUS, 2011. 367 s.
35. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. P. 121–163.

Reference list

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.
The article was submitted on 15.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_15

EDN: ZZOLIJ

Сопоставительный анализ чернового и окончательного вариантов рассказа

В. А. Сосноры «Человек и лошадь»

Екатерина Владимировна Болнова

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

eka332@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4956-642X>

Аннотация. В статье впервые рассматриваются черновые материалы рассказа В. А. Сосноры «Человек и лошадь», на данный момент не опубликованные и хранящиеся в архиве Российской национальной библиотеки. Используются сравнительно-исторический, культурно-исторический, описательный, формальный, биографический методы литературоведческого исследования. Кроме того, привлекаются методы текстологического анализа при изучении черновых вариантов произведения. Прослеживается творческий путь рассказа «Человек и лошадь», анализируются вносимые автором изменения в единственный доступный на данный момент черновой вариант. Внимание уделяется стилистическим, лексическим, синтаксическим расхождениям между черновиком и опубликованным текстом. Анализируются изменения в системе образов. Рассказ «Человек и лошадь» является показательным примером, позволяющим проследить эволюцию текста, опирающегося на биографическую основу. Это, в свою очередь, делает возможным проникновение в творческую лабораторию писателя. Данное исследование является важным шагом в анализе жанровых особенностей рассказов и повестей, включенных самим В. А. Соснорой в том «Вторая проза» при составлении последнего прижизненного трехтомника. Для автора не так значима достоверность изображаемых в тексте событий, как достоверность выведенных характеров, что становится очевидным при сопоставительном анализе чернового и окончательного вариантов рассказа «Человек и лошадь». Речь прежде всего идет о Григории (Самуиле) Шихеле. Уже в черновике очевидно стремление В. А. Сосноры к введению в текст различных вариантов толкования одних и тех же событий, что сигнализирует о значимости данного приема. Таким образом, вариативность в толковании событий выделяется как основной принцип, объединяющий тексты, включенные В. А. Соснорой во второй том прозы.

Ключевые слова: проза В. А. Сосноры; историческая проза; архивные материалы; черновые варианты; рассказ «Человек и лошадь»; текстология; варианты текста

Для цитирования: Болнова Е. В. Сопоставительный анализ чернового и окончательного вариантов рассказа В. А. Сосноры «Человек и лошадь» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 15–23. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_15. <https://elibrary.ru/ZZOLIJ>

Original article

Comparative analysis of the draft and the final version of V. A. Sosnora's story

The Man and the Horse

Ekaterina V. Bolnova

Candidate of philological sciences, senior lecturer at the department of russian literature, National research Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. 603950 Nizhni Novgorod, Gagarin pr., 23

eka332@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4956-642X>

Abstract. The article is the first attempt to consider the draft materials of V. A. Sosnora's story The Man and the Horse, yet unpublished and stored in the archive of the Russian National Library. The author uses comparative-historical, cultural-historical, descriptive, formal, and biographical methods for the research, as well as the methods of textual analysis for studying the drafts of the work. The article contains the evolution of the story The Man and the Horse and analyzes the changes made by the author to the only draft version available at the moment. Special attention is paid to stylistic, lexical and syntactic differences between the draft and the published text as well as to the changes in

the system of images. The short story *The Man and the Horse* is an illustrative example, showing the evolution of a biography-based text. This, in turn, makes it possible to penetrate into the creative laboratory of the writer. This study is an important step in analyzing the genre features of the short stories and novellas included by V. A. Sosnora himself in the volume «Second Prose» when compiling his last three-volume edition. For the author, the credibility of the events described in the text is not as important as the credibility of the characters, which becomes evident in a comparative analysis of the draft and final versions of the story *The Man and the Horse*. It is primarily about Grigory (Samuel) Shikhel. Even in the draft, V. A. Sosnora's intention to introduce different interpretations of the same events into the text is evident, which indicates the significance of this technique. Thus, variability in interpreting events stands out as the main principle uniting the texts included by V. A. Sosnora in the second volume of his prose.

Key words: V. A. Sosnora's prose; historical prose; archival materials; draft versions; the story *The Man and the Horse*; textual criticism; text variants

For citation: Bolnova E. V. Comparative analysis of the draft and the final version of V. A. Sosnora's story *The Man and the Horse*. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):15–23. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_15. <https://elibrary.ru/ZZOLIJ>

Введение

Проза В. А. Сосноры – явление в русской литературе самобытное, интересное и малоизученное. Я. Гордин справедливо отмечает, что перед нами «проза поэта» [Гордин, 1986, с. 5], что необходимо учитывать и читателям, и исследователям. Исторической прозой В. А. Сосноры наиболее последовательно занимается В. В. Биткинова [Биткинова 2019а; 2019б; 2018а; 2018б; 2017; 2015а; 2015б; 2014; 2013], также стоит отметить и крайне содержательные статьи И. В. Ащеуловой [Ащеулова, 2012], К. М. Балашова-Ескина [Балашов-Ескин, 2018]. Роман «Башня» является объектом исследования в статье О. Соколовой [Соколова, 2019], символика чисел в некоторых прозаических произведениях – статьи К. Ичин [Ичин, 2019].

Рассказ «Человек и лошадь», написанный В. А. Соснорой в конце 60-х г. и опубликованный лишь в 2009 г. в журнале «Дети Ра», вошел во второй том прозы последнего прижизненного издания произведений автора. На данный момент объектом исследования текст становился лишь единожды – в статье, посвященной литературным и мифологическим источникам рассказа [Болнова, 2021]. Попытки проследить его творческую судьбу неизбежно ведут к черновикам данного произведения.

Методы исследования

В архиве Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранится восемь авторизованных машинописных листов с авторскими правками, датированных 1975 годом. В них содержится неполный черновик интересующего нас рассказа.

Анализ правок, вносимых В. А. Соснорой, позволит проникнуть в творческую лабораторию писателя и понять, в каком направлении двигалась его мысль при работе с текстом произведения.

Представленный в РНБ черновик обрывается на эпизоде, рассказывающем историю необычной дружбы Самуила Шихеля и кобылы Магды. Основной каркас чернового текста не отличается от окончательного варианта, правки затрагивают лишь отдельные фразы, предложения, обороты, зачастую носят стилистический характер, что наталкивает на мысль о двух возможных вариантах предыстории рассказа: либо перед нами хронологически не первый вариант черновика, либо данная история уже была где-то зафиксирована до этого. Например, в более ранних дневниках В. А. Сосноры, которые он часто использовал и в качестве творческой лаборатории. Оба варианта позволяют логически объяснить столь малое количество исправлений. Таким образом, основными методами, используемыми в работе, будут сравнительно-исторический, культурно-исторический, описательный, формальный, биографический методы литературоведческого исследования. Кроме того, привлекаются методы текстологического анализа при изучении черновых вариантов произведения.

Результаты исследования

Прежде всего, обратившись к самому началу текста, мы видим, что в черновике отсутствует отчество главного героя, которое появляется в окончательном варианте. Обращаясь к вопросу о прототипе Самуила Шихеля, отметим, что, вероятнее всего, им является друг детства В. А. Сосноры – Григорий Михайлович Шихель. Отчество литературного героя – Мовшевич – происходит от имени Мовша – украинской версии идишского имени Мойше, которое получилось из Моше (на иврите). По-русски это имя Моисей. Отчество Григория Шихеля – Михайлович, что, конечно, не тождественно, но несколько созвучно отчеству Мовшевич. Такая замена подтверждает гипотезу о том, что В. А. Соснора стремится подчеркнуть еврейское происхождение

ние своего героя. А вот деда Григория Шихеля, действительно, звали Моисей Блюмберг.

Сразу за экспозиционным диалогом в черновике рассказа В. А. Соснора от руки дописал характеристику Самуила Шихеля, так и не вошедшую в окончательную редакцию: «сам себе ставит отметки в дневник» [Соснора РНБ, л. 1]. Будучи введенной в текст, она указывала бы на неоднозначность и противоречивость характера главного героя: с одной стороны, его независимость и самостоятельность, в том числе и в оценке самого себя, с другой стороны, подобный поступок все же нельзя назвать честным. Возможно, данная деталь показалась самому автору несоответствующей характеру литературного героя, который вряд ли стал бы переживать по поводу отметок в дневнике, и не была включена в окончательную редакцию.

Следующим отличием изданного текста от чернового варианта в первых строках будет включение в него истории предыдущего школьного учителя Самуила Шихеля: «Новенькая учительница, с университетским значком, заменившая учителя украинского языка и литературы, Героя Советского Союза, но, как оказалось на самом деле – „врага народа” и „бандеровца”...» [Соснора, 2018, с. 443]. Включение приведенного небольшого фрагмента в самое начало окончательной редакции уже обозначает проблему власти и человека, ставшую одной из центральных во второй части рассказа. Судьба учителя найдет зеркальное отражение в истории Командующего, которого сначала «посадили, как агента какой-то разведки» [Соснора, 2018, с. 447], а потом «реабилитировали и объяснили общественности, что он никакой не агент, а герой-генерал, а за несправедливые и несвоевременные тюрьмы дали несколько орденов и медалей и республиканскую пенсию» [Соснора, 2018, с. 447].

В первую главу В. А. Соснора вносит еще ряд изменений. Так, эпизод с пощечиной учительнице в черновике выглядит следующим образом: «Шихель вздыхает, поправляет галстук, снимает с правой руки перстень, подходит к учительнице и наотмашь бьет ее по лицу, не куда попало, а по щеке, учительница взвизгивает от ужаса, вспархивает и летит к директору» [Соснора РНБ, л. 1]. В окончательном варианте отсутствует деталь, связанная с перстнем, который снимает Шихель, и вводится более яркое описание галстука главного героя: «...поправляет застиранный галстук в полоску...» [Соснора, 2018, с. 444]. Сопоставление изменений позволяет сделать вывод, что

В. А. Соснора делает акцент на бедности Шихеля, устраняя детали, вносящие дисгармонию.

Незначительное, но достаточно интересное изменение вносит В. А. Соснора в одну из реплик учительницы в диалоге с директором. Так, в ответ на признание мужчины, что ранее у него с Шихелем произошла аналогичная история, девушка восклицает: «Как, – у учительницы перехватывает дыхание, – и вас тоже» [Соснора РНБ, л. 1]. В этом же черновом варианте автор зачеркивает шариковой ручкой слово «тоже». В окончательном варианте финальное восклицание героини выглядит следующим образом: «Как? – у учительницы перехватывает дыхание, – и... Вас!» [Соснора, 2018, с. 444]. Изменение, внесенное автором, фиксирует смещение акцента: в первоначальном варианте логическое ударение падало на слово «тоже», в то время как во втором случае оно смещается с наречия на личное местоимение, то есть с признака действия на объект.

Следующее отличие связано с образами родителей Самуила Шихеля: в черновом варианте В. А. Соснора пишет: «Его отец – простой наборщик в типографии, а мать уборщица в детском саду» [Соснора РНБ, л. 1]. Однако в этом же черновом варианте автор вносит рукописную правку, зачеркнув место работы матери героя. От руки сверху В. А. Соснора дописал фразу, которая в несколько измененном виде вошла в окончательную редакцию рассказа: «больна и еще сестренка» [Соснора РНБ, л. 1]. Функция данных изменений примерно та же, что и предыдущих – усиление темы бедности главного героя.

Последним отличием чернового варианта первой главы от окончательной редакции является заключительная реплика директора школы в разговоре с учительницей: «Нет, ни один прокурор не возьмется. В СССР нет антисемитизма» [Соснора РНБ, л. 1]. Там же В. А. Соснора делает ряд рукописных правок: заменяет глагол «возьмется» на «берется». А обстоятельство места «В СССР» на аналогичный второстепенный член «У нас» [Соснора РНБ, л. 1]. Не все указанные исправления войдут в окончательную редакцию. Так, В. А. Соснора отказывается от исправления глагола. Можно предположить, что это связано с тем, что глагол «берется» в данном контексте косвенно указывает на то, что директор школы пытался подключить правоохранительные органы, чтобы осудить Самуила Шихеля, что в свою очередь добавляет образу директора малопривлекательные черты. Видимо, это шло в разрез с художественным видением автором данного

персонажа, который, хоть и выведен как герой комический, наделен яркой биографией: «Директор, увешанный, как дерево фруктами, орденами и медалями Отечественной войны, выслушивает девушку по-отечески, как это было принято в то время...» [Соснора, 2018, с. 444].

Вторая глава рассказа открывается перечнем людей, которых бил Самуил Шихель за отказ признавать его национальность. Литературные источники данного перечня уже были проанализированы [Болнова, 2021], обратимся к сопоставлению данного фрагмента текста в черновой и окончательной редакциях. Так, в опубликованном варианте рассказа этот перечень значительно расширен по сравнению с черновиком. Автор добавил в него «биллиардистов», «амнистированных», «драматических актеров, кандидатов наук, артистов цирка, банщиков, бухгалтеров, кассиров, врачей» [Соснора, 2018, с. 444]. Исключил В. А. Соснора лишь два лица: «родителей» [Соснора РНБ, л. 2], заменив их на «пенсионеров и старух» [Соснора, 2018, с. 444] и «героев Советского Союза» [Соснора РНБ, л. 2]. Первое изменение, возможно, связано с подбором более точного слова, ведь неотъемлемой частью характеристики Шихеля является его любовь и жалость по отношению к родителям, которых он вряд ли стал бы бить, поскольку данное поведение не соответствует амплуа борца за справедливость и равенство. По всей видимости, автор, используя слово «родителей», имел в виду людей преклонного возраста, что и было им точно передано с помощью других лексем. Отказ от упоминания «героев Советского Союза», на наш взгляд, вызван исключительно художественными причинами: однородные члены, входящие в перечень, представлены одним или (значительно реже) двумя словами. Единственный раз В. А. Соснора употребляет словосочетание из трех слов при упоминании «секретарей райкома комсомола» [Соснора, 2018, с. 444] в начале перечня. При этом интонация от начала к концу заметно ускоряется, автор отказывается от союзов «и», которые три раза повторяются в начале. Появление в финале перечня (а именно там оно находилось в черновике) словосочетания «героев Советского Союза» означало бы преждевременный сбив нарастающей интонации, которая должна была на самом подъеме завершиться при произнесении обобщающего слова «всех», расшифрованного далее в придаточном предложении «с кем его сводила странная и напряженная судьба...» [Соснора, 2018, с. 444].

Во второй главе также встречаются различия, связанные с местами, выбранными Шихелем для ограбления. В опубликованной версии рассказа автор описывает их следующим образом: «...в несколько ночей наша мафия распотрошила сады двух генералов и четырех крупных партийно-административных работников, потом – сад директора театра им. И. Франко, потом сад внуков Ивана Франко, сад ректора Львовского государственного университета им. И. Франко...» [Соснора, 2018, с. 445]. В черновом варианте отсутствует акцент на имени украинского писателя и революционера, оно упоминается единственный раз, причем автор пишет просто об ограбленном саде Ивана Франко [Соснора РНБ, л. 2]. В. А. Соснора иронизирует над тенденцией присваивать одни и те же имена целому ряду объектов, чаще всего абсолютно не связанных с человеком, чье имя они носят. Ничто не мешает предположить и более глубокий смысл данной детали, связанный с неуместными, по сути, возвеличиванием и мифологизацией тех или иных деятелей культуры и истории.

Следующее отличие касается реакции Самуила Шихеля на осуществляемые набеги. Так, в черновом варианте он «скупое роняет» фразу: «Так себе, могло бы быть и веселее» [Соснора РНБ, л. 2]. В окончательной редакции он «каменно» ронял: «Так себе. Но молодцы – мы» [Соснора, 2018, с. 445]. Замена наречия усиливает экспрессивность и выразительность, кроме того, появляется мотив общности, единства всех ребят, входящих в банду Шихеля, который отсутствовал в первоначальном варианте. То есть молодой человек умело балансирует, манипулируя чувством неудовлетворенности, которое демонстрирует фраза «Так себе», и гордостью, вызванной похвалой предводителя.

Заметной переработке подвергается сцена предательства и последующей за этим поимки героев в саду Командующего: «Нас кто-то предал и этот кто-то, двоечник из нашего класса, двоечник, но превосходный художник.

– Так? – сурово спрашивал непохмеливший после бессонной ночи с девушкой лейтенант. – Так, еле слышно отвечали мы.

Нас допрашивали в подвале, солдаты прикнули штыки и направили на нас, как на врагов народа.

Дошла очередь и до Шихеля.

– Национальность? – спросил лейтенант

– Русский!» [Соснора РНБ, л. 3]. Дальнейшее развитие событий в целом совпадает в обоих ва-

риантах и предопределено экспозицией, благодаря которой читатель понимает, что последует за сомнениями лейтенанта в правдивости ответа Шихеля.

При сопоставлении приведенного отрывка с опубликованным вариантом, становится очевидным, что В. А. Соснора идет по пути детализации описания, вводя подробности, которых изначально не было. Так, появляется образ солдата-узбека, записывающего допрос в блокнот. Пространство подвала также наполняется деталями: «Нас допрашивали в подвале, где стояли ящики с бутылками и висело три бараньих тушки, и пол был посыпан опилками. На веревке висела одна лампочка» [Соснора, 2018, с. 446].

Подробнее прописан и допрос Шихеля, что помогает устранить некоторые вопросы, возникающие после знакомства с черновиком рассказа. Действительно, из него непонятно, почему лейтенант не мог удовлетвориться ответом Шихеля, что он русский, ведь контраст изначально построен на явном несоответствии фамилии героя его национальности. А фамилию лейтенант не спрашивал. В окончательном варианте данные разночтения устранены.

Изменяется и образ предателя. Если в первоначальном варианте это был двоечник, обладающий художественным талантом, то в напечатанном – «отличник из нашего класса, мальчик с первыми усиками» [Соснора, 2018, с. 446]. Конечно, с точки зрения логики художественного произведения и канона жанра детской приключенческой повести, следы которой легко опознаются в данной части произведения, отличник в большей степени подходил на роль предателя. Неясным, правда, остается вопрос о том, почему Шихель принял в свою команду такого человека. Художественной находкой является и появившаяся в окончательном варианте деталь описания внешности отличника: первые жидкие усики придают герою сниженные черты, уничижительный оттенок восприятия.

Остальные изменения, внесенные В. А. Соснорой, менее значительны в семантическом и образном плане и связаны с поиском более точных формулировок, передающих авторский замысел.

Несколько иначе в черновике выглядит и сцена «похищения» шофера Командующего. Так, автор пишет, что банда Шихеля покинула дом Командующего на его машине, в которую солдаты, «взятые в плен», погрузили мешки с собранными фруктами. Уехали они, «усадив в машину

и шофера Командующего. Когда все фрукты были распроданы, Шихель извлек откуда-то бутылку коньяку, мы выпили по грамму с шофером, Шихель обнял шофера и отпустил» [Соснора РНБ, л. 3]. В окончательном варианте автор отказывается от упоминания о совместном распитии спиртных напитков, сделав акцент на классовой солидарности Шихеля и шофера, который не только не помешал ограблению сада Командующего, но и продал на базаре добытые фрукты, за что Шихель был ему искренне благодарен.

В черновом варианте третьей главы содержится предложение, которое не вошло в окончательную редакцию. Абзац, в котором говорится о женитьбе Шихеля на внучке Командующего, после того как самого Командующего «посадили, как агента какой-то разведки» [Соснора, 2018, с. 447], заканчивается описанием следующего фрагмента жизни героя: «Во время борьбы с врачами-вредителями Шихель ходил по поликлиникам и бил врачей» [Соснора РНБ, л. 3]. Можно только предполагать мотивы, по которым В. А. Соснора включает данный эпизод в произведение, а затем отказывается от него. Согласно официальной версии, врачи-вредители были связаны с международной еврейской организацией, курируемой американской разведкой. Однако к 1975 году, которым датирован черновой вариант рассказа «Человек и лошадь», все арестованные по «делу врачей» были освобождены и реабилитированы. Художественная мотивировка поступков Шихеля в данном случае может быть различной. Во-первых, это может свидетельствовать о его наивной доверчивости и убежденности в том, что все, что официально постулируется, должно неукоснительно исполняться. Косвенным подтверждением может служить и его вера в советские директивы. Так, объясняя свои грабительские набеги на чужие сады, Шихель абсолютно серьезно говорит: «У них миллионы, у меня – нуль. СССР – страна социализма» [Соснора, 2018, с. 445]. Во-вторых, поведение Шихеля может быть связано с отказом соглашаться с собственной национальной принадлежностью. Герой считает себя русским и требует того же от окружающих. Причисление к евреям для него – тяжелейшее оскорбление. В любом случае, по всей видимости, автор почувствовал неуместность или художественную недостоверность данной характеристики поведения Шихеля и отказался от нее.

Незначительные изменения связаны с хронологией отправки Шихелем телеграмм с просьбой

к школьному другу приехать во Львов. После одиннадцатилетнего молчания приходит первая телеграмма с текстом: «Приезжай хоронить Шихель». Ностальгия чуть не заставила рассказчика, от лица которого ведется повествование, сразу выехать, хоть он и не поверил в трагическую причину приглашения. Выехать ему помешали дела в издательстве. В данной сюжетной ситуации легко опознаются отголоски рассказа К. Паустовского «Телеграмма», опубликованного в 1946 году в журнале «Огонек».

Через день от Шихеля приходит еще одна телеграмма «уже с восклицательными знаками» [Соснора, 2018, с. 448]. В черновике данного рассказа, хранящемся в РНБ, вторая телеграмма приходит через два дня. В обоих вариантах при этом следующее предложение выглядит одинаково: «Через три дня я поехал» [Соснора, 2018, с. 448]. Весьма вероятно, что в данном случае имеет место разработка приема троекратного повтора, характерного для сказок и былин. Эта гипотеза находит свое подтверждение в финальных строках рассказа: «Я думал: почему он послал телеграмму именно мне и больше никому? <...> Ведь он звал меня хоронить лошадь, еще – не себя...» [Соснора, 2018, с. 454].

Таким образом, в рассказе присутствует две написанные телеграммы (о смерти лошади) и одна ненаписанная (о смерти самого Шихеля). Речь идет о варианте троекратного повтора с нарастанием: первая телеграмма завершается точкой, вторая восклицательным знаком, а третья, подразумеваемая, но ненаписанная является самой страшной и эмоциональной. Поскольку повторение в сказках происходит часто ежедневно, В. А. Соснора и меняет временной промежуток прихода телеграмм с двух дней на один.

Следующее небольшое изменение связано с тем фрагментом текста, в котором описываются ожидания рассказчика, приехавшего во Львов. Он еще ничего не знает о смерти Шихеля и размышляет о смысле полученных телеграмм: «Шихель – авантюрист, я думаю, устроит какой-нибудь юбилейный пир, как устраивал каждый месяц, когда женился, и непременно ему нужно, чтобы наша мафия была в сборе, все и соберутся, а сам в три минуты напьется и будет спать в ванне» [Соснора, 2018, с. 448]. В черновом варианте финальные слова выглядели следующим образом: «...а сам напьется, как танкер „Дербент”» [Соснора РНБ, л. 5]. Данный вариант отсылает к известной повести Ю. Крымова «Танкер „Дербент”» и к одноименному кинофильму, снятому

по мотивам повести. Однако уже в черновом варианте В. А. Соснора отказывается от данного предложения, зачеркнув приведенную фразу ручкой.

Наибольшие изменения в четвертой главе рассказа «Человек и лошадь» коснулись диалога шофера и пассажира в такси, из которого рассказчик узнает о смерти Шихеля, о том, какую роль в этом печальном событии сыграла кобыла Магда. В черновом варианте данный диалог выглядел следующим образом:

- «– Шихель. Самуил Шихель.
- Жид, значит.
- Еврей, конечно.
- И чего он застрелился-то, эх какой файный хлоп был!
- Из-за Магды и застрелился.
- Из-за лошади? Брось. Не без бабы, бажаю!»

[Соснора РНБ, л. 5]

В опубликованном варианте заметно усиление тенденции использования украинского языка в речи шофера. При этом, передавая звуковую оболочку украинских слов, В. А. Соснора использует буквы исключительно русского алфавита, то есть автор использует транслитерацию для передачи украинских лексем. Пассажир отвечает на русском языке, однако оба участника диалога прекрасно понимают друг друга. Столкновение языков напрямую соотносится со столкновением точек зрения на смерть Шихеля: русскоговорящий пассажир уверен, что герой застрелился из-за Магды и пытается осмыслить причины, по которым смерть животного привела и к смерти человека. Украиноговорящий шофер выступает выразителем мнения обывателей, склонных искать причины, лежащие не в столь тонких материях: предполагается наиболее вероятным самоубийство из-за женщины. В финале рассказа появляется еще одна точка зрения, которую озвучивают попутчики рассказчика в поезде: «В купе выпивали и закусывали помидорами и куриными ножками. Говорили об игре в клюшки и о том, что кто-то убил какого-то жокея, чемпиона, сошедшего на нет уже лет семь назад, спившегося и зарабатывающего деньги только на дубляже второстепенных ролей в кинофильмах» [Соснора, 2018, с. 454]. Все приведенные точки зрения существуют вокруг еще одной, приведенной в пятой главе на похоронах Шихеля. Но она также не принадлежит рассказчику, а складывается из речей, произнесенных над могилой героя. В рассказе нигде не дается прямое указание на то, какая версия ближе к ис-

тине, они сосуществуют на равных правах в художественном мире рассказа.

Следующее изменение в четвертой главе затронуло описание родителей Шихеля на похоронах. В черновом варианте рассказчик описывает их следующим образом: «Я сразу же узнал отца и мать Шихеля – они не изменились, такие же вечно старенькие и старомодные (вечно местечковые)» [Соснора РНБ, л. 6]. В окончательном варианте прилагательное «местечковые» было заменено на «еврейские» [Соснора, 2018, с. 450]. При этом данное слово было взято автором в кавычки. Можно предположить, что отказ от первоначального варианта был связан с негативной коннотацией, свойственной слову «местечковый», что было неуместно в отношении родителей Шихеля. Выше уже приводились примеры, подтверждающие, что автор последовательно убирает из текста те элементы, которые не способствовали состраданию и жалости к членам семьи Шихеля. «Еврейскость» родителей героя в эпизоде похорон резко контрастирует с нарочитым отказом их сына принимать свою национальность. Возможно, он отказывался именно от этой вечной «еврейскости», которую и сам пытался в себе изжить. Косвенно данную гипотезу подтверждает и исключенный из окончательной редакции фрагмент, связанный с врачами-вредителями. «Еврейскость» в данном случае – готовность без сопротивления принимать навязываемые кем-то жизненные условия и ситуации как волю кого-то, кто стоит несоизмеримо выше и наделен властью (бог или государство), готовность смириться.

Последнее отличие чернового варианта, хранящегося в РНБ, от опубликованного текста можно отметить в эпизоде, раскрывающем характер дружбы Шихеля и Магды. Так, в первоначальном варианте мы встречаем сравнение, от которого впоследствии автор отказывается: «Они ходили вместе, как друзья детства, даже по улицам» [Соснора РНБ, л. 8]. Метаморфоза в данном случае объясняется художественными причинами, поскольку сравнительный оборот в сочетании с частицей «даже», следующей за ним, затемняет семантику предложения.

Анализируемый черновой вариант включает не весь рассказ, он обрывается на середине пятой главы. Финальным предложением является следующее: «Теперь можно сказать: это было его ампула, его, если так можно выразиться в данном случае, искусство» [Соснора РНБ, л. 8].

Заключение

Рассказ «Человек и лошадь» опирается на биографическую основу: прототипом главного героя является Григорий Шихель – друг детства В. А. Сосноры. Они жили во Львове, предположительно, учились в одной школе. В дневниках и письмах автор часто называл его Буром Великим.

Однако биографическая основа заметно трансформируется при работе над художественным произведением: изменяется имя героя, его судьба (Григорий Шихель эмигрировал в Америку и встречался там с В. А. Соснорой в конце 1980-х гг., умер лишь в 1995 г.). Встает вопрос, что же заставляет автора включить рассказ «Человек и лошадь» во второй том прозы последнего прижизненного собрания сочинений, отредактированного самим В. А. Соснорой. В этот же том вошли исторические повести, рассказы, произведения, базирующиеся на мифологическом материале.

Для автора не так значима достоверность изображаемых в тексте событий (исторические повести многократно подвергались критике за искажения и обилие авторских домыслов), как достоверность выведенных характеров, что становится очевидным, в частности, при сопоставительном анализе чернового и окончательного вариантов рассказа «Человек и лошадь». Речь прежде всего идет о Григории (Самуиле) Шихеле. Уже в черновике очевидно стремление В. А. Сосноры к введению в текст различных вариантов толкования одних и тех же событий, что сигнализирует о значимости данного приема. Данный вывод подтверждается и при анализе последних глав, отсутствующих в черновике. Таким образом, вариативность в толковании событий может быть выделена как основной принцип, объединяющий тексты, включенные В. А. Соснорой во второй том прозы.

Библиографический список

1. Ащеулова И. В. Исторические повести В. Сосноры: проблема понимания и интерпретации текстов истории // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. №1 (17). С. 46–60.
2. Балашов-Ескин К. М. Образ декабристов в повести В. А. Сосноры «Николай» // Вестник государственного гуманитарно-технологического университета. 2018. № 1. С. 52–56.
3. Биткинова В. В. Поэтика портрета в исторической прозе Виктора Сосноры // XVIII век в истории, литературе, искусстве: сборник научных, учебных и методических материалов. Саратов: Издательский центр «Наука», 2019а. С. 101–105.

4. Биткинова В. В. Поэтика портрета в исторической прозе Виктора Сосноры // междисциплинарные связи при изучении литературы: Сборник научных трудов. Том Выпуск 8. Саратов : «Саратовский источник», 2019б. С. 19–29.

5. Биткинова В. В. «Екатерининско-державинская книга» Виктора Сосноры: история создания по материалам переписки автора с Лилей Брик // Г. Р. Державин и диалектика культур: Сборник материалов Международной научной конференции. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018а. С. 90–101.

6. Биткинова В. В. «Две маски» Иоанна Антоновича в эссе Виктора Сосноры: принципы авторской интерпретации исторических и историографических источников // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: филология. Журналистика. 2018б. Т. 18. № 3. С. 331–337.

7. Биткинова В. В. Ученость и политика в исторических эссе Виктора Сосноры об эпохе Екатерины II // Российское университетское образование в первом веке его существования (1755–1855): сборник научных статей VIII Всероссийской научной конференции филологического факультета. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2017. С. 39–45.

8. Биткинова В. В. Текст документа, стиливой диалог и языковая игра в исторических эссе Виктора Сосноры // Вестник томского государственного университета. Филология. 2015а. № 3 (35). С. 135–151.

9. Биткинова В. В. Стернианский код в концепции образа Петра III Виктора Сосноры // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: филология. Журналистика. 2015б. Т. 15. № 1. С. 81–89.

10. Биткинова В. В. «Спасительница отечества» Виктора Сосноры: проблематика и система структурообразующих элементов // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 2. С. 42–54.

11. Биткинова В. В. «Державин до Державина» Виктора Сосноры: смысловой потенциал жанра и композиции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2013. Вып. 13. № 4. С. 80–87.

12. Болнова Е. В. Мифологические и литературные источники повести В. Сосноры «Человек и лошадь» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. №4 (12). С. 25–37.

13. Гордин Я. Литературные варианты исторических событий – что это такое? // Соснора В. А. Властители и судьбы. Ленинград : Советский писатель, 1986. С. 3–7.

14. Ичин К. Виктор Соснора о числах // Новое литературное обозрение. 2019. № 6 (160). С. 281–288.

15. Соколова О. Роман-дневник «Башня» Виктора Сосноры: язык свидетельства и свидетельство языка // Новое литературное обозрение. 2019. № 6 (160). С. 289–302.

16. Соснора В. А. Вторая проза. Санкт-Петербург, Москва : Пальмира, 2018. 711 с.

17. Соснора В. А. «Человек и лошадь». Рассказ правл. авт. машинопись // РНБ. Ф. 1346, Ед. хр. 366.

Reference list

1. Ashheulova I. V. Istoricheskie povesti V. Sosnory: problema ponimaniya i interpretacii tekstov istorii = V. Sosnora's historical novels: the problem of understanding and interpreting historical texts // Vestnik Tomского gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2012. №1 (17). S. 46–60.

2. Balashov-Eskin K. M. Obraz dekabristov v povesti V. A. Sosnory «Nikolaj» = The image of the Decembrists in V. A. Sosnora's story «Nicholas» // Vestnik gosudarstvennogo humanitarno-tehnologicheskogo universiteta. 2018. № 1. S. 52–56.

3. Bitkinova V. V. Pojetika portreta v istoricheskoy proze Viktora Sosnory = Poetics of portrait in Victor Sosnora's historical prose // XVIII vek v istorii, literature, iskusstve: sbornik nauchnyh, uchebnyh i metodicheskikh materialov. Saratov : Izdatel'skij centr «Nauka», 2019a. S. 101–105.

4. Bitkinova V. V. Pojetika portreta v istoricheskoy proze Viktora Sosnory = Poetics of portrait in Victor Sosnora's historical prose // mezhdisciplinarnye svyazi pri izuchenii literatury: Sbornik nauchnyh trudov. Tom Vypusk 8. Saratov : «Saratovskij istochnik», 2019b. S. 19–29.

5. Bitkinova V. V. «Ekaterininsko-derzhavinskaja kniga» Viktora Sosnory: istoriya sozdaniya po materialam perepiski avtora s Lilej Brik = Viktor Sosnora's «Catherine-Derzhavin book»: the history of writing based on the author's correspondence with Lilya Brik // G. R. Derzhavin i dialektika kul'tur: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kazan' : Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet, 2018a. S. 90–101.

6. Bitkinova V. V. «Dve maski» Ioanna Antonovicha v jesse Viktora Sosnory: principy avtorskoj interpretacii istoricheskikh i istoriograficheskikh istochnikov = «Two masks» of Ioann Antonovich in Victor Sosnora's essay: principles of authorial interpretation of historical and historiographical sources // Izvestija saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: filologija. Zhurnalistika. 2018b. T. 18. № 3. S. 331–337.

7. Bitkinova V. V. Uchenost' i politika v istoricheskikh jesse Viktora Sosnory ob jepohe Ekateriny II = Learning and politics in Victor Sosnora's historical essays on the era of Catherine the Great // Rossijskoe universitetskoe obrazovanie v pervom veke ego sushhestvovaniya (1755–1855): sbornik nauchnyh statej VIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii filologicheskogo fakul'teta. Moskva : Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2017. S. 39–45.

8. Bitkinova V. V. Tekst dokumenta, stilevoj dialog i jazykovaja igra v istoricheskikh jesse Viktora Sosnory = Text of documents, style dialog and language play in Victor Sosnora's historical essays // Vestnik tomского gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2012. №1 (17). S. 46–60.

darstvennogo universiteta. Filologija. 2015a. № 3 (35). S. 135–151.

9. Bitkinova V. V. Sternianskij kod v koncepcii obraza Petra III Viktora Sosnory = Sternian code in Victor Sosnora's conception of the image of Peter III // Izvestija saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: filologija. Zhurnalistika. 2015b. T. 15. № 1. S. 81–89.

10. Bitkinova V. V. «Spasitel'nica otechestva» Viktora Sosnory: problematika i sistema strukturoobrazujushhih jelementov = «Savior of the Motherland» by Victor Sosnora: problematics and system of structure-forming elements // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: gumanitarnye nauki. 2014. T. 156. № 2. S. 42–54.

11. Bitkinova V. V. «Derzhavin do Derzhavina» Viktora Sosnory: smyslovoj potencial zhanra i kompozicii = «Derzhavin before Derzhavin» by Viktor Sosnora: genre and composition semantic potential // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2013. Vyp. 13. № 4. S. 80–87.

12. Bolnova E. V. Mifologicheskie i literaturnye istochniki povesti V. Sosnory «Chelovek i loshad'» = Mytho-

logical and literary sources of V. Sosnora's story «The Man and the Horse» // Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal. 2021. № 4 (12). S. 25–37.

13. Gordin Ja. Literaturnye varianty istoricheskikh sobytij – chto jeto takoe? = Literary versions of historical events – what are they? // Sosnora V. A. Vlastiteli i sud'by. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1986. S. 3–7.

14. Ichin K. Viktor Sosnora o chislah = Victor Sosnora on numbers // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 6 (160). S. 281–288.

15. Sokolova O. Roman-dnevnik «Bashnja» Viktora Sosnory: jazyk svidetel'stva i svidetel'stvo jazyka = Victor Sosnora's novel-diary The Tower: the language of testimony and the testimony of language // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 6 (160). S. 289–302.

16. Sosnora V. A. Vtoraja proza = The second prose. Sankt-Peterburg, Moskva : Pal'mira, 2018. 711 s.

17. Sosnora V. A. «Chelovek i loshad'» = «The Man and the Horse». Rasskaz pravl. avt. mashinopis' // RNB. F. 1346, Ed. hr. 366.

Статья поступила в редакцию 17.08.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 17.08.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_24

EDN: ZDUTIK

Тема предназначения поэта и поэзии в лирике Леонида Завальнюка

Виктория Дмитриевна Гавриленко

Старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Благовещенский государственный педагогический университет. 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 104
gin_kitsune@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1489-1196>

Аннотация. Данная работа посвящена изучению темы поэта и поэзии в лирических произведениях Леонида Завальнюка. Это одна из важнейших тем для русской литературы, к ней обращались многие поэты, среди которых А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, С. А. Есенин, В. В. Маяковский и др. Завальнюк является продолжателем этой литературной традиции. Тема поэта и поэзии многоаспектна, Завальнюком поднимается проблема взаимоотношений поэта и читателя, проблема природы поэзии и поэтического дара, проблема предназначения поэта.

О проблеме непонимания поэта своими современниками писали еще Пушкин, Лермонтов, но у Завальнюка проблема рассматривается совсем под иным углом. Он признает право читателя не понимать поэта, быть далеким от поэзии, быть привязанным к материальному, вещному миру. При этом в нем живет вера в будущее поколения, которые поймут поэзию, заложенную в нее идею. Завальнюк в большей мере сфокусирован на фигуре самого поэта, долг которого – быть верным своему дару, быть честным перед собой и читателем.

Чуткость, ранимость и способность сочувствовать – вот те качества, которыми, по мнению Завальнюка, необходимо обладать поэту, чтобы понять мир, почувствовать его боль и откликнуться. Предназначение поэта Завальнюк видит в спасении человеческой души, в поддержке, что может дать поэзия для отчаявшегося. В мировоззрении Завальнюка поэт подобен врачу, спасающему жизни.

Акт создания нового произведения для Завальнюка подобен рождению ребенка, два стихотворения 1959 и 2009 годов он так и назвал – «Рождение стиха». Создавая, поэт вкладывает в поэзию весь свой жизненный опыт, опустошая себя до основания. Но только так, по мысли Завальнюка, можно создать «живое стихотворение».

Ключевые слова: Леонид Завальнюк; лирика; русская поэзия; тема поэта; тема поэзии; предназначение поэзии; архив поэта; лирический герой

Для цитирования: Гавриленко В. Д. Тема предназначения поэта и поэзии в лирике Леонида Завальнюка // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 24–31.
http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_24. <https://elibrary.ru/ZDUTIK>

Original article

The theme of the poet and poetry's mission in the poems by Leonid Zavalnyuk

Victoria D. Gavrilenko

Senior lecturer at the department of russian as a foreign language, Blagoveshchensk state pedagogical university. 675000, Blagoveshchensk, Lenin st., 104
gin_kitsune@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1489-1196>

Abstract. This paper focuses on studying the theme of the poet and poetry in Leonid Zavalnyuk's lyrical poems. This is one of the most important topics for Russian literature, which was addressed by many poets, among whom are A. S. Pushkin, M. Y. Lermontov, S. A. Esenin, V. V. Mayakovsky and others. Zavalnyuk continues this literary tradition. The theme of the poet and poetry is multidimensional and Zavalnyuk raises several problems: the relationship between the poet and the reader, the nature of poetry and the poetic gift, the poet's mission. Pushkin and Lermontov wrote about misunderstanding between poets and their contemporaries, but in Zavalnyuk's poems the problem is viewed from a completely different angle. He recognizes the reader's right to misunderstand the poet, to be far from poetry, to be attached to the material, thing world. At the same time, he has faith in future generations who will understand the poetry and the idea it contains. Zavalnyuk focuses more on the figure of the poet himself, whose duty it is to be committed to his gift, to be honest to himself and the reader.

According to Zavalnyuk, the poet should be sensitive, vulnerable and sympathetic in order to understand the world, feel its pain and be responsive. Zavalnyuk sees the poet's mission in salvation of the human soul, in the support that poetry can give to those in despair. In Zavalnyuk's worldview, the poet is similar to a doctor who saves lives.

For Zavalnyuk, the creation of a new poem is like the birth of a child, so he called his two verses of 1959 and 2009 The Birth of a Poem. When writing, the poet puts all his life experience into poetry, emptying himself completely, but only in this way, in Zavalnyuk's opinion, can a «living poem» be created.

Key words: Leonid Zavalnyuk; lyrical poetry; russian poetry; theme of the poet; theme of poetry; purpose of poetry; the poet's archive; lyrical hero

For citation: Gavrilenko V. D. The theme of the poet and poetry's mission in the poems by Leonid Zavalnyuk. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):24–31. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_24. <https://elibrary.ru/ZDUTIK>

Введение

Тема поэта и поэзии является одной из традиционных для русской литературы. Более того, это одна из вечных тем в мировой литературе. Интерес к данной теме вызван стремлением авторов осознать свою роль в жизни общества, осмыслить предназначение создаваемых произведений и постичь природу вдохновения, таланта, той силы, что отличает поэта от других людей.

Тема поэта и поэзии вызывает интерес как у отечественных (Л. В. Гайворонская [Гайворонская, 2011], Т. М. Геворкян [Геворкян, 2017], В. В. Дементьев [Дементьев, 1982], О. В. Журавлева [Журавлева, 2006], Ю. А. Розонова [Розонова, 2015], Э. В. Слинина [Слинина, 1987], В. С. Соловьев [Соловьев, 1991]), так и зарубежных учёных (Клайв Буш [Буш, 2010], Уолтер Хинк [Хинк, 1994], Лудгер Удольф [Удольф, 1992]), отмечающих многогранность данной темы в литературе.

В нашей статье мы обратимся к лирике советского и российского поэта и прозаика Леонида Завальнюка (1930–2010), рассмотрим, как данная тема представлена в его творческом наследии, выделим ее основные аспекты, а также проанализируем влияние русской классической литературы.

Основная часть

Взаимоотношения поэта и «толпы»

В рамках темы поэта и поэзии Леонидом Завальнюком поднимаются различные проблемы, в том числе взаимоотношение поэта и «толпы», о чем писали еще А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов.

Если обратиться к стихотворению Пушкина «Поэт и толпа» (1828), то становится очевидным открытый конфликт между обществом и поэтом, который страдает от непонимания, от неспособности «черни» оценить его искусство. А «чернь» в свою очередь упрекает поэта в бессмысленности и бесполезности его труда, который не приносит материальных благ:

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел – а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая: <...>
Как ветер, песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»
[Пушкин]

Непризнанный и непонятый читателями поэт познает боль разочарования. Лирический герой – поэт – теряет веру в людей, их уже ничего не может спасти, они остаются глухи к его высоким устремлениям:

Подите прочь – какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
[Пушкин]

О положении поэта в обществе напишет и Завальнюк в стихотворении «Поддавшись черному неверью...» (1962). Оно написано в форме обращения поэта к поэту:

Поддавшись черному неверью,
Мрачней осеннего дождя,
Ты театрально хлопнул дверью,
Из тесных рамок выходя.
Конечно, важно видеть лица,
Ловить душой сиянье глаз,
Но все же как ты можешь злиться
На отвернувшихся от нас?
[Завальнюк, 1962, с. 57]

Лирический герой, сам являясь поэтом, обращается к товарищу по перу. Признавая, как важно быть принятым обществом, как велика по-

требность быть понятым, он укоряет его. Поддавшись отчаянию, творец отказывается от своего предназначения, тем самым предавая себя самого. Для лирического героя недопустимо вернуться от людей, отказаться от них.

Эта мысль, что долг поэта – сделать людей лучше, направить их и помочь, а сам поэт подобен пророку, указывающему людям путь, прозвучит в стихотворении «Ты – почта жизни...» (1966). По мысли Завальнюка поэт во что бы то ни стало, любой ценой: силой ли, уговорами, лаской, но должен привести читателя к просветлению:

Вот твой читатель.
Бей без промедленья!
Посулы сыпь, и пестуй, и мани,
Но доконай его, каналью, дотяни,
Не дай ему уйти от просветленья!
[Завальнюк, 1966, с. 14]

Тяжкое бремя поэта передается через использование разговорной, просторечной лексики: «Но доконай его, каналью, дотяни». Читателя, так ловко ускользающего от поэта, автор называет «канальей» – мошенником, плутом. Такое шутивно-бранное обращение снижает возвышенный пафос стихотворения, переводя повествование на мирской уровень, добавляет ироничности, свойственной Завальнюку.

Однако, смена тональности не преуменьшает значимости поэта для общества. Наоборот, автор подчеркивается взаимосвязь дара и долга поэта перед миром: «Чем выше дар, тем каторжней закон!» [Завальнюк, 1966, с. 14]. Поэт здесь подобен врачу, что не имеет права оставить больного:

И, как твоя судьба ни накренился,
Уж не имеешь права уставать
Ни от того, что есть,
Ни от того, что снится,
Как не имеет права бастовать
Единственная в городе больница!
[Завальнюк, 1966, с. 14]

Лирический герой Завальнюка в отличие от героев Пушкина и Лермонтова не теряет веру в людей: пусть не сегодня, но наступит время для поэзии:

Пускай духовной бакалеей
Отгородился их мирок, –
В четвертом, в пятом поколеньи

Пробьются ритмы лучших строк.
[Завальнюк, 1962, с. 57]

Но, как и Лермонтов в стихотворении «Поэт» [Лермонтов, 1989, с. 27–29], Завальнюк обвиняет современных писателей в том, что они отреклись от своего предназначения, променяв его на деньги и славу:

А ты...
За славой, как за бабой,
Тебя ненастье понесло.
Ты сделал промыслом, забавой
Свое святое ремесло. <...>
Ты не себя,
Ты дух свой предал,
И нет прощенья тебе!
[Завальнюк, 1962, с. 58]

Обращаясь к проблеме взаимодействия поэта и читателя, Завальнюк в большей мере сфокусирован на личности поэта, нежели чем на фигуре читателя. Даже спустя столетия ситуация не изменилась: поэт по-прежнему оказывается непонят своим поколением, но если в произведениях Пушкина, Лермонтова показан острый неразрешимый конфликт между обществом и поэтом, показано разочарование, то Завальнюк принимает сложившуюся ситуацию как данность, относясь к ней философски. В нем жива надежда на то, что в будущем стихи будут поняты, приняты, признаны, а сейчас, в настоящем времени, долг поэта продолжать творить, продолжать писать не ради славы, признания, денег, а ради высшей цели – сделать мир лучше, помочь человечеству сделать свое существование осознанным, осмысленным.

Показательно в этом плане стихотворение Завальнюка «А зря вы меня обличаете». При жизни оно не было опубликовано, но сохранилось в рукописном архиве поэта [Гавриленко, 2018, с. 62; Киреева, 2018, с. 57–64]. На сегодняшний день установить точную дату создания стихотворения не представляется возможным, но самим автором указан период – 1949–1958 годы:

А зря вы меня обличаете,
Ей-богу же, смысла нет.
Не нравится – не величайте,
Я знаю, что я не поэт.
Не тонко пишу и чувствую,
Не понял сути земной.
Я не поэт, я предчувствие
Того, кто идет за мной.

Уже на раннем этапе своего творчества Завальнюк вступает в диалог с невидимым читателем, в котором себя воспринимает критично, с ноткой иронии, обходится без возвеличивания и идеализирования своей фигуры поэта, признавая поэтическое несовершенство. Но вместе с тем он верит в неповторимость своего пути: «Я сам за собой иду!», читатель же остается в своем праве на критику и неприятие.

Предназначение поэзии

Работая с архивом, в одной из тетрадей нами были обнаружены размышления Леонида Завальнюка о природе дара поэта: «Приобщение к поэзии подобно насильственному лечению. Чуткость поэта заключается в том, что он болеет всеми болезнями века, пусть в легкой, экспериментальной форме, но все-таки болеет». Для того, чтобы писать поэту необходимо чувствовать свою причастность к миру, болеть за него, сопереживать. Как напишет Завальнюк в одном из стихотворений: «Ранимость – благо для поэта» [Завальнюк, 1966, с. 23]. И если одни творцы испытывают потребность в уединении, отшельническом образе жизни, то Завальнюк нуждается в окружающем мире, в общении с ним, жаждет человеческих страстей. В опубликованном уже после смерти Завальнюка стихотворении «Поэт» (2019) выделяется схожая с ранимостью и чуткостью важная для поэта черта – сочувствие:

Он грустен потому, что с давних лет
Сочувствие вошло в его сознание,
Как тяжкий крест
И как насущный хлеб,
Как радость бытия и инструмент познания.
[Завальнюк, 2019, с. 617]

Обладая этим комплексом качеств, поэт оказывается способен познавать и понимать мир, отзываться на чужую боль. Но для чего ему дана эта способность? Какую цель преследует поэт? Ради чего он пишет?

В творчестве Завальнюка, как в лирике, так и в прозе, одним из ключевых мотивов являются мотивы сиротства и одиночества. Леонид Завальнюк на собственном опыте прочувствовал эту тяжесть бытия: отсутствие поддержки семьи, духовное одиночество. Через свои стихи он не раз говорит с читателем, как это важно иметь друга – духовно родственного человека («Сиротским сердцем на стезе земной...») [Завальнюк, 1970, с. 40], «Ищу я человека меж людьми...»

[Завальнюк, 1970, с. 70–71], «Зимняя песня» [Завальнюк, 1982, с. 37]).

Пронесший через всю жизнь чувство своего одиночества в этом мире поэт, как никто другой понимает отчаяние и боль людей, оставшихся один на один со своим горем. Оттого творчество для него это возможность оказать поддержку нуждающимся, тем, кто также одинок, как и он сам:

... Случалось ли подслушать вам, как говорит хирург,

Окинув швы на обречённом теле:

– Я сделал всё что мог... Ну а теперь, мой друг,

Проси родных, чтоб за тебя болели.

А если нет родных, как нет у большинства? <...>

Тогда поэт по праву вечного родства

Горит за них и корчится от боли.

[Завальнюк, 2019, с. 617]

Лирические произведения Завальнюка отличаются сюжетностью. Для его поэзии характерна эпическая составляющая, потому во многих поэтических текстах присутствует четкая сюжетная линия. Так, в стихотворении «Поэт» мы можем выделить сюжетную составляющую и героев: врач, больной и поэт. Врач сделал все от него зависящее, и обреченному пациенту остается только надеяться на свое чудесное выздоровление. И как же сложно сохранить веру, когда в тебя не верит никто. Сюжетно и тематически это произведение созвучно стихотворению «Я получил письмо от незнакомки...», написанному в конце 1960-х – начале 1970-х годов, сохранившемуся на машинописных листах в архиве поэта и впервые опубликованному нами в альманахе «Амур», здесь приводим отрывок:

Я получил письмо от незнакомки.

Она писала мне, что, как поэт,

Я мог бы воскресить угасший свет.

И что она, прикованная к койке,

Хотела бы, – пускай не вся, на треть –

Моя любовь чтоб ей принадлежала,

Тогда б она от страха не дрожала

И постаралась бы не умереть.

[Гавриленко, 2018, с. 58]

И если в этом стихотворении, написанном в ранний период творчества, поэт ощущает некую беспомощность и не находит в себе сил помочь

нуждающемуся, то в более позднем стихотворении «Поэт» (2019) он приходит к осознанию силы своего слова, чувствует в себе способность поддержать, вытянуть душу к свету. Эта мысль созвучна строкам Есенина: «Быть поэтом – это значит то же, <...> Рубцевать себя по нежной коже, / Кровью чувств ласкать чужие души» [Есенин, 1995, с. 267]. Только познав боль мира, поэт может излечить своего читателя, спасти его. Ведь еще в ранней лирике звучит идея: искусство и поэт – источник света для окруженного тьмой мира:

– Что есть искусство?
Он сказал:
– Часть света,
Со всех сторон окутанная тьмой.
[Завальнюк, 1963, с. 73]

Душа разверстая его [поэта] –
Волшебный луч, источник света.
[Завальнюк, 1966, с. 23]

Существование поэтов и поэзии в мире своего рода символ веры в будущее, в возможность наступления завтрашнего дня: «Как знак того, / Что «завтра» – есть, / Рождаются поэты» [Завальнюк, 1963, с. 101].

«Рождение стиха»

Но что для поэта создание произведения? Акт творения стихотворения для Леонида Завальнюка подобен появлению на свет ребенка, неслучайно два стихотворения, написанные с разницей в полвека, так и называются: «Рождение стиха» (1959; 2009). Поэт не просто вкладывает идею и мысли, он отдает свою душу, опыт всех прожитых лет:

Как приступ удушья,
Однажды приходит его черед.
И я отдаю ему свою душу,
И он эту душу
Себе берет.

Все, что прожито,
Все, что нажито,
Все, что выстрадал и что берег,
С этой минуты
Становится нашим,
И он тепло моей крови берет.
[Завальнюк, 1959, с. 64]

Появившийся на свет ребенок-стих – плоть от плоти своего творца – выходит в мир. Возникновение его знаменуется появлением на небосклоне новой звезды:

А когда он уйдет по утренней свежести
В честь нового рождения
Зажигать звезду,
У меня на друзей вдруг не хватит нежности,
И я мимо женщины без волненья пройду.
[Завальнюк, 1959, с. 65]

Упоминание зажигания звезды отсылает к стихотворению В. Маяковского «Послушайте!» (1914): «Ведь, если звезды зажигают – / значит – это кому-нибудь нужно?» [Маяковский, 1955, с. 60]. Фраза у Маяковского звучит вопросительно, а сам он пытается осознать предназначение человека в жизни. У Завальнюка звезда – это символ возникновения нового в литературе, в искусстве. Но цена создания настоящих «живых» стихов чрезвычайно высока – опустошение. Как заметил Л. С. Яницкий в работе «Архаические структуры в поэзии XX века», написание стихотворения мучительно сложное явление, связанное с духовной трансформацией автора [прив. по: Яницкий, 2013, с. 23]. Процесс рождения стиха повторяется из раза в раз, но только так, через боль, мучение и любовь создается настоящая поэзия:

И снова буду разбиваться на рифах
Своих упований
И чужих грехов...
Такова по всегдашним
Кровавым тарифам
Номинальная стоимость
Живых стихов.
[Завальнюк, 1959, с. 65]

Совсем иначе о рождении стихотворения Завальнюк написал в последнем прижизненном сборнике «Летела птица» (2009). В момент преднаписания и душа, и тело наполняются энергией, тем, что принято называть вдохновением. Апатия сменяется жаждой действия, стремлением к жизни, воодушевлением, которое невозможно унять:

Давно ничего не хотелось.
Вдруг хочется петь и плясать.
Душа – это б ладно,
Но тело

Желает летать оголтело
И взгляды на женщин бросать.
[Завальнюк, 2009, с. 10]

Здесь рождение стиха не мука, на которую
обречен поэт. Акт создания нового творения яв-
ляется экзальтическим порывом:

И вот, запершись в туалете,
Тихонько я спел и сплясал,
А после, при утреннем свете,
На старой какой-то газете
О смерти, о тающем лете
Трепещущий стих написал.
[Завальнюк, 2009, с. 10]

Однако за этим выплеском энергии следует
все то же опустошение, о котором Завальнюк
написал на заре своего творчества. В том же
сборнике в стихотворении «Работа – мой нарко-
тик» (2009) поэт отмечает, что в момент погру-
жения в «стихию стихов» он познает чувство
безграничного счастья и любви к миру:

Хорошие, плохие –
Все люди мне родня.

Хожу я, как порхаю.
При том, что грузноват.
Хорошая, плохая –
Любой погоде рад.
[Завальнюк, 2009, с. 23]

Когда же чувство вдохновения, азарта работы
уходят, поэт остается один на один с миром –
одиноким, опустошенный и обессиленный. И
чтобы вновь прийти к состоянию готовности пи-
сать ему необходимо просто жить дальше. Ис-
точник творчества по Завальнюку – жизнь:

Когда ж стихи уходят,
Я сам себя крушу.
– О небо, дай мне дозу, –
В конвульсиях прошу.

И отвечает небо:
– Хоть ты и так большой,
Но ты забудь об этом
И подрасти душой. <...>

Иной раз годы, годы
Я зрею и расту.
[Завальнюк, 2009, с. 23]

Заключение

Таким образом, обращаясь к теме поэта и поэ-
зии Леонид Завальнюк продолжает русскую ли-
тературную традицию. Как и А. С. Пушкин,
М. Ю. Лермонтов, С. А. Есенин, В. В. Маяков-
ский, он размышляет о предназначении поэта и
поэзии, о природе вдохновения, но в его лирике
отсутствует острый конфликт между читателем и
поэтом. Поэзию Завальнюка отличает филосо-
фичность и ироничность, критичное восприятие
себя в литературе. Воспринимая фигуру поэта
как нечто исключительно важное для мира, За-
вальнюк не воспринимает себя гением, сверхче-
ловеком. Оттого в лирике и нет конфликта с об-
ществом, он оставляет читателю права на крити-
ку, а себе право писать, пусть не идеально, но
так, как он чувствует – честно.

Поэзия, настоящая, живая, произрастает из
любви и сопереживанию миру, из жизненного
опыта самого поэта. Неслучайно основной прин-
цип поэзии Леонида Завальнюка: быть всегда
предельно честным перед самим собой и перед
читателем. А это значит писать только о том, что
сам познал и прочувствовал.

Вероятно, именно поэтому стихотворение для
Завальнюка подобно ребенку, в которого роди-
тель вкладывает любовь и свой жизненный опыт.
Для поэта создание нового произведения стано-
вится и счастьем, и мучительным трудом одно-
временно. Но только так, через порой противо-
речащие чувства, создается настоящее искусство,
призванное осветить человечеству путь.

Библиографический список

1. Гавриленко В. Д. Леонид Завальнюк: знакомый незнакомец // АМУР литературный альманах БГПУ. № 17. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2018. С. 58–63.
2. Гавриленко В. Д. «Сиротское сердце» Леонида Завальнюка: тема одиночества в лирике поэта // Ло-
севские чтения: материалы региональной научно-
практической конференции / под ред. А. В. Урманова.
Выпуск 14. Благовещенск : Издательство БГПУ, 2021.
С. 81–90.
3. Гайворонская Л. В. 'Поэт' как характерологиче-
ский текст русской литературы XIX в. (некоторые ас-
пекты) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та, 2011. № 10.
С. 101–104.
4. Геворкян Т. М. Марина Цветаева. Поэт. Проза-
ик. В человеческом – больше всего – мать. Москва :
Собрание, 2017. 512 с.
5. Завальнюк Л. А. «Всё с вами, но не ваш». Из-
бранное. Санкт-Петербург : Алетей, 2019. 680 с.
6. Завальнюк Л. А. Летела птица. Москва : Время,
2009. 96 с.

7. Завальнюк Л. А. Лирика. Благовещенск : Хабаровское книжное издательство, 1963. 128 с.
8. Завальнюк Л. А. Мой дом. Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1966. 70 с.
9. Завальнюк Л. А. Моя прописка. Книга стихов. Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1962. 88 с.
10. Завальнюк Л. А. На дорогу времени. Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1959. 78 с.
11. Завальнюк Л. А. Поле-половодье. Книга стихов. Москва : Советский писатель, 1970. 80 с.
12. Завальнюк Л. А. Рисунок по памяти. Стихи. Москва : Советский писатель, 1982. 119 с.
13. Дементьев В. В. Личность поэта. Москва : Художественная литература, 1982. 302 с.
14. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения. Москва : Наука; Голос, 1995. 672 с.
15. Журавлева О. В. Многоаспектность темы поэта и поэзии в лирике А. С. Пушкина // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып. 2006. № 4. С. 81–85.
16. Киреева Н. В. Незвестный Леонид Завальнюк: первые итоги работы над рукописным архивом писателя // Лосевские чтения – 2018: Материалы XI региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2018. С. 57–64.
17. Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т. 2. Стихотворения и поэмы. Ленинград : Сов. писатель. Ленингр. отделение, 1989. 686 с.
18. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов. Москва : Художественная литература, 1955. С. 464.
19. Пушкин А. С. Поэт и толпа // Русская виртуальная библиотека. URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1828/0484.htm (дата обращения: 01.09.2022).
20. Розонова Ю. А. Тема поэта и поэзии в лирике Ахматовой 1909–1921 годов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 3. С. 7–16.
21. Слинина Э. В. Тема поэта в творческой эволюции Пушкина и в историко-литературном контексте // Творческая индивидуальность писателя и литературный процесс. Вологда : ВГПИ, 1987. С. 3–16.
22. Соловьев В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Философия искусства и литературная критика. Москва : Искусство, 1991. С. 316–370.
23. Яницкий Л. С. Архаические структуры в поэзии XX века. Кузбасс : Кузбассвузиздат, 2013. 135 с.
24. Clive Bush. The Century's Midnight: dissident European and American writers in the Era of the Second World War. Oxford : Peter Lang, 2010. 594 p.
25. Ludger Udolph. Dichter und Dichtung bei E. A. Boratynskij // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1992. Vol. 52. № 1. P. 33–49.

26. Walter Hinck. Magie und Tagtraum. Das Selbstbild des Dichters in der deutschen Lyrik. Frankfurt/M. Und Leipzig : Insel Verlag, 1994. 359 s.

Reference list

1. Gavrilenko V. D. Leonid Zaval'njuk: znakomyj neznakomec = Leonid Zavalnyuk: a familiar stranger // AMUR literaturnyj al'manah BGPU. № 17. Blagoveshensk : Izd-vo BGPU, 2018. С. 58–63.
2. Gavrilenko V. D. «Sirotskoe serdce» Leonida Zaval'njuka: tema odinochestva v lirike pojeta = «Orphan Heart» by Leonid Zavalnyuk: the theme of loneliness in the poet's lyrical works // Losevskie chtenija: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. A. V. Urmanova. Vypusk 14. Blagoveshensk : Izdatel'stvo BGPU, 2021. S. 81–90.
3. Gajvoronskaja L. V. 'Pojet' kak harakterologicheskij tekst russkoj literatury XIX v. (nekotorye aspekty) = 'The Poet' as a characterological text of XIX century Russian literature (some aspects) // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta, 2011. № 10. S. 101–104.
4. Gevorkjan T. M. Marina Cvetaeva. Pojet. Prozaik. V chelovecheskom – bol'she vsego – mat' = Marina Tsvetaeva. Poet. Novelist. Mother is most of all in the human being. Moskva : Sbranie, 2017. 512 s.
5. Zaval'njuk L. A. «Vsjo s vami, no ne vash». Izbrannoe = «Everything with you, but not yours'.» Selected works. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2019. 680 s.
6. Zaval'njuk L. A. Letela ptica = A bird was flying. Moskva : Vremja, 2009. 96 s.
7. Zaval'njuk L. A. Lirika = Lyrical poems. Blagoveshensk : Habarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 128 s.
8. Zaval'njuk L. A. Moj dom = My home. Habarovsk : Habarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 70 s.
9. Zaval'njuk L. A. Moja propiska. Kniga stihov = My registration. A book of poems. Blagoveshensk : Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 88 s.
10. Zaval'njuk L. A. Na dorogu vremeni = To the road of time. Blagoveshensk : Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 78 s.
11. Zaval'njuk L. A. Pole-polovod'e. Kniga stihov = The field-flood. A book of poems. Moskva : Sovetskij pisatel', 1970. 80 s.
12. Zaval'njuk L. A. Risunok po pamjati. Stihy = A drawing from memory. Poems. Moskva : Sovetskij pisatel', 1982. 119 s.
13. Dement'ev V. V. Lichnost' pojeta = The poet's personality. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982. 302 s.
14. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenij: V 7 t. T. 1. Stihotvorenija = Complete works: in 7 vols. V.1. Poems. Moskva : Nauka; Golos, 1995. 672 s.
15. Zhuravleva O. V. Mnogoaspektnost' temy pojeta i poezii v lirike A. S. Pushkina = Multidimensional theme of the poet and poetry in A. S. Pushkin's poetry // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Spec. vyp. 2006. № 4. S. 81–85.

16. Kireeva N. V. Neizvestnyj Leonid Zaval'njuk: pervye itogi raboty nad rukopisnym arhivom pisatelja = Unknown Leonid Zavalniuk: first results of working on the writer's manuscript archive // Losevskie chtenija – 2018: Materialy XI regional'noj nauchno-prakticheskoi konferencii. Blagoveshhensk, 2018. S. 57–64.
17. Lermontov M. Ju. Polnoe sobranie stihotvorenij: V 2 t. T. 2. Stihotvorenija i pojemy = Complete collection of poems: In 2 vols. V.2. Verses and poems. Leningrad : Sov. pisatel'. Leningr. otделение, 1989. 686 s.
18. Majakovskij V. V. Polnoe sobranie sochinenij v 13 tomah. T. 1. Stihotvorenija, tragedija, pojemy i stat'i 1912–1917 godov = Complete works: in 13 vols. V.1. Verses, tragedies, poems and articles 1912–1917. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1955. S. 464.
19. Pushkin A. S. Pojet i tolpa = The poet and the crowd // Russkaja virtual'naja biblioteka. URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1828/0484.htm (data obrashhenija: 01.09.2022).
20. Rozonova Ju. A. Tema pojeta i poezii v lirike Ahmatovoj 1909–1921 godov = The theme of the poet and poetry in 1909–1921 Akhmatova's poetry // Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina. 2015. T. 1. № 3. S. 7–16.
21. Slinina Je. V. Tema pojeta v tvorcheskoj jevoljucii Pushkina i v istoriko-literaturnom kontekste = The theme of the poet in Pushkin's creative evolution and in the historical-literary context // Tvorcheskaja individual'nost' pisatelja i literaturnyj process. Vologda : VGPI, 1987. S. 3–16.
22. Solov'ev V. S. Znachenie poezii v stihotvorenijah Pushkina = The meaning of poetry in Pushkin's poems // Filosofija iskusstva i literaturnaja kritika. Moskva : Iskusstvo, 1991. S. 316–370.
23. Janickij L. S. Arhaicheskie struktury v poezii XX veka = Archaic structures in XX century poetry. Kuzbass : Kuzbassvuzizdat, 2013. 135 s.
24. Clive Bush. The Century's Midnight: dissident European and American writers in the Era of the Second World War. Oxford : Peter Lang, 2010. 594 r.
25. Ludger Udolph. Dichter und Dichtung bei E. A. Boratynskij // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1992. Vol. 52. № 1. P. 33–49.
26. Walter Hinck. Magie und Tagtraum. Das Selbstbild des Dichters in der deutschen Lyrik. Frankfurt/M. Und Leipzig : Insel Verlag, 1994. 359 s.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023; одобрена после рецензирования 09.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 20.08.2023; approved after reviewing 09.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_32
EDN: ZHANEB

Лингвостилистические средства формирования идиостиля Екатерины II в контексте эпохи

Дарья Дмитриевна Якушева

Младший научный сотрудник отдела русской классической литературы, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
ddyakusheva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8109-4513>

Аннотация. Статья посвящена лингвостилистическому анализу «Записок» императрицы Екатерины II и описанию языковых средств, на базе которых формируется идиостиль автора мемуаров. В качестве центрального сюжета выбрана текстовая категория адресата и ее вербализация в рассматриваемом произведении. Авторское сознание, направленное на объективацию системы художественных представлений, ориентируется на реципиента, который мог бы воспринять его картину мира и отследить пути смыслообразования. Адресат является неотъемлемым звеном коммуникативного события высказывания. Это связывается с идеей о том, что одним из центральных признаков текста, речевого акта вообще, является коммуникативная направленность.

Целью нашего исследования является описание языкового своеобразия, обнаруживающего себя на лексическом, синтаксическом и грамматическом уровнях. Выявленные языковые единицы позволяют реконструировать образ адресата, к которому направлено авторское слово.

Практическая значимость заключается в том, что приводимые текстологические находки (был проведен анализ как текста оригинала, написанного на французском языке, так и текста перевода) позволяют по-новому осветить тему адресованности в «Записках» Екатерины II. В случае анализируемого произведения мы можем говорить о потенциальном, или имплицитном, читателе, который характеризуется дистанцированностью от автора и нереферентностью.

В статье использованы следующие методы: метод лингвистического описания, стилистический, сравнительно-сопоставительный. Полученные результаты (оценка синтаксического построения предложений, грамматических и лексических форм) позволяют описать статус адресата речевого акта и оценить его роль в организации художественного произведения. На материале дуальной оппозиции «автор/адресат» представлена совокупность лингвистических характеристик, участвующих в создании уникальной языковой картины мира автора «Записок».

Ключевые слова: автобиография; Екатерина II; язык художественного произведения; лингвостилистика; идиостиль; автор; адресат

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664>

Для цитирования: Якушева Д. Д. Лингвостилистические средства формирования идиостиля Екатерины II в контексте эпохи // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 32–37. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_32. <https://elibrary.ru/ZHANEB>

Original article

Linguistic means of forming the idiostyle of Catherine the Great in the context of the epoch

Daria D. Yakusheva

Junior researcher, department of russian classical literature, A. M. Gorky Institute of world literature, Russian academy of sciences. 121069, Moscow, Povarskaya st., 25a
ddyakusheva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8109-4513>

Abstract. The article gives a linguistic and stylistic analysis of the «Notes» by Empress Catherine the Great and describes the linguistic means on the basis of which the author of the memoirs forms her idiostyle. The textual category of the addressee and its verbalization in the work under consideration are chosen as the central theme. The author's mind, aimed at objectifying the system of artistic ideas, is oriented towards the recipient, who could comprehend the

world picture and follow the ways of meaning formation. The addressee is an integral part of the communicative act, which is related to the idea that one of the central features of text, and of any speech act in general, is communicativeness.

The aim of this study is to describe the linguistic uniqueness that shows itself at the lexical, syntactic and grammatical levels. The identified linguistic units help to reconstruct the image of the addressee to whom the author's word is directed.

The practical significance of the research lies in the fact that the textological findings (both the text of the original, written in French, and the text of the translation were analyzed) describe in a new way the theme of addressing in the «Notes» by Catherine the Great. The analysis shows that the work under consideration has a potential or implicit reader, who is distanced from the author and non-referential.

The article uses the method of linguistic description, stylistic and comparative analysis. The obtained results (evaluation of syntactic sentence structures, grammatical and lexical forms) make it possible to describe the status of the speech act addressee and evaluate their role in structuring the work of art. The dual opposition «author/addressee» is used to show a set of linguistic characteristics involved in creating a linguistic picture of the world unique for the author of the «Notes».

Key words: autobiography; Catherine the Great; language of fiction; linguistic stylistics; idiosyncrasy; author; addressee

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664>

For citation: Yakusheva D. D. Linguistic means of forming the idiosyncrasy of Catherine the Great in the context of the epoch. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):32–37. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_32. <https://elibrary.ru/ZHANEB>

Введение

Обращаясь к анализу лингвостилистических особенностей «Записок» императрицы Екатерины Великой, мы избираем дискурсивный подход, вторгаясь в сферу языка эпохи, литературного творчества, а также культурно-социального контекста, или коммуникативного поля, в котором создавался и обращался этот памятник культуры. В процессе осмысления лингвостилистических особенностей художественного текста мы находим ключ к пониманию содержания через установление наиболее адекватного коммуникативного контакта с автором.

Анализ текста предполагает не только выявление характерных для данной эпохи особенностей языка, но и совокупность наблюдений над индивидуально-авторским стилем, который создает неповторимый образ бытия автора, представленный в художественном тексте [Виноградов, 1980; Лосев, 1994; Бахтин, 2003; Гиршман, 2007]. Особенно важным это видится для текстов синтетического рода, совмещающих в себе публицистику с установкой на художественность (автобиографическая художественная проза, записки, травелоги и под.).

Структурно-семантическая организация текста и упорядоченность элементов внутренней системы подчиняются авторской точке зрения, которая имеет свою функциональную направленность. Автор, обладающий свободой языкового употребления, подчиняет пространство своего произведения определенной художественной установке. Например, жанр, определяемый

М. М. Бахтиным как «трехмерное конструктивное целое» [Бахтин, 1982, с. 177], аккумулирует в себе конкретные структурные и смысловые пласты. Именно они конструируют художественное произведение, в котором заложена индивидуальная авторская воля. Придерживаясь нарративных стратегий того или иного жанра, писатель создает художественное пространство и моделирует ценностно-смысловую картину мира [Тамарченко, 2008].

Жанровая природа «Собственноручных записок» Екатерины II до сих пор остается дискуссионным вопросом, которому посвящено множество научных работ [Вачева, 2015; Крючкова, 2009; Гречаная, 2010]. Однако, основываясь на ряде наблюдений над словесным рядом в структуре текста, мы можем попытаться реконструировать эстетические и коммуникативные намерения автора. Мы поставили цель описать константные особенности художественного слова автора «Записок» на примере конкретного сюжета. Им станет такая литературоведческая парадигма, как «автор и адресат», которая раскрывается в композиционно-речевой организации произведения. Основной исследовательский вопрос сформулирован так: какими языковыми средствами пользуется Екатерина II в «Записках» для вербализации читателя, к которому направлено авторское слово. Научная новизна исследования заключается в том, что лингвотекстологических разысканий, направленных на реконструкцию образа адресата в автобиографических записках императрицы, на данном этапе изучения нет. Методология исследования основывается на

лингвостилистическом анализе, или анализе по «вертикали». Отмечая метасемиотические свойства текста, мы постараемся описать уникальность языковой организации на материале выбранного сюжета. Использование контрастивного метода дает возможность сопоставить отдельные языковые единицы и языковые явления в тексте оригинала и тексте перевода.

Основная часть

А. Г. Тартаковский в книге «Русская мемуаристка XVIII – первой половины XIX в.» отмечает некоторые особенности, свойственные второй половине XVIII века. Ученый выделяет рубеж 1760–1770-х годов, когда в мемуарах начинает проявляться авторское самосознание, или личное начало [Тартаковский, 1991, с. 77]. К этому прибавляется еще одно важное назначение мемуаров – сохранение воспоминаний для потомков, в памяти которых должны продолжить жить фамильные традиции и ценности (отметим также дидактическую цель писания).

В рамках настоящей статьи важно следующее наблюдение Тартаковского: мемуаристы XVIII в. не стремились к публичности [Тартаковский, 1991, с. 84]. Однако текст, понимаемый нами как закодированная авторская идея, изначально содержит в себе коммуникативную направленность [Лотман, 1998; Кубрякова, 2004; Гальперин, 2008]. Согласно одной из теорий жанр автобиографии образует треугольник, состоящий из «Я» автора, «Другого», образ которого описывается в тексте, и «Читателя», декодирующего смыслы текста [Lecarme&Lecarme-Tabone, 1997].

Существует обширная научная литература, рассматривающая оппозицию «автор/адресат» и ее коммуникативно-прагматические особенности реализации в текстовой структуре [Бахтин, 1996; Гиршман, 2007; Корман, 2006; Шмид, 2003; Гришкова, 2006; Iser, 1972; Link, 1976]. Теме вербализации читателя посвящено множество исследований, среди которых мы отметим монографию С. С. Панфиловой «Гипертекст – адресант – адресат». Автор выделяет следующие языковые средства, обнаруживающие «другого»: «обращения, местоимения, вопросительные конструкции, номинационные ряды читателя и персонажей, оценочные средства, заглавия, графическая организация текста» [Панфилова, 2014, с. 87].

Обратимся к тексту «Записок» Екатерины II с тем, чтобы определить наличие прямых авторских обращений к предполагаемой аудитории. Случаи употребления подобных конструкций не отличаются высокой частотностью. Однако их

возможно обнаружить при более тщательном прочтении текста.

1. «...notez, que j'en avois trente par an» [Екатерина II, 1901-1907, 12, с. 394] / «...заметьте, что я имела всего тридцать тысяч в год» [Екатерина II, 1907, с. 417];

2. «Comme on verra après, alors il s'appliquoit tant qu'il pouvoit à éloigner le Grand Duc de moi de façon...» [Екатерина II, 1901-1907, с. 391] / «Как потом увидят, тогда он старался, как только мог, удалять великого князя от меня...» [Екатерина II, 1907, с. 414];

3. «Pour à moi, le: je vous demande pardon, maman, pour désarmer la colère de l'Impératrice, me resta dans la tête et depuis je m'en suis servi dans l'occasion avec succès, comme on le verra dans la suite» [Екатерина II, 1901-1907, 12, с. 235] / «Что касается меня, то слова: „виноваты, матушка“, как средство, чтобы обезоружить гнев императрицы, запали мне в голову, и с тех пор я пользовалась ими при случае с успехом, как будет видно дальше» [Екатерина II, 1907, с. 245];

4. «Nous verrons, comment on y réussit» [Екатерина II, 1901-1907, 12, с. 237] / «Увидим, как это удалось» [Екатерина II, 1907, с. 247];

5. «On verra ensuit le détestable employ, si j'ose le dire, qu'on lui persuada de faire de cette conversation entre elle et moi» [Екатерина II, 1901-1907, с. 387] / «Впоследствии увидят гнусное употребление, если смею так выразиться, которое убедили ее сделать из этого разговора между нею и мною» [Екатерина II, 1907, с. 409];

6. «Comme la façon, dont il le devint, est assez singulière, je m'en vais la rapporter; peut être, développera-t-elle la marche de l'esprit humain sur ce point-là, et par là pourra servir à prévenir ce vice ou à le corriger dans quelque individu, qui auroit du penchant à s'y livrer» [Екатерина II, 1901-1907, с. 378-379] / «Так как способ, благодаря которому он им сделался, довольно странный, то я сейчас его приведу; может быть, он разъяснит направление человеческого ума в этом случае и тем может послужить к предупреждению или к исправлению этого порока в какой-нибудь личности, которая возымеет склонность ему предаться» [Екатерина II, 1907, с. 400];

7. «Il en fit ensuite un autre, infiniment plus honteux et plus nuisible pour lui que je rapporterai dans son tems» [Екатерина II, 1901-1907, с. 380] / «Впоследствии он выдумал другую, гораздо более постыдную и вредную для него, которую я приведу в свое время» [Екатерина II, 1907, с. 401];

8. «On me pardonnera ces petites digressions, je les employerai peut être encore souvent, lorsqu'elles

ameneront quelque anecdote intéressant ou que ma mémoire me rappellera ces dernières ou des choses, qui me paroîtront telles» [Екатерина II, 1901–1907, с. 131] / «*Да извинят* мне эти незначительные отступления; может быть, я еще часто буду ими пользоваться, когда они повлекут за собой какой-нибудь любопытный анекдот или память подскажет мне эти анекдоты или вещи, которые мне покажутся таковыми» [Екатерина II, 1907, с. 135–136];

9. «*On notez encore*, que dès qu'on me grondoit, le Grand Duc m'abandonnoit...» [Екатерина II, 1901–1907, с. 100] / «*Примите еще во внимание* и то, что когда меня бранили, великий князь от меня отступался...» [Екатерина II, 1907, с. 102];

10. «...il y venoit toujours en compagnie de Léon Nariskin, qui amusoit tout le monde par son originalité, dont j'ai rapporté plusieurs traits» [Екатерина II, 1901–1907, с. 312] / «...он всегда приходил со Львом Нарышкиным, который всех забавлял своей оригинальностью, – я уже привела некоторые черты ея» [Екатерина II, 1907, с. 327].

Обратимся для начала к тексту оригинала. В одном случае используется личное местоимение 1 лица множественного числа *nous*. В остальных примерах употребляется неопределенно-личное местоимение *on* в сочетании с глаголами в форме 2 лица множественного числа настоящего времени (*on notez*) и 3 лица единственного числа будущего времени (*on verra*, *on me pardonnera*). Данное местоимение употребляется в случае, когда стирается конкретность лица, выполняющего действие. Ввиду отсутствия референтной соотнесенности мы имеем дело с обобщенной личностью, которая, как предполагается, будет следовать за волей автора. Отметим, обращаясь к этимологии этого местоимения, что оно происходит от того же корня, что и *homme* (человек, мужчина). Последнее же восходит к праиндоевропейскому **ǵʰom-en* (человек).

Когда целью становится вербализация адресата, автор может использовать такие слова из общеупотребительной лексики, как, например, «читатель» (фр. *lecteur*) [Николина, 1993, с. 68]. В «Записках» адресат, на которого направлена авторская интенция, прямо не обозначается, но приобретает обобщенные черты. О. К. Салихова в книге по стилистике французского языка о местоимениях *nous* и *on* пишет: «*Les nous et on du discours officiel désignent une prise de parole collective et, très souvent, se réfèrent à des instituts publics*» («Местоимения *nous* и *on* в официальном дискурсе обозначают коллективную речь и зачастую относятся к общественным институтам» (пер. автора статьи)) [Салихова, 2018, с. 82].

Опишем некоторые грамматические особенности предложений, данных в переводе «Записок» Екатерины II на русский язык. Большинство из них являются неопределенно-личными: чаще всего главный член выражается формой 3 лица множественного числа настоящего или будущего времени (*как потом увидят*, *впоследствии увидят*, *да извинят*). Также есть случаи употребления безличного (*как будет видно*) и определенно-личного (*примите еще во внимание*, *заметьте*, *увидим*) предложений. Несмотря на отсутствие подлежащего в неопределенно-личных предложениях, они отличаются смысловой полнотой, хотя говорить о *невидимом присутствии* субъекта мы можем. Для этого стоит ввести понятие «третьеличный нуль» [Падучева, 2012]: отсутствие именного выражения не исключает подразумеваемого лица из коммуникативной ситуации, но снижает ее текстовую выраженность. Этот «нуль» на лексическом уровне зачастую обозначает человека, на грамматическом уровне это проявляется через форму глагола во множественном числе (*увидят*, *извинят*).

Кроме того, стоит обратить на такую грамматическую категорию, как времена глагола. В книге А. Ф. Лосева «Языковая структура» есть глава, посвященная коммуникативному значению грамматических категорий (залог, наклонение, части речи и др.). Один из главных тезисов заключается в том, что любое слово и категория семантически варьируются в зависимости от контекста, в который они попадают [Лосев, 1983, с. 179]. Таким образом, будущее время глаголов можно рассматривать как атрибут семантического пространства текста.

Принципиально важным становится прагматический аспект функционирования данной категории в «Записках» Екатерины II. Использование автором будущего времени глаголов позволяет логически и последовательно выстроить повествование, выделив в тексте несколько сюжетных линий, имеющих важное значение для идейного замысла всего произведения. В качестве примера возьмем следующее предложение: «Так как способ, благодаря которому он им сделался, довольно странный, то я сейчас его приведу; может быть, *он разъяснит* направление человеческого ума в этом случае и тем *может послужить к предупреждению или к исправлению этого порока в какой-нибудь личности*, которая возымеет склонность ему предаться» [Екатерина II, 1907, с. 400]. Далее Екатерина II описывает хитрость великого князя, на которую он пошел, чтобы возвыситься в глазах той или иной дамы, выду-

мывая разные истории и не заботясь несколько о том, что их фикциональность может быть раскрыта. Использование в повествовательной структуре такой устойчивой формулы, как *voici comment* (*вот каким образом / вот как*), необходимо для смысловой организации произведения. Обязательный элемент подобных речевых оборотов – указательная частица *voici* (*вот*), которая предваряет развертывание последующих высказываний и усиливает их значимость. Такие выражения служат своеобразным маркером, необходимым для смены топики повествования: переключение авторского сознания с одного эпизода на другой создает в воображении читателя сюжетную матрицу художественного текста, отражающую индивидуально-авторское видение собственной биографии.

Наконец, обратим внимание на *метатекстовые включения*, характерные для «Записок» Екатерины II и автобиографической прозы в целом. Они «обнажают процесс порождения текста» [Николина, 1993, с. 69] и связываются с функциональной установкой автобиографии. Используя метатекстовые включения, автор способствует актуализации в памяти читателя уже описанных ранее текстовых фрагментов, тем самым создавая единую художественную матрицу текста, где все взаимосвязано. Приведем конкретные примеры: «*dont j'ai rapporté plusieurs traits*» (*я уже привела некоторые черты*), «*On me pardonnera ces petites digressions...*» (*да извинят мне эти незначительные отступления...*). В первом случае метатекстовое включение становится своего рода художественной координатой, которая связывает настоящее сообщение с тем, что давал автор ранее. В этом содержится установка на воспоминание читателей, которые незримо присутствуют в тексте. Второй пример метатекстового включения демонстрирует разомкнутость художественного произведения за счет лирического отступления, которое объясняет логику выстраивания дальнейшего повествования. В этом случае вставная конструкция, порождающая дискретность в повествовании, представлена авторским обращением к адресату, что вновь позволяет нам найти его следы в автобиографии императрицы.

Заключение

Литературная коммуникация осуществляется через межсубъектные связи, которые устанавливаются между автором и адресатом. У реципиента в анализируемом тексте отсутствует номинация, однако анализ функционирования отдельных слов, грамматических категорий, синтакси-

ческих построений позволяет реконструировать образ читателя.

Стилистика изучает специфику функционирования языка с учетом эстетической функции, которую выполняет слово в художественном произведении. В зависимости от стиля текст может выполнять три функции: общение, сообщение и воздействие. Публицистический и художественный стили речи руководствуются функцией воздействия. Лингвостилистический анализ отдельных языковых явлений в тексте «Записок» Екатерины II позволяет говорить о наличии именно прагматической функции (использование императива, будущего времени глаголов, метатекстовых включений) с установкой на адресата.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров; 1961 год. Заметки // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. Москва : Русские словари, 1997. 558 с.
2. Бахтин М. М. Формальный метод в литературоведении / сост. Г. Поляк ; ред. К. Кустанович. Нью-Йорк : Серебряный век, 1982. 237 с.
3. Вачева А. Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София : унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2015. 717 с.
4. Виноградов В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы. Москва : Наука, 1980. 360 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981. 138 с.
6. Гиршман М. М. Литературное произведение. Теория художественной целостности. Москва : Языки славянских культур, 2007. 528 с.
7. Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). Москва : ИМЛИ РАН, 2010. 382 с.
8. Гришкова Л. В. Автор. Текст. Адресат : монография. Курган : Изд-во Курганского ун-та, 2006. 155 с.
9. Записки императрицы Екатерины Второй. Санкт-Петербург : Изд. А.С. Суворина, 1907. 743 с.
10. Корман Б. О. Теория литературы. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 2006. 552 с.
11. Крючкова М. А. Мемуары Екатерины II и их время. Москва : Летний сад, 2009. 464 с.
12. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знания о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва : Яз. слав. культуры, 2004. 555 с.
13. Лосев А. Ф. Языковая структура : учебное пособие. Москва : МГПИ, 1983. 373 с.
14. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Искусство, 1970. 387 с.
15. Николина Н. А. Повествовательная структура и жанр : пособие по спецкурсу. Москва : «Прометей», 1993. 160 с.

16. Падучева Е. В. Неопределённо-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания, 2012. №1. С. 27–41.

17. Панфилова С. С. Гипертекст – адресант – адресат : монография / С. С. Панфилова ; науч. ред. Ю. М. Трофимова. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. 132 с.

18. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. Т. 12. Санкт-Петербург : Тип. Императорской АН, 1901–1907. 852 с.

19. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристка XVIII – первой половины XIX в. Москва : Наука, 1991. 288 с.

20. Шмид В. Нарратология. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

21. Iser W. Der implizite Leser. Muenchen : Fink, 1972. 420 p.

22. Lecarme J. E., Lecarme-Tabone. L'autobiographie. Paris : Armand Colin, 1997. 313 p.

23. Link H. Rezeptionsforschung: Eine Einfuehrung in Methoden und Probleme. Stuttgart : Kohlhammer, 1976. 182 p.

Reference list

1. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov; 1961 god. Zametki = The problem of speech genres; 1961. Notes // Bahtin M. M. Sobr. soch.: V 7 t. T. 5. Moskva : Russkie slovari, 1997. 558 s.

2. Bahtin M. M. Formal'nyj metod v literaturovedenii = The formal method in literary criticism / sost. G. Poljak; red. K. Kustanovich. N'ju-Jork : Serebrjanyj vek, 1982. 237 s.

3. Vacheva A. Potomstvu Ekaterina II. Idei i narrativnye strategii v avtobiografii imperatrycy = Catherine the Great to posterity. Ideas and narrative strategies in the empress's autobiography. Sofija : univ. izd-vo «Sv. Kliment Ohridski», 2015. 717 s.

4. Vinogradov V. V. Izbrannye trudy: O jazyke hudozhestvennoj prozy = Selected works: On the language of fiction. Moskva : Nauka, 1980. 360 s.

5. Gal'perin I. R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as an object of linguistic study. Moskva : Nauka, 1981. 138 s.

6. Girshman M. M. Literaturnoe proizvedenie. Teorija hudozhestvennoj celostnosti = Literary work. The theory of artistic integrity. Moskva : Jazyki slavjanskikh kul'tur, 2007. 528 s.

7. Grechanaja E. P. Kogda Rossija govorila po-francuzski: russkaja literatura na francuzskom jazyke (XVIII – pervaja polovina XIX veka) = When Russia spoke French: Russian literature in French (XVIII – first half of XIX century). Moskva : IMLI RAN, 2010. 382 s.

8. Grishkova L. V. Avtor. Tekst. Adresat = Author. Text. Addressee: monografija. Kurgan : Izd-vo Kurganskogo un-ta, 2006. 155 s.

9. Zapiski imperatrycy Ekateriny Vtoroj = Notes by the empress Catherine the Great. Sankt-Peterburg : Izd. A.S. Suvorina, 1907. 743 p.

10. Korman B. O. Teorija literatury = Theory of literature. Izhevsk : Izd-vo Udm. un-ta, 2006. 552 s.

11. Krjuchkova M. A. Memuary Ekateriny II i ih vremja = Memoirs of Catherine the Great and their time. Moskva : Letnij sad, 2009. 464 s.

12. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znaniya o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and knowledge: Towards acquiring knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in world cognition. Moskva : Jaz. slav. kul'tury, 2004. 555 s.

13. Losev A. F. Jazykovaja struktura = Language structure : uchebnoe posobie. Moskva : MGPI, 1983. 373 s.

14. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta = The structure of fiction. Moskva : Iskustvo, 1970. 387 s.

15. Nikolina N. A. Povestvovatel'naja struktura i zhanr = Narrative structure and genre : posobie po speckursu. Moskva : «Prometej», 1993. 160 s.

16. Paducheva E. V. Neopredel'jonno-lichnoe predlozhenie i ego podrazumevaemyj sub#ekt = The indefinite-personal sentence and its implied subject // Voprosy jazykoznanija, 2012. №1. S. 27–41.

17. Panfilova S. S. Gipertekst – adresant – adresat = Hypertext – addresser – addressee : monografija / S. S. Panfilova ; nauch. red. Ju. M. Trofimova. Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta, 2014. 132 s.

18. Sochinenija imperatrycy Ekateriny II na osnovanii podlinnyh rukopisej s ob#jasnitel'nymi primechanijami akademika A. N. Pypina = Empress Catherine the Great's writings on the basis of authentic manuscripts with explanatory notes by Academician A. N. Pypin. T. 12. Sankt-Peterburg : Tip. Imperatorskoj AN, 1901–1907. 852 s.

19. Tartakovskij A. G. Russkaja memuaristka XVIII – pervoj poloviny XIX v. = Russian memoirs in XVIII – first half of XIX century. Moskva : Nauka, 1991. 288 s.

20. Shmid V. Narratologija = Narratology. Moskva : Jazyki slavjanskij kul'tury, 2003. 312 s.

21. Iser W. Der implizite Leser. Muenchen : Fink, 1972. 420 p.

22. Lecarme J. E., Lecarme-Tabone. L'autobiographie. Paris : Armand Colin, 1997. 313 p.

23. Link H. Rezeptionsforschung: Eine Einfuehrung in Methoden und Probleme. Stuttgart : Kohlhammer, 1976. 182 p.

Статья поступила в редакцию 11.08.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 11.08.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Медиакоммуникации и журналистика

Научная статья

УДК 659.4; 303.82

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_38

EDN: RYVNIW

Перспективы оценки эффективности копирайтерского текста с помощью моделей машинного обучения

Елена Юрьевна Кармалова¹, Алексей Дмитриевич Кривоносов^{2✉}, Анна Владимировна Чижик³

¹Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 191034, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32

²Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 191034, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32

³Кандидат культурологии, доцент кафедры информационных систем в искусстве и гуманитарных науках, Санкт-Петербургский государственный университет. 199178, 10-линия ВО, д. 49

¹elen.ka05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6868-1605>

²krivonosov.a@unecon.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-3713-198X>

³a.chizhik@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4523-5167>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос оценки эффективности копирайтерского текста с помощью моделей машинного обучения. Современный копирайтинг выявляет проблему неизбежного балансирования между практической деятельностью и ее научной рефлексией, что является важной проблемой по отношению к оценке эффективности копирайтерского текста. Научный взгляд на это достаточно сложен в применении. В анализе копирайтерского необходимо соблюдение объективности оценки, что довольно затруднительно при использовании исключительно научных методов, которые непосредственно применяет сам исследователь без применения программ или тестирования.

В статье на первом этапе оценка эффективности нейма как текста малого копирайта была проведена на основе ответов респондентов. Для исследования был собран контент неймов из 11 разных не смежных сфер бизнеса (банки; авиакомпании; доставка еды и продуктов; общественное питание и др.). Из каждой сферы бизнеса было выбрано по 4–6 брендов. В рамках проведения анализа 47 неймов была использована методика опроса с применением шкал. В полученных данных присутствует субъективная оценка респондентов, что влияет на объективность результатов: субъективность может выражаться в том, что на оценки респондентов оказывает влияние степень лояльности к бренду, опыт взаимодействия с брендом. Каждый респондент может по-разному понимать критерии для оценивания текста (нейма) в силу своих представлений, уровня образования и других факторов.

На втором этапе исследования была проведена оценка эффективности нейма с помощью машинных данных. Общий вывод проведенного эксперимента заключается в том, что обучающие наборы данных необходимо собирать для одной сферы бизнеса; также имеет смысл увеличить количество примеров (выборку объектов), подающихся на вход модели. Машинный метод оценки эффективности поможет отобрать из большого количества материала копирайтинга наиболее подходящие и эффективные варианты, а машинный алгоритм может подробно систематизировать данные для анализа.

Ключевые слова: малый копирайт; нейм; машинное обучение; анализ текстов; обработка естественного языка; векторизация текстов, классификация текстов; кластеризация текстов; оценка эффективности

Для цитирования: Кармалова Е. Ю., Кривоносов А. Д., Чижик А. В. Перспективы оценки эффективности копирайтерского текста с помощью моделей машинного обучения // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 38–49. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_38. <https://elibrary.ru/RYVNIW>

Media communications and journalism

Original article

Prospects for evaluating the effectiveness of copywriting text using machine learning models

Elena Yu. Karmalova¹, Aleksey D. Krivonosov^{2✉}, Anna V. Chizhik³

¹Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of communication technologies and public relations, St. Petersburg state university of economics. 191034, St. Petersburg, Griboyedov canal embankment, 30-32

²Doctor of philological sciences, professor, head of the department of communication technologies and public relations, St. Petersburg state university of economics. 191034, St. Petersburg, Griboyedov canal embankment, 30-32

³Candidate of cultural sciences, associate professor at the department of information systems in arts and humanities, St. Petersburg state university. 199178, 10 line VO, 49

¹elen.ka05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6868-1605>

²krivonosov.a@unecon.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-3713-198X>

³a.chizhik@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4523-51673>

Abstract. The article deals with the issue of evaluating the effectiveness of copywriting text using machine learning models. Modern copywriting identifies the problem of inevitable balancing between practical activity and its scientific reflection, which is an important problem in terms of evaluating the effectiveness of a copywriting text. The scientific view of this is quite difficult to apply. The analysis of copywriting requires objectivity of evaluation, which is rather difficult when using only scientific methods, which the researcher applies directly with no use of software or testing.

At the first stage of the research, the effectiveness of name as a small copywriting text was evaluated based on the respondents' answers. For the study, the content of names was collected from 11 different non-related business areas (banking; airlines; food and grocery delivery; catering, etc.), with 4–6 brands selected from each business area. As part of the research, the authors analyzed 47 names, applying a survey technique using scales. In the data obtained there is the respondents' subjective evaluation, which affects the objectivity of the results: subjectivity can be seen in the fact that the respondents' evaluations are influenced by the degree of loyalty to the brand and the experience of their interaction with the brand. Each respondent may have a different understanding of the criteria for evaluating the text (name) due to their ideas, level of education and other factors.

The second stage of the study involved evaluating the name's effectiveness with the help of machine data. The overall conclusion of the conducted experiment is that training datasets should be collected for one business area; it also makes sense to increase the number of examples (a selection of objects) submitted to the model input. The machine method of effectiveness evaluation will help to select the most appropriate and effective options from a large amount of copywriting material, and the machine algorithm can thoroughly systematize the data for analyses.

Key words: small copyright; name; machine learning; text analysis; natural language processing; text vectorization, text classification; text clusterization; efficiency evaluation

For citation: Karmalova E. Y., Krivonosov A. D., Chizhik A. V. Prospects for evaluating the effectiveness of copywriting text using machine learning models. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):38–49. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_38. <https://elibrary.ru/RVYVHIW>

Введение

С точки зрения рекламоведения и пиарологии, копирайтинг есть «технология составления текстов в сфере рекламы и связей с общественностью, а также деятельность по составлению текстов публичных коммуникаций» [Кривонов, Шевченко, 2018, с. 5].

Сегодня копирайтинг определяется как процесс создания продающего текста с использованием различных техник и стратегий для привлечения внимания потенциальных потребителей и убеждения их совершить желаемое действие, такое как покупка товара или услуги. Иными словами, копирайтинг – креативный и аналитический процесс, который основан на психологи-

ческих и маркетинговых исследованиях, а также на знаниях о целевой общественности / аудитории. Копирайтер должен уметь проникнуть в менталитет потребителей, понять их потребности и создать текст, который будет привлекать внимание и вызывать доверие.

Под текстами малого копирайта понимаются тексты-«миниречения», занимающие сильную позицию в копирайтерском тексте, являющиеся (основными) компонентами такого текста – нейм и слоган. Традиционные компоненты рекламного и PR-текста в целом имеют свою научную рефлексию, начиная с работ Хр. Кафтанджиева, А. Д. Криваносова [Кафтанджиев, 1996, Криваносов, 2002].

Однако одной из основных проблем современного копирайтинга можно считать неизбежное балансирование между практической деятельностью и ее научным осмыслением. Это замечание относится в полной мере к оценке эффективности копирайтерского текста. Научный взгляд на это достаточно сложный в применении и требует большего количества времени для анализа только одного текста.

В настоящее время имеется ряд исследований, в которых представлена лингвистическая экспертиза текста [Баранов, 2007, Бринев К2009, Голев, 2002, Стернин, 2018 и др.], товарного знака [Григорьева, 2016, Дуларева, 2012]. В качестве мейнстрим-подхода в рамках данной работы назовем исследование Л. В. Уховой «Теоретические проблемы исследования эффективности рекламного текста» [Ухова, 2013]. Хотя речь идет о рекламном тексте, мы понимаем, что данная методика подразумевает под собой применение и к продвигающему или продающему виду текста.

Предварительная оценка текста включает в себя:

- определение целевой аудитории, которой предназначается контент;
- анализ невербальных средств (коды визуального сопровождения текстового блока: иконические материалы, ассоциации);
- анализ вербальных средств (анализируется характеристика аргументов, а также языковые особенности текста);
- анализ структурных компонентов текста (характеристика композиционных составляющих: заголовков, основной рекламный текст (ОРТ) / основная часть текста, эхо-фраза) [Ухова, 2012, с. 199].

Предлагаются три этапа для анализа эффективности текста. В первый этап входит экспертная оценка рекламного текста, где рассматриваются его качества и соответствие стандартам и требованиям креолизованного текста. Вторым этапом является потребительская оценка исходного текста. В третий этап входит непосредственная общая оценка эффективности текста с помощью индекса эффективности, который выводит автор в научном материале. Таким образом, создается относительно объективная оценка эффективности продвигающего текста.

Научные методики позволяют провести количественный и качественный анализ материала, изучить тенденции и закономерности в текстах. Но такие методы являются по большей степени описательными, и результаты проведенных оце-

нок могут нести в себе субъективное мнение исследователя. Научные методы трудоемки, и процесс анализа с помощью научных методик может занимать много времени. Данные методы также не несут в себе цели провести оценку эффективности текста с точки зрения бизнеса, что является важной составляющей копирайтинга, так как в первую очередь написание текстов производится для коммерческих компаний.

Что касается бизнес-методик анализа продвигающих текстов, то довольно часто в коммерческой сфере на данный момент используют тестирование копирайтерского контента на респондентах (социологический опрос). Респондентами могут выступать целевая аудитория (ЦА), потенциальная ЦА, эксперты. Анкета для тестирования может выдаваться как в печатном виде, так и размещаться на сайте компании, рассылаться по базе данных клиентов (по электронной почте, номеру телефона (SMS-рассылка, рассылка по мессенджерам) и т.д. Данный метод используется при сборе количественных данных.

Для более глубокого анализа проводятся глубинные интервью, фокус-группы. Выборка респондентов в таких исследованиях будет меньше, однако есть возможность опросить респондентов максимально подробно. Такие исследования являются качественными. С помощью них исследователь получает всестороннюю оценку контента от респондентов. Качественные исследования являются более трудоемкими и финансово затратными.

Основными методами получения данных о реакциях потребителей являются:

- 1) задания на ранжирование;
- 2) серии прямых вопросов;
- 3) замеры отношений с помощью оценочных шкал;
- 4) выявление основополагающих реакций с помощью косвенных опросов или проективных методик [Назайкин].

Проведение таких качественных исследований с потребителями, конечно же, имеет и свои трудности. К ним относятся дороговизна и высокая длительность проведения такого рода исследований, сложность в систематизации полученных данных от респондентов, а также формулировки существенных выводов из большого количества полученных данных.

Другой метод, который применяется в бизнесе и не требует много времени в применении, – это чек-лист по основным композиционным, стилистическим, синтаксическим характери-

кам текста. Его можно составить самостоятельно или найти имеющиеся чек-листы в интернете.

Эффективность контента можно измерить и с помощью оценки KPI (Key Performance Indicators – англ. ‘ключевые показатели деятельности’), где заранее устанавливаются цели и задачи текста с учетом этапа воронки, определяются метрики, по которым будут измерять результативность и их предполагаемое значение. Но с помощью данного метода нет возможности осуществить тестирование контента до его размещения. В данном случае мы анализируем уже полученные результаты, сравнивая их с заранее поставленной задачей. Таким способом и оценивается степень выполнения задачи, а соответственно, и эффективность текста. Данный метод в основном будет применим для текстов, размещенных в интернете.

Бизнес-методики подходят для оценки эффективности только некоторых задач, при этом с помощью перечисленных методов невозможно оценить эффективность текста с точки зрения коммуникации и общего влияния текстового контента на сознание целевой аудитории.

В анализе копирайтерского контента важно соблюдать объективность оценки, что довольно затруднительно при использовании только научных методов без применения программ или тестирования, а только с помощью инструментов, которые непосредственно применяет сам исследователь. И опрос или иные методы оценки текста респондентами так же имеют субъективный характер, что показали результаты проведенных нами исследований. В таком случае в той или иной степени на результаты анализа может воздействовать человеческий фактор, и некоторые аспекты могут содержать в себе искажение за счет влияния субъективного мнения исследователя или же респондента.

Можно сделать вывод, что в копирайтинге применяются различные методы анализа текстов и не существует единственной методики оценки эффективности контента. Следовательно, актуальна идея разработки «удобного» метода быстрой оценки его эффективности для коммерческих целей, что подразумевает делегирование первичной оценки алгоритмам машинного обучения.

Материалы и методы исследования

В рамках данной работы мы провели исследование, состоящее из двух этапов, целью первого этапа которого стала оценка эффективности со-

бранных копирайтерских текстов на основе ответов респондентов.

Полученные данные были необходимы для дальнейшего анализа применимости методов машинного обучения к подобным текстам. Для рассмотрения возможности применимости машинного метода анализа текстов использовались методики и подходы иностранных авторов [Xiang, 2012, Abu Alfeilat, 2019, Charbuty, 2021, Grandini, 2020 Yan, 2020].

В качестве пилотного исследования были взяты тексты малого копирайта – неймы, словесные товарные знаки. Как известно, «основную долю современных товарных знаков составляют словесные товарные знаки» [Новичихина, 2019, с. 27]. Вопросы нейма и нейминга поднимались в диссертационных исследованиях М. Е. Новичихиной (Новичихина, 2004), И. В. Крюковой (Крюкова 2004), в работах Т. П. Романовой (Романова, 2008).

Для достижения поставленной цели мы выполнили ряд задач: выбрали 11 сфер бизнеса для отбора неймов; собрали контент; выработали критерии для оценки эффективности неймов респондентами; провели опрос респондентов; проанализировали полученные результаты.

Для исследования был собран эмпирический материал – контент неймов из 11 разных сфер бизнеса: банки; авиакомпания; доставки еды и продуктов; общественное питание; онлайн-школы; операторы сотовой связи; отели / гостиницы / апартаменты; пищевая промышленность; продуктовый ритейл; строительные компании; фитнес-клубы.

Сферы не являются смежными, что представляет исследовательский интерес для изучения разнообразных сфер бизнеса. Далее из каждой сферы бизнеса было выбрано по 4–6 брендов (количество разнится в зависимости от самой сферы), контент которых был изучен.

В рамках проведения анализа 47 неймов мы использовали методику опроса с применением шкал. Данный опрос мы создали и провели с помощью онлайн-инструмента «Google Формы». Период проведения опроса – с 11 апреля 2023 года по 25 апреля 2023 года.

Оценка текстов малого копирайта производилась по конкретно заданным критериям с использованием оценочной шкалы от «0» до «5», где:

- «0» – совсем не соответствует критерию;
- «1» – не соответствует критерию;
- «2» – частично соответствует критерию;
- «3» – средне соответствует критерию;

- «4» – в целом соответствует критерию;
- «5» – соответствует критерию в полной мере.

Данное тестирование с оценочной шкалой является наиболее релевантным методом для нашего исследования, так как респондентам был предоставлен обширный выбор в выставлении оценки по различным критериям, насколько это возможно. А критерии, в свою очередь, достаточно полно отражают все самые важные характеристики неймов, которые нам требуется проанализировать. Благодаря проведенному анализу мы получили количественные данные, по которым можно объективно отразить эффективность собранных копирайтерских материалов.

Итак, опрос проводится по определенным критериям. Нами были выделены следующие критерии:

- 1) соответствие сфере бизнеса;
- 2) запоминаемость;
- 3) отражение уникальных особенностей марки;
- 4) понятность;
- 5) оригинальность;
- 6) привлекательность;
- 7) выразительность.

Рассмотренные критерии мы считаем наиболее важными для анализа и оценки эффективности копирайтинга.

Важно было оценить неймы брендов различными сегментами целевой аудитории, так как зачастую это первый копирайтерский продвигающий материал, с которым сталкиваются не только потребители, но и большинство людей при взаимодействии с брендом.

Основные социально-демографические характеристики таковы: пол (мужской, женский); возрастная группа, к которой относится респондент (14–17 лет; 18–24 года; 25–34 года; 35–44 года; 45–55 лет; 55+).

Результаты первого этапа исследования: данные опроса

Проанализируем полученные данные опроса. В ходе исследования неймов было опрошено 54 респондента (из них 30 женщин и 24 мужчины).

Возрастные группы респондентов, которые принимали участие в опросе:

- 14–17 лет – 4 респондента (из них 2 женского пола и 2 мужского);
- 18–24 года – 22 респондента (из них 15 женщин и 7 мужчин);
- 25–34 года – 9 респондентов (из них 7 женщин и 2 мужчины);

- 35–44 года – 7 респондентов (из них 3 женщины и 4 мужчины);
- 45–54 года – 8 респондентов (из них 2 женщины и 6 мужчин);
- 55+ – 4 респондента (из них 2 женщины и 2 мужчины).

Для продуктивного анализа все результаты были выгружены в файл программы «Microsoft Excel».

Далее у каждого нейма (количество – 47) по каждому критерию (всего 7) высчитывалось среднее значение критерия по формуле

$$K_i = \frac{0 \times n_0 + 1 \times n_1 + 2 \times n_2 + 3 \times n_3 + 4 \times n_4 + 5 \times n_5}{54},$$

где K_i – среднее значение критерия;

0, 1, 2, 3, 4, 5 – оценки шкалы;

$n_0, n_1, n_2, n_3, n_4, n_5$ – количество голосов за соответствующую оценку;

54 – количество респондентов, прошедших опрос.

Все средние значения семи критериев, используемых в исследовании, высчитываются по данной формуле. Для того чтобы их высчитать, мы умножаем каждую оценку на количество проголосовавших за нее респондентов (умножение на «0» в данном случае исключается), затем складываем полученные значения и после этого делим на количество всех респондентов опроса. Если требуется, полученное число среднего значения округляется до ближайшего целого числа в соответствии с правилами округления.

Для упрощения и экономии времени обработки данных мы выполнили вычисления средних значений с помощью автоматизированной формулы «СУММ» в выгруженном нами из «Google Форм» Excel-файле. Для этого мы выделили нужный для расчета интервал ответов респондентов и поделили на количество респондентов – 54. Так мы получили целое или дробное число по каждому критерию 47 неймов, которое в соответствии с правилами округления округляем до ближайшего целого числа.

Таким образом, мы получаем таблицу со средними значениями всех семи критериев. Для удобства и наглядности оценки эффективности мы разработали классификацию, по которой быстро можно оценить эффективность того или иного продвигающего копирайтерского текста (см. Таблицу 1). Классификация эффективности текстов заключается в распределении текста по одной из 4 категорий, в зависимости от набранных текстом суммы баллов по всем (7) критериям.

Таблица 1

**Классификация эффективности
продвигающих текстов**

Сумма баллов текста по всем критериям	Категория	Класс эффективности
0-15 б.	I	Низкий
16-21 б.	II	Средний
22-25 б.	III	Хороший
26-35 б.	IV	Высокий

Таким образом, мы определили класс для каждого текста. Итоги классифицирования позволяют сделать вывод, что большинство неймов относятся к классу с хорошей эффективностью (62 %). Их больше, чем средних текстов, в 3 раза (19 %). Неймы с низкой эффективностью отсутствуют. Данную классификацию мы далее использовали для анализа применимости алгоритмов машинного обучения к подобным текстам.

Далее более детально проанализируем полученные результаты. Средние значения в «0» и «1» балл отсутствуют, оценок в 5 баллов по какому-либо из критериев не так много: всего 5

названий брендов. Более того, нейм «Аэрофлот» собрал сразу по трем критериям 5 баллов: по критерию «соответствие сфере бизнеса», «запоминаемость» и «понятность». Это говорит о высокой эффективности нейма, так как остальные критерии («отражение уникальных особенностей марки», «оригинальность», «привлекательность», «выразительность») тоже получили высокое среднее значение – 4 балла. Нейм «Победа» имеет максимальный средний балл по критерию «запоминаемость» – 5 баллов. И название «S7 Airlines» по итогам опроса и по критерию «оригинальность» получил оценку «5». Обратим внимание, что все три нейма являются неймами авиакомпаний.

Для неймов мы создали диаграмму суммы баллов (полученных с помощью высчитывания средних значений) всех неймов по каждому из 7 критериев (см. Рисунок 1). Максимум, который можно было получить при условии, если среднее значение каждого нейма (47) получилось «5», – 235 баллов.



Рисунок 1. Диаграмма суммы баллов 47 неймов по каждому критерию

Исходя из диаграммы, мы видим, что критерий «соответствие сфере бизнеса» набрал 175 баллов из 235 возможных. Это является самым высоким результатом среди всех 7 критериев: в большинстве неймов респонденты оценили данный критерий на высокие баллы, а значит, в 74,5 % случаев неймы соответствуют своей сфере бизнеса или же так это понимают респонденты. Также только один нейм «Аэрофлот» получил среднее значение этого критерия «5», что является очень хорошим показателем для бренда. Можно сделать вывод, что сложное сужествональное «Аэрофлот», состоящее из двух частей: «аэро» (корень, связанный с воздухом, относящийся к авиации) и «флот» (обозначает совокупность всех судов в большом масштабе) являются для респондентов прямыми ас-

социациями с авиационной сферой деятельности компании.

Мы также рассмотрели детальные полученные данные по критерию «Запоминаемость». Здесь результаты чуть ниже, но занимают второе место по количеству баллов среди критериев. По этому критерию уже больше неймов, которые соответствуют 3 баллам – 18, но названий брендов на 4 балла все равно больше – им соответствует 27 неймов. Также по этому критерию целым двум неймам удалось получить 5 баллов – это названия «Аэрофлот» и «Победа» (отметим также, что оба бренда из сферы авиабизнеса).

Оставшиеся значения пяти критериев варьируются в интервале 153–140 баллов, что говорит нам о том, что анализируемые неймы в 60–65 % случаев соответствуют критерию.

Далее обратимся к гистограмме на рисунке 3. Наиболее эффективными по итогам опроса являются неймы брендов «Аэрофлот», «Шоколадница», «Билайн», «Fitness House» и «Самокат».

Заметим, что у 3 из 5 названий (за исключением «Аэрофлота», «Билайна») критерий выразительности – 3 балла.



Рисунок 2. Диаграмма суммы баллов каждого нейма по всем критериям

Наименьшее количество баллов получил нейм «Семья» (18 б.), представляющий сферу бизнеса строительных компаний (см. Рисунок 2). Данное название компании получило оценку «2» по критериям «оригинальность», «привлекательность», «выразительность»: это свидетельствует об ординарности и о широте понимания такого нейма. Он совершенно не отражает сферу деятельности компании.

Также близкие по количеству баллов эффективности к нейму «Семья» неймы «Совкомбанк» и «РСТИ» (см. Рисунок 2). У «Совкомбанк» низкие баллы по критериям «оригинальность» и «выразительность», что свидетельствует об «упрощенности» нейма и отсутствии у респондентов впечатлений от него. У нейма «РСТИ» страдают другие критерии – «запоминаемость» и «отражение уникальных особенностей марки», так как нейм состоит из аббревиатуры, которую тяжело запомнить. Однако для строительных компаний характерно использование аббревиатур – «РСТИ», «ЦДС».

Семантика неймов ниши продуктового ритейла не имеет прямой корреляции со своей сферой бизнеса, и вне контекста данные названия могут быть использованы и в других сферах бизнеса. Однако большинство неймов все-таки образова-

ны от слов, семантически связанных с той или иной сферой бизнеса.

Таким образом, мы можем подвести итоги оценки эффективности неймов брендов, проведенной при помощи опроса респондентов. В полученных данных исследования присутствует субъективная оценка респондентов, что в целом, на наш взгляд, влияет на объективность результатов. Во-первых, субъективность может выражаться в том, что на оценки респондентов оказывает влияние степень лояльности к бренду, отношение, опыт взаимодействия с брендом. Во-вторых, каждый респондент может по-разному понимать критерии для оценивания копирайта в силу своих представлений, уровня образования и других факторов. В итоге есть вероятность получить нерепрезентативные и необъективные результаты.

Результаты второго этапа исследования: оценка целесообразности применимости алгоритмов машинного обучения

Одной из целей данного этапа исследования стал анализ применимости алгоритмов классического машинного обучения к продающим и продавающим текстам. Собранный массив текстовых данных мы использовали для проверки гипотезы о том, что статистические подходы к ана-

лизу текстов (т.е. применение ml-моделей) могут выявить скрытые закономерности между отдельными критериями (набор критериев, которые были предложены респондентам) и успешностью копирайта в целом. Подтверждение этой гипотезы может вести к разным стратегиям, например: если применимость машинного обучения подтверждается, то их можно использовать для автоматизации (или частичной автоматизации) проводимой оценки; апеллирование к скрытым закономерностям может дополнять оценку экспертов, так как речь идет о взаимосвязях, которые человеческим глазом неувидимы, но заметны при анализе статистических данных. Иными словами, проверка целесообразности применения ml-моделей к подобным текстам – актуальная проблема, которая позволит обновить и дополнить существующие методологии эффективно копирайтерских текстов.

Подчеркнем, что данный метод не может являться полной заменой опроса респондентов или оценки экспертов: на эффективность текста могут влиять профессиональные знания, культура, менталитет, особенности языка, а разработать универсальный алгоритм, который учитывает все эти, эфемерные с точки зрения математики, факторы представляется задачей из далекого будущего. Таким образом, стоит рассматривать применение алгоритмов машинного обучения к поставленной задаче с точки зрения автоматизации процесса первичной оценки созданных / подобранных текстов, который из множества вариантов сможет отфильтровать абсолютно неподходящие.

Для того чтобы проверить возможность нахождения закономерностей в текстах данного типа, мы воспользовались ранее созданной разметкой на 4 класса: низкая (0), средняя (1), хорошая (2) и отличная (3) эффективность текста. Логика деления на классы описана выше.

Прежде чем обратиться к обучению модели мультиклассовой классификации, мы решили исследовать данные методом кластеризации, чтобы удостовериться, что в текстах действительно есть закономерности, которые с математической точки зрения заметны. Такая постановка задачи в машинном обучении называется обучением без учителя, или обучением на неразмеченных данных. Таким образом, на этом этапе анализа данных мы использовали тексты и баллы, поставленные респондентами по каждому критерию. Целевую переменную (класс) из данных мы исключили. Про задачу обучения без

учителя можно думать как про задачу восстановления распределения данных: понимание того, как объекты распределены в пространстве признаков, какие наиболее характерные значения у них есть, где объектов мало, а где они лежат плотным облаком.

Формальная постановка задачи кластеризации [Ahuja, 2020, p. 225–248.] может быть представлена следующим образом: пусть X – множество объектов, Y – множество номеров (имен, меток) кластеров. Задана функция расстояния между объектами $p(x, x')$. Имеется конечная обучающая выборка объектов $X^m = \{x_1, \dots, x_m\} \subset X$. Требуется разбить выборку на непересекающиеся подмножества, называемые кластерами, так, чтобы каждый кластер состоял из объектов, близких по метрике p , а объекты разных кластеров существенно отличались. При этом каждому объекту $x_i \in X^m$ приписывается номер кластера y_i .

Алгоритм кластеризации – это функция $\alpha: X \rightarrow Y$, которая любому объекту $x \in X$ ставит в соответствие номер кластера $y \in Y$. Множество Y в некоторых случаях известно заранее, однако чаще ставится задача определить оптимальное число кластеров, с точки зрения того или иного критерия качества кластеризации.

Таким образом, задачу кластеризации можно описать как разбиение объектов на однородные группы. Итак, с помощью кластерного анализа мы решили проверить, разобьется ли набор данных на 4 кластера (что соответствовало бы выделенным ранее вручную 4 классам). Кластеризация была проведена с использованием алгоритма К-средних [Ahmed, 2020, p. 1295], так как он позволяет задать количество искомых кластеров. Данные разделились на кластеры, что показало нам наличие в них закономерностей, которые уловимы с точки зрения математики. Однако в данном случае алгоритм изучал пространство признаков с учетом оценок респондентов, то есть в данном случае мы проверили сам факт того, что скрытые закономерности в оценках есть, они улавливаются простейшей моделью кластеризации, а значит, на этих данных можно обучать алгоритмы классификации. Результаты выглядели настолько обнадеживающе, что мы решили провести кластеризацию, используя в качестве подаваемых на вход модели данных только тексты. В этом случае данные разбились гораздо хуже. Это значит, что хотя в результате обучения модель кластеризации может для нового объекта определить номер кластера, к которому этот объект с ее точки зрения принадлежит, но ее исполь-

зование для подобного рода текстовых данных без дополнительных категориальных признаков представляется затруднительным. Кроме того, кластеризация является в каком-то смысле «слепым» методом, при котором данные разбиваются по похожести друг на друга, но эта похожесть больше продиктована векторным пространством, нежели управляемой логикой. Именно поэтому использование оценок респондентов существенно улучшало разбиение данных на кластеры: алгоритм «понимал» идейный смысл похожести текстов (по категориальным признакам, которыми являлись оценки респондентов по отдельным критериям), и, таким образом, разбиение становилось более логичным и репрезентативным.

Полученные результаты кластеризации показывают, что количество объектов в кластерах неравное, к тому же не все объекты одинаково тяготеют к центроиду. Поэтому мы решили провести EDA-исследование, целью которого было выявить логику распределения баллов респондентов (и это могло помочь нам сделать выводы

по настройке итоговой ML-модели на последнем шаге), проанализировать взаимосвязь двух конкретных критериев друг с другом.

К примеру, изучение взаимосвязи критериев «оригинальность» и «выразительность» дало понимание, что чем выше значение оценки оригинальности, тем выше значения и выразительности – это касается всех оценок, за исключением «5». Чтобы лучше изучить закономерности, была построена матрица корреляций, которая дает возможность посмотреть вклад каждого критерия в судьбу оценки нейма. В матрице отображается коэффициент взаимосвязи критериев, который поможет определить, какие именно критерии влияют друг на друга. На рисунке 3 мы видим, что такие пары критериев, как соответствие сфере бизнеса и запоминаемость; оригинальность и отражение уникальных особенностей марки; выразительность и отражение уникальных особенностей марки имеют очень низкую корреляцию друг с другом: от 0.18 до 0.23.

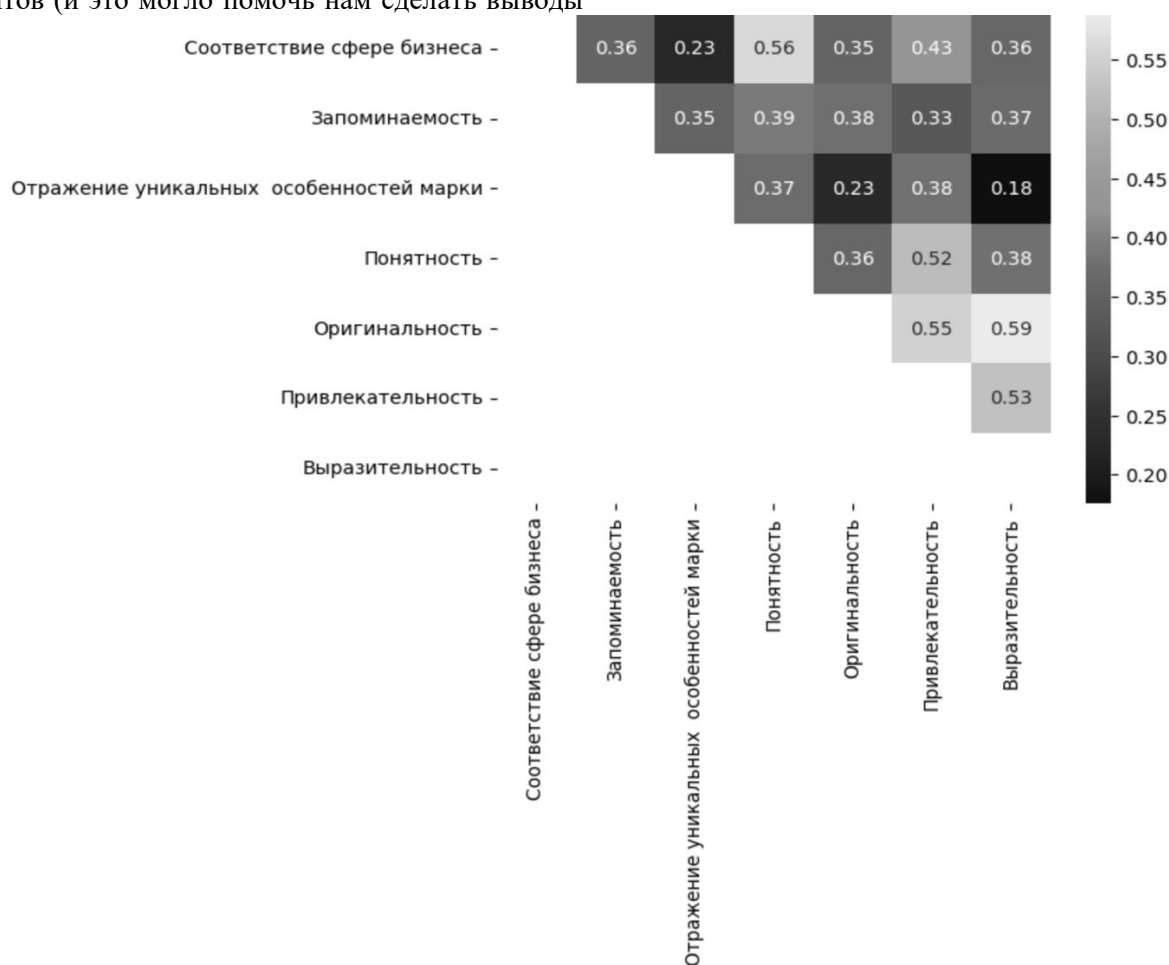


Рисунок 3. Матрица корреляций критериев по неймам брендов

Таким образом, наиболее высокая корреляция у критериев «соответствие сфере бизнеса» и «понятность»; «выразительность» и «привлекательность»; «оригинальность» и «привлекательность». Это также наводит на мысль, что выраженные коэффициенты в матрице могут быть далее предсказаны на новых данных с помощью математического аппарата.

Все это доказывает, что единственно верный путь к автоматизации оценки неймов – мультиклассовая классификация текстов.

Собранные данные уже были размечены на предыдущем этапе на 4 класса, это позволило сразу же обратиться к обучению ml-моделей. Набор данных был разделен на обучающую и тестовую выборки в соотношении 70 % к 30 %. Данное разделение позволило качественно обучить модель, а также оставить для проверки качества ее работы достаточно данных. Стоит отметить, что в нашем случае стояла задача несбалансированной классификации, так как для одного из выделенных классов в выборке присутствовало существенно меньше примеров, чем для остальных (этот факт отражен в предыдущем разделе). Мы применили *reweighting*-подход для того, чтобы модель точнее работала с классами, в которых примеров в разы меньше [Yan, 2020, p. 1–19]. Этот подход заключался в том, что объектам малого класса назначался больший вес в функционале ошибки. То есть за ошибку на малом классе штраф был выше, чем за ошибку на большем. При подготовке данных мы также учли выявленные закономерности корреляции признаков и отсеяли ненужные критерии оценок [Xiang, 2012, p. 1738–1754]. Мы обучили две модели классификации: 1) на основе метода *k*-ближайших соседей (*k*-nearest neighbors) [Abu Alfeilat, 2019, p. 221–248]; 2) и на основе дерева решений (Decision Trees) [Charbuty, 2021, p. 20–28]. *F*-мера была выбрана для оценки точности работы классификатора. Она сводит к одному числу две других основополагающих метрики: точность и полноту, представляя собой гармоническое среднее между ними [Grandini, 2020]. К тому же в отличие от *Accurasy* (точность) более чувствительна к оценке несбалансированной классификации. Метрика качества дала результат 0.60–0.70 для обеих моделей и всех вариантов обучения, что в целом является оптимистичным результатом, так как наши данные неоднородны, используются неймы брендов из разных сфер бизнеса, имеющие свои особенности.

Общий вывод эксперимента заключается в том, что обучающие наборы данных необходимо собирать для одной сферы бизнеса, также имеет смысл увеличить количество примеров (выборку объектов), подающихся на вход модели.

Выводы

Предварительная оценка эффективности текстов в зависимости от их особенностей с помощью машинного метода возможна и является удобным и объективным способом для одного из этапов оценки эффективности текстов перед тем, как использовать копирайтинг в работе – а именно перед оценкой текста с помощью других методик. Машинный метод оценки эффективности поможет отобрать из большого количества материала копирайтинга наиболее подходящие и эффективные варианты, а также машинный алгоритм подробно может систематизировать данные для анализа. Можно предположить, что в рамках дальнейшего развития компьютерных технологий это направление будет расширяться. На данном этапе нам на примере текстов малого копирайта удалось показать их использование для анализа и оценки эффективности продвигающего и продающего текста.

Библиографический список

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза: теория и практика : учебное пособие. Москва : Флинта : Наука, 2007. 592 с.
2. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009. 252 с.
3. Григорьева Э. Л. Сопоставительный анализ при проведении лингвистической экспертизы товарных знаков // Сопоставительные исследования 2016 / научн. ред. А. И. Стернин. Воронеж : Истоки, 2016. С. 184–192.
4. Голев Н. Д., Матвеева О. Н. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики // Цена слова : Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М. В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Галерея, 2002. 183 с.
5. Дударева Я. А. Методика определения ассоциативного сходства товарных знаков: пропозициональный анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2012. Вып. 1. С. 143–148.
6. Кафтанджиев Хр. Тексты печатной рекламы. Москва : Смысл, 1995. 134 с.
7. Кривоносов А. Д. PR-текст как инструмент публичных коммуникаций. Санкт-Петербург, 2002. 388 с.

8. Кривоносов А. Д., Шевченко А. С. Копирайтинг и спичрайтинг : учебное пособие. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2018. 66 с.

9. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград, 2004. 360 с.

10. Назайкин А. Н. Методы и критерии тестирования рекламы / сайт Александра Назайкина. URL: http://www.nazaykin.ru/AD/effect/metody_i_kriterii.htm (дата обращения: 23.03.2023).

11. Новичихина М. Е. Теоретические проблемы коммерческой номинации. Воронеж, 2004. 351 с.

12. Новичихина М. Е. Товарный знак: вопросы функционирования и лингвистической экспертизы. Воронеж : Кварта, 2019. 108 с.

13. Романова Т. П. Теория и методика создания коммерческих наименований и рекламных текстов : учебное пособие. Самара : Универс-групп, 2008. 155 с.

14. Стернин И. А. Основы лингвокриминалистики : учебное пособие. Воронеж : изд. дом ВГУ, 2018. 300 с.

15. Ухова Л. В. Методика оценки эффективности рекламного текста // Вестник ИГЛУ. 2012. №3 (20). С. 196–206.

16. Ухова Л. В. Теоретические проблемы исследования эффективности рекламного текста. Ярославль, 2013. 452 с.

17. Ahmed M., Seraj R., Islam S. M. S. The k-means algorithm: A comprehensive survey and performance evaluation // Electronics. 2020. V. 9. №. 8. P. 1295.

18. Abu Alfeilat H. A. et al. Effects of distance measure choice on k-nearest neighbor classifier performance: a review // Big data. 2019. T. 7. №. 4. C. 221–248.

19. Charbuty B., Abdulazeez A. Classification based on decision tree algorithm for machine learning // Journal of Applied Science and Technology Trends. 2021. T. 2. №. 01. C. 20–28.

20. Grandini M., Bagli E., Visani G. Metrics for multi-class classification: an overview // arXiv preprint arXiv:2008.05756. 2020.

21. Xiang S. et al. Discriminative least squares regression for multiclass classification and feature selection // IEEE transactions on neural networks and learning systems. 2012. V. 23. №. 11. P. 1738–1754.

22. Yan C. et al. Self-weighted robust LDA for multiclass classification with edge classes // ACM Transactions on Intelligent Systems and Technology (TIST). 2020. V. 12. №. 1. P. 1–19.

Reference list

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaja jekspertiza: teorija i praktika = Linguistic expertise: theory and practice : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta : Nauka, 2007. 592 s.

2. Brinev K. I. Teoreticheskaja lingvistika i sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza = Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise. Barnaul, 2009. 252 s.

3. Grigor'eva Je. L. Sopostavitel'nyj analiz pri provedenii lingvisticheskoi jekspertizy tovarnykh znakov =

Comparative analysis in linguistic examination of trademarks // Sopostavitel'nye issledovaniya 2016 / nauchn. red. A. I. Sternin. Voronezh : Istoki, 2016. S. 184–192.

4. Golev N. D., Matveeva O. N. Znachenie lingvisticheskoi jekspertizy dlja jurisprudencii i lingvistiki = Importance of linguistic expertise for law and linguistics // Cena slova : Iz praktiki lingvisticheskikh jekspertiz tekstov SMI v sudebnykh processakh po iskam o zashhite chesti, dostoinstva i delovoi reputacii / pod red. prof. M. V. Gorbanevskogo. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva : Galerija, 2002. 183 s.

5. Dudareva Ja. A. Metodika opredelenija associativnogo shodstva tovarnykh znakov: propozicional'nyj analiz = Methodology for determining associative similarity of trademarks: propositional analysis // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Kemerovo, 2012. Vyp. 1. S. 143–148.

6. Kaftandzhiev Hr. Teksty pechatnoj reklamy = Printed advertisements text. Moskva : Smysl, 1995. 134 s.

7. Krivonosov A. D. PR-tekst kak instrument publicnykh kommunikacij = PR-text as a tool of public communications. Sankt-Peterburg, 2002. 388 s.

8. Krivonosov A. D., Shevchenko A. S. Kopirajting i spichrajting = Copywriting and speechwriting : uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGJeU, 2018. 66 s.

9. Krjukova I. V. Reklamnoe imja: ot izobretenija do precedentsnosti = Advertising name: from the invention to precedents. Volgograd, 2004. 360 s.

10. Nazajkin A. N. Metody i kriterii testirovanija reklamy = Methods and criteria for advertisement testing / sayt Aleksandra Nazajkina. URL: http://www.nazaykin.ru/AD/effect/metody_i_kriterii.htm (data obrashhenija: 23.03.2023).

11. Novichihina M. E. Teoreticheskie problemy kommercheskoj nominacii = Theoretical problems of commercial naming. Voronezh, 2004. 351 s.

12. Novichihina M. E. Tovarnyj znak: voprosy funkcionirovanija i lingvisticheskoi jekspertizy = Trademark: issues of functioning and linguistic expertise. Voronezh : Kvarta, 2019. 108 s.

13. Romanova T. P. Teorija i metodika sozdaniya kommercheskich naimenovanij i reklamnykh tekstov = Theory and methodology of creating commercial names and advertising copies : uchebnoe posobie. Samara : Univers-grupp, 2008. 155 s.

14. Sternin I. A. Osnovy lingvokriminalistiki = Basics of linguistic forensics : uchebnoe posobie. Voronezh : izd. dom VGU, 2018. 300 s.

15. Uhova L. V. Metodika ocenki jeffektivnosti reklamnogo teksta = Methodology for assessing the effectiveness of an ad copy // Vestnik IGLU. 2012. №3 (20). S. 196–206.

16. Uhova L. V. Teoreticheskie problemy issledovanija jeffektivnosti reklamnogo teksta = Theoretical problems of studying the effectiveness of advertising text. Jaroslavl', 2013. 452 s.

17. Ahmed M., Seraj R., Islam S. M. S. The k-means algorithm: A comprehensive survey and performance evaluation // *Electronics*. 2020. V. 9. №. 8. P. 1295.
18. Abu Alfeilat H. A. et al. Effects of distance measure choice on k-nearest neighbor classifier performance: a review // *Big data*. 2019. T. 7. №. 4. S. 221–248.
19. Charbuty B., Abdulazeez A. Classification based on decision tree algorithm for machine learning // *Journal of Applied Science and Technology Trends*. 2021. T. 2. №. 01. S. 20–28.
20. Grandini M., Bagli E., Visani G. Metrics for multi-class classification: an overview // *arXiv preprint arXiv:2008.05756*. 2020.
21. Xiang S. et al. Discriminative least squares regression for multiclass classification and feature selection // *IEEE transactions on neural networks and learning systems*. 2012. V. 23. №. 11. P. 1738–1754.
22. Yan C. et al. Self-weighted robust LDA for multiclass classification with edge classes // *ACM Transactions on Intelligent Systems and Technology (TIST)*. 2020. V. 12. №. 1. P. 1–19.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 21.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 81`23

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_50

EDN: SQLZTN

Медиавиктимизация как результат влияния виктимогенного контента СМИ

Ирина Михайловна Доронина

Кандидат филологических наук, старший преподаватель института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук; старший преподаватель института лингвистического и педагогического образования Национального исследовательского университета Московский институт электронной техники. 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1
doronina.im@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-7326-8064>

Аннотация. Автор акцентирует внимание на проблеме циркуляции виктимогенного контента в средствах массовой информации и его психологического влияния на адресата. В статье доказывается, что трагические случаи из жизни нередко гиперболизируются и романтизируются журналистами для получения шок-контента (с помощью obscene (profane) лексики, описания убийств (самоубийств) и их способов (вербальные и невербальные факторы), оскорбительных реплик, описанных в прямой речи, цитате, стенограмме или пересказанных своими словами, то есть посредством различных форм речевой агрессии). Обнаружено, что такой подход в ряде случаев имеет социально опасные последствия, которые находят отражение в психологии поведения и некоторыми психологами определяются как «эффект Вертера».

В фокусе внимания находится и другой психологический феномен – «эффект подражателя», который также зачастую провоцируется журналистами, даже когда реального объекта подражания не существует. Все это способствует медиавиктимизации адресата и может приводить к появлению цепной реакции в обществе и трагедиям массового характера.

Автор выделяет два фактора и условия виктимности в системе медиа: степень внушаемости и конформности потребителя медиаконтента (адресата) и особенности профессии журналиста (адресанта), в частности, наличие у него доступа к определенным регулирующим ресурсам (сбору информации и ее распространению). В статье предложено и аргументировано рабочее определение медиавиктимизации. Качественным анализом ряда прецедентных текстов (в т. ч. массовой литературы) проиллюстрирована зависимость виктимизации адресата от виктимогенного контента. Высказано мнение об актуальности дальнейших исследований поставленной проблемы с акцентом на виктимизацию адресанта (журналиста), поскольку, выступая виктимизатором, в ряде случаев он сам подвержен виктимизации.

Ключевые слова: медиавиктимизация; виктимность; СМИ; шок-контент; виктимогенность СМИ; восприятие; медиа; психолингвистика; юрислингвистика

Для цитирования: Доронина И. М. Медиавиктимизация как результат влияния виктимогенного контента СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 50–56.
http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_50. <https://elibrary.ru/SQLZTN>

Original article

Media victimization as a result of the victimogenic media content influence

Irina M. Doronina

Candidate of philological sciences, senior lecturer at the Institute of high-tech law, social sciences and humanities; senior lecturer at the Institute of linguistic and pedagogical education, National research university Moscow institute of electronic engineering. 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1
doronina.im@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-7326-8064>

Abstract. The article focuses on circulation of victimogenic content in mass media and its psychological impact on the addressee. The author proves that real-life tragic events are often hyperbolized and romanticized by journalists in order to produce shock content (by means of obscene (profane) language, description of murders (suicides) and their methods (verbal and non-verbal factors), insulting remarks expressed by the direct speech, quotations and transcript or retold in their own words, i.e. by means of various forms of speech aggression. This approach has been found to

sometimes have socially dangerous consequences that are recognized by behavioral psychology and defined by some psychologists as the «Werther effect».

Another psychological phenomenon, the «copycat effect», is also in the focus of attention. It is quite often provoked by journalists, even when the real object of imitation does not exist. All this contributes to the media victimization of the addressee and can lead to a chain reaction in society and to mass tragedies.

The author highlights two factors and conditions of victimization in the media system: the degree of suggestibility and conformity of the media content consumer (addressee) and peculiarities of the journalist's profession (addresser), which includes access to certain regulatory resources (collecting and spreading information). The article proposes and gives arguments for a working definition of media victimization. The qualitative analysis of a number of precedent texts (including mass literature) illustrates the impact of victimogenic content on the addressee's victimization. The author expresses an opinion on the relevance of further research into the problem with a focus on the addresser's (journalist's) victimization, because, acting as victimizers, in some cases journalists themselves are subject to victimization.

Key words: media victimization; victimhood; mass media; shock-content; victimization of mass media; perception; media; psycholinguistics; legal linguistics

For citation: Doronina I. M. Media victimization as a result of the victimogenic media content influence. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):50–56. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_50. <https://elibrary.ru/SQZLTN>

Введение

Комплексный подход к расследованию смертельных случаев имел место еще на заре криминалистической науки [Бертовский, Глазунова, Маслов, 2019, с. 110]: в частности, уже в конце 1950-х годов посредством аутопсии проводился поведенческий анализ психики жертвы [Сыро-квашина, 2018, с. 80], результатом которого должно было стать определение причины трагического случая, установление списка причастных. Другими словами, система правоохранения всегда включала в себя действия, связанные с изучением виктимности, виктимизации и способов девиктимизации людей [Тойч Дж., Тойч Ч., 2019].

Виктимность – это «вероятностное свойство личности, предрасположенность превращаться в жертву преступления» [Варчук, 2009, с. 27]. В качестве факторов и условий *виктимности в системе медиа* предлагаем выделять:

1) степень внушаемости и конформности потребителя медиаконтента (*адресата*);

2) особенности профессии журналиста (*адресанта*), в частности, наличие у него доступа к определенным регулирующим ресурсам (сбору информации и ее распространению).

Методы исследования

Для концептуализации описываемого явления был использован принцип морфологического словообразования, который позволил путем соединения значений английской лексемы *media* (средство массовой информации) / латинской *medium* (посредник) и латинской *victima* (жертва) образовать понятие *медиавиктимизация* – процесс или результат повышения уровня виктим-

ности под влиянием средств массовой информации. Результаты проведенного качественного анализа ряда прецедентных текстов (в т. ч. массовой литературы) свидетельствуют о зависимости степени виктимизации адресата от виктимогенного контента.

Результаты исследования

Примером медиавиктимизации является дело серийного убийцы, которому из-за способов расправы с жертвой дали прозвище Джек-потрошитель. Это дело получило широкую огласку в СМИ и стало виктимогенным: у Джека-потрошителя появились подражатели. Во время расследования убийств в полицию, газеты и другие организации приходили письма виктимогенного содержания [Захарова, 2023, с. 101], написанные разными людьми с разным психологическим профилем. Всего расследование, проведенное сыщиками, включало проверку 11 убийств, среди которых пять (Мэри Энн Николз, Энни Чэпмен, Элизабет Страйд, Кэтрин Эддоус и Мэри Джейн Келли) с одним модус операнди и шесть (Эмма Элизабет Смит, Марта Табрам, Роуз Маллет, Элис Маккензи, Фрэнсис Коулз и неопознанная женщина) – с другим.

Бывший спецagent ФБР, стоявший у истоков создания профайлинга, неоднократно подчеркивал, что многие преступники винят в совершенных преступлениях именно прессу. «Могут ли фильмы, телевидение, книги или порнографические ролики и журналы превращать обычного мужчину в человека, совершающего жестокие преступления? Может ли обилие жестокости в телесериалах и кинофильмах сделать общество равнодушным до такой степени, что мы потеряем способность отличать добро от зла и утратим

контроль за своими импульсами?» – спрашивает Дуглас в своей книге «Почему они убивают?».

Отвечает бывший спецгент ФБР на свои вопросы противоречиво: СМИ действительно могут поставлять преступникам идеи для их преступлений (и модус операнди, и элементы сигнатур), могут служить фактором влияния *на тех, кто уже склонен к жестокости*, и могут делать людей равнодушными к реальным ужасам, творящимся рядом. В то же время, говорит Дуглас, «за исключением крайне редких случаев, медиа (включая порноиндустрию) не делают в остальном порядочных и законопослушных граждан жестокими и асоциальными типами» [Дуглас, 2022, с. 103–114].

В качестве примера медиавиктимизации Дуглас приводит расследование уголовного дела, где американский военный жестоко зарезал жену и детей, в точности следуя сценарию из детективного журнала. Причину выявили, обнаружив в доме преступника этот журнал, открытый на странице, где образно описывалась жестокая сцена. Преступник сделал все в точности по сценарию: использовал то же оружие, произвел описываемые манипуляции с телом [Дуглас, 2022, с. 103–114].

Закрепим промежуточный вывод: медиавиктимизация напрямую связана со структурой психики человека, его социализированностью и способностью следовать букве закона. Люди, которым свойственна сверхчувствительность, характеризующиеся чрезмерной психологической уязвимостью, склонностью к эмоциональному заражению, подвержены медиавиктимизации.

Еще один эффект, провоцирующий медиавиктимизацию, описан в книге Лорен Коулман «Эффект подражания» [Coleman, 2004], где исследуется феномен влияния на общество чрезмерного насыщения СМИ описанием сцен убийств, самоубийств и смертельных трагедий. Примером эффекта подражания Коулман называет роман И. В. Гете «Страдания юного Вертера», где юноша Вертер влюбляется в женщину, которая обещана другому. Склонный к максимализму, Вертер решает, что его жизнь не может продолжаться, так как надежды на взаимную любовь нет. Гете представляет невербальное сообщение о деталях самоубийства: «Судя по тому, что на спинке кресла была кровь, стрелял он, сидя за столом, а потом соскользнул на пол и бился в судорогах возле кресла... Он лежал, обессиленный, на спине, головой к окну, одетый, в сапогах, в синем фраке и желтом жилете» [Гете, 1999,

с. 175]. Коулман и ряд других авторов (см., например, [Жихарева, 2018, с. 81]) подтверждают, что такое детальное описание самоубийства повлияло на медиавиктимизацию молодежи Европы: много молодых людей по причине неразделенной любви застрелились, переодевшись Вертером, сидя за своим письменным столом в синем фраке и желтом жилете. В зарубежных источниках эта гипотеза нередко подвергается критике [Niederkrötenhaller, Herberth, Sonneck, 2007], однако известно, что в результате медиавиктимизации популярное произведение Гете в ряде стран было запрещено. Это событие стало родовым в образовании термина психологии поведения – «эффект Вертера», который объяснял, например, «почему наибольший рост количества аварий происходит сразу же после того, как информация о самоубийствах стала широко доступной через СМИ и, соответственно, ею овладело наибольшее количество людей» [Чалдини, 2017, с. 218].

О трагедии в школе «Колумбайн» в 1999 году написала вся мировая пресса [Пучнин, Пучнина, 2021, с. 38]. Ужасная бойня в школе повлекла за собой не только волну ужаса родителей, но и многолетнюю волну подражателей. Один из таких случаев не так давно случился и в России. Утром 11 мая 2021 года подросток Ильназ Галявиев создал себе однодневный телеграм-канал «Бог» и напечатал сообщение криминогенного характера: «Сегодня убью огромное количество биомусора и сам застрелюсь». Приговор детям и учителям Галявиев привел в исполнение около 10 часов утра, во время второго школьного урока [Мы теряем наших детей...].

3 февраля 2018 года студент МГТУ им. Баумана Артем Исхаков убил свою сожительницу Таню Страхову путем удушения с посмертным изнасилованием, за что был прозван в СМИ «Бауманский Отелло». Сам он застрелился, но прежде подробно описал способ убийства в своей социальной сети «ВКонтакте», которую и Таня, и Артем активно использовали как инструмент маркетинга личности [Ухова, 2017, с. 98]. В данном контексте логична параллель медиавиктимизации с кибервиктимизацией – явлением, которое исследователи объясняют временем, проведенным в социальных сетях, и которое связано «с негативными симптомами, такими как глубокая депрессия, тревога и низкое субъективное благополучие» [The relationship between addictive..., 2016; Facebook use predicts declines..., 2013; Association between social media..., 2016]. В

то же время, на наш взгляд, понятие медиавиктимизации является более широким, так как она связана с виктимогенным контентом не только Интернета, но и других журналистских форм. В частности, посетители страницы «ВКонтакте» Артема Исакова были подвержены кибервиктимизации, но, так как страница была доступна всем пользователям интернета, ее цитировали и анализировали и на других площадках (КП.ру, Lenta.ru, «Такие дела»), включая художественную литературу и печатные научные издания [Кулик, 2022, с. 330–365; Иовва, 2018, с. 200].

В русскоязычном интернете появилась группа поклонников Артема и Тани – «Мертвишко-тред» [Мертвишко-тред...], где подростки обсуждают случившуюся трагедию. Сайт существует на пожертвования и на момент проведения исследования доступен для посещения. Цели его создания анонимный автор (Аноним 20/03/18 Втр 17:40:35 #93 №4936312) комментирует так (обценная лексика исключена или заменена нормативными синонимами. – *И. Д.*):

«1. У нас нет личной жизни, поэтому мы, как телезрители Малахова, обсуждаем жизни ребят, которые вполне „отвязно“ жили и оставили достаточное количество контента. Стрёмно, но вот так.

2. [Мы] потребили достаточное количество этого самого контента, в том числе дневники-стихи, и главные герои уже [не кажутся нам] чужими людьми.

3. Забавляемся всякой [ерундой] типа шутейками про Полежайкина и кучей совпадений с Казаковым.

4. Разделились на четыре лагеря: „[осудить] обоих“, „[осудить] Танечку“, „[осудить] Артема“, „оба няши, обоих жаль“.

5. Пытаемся воссоздать картинку становления убийцы-самоубийцы.

6. Мы „поехавшие дауны“.

7. Мы грустим, что упустили братишку».

Поддерживая популярность трагической истории Тани и Артема, издание «МК.гу» взяло интервью у близкой подруги Исакова, в котором та признается: «Теперь многие девочки бросились копировать ее [Тани] стиль, покупают такую же одежду. Подбирают лак для ногтей, какой был у нее, носят такие же колечки, набивают тату на ногах. Она была модной, почему бы ей не подражать?» [МК.гу...].

Лорен Коулман обращает внимание на осознанный поиск руководителями СМИ виктимогенного контента, который впоследствии романтизируется и гиперболизируется. Пример такой

гиперболизации описан Коулман в главе «Лето акулы», где она рассказывает о том, как трагические случаи нападения акул на людей стали излюбленной повесткой дня, притом что в 2021 году статистика нападения акул на людей в представленном регионе показывала снижение в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года. По словам Джорджа Берджесса, директора Международной организации ISAF во Флориде, фактическое число погибших в то время сократилось с двенадцати до пяти: «Тот год был каким угодно, но даже не средним годом [по количеству нападений]. Он больше походил на лето безумия в средствах массовой информации», – цитирует Берджесса Коулман. 11 сентября 2001 года пресса перенаправила свое внимание на башни-близнецы, и все нападения акул на людей, судя по контенту СМИ, прекратились.

В результате медиавиктимизации на курортах длительное время пустели пляжи, активизировались браконьеры – истребители акул. «Смешайте это с оттенком сенсационности, игнорирующей факты о том, что самоубийств больше, чем убийств, что большинство недавних эпидемий, обсуждаемых в СМИ, не основаны на реальных статистических угрозах <...>, – пишет Лорен Коулман. – СМИ буквально впадают в неистовство по поводу того, какой новый вид террора и смерти они могут осветить, чтобы привести в восторг аудиторию, изголодавшуюся по новостям <...>. СМИ подобно чудовищному осьминогу, ищущему свою следующую жертву, рыщут вокруг, пытаясь выяснить, откуда в следующий раз появится их пища. Именно такая атмосфера в СМИ позволяет процветать эффекту подражателя, даже когда реального объекта подражания не существует» [Coleman, 2004].

Выводы

В криминологии принято считать преступлением виновно совершенное деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно к признанию его в качестве такового законом [Шестаков, 2003, с. 22]. В то же время Г. Н. Горшенков отмечает, что деяния, в которых факт использования СМИ не имеет юридического значения, имеют лишь фактическое, то есть криминологическое, значение [Горшенков, 2003, с. 122]. И. А. Носкова называет преступления, совершаемые *de jure* и *de facto* с использованием средств массовой информации, «массмедийными преступлениями» [Носкова, 2013, с. 93].

Проанализированные примеры подтверждают необходимость изучения воздействия контента средств массовой информации на восприимчивых и склонных к подражательству людей. Тема долгое время являлась одной из наименее изученных в области лингвистических исследований журналистского продукта [Niederkrötenhaler, Herberth, Sonneck, 2007, с. 289]. Предлагаем продолжить изучение данной проблематики с помощью глубинного анализа виктимности профессии журналиста (адресанта), которая включает в себя доступ к ряду регулирующих ресурсов (сбору информации и ее распространению), создающих прецеденты для медиавиктимизации. Изданию, выпускающему виктимогенный контент, предлагаем дать терминологическое обозначение *медиавиктимизатор*.

Библиографический список

- Бертовский Л. В., Глазунова И. В., Маслов И. В. Понятие и технология криминалистического распознавания самоубийства // Суицидология. 2019. № 1(34). С. 105–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-tehnologiya-kriminalisticheskogo-raspoznavaniya-samoubiystva> (дата обращения: 05.09.2023).
- Бронникова С. «Вы и убили-с». URL: <https://takiedela.ru/2018/01/vy-i-ubili-s/> (дата обращения: 05.09.2023).
- Варчук Т. В. Виктимология : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С. Я. Лебедева. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 263 с.
- Гете И. В. Страдания юного Вертера / издание подготовил Г. В. Стадников ; Академия наук СССР. Санкт-Петербург : Наука, 1999. 251 с. (Литературные памятники).
- Горшенков Г. Н. Криминология массовых коммуникаций : научно-учебное издание. Нижний Новгород : Издательство Нижегород. ун-та, 2003. 122 с.
- Дуглас Д., Олшейкер М. Почему они убивают. Как ФБР вычисляет серийных убийц. Москва : Эксмо, 2022. 416 с.
- Жихарева Л. В. Социально-психологические особенности суицидального заражения личности в интернет-пространстве // Научное мнение. 2018. № 1. С. 79–84.
- Захарова Л. Ю. Установление половой принадлежности исполнителя рукописи: опыт прошлого // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 100–105.
- Иовва Н. И. Прагматика публицистического высказывания // Современный дискурс-анализ. 2018. № 3-1(20). С. 168–202.
- Кулик А. В. Портрет психопата : профайлер о серийных убийцах. Москва : Эксмо, 2022. 384 с.
- Мертвишко-тред /fag/ – Фагготрия. URL: <http://arhivach.top/thread/348599/> (дата обращения: 05.09.2023).
- Мы теряем наших детей... // Совершенно секретно. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/obshchestvo/my-teryaem-nashikh-detey/> (дата обращения: 05.09.2023).
- Найден тайный дневник Артема Исакова, убившего девушку: «Мне было волшебным» // МК.ru. URL: <https://www.mk.ru/incident/2018/02/01/nayden-taynyy-dnevnik-studenta-baumanki-ubivshego-devushku-mne-bylo-volshebno.html> (дата обращения: 05.09.2023).
- Нелюбовь: студент Бауманки расправился с подругой из ВШЭ // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/brief/2018/01/23/stud/> (дата обращения: 05.09.2023).
- Носкова И. А. Преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации в криминологическом смысле // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4(31). С. 93–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-sovershaemye-s-ispolzovaniem-sredstv-massovoy-informatsii-v-kriminologicheskoy-smysle> (дата обращения: 05.09.2023).
- Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2021. № 2(76). С. 38–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-kolumbayn-kak-ekstremistskaya-i-terroristicheskaya-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 05.09.2023).
- Сыровквашина К. В. «Психологическая аутопсия» при суициде: история вопроса и современное состояние // Суицидология. 2018. № 3(32). С. 80–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-autopsiya-pri-suicide-istoriya-voprosa-i-sovremennoe-sostoyaniye> (дата обращения: 05.09.2023).
- Тойч Дж. М., Тойч Ч. К. Девиктимизация. Из жертвы в благополучатели / пер. с англ. Б. В. Сорин, Л. В. Сориная. Москва, 2019. 304 с.
- Ухова Л. В. Визуальный язык пользователей социальных сетей // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 4. С. 97–100.
- Чалдини Р. Психология влияния. Как научиться убеждать и добиваться успеха / перевод с английского О. С. Епимахова. Москва : Эксмо, 2013. 416 с.
- Шестаков Д. А. О понятии преступности. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д. А. Шестакова. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 353 с.
- Association between social media use and depression among U.S. young adults / L. Y. Lin, J. E. Sidani, A. Shensa [et al.]. Depression and Anxiety. 2016. Vol. 33(4). P. 323–331.

23. Coleman L. The copycat effect. How the media and popular culture trigger the mayhem in tomorrow's headlines. New York, 2004. 320 p.

24. Facebook use predicts declines in subjective well-being in young adults / E. Kross, P. Verduyn, E. Demiralp [et al.] // PLoS ONE. 2013. Vol. 8(8). Article e69841.

25. Niederkrotenthaler T., Herberth A., Sonneck G. The «Werther-effect»: Legend or reality? // Neuropsychiatrie: Klinik, Diagnostik, Therapie und Rehabilitation. 2007. Vol. 21. P. 284–290.

26. The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study / C. S. Andreassen, J. Billieux, M. D. Griffiths [et al.] // Psychology of Addictive Behaviors. 2016. Vol. 30(2). P. 252–262.

Reference list

1. Bertovskij L. V., Glazunova I. V., Maslov I. V. Ponjatie i tehnologija kriminalisticheskogo raspoznavaniya samoubijstva = The concept and technology of forensic identification of suicide // Suicidologija. 2019. № 1(34). S. 105–111. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ponjatie-i-tehnologiya-kriminalisticheskogo-raspoznavaniya-samoubijstva> (data obrashhenija: 05.09.2023).

2. Bronnikova S. «Vy i ubili-s» = «It was you who killed». URL: <https://takiedela.ru/2018/01/vy-i-ubili-s/> (data obrashhenija: 05.09.2023).

3. Varchuk T. V. Viktimologija = Victimology : uchebnoe posobie dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po special'nosti «Jurisprudencija» / pod red. S. Ja. Lebedeva. Moskva : JuNITI-DANA, 2009. 263 s.

4. Gete I. V. Stradanija junogo Vertera / izdanie podgotovil G. V. Stadnikov ; Akademija nauk SSSR. Sankt-Peterburg : Nauka, 1999. 251 s. (Literaturnye pamjatniki).

5. Gorshenkov G. N. Kriminologija massovykh kommunikacij = Criminology of mass communications : nauchno-uchebnoe izdanie. Nizhnij Novgorod : Izdatel'stvo Nizhegorod. un-ta, 2003. 122 s.

6. Duglas D., Olshejker M. Pochemu oni ubivajut. Kak FBR vychislaet serijnyh ubijc = Why they kill. How FBI find serial killers. Moskva : Jeksmo, 2022. 416 s.

7. Zhihareva L. V. Social'no-psihologicheskie osobennosti suicidal'nogo zarazhenija lichnosti v internet-prostranstve = Social-psychological characteristics of suicidal contamination of a person in the Internet space // Nauchnoe mnenie. 2018. № 1. S. 79–84.

8. Zaharova L. Ju. Ustanovlenie polovoj prinadlezhnosti ispolnitelja rukopisi: opyt proshlogo = Identifying the sex of the manuscript author: past experience // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 3. S. 100–105.

9. Iovva N. I. Pragmatika publicisticheskogo vyskazyvaniya = Pragmatics of journalistic discourse // Sovremennij diskurs-analiz. 2018. № 3-1(20). S. 168–202.

10. Kulik A. V. Portret psihopata: profajler o serijnyh ubijcah = A psychopath's portrait: a profiler on serial killers. Moskva : Jeksmo, 2022. 384 s.

11. Mertvishko-tred /fag/ – Faggotrija = Mertvishko-thread /fag/ – Faggotry. URL: <http://arhivach.top/thread/348599/> (data obrashhenija: 05.09.2023).

12. My terjaem nashih detej... = We are losing our children... // Sovershenno sekretno. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/obshchestvo/my-teryaem-nashikh-detey/> (data obrashhenija: 05.09.2023).

13. Najden tajnyj dnevnik Artema Ishakova, ubivshego devushku: «Mne bylo volshebno» = The secret diary of Artem Iskhakov, who killed a girl, has been found: «I felt fantastic» // MK.ru. URL: <https://www.mk.ru/incident/2018/02/01/nayden-taynyj-dnevnik-studenta-baumanki-ubivshego-devushku-mne-bylo-volshebno.html> (data obrashhenija: 05.09.2023).

14. Neljubov': student Baumanki raspravilsja s podrugoj iz VShJe = Dislike: Bauman University student murders his girlfriend from HSE // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/brief/2018/01/23/stud/> (data obrashhenija: 05.09.2023).

15. Noskova I. A. Prestuplenija, sovershaemye s ispol'zovaniem sredstv massovoj informacii v kriminologicheskom smysle = Crimes committed with the help of mass media in terms of criminology // Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra. 2013. № 4(31). S. 93–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-sovershaemye-s-ispolzovaniem-sredstv-massovoy-informatsii-v-kriminologicheskom-smysle> (data obrashhenija: 05.09.2023).

16. Puchnin A. V., Puchnina M. Ju. Ideologija «kolumbajn» kak jekstremistskaja i terroristicheskaja ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii = Columbine ideology as an extremist and terrorist threat to the national security of the Russian Federation // Obshhestvo i pravo. 2021. № 2(76). S. 38–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-kolumbayn-kak-ekstremistskaya-i-terroristicheskaya-ugroza-natsionalnoj-bezopasnosti-rossijskoj-federatsii> (data obrashhenija: 05.09.2023).

17. Syrokvashina K. V. «Psihologicheskaja autopsija» pri suicide: istorija voprosa i sovremennoe sostojanie = «Psychological autopsy» in suicide: background and current status // Suicidologija. 2018. № 3(32). S. 80–86. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaja-autopsiya-pri-suicide-istoriya-voprosa-i-sovremennoe-sostojanie> (data obrashhenija: 05.09.2023).

18. Tojch Dzh. M., Tojch Ch. K. Deviktimizacija. Iz zhertvy v blagopoluchateli = Devictimization. From victim to beneficiary / per. s angl. B. V. Sorin, L. V. Sorina. Moskva, 2019. 304 s.

19. Uhova L. V. Vizual'nyj jazyk pol'zovatelej social'nyh setej = Visual language of social networks users // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2017. № 4. S. 97–100.

20. Chaldini R. Psihologija vlijanija. Kak nauchit'sja ubezhdat' i dobivat'sja uspeha = The psychology of influence. Learning how to persuade and succeed / perevod s anglijskogo O. S. Epimahova. Moskva : Jeksmo, 2013. 416 s.
21. Shestakov D. A. O ponjatii prestupnosti. Prestupnost' sredi social'nyh podsystem. Novaja koncepcija i otrasli kriminologii = On the concept of crime. Crime among social subsystems. The new concept and branches of criminology / pod red. D. A. Shestakova. Sankt-Peterburg : Juridicheskij centr Press, 2003. 353 s.
22. Association between social media use and depression among U.S. young adults / L. Y. Lin, J. E. Sidani, A. Shensa [et al.]. Depression and Anxiety. 2016. Vol. 33(4). P. 323–331.
23. Coleman L. The copycat effect. How the media and popular culture trigger the mayhem in tomorrow's headlines. New York, 2004. 320 p.
24. Facebook use predicts declines in subjective well-being in young adults / E. Kross, P. Verduyn, E. Demiralp [et al.] // PLoS ONE. 2013. Vol. 8(8). Article e69841.
25. Niederkrotenthaler T., Herberth A., Sonneck G. The «Werther-effect»: Legend or reality? // Neuropsychiatrie: Klinik, Diagnostik, Therapie und Rehabilitation. 2007. Vol. 21. P. 284–290.
26. The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study / C. S. Andreassen, J. Billieux, M. D. Griffiths [et al.] // Psychology of Addictive Behaviors. 2016. Vol. 30(2). P. 252–262.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 15.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 811.161.1; 792.01

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_57

EDN: XEIZTU

Функциональный потенциал устной речи в современной медийной коммуникации

Татьяна Алексеевна Соломкина

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры телерадиожурналистики института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9

skworonek@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9662-9625>

Аннотация. В статье анализируется устная медийная речь авторских телевизионных программ. Цель исследования – выявить и проанализировать специфику функционального потенциала данной разновидности медийной речи на современном этапе. Авторы исходят из того, что функциональный потенциал этого типа медийной речи формируется под влиянием той ситуации, которая сложилась в медийной коммуникации: быстро и динамично меняющаяся картина мира; новые технологические возможности коммуникативной среды интернета; увеличение объема устной аудиовизуальной формы коммуникации в медиасфере. При этом констатируется факт, что ярко выраженной, доминирующей функцией звучащего медийного дискурса в настоящее время становится воздействующая функция. В ходе исследования было установлено, что в основе новых типов воздействующей медийной речи лежит обращение к сценическому опыту – театрализации. Материалом исследования стали авторские телевизионные программы общественно-политической направленности, где на экране особенно ярко проявляются способы сценического воздействия: «Бесогон ТВ» Н. Михалкова; «Уроки русского» З. Прилепина. Не случайно ведущими таких программ становятся не только журналисты, но и режиссеры, актеры, писатели – специалисты из смежных с телевидением профессий. Они привносят в телевизионную коммуникативную практику ряд специфических инструментов устного воздействия, заимствованных из драматического искусства. При изучении функциональных возможностей звучащей речи используется междисциплинарный подход. Анализируя речевой материал, авторы статьи прибегают к опыту лингвистических, искусствоведческих исследований, а также рассматривают речевое поведение ведущих с точки зрения исполнительской практики.

Ключевые слова: устная медийная речь; возражение; сценическая речь; театрализация медийного дискурса; авторское телевидение; поликодовый аудиовизуальный текст

Исследование подготовлено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакommunikации»

Для цитирования: Соломкина Т. А. Функциональный потенциал устной речи в современной медийной коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 57–65. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_57. <https://elibrary.ru/XEIZTU>

Original article

Oral speech functional potential in modern media communication

Tatiana A. Solomkina

Candidate of art studies, associate professor at the department of television and radio journalism, Institute «Higher school of journalism and mass communications», St. Petersburg state university. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7/9

skworonek@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9662-9625>

Abstract. The paper analyzes oral media speech in authorial TV programs. The research aims to identify and analyze the specifics of this variety of media speech, its functional potential at the present stage. The author assumes that this potential is formed under the influence of the situation in media communication: rapidly and dynamically changing picture of the world; new technological options in the Internet communicative environment; increasing scope of oral audiovisual form of communication in the media sphere. At the same time, it is stated that the impact function of the audio media discourse is now becoming a clearly dominant function. In the course of the study the author has found that

the new types of impact media speech are based on the stage experience – theatricalization. The material for the research is socio-political authorial television programs, where the methods of scenic influence are particularly obvious on the screen: N. Mikhalkov's «Besogon TV»; Z. Prilepin's «Russian Lessons». It is no coincidence that such programs are hosted not only by journalists, but also by directors, actors and writers – people of professions related to television. They introduce into TV communicative practice a number of specific tools of verbal impact borrowed from dramatic art. A multidisciplinary approach is used to study the functionality of audio speech. Analyzing the speech material, the author of the article resorts to linguistic and art criticism researches, and also considers the presenters' speech behavior from the point of view of acting practice.

Key words: oral media speech; objection; stage speech; theatrical media discourse; authorial television; polycode audio-visual text

The study was prepared with the support of the Russian science foundation grant No. 22-18-00184 «Speech practices of objection and ways to overcome them in popular science media communication»

For citation: Solomkina T. A. Oral speech functional potential in modern media communication. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):57–65. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_57. <https://elibrary.ru/XEIZTU>

Введение

Повышенный интерес исследователей к медийной речи, или речи СМИ, если отвлечься от специфики современной технологической основы коммуникации, объясняется тем, что в настоящее время именно медийная речь занимает центральное место в речевой практике общества. В то же время в деталях функциональная структура медийной речи чрезвычайно динамична, в значительной степени зависит от общественно-политической ситуации в стране и мире. Даже поверхностный взгляд на традиционную прессу и её функциональные аналоги в коммуникативной среде интернета показывает, что по сравнению с концом XX – началом XXI века значительно увеличивается, интенсифицируется именно воздействующий потенциал медийной речи. При этом отмечается повышение роли визуального ряда по сравнению со звуковым. Речь идет не столько об иллюстративном видеоряде, связанном с закадровым голосом автора, сколько об изображении самого говорящего на экране [Hartley, 2002; Blanchard, 1998]. При этом значимость информирования в традиционном понимании как объективной передачи сведений никем не оспаривается.

Успех воздействия на аудиторию во многом определяется высокой профессиональной речевой квалификацией журналиста.

Интенсификация воздействующей функции и усиление роли авторского, личностно окрашенного способа общения с аудиторией неизбежно приводят к тому, что все большее место в речевой практике медиа занимает устная форма речи [Коньков, 2021, с. 428]. Устная форма сообщения является предпочтительной, поскольку человек изначально формировался как речевая личность именно на основе устной формы речи.

Постановка проблемы

Гипотеза, лежащая в основе нашего исследования, состоит в том, что отличительной чертой современных авторских медиатекстов является их повышенная конфликтность, и значительное место в речи ведущего занимает возражение – критическая оценка одним собеседником мнения другого собеседника, реально присутствующего в кадре или виртуального. В наиболее полном виде, в силу поликодовости устной речи, возражение реализует себя именно в устном виде. Но и в этом случае одного даже профессионального произнесения слова недостаточно для окончательного формирования высказывания-возражения.

Во многих случаях возражение как речевое действие носит театрализованный характер – использование особых звуковых и визуальных форм выражения и передачи смысла сообщения, организованных по принципам сценического искусства. Автор отождествляет себя с тем или иным персонажем, как бы играет его роль, что влечет за собой непосредственное эмоциональное и интеллектуальное соприкосновение с аудиторией. Слова журналиста, его действия и движения облачаются в театральную одежду на основе использования интонационной интенсивности, экспрессивности пластики, мимики, жеста цветовых акцентов в изображении, светового решения кадра и пр.

История вопроса

В искусствоведческой литературе понятие театрализации имеет множество трактовок, обусловленных разным функциональным и эстетическим подходом исследователей. В базовых определениях театрализация ограничивается сферой театрального искусства. Так, П. Пави понимает театрализацию как отражение событийного, в том числе текстового материала, с помощью инструментов сценического искусства – «с использова-

нием сцены и актеров для того, чтобы поставить ситуацию. Визуальный элемент сцены и постановка дискурсов суть признаки театрализации» [Пави, 1991, с. 364.]. В режиссерском понимании Э. В. Вершковского театрализация – это «творческий способ приведения сценария к художественной образной форме представления через систему изобразительных, выразительных и иносказательных средств» [Вершковский, 2017, с. 12].

Принципиально иное понимание феномена театрализации, имеющее прямое отношение к медийной сфере, мы видим в теоретической и практической деятельности Н. Н. Евреинова. Речь идет об идее тотальной театральности. Согласно еврейновской концепции, представление не ограничивается актером, сценой, зрителем, сценарием, режиссурой: «театр везде, во всем и всюду» [Евреинов, 1922, с. 8]. Театрализация рассматривается как принцип существования и распространяется на уровень мышления, мировосприятия, физических действий и коммуникации.

Актуализируя утилитарный аспект театрализации, Т. Г. Аниконова видит в ней «ответ искусством на произошедшее знаменательное событие в жизни государства, города» [Аниконова, 2017, с. 18].

В лингвистической сфере понятие театрализации разрабатывается на материале политического дискурса в работах Е. И. Шейгал. Политический дискурс, считает автор, перенимает базовые принципы организации театрального действия: драматургическую структуру, организацию системы амплуа, способы самопрезентации оратора [Шейгал, 2000]. Автор использует номинацию «театральность», однако мы полагаем, что речь идет именно о театрализации – о придании игровых черт исходно неигровому материалу.

Театральный опыт как один из формообразующих факторов политической коммуникации рассматривает А. В. Олянич. Автор также работает с номинацией *театральность*, рассматривая её в контексте лингвосомиотики прежде всего как инструмент презентации политика: «Лингвосомиотика театральности характеризуется такими параметрами, как сценарность, ритуальность, игра „игра на публику“, символичность, презентационная эмоциогенность. <...> Полное сходство процесса политической коммуникации с театром заключается в том, что оба феномена конструируют свою вербальную сферу в презентационных целях так, чтобы вызвать аплодисменты и овацию» [Олянич, 2015, с. 177].

Как ни странно, но авторы, изучающие театрализацию медийного дискурса, специального вни-

мания не уделяют устной речи, несмотря на то, что поликодовая сценическая речь является в театре едва ли не доминирующей среди всех других используемых в спектакле семиотических систем.

Для анализа устной медийной театрализованной речи необходимо заново осмыслить некоторые идеи русской филологии, которые обычно трактовались только применительно к письменной речи, хотя специально это не оговаривалось.

В центре внимания при изучении звучащей речи находится сам говорящий. В лингвистической литературе – это категория автора. Именно говорящий, автор текста, является конечной смысловой инстанцией при формировании содержания текста и его осмысления. М. М. Бахтин обращал внимание на то, что «контекст автора стремится обнять и закрыть контекст героя» [Бахтин, 2000, с. 31]. В. В. Виноградов, говоря об авторе как субъекте изложения, указывает на то, что Голос автора в кадре или за кадром (а также другие, сопутствующие ему, семиотические образования) не только информирует, дополняет видеоряд, но достраивает, концептуализирует его в содержательном и эмоциональном смысле, в результате чего экранное повествование приобретает законченную форму. Применительно к письменным книжным текстам эти идеи были сформулированы ещё В. В. Виноградовым, который писал о том, что автор «является формой сложных и противоречивых соотношений между авторской интенцией, между фантазируемой личностью писателя и лицами персонажей» [Виноградов, 1980, с. 203].

Способствует развитию концепции театрализации медийного дискурса и ряд частных исследований, анализирующих те качества устной речи, которые способствуют актуализации смыслового послания для зрителя. Так, экспрессивную составляющую как смыслообразующую в современной коммуникации рассматривает И. Капронь-Хажинская: «Эмоциональность связана с оценкой, и позиция в отношении – с эмоциональным состоянием» [Kaproń-Charzyńska, 2014, s. 134]. Даже в новостном эфире для создания смыслового акцента допускается сдержанное проявление своего отношения к материалу.

При развитии теории театрализации медийного дискурса принципиально важно обратить внимание на работы, в которых говорится о функционально-эстетической значимости отступления от нормы. «Выход за рамки стандартов коммуникации, – пишет М. Ворсович, – привлекает участников, содействует появлению новых словоупотреблений, изменяет предыдущие формы передачи информации, расширяет пространство дискуссии»

[Ворсович, 2013, с. 26]. И. А. Вещикова утверждает, что «установка на единообразие в общем и целом востребована там и тогда, где и когда экранная форма минимально персонифицирована; в других случаях вполне уместным бывает расширение нормативных границ» [Вещикова, 2017].

Театр, по нашему мнению, как один из первых видов публичной коммуникации относится к «ряду других медийных коммуникативных феноменов, в том числе и таких, как традиционные СМИ» [Коньков, 2020, с. 154]. Для медийного оратора речевой опыт сценического искусства в ряде случаев является основополагающим. Однако в многочисленных учебных пособиях и практикумах по устной речи изучение элементов сценической речи отсутствует. Исключением является, вероятно, лишь учебное пособие А. Н. Петровой «Искусство речи» [Петрова, 2009], адресованное как филологам, журналистам, так и режиссерам, актерам, театральным педагогам.

Методология исследования

Воздействующий потенциал устной речи мы рассматриваем как систему определенных вербальных и невербальных инструментов, используемых журналистом для достижения поставленной коммуникативной цели. Для изучения речевого материала мы, с одной стороны, используем опыт лингвистических исследований, с другой – привлекаем для анализа опыт, накопленный в сфере искусствоведения, речевой сценической практики.

Материалом исследования являются программы авторского телевидения.

Количество авторских программ на телевидении увеличивается, всё более актуальной становится проблема завоевания зрительского внимания и доверия [Соломкина, 2022]. Зритель, неизбежно вовлечённый в напряжённый темп жизни, предъявляет к телевизионному контенту такие требования, как насыщенное содержание, экспрессивное речевое воплощение с четко обозначаемыми акцентами. Соответственно, оценивая речь журналиста, мы, помимо общей речевой подготовки, обращаем внимание на навыки речевого исполнительского мастерства: интонационную скоординированность [Куприянова, 2021], музыкальный слух, психофизическую раскованность, в той или иной степени способность к актерскому перевоплощению.

Мы исходим из того, что в авторской общественно-политической программе главным смыслообразующим звеном является ведущий, его функция – конституирующая. Он формирует свой образ (образ автора, по В. В. Виноградову) с по-

мощью монологических развёрнутых реплик, в диалоге (с доминирующей позиции) с кем-то из участников. Ведущий цитирует, пародирует, перевоплощается в ту или иную обсуждаемую медийную личность.

Всё сказанное даёт нам основания полагать, что исходной позицией при анализе авторской медиаречи является концепция театрализации медийной речи. Театральность, сценичность используется именно как инструмент воздействия, в результате чего формируется экспрессивный коммуникативный эффект.

Известно, что театр в технологическом аспекте имеет целью формулировать и передавать зрителю смыслы, зашифрованные в игре актера. Театр как семиотическая структура базируется на трех элементах: *сцена, актер и зритель*. Актёр – это прежде всего *игра* (нас конкретно в данном случае интересует прежде всего поликодовая устная речь), предполагается, что исполнитель находится в определенных взаимоотношениях с материалом, который он представляет. Это может быть почти полное принятие на себя предлагаемых обстоятельств роли, когда действия исполнителя обусловлены характером изображаемого персонажа. Но также актер может дистанцироваться от материала роли, делая акцент на отношении к изображаемому. В результате для зрителя формируются три смысловые позиции: актера, персонажа и его собственная позиция, находящаяся в сложных отношениях с позицией актёра или автора текста.

Несмотря на то, что авторская телевизионная журналистика базируется на неигровом материале, современные журналисты при представлении устного речевого материала все чаще прибегают к приёмам театрализации. Исследовать внедрение этих приёмов в документальную сферу телевидения – наша задача.

Степень экспрессии, театральной по своему происхождению, обусловлена жанром программы и психофизическими особенностями журналиста. Представляется необходимым ввести понятие *меры экранной условности* в медиасфере. В театре и кино в низких жанрах – комедии, мелодраме, триллере – степень условности высокая. Сюжет и действующие лица развиваются по придуманным автором правилам. Так, одно из условий комедии и мелодрамы – счастливый финал. Выход на счастливый финал происходит во что бы то ни стало, даже вопреки жизненной логике. Зритель проживает то, что невозможно пережить в реальности, и идентификация зрителя с персонажами низких жанров затруднена.

В жанре драмы герои заняты саморефлексией, сюжет развивается во многом на уровне внутреннего мира героев. Финал может быть как радостным, так и печальным. Основной драматический конфликт может разрешиться или так и остаться неразрешенным. Всё это сближает драму с реальностью, мера художественной условности снижается, приближается к жизни, и зрителю легче идентифицировать себя с драматическими героями.

В процессе авторской телевизионной коммуникации, основу которой составляет устная поликодовая речь, происходит тот же процесс идентификации зрителя с ведущим и с участниками программы. От того, насколько сильным будем зрительское сопереживание и понимание, зависит эффективность экранного воздействия.

Результаты исследования

Вербальная семиотическая система составляет основу как устной, так и письменной речи. При этом в формировании смысла устной речи на основе партитурности принимают участие и другие знаковые системы: интонация, жесты, мимика, взгляд, положение говорящего в пространстве.

Любое высказывание журналиста в кадре или за кадром произносится от лица самого журналиста. Это авторский текст, подвергшийся редакторской правке. В кадре журналист поддерживает, комментирует, обогащает параллельно развертывающийся на экране видеоряд. Можно говорить о *речевом изображении* события в зафиксированных координатах социального пространства-времени. Однако изображение на экране складывается не только из звукового и визуального компонентов.

Известно, что объективная фиксация неигрового материала невозможна [Джулай, 2005; Прожико, 2004]. На конечный вид готового аудиовизуального продукта оказывает влияние сам процесс съемки, аудиовизуальный монтаж: отбор наиболее ярких кадров, слов, интонационных акцентов, которые будут способствовать донесению

мысли автора и передаче эмоционального звучания произведения.

В этой ситуации чрезвычайно важным оказывается наличие у журналиста навыков интонирования и голосовой скоординированности в целом с ориентацией на визуально-речевую концепцию конечного продукта. Этими навыками обладают главные на данный момент речедетелители устной медийной сферы: В. Соловьев, З. Прилепин, Т. Кеосаян, К. Шахназаров, М. Симоньян, Н. Михалков и др. Неслучайно на журналистов именно этого ряда планируются попытки покушений, так как их медийная работа чрезвычайно эффективна в плане воздействия на аудиторию: от ненависти противников до абсолютной поддержки сторонников. Общественная аудитория оценивает прежде всего характер звучания (владение жестами, мимикой, осмысленное включение пауз, темп, ритмические фигуры и др.), который прокладывает дорогу к постижению смысла.

Сейчас значительную часть времени на центральных каналах российского телевидения занимают общественно-политические программы аналитической направленности, посвященные наиболее актуальным вопросам жизни общества, имеющие большую аудиторию. Остановим внимание на особенностях речедействия ведущих программ данного типа.

Обратимся к циклу авторских передач Захара Прилепина «Уроки русского» на канале НТВ (выпуск «Наследие советских писателей и творцы современной русской культуры». 07.07.2023. 9.55 – 10.22; https://www.ntv.ru/peredacha/Uroki_russkogo/m66200/v2235822/)

Автор и ведущий программы Захар Прилепин – профессионал письменного и устного слова. Эстетически программа находится на стыке сетевой (блоговой) и телевизионной формы, что отражается в речи. Рассмотрим небольшой фрагмент выпуска:

Видеоряд	Звукоряд
З. Прилепин (крупный план сбоку).	Недавно Семен получил ранение. // На свое / счастье он не наступил на этот треклятый лепесток , мину, которую /
З. Прилепин (средний план, за столом, анфас).	шизофреники из ВСУ разбрасывают где попало . // Повсюду . //
Мина и рядом нога в ботинке (крупный план, стоп-кадр).	На бегу он на нее наступил, уходя из зоны обстрела. // Пнул этот лепесток
С. Пегов на больничной койке, улыбается в камеру (средний план, стоп-кадр).	ногой, поэтому обошелся куда меньшими потерями, чем мог бы . //
С. Пегов на костылях в окружении военных, с поднятым костылем улыбается в камеру (средний план).	Скоро вернется в строй. // Он уже бежит на костылях снимать обстрелы в Донецке , / неуемная его / душа.

Примечание: одна косая черта (/) – пауза между синтагмами во фразе, две косые черты (//) – пауза между фразами. Полужирным шрифтом выделены слова, на которые приходится эмфатическое ударение.

Большую часть передачи занимает речь ведущего, обращенная к камере (к зрителю), что является прямой отсылкой к блоговой форме вещания. Часто меняются крупные и средние планы, точки съемки также меняются – камера перед ведущим на уровне глаз и сбоку. Объем устного текста в программе достаточно большой. Текст плотный, насыщенный словами с идентифицирующим значением [Арутюнова, 1998, с. 34–35], оценочной лексикой, метафорами. Фразы преимущественно короткие, что облегчает восприятие речи. Монтаж резкий, склейки кадров некомфортные, то есть для зрителя заметные. Речь ведущего словно вторит изображению решению. Короткие фразы разрываются паузами в самых неожиданных моментах, тем самым выделяя слова, произносимые после паузы. Некоторые части фраз, наоборот, вопреки логике произносятся слитно, без перерыва в звучании. Сочетание динамичного, рваного изображения и такого же по характеру звучания ведущего, основанного на нарушении закона устной речи о делении фраз на синтагмы, создает образ

взволнованного человека – гражданина, остро, болезненно воспринимающего происходящее. Он искренне переживает за свою страну и неудержимо, неровно, спонтанно излагает свою точку зрения. Основным инструментом речевого воздействия в цикле «Захар Прилепин. Уроки русского» является отхождение от синтаксической и интонационной нормы устной речи, нелогичная паузация. Непрерывающийся прямой взгляд ведущего в камеру, зрителю в глаза, является инструментом психологического давления. Ведущий в кадре собран и сосредоточен. Этого же он требует и от своего зрителя.

Принципиально иной характер и иные инструменты речевого воздействия можно наблюдать в авторской программе Никиты Михалкова «Бесогон ТВ» (Россия 24). Программа решена в форме классической телевизионной беседы об актуальных событиях. Рассмотрим фрагмент выпуска «Не всё золото, что блестит» (№ 223. 14.07.2023. 0.45 – 1.50. <https://besogontv.ru/videos/>).

Видеоряд	Звукоряд
Н. Михалков (крупный план)	<i>Начать я хочу с того, что мы / получили очень много всяких запросов, писем /</i>
Н. Михалков сидит за рабочим столом, нога на ногу, в руках листки бумаги и ручка (средний план)	<i>С просьбой, чтобы мы как-то /</i>
Н. Михалков (крупный план)	<i>определили как-то свое к тому, что произошло 24 июня. //</i>
По улице проезжает танк / вдоль здания идут военные / военные командиры / танк на улице / военные на улице и в машине / прохожие снимают военных на телефоны (общий план)	<i>Я имею в виду / так называемый / марш / справедливости / ЧВК Вагнер под / руководством / Евгения Пригожина. // Ну вы знаете, я / честно вам скажу такое количество было / спекуляций по этому поводу, / столько было проклятий / с одной стороны и поддержки с другой стороны //</i>
Н. Михалков сидит за рабочим столом, нога на ногу, в руках листки бумаги и ручка (средний план)	<i>Такое количество импровизаций по этому поводу было. // Я / не хочу вливаться / ни в один из этих хоров /</i>
Скульптура Сократа (крупный план)	<i>потому что вспоминаю /</i>
Графическое изображение Сократа и его цитата (полэкран)	<i>изречение великого Сократа / который сказал / «Я знаю только, что я ничего не знаю / Но многие не знают и этого». //</i>
Н. Михалков сидит за рабочим столом, нога на ногу, в руках листки бумаги и ручка (средний план)	<i>Там так много /</i>
Н. Михалков (крупный план)	<i>для меня лично непонятного / и противоречивого... //</i>
Н. Михалков сидит за рабочим столом, нога на ногу, в руках листки бумаги и ручка (средний план)	<i>Лично я считаю, что / истинную правду мы узнаем // позже. //</i>

Ведущий Н. Михалков – режиссер и актер, на высоком уровне владеющий исполнительскими навыками, как речевыми, так и психофизического плана. И З. Прилепин, и Н. Михалков находятся в диалоге со зрителем. Но это разного типа диалоги. Уверенно владея актерскими навыками, Н. Михалков четко представляет себе (можно

сказать, видит) воображаемого зрителя. Взгляд ведущего свободный, не фиксируется на камере, но на смыслообразующих словах ведущий как будто ловит «взгляд» объектива и всматривается в него, словно в ожидании реакции зрителя. Коммуникативная доминанта принадлежит

Н. Михалкову, но предполагаемый зритель также активно включен в диалог.

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить особенности инструментов речевого воздействия на телевидении. Высокий динамизм развития военной и экономической ситуации в мире в целом и в России прежде всего закономерно привел к увеличению в медийной среде числа программ авторской направленности, представляющих зрителям множество различных мнений о складывающейся и постоянно меняющейся картине мира. В этих условиях налицо неизбежность повышения конкуренции среди авторских программ на радио, телевидении, в многочисленных коммуникативных проектах интернета [Crystal, 2004]. Как следствие, повысился по сравнению с печатной речью, коммуникативный статус устной речи.

Ведущие, не избегая использования общего фонда выразительных ресурсов, свойственных как письменной, так и устной речи, ищут наиболее эффективные, экспрессивные инструменты привлечения и удержания внимания зрителей именно в устной сфере. Общая тенденция к увеличению удельного веса устной речи в медийной среде [Шестакова, 2021; Кушнаревиц, 2022] объясняет обращение авторов в первую очередь к устным воздействующим речевым практикам.

Тропы и фигуры речи, как традиционные универсальные экспрессивные приемы выразительной речи, разумеется, продолжают обращать на себя внимание. Однако удержание внимания аудитории во всё более сложных коммуникативных ситуациях требует инструментов пролонгированного действия, благодаря которым произнесенная речь продолжает звучать в памяти зрителя и после произнесения слов. Речь идет о суггестивном воздействии, о работе с эмоциональной сферой зрителя. Удачным представляется обращение к опыту театральной, сценической речи, который органично вписывается в речевую практику медийной речи, являясь одним из элементов того, что принято называть театрализацией медийного дискурса.

В этом случае изначально неигровая, реалистичная форма подачи информации на речевом уровне подается как игровая. Техника театрализации обусловлена жанром программы, психофизическим складом ведущего и коммуникативной целью, которую ставит перед собой автор. В результате смысл высказывания представляется

для зрителя в трёх смысловых ипостасях: позиция автора – позиция изображаемого субъекта – позиция зрителя. Когда эти смысловые позиции сливаются в одно целое, у зрителя возникает чувство идентификации, эмоционального и интеллектуального единения с автором и представляемым материалом. Иногда между автором, материалом и зрителем возникает конфликт, эмоциональный и интеллектуальный, который способствует формированию оригинальной смысловой позиции зрителя.

Расширение функционального поля устной речи наиболее ярко проявляет себя именно в сфере авторского телевидения. Использование техники театрализации в речевой практике медийного дискурса позволяет журналистам, ведущим авторских телевизионных программ эффективно влиять на аудиторию. При этом, однако, от медиатеделей требуется умение освоить специфические речевые навыки, формирующиеся изначально в сфере сценического искусства.

Библиографический список

1. Аниконова Т. Г. Театрализованное представление в контексте культуры // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 2 (14). С. 17–22.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
3. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. Санкт-Петербург : Азбука, 2000. 332 с.
4. Вершковский Э. В. Режиссура театрализованных представлений. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. 88 с.
5. Вещикова И. А. Телевизионная речь в аспекте орфоэпии: пространство нормы/пограничные явления/ошибки // Медиаскоп. 2017. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2271> (дата обращения: 15.08.2023)
6. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Москва : Наука, 1980. С. 176–239.
7. Ворсович М. Избранные проявления языковой неуместности в польских СМИ // Медиалингвистика. Вып. 2. Речевая коммуникация в средствах массовой информации: сборник статей. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2013. С. 25–28.
8. Джулай Л. Н. Документальный иллюзион: Отечественный кинодокументализм – опыты социального творчества. Москва : Материк, 2005. 240 с.
9. Евреинов Н. Н. В чем мой monumentaere ferennius // Евреинов Н. Н. Театральные инвенции. Москва : Время, 1922. С. 8.

10. Коньков В. И., Соломкина Т. А. Формирование смысла драматургической речи // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3(22). С. 147–155.
11. Коньков В. И., Соломкина Т. А. Коммуникативный статус профессиональной журналистской речи в русскоязычной медийной среде // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 419–435.
12. Куприянова А. И. Интонационно-грамматические девиации современной медиаречи // Медиалингвистика. 2021. Т. 8, № 4. С. 438–460.
13. Кушнаревич Е. В. Особенности речевой коммуникации в аудиоформатах новых медиа // Коммуникативная культура: история и современность: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 28 октября 2022 года. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2022. С. 261–264.
14. Олянич А. В. Театральность как категория политического дискурса // Дискурс-Пи. 2015. № 2(19). С. 176–178.
15. Прожико Г. С. Концепция реальности в экранном документе. Москва : ВГИК, 2004. 454 с.
16. Пави П. Театрализация // Пави П. Словарь театра. Москва : Прогресс, 1991. С. 364.
17. Петрова А. Н. Искусство речи. Москва : Аспект Пресс, 2009. 125 с.
18. Соломкина Т. А. Голос эпохи: интонационно-мелодические координаты времени // Медиалингвистика: Материалы VI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня 2022 года. Вып. 9. Санкт-Петербург : ООО «Медиапир», 2022. С. 339–342.
19. Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование. Саратов, 2000. Вып. 6. С. 92–96.
20. Шестакова Э. Г. Живое слово и аудиальность в системе координат медиалингвистики // Медиалингвистика: Материалы V международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня 2021 года. Вып. 8. Санкт-Петербург : ООО «Медиапир», 2021. С. 214–218.
21. Blanchard A., Horan T. Virtual Communities and Social Capital // Social Science Computer Review. 1998. № 3. P. 293–307.
22. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge univ.press, 2004. 272 p.
23. Hartley J. Communication: Cultural and Media Studies: The Key Concepts. London, New York : Routledge, 2002. 262 p.
24. Kaproń-Charzyńska I. Pragmatyczne aspekty słowotwórstwa Funkcja ekspresywna i poetycka. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2014. 230 s.
2. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and world of Man. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 896 s.
3. Bahtin M. M. Avtor i geroj: K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk = The author and the hero: Toward philosophical foundations of the humanities. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2000. 332 s.
4. Vershkovskij Je. V. Rezhissura teatralizovannyh predstavlenij = Directing theatrical performances. Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2017. 88 s.
5. Veshhikova I. A. Televizionnaja rech' v aspekte orfojepii: prostranstvo normy/pogranichnye javlenija/oshibki = Television speech in terms of orthoepy: the space of norms/borderline phenomena/errors // Mediaskop. 2017. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2271> (data obrashhenija: 15.08.2023)
6. Vinogradov V. V. Stil' «Pikovej damy» = The Queen of Spades style // Vinogradov V. V. O jazyke hudozhestvennoj prozy. Moskva : Nauka, 1980. S. 176–239.
7. Vorsovich M. Izbrannye projavlenija jazykovoj neumestnosti v pol'skih SMI = Certain manifestations of linguistic inappropriateness in Polish media // Medialingvistika. Vyp. 2. Rechevaja komunikacija v sredstvach massovoj informacii: sbornik statej. Sankt-Peterburg : Sankt Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, Institut «Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikacij», 2013. S. 25–28.
8. Dzhulaj L. N. Dokumental'nyj illjuzion: Otechestvennyj kinodokumentalizm – opyty social'nogo tvorchestva = Documentary illusion: National documentary filmmaking – experiments of social creativity. Moskva : Materik, 2005. 240 s.
9. Evreinov N. N. V chem moj monumetaere ferenius = What is my monumetaere ferennius // Evreinov N. N. Teatral'nye invencii. Moskva : Vremja, 1922. S. 8.
10. Kon'kov V. I., Solomkina T. A. Formirovanie smysla dramaturgicheskoy rechi = Shaping the meaning of dramaturgical speech // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 3(22). S. 147–155.
11. Kon'kov V. I., Solomkina T. A. Kommunikativnyj status professional'noj zhurnalistskoj rechi v russkojazychnoj medijnoj srede = Communicative status of professional journalistic speech in the Russian media environment // Rusistika. 2021. T. 19. № 4. S. 419–435.
12. Kuprijanova A. I. Intonacionno-grammaticheskie deviacii sovremennoj mediarechi = Intonation and grammatical deviations in contemporary media speech // Medialingvistika. 2021. T. 8, № 4. S. 438–460.
13. Kushnarevich E. V. Osobennosti rechevoj kommunikacii v audioformatah novyh media = Features of speech communication in new media audio formats // Kommunikativnaja kul'tura: istorija i sovremennost': Materialy XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 28 oktjabrja 2022 goda. Novosibirsk : Novosibirskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet, 2022. S. 261–264.

Reference list

1. Anikonova T. G. Teatralizovannoe predstavlenie v kontekste kul'tury = Theatrical performance in the context of culture // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2017. № 2 (14). S. 17–22.

14. Oljanich A. V. Teatral'nost' kak kategorija politicheskogo diskursa = Theatricality as a category of political discourse // Diskurs-Pi. 2015. № 2(19). S. 176–178.
15. Prozhiko G. S. Konceptija real'nosti v jekranom dokumente = The reality concept in the screen document. Moskva : VGIK, 2004. 454 s.
16. Pavi P. Teatralizacija = Theatricality // Pavi P. Slovar' teatra. Moskva : Progress, 1991. S. 364.
17. Petrova A. N. Iskusstvo rechi = The art of speech. Moskva : Aspekt Press, 2009. 125 s.
18. Solomkina T. A. Golos jepohi: intonacionno-melodicheskie koordinaty vremeni = Voice of the epoch: intonation and melodic coordinates of time // Medialingvistika: Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 30 ijunja 2022 goda. Vyp. 9. Sankt-Peterburg : OOO «Mediapapir», 2022. S. 339–342.
19. Shejgal E. I. Teatral'nost' politicheskogo diskursa = Theatricality of political discourse // Edinicy jazyka i ih funkcionirovanie. Saratov, 2000. Vyp. 6. S. 92–96.
20. Shestakova Je. G. Zhivoe slovo i audial'nost' v sisteme koordinat medialingvistiki = The live word and the audial in the coordinate system of media linguistics // Medialingvistika: Materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 30 ijunja 2021 goda. Vyp. 8. Sankt-Peterburg : OOO «Mediapapir», 2021. S. 214–218.
21. Blanchard A., Horan T. Virtual Communities and Social Capital // Social Science Computer Review. 1998. № 3. P. 293–307.
22. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge univ.press, 2004. 272 p.
23. Hartley J. Communication: Cultural and Media Studies: The Key Concepts. London, New York : Routledge, 2002. 262 p.
24. Kaproń-Charzyńska I. Pragmatyczne aspekty słowotwórstwa Funkcja ekspresywna i poetycka. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2014. 230 s.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023; одобрена после рецензирования 13.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 20.08.2023; approved after reviewing 13.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Русский язык

Научная статья

УДК 811.161.1: 81'42

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_66

EDN: XBYOCE

Образный потенциал лексико-семантической группы «Словесное искусство» в языке русской поэзии

Зоя Юрьевна Петрова^{1✉}, Наталья Александровна Фатеева²

¹Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

²Доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

¹zoyap@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-5390-8029>

²nafata@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-1161>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, выполненного в рамках системного описания компаративных тропов, образы сравнения которых относятся к семантическому полю «Язык, речь». Под компаративными тропами понимаются различные структурные типы метафорических и образных сравнительных конструкций. В качестве материала для анализа используются контексты, извлеченные из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка – из произведений около 300 русских поэтов XIX–XXI вв. В процессе анализа используются структурно-семантический и корпусный методы. Основная цель работы – описание фрагмента системы персонализирующих метафор и сравнений на конкретном языковом материале. В задачи исследования входило определение состава лексико-семантической группы (ЛСГ) «Словесное искусство», единицы которой образуют компаративные тропы, выявление круга предметов сравнения, характеризующихся этими единицами, описание эволюции рассматриваемого семантического класса тропов. В результате анализа материала выделены следующие основные семантические подгруппы образных обозначений рассматриваемой ЛСГ: обозначения различных жанров словесного искусства (песня, романс; поэма, элегия, ода, сонет, эпиграмма; рассказ, повесть, сказка), обозначения стиховых размеров и форм (ямб, хорей, дактиль, анапест, амфибрахий, гекзаметр; верлибр, белый стих и др.), другие стиховедческие термины (строфа, цезура, рифма, пиррихий, ударение, слог, акrostих и др.). Выявлены наиболее продуктивные из этих обозначений, представлена эволюция исследуемых рядов образов сравнения. Охарактеризованы наиболее частотные группы предметов сравнения – обозначений природных реалий, артефактов, феноменов внутреннего мира человека. Значимость работы определяется ее вкладом в подробное описание системы метафор и сравнений русской поэзии в ее развитии с применением корпусных методов исследования.

Ключевые слова: метафора; сравнение; язык русской поэзии; олицетворение; лексико-семантическая группа «Словесное искусство»; образ сравнения; предмет сравнения; эволюция; корпусный метод

Для цитирования: Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Образный потенциал лексико-семантической группы «Словесное искусство» в языке русской поэзии // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 66–72. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_66. <https://elibrary.ru/XBYOCE>

Russian language

Original article

Figurative potential of the lexical-semantic group «Verbal art» in russian poetic language

Zoya Yu. Petrova^{1✉}, Natalia A. Fateeva²

¹Candidate of philological sciences, leading researcher, V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences. 119019, Moscow, Volkhonka st., 18/2

²Doctor of philological sciences, chief researcher, V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences. 119019, Moscow, Volkhonka st., 18/2

¹zoyap@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-5390-8029>

²nafata@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-1161>

Abstract. The article presents the results of the research carried out within the framework of a systemic description of comparative tropes, which belong to the semantic field «Language, speech». The authors define comparative tropes as various structural types of metaphors and similes. The materials used for the analysis are the contexts taken from the Poetic subcorpus of the Russian national corpus – from the works by about 300 russian poets of the XIX–XXI centuries. Structural-semantic and corpus methods have been used in the analysis. The main aim of the work is to describe a fragment of a system of personifying metaphors and similes using specific linguistic material. The objectives of the study involve determining the composition of the lexical-semantic group (LSG) «Literal art», whose units form comparative tropes; identifying the range of tenors characterized by these units; describing the evolution of the semantic class of tropes under consideration. As a result of the analysis, the following semantic subgroups of the LSG figurative designations have been identified: names of various genres of verbal art (song, romance; poem, elegy, ode, sonnet, epigram; story, fairy tale), names of poetic meters and forms (iamb, trochee, dactyl, anapest, amphibrachium, hexameter; free verse, blank verse, etc.), other versification terms (strophe, caesura, rhyme, pyrrhic, stress, syllable, acrostic, etc.). The authors reveal the most productive of these designations and outline the evolution of the comparison image series. The most frequent groups of tenors are characterized – names of natural realities, artifacts, phenomena of the inner world of man. The significance of the work is determined by its contribution to a detailed description of the system of metaphors and similes of russian poetry in its development using corpus-based research methods.

Key words: metaphor; simile; language of russian poetry; personification; lexical-semantic group «Verbal art»; tenor; vehicle; corpus-based method

For citation: Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. Figurative potential of the lexical-semantic group «Verbal art» in russian poetic language. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(4):66–72. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_66. <https://elibrary.ru/XBYOCE>

Введение

Данная работа представляет собой фрагмент системного описания компаративных тропов русской поэзии, осуществляемого в рамках создания очередного выпуска «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.», содержащего компаративные конструкции, образы сравнения которых относятся к семантическому полю «Язык, речь», входящему, в свою очередь, в семантическую категорию «Человек». К настоящему моменту нами уже описаны такие подклассы образных употреблений слов этого поля, как «Говорение как процесс» [Петрова, Северская, 2018], «Отсутствие речи» [Маслова, 2004; Ковшова, 2011; Рыбальченко, 2011; Петрова, Северская, Фатеева, 2022], «Поиск и получение информации» [Хазбулатова, 2012; Петрова, Фатеева, 2023а], «Язык» [Петрова, Фатеева, 2023б]. Лексико-семантическая группа «Словесное искусство» также входит в это поле, занимая в нем особое место, так как объединяет в себе смыслы ‘язык / речь’ и ‘художественное творчество’.

Лингвистические термины в составе компаративных тропов в поэтическом тексте неоднократно становились объектом анализа различных исследователей [Николина, 2009; Зубова, 2010; Маслова, 2012; Богданович, 2020], в частности, в некоторых работах рассматривается само слово *язык* как предмет сравнения компаративных тропов [Демьянков, 2000; 2014; Орлова, 2009]. Что касается исследуемой нами ЛСГ «Словесное ис-

кусство», то в научной литературе имеются только наблюдения над отдельными ее элементами в метаязыковой функции в составе метафор и сравнений [Бойко, 2000; Зубова, 2010, с. 157–160; Фатеева, 2018; Штайн, Петренко, 2018]. Целостное же описание множества элементов данной ЛСГ в составе компаративных тропов на большом языковом материале проводится впервые.

Источники и методы исследования

Источники исследования – поэтические произведения около 300 авторов XIX–XXI вв. Материал извлекается из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ – электронный ресурс], а также методом сплошной выборки из произведений авторов рассматриваемого периода. В процессе анализа используются структурно-семантический и корпусный методы. Актуальность работы определяется необходимостью подробного описания системы метафор и сравнений в ее развитии на большом массиве материала языка поэзии с учетом корпусных данных.

Результаты исследования

В результате исследования на конкретном языковом материале были выявлены состав и структура описываемой лексико-семантической группы образов сравнения компаративных тропов. В нее входят следующие подгруппы имен существительных, обладающих образным потенциалом: 1. обозначение одной из двух основных форм словесного искусства: *стих* (в интересующих нас контекстах лексема *проза* не встречается

ся); 2. обозначения различных жанров словесного искусства: *песня, романс; поэма, элегия, ода, сонет, эпиграмма; рассказ, повесть, сказка*; 3. обозначения стиховых размеров и форм: *ямб, хорей, дактиль, анапест, амфибрахий, гекзаметр; верлибр, белый стих* и др., 4. другие стиховедческие термины: *строфа, цезура, рифма, пиррихий, ударение, слог, акростих* и др.

Чаще всего эти обозначения образуют конструкции персонификации, характеризую прежде всего природу. Некоторые из них фиксируются в функции образов сравнения в русском поэтическом языке в достаточно ранний период, в первой половине XIX в. Наибольшей частотой употребления в этой функции отличаются слова *песня, сказка* и *рассказ*. В сочетании с обозначениями различных природных реалий, животных они проходят через весь рассматриваемый период развития русского поэтического языка. Рассмотрим примеры, иллюстрирующие их употребление на протяжении всего исследуемого периода:

песня: «Из гротов кристальных источники бьют, И стройные *песни* нам волны поют» (А. Подолинский 1836), «Где ветер прохладой веет И чудные *песни* поет (И. Никитин 1850), «Будто в люльке нас качает. Ветер свеж. Ни дать ни взять, Море *песню* сочиняет – Слов не может подобрать» (К. Случевский 1889), «Только *песни* поют надо мной ураганы, Только выюга шумит, холодна и дика» (Скиталец 1901), «Нам твой совет необходим. Бог Меня зовет: я чувствую призыв И в *песне* ветра, и в звенящем крике Небесных птиц» (С. Соловьев 1913–1915), «Шумела мельница, и в *песнях* урагана Смеялся музыки голубоглазый хмель!» (О. Мандельштам 1918), «Здесь когда-то, прежде времени, Море жило в *песне* волн И тайло в тинной зелени Утонувший чей-то челн» (А. Платонов 1919–1922), «Мне пели вечернюю *песню* Аджарии сладкие травы» (Н. Заболоцкий 1947), «Это *песня* сверчка / в красном плинтусе тут» (И. Бродский 1964), «а там и зима пройдет, / и услышишь марьяжную *песню* жабы, / потому что весною вся тварь поет» (О. Чухонцев 2016);

сказка: «Смеясь, незабудкины глазки На дальние звезды глядят, И розы душистые *сказки* Друг другу в ушко говорят» (А. Фет 1842), «Но не бойся: всё заснуло понемногу, Разве звезды... да и те уж коль расскажут, Так расскажут в чудной *сказке*... только Богу...» (В. Крестовский 1859), «Ласкают кротко взор пестреющие краски В синеющей дали разбросанных долин, И шеп-

чут надо мной пленительные *сказки* Дрожащие листы застенчивых осин» (К. Фофанов 1888), «Тихие волны лепечут любовно *Сказку* свою» (В. Брюсов 1905–1908), «Шумит кора старинной ивы, Лепечет *сказки* по-людски» (В. Хлебников 1919), «И смеялось когда-то, и сладко Было жить, ни о чем не моля, И шептала мне *сказки* украдкой Наша старая няня – земля» (И. Савин 1925), «Рыская, сверкая и мерца, / море шепчет *сказки* старины...» (Н. Асеев 1947), «Необут и оборван, как вечный студент, Ветер шепчет деревьям любовную *сказку*» (Л. Чертков 1956);

рассказ: «Немая степь синее, и венцом Серебряным Кавказ ее объемлет; Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет, Как великан, склонившись над щитом, *Рассказам* волн кочующих внимая, А море Черное шумит не умолкая» (М. Лермонтов 1839), «Скользя по желтеющим вязам, Прощается солнце с землей. Баюкает кротким *рассказом* Меня тишина голубая, И Осень поет надо мной» (А. Тиняков 1909), «Сверканье ветра, и фонтан, Лепечущий *рассказы* снежные» (В. Брюсов 1916), «Где вечер пуст, как прерванный *рассказ*, Оставленный звездой без продолженья» (Б. Пастернак 1918), «Вот в высоте окно раскрыло глаз И слушает, как медленный *рассказ* Нашептывают сумерки устало» (М. Вега 1931), «На свиданье с ущербной луною Выхожу потихоньку на двор, И меж ней, косоликой, и мною Возникает без слов разговор. Паутина неяркого света – Это тихий и страшный *рассказ* О душе, заблудившейся где-то И не там, и не здесь, не у нас» (Б. Нарциссов 1978), «О, женский танец! / *Рассказ* светила / о том, что было, / чего не станет» (И. Бродский 1993).

Другие названия жанров словесного искусства появляются в метафорических контекстах позже: *эпиграмма, элегия* – в конце XIX в.: «Прохладный ветерок, вокруг мертвой головы Космами жидкими волос ее играя, Казалось, лепетал о счастье и весне, И небо синее в прозрачной вышине Смеялось над землей, как *эпиграмма* злая!» (А. Апухтин 1871), «Где реют и жужжат *элегии* свои На утренней заре тяжелые шмели...» (К. Фофанов 1887), *ода* – в начале XX в., это обозначение характеризуется высокой частотой в образных контекстах, проходит через весь XX век: «И мне шумит в весенней *оде* Весенний, настоящий дождь» (М. Кузмин 1914), «шумная волна У скал морских, не зная сна, Поет молитвенные *оды*» (Ю. Балтрушайтис 1917), «А может, мужество в проклятье, / в провозглашенье *оды* ночи <...>?» (В. Соснора 1960–1962), «Этих

гор возвышенные оды, Пестрые элегии лесов» (Д. Самойлов 1984). В XX в. этот ряд продолжают слова *повесть, романс, сонет, поэма*: «Раздался стук. Зажегся свет. В окно врывалась *повесть* бури» (Б. Пастернак 1916), «Ах, это тот, кого на свет Каким названьем ни уродуй – Зови природой иль погодой – Большой талант, большой поэт Кончает осени *сонет* Очаровательною кодой – Под вечер дней, на склоне лет» (В. Меркурьева 1918), «Когда ручьи поют *романс* О непролазной грязи» (Б. Пастернак 1931), «С тех пор я ринулся, пленен ее простором, В *поэму* моря, в звезд таинственный настой» (Б. Лившиц 1934).

В конце XIX в. в конструкциях персонификации с общим смыслом наделения природных и других реалий, не обозначающих лиц, речью, появляется слово *стих* (*стихи*). Явления природы и другие реалии наделяются способностью слагать, произносить, читать стихи: «А ветер скал лепечет *стих* надгробный» (В. Брюсов 1898), «В твоём глухом гудении, Иматра, Есть правильный и строгий *стих*» (В. Брюсов 1913), «Ветер где-то вздохнул и затих, Солнце низко над лесом стоит. Это вечер слагает мой *стих*, Это дух без святыни скорбит» (А. Герцык 1913), «Будет с тех пор неизменно Петь про вечернюю грусть – Ветер *стихами* Верлена Наизусть!» (Н. Завадская 1943), «Читайте, деревья, *стихи* Гезиода, Дивись Оссиановым гимнам, рябина!» (Н. Заболоцкий 1946). В подобных контекстах встречаются и обозначения видов стиха, с помощью которых поэты варьируют метафору стихосложения – *белые стихи*: «Метель писала *белыми стихами* Поэму белой смерти набело» (М. Зенкевич 1943), *верлибр*: «Я брел, а дождь стрелял в мое пальто / зарядами немалого калибра. / Была погода на манер *верлибра*, / и шла навстречу вещь, как решето» (С. Петров 1943), *акростих*: «Отростки ливня грязнут в гроздьях И долго, долго, до зари Кропают с кровель свой *акростих*, Пуская в рифму пузыри» (Б. Пастернак 1922).

Разнообразят семантический инвариант «стихосложение» и другие разнообразные стиховедческие термины, пополняющие этот семантический класс образов преимущественно в XX веке. Это, в первую очередь, обозначения стихотворных размеров, одно из которых – название античного размера *гекзаметр*, встречается и раньше, в середине XIX в.: «То волшебством я каким-то к утесу прикован, И предо мною *гекзаметром* волны стремятся, Будто стихом Одиссея мой

слух очарован...» (Н. Щербина 1852), и повторяется и в более поздних произведениях: «Слышу нарастающий хор, – То *гекзаметры* ветер скандирует, Унося их с собой на простор» (Н. Крандиевская 1961), «За пережат пологий Заносится холодная волна: Вздывается и падает она *Гекзаметром* старинных антологий» (В. Перелешин 1972).

В поэзии XX века в метафорическом употреблении встречаются названия различных стихотворных размеров и форм: *дактиль, хорямб, асклеиадова строка* (корректный термин – *асклеиадова строфа*): «Там спорят *дактилем* дубравы С *хорямбической* рекой, С тобою речь заводят травы *Асклеиадовой строкой*» (В. Эльснер 1913), *анapest*: «Но птица прочь летит – все дальше, дальше – И хищника поддразнивает песней, *Анапестом* насмешливо звеня» (Т. Щепкина-Куперник 1927), «Березы, как солдатские невесты, В сторонке собрались, в ячменном поле, И громко повторяют *анapestы* Некрасова ли, Анненского, что ли» (С. Липкин 1985), «Облака выбирают *анapest*, Им трёхстопная мера мила» (А. Кушнер 2000-2005), *ямб*: «Волна и ночь в торжественном движении Слагают *ямб*... И этот *ямб* поет» (Э. Багрицкий 1923-1929), «Какая-то непризнанная птаха, Не принятая, видимо, в ансамбль, Издалека уныло, но без страха, Чирикала четырехстопный *ямб*» (Е. Полонская 1951), *амфибрахий*: «В Крыму дикий голубь кричит на три такта, Он выбрал размер для себя – *амфибрахий* – И нам веселее от этого факта, Хотя он в унынье как будто и страхе» (А. Кушнер 2000-2005).

В некоторых случаях рассматриваемые термины в компаративных конструкциях не содержат собственно олицетворения: «Размер *ямбического триметра* Мне слышен в гуле вод твоих» (В. Брюсов. Над Иматрой, 1913), «Есть иволги в лесах, и гласных долгота В тонических стихах единственная мера, Но только раз в году бывает разлита В природе *длительность*, как в метрике Гомера. Как бы *цезурою* зияет этот день: Уже с утра покой и трудные длинноты, Волы на пастбище, и золотая лень Из тростника извлечь богатство целой ноты» (О. Мандельштам 1914), «Падая, журчит ручей, И того же лада – Те же *дактиль* и *хорей*, Словно твой, Эллада, Царственных трагедий хор – Эхо водопада» (Н. Оцуп 1927-1929), «Гром, как *державинская ода*, По крыше *ямбом* грохотал» (А. Тарковский 1977), «Прыгал *дактилем* снег. Я быстро пошла, Завернув свою жизнь в платок» (Е. Шварц 1982),

«а в метро сплошные *пиррихии* поездов отмененных / их тоже на кривой козе не объедешь» (В. Кривулин 1997). Подобные контексты отражают восприятие поэтом стиховых закономерностей в окружающем мире.

Что касается предметов сравнения в конструкциях персонификации с образами сравнения лексико-семантической группы «Словесное искусство», то чаще всего, как уже говорилось, это обозначения природных реалий. Наиболее частотны среди них, как видно из приведенных примеров, атмосферные явления – *ветер, ураган, буря, метель, вьюга; гроза, гром; дождь, снег*.

На втором месте по частоте встречаемости в компаративных тропах находится подкласс слов, обозначающих водные объекты: *море, река, водопад* и др.: «Величаво-однотонный Говорит из года в годы *Строфы эпоса* бездонный Океан, Гомер природы. Я слышал валов безмерных *Песнь* о Боге и о прахе, *Ритм гекзаметров* размерных, *Гимнов* тяжкие размахи <...> Внук, приникни! *Строфы*-волны *Песнь* несут тебе в награду» (М. Лозина-Лозинский 1916), «Моя строка идёт кругами, Идёт *слогами* речь реки» (Ю. Мориц 2008). Также в качестве предметов сравнения выступают обозначения светил (*звезда, луна, солнце*), времен года, дня (*весна, осень, вечер, ночь*) животных (чаще всего птиц и насекомых), растений.

Реже в качестве предметов сравнения выступают обозначения артефактов – бытовых предметов: «Пел *песни* светлый самовар» (И. Никитин 1854–1857), Но момент – и в нужный срок Запеваet *песню* примус И товарищ-котелок» (А. Безыменский 1923), элементов строительных конструкций: «А весенний смех над тротуарами Вторит *песням* водосточных труб...» (В. Горянский 1915), поездов: «Мягкий ветер в вагон луговую прохладу принес. Отчего так сурова холодная *песня* колес?» (Саша Черный 1914), «Эшелоны выстукивают *гекзаметры* И в шинели укутываются Гомеры» (Д. Самойлов 1944), «Поезд прогрохочет, как *гекзаметр* Одиссеи» (А. Несмелов 1924–1945), «... Колеса перебежали / с *дактиля* на *хорей*» (Ю. Мориц 1985), кораблей: «Закутавшись в плащи, на серых камнях дамб, Вдвоем, как статуи печали, Смотрели молча мы на дали, На копыеносный и колеблемый, как *ямб*, Отряд таинственнò – красивых кораблей» (А. Лозина-Лозинский 1916), оружия: «Марш – марш! И в лаву... Небо упало так резко. Землею набился рот. А из перелеска Все еще пулемет Колыбельную *песню* поет и поет...»

(В. Лебедев 1925), «Я помню *песню* пулемета, Его безумную чечетку» (И. Деген 1945) и др.

В отдельных случаях слова, относящиеся к ЛСГ «Словесное искусство», образно характеризуют внутренний мир человека – мечту, тоску, память: «Безумно сердце просит женской ласки, И чудная мечта нашептывает *сказки*» (Н. Огарев 1844), «Кто понял бездонность свободы Торжественной пустоты, Извечную дивную *оду* Безгранной тишайшей мечты?» (Л. Гроссе 1929–1939), «Шатается по горенке, Не сыщет уголка Сестрица некрещёная, Бессонная тоска. Присядет возле ног моих, Колени обовьет, Бормочет мне знакомый *стих* И всё поёт, поёт» (Н. Крандиевская 1918), «Мне память шепчет вновь минувшего *рассказ*» (Г. Голохвастов 1903–1952).

Интересно отметить, что развитие рядов об-разных обозначений рассматриваемого семантического класса происходит не только в направлении от родового слова к видовым, но и наоборот: в современной поэзии появляется метафора *словесность*, представляющая собой родовое понятие для этого класса обозначений: «И зарождающихся гроз Изустная *словесность*, И заколдованных берез Влекущая безвестность» (С. Липкин 1985).

Итак, мы рассмотрели основные образные обозначения, относящиеся к лексико-семантической группе «Словесное искусство», выявили наиболее употребительные из них, определили круг предметов сравнения, характеризующихся этими обозначениями. За пределами нашего исследования остались некоторые термины, называющие жанры прозаических произведений, а также термины, характеризующие текст, особенно в его письменной форме, его части и элементы (*текст, слово, цитата, эпиграф* и др.) и др. Все это составляет предмет наших будущих исследований.

Библиографический список

1. Богданович Л. А. К проблеме образного использования лингвистических терминов в русской поэтической речи // Автор – текст – читатель: теория и практика анализа. Материалы Седьмых Международных научных чтений. Калуга : Издательство Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, 2020. С. 259–265.
2. Бойко С. С. «Дивный выбор всевышних щедрот...». Филологическое самосознание современной поэзии // Вопросы литературы. 2000, №1. С. 44–73.
3. Демьянков В. З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке / под общим руководством и редакцией Н. Д. Арутюновой. Москва : Языки русской культуры, 2000. С. 193–270.

4. Демьянков В. З. Образы языка в контрастивном освещении // Критика и семиотика. Новосибирск, 2014. № 2. С. 11–20.

5. Зубова Л. В. Языки современной поэзии. Москва : Новое литературное обозрение, 2010. 384 с.

6. Ковшова М. Л. О культурных смыслах и семантике «слов молчания»: опыт исследования // Под знаком «мета». Материалы конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры» в Институте языкознания РАН 14–16 марта 2011 г. / под ред. Ю. С. Степанова и др. Москва – Калуга, 2011. С. 342–352.

7. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Коженикова, П. А. Николаева. Москва : Советская энциклопедия, 1987. 752 с.

8. Маслова В. А. Философия и поэтика молчания сквозь призму русской поэзии XX века // Культура народов Причерноморья. 2004. № 49. Т. 2. С. 130–133.

9. Маслова В. А. Поэтическая лингвистика как «стирание границ между наукой и искусством» (Ю. С. Степанов) // Критика и семиотика. Новосибирск, 2012. № 7. С. 138–148.

10. Николина Н. А. Усиление метаязыковой рефлексии и функционирование лингвистических терминов в современной поэтической речи // Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. Москва : ИТДГК «Гнозис», 2009. С. 49–79.

11. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

12. Орлова О. В. Образ языка в метатексте И. Бродского // Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах. Томск : ИД СК-С, 2009. С. 97–128.

13. Петрова З. Ю., Северская О. И. Говорящий мир в русской поэзии XVIII–XXI вв. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. №1. С. 78–90.

14. Петрова З. Ю., Северская О. И., Фатеева Н. А. Лексико-семантическая группа «Отсутствие речи» в русской поэзии: конструкции персонификации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, №7. С. 8–18.

15. Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Единицы лексико-семантической группы «Поиск и получение информации» как олицетворяющие метафоры в русской поэзии // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 2. С. 3–48.

16. Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Образный потенциал слова язык в русской поэзии: конструкции персонификации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 45, № 6. С. 108–114.

17. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. Москва : Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. 357 с.

18. Рыбальченко Т. Л. Семантика молчания в лирике И. Бродского // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 85–100.

19. Фатеева Н. А. Филологические термины как понятия креативной поэтики // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В. З.

Демьянкова. Москва : Культурная революция, 2018. С. 70–79.

20. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Метапоэтика: Поэты исследуют русскую поэзию. Ростов-на-Дону : Полиграф-Сервис, 2018. 535 с.

21. Хазбулатова Т. А. Вопросительные конструкции как разновидность диалогических форм в поэзии Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама. Москва, 2012. 26 с.

Reference list

1. Bogdanovich L. A. K probleme obraznogo ispol'zovanija lingvisticheskikh terminov v russkoj pojeticheskoj rechi = Toward the problem of linguistic terms figurative use in Russian poetic speech // Avtor – tekst – chitatel': teoriya i praktika analiza. Materialy Sed'myh Mezhdunarodnyh nauchnyh chtenij. Kaluga : Izdatel'stvo Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. Je. Ciolkovskogo, 2020. S. 259–265.

2. Bojko S. S. «Divnyj vybor vsevyshnih shhedrot...». Filologicheskoe samosoznanie sovremennoj poezii = «A marvelous choice of the Supreme generosity...». Philological self-consciousness of contemporary poetry // Voprosy literatury. 2000, №1. S. 44–73.

3. Dem'jankov V. Z. Semanticheskie roli i obrazy jazyka = Semantic roles and images of language // Jazyk o jazyke / pod obshhim rukovodstvom i redakciej N. D. Arutjunovoj. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 193–270.

4. Dem'jankov V. Z. Obrazy jazyka v kontrastivnom osveshhenii = Linguistic images in contrastive light // Kritika i semiotika. Novosibirsk, 2014. № 2. S. 11–20.

5. Zubova L. V. Jazyki sovremennoj poezii. = Languages of contemporary poetry. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 384 s.

6. Kovshova M. L. O kul'turnyh smyslah i semantike «slov molchanija»: opyt issledovanija = On cultural meanings and «words of silence» semantics: research experience // Pod znakom «meta». Materialy konferencii «Jazyki i metajazyki v prostranstve kul'tury» v Institute jazykoznanija RAN 14–16 marta 2011 g. / pod red. Ju. S. Stepanova i dr. Moskva – Kaluga, 2011. S. 342–352.

7. Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' = Literary encyclopedic dictionary / pod obshh. red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1987. 752 s.

8. Maslova V. A. Filosofija i pojetika molchanija skvoz' prizmu russkoj poezii HH veka = Philosophy and poetics of silence through the prism of the XX century Russian poetry // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. 2004. № 49. Т. 2. S. 130–133.

9. Maslova V. A. Pojeticheskaja lingvistika kak «stiranje granic mezhdu naukoy i iskusstvom» (Ju. S. Stepanov) = Poetry linguistics as «blurring the boundaries between science and art» (Y. S. Stepanov) // Kritika i semiotika. Novosibirsk, 2012. № 7. S. 138–148.

10. Nikolina N. A. Usilenie metajazykovoj refleksii i funkcionirovanie lingvisticheskikh terminov v sovremennoj pojeticheskoj rechi = Strengthening meta-linguistic

reflection and linguistic terms functioning in contemporary poetic speech // Aktivnye processy v jazyke sovremennoj russkoj hudozhestvennoj literatury. Moskva : ITDGG «Gnozis», 2009. S. 49–79.

11. NKRJa – Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = Russian National Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru>.

12. Orlova O. V. Obraz jazyka v metatekste I. Brodskogo = The image of language in I. Brodsky's meta-text // Kartiny russkogo mira: obrazy jazyka v diskursah i tekstah. Tomsk : ID SK-S, 2009. S. 97–128.

13. Petrova Z. Ju., Severskaja O. I. Govorjashhij mir v russkoj poezii XVIII–XXI vv. = Speaking world in the XVIII–XXI century Russian poetry // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. №1. S. 78–90.

14. Petrova Z. Ju., Severskaja O. I., Fateeva N. A. Leksiko-semanticheskaja gruppy «Otsutstvie rechi» v russkoj poezii: konstrukcii personifikacii = Lexical-semantic group «Lack of speech» in Russian poetry: personification constructions // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 44, № 7. S. 8–18.

15. Petrova Z. Ju., Fateeva N. A. Edinicy leksiko-semanticheskoy gruppy «Poisk i poluchenie informacii» kak olicetvorjajushhie metafory v russkoj poezii = Units of lexical-semantic group «Searching and receiving information» as personifying metaphors in Russian poetry // Slovo.ru: baltijskij akcent. 2023. T. 14, № 2. S. 3–48.

16. Petrova Z. Ju., Fateeva N. A. Obraznyj potencial slova jazyk v russkoj poezii: konstrukcii personifikacii = Figurative potential of the word language in Russian poetry: personification constructions // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 45, № 6. S. 108–114.

17. Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij = Poetics: Dictionary of topical terms and concepts / gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko. Moskva : Izd-vo Kulaginnoj : Intrada, 2008. 357 s.

18. Rybal'chenko T. L. Semantika molchanija v lirike I. Brodskogo = Semantics of silence in I. Brodsky's poetry // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2011. № 2. S. 85–100.

19. Fateeva N. A. Filologicheskie terminy kak ponjatija kreativnoj pojetiki = Philological terms as concepts of creative poetics // Obrazy jazyka i zigzagi diskursa. Sbornik nauchnyh statej k 70-letiju V. Z. Dem'jankova. Moskva : Kul'turnaja revoljucija, 2018. S. 70–79.

20. Shtajn K. Je., Petrenko D. I. Metapojetika: Pojety issledujut russkiju poeziju = Metapoetics: Poets examine Russian poetry. Rostov-na-Donu : Poligraf-Servis, 2018. 535 s.

21. Hazbulatova T. A. Voprositel'nye konstrukcii kak raznovidnost' dialogicheskikh form v poezii Borisa Pasternaka i Osipa Mandel'shtama = Interrogative constructions as a kind of dialogic forms in the poetry by Boris Pasternak and Osip Mandelstam. Moskva, 2012. 26 s.

Статья поступила в редакцию 24.08.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 24.08.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_73

EDN: TEZJPR

**Реальное и мистическое в тексте памятника «Запись астрономических явлений...»
начала XVIII в.**

Маргарита Степановна Выхрыстюк^{1✉}, Юлия Валерьевна Исламова², Марина Геннадьевна Бакшеева³

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования, Тюменский государственный университет. 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Югорский государственный университет. 628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16

³Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Югорский государственный университет. 628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16

¹m.s.vykhrystyuk@utmn.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-7955-7351>

²islyv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3752-8418>

³baksheeva.marina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3248-165X>

Аннотация. В статье выполнен анализ явлений, происходящих в небе над Тобольском с точки зрения соотношения реального и мистического. Источником послужил рукописный текст «Записи астрономических явлений въ небе надъ городомъ Тобольскомъ» начала XVIII века из фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Неизвестный автор с детальной точностью описал увиденные небесные объекты – расположение звезд, движение комет, падение метеоритов, солнечное и лунное затмения; различные погодные явления – ураганы, ветра, ливни, снегопады, а также пожары и засухи. Все описанные события сделаны на основе личных наблюдений автора и зафиксированы в определенной последовательности.

Отмечается, что небесные явления нередко были предсказателями каких-либо событий в городе или во всей Сибири, и даже в стране – пожаров, наводнений и даже войн. Особое внимание привлекали события мистического характера, отражающие плод фантазий человека. По мнению автора, такие фантазии, рожденные на основе небесных событий, передавались из уста в уста, сюжетно изменялись, нередко дополняясь жуткими подробностями, впечатляющими людское воображение и наводящими страх. Приведенные иллюстрации погодных условий, атмосферных явлений и небесных событий имеют разное толкование: их можно истолковать и как загадки и таинственные изменения природы, и как предсказания каких-то важных или неожиданных событий, и как коварные проделки инопланетян, нередко посещавших сибирскую землю. В статье решается вопрос о соотношении научного и мистического в историческом тексте, доле реального и ирреального.

Ключевые слова: дневниковые записи прошлого; памятник письменности; астрономические явления; реальное и мистическое

Для цитирования: Выхрыстюк М. С., Исламова Ю. В., Бакшеева М. Г. Реальное и мистическое в тексте памятника «Запись астрономических явлений...» начала XVIII в. // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 73–79. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_73. <https://elibrary.ru/TEZJPR>

Original article

**Real and mystical in the text of the early XVIII century monument
«Record of astronomical phenomena...»**

Margarita S. Vykhrystyuk^{1✉}, Yulia V. Islamova², Marina G. Baksheeva³

¹Doctor of philological sciences, professor at the department of philological education, Tyumen state university. 625003, Tyumen, Volodarsky st., 6

²Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian language and literature, Ugra state university. 628012, Khanty-Mansiysk, Chekhov st., 16

³Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian language and literature, Ugra state university. 628012, Khanty-Mansiysk, Chekhov st., 16

¹m.s.vykhrystyuk@utmn.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-7955-7351>

²islyv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3752-8418>

³baksheeva.marina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3248-165X>

Abstract. The article analyzes the phenomena occurring in the sky over Tobolsk from the point of view of the correlation between the real and the mystical. The source for the research is the early 18th century manuscript «Records of astronomical phenomena in the sky over the city of Tobolsk...» from the archives of the Tobolsk historical and architectural museum. The unknown author described with detailed accuracy the visible celestial bodies – the location of stars, the movement of comets, the fall of meteorites, solar and lunar eclipses; various weather phenomena – hurricanes, winds, downpours, snowfalls, as well as fires and droughts. All the events are described based on the author's personal observations and are recorded in a specific sequence.

It is noted that celestial phenomena often predicted certain events in the city or throughout Siberia, and even the whole country – fires, floods and even wars. Particular attention was drawn to events of a mystical nature, reflecting human fantasies. According to the author, such fantasies, based on celestial events, were spread by word of mouth, with the plot changing and often supplemented with gruesome details that impressed human imagination and inspired fear. The illustrations of weather conditions, atmospheric phenomena and celestial events have different interpretations: they can be interpreted as riddles and mysterious changes of nature, as predictions of some important or unexpected events, and as insidious tricks of aliens who often visited the Siberian land. The article addresses the question of the relationship between the scientific and the mystical in the historical text, the proportion of the real and the unreal.

Key words: diary entries of the past; written records; astronomical phenomena; the real and the mystical

For citation: Vykhristyuk M. S., Islamova Yu. V., Baksheeva M. G. Real and mystical in the text of the early XVIII century monument «Record of astronomical phenomena...». *Verhnevolszski philological bulletin*. 2023;(4):73–79. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_73. <https://elibrary.ru/TEZJPR>

Введение

В фондах Тобольского историко-архитектурного музея находится рукописный памятник «Запись астрономических явлений въ небе надъ городомъ Тобольскомъ» (паспортный номер КП 12 530). Источник представляет собой небольшую брошюру, в которой в форме дневниковой записи в хронологическом порядке описаны события, происходящие в небе над бывшей столицей Сибири с конца XVII до 1734 года.

Актуальность исследования состоит в привлечении к исследованию новых скорописных источников XVIII в. из периферийных архивов, которые помогут дать ответы на многие вопросы как источниковедческого, так и культурологического плана. Изучение текста «Запись астрономических явлений...» поможет дать ответы на многие вопросы в области астрономии, а анализ реального и мистического в тексте памятника пополнит сведениями о природных и погодных явлениях, о жизнедеятельности людей в прошлые века на отдаленной в тот период от российского центра территории.

Теоретической базой изучения стали труды отечественных лингвистов-источниковедов Л. Ю. Астахиной (2006), И. Р. Гальперина (2007), Л. А. Глинкиной (2004), С. И. Коткова (1968), И. А. Малышевой (1998); изучению исторических текстов посвящены труды С. А. Авериной (2000); скоропись как вид письма XVIII века изучалась Л. А. Глинкиной, Н. В. Глухих, Н. А. Новоселовой, Е. А. Сивковой (2003); культурно-лингвистический аспект сибирских рукописных текстов прошлого изучал П. А. Словцов

(1995); русская астрономическая лексика описана в работах М. С. Выхристюк, М. Э. Рут (2003, 2020), М. В. Черняковой (2014); изучением астрономии как науки и космоса в частности занимались Г. Г. Вокин (2018), М. Капачколи (2022), С. А. Красносельский и В. И. Зернов (2022), М. Я. Марков (2018), В. Г. Сурдин (2022).

К изучаемому памятнику проявили интерес члены кафедры литературы Новосибирского государственного университета. Новосибирскими источниковедами А. А. Алексеевым и Е. Н. Дергачевой-Скоп (2008), текст рукописи был оцифрован, а лингво-культурологические описания источника были проведены М. С. Выхристюк (2004, 2005, 2008), также лингвистическому изучению памятника посвящена кандидатская диссертация М. В. Черняковой (2016), но глубокому и всестороннему историко-культурологическому исследованию источник не подвергался.

Целью изучения стало исследование событий реального и мистического характера, представленных в тексте «Запись астрономических явлений въ небе надъ городомъ Тобольскомъ» в начале XVIII века.

Структурно-семантическая характеристика источника

Рукописный текст неизвестного автора содержит интересные сведения фактологического характера о всех происходящих в небе событиях: о движении звезд, о прохождении по небу и падении комет, а также о погодных явлениях, которые влияют как на посевы, так на ведение домашнего хозяйства. При изложении материала

явно видна авторская оценка происходящих событий [Чернякова, 2016, л. 27].

Материал в источнике расположен на лицевой и оборотной сторонах листа и представляет собой поочерёдное чередование рукописного материала на правой стороне и сопровождающих его рисунков на левой странице, которые иллюстрируют почти каждое описываемое астрономическое явление: солнечное и лунное затмения, траектории движения комет и падения звезд и метеоритов, положение солнца, прохождение луны и звезд по отношению к ней, попутно погодные явления – дождь, снег, град, ураган, вихрь, облачность, ветер, а также городские происшествя и другие новости, пожары, успехи градостроительства и т. п.

Так, как видим, в иллюстративном материале приезде А. Ф. Нарышкина предшествовало небесное знамение, которое было плохим знаком:

«Лѣта 725 ноября в 15 число / в тоболски явися знамение сіе на небеси / во 2 часи ноци и стояло до 3 часа до последней четверти / а въ 4 часи в 1 четверте скрылося и ста в первомъ / сиществе яко же Обычай прибытій ближняго / столника Андрея феоdorfовича Нарышкина / писано по его веленію» [ТИАМЗ, КП 12530, л. 118].

Будучи близкой к дневниковым записям, «Запись астрономическихъ явлений...» имеет свои зачинные формулы. Они включают в себя информацию о дне, месяце и годе события, максимально точном времени и месте описываемого явления: «Въ 211 году генваря полде / асперваго числа генваря изменилася темная і болиая / случемъ верху стала натоуже месте / амалая светлая сверху вниз стопрокинулася кполудни / и стояло по 212 год іенваря по 17 число / и являще два державца» [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 118]; *Лѣта 1738 году декабря, / 4 день въ тоболску явилоса знаменіе / сіе на небеси в ноци въ третій часъ / надъ болиимъ домоу / явилса столбъ а посреде / его звезда а отнего ви / дящее два меча внизъ / концами надъ домоу / и виденіе было пять часовъ / и толко //* [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 15].

Все описываемые события имеют детальную точность и последовательность, вызванные личными наблюдениями автора над происходящим в небе.

Атмосферные явления как предсказатель исторических событий

Особое внимание привлекают небесные явления, предсказывающие какие-либо события в городе, а нередко в стране. Издавна дальние страны и чужие земли являлись предметом проживания воображаемых фантастических существ и местом происхождения чудесных событий. Так, например, долгое время в народе жило поверье, что на печорских горах жила в пещере крылатая змея-аспида с птичьим носом и двумя хоботами, а на берегу Волги возле Саратова обитал шестиглавый дракон. Флора также нередко была объектом мистического. Так, в низовьях Дона было найдено растение-животное баранец, приносившее плод, похожий на ягненка. Такие фантазии, передаваемые из уста в уста, дополнялись жуткими подробностями, впечатляющими людское воображение и наводящими страх. Например, жило поверье, что печорская аспиды может налететь на землю и всю ее опустошить, а волжский дракон периодически налетать на разные города и совершать там погромы.

Интересны и познавательны в этом плане многие иллюстрации источника: «Въ Тевризѣ граде видели / въ воздухе псовъ образъ на престоле / сидел и въ руце крестъ держалъ, / а со креста полотенце висело. / А полоненники шли было / на Русь из Царьграда / и на пути враны всю плоть / ихъ расклевали [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 55]; *Лѣта 7181 году бысть сіе зна / меніе в венгерской землѣ надградомъ / Косодіевъ от: 21 де / ноябъ по 23 де стояло слнце внем 2 крста. 3 / мѣца 6 полимесцов 3 навоздухъ / рогами азъ к земли рогами да / 3 диги и светла 2 черна 3 ласовъ / всевидящее око. под мѣцемъ 24 / крста пишка. Граматин копіе межъ / испишки стреляло помечю / сробило / на мече 3 дыры а отъ всевидящаго / навсе знаменія спреніе Wm ni / шешаго и граматнаго стреля / нія земля тряслася / упомногимъ //* [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 25].

Сибирские летописцы не могли не знать подобные истории и в своих летописях упоминали о проживающих в сибирской тайге звероподобных людях, замерзающих на зиму и вновь оживающих по весне, а также о проживающих здесь великанах с песьими головами. Сибирь вплоть до XX века слыла страной мрака, краем, полным тайн и чудес.

В «Записи астрономическихъ явлений...» находим описание атмосферных явлений, которые сложно объяснить: с одной стороны, они

являются загадкой, до сих пор нераскрытой тайной природы, с другой стороны, плодом фантазий человека о посещении Сибири инопланетянами [Выхрыстюк, 2008, с. 33]. Наблюдения над звездами рождали фантазии в воображении любознательного автора, которые он запечатлевал на бумаге. Так, например, неожиданное появление на небе звезды или падение кометы было предвестником скорой войны: *Потом Комита страшная / явилася два мсца видена / была звезда съ хвостомъ / войны игладъ великъ показала* [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 3]; *213 году декабря. 6 де явилася / в тобольскУ всоре свечера / свезда бризгалная вовсе сто / роны ротягиваяся повся / вечера помногие годы съ 97 / годУ являше непостоянство / и войнУ //* [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 8].

Материал подтверждает нам мысль о том, что земная и неземная природа предупреждает человека о тревожных событиях, каковыми является начало войны. Есть примеры предупреждения человека о засухе или, напротив, наводнении, о пожарах, которые нередко случались в деревянном Тобольске. Приведем другой пример видения человека в круге солнца как предупреждение человека о рождении уродливого скота: *Въ 714 году июля 8 д ги / бель солнцУ въ немъ члвкъ / ввиденіи ивеліе возжуре / ние воздУхУ издаде и бы / вше съ два часа, и мглою / четыре дни ј вящее сто / яще и воздУшная и мгла в тобольскомъ уезде, / и являше скотоуродіе / ивадъ нездравіе //* [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 10].

Нередко явления в городе могли предупреждать о значимом событии и даже быть предвестником смерти человека. Так, сломанный ветром крест соборной колокольни свидетельствовал о смерти архиерея: *205 году сентября 14 дня / в половине дни запада / возвез вихоръ въ ТобольскУ сломило / крестъ ско / локольни соборной, и то яви / ло архирея во исстУплени / ума из члвки веліе разгла / сіе. и смерть его //* [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 5].

На левой части листа изображен человек с открытым ртом, из которого исходят клубы дыма, а возможно, это и есть тот самый ветер с человеческим лицом и возможностями человека, который повалил крест на соборной колокольне.

Реальность и мистика в тесте источника

Несмотря на достоверность изложения событий, текст «Записи...» пронизан мистикой. Так, смену одного века другим всегда сопутствовали

многочисленные пророки конца света. И неслучайно, например, в описании события 1700 года, связанного с прибытием в городе большой воды из рек Иртыша и Курдюмки, сообщается: «<...> отчего люди пришли въ такой страхъ, / думали, что конецъ свету наступилъ, / и все, какъ возможно, побегли въ церковь, / на молитву ко всецедрому Богу» [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 31].

Не менее значимо в этом плане описание появления в следующем году на небе черного змея, олицетворявшего темные силы Сатаны, который на подлете к городу был сражен светлыми силами господа Бога и рассыпался на части. Но Тобольск, окруженный со всех сторон тремя монастырями и десятками церквей, всегда считался городом богоизбранным. Поэтому именно здесь вступили в борьбу со змеем силы небесного Христова войска [Алексеев, Дергачева-Скоп, 2008, с. 15].

Показателен факт появления на небе отсвета меча кровавого, «<...> отчего тобольские жители / были въ сомнении и немаломъ ужасе <...>» [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 33]. Начало XVIII века – Петровское беспокойное время, время сомнений и перемен в стране. Люди переживали за ее будущее, пребывали в беспокойстве и смятении. Жители Тобольска не оставались в стороне от событий в стране. Случайно или нет, но описание многих небесных явлений выпадает именно на период правления в России Петра I, которого народ, не принимавший его реформы, называл «антихристом». Выражением своего отношения к государственной политике явилось творчество людей. Так, грамотный, образованный человек, пожелавший остаться неизвестным, выражает свое отношение к происходящим событиям в стране через безобидное описание небесных явлений, поскольку небесные предзнаменования в ту пору напрямую связывали с явлениями общественными. Примером может служить величественное «Слово о полку Игореве», в котором так же неизвестный летописец предсказывал исход похода Игоря через явление природы.

Предсказания на Руси всегда были свойственны шаманам и жрецам, чародеям и колдунам, волхвам или астрологам. Наблюдая над небесными светилами, они сообщали царям и правителям не только их будущее, но и будущее всей страны. Обращаясь к небу, они просили мира и благодати. Христианская православная церковь не признавала подобных предсказателей и постоянно вела борьбу с чародеями и гадалками.

Летописец в тексте «Записи...» обошел эти острые углы, но в контексте памятника явно просматривается потребность мыслящего человека связать свою собственную судьбу и судьбу своего государства с предзнаменованиями, ниспосылаемыми небом [Алексеев, Дергачева-Скоп, 2008, с. 15].

Представляет особый интерес описание исторического события 1705 года, повлиявшего на культурную жизнь города: присланный в Тобольск новый епископ с Украины Филофей Лещинский, воспитанный на западной культуре, ставленник Петра I, имел намерение по-своему просветить сибиряков. Он решился на постановку спектакля в Тобольске прямо во дворе Софийского собора. Но православная церковь расценила театральное действо как проявление лицедейства, противоречащее Богу. И *«Всемогуций господь Богъ гневъ свой на творящихъ игрища комедианския направилъ»* [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 30]: *И после того прилетел / смѣи страшень великъ весь Вгнен / село паляше и сед надцревыми / полость и лете дыхая Вгнем / ивте дни что было вмола / тахъ сосУдовъ сла / тыхъ серебряныхъ медныхъ ижелезныхъ / ите все растропились //* [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 28]; *И которыхъ днѣхъ прилетелъ смѣи / к полатамъ иположилъ голову / свою в одно платное испУстил / изсебе в полаты страшный / пламень и оттого пламени / полаты загорелись и горели / 10 дней и ноцей изгорели все / впепель все впепель / А вам црь ушелъ войной градъ //* [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 21].

По-разному можно истолковать и другое небесное явление: *«Ноября 20 числа въ Тобольску / видено было: во исходе 4-го часа ночи, / посреди небеси, на воздухе, выпалъ / будто свитокъ белъ, растягиваясь, / и вслухъ людямъ шусталь, / и палъ посреди двора воеводского, / вблизи крыльца: и внезапно явился / человекъ, отъ него же четыре искры / огненные вверхъ порознь возлетели / и совокупилися въ место, / и черезъ малую минуту все исчезло; / въ то же время нанесло тучу / и громъ великъ скрежеста часа съ два. / И бысть воеводскому дому пожаръ»* [ТИАМЗ, КП 12 530, л. 41]. Верующий человек, возможно, увидит в этом сюжете небесного ангела, который опустился к воеводе для совершения правосудия. А астролог или уфолог свяжет это событие с появлением на дворе у воеводы инопланетян.

Местами последовательность в расположении хронологических дат нарушается воспоминани-

ями о событиях и происшествиях, совершавшихся в небе над городом Тобольском.

Заключение

Таким образом, анализируемый источник давал богатую пищу любознательным сибирякам для рассуждений о реальном и ирреальном, об очевидном и мистическом. Чудесные астрономические явления, происходящие в небе над сибирской столицей, были полны загадок, они погружали горожан в незнакомое, неизведанное, раскрывали очевидцам тайны иных миров. Текст памятника подтверждает мысль о том, что его автор не был просто пассивным наблюдателем небесных событий, а являлся их толкователем, выражая через повествование и описание свое собственное мнение, свое отношение к увиденному вокруг.

Библиографический список

1. Аверина С. А. Памятники древнеславянской письменности в историческом исследовании. Спецсеминар // Кафедра русского языка. Учебные программы. Санкт-Петербург, 2000. С. 343–346.
2. Алексеев В. Н.; Дергачева-Скоп Е. Н. Древнерусское духовное наследие в Сибири // Научное изучение памятников традиционной русской книжности на Востоке России. Т. I. Новосибирск, 2008. С. 9–15.
3. Астахина Л. Ю. Слово и его источники // Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект. С послесловием Ю. Н. Филипповича. 2006. Москва : МГУП. С. 60–63.
4. Вокин Г. Г. Космос и человек: приглашение к размышлениям о гуманитарных аспектах результатов космической деятельности человека: научно-популярное издание. Москва, Вологда : Инфра-Инженерия, 2018. 85 с.
5. Выхрыстюк М. С. Междусловные системные отношения в лексике «Записи астрономических явлений...» // Актуальные вопросы модернизации образования: Материалы II методологической городской конференции педагогов. Ханты-Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 2004. С. 10–16.
6. Выхрыстюк М. С. Лингвистическое изучение научных открытий трудов русских исследователей XVIII века (на материале рукописного памятника «Запись астрономических явлений въ небе надъ городомъ Тобольска») // Уральские бирюковские чтения. Из истории Российской интеллигенции. Сборник научных статей. Выпуск 3. Челябинск, 2005. С. 282–287.
7. Выхрыстюк М. С. Хожение планет и падение комет и другие явления в небе над городом Тобольском // Русская речь. 2008. № 1. С. 33.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва, 2007. 125 с.
9. Глинкина Л. А. Лингвокраеведение и его основные источники // Русский язык: исторические судьбы

и современность / Труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка. Москва : МГУ, 2004. С. 343–346.

10. Капаччоли М. Тысяча и одна ночь: астрономические этюды, публицистика / пер. с итальянского А. Ю. Канунниковой. Москва : Техносфера, 2022. 200 с.

11. Котков С. И. О развитии лингвистического источниковедения. Москва, 1968. 186 с.

12. Красносельский С. А., Зернов В. И. Инженеры и космонавтика: научно-популярное издание. Москва : Дикрет-Медиа, 2022. 32 с.

13. Малышева И. А. Проблемы источниковедческого исследования письменных памятников XVIII века // Вопросы языкознания. 1968. № 3. С. 3–8.

14. Марков М. Я. Космос: от Солнечной системы вглубь Вселенной: научно-популярное издание. Москва : Физматлит, 2018. 540 с.

15. Рут М. Э. Русская народная астрономия на общеславянском фоне // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации / отв. ред. А. М. Молдован. Москва : Индрик, 2003. С. 524–534.

16. Рут М. Э. Словарь астрономов. Звёздное небо по-русски. Екатеринбург : УрГУ, 2020. 592 с.

17. Скорпись XVIII века : учебное пособие / сост. Н. В. Глухих, Н. А. Новоселова, Е. А. Сивкова // под общ. ред. Л. А. Гликиной. Челябинск, 2003. 238 с.

18. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск : Вен-Мер, 1995. 676 с.

19. Сурдин В. Г. Разведка далёких планет: научная литература. Москва : Физматлит, 2022. 364 с.

20. Чернякова М. В. Отношения синонимии и антонимии в лексике текста «Запись астрономических явлений...» // Менделеевские чтения–2014: Материалы XLV Региональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Тобольск : ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2014. С. 55–57.

21. Чернякова М. В. Рукописный памятник начала XVIII века «Запись астрономических явлений в небе над городом Тобольском» в аспекте лингвистического источниковедения. Архангельск : САФУ, 2016. 168 с.

Reference list

1. Averina S. A. Pamjatniki drevneslavjanskoj pis'mennosti v istororicheskom issledovanii. Specseminar = Monuments of Old Slavonic writing in historical research. Specialist seminar // Kafedra russkogo jazyka. Uchebnye programmy. Sankt-Peterburg, 2000. S. 343–346.

2. Alekseev V. N., Dergacheva-Skop E. N. Drevne-russkoe duhovnoe nasledie v Sibiri = Ancient Russian spiritual heritage in Siberia // Nauchnoe izuchenie pamjatnikov tradicijnoj russkoj knizhnosti na Vostoke Rossii. T. I. Novosibirsk, 2008. S. 9–15.

3. Astahina L. Ju. Slovo i ego istochniki = Word and its origin // Russkaja istoricheskaja leksikologija: istochnikovedcheskij aspekt. S poslesloviem Ju. N. Filippovicha. 2006. Moskva : MGUP. S. 60–63.

4. Vokin G. G. Kosmos i chelovek: priglasenie k razmyshlenijam o gumanitarnyh aspektah rezul'tatov

kosmicheskoy dejatel'nosti cheloveka = Space and Man: an invitation to reflect on the humanitarian aspects of human space activities : nauchno-populjarnoe izdanie. Moskva, Vologda : Infra-Inzhenerija, 2018. 85 s.

5. Vyhrystjuk M. S. Mezhduslovnye sistemnye odnoshenija v leksike «Zapisi astronomicheskikh javlenij...» = Inter-word system relations in the lexicon of «Records of astronomical phenomena...» // Aktual'nye voprosy modernizacii obrazovanija: Materialy II metodologicheskoy gorodskoj konferencii pedagogov. Hanty-Mansijsk : GUIPP «Poligrafist», 2004. S. 10–16.

6. Vyhrystjuk M. S. Lingvisticheskoe izuchenie nauchnyh otkrytij trudov russkikh issledovatelej XVIII veka (na materiale rukopisnogo pamjatnika «Zapis' astronomicheskikh# javlenij v# nebe nad# gorodom# Tobol'ska») = Linguistic study of scientific discoveries in the works of Russian explorers of the XVIII century (based on the manuscript «Records of astronomical phenomena in the sky over the city of Tobolsk») // Ural'skie birjukovskie chtenija. Iz istorii Rossijskoj intelligencii. Sbornik nauchnyh statej. Vypusk 3. Cheljabinsk, 2005. S. 282–287.

7. Vyhrystjuk M. S. Hozhdenie planet i padenie komet i drugie javlenija v nebe nad gorodom Tobol'skom = Planets moving and comets falling and other phenomena in the sky over the city of Tobolsk // Russkaja rech'. 2008. № 1. S. 33.

8. Gal'perin I. R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as an object of linguistic research. Moskva, 2007. 125 s.

9. Glinkina L. A. Lingvokraevedenie i ego osnovnye istochniki = The main sources of linguistic regional studies // Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost' / Trudy i materialy II Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelej russkogo jazyka. Moskva : MGU, 2004. S. 343–346.

10. Kapachcholi M. Tysjacha i odna noč': astronomicheskie jetjudy, publicistika = One thousand and one nights: astronomical sketches, journalism / per. s ital'janskogo A. Ju. Kanunnikovoj. Moskva : Tehnosfera, 2022. 200 s.

11. Kotkov S. I. O razvittii lingvisticheskogo istochnikovedenija = On the development of linguistic source studies. Moskva, 1968. 186 s.

12. Krasnosel'skij S. A., Zernov V. I. Inzhenerij i kosmonavtika = Engineers and cosmonautics : nauchno-populjarnoe izdanie. Moskva : Dikret-Media, 2022. 32 s.

13. Malysheva I. A. Problemy istochnikovedcheskogo issledovanija pis'mennyh pamjatnikov XVIII veka = Problems of source studies of the XVIII century written monuments // Voprosy jazykoznanija. 1968. № 3. S. 3–8.

14. Markov M. Ja. Kosmos: ot Solnečnoj sistemy vglub' Vselejnoj = Space: from the Solar system to the depth of the Universe : nauchno-populjarnoe izdanie. Moskva : Fizmatlit, 2018. 540 s.

15. Rut M. Je. Russkaja narodnaja astronomija na obshheslavjanskom fone = Russian national astronomy against the pan-Slavic background // Slavjanskoe jazy-

koznanie. XIII Mezhdunarodnyj s#ezd slavistov. Ljubljana, 2003 g. Doklady rossijskoj delegacii / otv. red. A. M. Moldovan. Moskva : Indrik, 2003. S. 524–534.

16. Rut M. Je. Slovar' astronimov. Zvjazdnoe nebo po-russki = Dictionary of astronims. Starry sky Russian-style. Ekaterinburg : UrGU, 2020. 592 s.

17. Skoropis' XVIII veka = XVIII century cursive writing : uchebnoe posobie / sost. N. V. Gluhih, N. A. Novoselova, E. A. Sivkova // pod obshh. red. L. A. Glinkinoj. Cheljabinsk, 2003. 238 s.

18. Slovcov P. A. Istoricheskoe obozrenie Sibiri = Historical review of Siberia. Novosibirsk : Ven-Mer, 1995. 676 s.

19. Surdin V. G. Razvedka daljokih planet = Exploring far away planets : nauchnaja literatura. Moskva : Fizmatlit, 2022. 364 s.

20. Chernjakova M. V. Otnoshenija sinonimii i antonimii v leksike teksta «Zapis' astronomicheskikh# javlenij...» = Relations between synonymy and antonymy in the lexicon of the text « Records of astronomical phenomena...» // Mendelevskie chtenija–2014: Materialy XLV Regional'noj nauchno–prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh. Tobol'sk : TGSPA im. D. I. Mendeleeva, 2014. S. 55–57.

21. Chernjakova M. V. Rukopisnyj pamjatnik nachala XVIII veka «Zapis' astronomicheskikh javlenij v nebe nad gorodom Tobol'skom» v aspekte lingvisticheskogo istochnikovedenija = The early XVIII century manuscript «Records of astronomical phenomena in the sky over the city of Tobolsk» in terms of linguistic source studies. Arhangel'sk : SAFU, 2016. 168 s.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 15.08.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_80

EDN: ROOBLO

Темпоральные конструкции с лексемой *минута* в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Татьяна Владимировна Малинская

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
htgytdf@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3370-1770>

Аннотация. Статья посвящена анализу темпоральных конструкций с лексемой *минута* в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Цель исследования – обосновать особенности употребления временных синтаксем и темпоральных субстантивных оборотов с лексемой *минута* в романе И. А. Бунина. Сделан обзор работ по проблеме исследования, включающий в себя труды Г. В. Золотовой, Т. Е. Шаповаловой, П. А. Леканта, В. Г. Гака, С. М. Колесниковой, И. В. Тимошенко.

В статье использован метод сплошной выборки языкового материала, который помогает наиболее объективно судить о результатах исследования, выполнен структурно-семантический анализ темпоральных конструкций. Применены методы наблюдения, обобщения и интерпретации.

В результате проведённого исследования было установлено количественное соотношение темпоральных конструкций с лексемой *минута* в романе «Жизнь Арсеньева». Для наибольшей наглядности статистические данные представлены в виде схемы. Частотность употребления временных синтаксем находит отражение в идиостиле И. А. Бунина. Выполненный анализ продемонстрировал, что в романе в большем количестве репрезентирована конкретная временная соотносённость, но именно распространяющий элемент темпоральной конструкции привносит оценочность восприятия. Синкретизм же значений может быть отражён с помощью темпоральных субстантивных оборотов с относительным временным значением как наиболее семантически и синтаксически сложных структур, содержащих временную и причинную семантику.

Теоретическая значимость работы определяется уточнением состава темпоральных синтаксем и субстантивных оборотов, расширением представления об элементах-распространителях, входящих в состав субстантивного оборота, углублением понятий диминутива, формы-идиомы и категории градуальности частиц. Практическая значимость обусловлена возможностью использования материалов исследования в преподавании современного русского языка, а также в процессе написания научно-исследовательских работ.

Ключевые слова: детерминант; диминутив; И. А. Бунин; синкретизм значений; временная синтаксема; темпоральный субстантивный оборот; форма-идиома

Для цитирования: Малинская Т. В. Темпоральные конструкции с лексемой *минута* в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 80–86.
http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_80. <https://elibrary.ru/ROOBLO>

Original article

Temporal constructions with the lexeme ‘minute’ in I. A. Bunin's novel The Life of Arseniev

Tatiana V. Malinskaya

Candidate of philological sciences, senior lecturer at the department of modern russian language named after professor P. A. Lecant, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24
htgytdf@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3370-1770>

Abstract. The article is devoted to analyzing temporal constructions with the lexeme ‘minute’ in I. A. Bunin's novel The Life of Arseniev. The study aims at substantiating the features of the use of temporal syntaxemes and temporal substantive expressions with the lexeme ‘minute’ in I. A. Bunin's novel. In the article, there is a review of works on the problem, including the works by G. V. Zolotova, T. E. Shapovalova, P. A. Lecant, V. G. Gak, S. M. Kolesnikova, I. V. Timoshenko. The author uses the following methods: continuous sampling of linguistic material, which helps to judge the results of the research in the most objective way; structural-semantic analysis of temporal constructions; the methods of observation, generalization and interpretation.

The result of the research is the quantitative correlation of temporal constructions with the lexeme 'minute' in the novel *The Life of Arsenyev*. The frequency of using temporal syntaxemes is reflected in I. A. Bunin's idiosyncrasy. The analysis demonstrates that in the novel the concrete temporal correlation is represented in greater quantity, but it is the spreading element of temporal construction that brings the evaluative perception. The syncretism of meanings can be reflected through temporal substantive phrases with relative temporal meaning as the most semantically and syntactically complex structures containing temporal and causal semantics. The theoretical significance of the work is in clarifying the composition of temporal syntaxemes and substantive phrases, in expanding the notion of spreading elements that make up a substantive phrase, in developing the notions of diminutive, idiom-form and the category of particle gradability. Practical significance lies in the possibility of using the research materials in teaching modern Russian, as well as in writing research papers.

Key words: determinant; diminutive; I. A. Bunin; syncretism of meanings; temporal syntaxeme; temporal substantive phrases; form-idiom

For citation: Malinskaya T. V. Temporal constructions with the lexeme 'minute' in I. A. Bunin's novel *The Life of Arsenyev*. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):80–86. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_80. <https://elibrary.ru/ROOBLO>

Введение

Проблема изучения темпоральных конструкций является актуальной. Г. А. Золотова использует понятие синтаксемы [Золотова, 2001, с. 4] для обозначения минимальной единицы синтаксиса, которая выступает одновременно «как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений» [Золотова, 2001, с. 4]. Т. Е. Шаповалова ввела термин темпоральный субстантивный оборот [Шаповалова, 2020], который содержит в себе синтаксему и элементы распространители. «Семантика оборота содержит компонент времени, который складывается из лексического значения предлога, вещественного значения сочетающихся знаменательных слов, реализуется в их взаимодействии, а грамматическое значение предлога дополняет семантику управляемой им падежной формы существительного» [Шаповалова, 2020].

В романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» методом сплошной выборки было выделено 48 примеров темпоральных конструкций с лексемой *минута*, наделённой семой времени. Эти языковые единицы в большинстве случаев являются единицами с абсолютным временным значением. Относительное временное значение приобретают те временные синтаксемы и темпоральные субстантивные обороты, которые в своём составе имеют лексему с событийным прочтением.

Синтаксема с абсолютным временным значением

Обследованный материал показал, что к темпоральным синтаксемам с абсолютным временным значением относятся конструкции с лексемой *минута* в форме:

1) винительного падежа с предлогом *на*: *Она подошла так просто, склонилась так женственно-любовно, на минуту* закрыв лёгким концом её край саркофага и старчески-детское плечо в черкеске<...>*Тут отец взглянул и сказал, что вот уже и грачи по-осеннему стали собираться на советы, подумывать об отлёте, и меня на минуту* опять охватило чувство близкой разлуки не только с уходящим летом, но и со всеми этими полями<...>

Предлог *на* указывает на совпадение с обозначенным временем. И. В. Тимошенко описывает темпоральную синтаксему *на минуту* как форму-идиому [Лекант, 2016, с. 24] со значением «на очень короткое время, ненадолго» [Тимошенко, 2014, с. 164]. Первая часть термина *форма-идиома* отражает сочетание «знаменательного слова с формальными словами (предлогами, частицами, союзами), а второй компонент наименования подчёркивает их устойчивость, воспроизводимость, образность, семантическую и синтаксическую неделимость, раздельнооформленность» [Тимошенко, 2010, с. 7]. Временная синтаксема по своей структуре остаётся предложно-падежной формой, но содержит в себе перечисленные признаки фразеологической единицы.

Так и подмывало сбегать хоть на минуту в алфёровскую усадьбу, благо брат с женой у нас, и Тонька, верно, одна в доме. Выделительно-ограничительная частица *хоть* в составе синтаксемы с абсолютным временным значением не осложняет семантики конструкции, но указывает на непреодолимую желательность действия, переданного предикатом. Следует отметить проявляемую категорию градуальности, которая презентуется в высказывании, в составе «градационной синтаксической конструкции» [Колесникова, 1999, с. 60], сами же лексические

средства не содержат семантики градуальности. А. Б. Абрамова относит частицы к периферийным средствам выражения градуальности; они помогают отразить различные субъективно-модальные характеристики сообщения [Абрамова, 2002, с. 62].

«Где всё это теперь!» – думаю я, не теряя, однако, **ни на минуту** своего главного состояния, – оцепенелого, ждущего. Временная синтаксема, являясь формой-идиомой, репрезентирует непрерывное протекание добавочного действия, заключённого в обособленном обстоятельстве, выраженном деепричастным оборотом;

2) родительного падежа с частицей **ни**: *Но то был разбойник, – я **ни минуты** не сомневался в этом, – то было нечто очень страшное, но и чарующее, сказочное. Этот же острожник, эта решётка...* И. В. Тимошенко относит данную синтаксему с абсолютным временным значением к формам-идиомам со значением «нисколько, ничуть» [Тимошенко, 2014, с. 164]. Синтаксема не содержит временной протяжённости, репрезентируемой предикатом в имперфективной форме;

3) винительного падежа с предлогом **через**: *И я, волнуясь, поспешил за ним назад в сени и **через минуту** уже сидел в большой приёмной редактора, который оказался очень хорошенькой и маленькой молодой женщиной, а потом в столовой, совсем по-домашнему, за кофе.* Синтаксема указывает на то, что действие, переданное предикатом, происходит после представленного времени;

4) винительного падежа единственного и множественного числа с предлогом **в** и с обязательным атрибутивным элементом, выраженным порядковым числительным или указательным местоимением: *Я никогда не мог спокойно видеть отца в грусти, не мог слушать его оправданий в том, что он «пустил нас по миру»: я **в такие минуты** всегда готов был кинуться руки его целовать даже как бы с горячей благодарностью именно за это самое.* Синтаксема указывает на повторяемость как временного плана, так и событий, в него включённого. Многократность действия подкрепляет присловный распространитель *всегда*, относящийся к сказуемому. Т. Е. Шаповалова отмечает, что временное наречие *всегда* совмещает в себе семантику всеобщности и обозначение временного промежутка [Шаповалова, 2022, с. 242]. А. В. Канафьева относит темпоральное наречие *всегда* к категории временной всеохватности [Канафьева, 2023,

с. 58]. *Меня каждый раз поражала в эту минуту её юность, тонкость: схваченный корсетом стан, лёгкое и такое непорочно-праздничное платьице, обнажённые от перчаток до плечей и озябшие, ставшие отрочески сиреневыми руки, ещё неуверенное выражение лица<...>* Указательное местоимение, входящее в синтаксему, является обязательной вариативной частью подобных конструкций, не анализируется как отдельный элемент-распространитель, осложняющий семантику темпоральной синтаксемы;

5) родительного падежа, входящей в комплективные отношения с числительным: *А как только получил отпуск, сломя голову прибежал домой, **в пять минут** собрался, едва простился с Ростовцевыми и Глебочкой, – он ещё должен был дожидаться лошадей из деревни, а я ехал по железной дороге, через Васильевское<...>* В анализируемом примере лексема *минута* имеет значение «единицы времени, равная 1/60 часа и состоящая из 60 секунд; промежуток времени такой протяжённости» [Ожегов, 2006, с. 357]. Синтаксема указывает на совпадение с точкой отсчёта, а также выражает конкретную временную протяжённость событий.

Темпоральная синтаксема с абсолютным временным значением может содержать диминутив, в котором всегда значение уменьшительности сопровождается эмоционально-экспрессивной коннотацией [Панова, 2010, с. 68]. – *Выйди-ка ко мне **на минутку**, мне нужно кое-что сказать тебе<...>* *Всё представлялось: глядь, а они и вот они – не спеша идут наперерез тебе, с топориками в руках, туго и низко, по самым кострецам подтянутые, с надвинутыми на зоркие глаза шапками, и вдруг останавливаются, негромко и преувеличенно-спокойно приказывают: «Постой-ка **минутку**, купец<...>».* Синтаксемы с абсолютным временным значением *на минутку* и *минутку* употребляются в прямой речи героев. «Наличие диминутивов репрезентирует положительное восприятие описываемых явлений и времени их протекания» [Малинская, 2023, с. 239].

По нашим наблюдениям, в романе «Жизнь Арсеньева» преобладают синтаксемы с абсолютным временным значением, в состав которых входят формы-идиомы с лексемой *минута* и служебным словом, что придаёт таким конструкциям образность и воспроизводимость.

Синтаксема с относительным временным значением

В произведении выявлены два примера, в которых в состав синтаксемы входят словосочетания, отражающие комплетивные отношения, именно поэтому конструкция не преобразуется в темпоральный субстантивный оборот, а остаётся минимальной единицей синтаксиса – синтаксемой. *Отец в минуты раздражения* называл меня «недорослем из дворян»; я утешал себя тем, что не я один учился «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь»; но ведь я хорошо понимал, сколь это утешение сомнительно. Темпоральная синтаксема *в минуты раздражения* является относительной, так как девербатив *раздражение* не содержит семы времени. В предложении темпоральная конструкция выступает в качестве приосновного распространителя, а именно детерминанта [Шведова, 2005, с. 207], который семантически осложняет структуру предложения, находится в интерпозиции. Опираясь на труды В. Г. Гака о номинализации процесса и на работы Т. Е. Шаповаловой о позиции потенциального семантического субъекта и потенциального семантического предиката, можно трансформировать темпоральный детерминант в конструкцию, передающую двучленную дополнительную предикацию: *Отец в минуты, когда раздражался, называл меня «недорослем из дворян»*. Детерминант преобразован в потенциальный предикат двусоставной неполной придаточной части сложноподчинённого предложения. Отмеченная полисобытийность темпорального детерминанта позволяет трансформировать его в полупредикативную единицу – деепричастие: *Отец, раздражаясь, называл меня «недорослем из дворян»*.

Может быть, от стыда и оттого, что уже хорошо знал теперь её непреклонность в иные минуты жизни. Темпоральная синтаксема является относительной, так как в лексеме *жизнь* сочетается временная характеристика и само указанное явление.

Как показал обследованный материал, синтаксемы с относительным временным значением с лексемой *минута* встречаются на страницах романа «Жизнь Арсеньева» всего дважды, но они интересны по своей структуре и семантике. Полисобытийность темпорального детерминанта позволяет раскрыть синкретичность форм и вариативность трансформаций в дополнительную предикацию или полупредикативную единицу.

Темпоральный субстантивный оборот

В романе «Жизнь Арсеньева» темпоральные субстантивные обороты с лексемой *минута* являются относительными, так как в их состав входят лексемы, не содержащие семы времени.

Казалось бы, ужаснуться должен был я, с рожденья до сей минуты пользовавшийся полнейшей свободой и вдруг ставший рабски несвободным, отпущенный на свободу только на три недели, а я почувствовал только одно: слава Богу, целых три недели! – точно этим трём неделям и конца не предвиделось. Темпоральный субстантивный оборот *с рожденья до сей минуты* указывает на конкретный временной отрезок жизни человека. Девербатив *рожденье*, помимо временной семантики, содержит процессное значение, а также упоминание памятной даты в жизни каждого человека. Именно поэтому конструкция является субстантивным оборотом с относительным временным значением, данное опредмеченное событие имеет «характер второстепенного, неосновного» [Шаповалова, 2023, с. 51]. В предложении анализируемая единица входит в состав обособленного определения, выраженного причастным оборотом. «Причастная конструкция, являющаяся носителем добавочного предикативного признака, имеет двойную ориентацию в высказывании: во-первых, она подчинительной связью согласования соединена с определяемым существительным – субъектом добавочной предикации, во-вторых, она по смыслу соотносится с другим, основным предикатом предложения» [Шаповалова, 2000, с. 123]. Добавочное действие происходит ранее основного. Можно трансформировать часть предложения так: *с рожденья и до сей минуты я пользовался полнейшей свободой и должен был бы ужаснуться*.

Это чувство есть несомненная жажда Бога, есть вера в Него. В минуту осуществленья Его торжества и Его праведной кары оно повергает человека в сладкий ужас и трепет и разрешается бурей восторга как бы злорадного, который есть на самом деле взрыв нашей высшей любви и к Богу, и к ближнему<...>. Темпоральный субстантивный оборот указывает на совпадение с обозначенным временем. Конструкция содержит однородные дополнения, распространяющие синтаксему с относительным временным значением. Анализируемая конструкция является детерминантом, находящимся в препозиции и осложняющим семантику всего предложения.

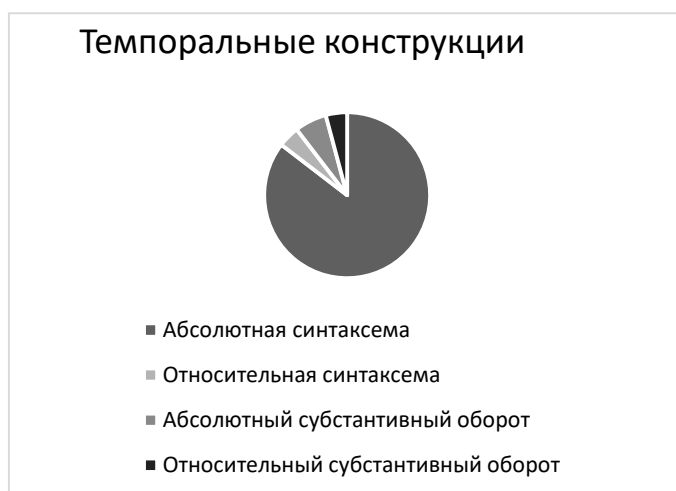
Сильнее всего я чувствовал к ней любовь в минуты выражения наибольшей преданности мне, отказа от себя, веры в мои права на какую-то особенность чувств и поступков. Темпоральный субстантивный оборот сильно распространён, осложнён однородными членами. Акцент в предложении сделан на времени и причине протекания основного действия, выраженного предикатом, следовательно, конструкция содержит синкретизм значений, который приводит к формированию неоднозначного смысла [Малинская, 2013, с. 61]. Субстантивный оборот трансформируется в придаточную часть сложноподчинённого предложения с временными отношениями: *Сильнее всего я чувствовал к ней любовь, когда в такие минуты выражалась наибольшая преданность мне, отказ от себя...* Либо в придаточную часть с причинной семантикой: *Сильнее всего я чувствовал к ней любовь, потому что в такие минуты выражалась наибольшая преданность мне, отказ от себя...*

Заключение

Как показал анализ темпоральных конструкций с лексемой *минута*, извлечённых из романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», они могут представлять собой как синтаксемы и субстантивные обороты с абсолютным временным значением, так и синтаксемы и субстантивные обороты с относительным временным значением. Обследованный материал указывает на то, что лексема *минута* чаще встречается в сочетании с уточняющим словом, что придаёт конструкции оценочность интерпретации.

Темпоральный субстантивный оборот с относительным временным значением наиболее семантически и синтаксически сложен. Он может содержать синкретичность значений времени и причины.

Количественное соотношение конструкций отражено на схеме:



Как показал анализ, наибольшее число примеров включает синтаксему с абсолютным временным значением, что подтверждает мысль о том, что для идиостиля И.А. Бунина характерна конкретная временная соотнесённость.

Библиографический список

1. Абрамова А. Б. Градуальная функция лексемы ещё в русском языке // Проблемы современного синтаксиса: теория и практика: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. С. М. Колесникова. Москва : МАНПО, 2002. С. 62–66.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений в 4-х томах. Москва : Издательство «Правда», 1988.
3. Гак В. Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. Москва : Издательство «Индрик», 1997. С. 122–131.
4. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского языка. Москва : Наука, 2001. 439 с.
5. Канафьева А. В. Категория всеохватности и её экспрессивное поле // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 55–64.
6. Колесникова С. М. Функционально-семантическая категория градуальности // Семантика словоформы в высказывании: межвузовский сборник научных трудов. Москва : МПУ, 1999. С. 56–60.
7. Лекант П. А. Метафорическое поле имён времени в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2016: сборник трудов.

дов Международной научной конференции. Москва : ИИУ МГОУ, 2016. С. 42–47.

8. Малинская Т. В. Темпоральные синтаксемы с лексемой *заря* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 6. С. 59–62.

9. Малинская Т. В. Роль диминутивов со значением времени суток в составе // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения д-ра филол. н., профессора Войловой К.А. / отв. ред. О. В. Шаталова. Москва : ООО «Постатор», 2023. С. 238–241.

10. Николина Н. А. Метаязыковые комментарии в прозе И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 35–42.

11. Огольцева Е. В. Некоторые продуктивные способы трансформации компаративных фразеологизмов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 51–67.

12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт рус. яз. имени В. В. Виноградова. 4-е изд. Москва : ООО «ИТИ», 2006. 944 с.

13. Панова Г. И. Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник. Москва : URSS, 2010. 444 с.

14. Тимошенко И. В. Формы-идиомы: семантика и употребление. Москва, 2010. 298 с.

15. Тимошенко И. В. Малый фразеологический словарь: формы-идиомы. Москва : МГОУ, 2014. 408 с.

16. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке : монография. Москва : МПУ, 2000. 151 с.

17. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания : монография. Москва : ИИУ МГОУ, 2020.

18. Шаповалова Т. Е. Этюды о времени. Избранные статьи: сборник научных трудов. Москва : МГОУ, 2022. 328 с.

19. Шаповалова Т. Е. Лексико-грамматические маркёры категории синтаксического времени в комедии А. Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 43–55.

20. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы / Росс. акад. наук; Отд-е историко-филолог. наук; Ин-т русского языка имени В. В. Виноградова. Москва : Языки славянской культуры, 2005. 64 с.

Reference list

1. Abramova A. B. Gradual'naja funkcija leksemy *eshhjo* v russkom jazyke = Gradual function of the lexeme 'eshhjo' in the Russian language // Problemy sovremennogo sintaksisa: teorija i praktika: mezhvuzovskij

sbornik nauchnyh trudov / отв. red. S. M. Kolesnikova. Moskva : MANPO, 2002. S. 62–66.

2. Bunin I. A. Sobranie sochinenij v 4-h tomah = Collected works in 4 vols. Moskva : Izdatel'stvo «Pravda», 1988.

3. Gak V. G. Prostranstvo vremeni = The space of time // Logicheskij analiz jazyka. Jazyk i vremja / отв. red. N. D. Arutjunova, T. E. Janko. Moskva : Izdatel'stvo «Indrik», 1997. S. 122–131.

4. Zolotova G. A. Sintaksicheskij slovar': repertuar jelementarnyh edinic russkogo jazyka = Syntactic dictionary: a repertoire of elementary units in the Russian language. Moskva : Nauka, 2001. 439 s.

5. Kanafeva A. V. Kategorija vseohvatnosti i ejo jekspressivnoe pole = The category of comprehensiveness and its expressive field // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2023. № 3. S. 55–64.

6. Kolesnikova S. M. Funkcional'no-semanticheskaja kategorija gradual'nosti = Functional-semantic category of graduality // Semantika slovoformy v vyskazyvanii: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Moskva : MPU, 1999. S. 56–60.

7. Lekant P. A. Metaforicheskoe pole imjon vremeni v sovremennom russkom jazyke = Metaphorical field of time names in modern Russian // Racional'noe i jemotional'noe v russkom jazyke – 2016: sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva : IIU MGOU, 2016. S. 42–47.

8. Malinskaja T. V. Temporal'nye sintaksemy s lekseмой *zarja* = Temporal syntaxemes with the lexeme 'zarja' (dawn) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2013. № 6. S. 59–62.

9. Malinskaja T. V. Rol' diminutivov so znacheniem vremeni sutok v sostave = The role of diminutives containing the time of day in its structure // Russkij jazyk v slavjanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii: sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 80-letiju so dnja rozhdenija d-ra filol. n., professora Vojlovoj K.A. / отв. ред. О. В. Шаталова. Москва : ООО «Постатор», 2023. С. 238–241.

10. Nikolina N. A. Metajazykovye kommentarii v proze I. A. Bunina = Meta-linguistic comments in I. A. Bunin's prose // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2020. № 4. S. 35–42.

11. Ogoļceva E. V. Nekotorye produktivnye sposoby transformacii komparativnyh frazeologizmov = Some productive ways of transforming comparative phraseological units // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2021. № 2. S. 51–67.

12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij = Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 words and phraseological phrases // Rossijskaja

akademija nauk. Institut rus. jaz. imeni V. V. Vinogradova. 4-e izd. Moskva : OOO «ITI», 2006. 944 s.

13. Panova G. I. Morfologija ruskogo jazyka = Morphology of the Russian language : jenciklopedičeskij slovar'-spravochnik. Moskva : URSS, 2010. 444 s.

14. Timoshenko I. V. Formy-idiomy: semantika i upotreblenie = Idiom-forms: semantics and usage. Moskva, 2010. 298 s.

15. Timoshenko I. V. Malyj frazeologičeskij slovar': formy-idiomy = Small Phraseological Dictionary: idiom forms. Moskva : MGOU, 2014. 408 s.

16. Shapovalova T. E. Kategorija sintaksicheskogo vremeni v russkom jazyke = The category of syntactic time in the Russian language : monografija. Moskva : MPU, 2000. 151 s.

17. Shapovalova T. E. Temporal'naja semantika poetičeskogo vyskazyvanija = Temporal semantics of a poetic expression : monografija. Moskva : IIU MGOU, 2020.

18. Shapovalova T. E. Jetjudy o vremeni. Izbrannye stat'i = Essays of time. Selected articles : sbornik nauchnyh trudov. Moskva : MGOU, 2022. 328 s.

19. Shapovalova T. E. Leksiko-grammatičeskie markjory kategorii sintaksicheskogo vremeni v komedii A. N. Ostrovskogo «Svoi ljudi – sochtjomsja» = Lexical-grammatical markers of the syntactic time category in A. N. Ostrovsky's comedy It's a Family Affair-We'll Settle It Ourselves // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2023. № 2. S. 43–55.

20. Shvedova N. Ju. Russkij jazyk: Izbrannye raboty = The Russian language: Selected works // Ross. akad. nauk; Otd-e istoriko-filolog. nauk; In-t ruskogo jazyka imeni V. V. Vinogradova. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 64 s.

Статья поступила в редакцию 22.08.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 22.08.2023; approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_87

EDN: NEPOGP

Функционально-когнитивный потенциал метафоры в пространстве современного блога

Ольга Александровна Усачева^{1✉}, Надежда Анатольевна Чернявская²,
Наталья Григорьевна Мещанова³

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

³Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

¹usachova-o@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0009-0005-2267-1723>

²chia20081@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2259-9945>

³mirosh2008@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3378-8119>

Аннотация. Настоящая статья представляет собой исследование роли метафоры в пространстве блога Малки Лоренц, посвященного проблемам межличностных отношений. В работе отмечается высокая метафоричность текстов блогера, объясняемая значимым функционалом метафоры в процессе психокоррекции. Выявлены функции используемых образных единиц: объясняющая, оценочная, трансформационная, сценарная и регулирующая. Состав функций метафор отражает логику речевого воздействия, ориентированного на преодоление кризисного мировосприятия: объяснение ситуации – оценка – трансформация – конструирование нового сценария – побуждение. С целью реализации психотерапевтического эффекта блогер оперирует языковыми единицами, репрезентирующими ряд метафорических моделей: антропоморфную, игровую, зооморфную и артефактную. Каждая из указанных моделей позволяет Малке Лоренц передать идею неравнозначности участников отношений, являющуюся ключевой в осознании респондентами имеющихся в их жизни проблем. При этом степень неравнозначности партнеров, выраженная метафорой, может варьироваться в зависимости от использованной модели: в случае с антропоморфной и игровой моделями степень неравенства участников взаимоотношений несколько ниже, чем в случае с репрезентирующими ее зооморфными и артефактными метафорами. Акцентирование указанной идеи в блоге Малки Лоренц отражает ценностные ориентиры автора в сфере межличностного общения. Равенство партнеров приветствуется Малкой, зависимость женщины и пассивность мужчины отвергаются. Представленное понимание объясняется изменением гендерных ролей в современном обществе. Малка Лоренц образно обозначает проблемы, вызванные подобными изменениями: прагматизм, потребительство, склонность к манипуляциям, инфантилизм участников межличностных отношений. Богатый арсенал метафор, использованных автором, удачно передает отмеченные смыслы, обнажая причины кризисных ситуаций.

Ключевые слова: метафора; метафорическая модель; функция; блог; психологическое консультирование; межличностные отношения; гендерное неравенство

Для цитирования: Усачева О. А., Чернявская Н. А., Мещанова Н. Г. Функционально-когнитивный потенциал метафоры в пространстве современного блога // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 87–96. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_87. <https://elibrary.ru/NEPOGP>

Original article

Functional-cognitive potential of metaphor within the framework of a contemporary blog

Olga A. Usacheva^{1✉}, Nadezhda A. Chernyavskaya², Natalia G. Meshchanova³

¹Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the Russian language and mass communication, Samara national research university named after academician S. P. Korolev. 443086, Samara, Moskovskoye shosse, d. 34

²Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language and mass communication, Samara national research university named after academician S. P. Korolev. 443086, Samara, Moskovskoye shosse, d. 34

³Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language and mass communication, Samara national research university named after academician S. P. Korolev. 443086, Samara, Moskovskoye shosse, d. 34

¹usachova-o@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0009-0005-2267-1723>

²chia20081@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2259-9945>

³mirosh2008@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3378-8119>

Abstract. This article analyzes the role of metaphor in Malka Lorenz's blog devoted to interpersonal relationship issues. The authors note a high metaphorical nature of the blogger's text, which is explained by significant functionality of metaphor in the process of psycho- correction. These are the following functions of the figurative units in use: explanatory, evaluative, transformational, scenario and regulating. The set of metaphor functions reflects the logic of speech impact aimed at overcoming the crisis perception of the world: explanation of the situation – assessment – transformation – construction of a new scenario – motivation. In order to realize the psychotherapeutic effect, the blogger operates with linguistic units representing a number of metaphorical models: anthropomorphic, gaming, zoomorphic and artifact. Each of these models translates the key idea of the participants' disparity in interpersonal relationships. At the same time, when anthropomorphic and game models are used, the degree of the partners' inequality is lower than in case of using zoomorphic and artifact metaphors. The emphasis of this idea in Malka Lorenz's blog reflects the author's values in the field of interpersonal communication. Equality of partners is welcomed by Malka; the dependent role of a woman and the passivity of a man are rejected. This idea is explained by the changing gender roles in modern society. Malka Lorenz is imaginative in outlining the problems caused by such changes: pragmatism, consumerism, tendency to manipulation, and infantilism of participants in interpersonal relationships. The rich arsenal of metaphors used by the blogger succeeds in conveying the meanings, revealing the causes of crisis situations.

Key words: metaphor, metaphorical model, function, blog, psychological counseling, interpersonal relationships, gender inequality

For citation: Usacheva O. A., Chernyavskaya N. A., Meshchanova N. G. Functional-cognitive potential of metaphor within the framework of a contemporary blog. *Verhnevolszski philological bulletin.* 2023;(4):87–96. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_87. <https://elibrary.ru/NEPOGP>

Введение

В современном коммуникативном пространстве важнейшим инструментом воздействия на массовое сознание и выстраивания ценностных ориентиров целевой аудитории является блогинг.

Под блогингом понимается совокупность периодически осуществляемых действий субъекта по ведению электронного дневника (блога) с целью выражения собственного мнения по поводу актуальных тем, событий и субъектов, а также привлечения к этому мнению внимания других участников блогосферы [Близняк, Герасимов, 2017, с. 222].

В настоящее время блогосфера вызывает повышенный исследовательский интерес, направленный преимущественно на выявление роли блога в информационном продвижении в сферах маркетинговой и политической коммуникации [Волков, Никитенко, 2015; Санин, Барков, 2016; Чилипенко, Данилова, 2018]. Между тем регулярно обновляемый блог значим не только как PR-технология, но и как репрезентация картины мира автора, системы его ценностей и установок, типичных для него стратегий и тактик коммуни-

кативного взаимодействия. Блог становится эффективным инструментом имиджевого позиционирования и управляемой социальной коммуникации.

В русле когнитивной направленности актуального научного знания становится общепризнанным положение, что современные коммуникативные практики опираются на прототипические ситуации, в основе которых лежат метафорические модели [Трунов, 2012, с. 78], позволяющие осмыслять и интерпретировать сложные процессы и явления путем привлечения элементов другой категориальной сферы. «Когнитивная метафора концептуализирует знания об абстрактной реальности по аналогии с конкретной, чувственно воспринимаемой» [Илюхина, 2022, с. 21]. Посредством метафоры легко структурировать разнообразный и зачастую противоречивый субъективный опыт, делая его доступным для понимания другого [Крайнюков, Горюнова, 2021, с. 176]. Ученые-когнитивисты подчеркивают моделирующую роль метафоры: «метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» [Арутюнова, 1990, с. 14]. Универ-

сальная или социально одобряемая метафора, опирающаяся на архетипы коллективного бессознательного и социальные нормы, способна менять мировосприятие и поведение человеческой личности, повышать ее адаптивный потенциал, решать возникающие экзистенциальные проблемы [Абросимова, 2015, с. 125].

Методология и целевые ориентиры исследования

Объектом изучения в настоящей работе выступает блог популярного консультанта Малки Лоренц (Софии Кочетовой), которая, не будучи профессиональным психологом, даёт востребованные советы своим читателям.

Предметом изучения является система метафорических моделей, представленная в текстах блогера Малки Лоренц, в аспекте реализуемых функций, направленных на разрешение кризисных ситуаций межличностного общения.

Цель исследования – выявление и когнитивно-функциональная интерпретация системы регулярных метафор, используемых блогером в качестве ведущего инструмента переосмысления кризисных сценариев и психологической поддержки целевой аудитории.

Для реализации обозначенной цели используются методы дискурсивного, контекстологического и функционально-прагматического анализа.

Метафора как инструмент когнитивно-поведенческой терапии в последнее время оказывается в фокусе внимания междисциплинарных исследований, в том числе в функциональном аспекте [Абросимова, 2015; Закревский, 2018, 2019; Крайнюков, Горюнова, 2021; Нагорная, 2021; Стотт и др., 2021; Lee, 2018; Тау, 2020]. А.А. Закревский очерчивает широкий диапазон применения метафорических моделей в психологической практике: для исследования сценарных паттернов поведения, трансформации личной истории, инициации сознательного или подсознательного поиска личных ресурсов, активизации обучения, диагностики одаренности, стимулирования достижений и пр. [Закревский, 2019, с. 325]. Н.Н. Шельшакова к основным функциям терапевтической метафоры относит функции познания, суггестии, структурирования опыта клиента [Шельшакова, 2021, с. 435]. Р.Т. Кокоева выделяет диагностическую, обучающую, релаксирующую и разрешающую функции [Кокоева, 2014]. По мысли Д.Г. Трунова, «функция метафоры в контексте социальной коммуникации состоит в том, чтобы обеспечить

человека координатной сеткой, или схемой, помогающей упорядочить ситуацию общения» [Трунов, 2012, с. 78]. Несмотря на обращение исследователей к выяснению основных функций метафоры в практике психоконсультирования, очевидно, что цельная, непротиворечивая система реализуемых ею функций на данный момент отсутствует.

Результаты исследования

Настоящее исследование позволило обнаружить и обосновать следующую систему функций метафоры как инструмента корректирующей коммуникации: объясняющая (интерпретационная), оценочная, трансформационная (меняющая картину мира или ракурс восприятия настоящего), сценарная (выстраивание нового сценария поведения и / или образа жизни), регулирующая (побуждение адресата к действию).

Обратимся к исследуемому объекту.

Блог Малки Лоренц можно рассматривать как аналог дистанционного публичного консультирования пользователей, нуждающихся в психологической поддержке и советах относительно разрешения трудной жизненной ситуации в сфере межличностных, преимущественно гендерных, взаимоотношений.

Малка Лоренц откликается на актуальные запросы пользователей-женщин и высказывает своё мнение о конкретной, как правило драматической, кризисной ситуации, с ориентацией на формат диалога с массовым читателем. По материалам постов блогера регулярно издаётся книга «Пятничные вопросы». Проведенный анализ обнаруживает отчетливую специфику блога Малки Лоренц, демонстрирующего, с одной стороны, высокую степень категоричной, безапелляционной тональности, а с другой стороны, явную трансформацию традиционных взглядов на межличностные отношения.

Обращает на себя внимание преимущественно метафорический язык Малки Лоренц. Тексты блогера обнаруживают чрезвычайно большой массив метафор и широкое разнообразие их моделей. Посты периода 2020–2022 гг., по нашим подсчётам, содержат более 700 метафорических фрагментов, причем для каждого поста блогера характерно усложнение, многоступенчатое развёртывание образа, который может быть как заданным читателем-инициатором, так и отражающим особенности мировоззрения самой Малки. Наиболее продуктивные метафорические моде-

ли – антропоморфная, игровая, зооморфная, артефактная.

Важно подчеркнуть, что предмет рассуждений Малки – кризисные межличностные отношения, оцениваемые в современном обществе как ненормативные. Исследование выявило ключевой смысл, метафорически воплощаемый в постах Малки Лоренц, – **неравнозначность участников межличностного взаимодействия**. Весь спектр используемых блогером метафор направлен на передачу этого смысла, детализируемого в разных аспектах. Обнаруженная парадигма образов актуализирует наиболее значимые и востребованные в публичном пространстве характеристики современных гендерных отношений: прагматизм, потребительство, неискренность, манипулятивность, инфантилизм.

Метафора в текстах Малки становится главным инструментом трансляции идеи неравнозначности субъектов межличностных отношений и побуждения адресата к изменению модели своего поведения.

Обратимся к особенностям функционирования выявленных метафор.

В рамках антропоморфной метафорической модели гендерные отношения осмысляются посредством бинарных оппозиций **мужчина – женщина, муж – жена, взрослый – ребенок, руководитель – подчиненный**, причем, как правило, внимание акцентируется на перераспределении ролей в современных семьях: женщине свойственно выполнять мужские функции, а мужчина наделяется статусом жены, ребенка или подчиненного.

При реализации образов мужчины / мужа по отношению к женщине актуализируются смыслы ‘добытчик’ и ‘защитник’. Такие образы характеризуют женщину, которая полностью берёт на себя обязательства по финансовому обеспечению семьи: *В вашей семье **мужчина** вы. Вы работаете от зари до зари, обеспечиваете своих старых и малых. Каменная стена такая.*

Вынужденное исполнение роли мужчины не является нормой и приводит к подавленному эмоциональному состоянию женщины, которая выполняет не своё предназначение. *Вот есть семейные роли. Мужчина обеспечивает прокорм и защиту, женщина рулит внутри – детское хозяйство. В вашей семье **мужчина** вы. Вам не работать надоело. Вам надоело быть **мужиком**; Вы тот **муж**, который взвалил на себя всю семью, всех кормит и за всех отвечает, плюс ему еще рожать. Это перебор, это не по прави-*

*лам. Вы не выбирали быть **мужем**, вам это навязали.*

Мужчину в таких случаях характеризует противоположный образ – образ жены: *Ваш мужчина в вашей паре – **жена**. ... Ваш мужчина согласен на эту роль. Более того, он ее предпочитает. Он согласен сидеть с детьми и бранить кормильца за лишние расходы. А сам прираба- тывать по чуть-чуть на булавки.*

Женщине в подобных ситуациях, по убеждению Малки, следует быть последовательной: если ей навязана роль мужчины, значит, нужно действовать в соответствии с этой ролью – принимать решение самостоятельно. Используемая при этом метафора реализует сценарную функцию: *Как поступит мужчина в этой ситуации? Много этот мужчина будет рефлексировать на тему, как донести до женщины свое решение? Да ни минуты. Если ваш приятель сделал из вас **мужчину**, ему придется брать результат, так сказать, пакетом.*

Еще один частотный образ, используемый Малкой Лоренц по отношению к мужчине, – **образ ребёнка**, актуализирующий комплекс взаимосвязанных смыслов: ‘несамостоятельность’, ‘незрелость’, ‘потребность в обеспечении средствами к существованию’, ‘потребность в любви, заботе’.

Как правило, образ ребенка используется для акцентирования инфантилизма мужчины – его незрелости, потребности в опеке. Используются лексические единицы *сын, сирота, приемный, школьник, пацан, дитя, бестолковая девочка*, синтагмы, отражающие формы типичного обращения с младенцем: *кормить с ложечки, брать на ручки: У любовника аппетит, может, и есть, но его надо **кормить с ложечки**. Это занятие на любителя; Вообще-то так поступает хорошая мать. Ну, или добросердечная тетя, взявшая **сироту** на воспитание. Она этого **сироту** кормит, оплачивает ему колледж, радуется его удачам, дает ему время найти себя и вообще проявляет снисходительность. А **пацан** косячит, стоит денег и не моет за собой тарелку.*

Используя приём противопоставления женщины как сложившейся личности и мужчины как незрелого человека, Малка резюмирует: *Ваши с мужем биографии отстоят друг от друга на поколение. Вы – **взрослая** женщина со сложившейся судьбой, а он – нервный **юноша** в поиске.*

Вместе с тем нередко встречаются контексты, реализующие модель отношений ‘ребёнок – ребёнок’: *Когда есть два ребенка и оба хотят на*

ручки – им друг друга не поднять; Вас саму кто бы подобрал, пригрел и взял на ручки. Т.е. формально вы с ним двое сироток, которым друг друга не поднять на ручки – данная модель обнажает инфантилизм обоих партнеров, их эгоистичность, неспособность к взаимопониманию, сочувствию, эмоциональной поддержке.

Отношения между мужчиной и женщиной часто осмысляются в системе служебных отношений **‘руководитель – подчинённый’**. Используются, например, такие бинарные оппозиции образов, как *командир – лейтенант, офицер – денщик, актриса – гардеробщик, вахтёр*. Причем реализация смыслов ‘управление’, ‘доминирование’ демонстрирует нарушение классических моделей субординации. Так, Малка использует образы командира и лейтенанта с целью показать читательнице истинную причину сложившихся в ее семье отношений и объяснить неспособность мужа взять на себя ответственность за семью: *Если женщина взялась рулить и покрикивать, то это не от большого счастья. В эту роль по доброй воле не входят. Лейтенант принимает полк только в одном случае – когда больше некому, когда командир убит. Поэтому в вашем случае все вопросы к командиру*.

Яркий образ взаимодействия офицера и денщика, нарушающего правила субординации, помогает Малке прояснить ситуацию женщине, стыдящейся своего мужчины, и косвенно побудить её прекратить связь с недостойным человеком: *Мужчина изначально негодный, бомж и голодранец. ... косячит, измывается и мотает нервы. Будь он ровней – это было бы просто обидно и неприятно. Но он не ровня. И ведет себя не по чину. И вы себя чувствуете офицером, которого гоняет денщик. А это уже не просто неприятно, это стыдно. Даже если полк расквартирован в уездном городе и от скуки можно сдохнуть, ни один офицер не станет развлекаться, вникая в капризы денщика. Он лучше пойдет на бильярде поиграет*.

Использование образа гардеробщика, вахтёра помогает Малке выстроить сценарий поведения для женщины, не получающей эмоциональной поддержки от партнера – нужно самой делать жизнь радостной, наполнять её приятными событиями, так как муж на это не способен: *Ваши дети подросли. Уже можно. Смена закончилась. Можно помыться и бежать в театральный кружок. А с мужем ничего не делать. Это не тот зритель, для которого выходят на сцену*.

Это всего лишь гардеробщик и вахтер в вашем театре.

К рассматриваемым метафорам примыкают образы *рулевого* и *хозяина*, также формирующие представление о доминировании одного из участников межличностного взаимодействия. Малка призывает читательниц осознанно относиться к своей жизни, самостоятельно принимать решения, управляя своими действиями: *На самом деле вы гораздо сильнее его. ... вы своей жизнью рулите, а он нет; Вы решили мужа не грузить – это вы не под него прогнулись, наоборот – вы отобрали у него руль. Теперь только вы решаете, какая вы и как себя ведете. ... Вы можете решать не только, какой быть вам, но и каким быть ему. Это следующий уровень власти и контроля. А главное – вы станете хозяйкой не только себе, но и ему*. Показательно, что в рассматриваемом фрагменте, наряду с прочими, реализуется трансформационная функция метафоры – изменение взгляда на ситуацию (а вследствие этого, и самой ситуации) посредством рефрейминга: отстранение мужа от решения проблем, с точки зрения Малки, означает, что *«вы не под него прогнулись, наоборот – вы отобрали у него руль»*.

В ответе на вопрос, как прекратить токсичные отношения с бывшим мужем, отражается саркастически оцениваемое традиционное представление о мужчине как хозяине женщины: *В нашем свинском фаллоцентричном мире мужчина бьется только другим мужчиной. Типа если у женщины есть новый хозяин, то старый хозяин может и отступить, особенно если получит пару раз в табло*.

Межличностные отношения в блоге Малки Лоренц часто представлены как игра – широко используются образы театральной, азартной, спортивной, детской игр, киноигры. Доминантными смыслами рассматриваемой метафоры оказываются: ‘неравнозначность участников игрового процесса’; ‘заданность событий’.

Чаще всего игровые метафоры используются для характеристики манипулятивного поведения участников межличностного взаимодействия. Обычно в роли манипулятора выступает мужчина, целью отношений с женщиной для которого является развлечение. Он доминирует во взаимодействии, диктует свои условия, не учитывая чувств женщины, не позволяя проявлять инициативу. Смысл ‘манипуляция’ реализуют образы игрока, кукловода, автора сценария, кинорежиссера: *Чувак получил полный ондулянсион – и игра*

страстей у него, и баба по нему убивается, и опять же **за веревочки** можно **подергать** ее, чтоб веселей прыгала; Почему вы стали жить у него, а к детям бегать в гости? ... это был точно его **сценарий**, не ваш; Какая-то ваша активность **в его игре** не предусмотрена, и этого он не потерпит.

Нередко встречаются примеры, где метафорически описывается манипулятивное поведение обоих участников общения. Малка либо рекомендует читательнице встречную манипуляцию, либо показывает, что женщина не воспринимает действий мужчины всерьёз, держит ситуацию под контролем и тем самым доминирует в отношениях.

Так, с помощью спортивной и театральной метафор, реализующих сценарную и регулирующую функции, Малка призывает читательницу руководить процессом, прибегая к манипулятивным действиям: *Попробуйте **перехватить** у него **мячик**. Обижайтесь и скандайте сами ... Либо ему это понравится, либо он станет вести себя поаккуратнее. В любом случае **веревочка** будет уже у вас, и **за нее** всегда **можно будет подергать**; Вы сейчас оглянитесь вокруг и быстро подберете на это **кино** другого **исполнителя**, и он вам все **сыграет** как надо.*

Образы азартной и детской игр часто используются для характеристики отношений, в которых мужчина не устраивает женщину, в то время как женщина представлена как активный участник игры.

Посредством образа неудачной игры на тотализаторе представляются ситуации разочарования женщины в своём избраннике: *Вы действительно **сделали ставку** не на **чемпиона**; Вас печалит, что вы **поставили** не на **ту лошадь** и **проиграли** все.*

Образ игры в куклы характеризует стремление женщины изменить мужчину. Как правило, речь идёт об инертных мужчинах, не настроенных на развитие, повышение уровня жизни: *Вы 10 лет провозились с каким-то невнятным пареньком, пытаетесь сделать из него что-то приличное. ... **В эту игру играют** многие женщины, и **игрушку** они себе выбирают как можно **бракованнее**, словно соревнуясь, из какого, так сказать, сора они способны соорудить себе подобие мужчины; Вам не сделать из него себе **пару**, даже если у вас найдутся деньги поселить его где надо, посадить за руль и устроить на **приличную работу**. Это все равно будет **игра в куклы**, вы можете сделать этой **кукле** любую при-*

ческу, но вам ее **не оживить**. Используя данную метафору, Малка показывает читательнице нерациональность её действий.

В рамках зооморфной метафоры в текстах Малки Лоренц широко представлены образы несвободного животного, домашнего питомца. Основной реализуемый при этом смысл – ‘зависимость’.

Посредством образа несвободного животного – находящегося в стойле/в клетке, привязанного, посаженного на цепь, осёдланного, попавшего в капкан/в ловушку – метафорически описывается психологическая зависимость женщины от деспотичного мужа или мужчины, которому не нужны серьёзные отношения. Так, используя образы стойла и привязи, Малка объясняет читательнице, что она долгое время находится в психологическом подчинении у партнера, а поддавшись на уговоры, усилит свою зависимость от него: *Он вам морочил голову 11 лет, пока не увидел, что вы вдруг стали довольны жизнью. Этого он **стерпеть** не мог, побежал, догнал и **вернул в стойло**. Может быть, он теперь станет лучше вас **сторожить**. ... Но если вы дадите себя **привязать**, он расслабится совершенно точно. Потому что **привязанного сторожить не надо**, он и так **не убежит**.*

Образ домашнего питомца характеризует подчинённое положение одного из участников взаимодействия. В следующем примере акцентируется снисходительное отношение мужчины к читательнице, демонстрация им превосходства над женщиной: *Зачем ему на вас **жениться**? Он на вас уже **женат**. Так обращаются с **женой** – на руках не носят, нудят и выносят мозг, **наказывают как щенка** – **небольшо**, но **обидно**, но **кормят** исправно.*

В случае представления в качестве питомца мужчины подчеркивается опека женщины над не приспособленным к жизни человеком: *Это вам **приспичило** его **подобрать** и **сделать** из него человека. ... Вы его **отмыли**, **проглистогонили** и **бантик на шею повязали**. Хотите иметь его пожизненно **домашним питомцем**? Тогда будьте и дальше за него в ответе.*

Артефактная метафора в постах Малки Лоренц объединяет образы вещи, мебели, товара, механизма, еды. Межличностные отношения при использовании этой метафоры осмысляются как отношения «человек – неодушевленный предмет». При этом происходит овеществление, снижение значимости одного из участников межличностного взаимодействия, акцентируется

утилитарный аспект: бесполезность, ненужность: *Это выглядит так, словно вы пытаетесь как-то пристроить к делу эту, в сущности, бесполезную вещь, а вещь при этом еще и брыкается.*

Малка прибегает к традиционной для русской языковой картины мира метафорической модели «человек – мебель», реализующей смысл ‘несущественность, незначимость’: *Или мне показалось, и вы нормальный человек, и смеяться и разговаривать вам хочется в принципе с кем-нибудь, а не с мебелью, которая дерется?*

Образ мебели используется и для характеристики самой читательницы, для того чтобы наглядно продемонстрировать ей равнодушное отношение к ней окружающих: *Страсть пропадает очень быстро, если к вам относятся как к мебели; Этот случай не решаем, чужая мебель либо не впишется в интерьер сразу, либо скоро разонравится.* Единственный разумный выход из подобных ситуаций, по мнению Малки, – прекращение отношений.

Сложные отношения с родственниками представляются как взаимодействие с неисправной вещью: *Вы к нему относитесь как к человеку. А он – ржавый водопроводный кран. Гудит, подтекает, плохо выглядит – об отце; Терпите ее, как капающий кран. ... Не надо ни дружить, ни бороться с неисправной сантехникой. Она вас все равно не услышит. Сантехникой нужно просто пользоваться – о свекрови.*

Экономические метафоры реализуются в образах товара, рынка, ситуации купли – продажи. Как правило, при концептуализации семейных отношений такие метафоры реализуют идею рациональности, планирования, расчёта. Однако в текстах Малки Лоренц при использовании этих метафор актуализируются негативные смыслы овеществления, обесценивания человеческих эмоций и чувств, нездоровой конкуренции: *Рынок только открылся, только пошла торговля, еще даже не все подтянулись с товаром, а вы уже боитесь уйти ни с чем. ... Я бы еще походила, посмотрела. И поторговалась бы, кстати.*

Образ товара в русской языковой картине мира традиционно связан с характеристикой добрачного периода и используется обычно по отношению к невесте. У Малки же преобладает осмысление как товара именно мужчины, причём, как правило, ему даётся негативная оценочная характеристика: это некачественный, дешёвый или маловостребованный товар – регулярны лексические единицы и синтагмы *некондиция,*

товарец с брачком; не тот товар, за которым очередь стоит. В роли покупателя предстаёт женщина, она нацелена на активный выбор, однако зачастую ошибается, боясь остаться в одиночестве и поспешно соглашаясь на любые отношения: *Так вы мужчин перебирать еще даже не начинали. Вы хватали не глядя всякую некондицию, просто от страха и от растерянности; Вам понравился странный юноша из хорошей семьи. Респектабельные родители знали, что товарец с брачком.*

Мужчина традиционно протестует против подобного выбора либо боится быть связанным брачными узами: *Что-то вы такое делаете, как-то по-особому дышите, что они себя ощущают на брачном рынке и уносят ноги.*

Бесперспективные отношения с достойным мужчиной осмысляются как приобретение дорогой, но бесполезной вещи. Объяснительная функция метафоры реализуется здесь через развёрнутые образы роскошной одежды, обуви, аксессуаров. Так, женатый мужчина получает неожиданное уподобление вечернему платью: *...другой человек для вас ... как вечернее платье, которое вы никогда не наденете, потому что некуда, но вы горды, что оно у вас есть, и навешиваете его в шкаф, и примеряете его одна перед зеркалом.*

Болезненные, некомфортные отношения, которые по каким-то причинам вынуждена терпеть женщина, передает развернутая метафора дорогих, но натирающих ноги туфель: *Вы купили дорогие туфли. Они вам очень нравятся. Они бы вам нравились еще больше, если бы они были впору. Но они не впору. Они натирают вам ноги до крови. Вы привыкли к этой боли. Вы даже уважаете себя за выдержку и терпение; Дорогие туфли – это не всегда больно. Если туфли не подходят – их отдают бедным. Ни одни туфли нельзя разносить на два размера.*

Еще один распространенный образ в постах Малки Лоренц – образ механизма. Блогер утверждает, что мужчина – управляемое устройство, причем однотипное и более простое в использовании, чем женщина: *Общаться с мужчиной гораздо проще, чем с женщиной, потому что ему проще сделать приятно. У него этих кнопок меньше, они удобнее расположены, а главное – они у всех одни и те же, не надо искать; У них у каждого встроена ровно одна программа, как у китайской игрушки.*

Ярким средством корректирующей коммуникации в текстах Малки Лоренц является пищевая

метафора. Исследователи отмечают высокую продуктивность и востребованность использования пищевой метафоры в дискурсивных практиках современного «общества потребления», обусловленную высокой значимостью гастрономической сферы в жизнедеятельности человека [Боровкова, 2015, с. 47; Юрина, 2015, с. 211].

Малка очень часто структурирует межличностные отношения как процесс приёма пищи. Метафорически используются глаголы *есть*, *питаться*, *жрать*, *разгрызть* и др.; существительные *еда*, *пища*, *корм* и др. Партнеры представлены в образе еды, являясь друг для друга источником энергии, эмоций: *Женщина питается не деньгами и не статусом. Она питается радостью. Если ее всю жизнь держать впроголодь, она всегда готова будет жрать что попало, если оно хоть немного пахнет пищей.*

Отсутствие личных взаимоотношений соотносится с состоянием голода: *Отношения очень редко начинаются для любви. Обычно их начинают от голода. Вам что-то отчаянно нужно, а у другого человека это есть.*

Осмысление партнера как еды чаще всего отражает идею потребления, использования другого человека в эгоистических целях: *Для близких мы еда. Никого не интересует, что чувствует еда. Чем она нужнее, тем короче ее век; Дружить с мужчинами и правда хорошо, они вкусные и полезные.*

Недостойный, ненужный мужчина отождествляется с некачественными продуктами: *У вас есть полкотлеты и пол-огурца. И то, и другое довольно несвежее. С одним скучно, другой мурак. Обоим на вас плевать; Если мужчина к 35–40 годам не был женат, его уже никому не разгрызть. Что уж там мама с ним проделывала в детстве, мы никогда не узнаем, но в пищу он не годится однозначно.*

Встречаются контексты, разъясняющие, что сама женщина еще не определилась с выбором, не разбирается в людях, не осознает своих истинных потребностей: *Веру в мужчин вам потерять было не с чего. Вы пока не видели ни одного мужчины. Вы разговаривали с печеньем. Со временем вы научитесь отличать пряничного человечка от настоящего; Вы еще не выбрали, что лучше – вкусно или быстро. Но на всякий случай пытаетесь разгрызть обоих.*

Очевидно, что любая разновидность артефактной метафоры в проекции на человеческие отношения нивелирует, обесценивает искренние чувства и эмоции, редуцирует личностные каче-

ства, сводит взаимоотношения партнеров к потребительству.

Заключение

Таким образом, метафора в блоге Малки Лоренц – один из ведущих инструментов эффективного взаимодействия с интернет-пользователями. Посредством метафоры Малка транслирует своё видение кризисных, драматичных ситуаций межличностного взаимодействия и предлагает читательницам их убедительное решение.

Вычленение и систематизация ключевых функций метафоры как инструмента психокоррекции позволяют выстроить логику речевого воздействия, ориентированного на преодоление кризисного мировосприятия, в соответствии со следующими этапами: объяснение сложившейся ситуации – оценка – трансформация – конструирование нового сценария – побуждение. Как показывает наш материал, приоритетными функциями метафоры в аспекте психокоррекции являются объясняющая и трансформационная, однако закономерным итогом достаточно жесткого, как в случае Малки, взаимодействия с адресатом-женщиной, выступает регулирование ее поведения, соотносимое с прямым побуждением.

Обнаруженные метафоры в первую очередь направлены на акцентирование неравнозначности участников межличностных отношений. Данное смысловое содержание является своеобразным стержнем, объединяющим все использованные Малкой метафорические модели. Ненормальность, ущербность проблемных союзов объясняется автором блога неравенством партнеров, несоразмерностью их ролей в совместной жизни. Благодаря метафоре Малке удастся не только в яркой и доступной форме представить неполноценность подобных отношений, но и охарактеризовать степень этой неравнозначности. Так, антропоморфные метафоры указывают на отношения двух людей, один из которых играет главную, а второй – второстепенную/зависимую, но все же самостоятельную роль. В подобных отношениях решения, несмотря на имеющиеся ограничения у одного из лиц, способны принимать оба участника. Артефактные метафоры, в отличие от антропоморфных, описывают ситуацию невозможности одного из партнеров влиять на союз, выступать как отдельная, самодостаточная единица. Выбор той или иной метафорической модели в данном случае является принципиально значимым, поскольку использованная

Малкой метафора должна отразить масштаб проблемы и тем самым воздействовать на адресата с целью изменения у него ракурса восприятия ситуации и дальнейшего выстраивания нового сценария поведения.

Актуализация идеи неравнозначности участников межличностных отношений в пространстве блога, на наш взгляд, отражает проблемы современного общества, связанные с утратой традиционной модели семьи и изменением в ней гендерных ролей. Малка Лоренц, являясь лидером мнений, стремится транслировать своей аудитории собственное понимание нормы в отношениях. Очевидно, что в ее интерпретации отвергается зависящая роль женщины, но не признается и пассивность, несамостоятельность мужчины. Свообразным идеалом межличностных отношений выступает стремление к равноправию партнеров, которое оказывается недоступным для многих читательниц блога. Именно метафора, символически выражающая идею неравнозначности участников процесса, становится ключом к сознанию адресата, позволяя оказывать психотерапевтическое воздействие.

Библиографический список

1. Абросимова Ю. А. Виды и функции гипнотических метафор в психологическом консультировании // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11. № 2. С. 121–145.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. Москва : Прогресс, 1990. С. 5–32.
3. Боровкова А. В. Роль пищевой метафоры в характеристике топологических свойств объектов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64), т. 4. С. 47–52.
4. Близняк Р. З., Герасимов И. А. Блоггинг как технология социальной и политической коммуникации: уточнение понятия и характеристика эвристических возможностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 222–231.
5. Волков С. Ю., Никитенко В. А. Блоггинг как форма политической коммуникации // Огарев-online. 2015. № 17(58). URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/blogging-kak-forma-politicheskoy-kommunikacii> (дата обращения: 12.05.2023).
6. Закревский А. А. Метафорические концепты в работе с зависимостями и фобиями // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-2. С. 325–328.
7. Закревский А. А. Метафорические модели как инструмент работы с внутриличностными ценностями конфликтами // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-4. С. 421–424.
8. Илюхина Н. А. Дискурсивный аспект генезиса когнитивной метафоры // Язык – текст – дискурс: дискурсивное измерение языковых процессов: сборник научных статей по материалам VIII международной научной конференции / отв. ред. Н. А. Илюхина. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2022. С. 20–27.
9. Кокоева Р. Т. Терапевтическая метафора как метод в индивидуальной работе психолога // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16935> (дата обращения: 12.05.2023).
10. Крайнюков С. В., Горюнова Ю. В. Психосемантический анализ метафор в психологическом консультировании // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. №1. С. 165–183.
11. Нагорная А. В. Использование метафор в психотерапевтической практике // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2021. № 4. С. 97–120.
12. Санин М. К., Барков Е. И. Эффективность блоггинга как маркетингового инструмента // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2016. № 2. С. 107–112.
13. Стотт Р., Мэнселл У., Салковскис П., Лавендер А., Картрайт-Хапон С. Метафоры в когнитивно-поведенческой терапии. Создание когнитивных связей. Оксфордское руководство: пер. с англ. Москва, Санкт-Петербург : ООО «Диалектика», 2021. 288 с.
14. Трунов Д. Г. Метафорические модели взаимоотношений между мужчинами и женщинами // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 4(12). С. 77–80.
15. Чилипенко Ю. Ю., Данилова Л. С. Женский блоггинг как предпринимательская деятельность // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 74–84.
16. Шельшакова Н. Н. Метафоры в процессе психологического консультирования // Образование и право. 2021. № 9. С. 435–439.
17. Юрина Е. А. «Пищевая метафора»: объем и границы понятия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 1. С. 207–212.
18. Lee A. The power of metaphor in therapy // Journal of Psychology and Clinical Psychiatry. 2018. Vol. 9 (3). P. 326.
19. Malka_lorenz's Journal. URL: <https://malka-lorenz.livejournal.com/> (дата обращения: 12.05.2023).
20. Tay D. Co-constructing 'crisis' with metaphor: a quantitative approach to metaphor use in psychotherapy talk // The language of crisis. Metaphors, frames and discourses. Amsterdam: Benjamins, 2020. P. 231–253.

Reference list

1. Abrosimova Ju. A. Vidy i funkcii gipnoticheskikh metafor v psihologicheskom konsultirovanii = Types and functions of hypnotic metaphors in psychological coun-

seling // Vestnik psichiatrii i psihologii Chuvashii. 2015. T. 11. № 2. S. 121–145.

2. Arutjunova N. D. Metafora i diskurs = Metaphor and discourse // Teorija metafory / obshh. red. N. D. Arutjunovoj i M. A. Zhurinskij. Moskva : Progress, 1990. S. 5–32.

3. Borovkova A. V. Rol' pishhevoj metafory v harakteristike topologicheskikh svojstv ob#ektov = The role of food metaphor in characterizing topological properties of objects // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 4 (64), t. 4. S. 47–52.

4. Bliznjak R. Z., Gerasimov I. A. Blogging kak tehnologija social'noj i politicheskoy kommunikacii: utochnenie ponjatija i harakteristika jevrsticheskikh vozmozhnostej = Blogging as a technology of social and political communication: clarifying the concept and characterizing heuristic possibilities // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2017. № 40. S. 222–231.

5. Volkov S. Ju., Nikitenko V. A. Blogging kak forma politicheskoy kommunikacii = Blogging as a form of political communication // Ogarev-online. 2015. № 17(58). URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/blogging-kak-forma-politicheskoy-kommunikacii> (data obrashhenija: 12.05.2023).

6. Zakrevskij A. A. Metaforicheskie koncepty v rabote s zavisimostjami i fobijami = Metaphorical concepts in dealing with addictions and phobias // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. 2019. № 63-2. S. 325–328.

7. Zakrevskij A. A. Metaforicheskie modeli kak instrument raboty s vnutrilichnostnymi cennostnymi konfliktami = Metaphorical models as a tool for working with intrapersonal value conflicts // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. 2018. № 60-4. S. 421–424.

8. Iljuhina N. A. Diskursivnyj aspekt genezisa kognitivnoj metafory = Discursive aspect of the cognitive metaphor genesis // Jazyk – tekst – diskurs: diskursivnoe izmerenie jazykovykh processov: sbornik nauchnykh statej po materialam VIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / otv. red. N. A. Iljuhina. Samara : Samarskaja humanitarnaja akademija, 2022. S. 20–27.

9. Kokoeva R. T. Terapevticheskaja metafora kak metod v individual'noj rabote psihologa = Therapeutic metaphor as a method in the psychologist's individual work // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16935> (data obrashhenija: 12.05.2023).

10. Krajnjukov S. V., Gorjunova Ju. V. Psihosemanticheskij analiz metafor v psihologicheskom konsul'tirovanii = Psychosemantic analysis of metaphors in psychological counseling // Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. 2021. T. 29. №1. S. 165–183.

11. Nagornaja A. V. Ispol'zovanie metafor v psihoterapevticheskoy praktike = Using metaphors in psychotherapeutic practice // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 6: Jazykoznanie. Referativnyj zhurnal. 2021. № 4. S. 97–120.

12. Sanin M. K., Barkov E. I. Jefferektivnost' blogginga kak marketingovogo instrumenta = Effectiveness of blogging as a marketing tool // Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Serija «Jekonomika i jekologicheskij menedzhment». 2016. № 2. S. 107–112.

13. Stott R., Mjensell U. i dr. Metafor v kognitivno-povedencheskoj terapii. Sozdanie kognitivnyh svjazej. Oksfordskoe rukovodstvo = Metaphors in cognitive behavioral therapy. Making cognitive connections. Oxford guidebook: per. s angl. Moskva, Sankt-Peterburg : OOO «Dialektika», 2021. 288 s.

14. Trunov D. G. Metaforicheskie modeli vzaimootnoshenij mezhdu muzhchinami i zhenshhinami = Metaphorical models of relationships between men and women // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija. 2012. № 4(12). S. 77–80.

15. Chilipenok Ju. Ju. Danilova L. S. Zhenskij blogging kak predprinimatel'skaja dejatel'nost' = Women's blogging as an entrepreneurial endeavor // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 2018. № 3. S. 74–84.

16. Shel'shakova N. N. Metafor v processe psihologicheskogo konsul'tirovanija = Metaphors in psychological counseling // Obrazovanie i pravo. 2021. № 9. S. 435–439.

17. Jurina E. A. «Pishhevaja metafora»: ob#em i granicy ponjatija = «Food metaphor»: the scope and boundaries of the concept // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. №3 (63). T. 1. S. 207–212.

18. Lee A. The power of metaphor in therapy // Journal of Psychology and Clinical Psychiatry. 2018. Vol. 9 (3). P. 326.

19. Malka_lorenz's Journal. URL: <https://malka-lorenz.livejournal.com/> (data obrashhenija: 12.05.2023).

20. Tay D. Co-constructing 'crisis' with metaphor: a quantitative approach to metaphor use in psychotherapy talk // The language of crisis. Metaphors, frames and discourses. Amsterdam: Benjamins, 2020. P. 231–253.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 21.08.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 81-367

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_97

EDN: JUGBOB

Иконичность предложений типа «Ивана опрокинуло» и проблема их поиска в Национальном корпусе русского языка

Ольга Владимировна Тиханова

Старший преподаватель, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет). 141701, г. Долгопрудный, Институтский переулок, д. 9

tikhanova-olga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1300-3505>

Аннотация. В статье рассматривается предложение «Ивана опрокинуло» как иконическое, в котором наблюдается изоморфизм плана содержания и плана выражения. Изоморфизм наряду с мотивированностью является неотъемлемой составляющей иконичности. Иконичность как семиотическое понятие свидетельствует о том, что синтаксис в общем иконичен, и позволяет проанализировать синтаксическое явление, рассмотренное в статье с помощью трёх уровней. На лексико-грамматическом уровне вводится нулевая лексема, обозначающая некоего неодушевлённого деятеля и входящая в более сложный знак ($\emptyset$ + глагол на -ло), что позволяет рассматривать её через параметры переводимости, трансформирующей предложение через внутриязыковой (переименование) и межязыковой переводы, а также с помощью параметров изоморфизма и мотивированности. На уровне предложения / пропозиции постулируется нулевой знак в роли нулевого подлежащего, который коррелируется с семантической ролью неодушевлённого Агенса. Дискурсивно-прагматический уровень рассмотрен через понятие интерперсональности как лингвистической категории, а именно субъективности / эгоцентричности языкового явления. Для этого вводится термин «Наблюдатель», который проявляет нулевого Говорящего, чьё внимание направлено на объект восприятия, являющегося денотатом (нулевого) подлежащего. Межличностное общение (имперсональность) состоит еще и в том, что чем ближе когнитивная (глубинная) структура предложения к поверхностной, тем естественнее становится высказывание и тем легче устанавливается коммуникация говорящего со слушающим. Поднимается проблема поиска такого рода предложений в НКРЯ, поскольку в поисковых критериях отсутствует параметр «нулевой знак», что значительно затрудняет разделение предложения с каноническим и неканоническим (нулевым) субъектом-подлежащим.

Ключевые слова: естественный язык; антропоцентризм; эгоцентризм; иконичность; нулевой знак; означаемое; означающее; семиотика; семантика; нулевой субъект; нулевое подлежащее

Для цитирования: Тиханова О. В. Иконичность предложений типа «Ивана опрокинуло» и проблема их поиска в Национальном корпусе русского языка // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 97–104. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_97. <https://elibrary.ru/JUGBOB>

Original article

Iconic sentences of the type «Ивана опрокинуло» (Ivan was overturned) and the problem of detecting them in the Russian National Corpus

Olga V. Tikhanova

Senior lecturer, Moscow institute of physics and technology (national research university). 141701, Dolgoprudny, Institutskiy pereulok, 9

tikhanova-olga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1300-3505>

Abstract. The article considers the sentence «Ивана опрокинуло» (Ivan was overturned) as an iconic sentence with isomorphism of the content plan and the expression plan. Isomorphism, along with motivation, is an integral component of iconicity. Iconicity as a semiotic concept indicates that syntax is generally iconic, and the syntactic phenomenon discussed in the article can be analyzed at three levels. At the lexical-grammatical level, a null lexeme is introduced, denoting some inanimate agent and included in a more complex sign ($\emptyset$ + verb with -lo), which makes it possible to consider it through the parameters of translatability, transforming the sentence through intralingual (renaming) and interlingual translations, as well as through the parameters of isomorphism and motivation. At the sentence/proposition

level, the null sign is postulated in the role of the null subject, which correlates with the semantic role of the inanimate Agent. The discursive-pragmatic level is considered through the concept of interpersonal as a linguistic category, namely subjectivity / egocentricity of a linguistic phenomenon. To this end, the term «Observer» is introduced, which manifests a null Speaker whose attention is directed to the object of perception, which is the denotation of the (null) subject Interpersonal communication (impersonality) also lies in the fact that the closer the cognitive (deep) structure of a sentence is to the surface one, the more natural the utterance becomes and the easier it is to establish communication between the speaker and the listener. The article raises the problem of searching for such sentences in the Russian National Corpus, since there is no «zero sign» parameter in the search criteria, which makes it much more difficult to separate a sentence with a canonical and non-canonical (zero) subject.

Key words: natural language; anthropocentrism; egocentrism; iconicity; zero sign; signifier; signified; semiotics; semantics; zero subject

For citation: Tikhanova O. V. Iconic sentences of the type «Ивана опрокинуло» (Ivan was overturned) and the problem of detecting them in the Russian national corpus. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):97–104. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_97. <https://elibrary.ru/JUGBOB>

Введение

Антропоцентризм, сменивший научные направления, элиминирующие человека, стал не только актуальным среди гуманитарных дисциплин о нём, но и прочно закрепился в лингвофилологической теории языка современной лингвистики в конце 80-х – начале 90-х годов XX века (Э. Бенвенист, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, М. Хайдеггер и др.). Исходя из этого человек становится точкой отсчёта при рассмотрении тех или иных языковых явлений, теорий, идей, которые также пропускаются через призму человеческого фактора [Чеботарева, 2020, с. 260].

Современную лингвистику можно охарактеризовать как науку, постоянно расширяющую свою территорию [Алпатов, 2020, с. 11]. Так, вопросы о функционировании языка, выводимые многими исследователями XX в. вне пределов языкознания (И. А. Мельчук, Ф. де Соссюр, Н. Хомский и др.), на современном этапе демонстрируют стремление к снятию ранее обозначенных ограничений, к расширению рамок, что является позитивным процессом, однако покрыть всю гуманитарную проблематику лингвистика не в состоянии. Всё же наблюдается обращение к проблемам связи языка и мышления, допускается интроспекция, учитывается языковая интуиция, устанавливаются взаимосвязи с другими науками [Алпатов, 2020, с. 13], что характерно для функциональной лингвистики, превалирующей над генеративной и отражающей важность изучения семантики [Алпатов, 2021, с. 11].

Именно преимущественное внимание либо к форме, либо к содержанию при рассмотрении языковых явлений по большей мере характеризует то или иное направление лингвистических исследований [Дементьев, 2021, с. 42]. Так, на современном этапе отечественной лингвистики

наблюдается явное преобладание работ, посвящённых содержательной стороне языка [Дементьев, 2021, с. 43–44]. Тем не менее, неизменной проблемой лингвистики является вопрос взаимной противопоставленности и обусловленности плана выражения и плана содержания, что побуждает рассматривать естественный язык как знаковую систему, восходящую к традиционному семиотическому пониманию соотношения формы и содержания знака (Ч. С. Пирс, Р. О. Якобсон, Ч. У. Моррис и др.). Выделяется четыре сущности знака, составляющие акт семиозиса (процесса порождения / интерпретации / функционирования знака): означающее (план выражения), означаемое (план содержания), интерпретанта (код, с помощью которого понимается полученное сообщение) и интерпретатор (субъект), который управляет процессом порождения знака [Пирс, 2000], что при изучении языковых явлений позволяет учитывать не только саму структуру знака, но и акт коммуникации.

Отношение знака к объекту действительности всегда коррелирует с когнитивной системой человека, что может указывать на мотивированность языковой формы, отражающей когнитивную структуру [Кибрик, 2015, с. 32], поскольку язык и речевая деятельность являются одним из основных проявлений невидимой когнитивной системы [Кибрик, 2020, с. 59].

Учитывая всё вышесказанное, предлагается проанализировать объект исследования данной работы – русское предложение «Ивана опрокинуло» с помощью понятия «иконичность», которое собственно представляет фактическое подобие плана выражения и плана содержания языковых явлений и не может быть невостребованным при анализе языковых «воплощений» через метаязыковую рефлексию, направленную на функционирующий язык [Сигал, 2013, с. 69].

В данной статье также рассматривается проблема поиска предложений типа «Ивана опрокинуло» в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), затрудняющая репрезентацию по крайней мере письменного языкового поведения для исследований, а также сбор статистических данных такого рода предложений.

Понятие иконичности

При рассмотрении отношения знака к своему объекту выделяются знаки-символы (в которых означающее и означаемое связаны между собой по договорённости), знаки-индексы (которые основаны на смежности означающего и означаемого, то есть объект каким-то образом воздействует на знак) и знаки-иконы (которые основаны на фактическом сходстве означающего и означаемого), репрезентирующие разные способы представления когнитивного содержания [Пирс, 2000].

Иконический семиозис в синтаксических структурах был обнаружен в порядке слов, при котором корректное понимание зависит от их расположения, организованного соответствующим образом для того или иного языка, в оформлении косвенной речи при передаче прямой, в порядке следования частей сложного предложения при выражении условия, а также в организации сочинительных членов предложения (Ч. С. Пирс, К. Я. Сигал, Р. О. Якобсон и др.), что наводит на мысль о том, что синтаксис естественного языка в общем иконичен.

В современных исследованиях, посвященных иконичности, наряду с радикальным её вариантом (диалог «Кратил» Платона) преобладает умеренный вариант, позволяющий изучать глубокие когнитивные, коммуникативные и нейробиологические явления естественного языка и определяющий его относительный, а не абсолютный характер [Haiman, 1980]. Исходя из разнородности иконичности при семиотическом видении языка, выделяются образы, метафоры и диаграммы (Ч. С. Пирс). При изучении синтаксических явлений принято усматривать диаграммное отражение некоторой структуры действительности в соответствующей ей синтаксической структуре, что позволяет исследовать более глубокие уровни существования языка, такие как когниция и коммуникация.

Общий принцип иконичности, отражающий все компоненты семиозиса, выглядит следующим образом: кодируемый опыт (план содержания / означаемое) легче хранить, обрабатывать и

передавать (субъект / интерпретатор) при условии, что код (план выражения / означающее) предельно изоморфен этому опыту (иконические отношения между означающим и означаемым) [Givón, 1985, с. 189].

Поскольку именно уровень синтаксиса представляет собой смешанную среду семиозиса, это даёт возможность рассмотреть, как кодируются языковые явления на трёх уровнях: лексико-грамматическом, пропозиции / предложения и прагматическом [Givón, 1985], посредством которых будет доказана иконичность русских предложений типа «Ивана опрокинуло».

Статус предложений типа «Ивана опрокинуло» в русистике

Отечественные лингвисты чаще всего относили предложения подобного типа к так называемым безличным, добавляя понятие односоставности. А. А. Шахматов причисляет их к безличным спрягаемо-глагольным предложениям (3-е лицо единств. ч. глаголов полного значения), указывая на сочинение «глагольного признака в субъекте с представлением о бытии, существовании в предикате» [Шахматов, 2001, с. 91].

В Грамматике-80 этим предложениям соответствуют однокомпонентные схемы, иллюстрирующие спрягаемо-глагольный класс Vf3s [Русская грамматика, 1980, с. 96], однако при рассмотрении семантической структуры таких конструкций субъект признаётся и описывается следующим образом: «Если глагол обозначает действие, направленное на объект, то субъект состояния (выраженный приглагольной формой с объектным значением) совмещает в себе значение объекта действия со значением субъекта состояния, которое является результатом этого действия» [Русская грамматика, 1980, с. 350–351]. Таким образом, они всё же относятся к категории субъектных предложений, распределяемой по двум группам в зависимости от степени известности субъекта, что контролируется лексическим значением глагола: 1) предложения с действующим (неопределённым или устранённым) субъектом; 2) предложения с действующим (определённым) субъектом [Русская грамматика, 1980, с. 352].

При обращении к Русской корпусной грамматике, которая позиционируется как эмпирически ориентированная, теоретически нейтральная и учитывающая типологические данные по тому или иному языковому явлению, конструкции такого типа представляются в разделе «Безлич-

ность». Так, предложения типа «Ивана опрокинуло» относят к группе, где безличность является результатом деривации, понижающей или удаляющей субъект [Русская корпусная грамматика, Безличность]. Полагается, что в такого рода предложениях отсутствует актант, подходящий на роль субъекта, в результате таких причин, как неопределённость актанта или же наличие особого семантического сдвига, но несмотря на то, что «агентивный актант концептуализируется как неизвестный, нереферентный или несуществующий для говорящего, ему присваивается коммуникативный ранг «ноль» [Русская корпусная грамматика, Безличность].

О синтаксическом нуле в предложениях типа «Ивана опрокинуло» заявлял и И. А. Мельчук, давший ему название «стихии» (Юстии), который противопоставляется нулю «люди» (Юлюди) [Мельчук, 1974] в так называемых неопределённо-личных предложениях [Тиханова, 2023, с. 181–191]. Постулирование синтаксического нуля коррелирует с нулевым знаком Р. О. Якобсона, который призывал учитывать важность переплетающихся между собой понятий – знак и нуль в рамках лингвистики и семиотики [Якобсон, 1985].

Постулирование нулевого знака в структуре предложения типа «Ивана опрокинуло» посредством лингвосемиотического взгляда на данное синтаксическое явление способствует снятию структурных и семантических расхождений, а также содействует приближению к единству мнений о субъекте в типологической перспективе, объединяя отдельные языковые синтаксические явления в метаязыковой структурно-семантический инвариант. Учитывается и тот факт, что логическое суждение состоит из двух обязательных компонентов: субъекта мысли и его предиката.

Иконичность предложения «Ивана опрокинуло» на лексико-грамматическом уровне

Учитывая знаковую природу естественного языка, установим, что каждый эксплицированный или имплицированный его знак представляется через некую лексему, являющуюся абстрактной двусторонней словарной единицей со своим означающим и означаемым. Особенным случаем является лексема, у которой представлено означаемое, но не выражено означающее, и которая обозначается как нулевая. В рассматриваемом предложении нулевая лексема выступает

в роли субъекта и проявляется при определённых условиях, которые предлагается рассмотреть с помощью таких понятий как переводимость, изоморфизм и мотивированность знака.

За переводимостью любого знака кроется возможность более полно и развёрнуто интерпретировать его значение, которое раскрывается через внутриязыковой (переименование), междязыковой (собственно перевод) и межсемиотический (трансмутация) переводы, последний из которых анализу рассматриваемого предложения в данной работе подвергаться не будет [Якобсон 1978, с. 16–24]. С переименованием и собственно переводом тесно связаны понятия эквивалентности и адекватности, где эквивалентный перевод осуществим только при условии передачи семантических смыслов предложения, а адекватность языковых соответствий исходит из экстралингвистического контекста, позволяющего более глубоко понять по крайней мере культурные и социальные процессы [Иванова, 2023, с. 392]. При междязыковом переводе следует учитывать и понятие имплицитной / эксплицитной информации в синтаксическом явлении. Эксплицитной информацией является буквальное содержание конструкции, переданное с помощью языковых знаков, тогда как имплицитная информация требует от коммуникантов фоновых знаний, поскольку, несмотря на её невыраженность, она подразумевается и извлекается из высказывания, составленного с помощью определённого набора языковых знаков, что также отражается на адекватности передачи и восприятия предложения.

Использование переименования для предложения «Ивана опрокинуло» состоит в том, что чаще всего добавляется местоимение «что-то», а лучше «нечто», которые демонстрируют именно неодушевлённого деятеля при глаголе на -ло. То есть нулевой знак-лексема в сочетании с глаголом определённой формы создают более сложный знак, через который проявляется имплицитное значение деятеля не-человека.

Когда происходит перевод на другой языковой код, наблюдается ожидаемая потеря дополнительного смысла. Чаще всего такого типа предложения на английский язык передают с помощью пассивизации «Ivan was knocked over», при которой значение субъекта-стихии полностью теряется, как и при переводе «Something knocked Ivan over». Следовательно, наблюдается некая погрешность в передаче смысла, касающаяся эквивалентности и адекватности, что не является критичным конкретно для данного пред-

ложения, но указывает на то, что имплицитная информация связана с образным аспектом, с фоновыми знаниями и т. д. Не владея ими, представители разных культур, автор и адресат, при учёте того факта, что они разделяют ответственность за порождение и восприятие высказывания в плане семантической и прагматической структуры, формируют различный скрытый смысл высказывания [Аникеева, Балашова, 2023, с. 188].

Изоморфизм как первый необходимый элемент иконичности наблюдается в определённом соответствии означающего с означаемым, следовательно, в рассматриваемом примере, с одной стороны, нулевой знак-лексема имеет имплицитное выражение в предложении, а с другой стороны, нулевой знак, входящий в более сложный ($\emptyset$ + глагол на -ло) также демонстрирует диаграммное отражение плана содержания в плане выражения.

Мотивированность как второй обязательный элемент явления иконичности уже была замечена при переводе предложения на английский язык, что доказывает ее неуниверсальность, поскольку она отражает структуру мысли в структуре языка. В русском языке маркированность грамматализована, и, в частности, она проявлена с помощью глагольной флексии -ло. Говорящий на русском языке как родном всегда корректно поймёт значение предложения «Ивана опрокинуло» и подобные ему, где имплицитован субъект при глаголе на -ло.

Иконичность предложения «Ивана опрокинуло» на уровне пропозиции / предложения

Поскольку в русском языке представлены аккумулятивные стратегии кодирования глагольных актантов, это позволяет провести параллель между предложением как формальной структурой и пропозицией как его семантической выраженностью. Иными словами, морфосинтаксическое кодирование языковых единиц, представленных членами предложения, коррелирует с семантическими ролями, в частности подлежащее соотносится с Агенсом, прямое дополнение – с Пациентом. В рассматриваемом предложении «Ивана опрокинуло» глагол «опрокинуть» двухвалентен с замещённой позицией Пациента «Ивана» и с незамещённой позицией подлежащего-Агенса, выраженного нулём. Конгруэнтность отношения между подлежащим и сказуемым проявляется не только в согласовании по

грамматическим формам, но и в представлении единого целого (нулевое подлежащее + глагол на -ло), передающее определённое значение предложения.

Если учитывать, что в русском языке порядок слов по схеме «субъект – предикат – объект» является прямым, немаркированным, то в рассматриваемом предложении «Ивана опрокинуло» наблюдается инверсия, при которой предикат располагается в конце предложения, тем самым усиливая его функциональную нагрузку. Такой маркированный порядок слов также отсылает к понятию иконичности, когда структура мысли отражена в структуре предложения.

Дискурсивно-прагматический уровень в данной работе представляется через лингвистическое понятие «интерперсональность» (А. А. Леонтьев, М. Halliday и др.), проявляющееся как межличностное взаимодействие между говорящим и слушающим. Интерперсональность раскрывается как через языковые, так и через неязыковые явления, проявляющие конвергенцию лингвистики с науками о человеке (социология, психология, антропология и др.). Благодаря повороту лингвистики в сторону антропоцентризма человек становится исходной точкой для анализа явлений в языке. Следовательно, любое высказывание носит субъективный характер, поскольку всегда принадлежит некоему субъекту. Субъективность речи в лингвистике рассматривается через понятие эгоцентризма, при котором эгоцентрические языковые единицы (эгоцентрики) содержат информацию о самовыражении автора высказывания [РКЛ, Эгоцентрические языковые единицы], таким образом наделяя его как субъекта речи собственным взглядом на содержащуюся в речи информацию и возможностью маркирования её с помощью грамматических конструкций некоторого языка.

Естественный язык может функционировать не только в рамках канонической ситуации, когда говорящий и слушающий объединены единством времени, места, общим полем зрения, но и в рамках неканонической ситуации, когда говорящий не находится здесь и сейчас, но воздействует на адресата с помощью, например, письменной формы языка. Так, имплицитный говорящий может иметь различные семантические роли (говорящий как субъект речи / восприятия / сознания), а также трансформируется в Наблюдателя как субъекта восприятия. Внимание Наблюдателя направлено на объект восприятия, который также представляется участником ситу-

ации и обычно является денотатом подлежащего. Еще одним условием выделения Наблюдателя является его синтаксическая невыраженность, поскольку он не представляет собой подлежащее, дополнение или любой другой глагольный актант.

В предложении «Ивана опрокинуло» коммуникативная роль Наблюдателя коррелирует с семантической ролью субъекта восприятия, то есть Эксперимента. Он получает знание, отмеченное в предложении «Ивана опрокинуло», через перцептивное восприятие, а именно через зрение. Тем не менее Наблюдатель не называет того, кто выполняет действие, что может рассматриваться как его незнание / нежелание. За деятелем кроется некая сила, которую он не оформляет в своей когнитивности, а значит, и в языке, что позволяет сделать благодаря наличию в русском языке типичных конструкций (нулевой субъект + предикат на -ло). Позиция деятеля / субъекта / подлежащего не выражена через конкретную лексему, но мыслима Наблюдателем, что также демонстрирует изоморфизм плана содержания предложения и его плана выражения на дискурсивно-прагматическом (через понятие интерперсональности и эгоцентризма) уровне иконичности.

При учетывании когнитивного компонента предложения «Ивана опрокинуло» можно отметить, что при его порождении и восприятии функционируют «естественные» когнитивные структуры языковой и неязыковой информации (В. Кинч, Ч. Осгуд). Когда любая поверхностная структура предложения приближена к когнитивной, высказывания становятся более естественными. Это позволяет поддерживать межличностное общение участников коммуникативной ситуации, носителей определённого языка, поскольку у них наблюдаются сходные познавательные процессы.

Действительно, предложения типа «Ивана опрокинуло», где имеется нулевой субъект-подлежащее и предикат на -ло всегда регламентированы по структуре, что позволяет говорить о передаче когнитивного опыта через языковую традицию. Такая модель предложения способствует упорядочению и кодированию мыслей говорящего и верной интерпретации смысла слушающим, так как в его памяти сохраняется структура предложения, используемая для схожих ситуаций, описанных в предложении «Ивана опрокинуло» (Ивана подкосило / подбросило).

Следовательно, типовая ситуация предложения «Ивана опрокинуло» переводится в означае-

мое, или план содержания, воплощается в структуре $\emptyset$ + глагол на -ло, представляя её означающее, или план выражения. Иначе говоря, наблюдается изоморфизм как обязательный компонент иконичности предложений типа «Ивана опрокинуло».

Для сбора и анализа подобных конструкций на предмет их иконичности эффективнее всего обратиться в Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Однако, при синтаксическом поиске невозможно указать нулевой субъект при предикате на -ло. Единственным способом поиска подобных конструкций является использование основного корпуса с поиском точных форм. Так, если запросить поиск слова «опрокинуло», открывается 125 текстов и 133 примера с данной словоформой. Однако, предложения с каноническим и нулевым подлежащим приходится разделять самостоятельно, что представляется трудоёмким и долгим процессом. Это также мешает сбору статистических данных о том, например, различается ли частота таких предложений в разные периоды, в каких стилистических жанрах чаще всего встречаются конструкции типа «Ивана опрокинуло», используются ли глаголы в таких конструкциях, ранее не употреблявшиеся в языке («улыбнуло» и др.) и т. д.

Так, словоформа «опрокинуло» чаще всего приходится на 1780-е года (распределение в НКРЯ по годам с 1682 по 2022), но стоит учесть, что невозможно ограничить конструкции именно с невыраженным подлежащим. Следовательно, включение в разметку НКРЯ синтаксического нуля существенно облегчило бы поиск подобного рода предложений для дальнейшего их исследования.

Заключение

Семиотический взгляд на предложения типа «Ивана опрокинуло» с помощью понятия иконичности даёт возможность согласовать план содержания с планом выражения, то есть его глубинную структуру с поверхностной, что позволяет избежать многих расхождений и противопоставлений в описаниях таких конструкций. Более того, постулирование нулевого знака в роли субъекта / подлежащего содействует более структурированному и экономному представлению предложений типа «Ивана опрокинуло» в типологической картине мира. Анализ представленного предложения велся в рамках трёх уровней: лексико-грамматического, предложения / пропозиции и дискурсивно-прагматического. На

первом уровне с помощью введения нулевого знака в качестве невыраженной лексемы-деятеля представлено его функционирование посредством понятий переводимости, изоморфизма и мотивированности. На втором уровне представлен нулевой субъект-подлежащее, коррелирующий с семантической ролью Агенса. На третьем уровне через понятие имперсональности и эгоцентричности в языке рассмотрена роль Наблюдателя, порождающего такого рода предложения и тем самым устанавливающего естественные межличностные отношения между участниками коммуникации. Затронута проблема поиска предложений типа «Ивана опрокинуло» в НКРЯ, поскольку в параметрах поиска отсутствует разметка для нулевого знака.

Библиографический список

1. Алпатов В. М. Определение лингвистики в разные эпохи // Русский язык за рубежом. 2020. № 1 (278). С. 11–14.
2. Алпатов В. М. Прогноз революции в языкознании // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме. Труды III Всероссийской научной конференции. Русское общество истории и философии науки. 2021. С. 8–11.
3. Аникеева И. Г., Балашова И. В. Передача имплицитной информации в переводе публицистического текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология, 2020. № 2 (65). С. 182–189.
4. Дементьев В. В. О некоторых содержательно-центрических тенденциях в современной отечественной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 72. 2021. С. 42–73.
5. Иванова Д. Н. Экстралингвистический контекст и его роль в достижении эквивалентности в переводе // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в современном иноязычном образовании. 2023. С. 388–393.
6. Кибрик А. А. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. Москва, 2015. С. 26–47.
7. Кибрик А. А. Язык и когнитивная система // I Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. 2020. С. 59–61.
8. Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. 1974. С. 343–361.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 24.09.2023).
10. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. Москва : Логос, 2000. 448 с.
11. Русская грамматика. Т. 2. Москва : Наука. 1980. 710 с.
12. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения 24.09.2023).
13. Сигал К. Я. Иконичность в языке и некоторые ее синтаксические проявления // Язык. Текст. Дискурс. 2013. № 11. С. 56–71.
14. Тиханова О. В. Иконичность предложений типа «В дверь стучат» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 3. С. 181–191.
15. Чеботарева С. В. Человек как главная ценностная ориентация современной лингвистики; антропоцентризм категории сравнения // Аксиологический диапазон художественной литературы: Сборник научных 2020. С. 259–264.
16. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Москва : УРСС. 2001. 624 с.
17. Якобсон Р. О. Нулевой знак // Р. Якобсон. Избранные работы. Москва. 1985. С. 220–230.
18. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Москва, 1978. С. 16–24.
19. Givón T. Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax // Iconicity in syntax, 1985. P. 187–219.
20. Haiman J. The iconicity of grammar: isomorphism and motivation // Language, 1980. Vol. 56, No. 3. P. 515–540.

Reference list

1. Alpatov V. M. Opredelenie lingvistiki v raznye jepohi = Definition of linguistics in different periods // Russkij jazyk za rubezhom. 2020. № 1 (278). S. 11–14.
2. Alpatov V. M. Prognoz revoljucii v jazykoznanii = Predicting revolution in linguistics // Revoljucija i jevoljucija: modeli razvitija v nauke, kul'ture, sociume. Trudy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Russkoe obshhestvo istorii i filosofii nauki. 2021. S. 8–11.
3. Anikeeva I. G., Balashova I. V. Peredacha implicitnoj informacii v perevode publicisticheskogo teksta = Conveying implicit information when translating a journalistic text // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija, 2020. № 2 (65). S. 182–189.
4. Dement'ev V. V. O nekotoryh sodержatel'no-centricheskix tendencijah v sovremennoj otechestvennoj lingvistiki = On some content-centered tendencies in modern Russian linguistics // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. № 72. 2021. S. 42–73.
5. Ivanova D. N. Jekstralingvisticheskij kontekst i ego rol' v dostizhenii jekvivalentnosti v perevode = Extralinguistic context and its role in achieving equivalence in translation // Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki v sovremennom inozazychnom obrazovanii. 2023. S. 388–393.
6. Kibrik A. A. Kognitivnyj podhod k jazyku = Cognitive approach to language // Jazyk i mysl': Sovremennaja kognitivnaja lingvistika. Moskva, 2015. S. 26–47.
7. Kibrik A. A. Jazyk i kognitivnaja sistema = Language and the cognitive system // I Nacional'nyj kongress po kognitivnym issledovanijam, iskusstvennomu intellektu i nejroinformatike. 2020. S. 59–61.
8. Mel'chuk I. A. O sintaksicheskom nule = On the syntactic zero // Tipologija passivnyh konstrukcij. Diatezy i zalogi. 1974. S. 343–361.

9. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National Russian Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru> (data obrashhenija 24.09.2023).
10. Pirs Ch. S. Izbrannye filosofskie proizvedenija = Selected philosophical works. Moskva : Logos, 2000. 448 s.
11. Russkaja grammatika = The Russian grammar. T. 2. Moskva : Nauka.1980. 710 s.
12. Russkaja korpusnaja grammatika = Russian corpus grammar. URL: <http://rusgram.ru> (data obrashhenija 24.09.2023).
13. Sigal K. Ja. Ikonichnost' v jazyke i nekotorye ee sintaksicheskie projavlenija = Iconicity in language and some of its syntactic manifestations // Jazyk. Tekst. Diskurs. 2013. № 11. S. 56–71.
14. Tihanova O. V. Ikonichnost' predlozhenij tipa «V dver' stuchat» = The iconicity of such sentences as «The door is knocked on» // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 3. S. 181–191.
15. Chebotareva S. V. Chelovek kak glavnaja cennostnaja orientacija sovremennoj lingvistiki; antropocentrizm kategorii sravnenija = Man as the main value orientation of modern linguistics; anthropocentrism in the category of comparison // Aksiologicheskij diapazon hudozhestvennoj literatury: Sbornik nauchnyh 2020. S. 259–264.
16. Shamatov A. A. Sintaksis russkogo jazyka = Syntax of the Russian language. Moskva : URSS. 2001. 624 s.
17. Jakobson R. O. Nulevoj znak = Zero sign // R. Jakobson. Izbrannye raboty. Moskva. 1985. S. 220–230.
18. Jakobson R. O. O lingvisticheskikh aspektah perevoda = On linguistic aspects of translation // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike. Moskva, 1978. S. 16–24.
19. Givón T. Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax // Iconicity in syntax, 1985. R. 187–219.
20. Haiman J. The iconicity of grammar: isomorphism and motivation // Language, 1980. Vol. 56, No. 3. R. 515–540.

Статья поступила в редакцию 17.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 17.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_105

EDN: JZYZJE

Сравнительный анализ конstituентов ситуационных когнитивных моделей (на материале учебных пособий «English Unlimited»)

Екатерина Васильевна Яковлева

Аспирант кафедры иностранных языков, Самарский государственный технический университет. 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244

eka-khikhlich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0299-7708>

Аннотация. До настоящего времени не проводилось исследований, рассматривающих когнитивные модели англоязычного учебного дискурса. В связи с этим актуальным представляется анализ компонентов лингво-когнитивных моделей малоформатных текстов (МФТ) современного аутентичного англоязычного пособия. Их анализ позволяет выявить, как учащиеся овладевают данными моделями в процессе обучения иностранному языку, а также проследить определенные особенности англоязычного учебного дискурса на материале МФТ. Целью исследования является сравнительно-сопоставительный анализ компонентов лингво-когнитивных моделей МФТ на начальном, среднем и продвинутом уровнях обучения английского языка и выявить языковые средства их реализации. Материалом исследования послужили аутентичные англоязычные учебные пособия издательства Cambridge University Press «English Unlimited» уровней Elementary, Intermediate и Advanced. В качестве метода исследования когнитивных моделей применена модель Делла Хэтэуэя Хаймса, которая обозначается акронимом S-P-E-A-K-I-N-G. Согласно этой модели в коммуникации можно выделить такие составляющие как Setting and Scene (Время/Место), Participants (Участники), Acts Sequence (Последовательность действий), Tone (Стиль общения), Key (Эмоционально-оценочный фон). На каждом уровне обучения были выделены основные и доминантные конstituенты лингво-когнитивных моделей учебных текстов с целью выявления прагматических и коммуникативных целей авторов пособия. В ходе исследования было выявлено, что во всех ситуационных моделях общими компонентами выступают «Участники» и «Последовательность действий». Доминантными компонентными на уровне Elementary является «Место/Время», а на уровнях Intermediate и Advanced – компонент «Эмоционально-оценочный фон». Доминантные компоненты ситуаций обуславливают коммуникативные и прагматические цели авторов сфокусировать внимание обучаемых на определенных аспектах ситуационной модели при помощи языковых средств.

Ключевые слова: дискурс-анализ; доминантный конstituент; интердискурсивность; когнитивная модель; когнитивное моделирование; конstituент лингво-когнитивной модели; малоформатный текст; модель Хаймса; номинативная плотность; предметно-референтная ситуация; общий конstituент; ситуационная модель; учебный дискурс

Для цитирования: Яковлева Е. В. Сравнительный анализ конstituентов ситуационных когнитивных моделей (на материале учебных пособий «English Unlimited») // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 105–112. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_105. <https://elibrary.ru/JZYZJE>

Original article

Comparative analysis of situational cognitive models constituents (on the material of textbooks «English Unlimited»)

Ekaterina V. Yakovleva

Postgraduate student at the department of foreign languages, Samara state technical university. 443100, Samara, Molodogvardeyskaya st., 244

eka-khikhlich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0299-7708>

Abstract. To date, there have been no studies examining cognitive models of english teaching discourse. In this regard, it is relevant to analyze the components of linguistic cognitive models of small-format texts (SFTs) in modern authentic english textbooks. Their analysis makes it possible to reveal how learners master these models while learning a foreign language, as well as to trace certain features of teaching discourse in english using SFTs. The aim of the study

is to conduct a comparative analysis of SFT linguistic-cognitive models at elementary, intermediate and advanced levels of teaching English and to identify the linguistic means for their realization. The research is based on authentic English textbooks by Cambridge university press «English Unlimited» of Elementary, Intermediate and Advanced levels. As a method for investigating cognitive models, the author used Dell Hathaway Hymes' model, denoted by the acronym S-P-E-A-K-I-N-G. According to this model, communication includes such components as Setting and Scene (Time/ Place), Participants, Acts Sequence, Tone (Communication Style), Key (Emotional and Evaluative Background). At each level of learning, the main and dominant constituents of the linguistic-cognitive models are identified in order to outline pragmatic and communicative goals of the textbook authors. The study has found that Participants and Acts Sequence are the common components in all the situational models. The dominant components at the Elementary level are Place/Time and at the Intermediate and Advanced levels the component Emotional and Evaluative Background. The situations dominant components determine the authors' communicative and pragmatic goals to focus the learners' attention on certain aspects of the situation model with the help of linguistic means.

Key words: discourse analysis; dominant constituent; interdiscursiveness; cognitive model; cognitive modeling; linguistic-cognitive model constituent; small-format text; Hymes model; nominative density; object-referential situation; general constituent; situational model; educational discourse

For citation: Yakovleva E. V. Comparative analysis of situational cognitive models constituents (on the material of textbooks «English Unlimited»). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):105–112. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_105. <https://elibrary.ru/JZYZJE>

Введение

За последние несколько лет возрос интерес к проблеме когнитивного моделирования в филологических науках. Актуальными исследованиями в области когнитивной лингвистики являются работы, посвященные изучению когнитивных процессов дискурса, прагматических и коммуникативных установок авторов, заложенных в тексте [Dijk, 1977], [Дейк, Кинч, 1988, с. 153–211], [Дейк, 2000, с. 92–95]. Изучение связи языка и мышления приобретает особую важность, так как когнитивные модели ситуаций, хранящиеся в нашем сознании и получающие определенную языковую репрезентацию, оказывают значительное влияние на повседневные действия человека, его взаимоотношения с семьей, социумом и самим собой. Изучение текстов с позиций когнитивного моделирования можно проследить в работах, посвященных анализу публицистического дискурса [Шевченко, 2015, с. 44–53] [Шевченко, Шевченко, 2016, с. 27–30], военного дискурса [Юсупова, 2009], спортивного дискурса [Писарева, 2020, с. 85–87], [Писарева, 2022, с. 131–133], образовательного дискурса [Сарайкина, 2015, с. 169–170]. Актуальность исследования обусловлена не только общим интересом представителей разных научных направлений к исследованию взаимосвязи языка и мышления в дискурсе, но и необходимостью изучения сложных когнитивных операций посредством когнитивного моделирования, активизируемых в процессе восприятия учебного дискурса.

В рамках представленной работы ключевыми понятиями выступают понятия малоформатного текста и институционального дискурса, который

может быть представлен учебным или образовательным типом дискурсивного пространства. Так, по мнению В. И. Карасика «институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2002, с. 208–220]. В настоящем исследовании рассматривается образовательный дискурс, представленный учебным типом дискурсивного пространства.

Основная часть

Следует отметить функционирование малоформатных тестов, принадлежащих к разным типам дискурса, в анализируемом учебном пособии по английскому языку. Изучив дискурсивные особенности малоформатных текстов из учебников «English Unlimited» разных уровней, мы можем сделать вывод о том, что происходит интерференция дискурсов, то есть отбор учебного материала характеризуется признаком интердискурсивности [Шевченко, Дубинин, Кучумова, 2015, с. 79–83]. Так, большинство текстов относятся к публицистическому дискурсу (статьи из интернета, статьи из периодических печатных изданий), к интернет-дискурсу (блоги, комментарии, интернет-посты, электронные письма, страницы сайтов). Отмеченное явление в терминах современной лингвистической науки наиболее отчетливо охарактеризовано теорией интерференции дискурсов [Шевченко, 2010, с. 25–27]. В качестве принимающего дискурса функционирует современный англоязычный образовательный дискурс, а в качестве включенного могут выступать научный, политический, медицин-

ский, дискурс СМИ, в том числе интернет-дискурс. Благодаря подобному со-функционированию разных типов дискурсов в рамках образовательного пособия, в сознании реципиента формируются когнитивные процессы, позволяющие всесторонне и емко представить и воспринять языковой материал текстов различной дискурсивной принадлежности. Преимущество сочетания различных дискурсивных фрагментов учебного характера позволяет избежать односторонней трактовки лингвистической информации, допуская возможность вариативной интерпретации образовательной информации в разных сферах жизни социума. Эволюция современного англоязычного образовательного дискурса выражается в стремлении использовать в качестве заданий малоформатные тексты (МФТ), как искусственно созданные в образовательных целях носителями языка, так и тексты, авторами которых являются люди, владеющие английским языком как иностранным [Kharkovskaya, Popomoreno, Radyuk, 2017, p. 62–76]. Поэтому данные учебные пособия в полной мере соответствуют требованиям и запросам современного потребителя нацеленного на изучение английского языка.

Одним из самых результативных методов изучения образовательного дискурса является системное моделирование. По мнению В. В. Добровой, «моделирование является эффективным методом познания и осмысления человеком окружающего мира и самого себя» [Доброва, 2014, с. 64–69]. По мнению В. Д. Шевченко и С. Томашчиковой, когнитивные модели могут реализовываться в виде текстов, визуальных знаков или даже действий, и, поэтому, когнитивная модель является образцом, которому люди следуют в повседневной и профессиональной жизни [Шевченко, Томашчикова, 2021 с. 25–27]. В аутентичном учебнике «English Unlimited» посредством учебных текстов репрезентируются когнитивные модели предметно-референтных ситуаций, изучение которых приводит к повы-

шению уровня владения английским языком и восприятию иноязычной культуры, в рамках которой и разворачиваются данные ситуации. Каждый текст – это сложное когнитивное явление по своей структуре и функционированию, поэтому огромный интерес представляют малоформатные тексты, представленные в виде материалов по развитию навыков чтения. Следует отметить, что контекст поставляет и активизирует определённую информацию и хранит в себе такие конвенциональные категории, как цели, задачи, участники, действия [Dijk, 1977, p. 92–95]. В связи с этим Т. А. ван Дейк считает, что возникают «ситуативные модели», которые играют важную роль, демонстрируя личный опыт и отношение говорящего к происходящему [Дейк, 2000, с. 90–95]. Особенности модели ситуации зависят от уже имеющихся знаний коммуникантов, их прагматических целеустановок и актуального социокультурного контекста. При этом необходимо учитывать, что составляющие модели ситуации не равноправны и находятся в определённой иерархии, на которую влияют прагматические и иные экстралингвистические факторы. Мы провели анализ лингво-когнитивных моделей, выделив такие составляющие как *Participants* (Участники), *Setting and Scene* (Время/Место), *Acts Sequence* (Последовательность действий), *Tone* (Стиль общения), *Key* (Эмоционально-оценочный фон) [Хаймс, 1975, с. 55–62]. На каждом уровне обучения мы выделяли основные и доминантные конститuentы лингво-когнитивных моделей учебных текстов с целью выявления прагматических и коммуникативных целей авторов пособия.

Изучение лингво-когнитивных моделей на материале учебных текстов начального, среднего и продвинутого уровней обучения (*Starter, Intermediate, Advanced*) позволило выявить основные и доминантные компоненты ситуационных моделей, характерные для определённого этапа обучения. Данные сравнительного анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Конститuentы когнитивных моделей учебных МФТ

Уровни обучения	Компоненты когнитивной модели МФТ	
	Общие конститuentы	Доминантные конститuentы
Elementary (Начальный уровень)	Participants (Участники) Act Sequence (Последовательность действий)	Setting and Scene (Время/Место)
Intermediate (Средний уровень)		Key (Эмоционально-оценочный фон)
Advanced (Продвинутый уровень)		Key (Эмоционально-оценочный фон)

В ходе исследования было установлено, что во всех лингво-когнитивных моделях ситуаций МФТ на всех рассмотренных этапах обучения основными компонентами выступают «Участники» и «Последовательность действий», а значимость и выделение других компонентов зависит от уровня обучения и коммуникативно-прагматических установок авторов. Мы можем заключить, что данные компоненты становятся значимыми в лингво-когнитивных моделях событий МФТ во всех рассмотренных нами учебных пособиях, так как они универсальны и важны как составная любых событий и ситуаций, актуальных для личности и социума [Писарева, 2022, с. 133].

Проанализируем частотные языковые средства репрезентации каждого компонента, которые были выявлены в ходе исследования.

Языковыми средствами реализации компонента «Участники» на всех уровнях выступают имена собственные, личные местоимения (*I live in London, I'm Klaus Springer; Mike Scott; David Warne, a 29-year-old father of two*), а также единицы лексико-семантического поля «Семья» (*parents, children, father, adults, brother, sister, dad, the whole family*). Вербализация концепта «Семья» является значимой в когнитивных моделях, так как является одним из базовых концептов для любого национального сообщества, имеющим особую значимость как конституирующий элемент большинства социумов, о чем свидетельствует интерес к проблеме семьи всех гуманитарных наук.

Различия в используемых речевых средствах актуализации компонента «Участники» проявляются между начальным и средним уровнями обучения. Так, на среднем и продвинутом этапах обучения к вышеупомянутым средствам актуализации рассматриваемого компонента добавляются лексемы с суффиксами *-er/-or*, номинирующие род деятельности участника ситуации или его профессию (*singer, shoppers, traders, waiter, journalist*), а также атрибутивные словосочетания модели *Adj./Adj.-ed + N.* (*retired citizens, wealthy widow, elderly people, lovely lady, left-handed people*), и атрибуты, характеризующие определенные характеристики и качества (*the youngest, the spoilt, thin, pretty, airbrushed, flawless*).

По нашему мнению, это обусловлено авторскими интенциями предоставить обучающимся больше сведений об участниках ситуации для верного

понимания и интерпретации других взаимосвязанных составляющих когнитивной модели.

Проведя анализ языковых средств выдвижения компонента «Последовательность действий», мы можем заключить следующее. На уровне обучения *Elementary* преобладают глагольные единицы, обозначающие повседневные действия людей, связанные с их рутинной, привычками, досугом (*cook, go, study, work, live, sleep, get up*). Мы можем выделить простое настоящее, простое длительное, прошедшее простое и длительное, будущее простое времена и оборот *to be going to* для выдвижения компонента «Последовательность действий» на начальном этапе обучения. Это обусловлено коммуникативными целями авторов представить ситуационную модель в одном временном плане и сфокусировать внимание обучаемых на одном из планов повествования, которые можно подразделить на 4 основные группы:

- 1) действия или состояния, актуальные в настоящий момент (Present Continuous);
- 2) рутинные действия (Present Simple);
- 2) действия, имевшие место в прошлом (Past Simple / Past Continuous);
- 3) выражение договоренности и планирования в будущем (*to be going to* / Future Simple/ Present Continuous).

Это можно проиллюстрировать следующими примерами:

I stayed at home and listened to music. Then I phoned a friend and we went into town we went shopping. (действия, имевшие место в прошлом)

You can't stop moving. I have to jump up and down at the traffic lights. (рутинные действия)

What are you doing tonight? Going to see the Others at Picture House (договоренность и планирование).

Динамичность событий в рамках когнитивных моделей передается при помощи акциональных предикатов с семантикой движения и перемещения в пространстве, например *went, jump, stop, travel, drive, move*.

На среднем и продвинутом уровнях обучения было выявлено усложнение различных глагольных форм в рамках выражения компонента «Последовательность действий». Так, в ситуационных моделях авторы стараются актуализировать два плана развертывания событий: план прошлого, выраженный Past Simple, Past Continuous, Past Perfect; и план настоящего в формах Present Simple, Present Continuous, Present Perfect. Времена

настоящего времени также используются для выражения общепринятого мнения. Это можно показать в рамках ситуации МФТ про воспоминания из детства УМК уровня *Advanced*:

They say the youngest are the spoilt ones, don't they? I suppose my parents just let me get away with it, because I was the youngest. (...) one day, I was sitting there all of them and I just disappeared. Apparently, what I'd done is edge out of the seat without anyone seeing and then crawl down to where my father was speaking [Doff, Goldstein, 2013, p. 13].

Для продвинутого уровня обучения характерно употребление форм страдательного залога и каузативных форм с глаголом *get* для выражения безличностного характера действия или фокусирования внимания на факте свершения события, нежели чем на исполнителе этого действия.

Сопоставительный анализ компонентов когнитивных моделей показал, что на начальных уровнях обучения доминантным конституентом выступает компонент *Setting and Scene* «Место / Время».

Конституент «Место / Время» содержит информацию о местоположении участников ситуации, временном аспекте и, таким образом, отображает пространственно-временной фон предметно-референтной ситуации. При помощи его актуализации авторы фокусируют внимание обучаемых на ключевых концептах мировосприятия «Пространство» и «Время», определяя локус ситуации и временную соотнесенность события. Наиболее частотными языковыми средствами актуализации компонента «Место / Время» выступают топонимы, лексемы и предложно-падежные словосочетания с пространственной семантикой, которые локализуют место разворачивания ситуационной модели и/или местоположение участников, что можно проиллюстрировать следующими примерами:

*My parents live in **Halifax**.*

*My sister lives in **Tokyo**.*

*We went **into town**.*

*I stayed **at home**.*

*I have **a small room with a bed and a desc*** [Rea, Clementson, Tilbury, 2012, pp. 6–20].

Временной же аспект ситуационной модели выражается посредством темпоральных детерминантов в форме имен собственных, числительных с указанием на время, часть дня или день недели, а также темпоральных наречий (***On Saturday I got up late, about 10.30 in the morning. In the afternoon I went for a walk***) [Rea, Clementson, Tilbury, 2012, pp. 6–18].

В лингво-когнитивных ситуациях на уровнях *Intermediate* и *Advanced* также можно отметить вышеупомянутые средства акцентуации составляющей «Место/Время». Изучение речевых средств выражения данного конституента на этих этапах овладения английским языком выявило такие средства, как тематические цепочки слов, которые способствуют созданию пространственно-временного фона модели ситуации. Группы лексем образуют определенный семантический план ситуационной модели, который важен для ее смысловой интерпретации. Так, в когнитивной модели МФТ про школьного молодого учителя можно выделить следующую тематическую цепочку, которая вербализирует концепт «Образование»: *school, lessons, pupils, standard of teaching, uniform, students, drop out of school* [Rea, Clementson, Tilbury, 2010, p. 45]. В ситуационной модели текста про достоверность информации мы можем отметить следующую группу лексем, которые репрезентируют концепт «Интернет»: *Wikipedia, internet age, website, write a blog, post or change an entry* [Rea, Clementson, Tilbury, 2010, p. 8–30].

Атрибутивные словосочетания модели Adj.+N. и N.+N. также были выявлены как одно из частотных средств реализации данного компонента, что можно подтвердить следующими примерами: *abandoned stadium, improvised restaurant, waste grounds, overcrowded city, provisional allotments; football stadium, makeshift homes, city centre, ring road* [Doff, Goldstein, 2013, pp. 46–50].

На продвинутом уровне обучения в рамках выдвижения компонента «Место/Время» добавляются реалии, связанные с экстралингвистической информацией, заложенной авторами в лингво-когнитивной модели ситуации (*salsa, tortilla, merengues, rancheras, margaritas*) [Rea, Clementson, Tilbury, 2013, p. 160].

При изучении конституентов когнитивных моделей ситуаций МФТ на среднем этапе обучения было установлено, что доминантным выступает компонент *Key* («Эмоционально-оценочный фон»), реализация которого способствует отображению эмоционального или оценочного ситуации фона ситуации [Арнольд, 1999, с. 253–255]. Среди наиболее репрезентативных речевых средств выражения этого компонента можно отметить прилагательные с выраженным отрицательным или положительным компонентом коннотативного значения (*dedicated, determined, wonderful, friendly, delighted; mortified, appalled, embarrassing, terrible, teary-eyed*), сравнительные конструкции с предло-

гом like (tasted like candy, waving and beaming like mad), риторические вопросы (So, what about adults? Too many distractions? Can we believe what we read?), идиомы (make mouth water, vanish into thin air, burst with pride, spread the word, believe smn.'s own eyes), метафоры и лексемы с переносным значением (the modern world is not designed for them, our brain thinks, our brain believes, the queen of the buffet). Все эти языковые средства

способствуют реализации эмотивной функции и функции воздействия и служит целью вызвать определенные эмоции и суждения у обучаемых, касательно тем и идей, содержащихся в ситуационной модели МФТ.

Данные сравнительного анализа лингвистических средств выдвижения конstituентов лингво-когнитивных моделей можно представить в виде таблицы.

Таблица 2

Средства лингвистической реализации конstituентов модели

	Уровни обучения		
Конституент	Elementary	Intermediate	Advanced
Participants Участники	имена собственные, личные местоимения, единицы лексико-семантической группы «Семья»		
		атрибуты, атрибутивные словосочетания	
Act Sequence Последовательность действий	Временные формы простого и длительного настоящего и прошедшего времен, простое будущее, оборот going to	видовременные формы активного и пассивного залогов	
			условные предложения
Setting and scene Место/Время	топонимы, локативная лексика, предложно-падежные словосочетания, темпоральные детерминанты		
		атрибутивные словосочетания, тематические цепочки слов, реалии	
Key Эмоционально-оценочный фон	прилагательные с положительной / отрицательной оценочной коннотацией, графические средства		
		риторические вопросы, сравнительные конструкции, метафоры, идиомы	

На основании проведенного исследования конstituентов лингво-когнитивных моделей малоформатных текстов учебного пособия «English Unlimited», можно сделать следующие выводы. Основными категориальными составляющими моделей всех этапов обучения являются конstituенты «Участники» и «Последовательность действий». В языковом плане компонент «Участники» выражается посредством личных местоимений первого лица единственного и множественного числа, а также имен собственных, называющих участников ситуации. К языковым средствам выдвижения конstituента «Последовательность действий» можно отнести глагольные лексемы, от семантического наполнения которых зависит статичность или динамичность описываемой ситуации, а также прагматическая интенция авторов представить ситуацию в контексте процессуальности или результативности. Использование различных видовременных форм в рамках выражения этой составляющей модели события позволяет авторам соотносить событие с прошлым либо с настоящим планом повествования.

Представленные в таблице 2 языковые средства позволяют сделать вывод о том, что с их помощью авторы акцентируют внимание обучаемых на конкретных составляющих лингво-когнитивной модели ситуации, и, таким образом, выдвигают их наиболее значимые, то есть доминантные. Мы можем сделать вывод о том, что на начальных ступенях обучения авторы выдвигают информацию о локативном и временном аспекте ситуационной модели в составляющей «Место / Время» за счет таких средств как топонимы, локативная лексика, предложно-падежные словосочетания, темпоральные детерминанты. Конкретное указание на положение в пространстве или перемещение участников становится содержательно-обусловленным, так как эти единицы вербализируют важнейшие мировоззренческие концепты «Пространство» и «Время», без которых человек не может в полной мере осмыслить окружающую действительность.

Анализ компонентов когнитивных моделей ситуаций на среднем и продвинутом этапах обучения показал, что на первый план выходит составляющая «Эмоционально-оценочный фон».

Она приобретает большую смысловую нагруженность за счет использования стилистически окрашенной лексики, идиом и сравнительных конструкций, а также морфологических и синтаксических стилистических средств и приемов, таких как метафора, риторические вопросы. Лексические средства выдвижения этого конституента обладают содержательно-подтекстовой информацией и лингвокультурной составляющей, что обуславливает актуализацию у обучающихся определенных фоновых знаний, а также фокусирует их внимание на тематике и проблематике отдельно взятого короткого текста. Языковая репрезентация данного конституента способствует реализации функции воздействия, апеллятивной функции и эмотивной функции. Таким образом, на более высоких этапах обучения английскому языку авторы стремятся представить предметно-референтную ситуацию наиболее полно, с субъективными и эмоционально-оценочными суждениями и включениями содержательно-подтекстовой информации, что способствует не только информативной функции, но и воздействию на целый спектр когнитивных процессов, которые активизируют фреймы и сценарии обучаемых и побуждают их к критическому мышлению посредством выделения доминантной составляющей.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / науч. ред. П. Е. Бухаркин. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 444 с.
2. Дейк Т. А. Ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Москва, 1988. С. 153–211.
3. Дейк Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
4. Доброва В. В. Моделирование как метод описания строения значения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2014. № 12. Ч. 2. С. 64–69.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 385 с.
6. Писарева А. Г. Доминантные конституенты ситуативной когнитивной модели в спортивном дискурсе (на материале англоязычных анонсов футбольных матчей) // Эволюция и трансформация дискурсов: сборник научных статей. 2020. Вып. 5. С. 85–92.
7. Писарева А. Г. Доминантный компонент «участники» в составе когнитивной модели спортивного события // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 131–139.
8. Сарайкина Ю. С. Динамика концептосферы «Education» в современном англоязычном образовательном дискурсе: на материале серии учебных пособий «OUTCOMES» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1. С. 169–172.
9. Хаймс Д. Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. 1975. Вып. VII. С. 42–95.
10. Шевченко В. Д. Теория интерференции дискурсов (на материале англоязычной публицистики). Самара : Изд-во «Самарский университет», 2010. 212 с.
11. Шевченко В. Д. Пространственная и хронологическая доминанты в дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 3(19). С. 44–53.
12. Шевченко В. Д., Шевченко Е. С. Аксиологическая доминанта в дискурсе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 5 (193). С. 27–30.
13. Шевченко В. Д. Дискурсивный мир интертекста // Миры дискурса: монография / С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко, Н. К. Данилова, Г. В. Кучумова; под общ. ред. Н. К. Даниловой. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2015. С. 79–116.
14. Шевченко В. Д., Томашчикова С. Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects. Самара : Самарский университет. 2021. 216 с.
15. Юсупова Т. С. Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра РАН. Выпуск «Педагогика и психология», «Филология и искусствоведение». Самара : Изд-во СамНЦ РАН. Том 11. Номер 4 (4). 2009. С. 1055–1058.
16. Dijk T. A. van. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London: Longman, 1977, 261 p.
17. Doff A., Goldstein B. English Unlimited Advanced Coursebook. Cambridge University Press. 2013. 160 p.
18. Kharkovskaya, A. A., Ponomarenko, E. V., & Radyuk A. V. Minitexts in modern educational discourse: Functions and trends // Training, Language and Culture. 2017. Vol. 1(1). P. 62–76.
19. Rea David, Clementson Theresa, Tilbury Alex. English Unlimited Elementary Coursebook. Cambridge University Press. 2012. 160 p.
20. Rea David, Clementson Theresa, Tilbury Alex. English Unlimited Intermediate Coursebook. Cambridge University Press. 2010. 166 p.

Reference list

1. Arnol'd I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' = Semantics. Stylistics. Intertextuality : sbornik statej / nauch. red. P. E. Buharkin. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. 444 s.
2. Dejck T. A. Van, Kinch V. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta = Strategies for understanding coherent text // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 23. Moskva, 1988. S. 153–211.

3. Dejk T. A. Van. Jazyk. Poznanie. Komunikacija = Language. Cognition. Communication. Blagoveshensk : BGK im. I.A. Bodujena de Kurtenje, 2000. 308 c.
4. Dobrova V. V. Modelirovanie kak metod opisaniya stroenija znachenija = Modeling as a method for describing the structure of meaning // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2014. № 12. Ch. 2. С. 64–69.
5. Karasik V. I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs = Linguistic circle: personality, concepts, discourse. Volgograd : Peremena, 2002. 385 s.
6. Pisareva A. G. Dominantnye konstituenty situativnoj kognitivnoj modeli v sportivnom diskurse (na materiale anglojazycznych anonsov futbol'nyh matchej) = Dominant constituents of situational cognitive model in sports discourse (based on soccer match announcements in English) // Jevoljucija i transformacija diskursov: sbornik nauchnyh statej. 2020. Vyp. 5. S. 85–92.
7. Pisareva A. G. Dominantnyj komponent «uchastniki» v sostave kognitivnoj modeli sportivnogo sobytija = The dominant component «participants» as part of the sporting event cognitive model // Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki. 2022. № 1. S. 131–139.
8. Sarajkina Ju. S. Dinamika konceptosfery «Education» v sovremennom anglojazychnom obrazovatel'nom diskurse: na materiale serii uchebnyh posobij «OUTCOMES» = Dynamics of the concept sphere «Education» in the modern English educational discourse: based on a series of textbooks «OUTCOMES» // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2015. T. 17, № 1. S. 169–172.
9. Hajms D. H. Jetnografija rechi = Speech ethnography // Novoe v lingvistike. 1975. Vyp. VII. S. 42–95.
10. Shevchenko V. D. Teorija interferencii diskursov (na materiale anglojazyčnoj publicistiki) = The theory of discourse interference (based on journalistic materials in English). Samara : Izd-vo «Samarskij universitet», 2010. 212 s.
11. Shevchenko V. D. Prostranstvennaja i hronologičeskaja dominanty v diskurse = Spatial and chronological dominance in discourse // Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki. 2015. № 3(19). S. 44–53.
12. Shevchenko V. D., Shevchenko E. S. Aksiologičeskaja dominanty v diskurse = Axiological dominance in discourse // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 5 (193). S. 27–30.
13. Shevchenko V. D. Diskursivnyj mir interteksta = Discursive world of intertext // Miry diskursa: monografija / S. I. Dubinin, V. D. Shevchenko, N. K. Danilova, G. V. Kuchumova; pod obshh. red. N. K. Danilovoj. Samara : Izd-vo «Samarskij universitet», 2015. S. 79–116.
14. Shevchenko V. D., Tomashchikova S. Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects. Samara : Samarskij universitet. 2021. 216 c.
15. Jusupova T. S. Strukturnye osobennosti voennogo diskursa = Structural specifics of military discourse // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Vypusk «Pedagogika i psihologija», «Filologija i iskusstvovedenie». Samara : Izd-vo SamNC RAN. Tom 11. Nomer 4 (4). 2009. S. 1055–1058.
16. Dijk T. A. van. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London: Longman, 1977. 261 p.
17. Doff A., Goldstein B. English Unlimited Advanced Coursebook. Cambridge University Press. 2013. 160 p.
18. Kharkovskaya, A. A., Ponomarenko, E. V., & Radyuk A. V. Minutexts in modern educational discourse: Functions and trends // Training, Language and Culture. 2017. Vol. 1(1). P. 62–76.
19. Rea David, Clementson Theresa, Tilbury Alex. English Unlimited Elementary Coursebook. Cambridge University Press. 2012. 160 p.
20. Rea David, Clementson Theresa, Tilbury Alex. English Unlimited Intermediate Coursebook. Cambridge University Press. 2010. 166 p.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 20.08.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 81.373.2

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_113

EDN: HPENHH

Топосы «ближний / дальний» в этнокультурном пространстве

Елена Федоровна Ковлакас

Кандидат филологических наук, заведующая кафедрой таможенного дела и международных отношений Новороссийского института, Московский гуманитарно-экономический университет. 353907, г. Новороссийск, ул. Видова, д. 56

amica.2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0655-3952>

Аннотация. В статье поднимается вопрос о концептуализации пространства с позиции «свой» / «чужой». Процесс коммуникации с представителями другой культуры стал для человека жизненным опытом и осознанием того, что в «другой культуре» присутствует иная система ценностей и норм поведения, которые могут отличаться от принятых в его родной («своей») культуре. Явления другой культуры часто не совпадают со своими, принятыми в «своей». Таким образом, понятие «культура» включает в себя «границу» восприятия, способа закрепления (кодирования / декодирования) и разграничения «своего» и «чужого». «Чужая» культура заставляет переживать неизвестные ранее эмоции. На первый взгляд, индивиду может показаться, что ценности, которые лежат в основе «его культуры», понятны другим людям. Но впоследствии можно обнаружить, что привычные модели поведения дифференцируют представителей разных культур, ставят между ними «границу». И эта граница, сначала невидимая, но потом все более осязаемая и понятная, позволяет разграничивать «своего» и «чужого».

На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что граница становится сама по себе особым механизмом, с помощью которого представляется возможность декодирования информации с языка семиосферы одной культуры на язык другой. Интерпретация системы смыслов чужой культуры, фиксация опыта ее носителей позволяет «перейти границу» и познать чужой, ранее неизвестный мир. Реальный мир, уже познанный, может дать новую информацию, переживания, изменить мировоззрение и расширить жизненный опыт.

Ключевые слова: концептуализация действительности; ближний и дальний топоры; картина мира; вербализация пространства; коммуникативная экстраполяция

Автор благодарит Адыгейский государственный университет (г. Майкоп) за помощь в формировании концепции исследования и сборе фактического материала; Финансовый университет при Правительстве РФ НФ (г. Новороссийск) за поддержку научного исследования

Для цитирования: Ковлакас Е. Ф. Топоры «ближний / дальний» в этнокультурном пространстве // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 113–122. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_113. <https://elibrary.ru/HPENHH>

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

«Near / Far» toposes in ethnic cultural space

Elena F. Kovlakas

Candidate of philological sciences, head of the department of customs and international relations at Novorossiysk institute, Moscow state university of humanities and economics. 353907, Novorossiysk, Vidov st., 56

amica.2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0655-3952>

Abstract. The article raises the question of conceptualizing space from the position of «own» / «alien». While communicating with representatives of another culture a person acquires life experience and realizes that «another culture» has a different system of values and norms of behavior that may differ from those adopted in the person's

native («own») culture. The phenomena of another culture often do not coincide with those adopted in «their own» culture. Thus, the concept of «culture» includes the «boundary» of perception, of the method of fixing (encoding / decoding) and distinguishing between «own» and «alien». «Alien» culture makes one experience emotions previously unknown. At first glance, one may think that the values underlying «his or her culture» are understandable to others, but later it can turn out that habitual patterns of behavior differentiate representatives of different cultures, and put a «boundary» between them. This boundary, invisible at first, but gradually becoming more and more tangible and clear, makes it possible to distinguish between «one's own» and «alien». On the basis of the conducted research, the author comes to the conclusion that the boundary becomes in itself a special mechanism by means of which it is possible to decode information from the semiosphere language of one culture into the language of another. Interpreting the foreign culture's system of meanings, fixing the experience of its bearers allows one to «cross the boundary» and cognize the alien, previously unknown world. The real world, already cognized, can provide new information and impressions, change worldviews, and broaden life experience.

Key words: conceptualization of reality; near and far toposes; picture of the world; verbalization of space; communicative extrapolation

The author thanks the Adyghe State University (Maykop) for assistance in forming the research concept and collecting factual material; Financial University under the Government of the Russian Federation NF (Novorossiysk) for support of scientific research

For citation: Kovlakas E. F. «Near / Far» toposes in ethnic cultural space. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):113–122. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_113. <https://elibrary.ru/HPENNH>

Введение

Оппозиция «свой vs. чужой» одними исследователями расценивается как многослойный концепт [Карасик, 2003]; [Степанов, 1997]; [Пудова, 2009]; [Сахно, 1991]; [Балашова, 2014]; [Чернобай, Мансурова, 2013]; другими – как лингвокультурологическая категория [Красильникова, 2005]; третьими – как когнитивная матрица [Нехорошева, 2012]; четвертыми – как дискурсивные маркеры в процессе формирования коллективной идентичности СМИ [Бойко, 2005].

Ряд ученых в этой оппозиции видят один из параметров вариативности языковой картины мира [Санцевич, 2003] или коммуникативную модель оппозиционного дискурса [обычно – политического: см., например, [Шейгал, 2004].

Данная оппозиция рассматривается как основа коммуникативной категории чуждости; как социальная оппозиция в политическом дискурсе [Королева, 2017].

Проблемное поле категоризации своего и чужого в языке и речи стало дискуссионным вопросом на международной конференции «Свое – чужое в языке и речи» 27–29 июня 2014 г., организованной кафедрой русского языка Тартуского университета.

Права немецкая исследовательница Андреа Вильден, утверждая, что картина мира, выстраиваемая любым этносом, предполагает построение собственной геометрии действительности, которую этнос по-своему оценивает и интерпретирует [Wilden, 2013, s. 49]. Это, безусловно, относится как к оценке территории, на которой этносы проживают, так и к оценке территории за ее

пределами. Подобное аксиологическое действие естественным образом подвергается семиотизации (означиванию) при помощи вербальных и невербальных знаков: происходит *лингвосемиотическая категоризация* мира двучастного – *мира своего и мира чужого / иного / другого*.

Территориальный фактор чрезвычайно значим при семиотизации своего и его когнитивного (семиотического, языкового и дискурсивного) отделения от чужого / иного / другого; данное обстоятельство фиксируется исследователями разных лингвокультур. М.Ю. Свинкина акцентирует внимание на том факте, что «одним из компонентов значения немецкого прилагательного *fremd* является указание на место, пространство (*fremde Länder* – чужие страны, *fremde Umgebung* – чужое окружение)» [Свинкина, 2016]. Сема локализации места, пространства содержится также и в значении английского прилагательного *foreign*, ср.: «*foreign*, adj. belonging to another country; from abroad: not belonging to...» [Chambers's Etymological Dictionary of the English Language, 1874]. По мнению В. А. Буряковской, «...культурологическая оппозиция 'свое – чужое' является базовой, архетипической во многих культурах. Этничность – один из вариантов ее реализации, которая происходит на уровне <...> локальности (городской vs. сельский, „наш двор” vs. „чужой двор”))» [Буряковская, 2000].

Методы исследования

В нашей работе мы опираемся на концепцию Ф. де Соссюра, который рассматривает знак и как психическую сущность – единство означающего

(significant) и означаемого (signified), и как семиотический механизм, связывающий понятие и акустический образ. Эти два компонента, связанные между собой и составляют знак: «...в языке невозможно изолировать звуковую сторону от содержательной, мысль отделить от звучания» [Соссюр, 1977]. Концепция построения знака, а применительно к нашему исследованию интерпретации знака, помогает раскрыть смысл, содержащийся в топонимах через его значение, главный признак (концепт) и его целостный нерасчлененный образ (денотат).

Свое исследование мы строим на синергетическом методе. Обращение к синергетическому методу в нашем исследовании обусловлено следующими положениями. Во-первых, предметом синергетики являются нештатные, неклассические ситуации, то есть процессы, в которых происходит структурирование в единое целое хаотично взаимодействующих элементов. Языковая система, не упорядоченная кем-то специально, обнаруживает внутри себя стройность, закономерность, способность к эволюции и жизнестойкость.

Во-вторых, категории синергетики позволяют проникнуть в смысл лексем и механизмов их порождения. Механизм смыслопорождения и смысловыражения в лексемах предстает как самостоятельная реальность, не претерпевающая в процессе развития значительных изменений.

В-третьих, на пересечении синергетики и лингвистики, с одной стороны, язык становится прообразом парадигмы открытой эволюционирующей системы, а с другой стороны, язык сам превращается в процесс, интерпретация которого двигает мысли в новом направлении. Методология синергетики включает в себе сумму принципов, среди которых принципы соответствия, дополненности, относительности, наблюдательности.

Одним из свойств самоорганизующейся системы, какой является языковая, следует назвать ее открытость к восприятию информации из внешнего мира. Языковая система постоянно испытывает флуктации, то есть использование лексем в речевом акте, отражающем изменение ментальности субъектов, участвующих в речевом акте. Внешние воздействия, или флуктации, частично нейтрализуются способностью языковой системы к диссипации – потере некоторой информации. Языковая система испытывает на себе воздействие культуры, что только укрепляет ее и делает устойчивой.

Синергетический подход позволил нам исследовать языковой материал с использованием научных достижений других наук. Некоторые исследователи объясняют необходимость синергетического подхода к изучению языка эволюцией лингвистики, ее интеграцией и междисциплинарными связями. Например, в концепции В. И. Постоваловой трансцендентально-синергетическая установка лингвокультурологии заключается в «продумывании концепции языка на духовной реальности и содержания понятия «духовная культура» [Постовалова 1999].

Результаты

Ближний топос любым этносом расценивается как нечто свое, комфортное, родное, доброе и доброжелательное. Семиотико-топографическое означивание ближнего топоса осуществляется номинациями обладания территорией, некоторым локусом; так, в русскоязычном этносе это словосочетания «своя земля», «своя страна», «свой хутор», «своя станица», «свой край», «свои шесть соток» и т.п. Факт обладания поддерживается в дискурсивных практиках позитивной семиотикой, ср. примеры:

«А своя земля, ребята, и в горсти дорога, и в щепоти родина» (Евгений Носов. «Усвятские шлемоносцы» (1977));

«Несколько раз повторит: – Своя земля и в горсти мила!» (В.А. Никифоров-Волгин. «Весенний хлеб» (1923-1938));

«Только свой народ, своя страна могут защитить и поддержать». (Валентин Лебедев: «Болит душа за родину» // «Жизнь национальностей», 2000.09.29);

«Зачем? У нас своя страна – Россия. И я хочу, чтобы она была страной, граждане которой ощущали бы себя ее хозяевами» (Безрукова Людмила соб. корр. «Труда». «Олег Басилашвили: играть Брежнева я отказался» // Труд-7, 2005.06.04);

«Две вещи, две радости были у Пахомовны – черная шаль и икона, только они и оставили память о родном углу и, глядя на них, Пахомовна всегда плакала, вспоминая, потонувший в крутых зеленях Терновой балки, свой хутор Пригорский» (Д. И. Воротынский. «Белая смерть» // «Вольное казачество» № 58, 1930);

«Сейчас спуск вниз, в лощину, откуда видно будет лишь Скуриху, а своя станица скроется, – лишь вербовые заросли будут до самой Скурихи провожать и порой выглянут из-за них»

главы церкви...» (Ф. Д. Крюков. Ратник // «Русские записки», 1915);

«Малый музей – это рассказ о малой родине, той, что снится при долгой разлуке, это гордость за **свой край**» (З. Короткова. «Тулский пряник // «Наука и жизнь», 2008);

«Люди любят (или не любят) **свой край** независимо от его благосостояния» (М. П. Крылов. «Региональная идентичность населения европейской России» (2008) // «Вестник РАН», 2009);

«Им оказалась местная жительница, влюбленная в **свой край**, шустрая и ходкая, несмотря на свои 74 года» (Арсентий Теркель. «Соловки и петроглифы» // «За рулем», 2004.03.15);

«Дело в том, что семейство Щикачевых неумными трудами тети Ани быстро освоило **свои шесть соток** и обзавелось дачей» (Николай Климонтович. «Далее – везде» (2001));

«Потом перенес всю энергию, знания и опыт на **свои шесть соток**» (Александрова Марина. «В Украине дольше всех живут китайцы» // Труд-7, 2001.09.20);

«Только получив какой-нибудь чин, пусть поручика, он уходил в отставку и уезжал в **свое поместье** (двор к тому времени превратился в наследственное имение – поместье)» (Валерий Лебедев. «Новая элита – спасение России» // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.26).

Для адыгского этноса ближний топос – это территория всей Адыгеи, но наиболее дорого сердцу адыга то место в республике, где он родился; та земля, о которой адыг может сказать: **Сэ си хэгъэгу** – своя (моя) земля. В качестве примера дискурсивной актуализации такого благоговейного отношения приведем текст песни «Си Шапсыгъэ Хэгъэгу» («Шапсугия моя») на стихи Аскера Нагучева и Хасана Аллало; перевод на русский язык выполнен Нафисет Тхаркаховой:

Непэ сызыфаер сэ сэжъугъаш!
Шапсыгъэ пшъашгэм сыкыдежъугъаш!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкыбдешIэрагъу!

Чылэ джэгуако, моу зэ къэдагу,
Iэгуи зэфакIур сэ кысфежъугъагу!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкыбдешIэрагъу!

Пщынаом пщынэр егъэкIэракI...
Шапсыгъэм непэ сэ сырихъакI!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкыбдешIэрагъу!

Хэшгъэ пхъэкIыкIэ макъ зыхэсэхы,
Саламы фаб чылэдэхсэм ясэхы...
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкыбдешIэрагъу!

Цыфэу къэкIуагъэр рагъэблагъэшт,
ЛэпсымкIэ, пластэмкIэ ягъахъакIэшт!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкыбдешIэрагъу!

Жъуагъохэр быракъым тетыхэр мэжъу...
Сэ си орэды шъукыздежъу!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкыбдешIэрагъу!

Псыбэ щыублэу ШэхэкIэй нэс
Мыщ исыхэмкIэ ты Чэркэс!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкыбдешIэрагъу!
Хы ШүцIэ нэпкырт тэ тичIыгуж:
Шапсыгъэ лъэпкъым ар ихэкуж!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкыбдешIэрагъу!

(См. текст на сайте <https://www.facebook.com/anadilimadigabze/>)

Обратим внимание на семиозис подчеркнутой привязанности адыга к родине, к месту своего рождения. Эта привязанность художественно оформлена в следующем переводе:

Позвольте мне сегодня сделать то, что хочу: Станцевать с дочерью Шапсугов! Сегодняшний вечер – вечер прекрасный, Я танцую с тобой! Джегуако, послушай, Сыграй мне зафак «Агуйский». Сегодняшний вечер – вечер прекрасный, Я танцую с тобой! Гармонь заливаётся в руках искусного гар- мониста, Сегодня я гость Шап- сугии. Сегодняшний вечер – вечер прекрасный, Я танцую с тобой! Слышу звон самшито-	Встречают здесь всех гостей Шипс-пастой! Сегодняшний вечер – вечер прекрасный, Я танцую с тобой! Звезды на флаге свер- кают, Подыграйте мо- ей песне! Сегодняшний вечер – вечер прекрасный, Я танцую с тобой! Начиная с Псебая и до долины Шахе Проживают здесь Черкесы! Сегодняшний вечер – вечер прекрасный, Я танцую с тобой! Побережье Чёрного моря наша исконная земля! Это земля Шапсугов!
---	---

вых трещоток, Горячо
приветствую всех
аульчан,
Сегодняшний вечер –
вечер прекрасный,
Я танцую с тобой!

Сегодняшний вечер –
вечер прекрасный,
Я танцую с тобой!

Дальний топос этносы обычно лингвосемиотически репрезентируют как чужую или чужеродную территорию, населенную чужими и, как правило, враждебными сущностями (людьми, животными, «бестиями», насекомыми и т. п.), заросшую незнакомыми и, как правило, несъедобными / ядовитыми растениями. Так, русскоязычный этнос оязыковляет такой топос лексемами *чужие края, чужеземщина, чужбина*; словосочетаниями *чужая страна, чужая сторона, чужие владения, в чужих землях, чужие земли, чужие страны, чужие народы, чужое государство, чужая территория, чужое племя*.

Чужак как пришелец из дальнего топоса таил в себе опасности, угрозу, беспокойство, но по законам гостеприимства его следовало задобрить; как пишет Г. И. Кабакова, «...ритуалы гостеприимства были направлены на то, чтобы нейтрализовать его (гостя – Е. К.) вредоносное влияние» [Кабакова, 2015].

Е. С. Пивовар проанализировал языки на материале русской и белорусской художественных литератур и сделал вывод о пространственном разделении на «свое» и «чужое», «...причем „своя“ – это чаще родной дом, а „чужая“ – территория за границами дома, родной деревни (города, страны) <...> Оппозицией родине как освоенной территории, в пространственном отношении выступает чужбина (бел. яз. – чужына). В большинстве художественных текстов она ассоциируется с холодом, отсутствием уюта, одиночеством: бел. яз. «*Не мяняй свой куток на прастору чужую, / У прасторы чужой птушка гнёзды не ўе*» (перевод на рус. – «Не меняй свой уголок на чужое пространство – в просторе чужом птица гнёзд не вьет») (Р. Бородулин) [Пивовар, 2019].

Враждебность по отношению к чужеземцам – представителям дальнего топоса, как констатирует классик этнологии и этнографии Дж. Дж. Фрэзер, – семиотизирована во всех древних ритуалах и обрядах; это касалось как семиотики встречи (ср.: «Знатокам древности знаком кровавый ритуал, который предание связывает с Дианой Таврической. Оно гласит: каждый *чужестранец*, который высаживается на берег, при-

носится в жертву на ее алтаре» [Фрэзер, 2018], так и семиотики рутинных хлебобродных ритуалов, направленных на обеспечение богатого урожая («Лицом, которое в качестве представителя духа хлеба убивали на поле жатвы, мог, следовательно, быть ...прохожий *чужестранец*» [Фрэзер, 2018]).

Достаточная когнитивная освоенность дальнего топоса русскоязычным этносом просматривается в обилии признаков номинаций, ср.: а) с основой *чуж-* (*чужак, чужой, чужестранный, чужеземный, чуждый*); б) с префиксом *за-*, имеющим значение «нахождение по ту сторону или за пределами того, что названо исходным словом» (*заморский, заграничный, зарубежный, закордонный, заезжий*); в) с приставкой *ино-* со значением «другой, не тот, не такой, отличающийся от» (*иноплеменный, иностранный, иногородний, иноземный*); г) с приставкой *при-* со значением «прибытие из отдаленных мест» (*приезжий, пришлый, привозной*).

Дальний топос обычно враждебен, что фиксируется агональными знаками (*басурманское нашествие, иноземные захватчики, иностранные захватчики, иноземные завоеватели, иноземное нашествие, иноземное вторжение, иноземное иго*).

«Отграничивание» своего (ближнего) топоса от топоса чужого (дальнего) примерно одинаково у всех этносов; так, для дискурсивных практик русскоязычных этносов характерно использование *знаков-минасонимов* (от лат. *minas* – угроза, зло) при номинировании чужой земли, страны, пространства и т.п., ср.:

«*Чужая земля, чужое небо, смерть на всем*» (А. Н. Толстой. «Петр Первый. Книга первая» (1930));

«Здесь себя чувствуешь, как на другой планете – *чужая земля, чужая война, чужие законы*» («732 кровавых дня. Два года назад Борис Ельцин дал отмашку новой войне» // «Известия», 2001.09.23);

«*А вся остальная не его, чужая земля и злая*» (М. П. Лоскутов, (1935);

«*А что такое чужая земля, тот до конца своих дней не забудет, кто хоть раз попробовал хлеба из милости, из чужих рук*» (Василь Быков. «Знак беды» (1982));

«*Чужая обстановка, чужая земля и чужие растения на ней стали вызывать у отца горькую тоску по далекой России*» (К. А. Куприна. «Куприн – мой отец» (1979));

«Вокруг была **чужая земля**, холодно...» («Год победы» // «Огонек». № 1, 1970);

«Я присел и чуть не упал. По ту сторону расстилалась **чужая земля**! Не то чтобы какая-то деталь говорила об этом – нет, здесь все было совершенно нечеловеческое» (Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. «Посмотри в глаза чудовищ» (1996));

«Но то **чужая земля**, могут меня ограбить: и у нас по дороге моего солдата убили разбойники; дай мне конный отряд провожатых» (Владимир Жаботинский. «Самсон Назорей» (1916));

«Тут для меня все вокруг было пусто: **чужие люди, чужие огороды, чужая земля**» (Валентин Распутин. «Уроки французского» (1973)).

Как свидетельствуют приведенные примеры, помимо того, что в самой лексеме ‘чужой’ семиотизирована идея угрозы и опасности, дискурсивный контекст пронизан минасонимами – ‘смерть’, ‘война’, ‘(несправедливые) законы’, ‘хлеб из милости’, ‘нечеловеческое’, ‘могут ограбить’, ‘убили разбойники’.

Судя по дискурсивному окружению, дальний топос в представлении русскоязычного этноса может быть привлекательным и манящим, ср.:

*Новозеландец не пожелал отсиживаться дома, периодически выигрывая у слабых соперников в местечковых боях, а отправился на **чужбину** за славой* (Ринат Салахетдинов. «Пробил выезд» // lenta.ru, 2018.03.31);

«...Хотите терпеть – оставайтесь вовне, на верном диване, на сытной **чужбине**, учитесь терпеть до скончания лет, в зловонном туманце, в распутице серой, и помните твердо, что выхода нет» (Дмитрий Быков // «Новая газета», 2018.08.18).

Однако, главным образом, чужой дальний топос для русских опасен, сложен для жизни и непредсказуем, о чем свидетельствует дискурсивный контекст, ср.:

«Пришлось пожертвовать прядью волос и дать клятву остерегаться чужаков, ни с кем из них не говорить о том, что происходит внутри общины на **чужбине**» (Сергей Лютых. «Действовали дерзкие черные парни» // lenta.ru, 2018.02.25);

«Салах с трудом осваивался на **чужбине** – даже несмотря на то, что в клуб привезли еще одного египетского игрока из того же «Контракторс» – Мохамеда Эль-Ненни» (Николай Костюков. «Египетская сила» // lenta.ru, 2018.03.23);

«...Отъезд на **чужбину** не гарантирует хорошей жизни» (Андрей Манчук, украинский политолог. «Грязная работа» // lenta.ru, 2017.12.22).

Дальний топос также достаточно когнитивно освоен и адыгоязычным этносом: отметим такие номинации со значением отчужденности, как **хымэ члыгу**, **хымэ хэгъэгу** – чужая земля, чужая территория; **нэмыкI / нэмыкI члыгу** – другая / иная / далёкая земля; **хымэ, тиен** – чужой, не наш; **хымэ хэгъэгум кIон** – уехать за границу.

Паремиологические максимы адыгов весьма патриотичны; они противопоставляют предпочтительную смерть на Родине благоденствию в чужих землях (ср.: «**Хымэ хэку сыщитхээн нахы тыхэкужэ сыщэрэлI**» – «Лучше мне смерть в отчем краю, чем сладкая жизнь на чужбине») [Керашев, 2007]. Для адыга чужбина всегда холодна (ср.: «**Хэку зымыIэм тыди чыIэу кыщэху**» – «У кого нет Родины, тому кажется везде холодно») [Керашев, 2007]. Весь мир – чужбина для адыга, временное пристанище; только дом для него есть место постоянного пребывания (ср.: «**Хэгъэгу кэкIуахыи уиунэ ихъажэ**» – «Обойди весь свет и вернись в родной дом») [Керашев, 2007]. Чужбина опустошает силу духа адыга, заставляет пасть духом и искать пути отхода (ср.: «**ЗымыцI ис цауэр убзалэци, бланэм шэр техуэмэ, псыхъуажэци**» – «Юноша, находящийся на чужбине, робок, как лань, в которую угодила стрела, гораздо уходит в речную долину») [АПП, 2016].

Как ближний, так и дальний топосы когнитивно осваиваются этносами, семиотизируются – оязыковываются, то есть получают языковое выражение при помощи вербальных знаков; означиваются, то есть получают сугубо знаковое выражение при помощи знаков-невербалий и транслируются в цивилизованный мир культурологически, в виде знаков культуры. Эти когнитивно-семиотические трансляционные операции формируют у представителей того или иного этноса разные типы картин мира – когнитивную, лингвoseмиотическую и цивилизационную (лингвокультурную).

Каждый этнос имеет свой ближний топос, репрезентирующий ‘свою землю’. Под топосами понимается смыслообразующее пространство и способ его репрезентации в слове, то есть пространственные образы.

Ближние топосы разных этносов достаточно подробно подвергнуты лингвокультурологическому исследованию. Например, ближний топос адыгов – горная природа и соответствующий

ландшафт – оказали особое влияние на кристаллизацию этой специфичной культуры. Семиотика степи ('ближний топос' – 'своя земля') представлена:

– как территория укрытия от царского режима и проживания казаков – терских [Заседателева, 1974];

– как территория фронта – защиты от воинственного мусульманского мира, освоенная кубанскими казаками [Сень, 2009].

У казаков часто ближним топосом ('своей землей') оказывалась территория базового промысла как основного средства существования. Так, у гребенских казаков, проживавших на берегах Каспия и в устье реки Терек жизнеобеспечение осуществлялось исключительно за счет рыболовного промысла (см. по этому поводу исследование Н. Н. Гаруновой [Гарунова, 2018]).

Ближний топос сада репрезентирует свою землю у многих этносов; садово-парковая семиотика изучалась на примере британских, немецких, французских, индийских, итальянских, китайских и японских садов; ближний топос сада и парка у российских дворян XIX века – в фокусе исследования vyjub[extys]. Сады и парки как архетипические ближние топосы в видении героев произведений А. П. Чехова изучались венгерским филологом Золтаном Хайнади [Хайнади 2004].

Ближним топосом ('своей землей') русской аристократии и элиты XIII–XX столетий являлась дача. Как резюмирует И. А. Левченко, исследовательница концепта «Дача», «...дача как концепт хабитата русской аристократии и элиты XVIII–XIX вв. есть не что иное, как феномен русской культуры и неотъемлемый компонент русской национальной языковой картины мира означенного исторического периода. С течением времени семиотическая среда актуализации данного концепта, в веках совпадавшая с семиотикой концептов «Поместье», «Усадьба», «Мыза» и «Имение» как номинаторов расположения власти к своим подданным (дарение в XVIII – начале XIX в.), значительно упростилась (аренда загородных домов в конце XIX в.) и трансформировалась в место для отдыха для горожан, выделяемых властью (СССР), а затем приобретаемых как недвижимость (Россия)» [Левченко, 2018].

Заключение

Исследуя различные этнолингвокультуры в вопросе о формировании пространственных представлений, мы пришли к выводу: **простран-**

ственные представления этносов складываются, пройдя три этапа.

Этап 1.

Как правило, в ходе исторического развития этнос формирует в своем сознании образ земли как обетованного места, территории, пригодной для проживания, но дарованной Богом или богами; как способа выживания людей, концептуализированного менталитетом представителей этноса из образа территории проживания.

Этап 2.

Этот образ земли когнитивно осваивался и наделялся статусом концепта, которому присваивалось имя (например, русское – «Земля»; греческое – «Γη»; латинское – «Terra»; нидерландское – «Land»; датское – «Jorden»; исландское – «Ríki»; немецкое – «Boden» и т. д.).

Этап 3.

По мере укрепления государств и с формированием кодексов законов представления о земле институционализировались, юридически закрепились в виде представлений о земле как объекте коллективной и индивидуальной собственности.

Практически каждый этнос в собственном менталитете фиксирует **вертикальную** и **горизонтальную проекции мира**, три уровня мироздания – **верхний, срединный и нижний**.

Верхний мир – «божья юдоль», место, где живут боги, птицы и фантастические создания; нижний мир – место упокоения усопших предков и хтонических существ, олицетворявших собой дикую природную мощь земли; звероподобных существ, наделенных сверхъестественными способностями, такими как оборотничество.

Средний или срединный мир – та самая земля («своя земля»), которая отведена для бытования людей, животных и растений. Так, для англосаксов своя земля – «комфортный топос, защищенный богами неба как «крыши народов»» (*folca hrofes*) [Янушкевич, 2009]. Как аргументированно отмечает Е. А. Самохина, следуя позиции Е. Г. Бруновой и И. Ф. Янушкевич, «ценность концепта land семантически рефлексирована в вербализирующей его лексеме позитивно, как 'свое благоприятное пространство': для англосаксов оно просторно (*rūme land, side and wide*), состоит из прекрасных равнин (*wlítebeorhtne wang*), ярко освещенных и зеленых от сочной травы (*leoht, scíman*). Земля – это широкие уголья (*wíðlond*), упорядоченные и пригодные для эффективного хозяйствования из-за наличия дог (*wegas nytte*)» [Самохина, 2010].

Человек, как свидетельствует З.Ж. Кудева, известный знаток семиотики адыгской мифологии, в характерной для адыгского этноса модели ментальной экспликации пространства в его трехуровневой вертикальной структуризации («верхний», «срединный» и «нижний» миры) занимает срединный мир вместе с животными и растениями [Кудева, 2008].

Этого мнения придерживается и Ф. М. Таказов, утверждая, что «...пространственная модель мира осетинской мифологической системы включает «горизонтальную» и «вертикальную» проекции <...> Горизонтальная проекция антропоцентрична» [Таказов, 2012].

Своя и чужая земля, подвергаясь концептуализации, в пространственном этносемиозисе непременно предполагает наличие границы.

Библиографический список

1. Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антологический свод адыгского фольклора / сост. Л. А. Гутова. Нальчик : Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. 364 с.
2. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой – чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика 1 (47) 2014. С. 40–50.
3. Бойко М. А. Роль дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» в процессе формирования коллективной идентичности СМН // Политическая лингвистика. 2005. № 17. С. 163–178.
4. Буряковская В. А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков). Волгоград, 2000. URL: <http://31f.ru/dissertation/100-dissertaciya-priznaketnichnosti-v-semantike-yazyka.html> (дата обращения: 09.02.2022).
5. Гарунова Н. Н. Рыба и продукты рыболовства в системе жизнеобеспечения и традиционной кухне жителей низовий Терека в XVIII–XIX вв. // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Том 33. Вып. 1. С. 39–44.
6. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки : монография. Москва : МГУ, 1974. 421 с.
7. Кабакова Г. И. Русские традиции застолья и гостеприимства. Москва : ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2015. 464 с.
8. Карасик В. И. Архетипические концепты в общении // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003. С. 39.
9. Керашев Т. М. Избранное / предисловие У. М. Панеша. Изд 2-е. Майкоп : Адыгейское респ. кн. изд-во, 2007. 589 с.
10. Ковлакас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты : монография. Краснодар : КубГУ, 2008. 250 с.
11. Королева Т. А. Лингвистические средства реализации социальной оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. С. 85–88.
12. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории свои – чужие в экологическом дискурсе США, России и Англии. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2005.
13. Кудева З. Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. Нальчик : Эльбрус, 2008. 293 с.
14. Левченко И. А. Семиотика дачи как концепта хабитата русской аристократии и элиты XVIII–XIX столетий: предметные, образные и ценностные характеристики // Известия ВГПУ. Филологические науки. Языкознание. №9 (132). 2018. С. 147–155.
15. Нехорошева А. М. Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой – чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 140–145.
16. Пивовар Е. С. Ключевые ментальные сущности в белорусской и русской художественных концептосферах // Язык как зеркало культуры: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора М. В. Пименовой. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2019. 336 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 24). С. 127–134.
17. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Москва, 1988.
18. Пудова Е. А. Концепт «Чужие» как базовый концепт политического дискурса «Объединение Германии» // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 96. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-chuzhie-kak-bazovyy-kontsept-politicheskogo-diskursa-obedinenie-germanii#ixzz2lMcM56Dc>. (дата обращения: 09.02.2022).
19. Самохина Е. А. Паремнологическая репрезентация концепта «land» в англоязычной лингвокультуре. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paremiologicheskaya-reprezentatsiya-kontsepta-land-v-angloyazychnoy-lingvokulture> (дата обращения: 09.02.2022).
20. Санцевич Н. А. Различия метафорических моделей и оппозиция «свой – чужой» в немецкой периодической печати как один из параметров вариативности языковой картины мира // Политическая лингвистика. 2003. № 11. С. 171–192.
21. Сахно С. Л. Свое и чужое в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва : Наука, 1991. С. 95–101.
22. Свинкина М. Ю. Градуальная оппозиция «свой – иной, другой, чужой» в русском и немецком языках // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 94–105.
23. Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина

XVII – начало XVIII). Ростов-на-Дону : изд-во Южно-го федерального университета, 2009. 280 с.

24. Синельникова Л. Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 34–39.

25. Степанов Ю. С. Словарь русской культуры. Москва : Языки русской культуры, 1997.

26. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. Москва, 1977.

27. Таказов Ф. М. Архетипы модели мира в мифологии осетин // Фундаментальные исследования. 2012. № 11-6. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30832> (дата обращения: 23.07.2020).

28. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Москва : Политиздат, 2018. 551 с.

29. Хайнади З. Архетипический тоpos // Литература. № 29. 2004. С. 7.

30. Чернобай С. Е., Мансурова А. В. Семантические особенности фразеологических единиц, вербализующих концепты «свой – чужой» в английском языке. Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013. С. 331–336.

31. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва : Гнозис, 2004. 370 с.

32. Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое – чужое в языке и речи / отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2016. 356 с.

33. Chambers's Etymological Dictionary of the English Language. W. & R. Chambers London and Edinburgh, 1874. 612p.

34. Wilden A. Die Konstruktion von Fremdheit: eine Interaktionistisch-Konstruktivistische Perspektive. Münster : Waxmann Publisching, 2013. 300 s.

Reference list

1. Adygskie poslovicy i pogovorki (s ih tolkovaniyami). Antologicheskij svod adygskogo fol'klora = Adyghe proverbs and sayings (with their interpretations). Anthological corpus of Adyghe folklore / sost. L. A. Gutova. Nal'chik : Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2016. 364 с.

2. Balashova L. V. Realizacija konceptov «svoj – chuzhoj» v rossijskom politicheskom diskurse nachala XXI v. = Realization of the concepts «friend – foe» in the Russian political discourse in the early XXI century // Politicheskaja lingvistika 1 (47) 2014. S. 40–50.

3. Bojko M. A. Rol' diskursivnyh faktorov «svoj», «chuzhoj», «drugoj» v processe formirovanija kollektivnoj identichnosti SMI = The role of discursive factors «friend», «foe», «the other» in forming collective media identity // Politicheskaja lingvistika. 2005. № 17. S. 163–178.

4. Burjakovskaja V. A. Priznak jetnichnosti v semantike jazyka (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) = The sign of ethnicity in language semantics (based on the Russian and English languages). Volgograd, 2000. URL: [http://31f.ru/dissertation/100-dissertacija-](http://31f.ru/dissertation/100-dissertacija-priznaketnichnosti-v-semantike-jazyka.html)

[priznaketnichnosti-v-semantike-jazyka.html](http://31f.ru/dissertation/100-dissertacija-priznaketnichnosti-v-semantike-jazyka.html) (data obrashhenija: 09.02.2022).

5. Garunova N. N. Ryba i produkty rybolovstva v sisteme zhizneobespechenija i tradicionnoj kuhne zhitelej nizovij Tereka v XVIII–XIX vv. = Fish and fishery products in the subsistence system and traditional cuisine of the lower Terek inhabitants in the XVIII–XIX centuries // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki. 2018. Tom 33. Vyp. 1. S. 39–44.

6. Zasedateleva L. B. Terskie kazaki (seredina XVI – nachalo XX v.). Istoriko-jetnograficheskie ocherki = Terek Cossacks (mid XVI – early XX c.). Historical and ethnographic essays : monografija. Moskva : MGU, 1974. 421 s.

7. Kabakova G. I. Russkie tradicii zastol'ja i gostepriimstva = Russian feasting and hospitality traditions. Moskva : FORUM: NEOLIT, 2015. 464 с.

8. Karasik V. I. Arhetipicheskie koncepty v obshhenii = Archetypal concepts in communication // Prjamaja i neprjamaja kommunikacija. Saratov, 2003. С. 39.

9. Kerashev T. M. Izbrannoe = Selected works / Predislovie U. M. Panesha. Izd 2-e. Majkop : Adygejskoe resp. kn. izd-vo, 2007. 589 s.

10. Kovlakas E. F. Osobennosti formirovanija toponimicheskoy kartiny mira: leksiko-pragmaticheskij i jetnokul'turnyj aspekty = Specifics of toponymic world picture formation: lexical, pragmatic and ethnocultural aspects : monografija. Krasnodar : KubGU, 2008. 250 s.

11. Koroleva T. A. Lingvisticheskie sredstva realizacii social'noj oppozicii «svoj – chuzhoj» v politicheskom diskurse = Linguistic means of expressing social opposition «friend – foe» in political discourse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2017. № 5(71): v 3-h ch. Ch. 2. С. 85–88.

12. Krasil'nikova N. A. Metaforicheskaja reprezentacija lingvokul'turologicheskoy kategorii svoi – chuzhie v jekologicheskom diskurse SShA, Rossii i Anglii = Metaphorical representation of the linguocultural category of friends – foes in the ecological discourse of the USA, Russia and England. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t., 2005.

13. Kudaeva Z. Zh. Mifopojeticheskaja model' adygskoj slovesnoj kul'tury = Mythopoetic model of Adyghe verbal culture. Nal'chik : Jel'brus, 2008. 293 s.

14. Levchenko I. A. Semiotika dachi kak koncepta habitata russkoj aristokratii i jelity XVIII–XIX stoletij: predmetnye, obraznye i cennostnye harakteristiki = Semiotics of dacha as a concept of habitat for XVIII–XIX cc Russian aristocracy and elite: subject, image and value characteristics // Izvestija VGPU. Filologicheskie nauki. Jazykoznanie. №9 (132). 2018. S. 147–155.

15. Nehorosheva A. M. Mehanizmy formirovanija kognitivnoj matricy «svoj – chuzhoj» v nemeckom politicheskom diskurse (na primere vystupenij Angely Merkel) = Formation mechanisms of the cognitive matrix «friend – foe» in German political discourse (based on Angela Merkel's speeches) // Politicheskaja lingvistika. 2012. № 2 (40). S. 140–145

16. Pivovarov E. S. Ključevye mental'nye sushnosti v belorusskoj i russkoj hudozhestvennyh konceptosferah = Key mental entities in Belarusian and Russian artistic concept spheres // Jazyk kak zerkalo kul'tury: sbornik nauchnyh statej k jubileju doktora filologičeskich nauk, professora M.V. Pimenovoj. Sankt-Peterburg : SPbGJeU, 2019. 336 s. (Serija «Konceptual'nye issledovanija». Vyp. 24). S. 127–134.
17. Postovalova V. I. Kartina mira v zhiznedejatel'nosti cheloveka = The worldview in human activities // Rol' chelovečeskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira. Moskva, 1988.
18. Pudova E. A. Koncept «Chuzhie» kak bazovyj koncept političeskogo diskursa «Ob#edinenie Germanii» = The concept «Strangers» as a basic concept in the political discourse «Unification of Germany» // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena. 2009. Vyp. 96. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-chuzhie-kak-bazovyj-kontsept-politicheskogo-diskursa-obedinenie-germanii#ixzz2lMcM56Dc>. (data obrashhenija: 09.02.2022).
19. Samohina E. A. Paremiologičeskaja reprezentacija koncepta «land» v anglojazyčnoj lingvokul'ture = Paremiological representation of the concept «land» in English linguistic culture. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paremiologičeskaja-reprezentatsiya-kontsepta-land-v-anglojazyčnoj-lingvokul'ture> (data obrashhenija: 09.02.2022).
20. Sancevich N. A. Različie metaforičeskich modelj i oppozicija «svoj – chuzhoj» v nemeckoj periodičeskoj pečati kak odin iz parametrov variativnosti jazykovoj kartiny mira = Difference between metaphorical models and the opposition «friend – foe» in German periodicals as an aspect of the linguistic worldview variability // Politicheskaja lingvistika. 2003. № 11. S. 171–192.
21. Sahn S. L. Svoe i chuzhoe v konceptual'nyh strukturah = One's own and alien in conceptual structures // Logičeskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty. Moskva : Nauka, 1991. S. 95–101.
22. Svinkina M. Ju. Gradual'naja oppozicija «svoj – inoj, drugoj, chuzhoj» v russkom i nemeckom jazykah = Gradual opposition «one's own – alien, the other, stranger» in Russian and German languages // Nauchnyj dialog. 2016. № 6 (54). S. 94–105.
23. Sen' D. V. Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnošenijah s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ja (vtoraja polovina XVII – nachalo XVIII) = Cossacks of the Don and North-West Caucasus in relations with the Muslim states of the Black Sea region (second half of XVII – beginning of XVIII cc). Rostov-na-Donu : izd-vo Južnogo federal'nogo universiteta, 2009. 280 s.
24. Sinel'nikova L. N. Kommunikativnye modeli oppozicionnogo političeskogo diskursa = Communicative models of oppositional political discourse // Politicheskaja lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 34–39.
25. Stepanov Ju. S. Slovar' russkoj kul'tury = Dictionary of the Russian culture. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1997.
26. Sossjur F. de Kurs obshhej lingvistiki = The general linguistics course // Trudy po jazykoznaniju. Moskva, 1977.
27. Takazov F. M. Arhetipy modeli mira v mifologii osetin = Archetypes of the world model in Ossetian mythology // Fundamental'nye issledovanija. 2012. № 11-6. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30832> (data obrashhenija: 23.07.2020).
28. Frjezer Dzh. Dzh. Zolotaja vetv'. Issledovanie magii i religii = The golden branch. A study of magic and religion. Moskva : Politizdat, 2018. 551 s.
29. Hajnadi Z. Arhetipičeskij topos = Archetypal topos // Literatura. № 29. 2004. S. 7.
30. Chernobaj S. E., Mansurova A. V. Semantičeskije osobennosti frazeologičeskich edinic, verbalizirujuščih koncepty «svoj – chuzhoj» v anglijskom jazyke = Semantic features of phraseological units verbalizing the concepts «friend – foe» in the English language // Učenie zapiski Tavričeskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernad'skogo. Serija «Filologija. Social'nye kommunikacii». Tom 26 (65), № 2. 2013. S. 331–336.
31. Shejgal E. I. Semiotika političeskogo diskursa. = Political discourse semiotics. Moskva : Gnozis, 2004. 370 s.
32. Acta Slavica Estonica VIII. Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. Lingvistika XVII. Svoe – chuzhoe v jazyke i reči = Works on Russian and Slavic philology. The XVII century linguistics. One's own – alien in language and speech / otv. red. I. P. Kjul'moja. Tartu, 2016. 356 s.
33. Chambers's Etymological Dictionary of the English Language. W. & R. Chambers London and Edinburgh, 1874. 612r.
34. Wilden A. Die Konstruktion von Fremdheit: eine Interaktionistisch-Konstruktivistische Perspektive. Münster : Waxmann Publishing, 2013. 300 s.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 15.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 81.22

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_123

EDN: HSSWAA

Принципы номинации в обозначениях времени (на материале славянских языков)

Михаил Михайлович Кондратенко

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН. 199004, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

mmkondratenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8777-541X>

Аннотация. Обозначения времени составляют важную часть словарного состава языка. Значение этого лексического пласта определяется не только его количественными, но и качественными параметрами, в первую очередь – функцией репрезентанта особенностей традиционной духовной культуры. Одной из существенных характеристик обозначений времени является семантическая мотивация наименований, или принципы номинации. Те признаки, которые положены говорящим в основу обозначения понятия, с точки зрения экстралингвистической, раскрывают особенности мировосприятия носителей языка; в лингвистике их анализ имеет большое значение для семантической типологии. Как показывает материал исследования, принципы номинации связаны с особенностями языковой сегментации временного пространства. Общим для разных языков оказывается обозначение времени как родового понятия и его связи с физическим пространством; прошлого, настоящего и будущего; периодов и этапов трудовой деятельности человека, фенологических сезонов как ориентиров на временной оси; а также различных периодов астрономического года и частей суток. Родовое понятие «время» может быть представлено как вечность, столетие или срок жизни человека. Характерной особенностью обозначений прошлого является его мотивация первичностью, своеобразным положением впереди точки отсчета времени, совпадающей с моментом речи или иной актуализацией. Несоблюдение сроков, установленных для выполнения какого-либо вида деятельности человека, рассматривается в лексике народных говоров как нахождение вне времени, как его утрата. Еще одним универсальным принципом номинации времени является использование пространственных характеристик, относящихся изначально к физическим объектам. Особенно многообразны, с точки зрения особенностей семантической мотивации, номинации такого времени суток, как утро.

Ключевые слова: славянская диалектология; диалектная лексикография; обозначения времени; принципы номинации; семантическая типология

Для цитирования: Кондратенко М. М. Принципы номинации в обозначениях времени (на материале славянских языков) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 123–129. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_123. <https://elibrary.ru/HSSWAA>

Original article

Nomination principles in designating time (using the material of slavic languages)

Mikhail M. Kondratenko

Candidate of philological sciences, senior researcher, Institute for linguistic studies, Russian academy of sciences. 199004, St. Petersburg, Tuchkov lane, 9

mmkondratenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8777-541X>

Abstract. Time designations form an important part of the language vocabulary. The meaning of this lexical layer is determined not only by its quantitative composition, but also by qualitative parameters, primarily by its function as a representative of traditional spiritual culture. One of the essential characteristics of time designations is the semantic motivation of the names, or the principles of nomination. Those signs, which are put by the speaker as a basis for designating a concept, from the extralinguistic point of view, reveal the peculiarities of native speakers' worldview; for linguistics, their analysis is of great importance for semantic typology. As the research shows, nomination principles are related to specific linguistic segmentation of the time space. Common to different languages is the designation of time as a generic concept and its connection with physical space; past, present and future; periods and stages of human labor activity, phenological seasons as reference points on the time axis; as well as different periods of the astronomical year

and parts of the day. The generic concept of «time» can be represented as eternity, a century, or a human lifetime. A characteristic feature of designating the past is its motivation by its primacy, its specific position ahead of the point of time reference, coinciding with the moment of speech or other actualization. Failure to meet the deadlines set for performing some kind of human activity is regarded in the folklore lexicon as being outside time, as its loss. Another universal principle of time nomination is the use of spatial characteristics originally related to physical objects. In terms of semantic motivation, the nominations of such a time of day as morning are especially diverse.

Key words: slavic dialectology; dialect lexicography; designations of time; nomination principles; semantic

For citation: Kondratenko M. M. Nomination principles in designating time (using the material of slavic languages). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):123–129. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_123. <https://elibrary.ru/HSSWAA>

Постановка проблемы

Язык объективирует результаты познавательной деятельности человека и включает их в социальный контекст. При этом, в отличие от научных взглядов на окружающий и внутренний мир человека, языковая сегментация и интерпретация действительности отличается этноцентризмом.

Отсюда важность лингвистических данных для характеристики мировосприятия того или иного народа, а также группы народов, объединенных генетической общностью. Одной из важнейших онтологических категорий, определяющих бытие человечества, является время. В науке традиционно, еще с античности, определяют время как количественную меру движения. Однако, как показывает языковой материал, в народном мировосприятии помимо линейного времени, которое может измеряться с помощью количественных параметров, существует время циклическое, вечно повторяющееся.

Изучение феномена интерпретации понятия «время» в рамках традиционной этнической духовной культуры предпринимается в рамках этнолингвистики, ставящей одной из своих целей исследование культурных символов через призму языка. Таким образом, анализ языковых единиц с темпоральным значением позволяет прояснить некоторые гносеологические вопросы.

Методы и материал исследования

Представляется, что очень ценным материалом для исследования народного восприятия времени являются диалектные данные, прежде всего в силу их естественного характера (в отличие от литературного языка, на формирование которого оказывают существенное влияние экстралингвистические факторы: политические, социальные и пр.).

Среди различных аспектов лингвистического анализа имеет смысл выбрать анализ принципов номинации. Под этим термином, в соответствии с определением О. И. Блиновой, следует пони-

мать «правила, которые формируются на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служат отправной базой для новых наименований ... принцип номинации – категория семантическая, содержательная, фиксируемая в сознании носителей языка» [Блинова, 1971, с. 99].

С точки зрения А. А. Потебни, «слово ... выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак» [Потебня, 1989, с. 97]. Изучение подобных мотивировочных признаков, на основании которых формируется мысль о предмете, позволяет выявить особенности мировосприятия народа. Кроме того, учитывая другое известное положение, а именно: «язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [Потебня, 1989, с. 156] – исследование лексического диалектного материала может привести к обоснованным выводам о творческой силе языка, его экспрессивном потенциале.

Результаты исследования

Собранный материал позволил установить некоторые принципы номинации, используемые в темпоральной лексике различных славянских говоров.

1. Среди них, в частности в наименованиях периодов времени и далекого прошлого, отмечено явление, которое можно характеризовать как семантическая редупликация, то есть своеобразное уточнение длительности уже выраженного временного значения за счет добавления лексем, также обладающей темпоральной характеристикой.

Так, лексема *час*, обозначающая на славянской языковой территории время как родовое понятие, в ряде говоров Славии может раскрывать свое значение как линейную последовательность, не только поддающуюся счету, но и нуждающуюся в конкретизации, в уточнении длительности: *за тыдзень часу прыяжджая мой сын*

(буквально: через неделю времени приезжает мой сын); *будзя за месяц часу* (будет через месяц времени) [СБГ 2, с. 176]. В данном случае лексема, обозначающая время, а именно: *час* ('время') – употребляется с дополнительной лексемой с временным значением 'неделя' (*тыдзень*) или 'месяц', уточняющей длительность периода. Нечто подобное можно наблюдать в польском примере, в котором манифестация одного краткого интервала (*moment*) усиливает подобное значение другого (*chwila*) (мгновение, краткий интервал): *minister sprawiedliwości nie wprowadził jeszcze swoich udoskonaleń prawnych, ale chwila moment i będą* (буквально: министр юстиции еще не внес свои правовые усовершенствования, но мгновение момента, и они будут) [Szadura, 2017, с. 146]. В данном случае можно говорить о семантической редупликации как принципе номинации.

В северо-западных белорусских говорах отмечено выражение *ноч-поўноч*: *Пётр, ноч-поўнач зарабляў – апора вялікая была* (Петр ночь-полночь зарабатывал – была большая опора) [СБГ I, с. 91]. Данное наименование, состоящее формально из манифестации ночи и ее крайне важной для традиционной духовной культуры славян части (полуночи), обладает, скорее, значением, 'днем и ночью', 'с утра до ночи' (то есть, 'всё время'), чем 'ночами'. Таким образом, через повтор однокоренных слов с семантикой времени суток, когда принято отдыхать, а не работать, достигается особая экспрессивность в выражении интенсивности трудовой деятельности.

В других случаях повтор корневой морфемы в составе наименования усиливает темпоральное значение удаленности от момента речи в прошлое.

На славянской языковой территории усиление семантики давности с помощью подобной редупликации отмечено для передачи значения 'очень давно': в северо-западных белорусских говорах *па-старадрэўнэму* (одновременное использование двух лексем со значением 'давно': *стары* и *дрэўні*) [СБГ 3, с. 434]; *даўна-прадаўна* (*даўна-прадаўна была ў Паставах*); *даўната-прадаўната* [СБГ 2, с. 29], а также *даўнёшны-раздаўнёшны* (*гэта даўнёшняя-раздаўнёшняя песня*) [СБГ 2, с. 29]; *здавё(і)н-даўна* (*здавін-даўна гэта ноч мела вялікая значэнне*) [СБГ 2, с. 296, 552] – при наличии аналогичного значения без редупликации у наречия *здаўна*: *гергунамі завуць іх здаўна: ні разбярэш іх, што гаворыць*. Такое же семантическое явление наблюда-

ется в кашубском и польском языках: *zdóvjendóvna* 'давно' (*wu nas to tak zdóvjendóvna bywało* – у нас так издавна бывало) [Ramułt 1893, с. 267]; *z dawień dawna* [Karł 6, с. 354] при параллельном употреблении, соответственно, кашубского *zdóvna* (*to je zdóvna znôně* – это давно известно) [Ramułt 1893, с. 267] и польского *z dawna* в значении 'давно'.

Отмечено это явление и в севернорусских говорах: *век по век(и)* 'всегда' (*век по век город живет на деревне*); *из веки веков* 'издавна, с незапамятных времен' (*горбушами из веки веков не косили*); *вековечно* 'всегда' (*мужик мой вековечно был электриком*) [СРГК 1, с. 170].

Подобные обозначения С. М. Толстая с точки зрения способа наименования обозначала как составные номинации [Толстая, 2020, с. 276–277]. На этот феномен в славянских языках (на примере ономотопозитических слов) указывала также Ж. Колева-Златева, полагающая, что редупликация в славянских языках совсем не изолированное явление [Колева-Златева 2011, с. 23]). Собранный лексический диалектный материал подтверждает эту точку зрения.

2. В славянской темпоральной лексике значительный пласт составляют наименования времен года. Среди них выделяется определенная иерархия: основными сезонами, с точки зрения лексической репрезентации, являются зима и лето. Это проявляется не только в номинации весны и осени как производных от зимы и лета (о чем речь ниже), но и в использовании названий именно двух полярных времен года для наименования постоянства, представленности в течение всего года: *гальё сухая зіму і лета насіла* (сухие ветки зимой и летом [то есть круглый год] носила) в северо-западных белорусских говорах [СБГ 1, с. 412].

В составе обозначений времен года можно выделить первую группу номинаций, называющих соответствующую пору а) напрямую или б) косвенно, через указание на последующее или предшествующее время года, а также другую группу, которая формируется из языковых единиц, называющих период времени опосредованно, с мотивацией фенологическими явлениями или иными признаками.

К подгруппе прямых наименований следует отнести праславянские обозначения четырех времен года (в русском языке – это *весна, лето, осень, зима*). За исключением лексемы *весна*, почти не представленной в южнославянских говорах, эти наименования распространены по всей

славянской языковой территории, и изучение принципов их номинации относится, скорее, к сфере этимологии, а не ономастологии.

2.1. Однако отмечены случаи опосредованной номинации одного времени года названием другого, мотивированные:

– следующим за ним временем года: ‘осень’ – *подзиме/подзима* (то есть, время, предшествующее зиме) в болгарских говорах [Koseska-Toszewa 1972, с. 79], *пазут* в нижнелужицких говорах [Muka 1, 5]; ‘позднее лето’ – *подесен* (время, предшествующее осени) в болгарских говорах [Koseska-Toszewa 1972, с. 79];

– предшествующим временем года, например ‘весна’ в кашубских говорах: *zimk; zimkoevy* ‘весенний’ (*to je jôrka čélé zimkoevè žéto* – это яровой или весенний хлеб) [Ramult 1893, с. 270]; *poezimk* ‘конец весны, ее вторая половина’ [Ramult 1893, с. 159], *nôzimk* ‘начало весны, ее первая половина’ [Ramult 1893, с. 122]; в северо-западных белорусских говорах *прызімкі* ‘весенние дни с заморозками’ (*вясной бываюць прызімкі, пачнеш гарады садзіць, а тут снех ідзе*) [СБГ 4, с. 138].

2.2. В славянских говорах также могут подвергаться номинации переходные периоды, в частности между зимой и весной. Семантически мотивированы они могут быть указанием на промежуточный характер: в севернорусских говорах – *перемежень* ‘время года между сезонами’ (*уж это-то время перемежень: погода-то меняется, на осень уже идет*) [СРГК 4, с. 455]; в польских говорах – *przymrozki, ruszanie lodów, roztopu* ‘период между зимой и весной’ (с указанием соответственно на заморозки, ледоход и таяние) [Szadura 2017, с. 180].

3. Разнообразные принципы мотивации фиксируются в славянской лексике при манифестации значения ‘утро’. На славянской языковой территории отмечено немало наименований этого времени суток, мотивированных разного рода ассоциативными представлениями говорящих или смежными периодами времени.

Помимо рефлексов праславянского **jutro*, известных всем славянским языкам, здесь выделяется несколько типов. Их можно распределить по корням, выражающим основное лексическое значение и содержащим главный мотивационный признак.

3.1. Корень **ran-*

Обозначения утра как раннего времени суток представлено на всей территории Славии. В говорах Ярославской области: *ранина* [ЯОС 8, с. 120]; *порань* [ЯОС 8, с. 65]; *взаранки* ‘рано

утром’ [ЯОС 3, с. 15]; в некоторых севернорусских говорах *подранья* ‘рано утром’ (*подранья-то в школу придут*) [СРГК 4, с. 666]; в кашубских говорах *reno* ‘утром’: *woet rena* (с утра) [Ramult 1893, с. 180], *spêł do rena* (спал до утра) [Ramult 1893, с. 172]; в нижнелужицких говорах *rano (až do rana)* ‘до утра’ [Muka 1, 5].

Обозначения утра, производные от **ran-*, широко представлены в других восточнославянских говорах. Так, в закарпатских украинских: *заранок* ‘рассвет, утро’ [Сабадош, 2008, с. 108]; *зрана* ‘утром’ *она вже зрана была на ниві* [Сабадош, 2008, с. 130]. Раннее утро также обозначается в этом диалектном ареале с помощью корня *-ран-*: *узарані* ‘рано утром’ (*узарані падав дошч*) [Сабадош 2008, с. 373]. В буковинских и бойковских говорах: *робитимеш від ранку до вечіра, то скоро копита віткиниш* [Бук. 2005, с. 223], *зрана, зраня (встаєме зрана і йдеме)* [Центр-бойк. 2013, с. 189]. В северо-западных белорусских говорах – *раніца* (выдаю пятнаццаць кароў раницай) [СБГ I, с. 349]; *ранак* ‘утро’ (*ранак да абед*) [СБГ 4, с. 269].

Отмечен этот корень и в южнославянских языках, например *заран* ‘утро’ и *озаран* ‘этим утром’ в болгарских говорах.

При этом лексема с корнем *ран-* употребляется повсеместно на славянской языковой территории наряду со значением ‘утро’ также в значении ‘до наступления поры, установленной для выполнения работы’, в частности в северо-западных белорусских говорах: *выцірачкі рана кончылі, увесь лён пацёрлі* [СБГ I, с. 376]; в закарпатских говорах: *рано* ‘рано’ и ‘утро’ (*ты прийшла рано; добрый рано!* [пожелание доброго утра]) [Сабадош, 2008, с. 305, 411].

Этот семантический сдвиг, ‘переходное время между ночью и днем’ > ‘раннее время суток’, свидетельствует о таком семантическом архетипе, как отсчет начала очередного дня с утра в противоположность отсчету с ночи, также представленному в традиционной культуре.

3.2. Корень **dънь*

Так же, как весна может именоваться по смежному времени года, утро получает название по предвещаемому им наступлению дня. В этой семантической сфере выделяются глаголы, обозначающие рассвет: *ободневать, ободнять* в ярославских [ЯОС 7, с. 16] и других севернорусских говорах (*пошли, ободняло, тепло стало*) [СРГК 4, с. 97]; *д(и)няти* ‘наступать’ (о рассвете) в бойковских говорах: *диняє ... пора вставати* [Центр-бойк. 2013, с. 124]; *дзянець* ‘светать’ в

северо-западных белорусских (*ужо дзянеіць*) [СБГ 2, с. 67]; *днець* (днее *чуць-чуць на зару*) [СБГ 2, с. 75–76]; *дени, разденува* ‘светает’ в юго-западных болгарских говорах [БЕР 1, с. 341].

Аналогичное представление раннего утра как времени перед днем представлено и в западно-славянских говорах — у лужичан *do dña* [Мука 1, с. 173–174].

Это выражение (как и бойковское *передньом* ‘утром’ (*прийдеш до ня передньом, хлопче, та підем на зайци*) [Центр-бойк. 2013, с. 339] содержит косвенное указание на «промежуточный» характер такого времени суток, как утро и одновременно на более значимую роль дня (повидимому, наряду с ночью) в рамках суток.

3.3. Корни **běl-/ser-*

Достаточно распространена в славянских говорах «цветовая» мотивация наступления утра, представленная такими цветами, как белый и серый. При этом в дистрибуции корней **běl-* и **ser-* в обозначениях утра фиксируются определенные ареальные закономерности. Для всей славянской языковой территории характерна мотивация этого времени суток белым цветом. В лексике ярославских говоров выделяются некоторые периоды времени утром, обозначаемые как белые; обычно это раннее и позднее утро: ‘рассвет, раннее утро’ — *бело* сущ. [ЯОС 1, с. 49]; ‘до рассвета’ — *добела* [ЯОС 4, с. 7]; в польских говорах: *do dnia białego* — ‘до восхода солнца’ [Szadura 2017, с. 155]; в закарпатских говорах *біла днина* (*вже біла днина*) [Сабашко 2008, с. 413]; *бело* ‘рассвет’, *забела, забелява* ‘рассветает’ в болгарских говорах [Koseska-Toszewa 1972, с. 69]. К таким номинациям следует отнести лужицкое *běłodn(j)e* ‘рассвет’ [Pfuhl с.12].

В северо-западных белорусских говорах также присутствует «цветовая» мотивация, но серым цветом: *шарая/шэрая гадзіна, шаранька* (*шчэ шаранька*) ‘рассвет’, *шараць* ‘рассветать’ (*пара ўставаць, ужо шарэе*) [СБГ 5, с. 462]. Примечательно, что таким же образом обозначаются сумерки: *шэрая гадзіна* (буквально: серое время): *калі шшарэя, яшчэ агню не паляць, а ўжо сямня* (когда «сереет» [наступают сумерки], огонь еще не разводят, а как стемнеет) [СБГ 5, с. 461]. В определенной степени к этому же типу обозначений относится и северо-западное белорусское *на цемачку* [буквально: в темноте] ‘на рассвете’ (*устала на цемачку, каб даткаць*) [СБГ 5, с. 346].

В этих примерах можно было бы усмотреть влияние польских говоров, где также отмечены лексемы с «серой» мотивацией, обозначающие рассвет и наступление сумерек, например *szarówka, szarota, szara godzina* [Szadura, 2017, с. 160]. Однако такое обозначение представлено и в нижнелужицких говорах *žej se šeri* ‘светает’ (буквально: день становится серым) [Мука 2, с. 630]. «Серая» мотивация отмечена также в южнонемецких средневосточнофранконских говорах: *grauen* (буквально: становиться серым) [WMF 2000 с. 80]. По принципу номинации к этой же группе можно отнести болгарскую лексему *дрезаво* ‘время перед рассветом’ (с первичным значением ‘время, когда еще не очень ясно видно’; производное от *дрезга* ‘мелкий лес’, ‘плохая видимость в таком лесу’, ‘сумрачно’) [БЕР 1, с. 424].

Это позволяет говорить в данном случае о двух древних семантических архетипах, представленных в разных частях Славии: один раскрывает образ утра как наступление дня, светлого времени, другой — как окончание ночи. При этом, безусловно, заслуживает внимания в качестве возможного варианта этого семантического феномена отражение контаминации белого и серого цветов в далеком прошлом.

3.4. Иные мотивационные признаки в обозначении утра, рассвета

Распространенной является мотивация названий утра по характерному для этого времени суток пению петуха: *в петухи* ‘на рассвете’ в ярославских говорах [ЯОС 2, с. 38]; в различных севернорусских говорах *вставать по петунам* ‘просыпаться очень рано’ (*надо было по петунам вставать*) [СРГК 4, с. 493]; в северо-западных белорусских говорах *да пёўня* [СБГ 4, с. 127] с пояснением *як пяхух першы раз запяець* — *будуць малаціць* [СБГ II, с. 238]; в болгарских говорах — *петлено време* ‘время перед рассветом’; мотивация названия времени перехода ночи в раннее утро пением петухов представлена и в польских говорах — *podkurek* [Szadura 2017, с. 162], здесь стадии ночи и наступления утра могут интерпретироваться как последовательность пения петухов, то есть первое, второе и третье пение: *pierwsze, drugie, trzecie pianie* [Szadura 2017, с. 162]; аналогично в северо-западных белорусских говорах: *первыя петухі — рано, другія — папожжа, треція пяхухі — пад дзень* [СБГ 4, с. 225].

Отмечены и другие принципы номинации, например, для позднего утра; в польских говорах

мотивация связана непосредственно с выходом солнца – *slońce juź na chłopa* ‘позднее утро’ [Szadura, 2017, с. 158]; в ярославских говорах указывается на своеобразный «рост» утра – *большое утро* [ЯОС 2, с. 13]; кроме того, на русской диалектной территории – *полное утро* ‘утреннее время, когда полностью рассветает’ (*настало полное утро*) [СРНГ 29, с. 84].

В севернорусских говорах для обозначения рассвета используется выражение *чуть воздух* ‘очень рано, чуть свет’ (*три брата были ... раскулачили по-пустому; ... бывало, чуть воздух, они уже на мельнице*) [СРГК 1, с. 218]. В этом же диалектном ареале наступление утра именуется как *бреск* (*с полуночи начинается бреск*) [СРГК 1, с. 113], вероятно, фонетическая запись от *брезг*. С учетом словенского *brěsk*, чешского *břesk*, польского *brzask* ‘рассвет’, литовского *brėkšti* ‘рассветать’, древнеиндийского *bhrājatē*, авестийского *brāzaiti* ‘сверкать, сиять’ [Фасмер 1, с. 211] можно говорить об индоевропейском происхождении этого наименования.

Выводы

Собранный материал позволил сделать определенные выводы об особенностях народного восприятия родового понятия «время» и некоторых его периодов, запечатленных в диалектной славянской лексике и фразеологии. Важным аспектом интерпретации этого фрагмента мировидения является семантическая мотивация наименования, то есть тот мотивировочный признак, который является основным для формирования понятия.

В обозначениях далекого прошлого актуальным оказывается усиление признака давности, а в номинации весны и осени – их стратификация до или после смежного времени года: зимы или лета.

Одним из самых частотных, с точки зрения количества языковых единиц, периодов времени выступает такая часть суток, как утро. В этой семантической сфере можно констатировать следующие мотивационные признаки: утро как самая ранняя часть суток; утро как пора рассвета, наступления дневного света или же окончания ночи, что находит отражение в мотивации белым или серым цветом; утро как время пения петухов и др.

Таким образом, исследование лексики и фразеологии народных говоров на основе анализа принципов номинации позволяет определить особенности народной аксиологии, круга объек-

тов и явлений, сравнение или ассоциативная связь с которыми особенно важна для формирования новых понятий.

Библиографический список

1. БЕР – Български етимологичен речник. Том I. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971. 681 с.
2. Блинова О. И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971. Л., 1972. С. 92–104.
3. Бук. – Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н. В. Гуйванюк. – Чернівці: Рута, 2005. 688 с.
4. Колева-Златева Ж. Славянские языки и редупликация // Исследования по теоретической лингвистике. Материалы симпозиума «Смена парадигмы в венгерской лингвистической русистике». Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 3. Дебрецен, 2011. С. 11–30.
5. Потебня А. А. Слово и миф. Москва: Правда, 1989. 624 с.
6. Сабадош І. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008. 480 с.
7. СБГ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / рэдакцыйная калегія: Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч, А. І. Чабарук, Ф. Д. Клімчук. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.
8. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. \ гл. ред. А. С. Герд – СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 1994–2005.
9. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51. Санкт-Петербург: Наука, 1965–2019.
10. Толстая С. М. Заметки о языке севернорусских причитаний. 2. Составные номинации, их структура и семантика // Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. С. 274–313.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. Москва: «Прогресс», 1986–1987.
12. Центр.-бойк. – Матіїв М. Д. Словник говірок центральної Бойківщини. К.; Сімферополь: Ната, 2013. 602 с.
13. ЯОС – Ярославский областной словарь: учебное пособие: в 10 вып. Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1981–1991.
14. Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków, 1900–1911.
15. Koseska-Toszeва V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972.
16. Muka A. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. 2 Bände. Budyšin: Ludowe Nakladnistwo Domowina, 1966.
17. Pfuhl C. T. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budyšin: Maćica Serbska, 1866. 1210 s.

18. Ramuł S. Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. Krakow : Nakładem Akademii umiejętności, 1893. 278 s.

19. Szadura J. Czas jako kategoria językowo-kulturowa w polszczyźnie, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2017. 438 s.

20. WMF – Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. 224 S.

Reference list

1. BER – B#lgarski etimologičen rečnik. Tom I. Sofija : Izdatelstvo na B#lgarskata akademija na naukite, 1971. 681 s.

2. Blinova O. I. Leksicheskaia motivirovannost' i nekotorye problemy regional'noj leksikologii = Lexical motivation and certain problems of regional lexicology // Voprosy izučeniia leksiki russkikh narodnykh govorov. Dialektnaja leksika 1971. L., 1972. S. 92-104.

3. Buk. – Slovník bukovinských govírok / Za zag. red. N. V. Gujvanjuk. – Chernivci: Ruta, 2005. 688 s.

4. Koleva-Zlateva Zh. Slavjanskije jazyki i reduplikacija = Slavic languages and reduplication // Issledovanija po teoreticheskoj lingvistike. Materialy simpoziuma «Smena paradigmy v vengerskoj lingvisticheskoj rusistike». Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 3. Debrecen, 2011. S. 11–30.

5. Potebnja A. A. Slovo i mif = Word and myth. Moskva : Pravda, 1989. 624 s.

6. Sabadosh I. Slovník zakarpats'koj govírki sela Sokirnicja Husts'kogo rajonu. Uzhgorod: Lira, 2008. 480 s.

7. SBG – Slovník belaruských gavorak paŭnochna-zahodnjaj Belarusi i jae pagranichča: u 5 t. / rjedakcyjnaja kalgija: Ju. F. Mackevich, A. I. Grynaveckene, Ja. M. Ramanovich, A. I. Chabaruk, F. D. Klimchuk. Minsk: Navuka i tjehnika, 1979–1986.

8. SRGK – Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej: v 6 vyp. = DRDK – Dictionary of Russian dialects in Karelia and neighboring regions: in 6 vols.

\ gl. red. A. S. Gerd – SPb: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1994–2005.

9. SRNG – Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1–51 = DRND – Dictionary of Russian national dialects. Issues 1-51. Sankt-Peterburg : Nauka, 1965–2019.

10. Tolstaja S. M. Zametki o jazyke severnorusskikh prichitanij. 2. Sostavnye nominacii, ih struktura i semantika = Notes on the language of Northern Russian lamentations. 2. Compound nominations, their structure and semantics // Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. C. 274–313.

11. Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka. V 4-h tomah = Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. Moskva : «Progress», 1986–1987.

12. Centr.-bojk. – Matiiiv M. D. Slovník govírok central'noj Bojkivshhiny. K.; Simferopol' : Nata, 2013. 602 s.

13. JaOS – Jaroslavskij oblastnoj slovar' : uchebnoe posobie: v 10 vyp. = YRD – Yaroslavl Regional Dictionary: textbook in 10 ed. Jaroslavl' : JaGPI imeni K.D. Ushinskogo, 1981 – 1991.

14. Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków, 1900–1911.

15. Koseska-Toszeva V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972.

16. Muka A. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. 2 Bände. Budyšin: Ludove Nakladnictwo Domowina, 1966.

17. Pfuhl C. T. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budyšin: Maćica Serbska, 1866. 1210 s.

18. Ramuł S. Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. Krakow : Nakładem Akademii umiejętności, 1893. 278 s.

19. Szadura J. Czas jako kategoria językowo-kulturowa w polszczyźnie, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2017. 438 s.

20. WMF – Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. 224 S.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 15.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 811.161

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_130

EDN: IEBHVT

Корреляция концептов «любовь» и «забота»: лингвоаксиологическая интерпретация

Мария Станиславовна Милованова^{1✉}, Су Хэцин²

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Аспирант кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

¹MSMilovanova@pushkin.institute[✉], <https://orcid.org/0009-0007-9983-2833>

²cyhevuh.27@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-8868-3813>

Аннотация. «Любовь» и «забота» занимают центральное место в русской и китайской картинах мира. В данном исследовании рассматриваются «любовь» и «забота» в русском национально-языковом сознании и «爱» и «关心» в китайском национально-языковом сознании, изучаются эти два концепта в русской и китайской картинах мира – традиционной и современной. Для изучения и обобщения сведений о такой корреляции мы использовали методы контекстуального анализа и анкетирования, а также анализ ассоциативных словарей и данных экспериментов. Тексты были отобраны из Национального корпуса русского языка, корпусов CCL и BCC, открытых интернет-источников: исследовались общность и уникальность содержания концептов «любовь» и «забота» в современном дискурсе. Исследование проведено с опорой на современную методологию и с доказательной базой в виде корпусного анализа и анализа анкетных данных (эксперимент). Научная новизна заключается в том, что в ходе исследования была выявлена тенденция: по мере изменения ценностей в русском сознании усиливается связь между концептами. Исследование в динамическом аспекте позволяет сделать вывод о том, что различные ассоциации в разные исторические периоды находились в постоянном движении: старые стереотипы исчезали по мере изменения ценностных представлений носителей данного языка, а новые ценности и ассоциации вступали на более активную позицию. Вместе с тем сочетание представлений «любовь» и «забота» получает новое осмысление – забота о себе и любовь к себе.

Ключевые слова: антропоцентризм; концепт; любовь; забота; паремиология; ценность; языковая картина мира

Исследование выполнено за счет гранта China Scholarship Council (CSC)

Для цитирования: Милованова Н. С., Су Хэцин Корреляция концептов «любовь» и «забота»: лингвоаксиологическая интерпретация // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 130–141. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_130. <https://elibrary.ru/IEBHVT>

Original article

Correlation of the concepts «love» and «care»: linguistic-axiological interpretation

Maria S. Milovanova^{1✉}, Su Heqing²

¹Doctor of philological sciences, professor at the department of general and russian linguistics, Pushkin state institute of the russian language. 117485, Moscow, Akademik Volgin st., 6

²Postgraduate student at the department of general and russian linguistics, Pushkin state institute of the russian language. 117485, Moscow, Akademik Volgin st., 6

¹MSMilovanova@pushkin.institute[✉], <https://orcid.org/0009-0007-9983-2833>

²cyhevuh.27@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-8868-3813>

Abstract. «Love» and «care» are important for both russian and chinese pictures of the world. This research examines «love» and «care» in russian national-linguistic mind and «爱» and «关心» in chinese national-linguistic mind, studying these two concepts in russian and chinese worldviews – traditional and contemporary. To study and summarize the data on such correlation, the authors use the methods of contextual analysis and questionnaires, as well as the analysis of associative dictionaries and the experimental data. The texts have been selected from the Russian

national corpus, the CCL and BCC corpuses, and open Internet sources; the common and unique content of the concepts «love» and «care» in contemporary discourse have been investigated. The research is based on modern methodology and evidence base in the form of corpus analysis and questionnaire data analysis (experiment). Its novelty lies in the fact that the study reveals the following tendency: as values change in the Russian mind, the connection between the concepts strengthens. Studying the dynamic aspect makes it possible to conclude that different associations in different historical periods were in constant motion: old stereotypes disappeared as the value perceptions of the native speakers changed, and new values and associations took a more active position. At the same time, the combination of the concepts «love» and «care» takes on a new meaning: self-care and self-love.

Key words: anthropocentrism; concept; love; care; paremiology; value; linguistic worldview

The study was completed by a grant from the China Scholarship Council (CSC)

For citation: Milovanova N. S., Su Heqing Correlation of the concepts «love» and «care»: linguistic-axiological interpretation. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):130–141. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_130. <https://elibrary.ru/IEBHVT>

Исследование посвящено анализу двух важнейших концептов «любовь» и «забота» в русском национальном (//языковом) сознании, соответственно корреляции «爱» и «关心» в китайском национальном (//языковом) сознании. Целью исследования является рассмотрение смысла этих двух концептов в русской и китайской картинах мира и степень актуальности данных концептов.

Методологической основой исследования является следующее: концепты описываются при помощи дефинирования и анализа паремиологии. Принимая во внимание традиционные методы исследования, используем антропологические методы: языковые факты проанализированы с использованием доступных ассоциативных словарей и сопоставлены с результатами проведенных экспериментов. Кроме того, методами контекстуального анализа и интервьюирования были проанализированы современные связи между концептами. Отбор текстов осуществлялся на основе корпусов (Национальный корпус русского языка и корпуса CCL и BCC) и сайтов, изучались уникальность и общность содержания концептов «любовь» и «забота» в современном дискурсе. Научная новизна заключается в том, что в результате экспериментального исследования получен вывод о существовании тесной корреляции между данными концептами и о сочетании между концептами, которое может усиливать воздействие в современном русском и китайском сознании (точный спектр ассоциаций).

Введение

В настоящее время исследование аксиологии в лингвистике является новой и актуальной областью. Аксиологическая лингвистика изучает вопрос о воплощении ценности языка в дискурсивных контекстах. Репрезентация в дискурсе четкая и лаконичная, отражает современные со-

циальные нормы, взгляды на жизнь и ценности. Новые условия коммуникации меняют отношения между людьми, меняют отношения к базовым ценностям. Мы выбрали разные дискурсы (от классической литературы до современной рекламы) для динамического исследования актуальности связи двух концептов «любовь» и «забота».

Е. С. Кубрякова подчеркивала междисциплинарный статус современной лингвистики, по ее мнению, мы способны воспринимать текущее состояние лингвистики подразумевает четыре черты: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и интертекстуализм [Кубрякова, 2004]. В соответствии с такими подходами, мы выявили методологическую основу для исследования *когниции и коммуникации* (Е. С. Кубрякова). Другими словами, теоретическую основу для интеграции концептуального изучения лексики в ассоциативных и толковых словарях с контекстуальным лингвокультурологическим изучением, в то время как принцип «антропоцентризм» предполагает изучение концептов в дискурсе (коммуникации).

Антропоцентризм выступает за включение «человеческого фактора» при изучении фактов языка. С одной стороны, язык во всем многообразии его функционирования предопределен человеком, его знаниями и опытом, а с другой стороны, язык является и «средством познания человека, его мыслей, сознания и интеллекта» [Ашурова, 2021]. Антропоцентризм требует междисциплинарного подхода, который выходит за рамки «внутренней лингвистики» и обращается к человеку и его деятельности [Ашурова, 2017].

Ю. С. Степанов характеризует концепт как культурно-ментально-языковое образование, сгусток культуры в человеческом сознании [Степанов, 2001, с. 14]. В. И. Карасик определяет

концепт как многостороннее смысловое образование, в котором можно выделить три аспекта [Карасик, 1997, с. 109]. Таким образом, сравниваем основные составляющие концептов «любовь» и «забота»: **понятийная, образная и ценностная**. Соответственно, после общего краткого анализа слов «любовь» и «забота» в словарях, рассмотрим аксиологические аспекты и ценностные ситуации, которые отражают современные представления носителей данных культур.

Дефинирование концептов

На основе данных авторитетных словарей можно сделать вывод, что для любви характерны следующие признаки: это **сердечное чувство**. «Любовь» часто описывают как сильное чувство влечения и эмоциональной привязанности – ‘чувство горячей сердечной склонности’ [Кузнецов, 2000]; ‘глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство’ [Ожегов, 1991]; ‘глубокое интимное чувство, горячая сердечная склонность’ [Морковкин и др., 2016]. Во-вторых, в объяснении подчеркивается **предмет/объект любви; страсти**: ‘чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу’ [Ушаков, 1935–1940]; ‘чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л.’ [Кузнецов, 2000]; ...искренней преданности кому-, чему-л.; об объекте такого чувства [Морковкин и др., 2016] – любовь родителей к своим детям, любовь детей к своим родителям, любовь между братьями / сестрами / братом и сестрой (ср.: *братская любовь*), любовь между мужчиной и женщиной и т. д. Третья черта – это **увлеченность чем-либо**: ‘склонность, расположение или влечение к чему-н.’ [Ушаков, 1935–1940]; ‘постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-н.’ [Ожегов, 1991]; ‘внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л.’ [Кузнецов, 2000].

Понятийная составляющая концепта «забота» находит отражение в словарях, и можем наблюдать корреляцию и сходство его статической семантики: 1. о ком-чём. Беспокойная мысль о чём-л.; сосредоточенность мыслей на исполнении чего-л., на удовлетворении какой-л. потребности. 2. Внимание к нуждам, потребностям кого-л.; попечение о ком-л. [Кузнецов, 1998]. Согласно данным словарей и результатам философского осмысления, содержание слова «забота» можно сформулировать следующим образом: уникальный способ установления отношений; направление внимания; включение собственных мыслей и

наблюдений за происходящим; познание и преобразование себя в дополнение к другим [Розин, 2017]. Соответственно, «забота о себе» уходит своими корнями в философию античной западной культуры [Володин, 2022, с. 20]. Здесь следует заметить о том, что «забота о себе» проявляется и на ранних стадиях формирования концепта «забота», тем не менее этот момент сосредоточенности человека на себе преодолевается воспитанием.

В определениях различных толковых словарей содержится много общих положений. Несмотря на то, что «любовь» – это чувство, это эмоциональный концепт, а концепт «забота» относится более к действию, можно заметить, что в толковании слов «любовь» и «забота» словари склонны проводить различие в отношении к «людям» и к «вещам». Очевидно также, что оба слова включают представление об объекте (конкретном или абстрактном), на который направлены устремления человека и на котором сосредоточено его внимание.

По мнению С. Г. Воркачева, ценность любви определяет ее «всемогушество», а любовь – высшая ценность [...] фундаментальная природа чувства любви важна для русского языкового сознания. В списке признаков исследования С. Г. Воркачева «Концепт любви в русском языковом сознании», входящих в «милость / милосердие», четко указаны следующие черты, связанные с «карикативным блоком» концепта *любовь* первой очереди: «...доверие, преданность, уважение, **забота**, ответственность, доброта, нежность» [Воркачев, 2013].

В китайском языке соответствующие слова «爱(любовь)» и «关心(забота)» имеют более высокая актуальность как в дефиниции (понятийная составляющая), так и в прагматике (образный аспект). В толковых словарях китайского языка, у слова «爱(любовь)» наряду с включением «глубокой привязанности к человеку или предмету», «предпочитать», но есть объяснение «ценить и защищать». Между тем «关心(забота)» толкуется следующим образом: 1) помнить (о ком-то или о чем-то) «(把人或事物)常放在心上(принимать близко к сердцу (досл.); обращать внимание)»; 2) ценить и заботиться «重视和爱护(любить и беречь (досл.); заботиться, ухаживать)».

В китайской языковой картине мира, помимо охватывающих понятие словарных определений, упомянутых выше, есть также решающее свидетельство существования фиксированного сочетания слов «爱(любовь)» и «关心(забота)», которое

активно используется в различных типах современного дискурса. Это словосочетание «关爱», представляющее собой сочетание двух китайских иероглифов – «关» означает заботу и беспокойство, а «爱» – любовь, глубокую привязанность. Поэтому в единстве иероглифы «关爱» означают ‘заботиться, ухаживать и глубоко любить кого-то или что-то’. История использования словосочетания и стоящего за ним сочетания иероглифов «关爱» связана с династией Цин. Согласно результатам поиска в корпусе CCL Пекинского университета, использование этого словосочетания впервые появилось в романах династии Цин «绿野仙踪 (Тропа бессмертных в зеленых лугах)» 李百川 (Ли Байчуаня): «自嘉靖某年感蒙关爱 (перевод наш: *С такого-то года в Цзяцзине оказывалась Ваша забота...*)» Постепенно эта связь двух понятий упрочивалась в сознании, а само сочетание становилось всё более распространенным. В современном дискурсе оно отличается высокой частотой использования, например – в ценностных пропагандистских лозунгах.

Связь образной составляющей концептов в китайском языке

С точки зрения прагматики, в китайском языке с «любовью» и «заботой» связаны одни и те же метафоры – «сердце». Например, «爱(любовь)», имеющее четкую связь с сердцем, это словосочетание «爱心», существующие распространенные переводы – «любящее сердце» (ср. «爱心工程» – проект «любящее сердце»), «заботящееся сердце». Но употребление этого выражения соответственно ограничено по сравнению с самим «爱», поскольку словосочетание «爱心» в целом означает мысль и чувство заботы и любви к другим: «关怀(с любовью оберегать), 爱护他人(любовь и забота о других)». Здесь в определении «(爱心) любящее сердце» словосочетание «关怀 (с любовью оберегать)» еще более конкретное по значению и употреблению: 1) ‘заботиться’ («сверху вниз»: неравенство статусов, например, социальный статус, состояние здоровья, возраст и т. д.); 2) ‘оказывать психологическую и физическую помощь пациенту, который скоро умрет’.

Таким образом, сочетание различных способов проявления «любви» и «заботы» порождает выражения, которые могут быть использованы для обозначения более конкретного сценария и более ограниченного контекста употребления. Можем заметить, что концепт «любовь» ближе и теснее

связан с концептом «забота». Толкование любви также включает объяснение «любить, беречь». Рассмотрим пример перевода иероглифа «爱(любовь, любить)» на «забота, заботиться» – в словаре текст китайской традиционной песни «军爱民, 民拥军» переводится как «Армия **заботится** о населении, население поддерживает армию» [南致善, 黄长霁, 2003]. На самом деле, когда любовь воплощается в патриотизме, ее легко ассоциировать с концептом заботы аналогично в русском языке: «Любовь к Родине, как, впрочем, и всякая **любовь, без поступков ничтожна**. Действенность патриотизма выражается в заботе о благополучии и величии родной страны. <...> Любовь к своей стране проявляется в готовности бороться до конца за её свободу» [Воркачев, 2023, с. 62]. Согласно С. Г. Воркачеву, появляются маркеры изменения по отношению к таким аспектам выражения и проявления любви, как *забота, внимание* и т. д.

Ценностная специфика концептов

Далее исследуется ценностная составляющая концептов «любовь» и «забота», с помощью специфического паремиологического и контекстуального анализа подводится итог описанию ценностной картины мира в русском и китайском языках. По мнению В. И. Карасика, соответствующий материал может быть изучен и включен в особый контент. Это могут быть пословицы, притчи, сказки, мифы и легенды или какие-то личные истории [Карасик, 2014].

В китайском языке существует четкое разграничение статуса человека и четкая ценностная ситуация. С точки зрения разных позиций, прежде всего это отношения «сверху вниз» (иерархия): В любой культуре, «любовь» и «забота», например, материнская любовь как первобытный инстинкт является естественным выражением заботы родителей о своих детях. Любой родитель, который равнодушен и не заботится о своих детях, представляется как нетипичный. В китайском контексте, например, есть чэньюй (идиома) «虎毒不食子», имеющий значение ‘даже свирепый тигр не съест тигрят’, толкование: ‘люди редко жестоко обращаются с близкими’.

Роль и образ матери в концепте семьи занимают видное место. В китайской народной детской песне «世上只有妈妈好 (Только мать хороша на свете)» есть такой текст: «有妈的孩子像块宝, 没妈的孩子像根草» Перевод наш: *Ребенок с матерью – как сокровище; ребенок без матери – как травинка*. Выражения

«可怜天下父母心» (все родители достойны восхищения):

«“可怜天下父母心”, 这几乎已经成了一句口头禅, 极言其父母对儿女的疼爱与关心。» Перевод наш: Выражение «все родители достойны восхищения» почти стало мантрой для описания любви и заботы, которую родители проявляют к своим детям.

Отношения «снизу вверх» отражены в аллюзии «卧冰求鲤» лежать на льду (идеал сыновней любви к родителям; из повествования о том, как некий Ван Сян растопил телом лёд, чтобы поймать рыбу для больной матери.) В этой идиоме содержится концепт «孝», который является одним из важнейших концептов в китайской культуре, обозначит почитание и уважение родителей. Прямой перевод данного определения – «любовь и забота по отношению к родителям». В «Лунь Юй» есть множество упоминаний о концепте «孝», как часть «三纲五常 (трех принципов и пяти правил)», который является одной из основных ценностей китайской культуры с древнейших времен.

Помимо них, еще и проявление связи любви и заботы между влюбленными или в супружеской паре, как норма в семейных отношениях: «知疼着热» *чувствовать ту же боль и ощущать тот же жар* (о чутком отношении к человеку; например, о супругах). Это описание заботы и беспокойства о людях, и такие отношения являются эталоном отношений между родственниками или в супружеской паре.

Таким образом, в китайском языке любовь и забота как моральная норма занимают важное место в семейных ценностях. В противоположность тому, семейные отношения без любви и заботы рассматриваются как дисфункциональные и не поощряются в обществе.

Как уже упоминалось выше, понятия «любовь» и «забота» играют важную роль в интерпретации семейной роли членов семьи и в выполнении обязанностей в семье.

Несомненно, что с изменением преобладающих ценностей меняются и выражения любви и заботы. Например, в картине русского языка мы можем наблюдать очень интересное явление: если искать предложения вида «X – значит любить» в русских текстах, то помимо конкретных указаний на поведение (например, звонить, приходить на свидания и т. д.), часто встречаются следующие результаты «Раз хочет, значит, любит», «Ревнует – значит, любит. Не ревнует – значит, ничего не замечает», «Бьет – значит, любит...» То есть

«любовь» не всегда имеет положительный эффект, когда она действует. И можем наблюдать в языковой картине мира (особенно в русской) связь между любовью и насилием как народный стереотип, прежде всего дореволюционного периода. В русском языке соответствующая связь возникает гораздо чаще, чем в китайском. Носители русского языка считают побои способом выражения привязанности: «Бьет – значит любит». И в китайском языке встречается аналогичное выражение: «打是亲, 骂是爱» перевод наш: *Побои – это поцелуи, а ругань – это любовь*. Однако тонким отличием является разница в используемом здесь сценарии. Первоначальный смысл данного выражения заключается в том, что родители суровы и строги со своими детьми, но потому что они их очень любят. Иногда выражение используется в качестве шутки о ссоре или размолвке между мужем и женой или любовниками. Соответственно, такой факт русского народного сознания, зафиксированный в пословицах: «Кто кого любит, тот того и бьет»; «Милый побьет, только потешит»; «Милого побои недолго болят»; «Милого побои на кости» [Даль, 1997]. Такие пословицы в основном используются для описания поведения между мужем и женой, в китайском народном сознании фиксируются отношения между родителями и детьми.

В пословицах утверждается, что такое поведение, как насилие и ссоры, является нормальным проявлением любви. Можно сказать, что это специфический знак в китайском и русском языках. Однако такое народное представление уходит с развитием самосознания и осмысления себя как личности.

Связь между чувствами и поведением естественным образом объясняется такими факторами, как «мотивация» и «производность». В традиционной китайской идиоме широко распространена аллюзия, это «爱屋及乌» – букв. *Любить не только дом, но и ворон на его крыше*. Толкование: «любя человека, любишь все, что с ним связано». «屋乌之爱» – это любовь даже к воронам на доме человека из-за любви к нему. Это метафора любви к человеку и заботы о людях или вещах, с которыми он связан. Аналогично, это более особое значение по сравнению с русским – взаимосвязь любви и заботы. На самом деле, сходную пословицу можно найти и в русском языке «Когда меня любишь, и мою собачку люби», но его использование в русской речи не особо активно. Тем не менее в этих выражениях наблюдается расширение и смещение объекта любви, когда забота проявля-

ется не только о любимом человеке, но и обо всем, что с ним связано (согласно китайской идиоме) [陈炳昭等, 1994] или о людях и вещах, тесно связанных с ним (согласно русской пословице) [Даль, 1997].

Контекстуальный и экспериментальный анализ

В китайской картине мира такая связь, соответственно, более заметна в образных и ценностных аспектах. Существует значительное количество материалов, обозначающих как «любовь», так и «заботу», особенно когда «любовь» используется в качестве морального кодекса и провозглашаемой ценности. Их можно разделить на следующие основные виды: 1) ответственность и обязанность в семье; 2) потребности в образовании; 3) определенная профессиональная сфера и 4) общественная этика.

Возьмем пример на китайском языке: словосочетание «关爱», которое значит *заботиться и любить; забота и привязанность*, широко используется в китайском языке, особенно в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения. Проведя поиск в корпусах CCL и BCC Пекинского университета по словосочетанию «关爱», нам удалось обнаружить некоторые закономерности употребления. Например, в школах часто подчеркивают важность всесторонней заботы об учениках, включая внимание к их учебе, жизни и психическому здоровью – «实践证明, 教师对学生的巨大感染力, 常常直接源于对学生的热爱和关心。这种热爱和关心, 可以启开学生的心灵, 消除师生间的隔阂.» Перевод наш: *Практика показывает, что учителя оказывают большое влияние на учеников, часто непосредственно из любви и заботы об учениках. Эта любовь и забота могут открыть сердца и умы учеников и преодолеть разрыв между учителями и учениками; в больницах пропагандируют, чтобы медицинский персонал обеспечивал всестороннюю заботу о пациентах, не только при лечении от болезни, но и заботясь об их физическом и психическом здоровье. Слоган «Проект Надежда»: «关注, 关心, 关爱» Перевод наш: Уход, забота, любовь и защита. – социальная реклама «希望工程»); а организации социального обеспечения предоставляют заботу и помощь обездоленным, чтобы они могли почувствовать тепло и заботу общества. Примеры следующие: «关爱留守儿童» Перевод наш: *Заботиться об оставленных без присмотра детях;**

«给予残疾人一份关爱, 回报温暖如春风» Перевод наш: *Проявляйте любовь к человеку с инвалидностью, и в ответ будете вознаграждены теплом весеннего ветерка.* Присутствия слова в таких представительных политических и образовательных лозунгах и самого факта / действия, пропагандируемого мейнстримом как поступок, достаточно, чтобы отразить его значимость в китайской ценностной картине мира.

В русских контекстах примеры, которые мы нашли в базе данных НКРЯ за последние 20 лет, в большинстве случаев также подчеркивают ценность семейных отношений, особенно воспитания детей. В том числе в контексте семейных ценностей и психологически релевантных контекстов: *Чтобы подарить ребенку любовь и заботу, мы не спускали ребенка с рук, целовали, обнимали, чуть позже появились игры, чтение и прочее.* [Коллективный. Форум: Холивар, 2012]; *А для ребёнка это как раз самое главное: ощущать тепло, любовь и заботу в своей семье, какой бы она ни была.* [Надежда Вылегжанина. Большая родня // «Новгородские ведомости», 2013]; *Затем он вышел из этого состояния и сосредоточился на ощущениях любви и заботы.* [Олег Матфатов, 2019] Объект не обязательно является человеком, такие связи также устанавливаются в контексте отношений с домашними животными.

Кроме того, выражается озабоченность или увлеченность предметом текста. Она также связана с профессионализмом и этическими нормами профессии. *Каждый кадр, каждая деталь дышит любовью и заботой создателей.* Коллективный. Форум: Унесенные призраками, (Spirited Away, 2005-2010). Особые качества, необходимые для профессиональной деятельности: «Были тут и «мудрость руководителя», и «человеческое тепло», и «всенародная любовь», и «забота о людях». [Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)] Но частотность комбинации «любовь и забота» в русском корпусе в светском, то есть между влюбленными, контексте значительно выше, чем актуальность выражения «关爱» в китайском контексте: *В этом изысканном ужине пряталась вся любовь и забота Ирины.* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002] Есть также тексты, в которых используются сочетания любви и заботы, соответствующего государственного и политического участия по отдельности, чтобы призвать получателя участвовать в политических действиях. Например, голосовать на всеобщих выборах. *И вот голосом философа, голосом Александра Сергеевича и говорила лю-*

бовь к своему народу и живая забота, ангажированность проблемами мира, того сложного мира, с которым мы столкнулись на рубеже XX–XXI веков. [Наталья Зарубина. А. С. Панарин: Гражданская идентификация // «Наши современники», 2004.09.15].

Облик любви в русской классической литературе был сформирован под влиянием предыдущего значения слова любовь в религиозном осмыслении как любовь к Богу (объект). Такая связь слова с представлением о высоком, религиозно окрашенном чувстве распространилось и на новое – светское – содержание слова, переосмысленного под влиянием западноевропейской культуры как любовь между мужчиной и женщиной: такие отношения, являются сильными, искренними и чувственно-целомудренными. Эти ценностные связи по-прежнему актуальны в современной лирике, в которой традиционно воспеваются связи – любовь и искренность, любовь и доброта, любовь и забота:

И, чтоб в любви как в сказке жить, / Нам искренностью нужно дорожить,

И поводов для ревности не дать, / Заботу, нежность постоянно проявлять.

Любовь Ясинеvская.

Любовь бежит от тех, кто гонится за нею
(2009)

Любовь – это труд и забота, / Забота не на год на сто.

Сначала мы любим за что-то, / Потом – не смотря ни на что.

Любовь // stih.ru (2014–2020)

Связь между **любовью и заботой** – очень репрезентативная ценность как в русском, так и в китайском контекстах. Такая связь является традиционной и теснейшей в российском сознании: любовь подразумевает заботу. По данным НКРЯ (первая фиксация), сочетание **любовь и забота** появилось в русскоязычных текстах, в том числе в литературе, в середине 19 века: *...но когда дело объяснилось, то она была так тронута этим новым и вовсе неожиданным доказательством его любви и заботы об ней, что с трудом удерживалась от слез.* В. И. Даль. Павел Алексеевич Игровый, 1847.

Актуальные ориентиры: трансформация ценностных представлений

Однако в художественных образах традиционное понимание «смывается», а новые смыслы привлекаются, усиливаются и наделяются новыми значениями. Современная технологическая ин-

формационная культура предоставляет достаточно много путей для такого понимания. Как отмечает Л. Д. Беднарская, современная информационная культура направлена «не на познание, а на обладание миром и извлекаемыми из него вещами» [Беднарская, 2022, с. 19–20]. Таким образом, на данном этапе исследования сосредоточим внимание на том, как меняются современные ориентиры в результате изменения ситуации, когда цель познания мира подменяется целью обладания объектами этого мира.

В работе мы обратили внимание на непосредственное восприятие заботы носителями обоих языков в настоящий момент: с помощью анкеты исследовалось восприятие концепта «забота» испытуемыми, а полученные результаты использовались для анализа связи между понятиями «любовь» и «забота».

Статистика анкетирования:

– итоговое количество респондентов, принявших участие в анкете: 57.

– количество достоверных результатов анкета: 57.

– всего реакций на стимул 82:

любви (36), внимания (7), привязанности(4), доброты (3), беспокойства (2), проявления любви(2), благородства, братства, важности человека для самого проявляющего заботу, влюбленности, добра, доверия, дружбы, есть свободное время, здоровья, интереса, интимности между людьми, искренней любви, искренней поддержки, контроля, милосердия, настроения, нежности, ответственности, переживания за человека, поддержки, понимания, признак моральной эффективности, расположения, родители, родительской любви, семьи, симпатии, хорошего отношения, чуткости.

Предлагаем вашему вниманию конкретные результаты, полученные из анкеты. Из результатов первой ассоциации *забота*, можно заметить, что лексемы, расположенные в ядре и в базовом слое семантического поля, включают следующие реакции: забота – это знак любви, внимания, привязанности. Забота связана с добротой и беспокойством. Это и есть проявление любви с точки зрения респондентов. Результаты совпадают с результатами анализа и нашими выводами, представленными выше.

В ходе случайного интервью в анкете влияние частого употребления термина в рекламе на первый ответ было очень подробно описано в ответах респондентов. Один из китайских респондентов сказал, что, хотя забота является знаком любви, по мере изменения в семье взаимоотношений и

взглядов на образование, в китайской культуре «чрезмерная забота» является признаком «контроля».

В динамичной картине мира, как уже упоминалось в предыдущем разделе, со временем устаревшие ассоциации и ценности исчезают, а новые идеи входят в сознание носителей языка: так, например, исчезли компоненты концепта «любовь», связанные с насилием. Вместе с тем с появлением новых ассоциаций периферийная зона концептов «любовь» и «забота» может изменяться: одна респондентка – носитель русского языка отметила, что из-за рекламы ее личная ассоциация заботы – это «влажные салфетки, увлажняющий крем и бальзам для губ». Действительно, сочетание слов «забота» и «любовь» в одном контексте часто используется в текстах коммерческой рекламы как на русском, так и на китайском языке. Эффективные рекламные фразы запоминаются: для китайской телевизионной зрителей, родившихся до 1990-х годов, следующая цитата будет понятной и близкой: «多点关心多点爱» Перевод наш: *Больше заботы, больше любви* – реклама желе *«喜之郎»*. Подобное применение еще активно и в современном русском дискурсе: связь встретится в новой рекламе интернет-магазина Магнит-Косметик, слоган: *«ЭТО ПО ЛЮБВИ»*. Из текста, представленного в рекламном ролике, видно, что *заботиться* – значит *любить*. Это означает, что корреляция любви и заботы можно рассматривать как процесс, в котором эмоциональный опыт любви фактически воплощается в действие, и этот процесс перехода от абстрактного к конкретному и материально ориентированному активно используется в рекламном дискурсе. Именно поэтому комбинация «любовь и забота» также широко используются в рекламных роликах, показывающих любовь к другим (в китайском тексте «爱心» «大爱») и т. д. Социальная реклама делает попытку актуализировать традиционные ценности в сознании современников: в социальной рекламе «любовь» олицетворяет ответственность и заботу и призвана пробудить совесть и побудить получателя к действию – отвлечь от равнодушия и любви к себе [Милованова, Рябова, 2020]. Ср.: *Необходимо привить ребенку мысль, что в телесных проявлениях бытия нет ничего постыдного и что любовь и забота об окружающем мире начинаются с любви к самому себе* [Безгрешное воспитание (2001) // «Известия», 19.12.2001]. Сочетание слов «любовь» и «забота», репрезентирующих одноименные кон-

цепты, в коммерческой рекламе в большей степени способствует появлению образов, связанных с заботой о себе и любовью к себе. Структура запроса для ключевого слова *забота*, введенного на платформе интернет-магазина OZON, представляет собой интерфейс для товаров и действий, связанных с общественным благосостоянием.

Итак, делаем предположение, что корреляция между «любовью» и «заботой» в русском и китайском языке должна присутствовать и быть активной в мышлении носителей обоих языков. Далее подтвердим это предположение сначала в русской языковой картине мира с помощью данных ассоциативных экспериментов. Основываясь на наблюдениях, очень интересно отметить, что с точки зрения поддержки данных, наши запросы на ассоциации, связанные со словами *любовь* и *забота* в ранних словарях ассоциаций, редко («Русский ассоциативный словарь» (1994) или вообще не давали соответствующих результатов ассоциаций («Словарь ассоциативных норм русского языка» (Леонтьева, 1973), «Русский сопоставительный ассоциативный словарь» (2008), «Русский ассоциативный словарь» (2002), «Славянский ассоциативный словарь» (2004).

Если рассматривать результаты обновленных ассоциативных экспериментов, в Русском ассоциативном словаре (2011) «забота» переходит к базовый слой концепта «любовь». По результатам, полученным нами на основе анализа онлайн-словарей (подробнее см. таблица 2) и результатам нашего ассоциативного эксперимента (2020), частота реакции «забота» даже занимает первое место. То есть в настоящее время взаимосвязь между понятиями «любовь» и «забота» изменилась по сравнению с предыдущим периодом – она стала более тесной.

Благодаря поиску в ассоциативной сети [Сиренко], основанной на результатах более ранних экспериментов с ассоциативными реакциями, можем увидеть опосредованные результаты. Очевидно, что «забота» сначала должна быть спроецирована на конкретный объект или более определенное действие (в том числе: работа / охота / дети / ласка / мама / болезнь и т. д.), прежде чем может быть получен ответ «любовь», и напротив, ассоциативный процесс от «любви» к «заботе» более сложный: любовь → страдание → мучение → забота. Но согласно последним результатам реакции на слова-стимулы «любовь» и «забота» отмечаем сокращение ассоциативного процесса: от узла «забота» к узлу «любовь» отражается в

изменении косвенного ассоциативного процесса на прямой, в поиске цепочек от узла «любовь» к

узлу «забота», наблюдается тенденция к уменьшению длины пройденных шагов.

Таблица 1

Рейтинг реакций на слова в онлайн-словарях ассоциаций

Названия онлайн-словарей	Рейтинг реакций на слово «забота» в результатах поиска слова «любовь»	Рейтинг реакций на слово «любовь» в результатах поиска слова «забота»
Словарь ассоциаций WordAssociation.RU	48	1
Игра в ассоциации с коллективным разумом	28	1
Словарь ассоциаций русского языка онлайн	11	2

В дополнение мы воспользовались LogDice в Национальном корпусе русского языка и сравнили соответствующие данные. Данные LogDice представляет уникальную силу коллокации между словами или словом и фразой, которая является краткой и простой статистической мерой, обычно используемой в корпусной лингвистике для визуализации силы коллокационной ассоциации в виде числового значения. Число 10 или выше указывает на то, что коллокация имеет силу крайне высокого соответствия, в то время как значение 0 указывает на то, что коллокация не имеет такой силы, повторение коллокации является чисто случайным, с незначительной корреляцией между словами [Rychlý, 2008, с. 9].

По результатам предыдущих наблюдений был проведен следующий анализ: согласно имеющимся словарям реакций и результатам экспериментов, реакция слова «любовь» распространяется в позиции ядра слова «забота». В результате ассоциативной реакции на «любовь» частота «заботы» также значительно увеличилась. В то же время совокупные данные НКРЯ показывают, что в конкретных текстах дискурса, где встречается «любовь», данное слово относительно тесно связано с «заботой» (значение LogDice – 8.9, близкие к 10).

Корреляция между использованием заботы в качестве стимула и результирующей реакцией «любви» присутствует на поверхности сознания носителя русского языка и может быть подтверждена прямыми результатами экспериментов и данными других средств. Алгоритм корреляции на основе аналогичного НКРЯ показывает наличие достаточно сильной связи в конкретном тексте. Таким образом, приходим к предположению, что концепт «забота» как связанный с концептом «любовь» давно присутствует в подсознании носителей русского языка, и связи между ними становятся все прочнее по мере того, как сдвиг в ценностях постепенно выходит на поверхность сознания носителей данного языка.

Результаты

Предлагаем сделать следующие выводы: концепт «любовь» используется в гораздо более широком аспекте и может быть переведен в классические или современные ценности, подходящие под всякий случай. Концепт «забота» в современном дискурсе чаще всего связан с представлениями о здоровье, образовании и т. д. В случае объединения концептов «любовь» и «забота», комбинация имеет тенденцию к конкретизации: это признак внимания и привязанности. То есть внимание к объекту является общим между «любовью» и «заботой»: *забота – это проявление любви*.

Можно доказать, что между этими двумя концептами как в русской, так и в китайской языковых картинах мира существует тесная взаимосвязь, а их совместное применение является прочным, поскольку традиционные национальные ценности близки, есть интересные особенности для китайского понимания содружества понятий и различия в акцентировании и активности, но в целом – несомненная близость представлений.

Применение в коммуникативном дискурсе объединенных концептов позволяет получить точный спектр ассоциаций, реакций адресата. В то же время, по мере движения в ценностных представлениях, степень ассоциации между ними в русском языке становится сильнее, а конкретные акты любви и ответной заботы находятся в процессе изменения в языковых картинах мира. По мере изменения в русском и китайском представлении некие стереотипы, как «насилие», зафиксированные в устойчивых оборотах, ослабевают и уходят, появление новых значимостей и дискурсивных приложений привело к тому, что в языковое сознание носителей языка вошли новые представления. Оба концепта оказались связаны с материальным объектом приложения любви и заботы, с другой стороны, объектом становится сам человек (дискурс коммерческой рекламы). Косвенно об этом свидетельствуют тексты социальной рекламы, препятствующей сосредоточен-

ности современного человека на самом себе как объекте «любви» и «заботы».

Заключение

«Любовь» и «забота» – ключевые концепты в русском и китайском сознании, отражающие ментальные ценности. Используя в качестве материала для анализа конкретное воплощение (объективацию) концептов в процессе коммуникации, можно проследить изменения образа концептов в сознании носителей русского и китайского языков, то есть выявить состояние концептов в динамике: современные ценности действительно влияют на представления людей о любви и заботе. Современные тексты (в первую очередь – рекламные) свидетельствуют об изменении характера связей слова «забота», объективирующего концепт, что является результатом актуализации объекта Я (*забота о себе*). Корреляция концептов обнаруживается в различных дискурсах. Вместе с тем тесные связи слова-концепта «забота» со словом-концептом «любовь» в рекламном дискурсе влияют на содержание концепта «любовь», репрезентирующего традиционные ценности, однако уже включающего представление об актуальных предпочтениях – таких как эгоцентризм и гедонизм.

Библиографический список

1. Ашурова Д. У. Междисциплинарный подход к исследованию языка // Нижневолжский филологический вестник. Т. 6. №2. 2021. С. 127–137.
2. Ашурова Д. У. Научный статус стилистики в современном языкознании // Виноградовские чтения: Международный сборник научных статей. Вып. XIII. Ташкент, 2017. С. 31–34.
3. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–37.
4. Большой универсальный словарь русского языка. // Около 30 000 наиболее употребительных слов / Г. Ф. Богачева, В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая. Москва : АСТ-Пресс Книга. 2016. 1452 с.
5. Володин В. В. Эволюция понятия «забота»: культурные смыслы и исторические параллели // Концепт: философия, религия, культура. Т. 4. №2 (14). 2020. С. 17–24.
6. Воркачев С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. Волгоград : Перемена, 2003. С. 189–208.
7. Воркачев С. Г. Symbolum patriae: гимнодия и геральдика в лингвокультурном аспекте : монография. Краснодар : ФГБОУ ВО «КубГУ», 2023. 251 с.
8. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. Москва : Гнозис, 2007. 285 с.
9. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург : Динамит, 1997. 523 с.
10. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. Москва : Сов. энциклопедия, 1966. 535 с.
11. Игра в ассоциации с коллективным разумом. URL: <https://sociation.org/> (дата обращения: 19.05.2023)
12. Карасик В. И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 65–75.
13. Карасик В. И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) // Концепты. Выпуск 2. Архангельск, 1997. С. 156–158.
14. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика. 2004. №1(001). С. 6–17.
15. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
16. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. 1536 с.
17. Милованова М. С., Рябова А. В. Вербализация мысли о равнодушии / безразличии в социальной рекламе // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2020. Т. 9. № 2. С. 60–67.
18. Милованова М. С. К определению понятия любовь: микродиахронный срез // Гуманитарные технологии в современном мире: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (28–30 мая 2020 г.). Калининград, 2020. С. 122–129.
19. Милованова М. С. Предисловие // Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография // М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова, А. Н. Матурская, Р. Р. Шамсутдинова; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Москва – Ярославль : Издательство «Канцлер», 2022. 390 с.
20. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (даты обращения: 19.05.2023)
21. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой; АН СССР, Ин-т рус. яз. 23-е изд., испр. Москва, 1991. 915 с.
22. Розин В. М. Концепция «заботы о себе»: философская, научная, художественная и авторская версии // Культура и искусство. 2017. № 7. С. 50–56.
23. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. Москва, 1994. 211 с.
24. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1–11 классов: в 2 т. / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартыанов; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2011. 478 с.

25. Сиренко А. В. Информационная система когнитивных экспериментов: Ассоциативная сеть (2009–2012). URL: <http://it-claim.ru>. (дата обращения: 13.05.2023)
26. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. Москва, 2004. 792 с.
27. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. Москва, 1973.
28. Словарь ассоциаций русского языка онлайн. URL: <https://sinonim.org/as> (дата обращения: 27.05.2023)
29. Словарь ассоциаций. URL: <https://wordassociation.ru/> (дата обращения: 27.05.2023)
30. Словарь китайских фразеологизмов. Чэнду : Изд-во Сычуаньского словаря, 2001. 1128 с.
31. Словарь китайского языка. Пекин : Шану, 2002. 1999 с.
32. Словарь современного китайского языка / под ред. Люй Шусян. Пекин : Шану, 1996. 1869 с.
33. Словарь современного китайского языка. URL: <http://cidian.xpcha.com/> (дата обращения: 19.05.2023)
34. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Москва : Академический проект, 2001. 991 с.
35. Толковые словари // Большая российская энциклопедия. Т. 32. Москва, 2016.
36. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Москва : Рус. словари, 1994.
37. Черкасова Г. А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. Москва : ИЯз РАН, 2008.
38. Rychlý P. A. Lexicographer-Friendly Association Score. RASLAN, 2008. С. 6–9.
39. 北京大学CCL语料库. URL: <http://ccl.pku.edu.cn/>
40. 北京语言大学BCC语料库. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/>
41. 陈炳昭, 林连通, 张仪卿. 新编汉语多用辞典: 成语·歇后语·习惯语·谚语·格言; // 陈炳昭, 林连通, 张仪卿 – 北京: 社会科学文献出版社, 1994. 1587 с.
42. 黑龙江大学俄罗斯语言文学与文化研究中心辞书研究所. 新时代俄汉详解大词典 – 北京: 商务印书馆, 2014. 7576 с.
43. 南致善, 黄长霁. 大俄汉词典 / 黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究编著; 8-е изд., пересмотр. и доп. 北京: 商务印书馆, 2003.
44. 新华谚语词典 / 辞书研究中心编著; 北京: 商务印书馆, 2007. 581 с.
2. Ashurova D. U. Nauchnyj status stilistiki v sovremennom jazykoznanii = Scientific status of stylistics in modern linguistics // Vinogradovskie chtenija: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh statej. Vyp. XIII. Tashkent, 2017. S. 31–34.
3. Boldyrev N. N. Konceptual'noe prostranstvo kognitivnoj lingvistiki = Conceptual space of cognitive linguistics // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2004. № 1. S. 18–37.
4. Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo jazyka = Big universal dictionary of the Russian language // Okolo 30 000 naibolee upotrebitel'nyh slov / G. F. Bogacheva, V. V. Morkovkin, N. M. Luckaja. Moskva : AST-Press Kniga. 2016. 1452 s.
5. Volodin V. V. Jevoljucija ponjatija «zabota»: kul'turnye smysly i istoricheskie paralleli = Evolution of the concept 'care': cultural sense and historical parallels // Koncept: filosofija, religija, kul'tura. T. 4. №2 (14). 2020. S. 17–24.
6. Vorkachev S. G. Koncept ljubvi v russkom jazykovom soznanii = 'Love' concept in Russian linguistic mind // Kommunikativnye issledovanija 2003: Sovremennaja antologija. Volgograd : Peremena, 2003. S. 189–208.
7. Vorkachev S. G. Symbolum patriae: gimnodija i geraldika v lingvokul'turnom aspekte = Symbolum patriae: hymnody and heraldry in linguocultural aspect: monografija. Krasnodar : FGBOU VO «KubGTU», 2023. 251 s.
8. Vorkachev S. G. Ljubov' kak lingvokul'turnyj koncept = Love as linguistic-cultural concept. Moskva : Gnozis, 2007. 285 s.
9. Dal' V. I. Poslovice russkogo naroda = Proverbs of the Russian people : V 3 t. T. 3. Sankt-Peterburg : Dinamit, 1997. 523 s.
10. Zhukov V. P. Slovar' russkih poslovic i pogoovorok = Dictionary of Russian proverbs and sayings. Moskva : Sov. jenciklopedija, 1966. 535 s.
11. Igra v asociacii s kolektivnym razumom = Association game with collective mind. URL: <https://society.org/> (data obrashhenija: 19.05.2023)
12. Karasik V. I. Aksiogennaja situacija kak edinica cennostnoj kartiny mira = Axiogenic situation as a unit of the value worldview // Politicheskaja lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 65–75.
13. Karasik V. I. Jazykovye koncepty kak izmerenija kul'tury (subkategorial'nyj klaster temporal'nosti) = Language concepts as cultural dimensions (subcategory cluster of temporality) // Koncepty. Vypusk 2. Arhangel'sk, 1997. S. 156–158.
14. Kubrjakova E. S. Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoj lingvistiki = On cognitive science attitudes and current problems of cognitive linguistics // Kognitivnaja lingvistika. 2004. №1(001). S. 6–17.
15. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke = Language and knowledge. Toward getting knowledge of the language. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 s.

Reference list

1. Ashurova D. U. Mezhdisciplinarnyj podhod k issledovaniju jazyka = Interdisciplinary approach to studying language // Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik. T. 6. №2. 2021. С. 127–137.

16. Kuznecov S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Big explanatory dictionary of the Russian language. Sankt-Peterburg : Norint, 2000. 1536 s.
17. Milovanova M. S., Rjabova A. V. Verbalizacija mysli o neravnodushii / nebezrazlichii v social'noj reklame = Verbalizing the idea of care / concern in social advertising // Nauchnye issledovanija i razrabotki. Sovremennaja kommunikativistika. 2020. T. 9. № 2. S. 60–67.
18. Milovanova M. S. K opredeleniju ponjatija ljubov': mikrodiachronnyj srez = Toward the definition of love: a microdiachronic aspect // Gumanitarnye tehnologii v sovremennom mire: materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (28–30 maja 2020 g.). Kaliningrad, 2020. S. 122–129.
19. Milovanova M. S. Predislovie = Foreword // Obshhaja i russkaja lingvoaksiologija: Kollektivnaja monografija // M. S. Milovanova (otv. red.), K. Ja. Sigal, V. I. Karasik, G. G. Slyshkin, B. I. Fominyh, N. A. Bozhenkova, L. M. Goncharova, A. N. Matrusova, R. R. Shamsutdinova; IJaz RAN, Gos. IRJa im. A.S. Pushkina. Moskva – Jaroslavl' : Izdatel'stvo «Kancler», 2022. 390 s.
20. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National Russian corpus. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashhenija: 19.05.2023)
21. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka: 70000 slov = Dictionary of the Russian language: 70000 words / pod red. N. Ju. Shvedovoj; AN SSSR, In-t rus. jaz. 23-e izd., ispr. Moskva, 1991. 915 s.
22. Rozin V. M. Konceptcija «zaboty o sebe»: filosofskaja, nauchnaja, hudozhestvennaja i avtorskaja versii = The concept of «self-care»: philosophical, scientific, artistic and authorial versions // Kul'tura i iskusstvo. 2017. № 7. S. 50–56.
23. Russkij asociativnyj slovar' = Russian dictionary of associations / Ju. N. Karaulov, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov i dr. Moskva, 1994. 211 s.
24. Russkij asociativnyj slovar': asociativnye reakcii shkol'nikov 1–11 klassov: v 2 t. = Russian dictionary of associations: associative responses of 1-11grades students: in 2 vols. / V. E. Gol'din, A. P. Sdobnova, A. O. Mart'janov; Saratovskij gos. un-t im. N. G. Chernyshevskogo. Saratov : Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2011. 478 s.
25. Sirenko A. V. Informacionnaja sistema kognitivnyh jeksperimentov: Asociativnaja set' (2009–2012) = The information system for cognitive experiments: Association Network (2009-2012). URL: <http://it-claim.ru>. (data obrashhenija: 13.05.2023)
26. Slavjanskij asociativnyj slovar': russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij = Slavic Associative Dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian / N. V. Ufimceva, G. A. Cherkasova, Ju. N. Karaulov, E. F. Tarasov. Moskva, 2004. 792 s.
27. Slovar' asociativnyh norm russkogo jazyka = Dictionary of association norms of the Russian language / pod red. A. A. Leont'eva. Moskva, 1973.
28. Slovar' asociacij russkogo jazyka onlajn = Russian dictionary of associations online. URL: <https://sinonim.org/as> (data obrashhenija: 27.05.2023)
29. Slovar' asociacij = Dictionary of associations. URL: <https://wordassociation.ru/> (data obrashhenija: 27.05.2023)
30. Slovar' kitajskih frazeologizmov = Dictionary of Chinese phraseological units. Chjendu : Izd-vo Sychuan'skogo slovarja, 2001. 1128 c.
31. Slovar' kitajskogo jazyka = Dictionary of the Chinese language. Pekin : Shanu, 2002. 1999 s.
32. Slovar' sovremennogo kitajskogo jazyka = Dictionary of the modern Chinese language / pod red. Ljuj Shusjan. Pekin : Shanu, 1996. 1869 s.
33. Slovar' sovremennogo kitajskogo jazyka = Dictionary of the modern Chinese language. URL: <http://cidian.xpcha.com/> (data obrashhenija: 19.05.2023)
34. Stepanov Ju. S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury = Constants: Dictionary of the Russian culture. Moskva : Akademicheskij proekt, 2001. 991 s.
35. Tolkovyje slovari = Explanatory dictionaries // Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. T. 32. Moskva, 2016.
36. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory dictionary of the Russian language : V 4 t. Moskva : Rus. slovari, 1994.
37. Cherkasova G. A. Russkij sopostavitel'nyj asociativnyj slovar' = Russian comparative association dictionary. Moskva : IJaz RAN, 2008.
38. Rychlý P. A. Lexicographer-Friendly Association Score. RASLAN, 2008. S. 6–9.
39. 北京大学CCL语料库. URL: <http://ccl.pku.edu.cn/>
40. 北京语言大学BCC语料库. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/>
41. 陈炳昭, 林连通, 张仪卿. 新编汉语多用辞典: 成语·歇后语·习惯语·谚语·格言; // 陈炳昭, 林连通, 张仪卿 – 北京: 社会科学文献出版社, 1994. 1587 c.
42. 黑龙江大学俄罗斯语言文学与文化研究中心辞书研究所. 新时代俄汉详解大词典 – 北京: 商务印书馆, 2014. 7576 c.
43. 南致善, 黄长霏. 大俄汉词典 / 黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究编著; 8-e izd., peresmotr. i dop. 北京: 商务印书馆, 2003.
44. 新华谚语词典 / 辞书研究中心编著; 北京: 商务印书馆, 2007. 581 s.

Статья поступила в редакцию 19.08.2023; одобрена после рецензирования 08.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 19.08.2023; approved after reviewing 08.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 81'286(084.42)

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_142

EDN: KNWKGC

«Митридат» Конрада Гесснера: история создания и устройство музея языков

Михаил Львович Сергеев

Кандидат филологических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 5, литера Б

librorumcustos@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1548-3901>

Аннотация. В статье рассматривается история создания и жанровая природа сочинения Конрада Гесснера «Митридат» (1555) – первого справочника о языках мира. Даются общие сведения о структуре книги, ее источниках и принципах цитирования; отдельно отмечается роль ученой переписки и взаимодействия внутри Республики ученых как важного информационного ресурса для науки XVI века. Внимание также обращается на связь «Митридата» с другими филологическими и естественно-научными проектами Гесснера (изданием греческо-латинского лексикона с использованием «*Dictionarium linguae Graecae*» Г. Фаворино, сбором зоонимов на разных языках для «*Historia animalium*» и др.), общие источники и принципы представления информации, характерные для его справочных и энциклопедических работ. Будучи «инвентарем» языков, «Митридат» сочетает композиционные и содержательные признаки, характерные для словаря имен собственных, бумажного музея, а также для исторического дискурса. Как и в большинстве справочников XVI в., в его составлении были использованы принципы собрания «общих мест», то есть накопления готовых эксцерптов – читательских заметок, объединенных теми или иными ключевыми словами. Особенный интерес представляет «музейная» составляющая справочника, то есть «образцы языков» (*specimina linguarum*), имеющиеся в большинстве статей «Митридата». В отличие от своих предшественников, Гесснер, во-первых, фокусируется на текстовых примерах, а не на алфавитах, и во-вторых, предлагает определенный текст в качестве стандартного «образца» для всех языков (на которых он доступен). Последнее становится очевидно из опубликованной в приложении к книге таблицы переводов молитвы «Отче наш», демонстрирующей представления автора о языковой классификации и использование «языкового образца» в качестве эмпирической основы для языковых сопоставлений.

Ключевые слова: история языковых сопоставлений; классификация языков; справочная литература; XVI век; гуманизм, естествознание; Республика ученых

Для цитирования: Сергеев М. Л. «Митридат» Конрада Гесснера: история создания и устройство музея языков // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 142–152. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_142. <https://elibrary.ru/KNWKGC>

Original article

«Mithridates» by Konrad Gessner: the story of creation and structure of the languages museum

Mikhail L. Sergeyev

Candidate of philological sciences, researcher, St. Petersburg branch of S. Vavilov institute for the history of science and technology, russian academy of sciences. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya embankment, 5, letter B

librorumcustos@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1548-3901>

Abstract. The article discusses the history and genre of Conrad Gessner's «Mithridates» (1555) – the first reference book on world languages. General information is given on the structure of the book, its sources and principles of citation; the role of academic correspondence and interaction within the Republic of Letters as an important information resource for XVI century science is emphasized. Attention is also drawn to the connection of «Mithridates» with Gessner's other philological and natural science projects (the publication of a Greek-Latin lexicon using G. Favorino's «*Dictionarium linguae Graecae*», the collection of zoonyms in different languages for «*Historia animalium*», etc.), the general sources and principles of presenting information typical of his reference and encyclopedic works. As an «inventory» of languages, Mithridates combines compositional and content features specific to the dictionary of proper

names, the paper museum, and historical discourse. Like most reference books of the 16th century, it was compiled using the principles of collecting «commonplaces», that is, accumulating ready-made excerpts (reader's notes), grouped by certain keywords. Of particular interest is the «museum» component of the reference book, i.e. the «specimens of languages» (specimina linguarum) found in most articles of Mithridates. Unlike his predecessors, Gessner focuses, firstly, on textual examples rather than alphabets and, secondly, suggests a certain text as a standard «specimen» for all languages (in which it is available). The latter becomes obvious from the table of Our Lord's Prayer translations published in the appendix to the book, which demonstrates the author's ideas about linguistic classification and the use of a «linguistic specimen» as an empirical basis for linguistic comparisons.

Key words: history of linguistic comparisons; classification of languages; reference books; 16 century; humanism; natural sciences; Republic of Letters

For citation: Sergeyev M. L. «Mithridates» by Konrad Gessner: the story of creation and structure of the languages museum. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(4):142–152. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_142. <https://elibrary.ru/KNWKGC>

Введение

Сочинение цюрихского полимата Конрада Гесснера (1516–1565) «Митридат. О различиях языков» (“Mithridates De differentiis linguarum”), представляющее собой справочник обо всех языках мира, известных в Европе к середине XVI в. (в книге упоминаются около 110 языков и диалектов), не было обделено вниманием исследователей. Начиная с 1960-х гг. в целом ряде публикаций были рассмотрены отдельные главы этой книги, посвященные германским, кельтским, славянским, балтийским и другим языкам (см., например, [Considine, 2017; Dini, 1997; Porre, 1986]). Кроме того, изучались лингвистические представления Гесснера, которые в некоторых отношениях были типичными для эпохи гуманизма и начала национальных филологий (ср. [Tavoni, 1998]), в других – особенно в том, что касается сопоставления германских языков и понимания соотношения «языка» и «диалекта», – характеризовались как новаторские (см. [Metcalfe, 1963; Peters, 1974; 1987; Van Rooy, 2020, 47–61]). Достижения этих работ были резюмированы Бернаром Коломба и Манфредом Петерсом в новом издании «Митридата», вышедшем в 2009 г. [Gessner, 2009]. Среди публикаций на русском языке следует отметить комментированный перевод избранных фрагментов «Митридата», подготовленный Михаилом Шумилиным [Шумилин, 2016].

В настоящей работе я хотел бы обратить внимание не столько на эксплицитное выражение тех или иных концепций в тексте «Митридата», сколько на историю создания и форму сочинения – жанровые особенности, принципы расположения материала и т. д. В новейшем обзоре предыстории индоевропейского языкознания Пьер Свиггерс справедливо называет сочинение Гесснера первым «каталогом языков» (“language catalog”), отмечая, что алфавитная организация

сочетается в нем с попытками построения генетической классификации языков и включением разного рода экстралингвистической (исторической, географической) информации. [Swiggers, 2017, p. 147–148]. «Каталог языков» может показаться слишком общим наименованием, однако оно станет вполне определенным, если его контекстуализировать, соотнеся с задачами и технологиями составления справочной литературы в период информационной перегрузки XVI в. [Blair, 2010; Zedelmaier, 2015] и конкретнее – с их воплощением в творчестве Конрада Гесснера.

«Митридат» «каталогизировал» языки, будучи одновременно словарем языковых названий (глоттонимов), собранием историй отдельных языков и музеем языковых образцов; в настоящей публикации речь пойдет главным образом о последнем из этих аспектов. Статья основывается на результатах диссертационной работы [Сергеев, 2018; см. ее резюме: Sergeev 2019], а также исследований, проводившихся автором в последующие годы.

Истории создания и публикации «Митридата»

Печатное издание «Митридата» вышло в Цюрихе в 1555 году в типографии Кристофа Фрошауэра. В посвятельном письме английскому историку, библиографу и поэту Джону Бэйлу (1495–1563) (л. A2a/b) (ссылки на первое издание «Митридата» [Gessner, 1555c] здесь и далее даются в тексте в круглых скобках) Гесснер благодарит его за присланный текст молитвы «Отче наш» на «старом британском языке», включенный в одноименную статью «Митридата» (л. 13b), и просит прислать образцы других языков, которые употреблялись на территории Британии. Можно предположить, что таким же образом, то есть через своих корреспондентов, Гесснер получил и некоторые из тех языковых образцов, происхождение которых в тексте справочника не указано: современные греческие по-

словицы (л. 47a), молитву «Отче наш» на польском языке (л. 55b-56a) и др. При сборе информации для научных работ Гесснер часто использовал свои связи внутри Республики ученых (ср. [Leu, 2016b]). Кроме того, из просьбы Гесснера можно сделать вывод, что уже в 1555 году он предполагал, что в дальнейшем дополнит и переиздаст свою книгу о языках. Это предположение находит дополнительное подтверждение в словах эпилога: «Я решился написать о всех языках <...> чтобы побудить других авторов самим (что кажется мне предпочтительным) написать об одном из них или сразу о многих или же прислать эти сведения мне, для дополнения и исправления нашего труда» (здесь и далее цитаты приводятся в переводе автора статьи) (л. 78a).

Разумеется, переписка не была единственным источником «Митридата»: этот труд был продолжением предшествовавших научных занятий Гесснера, в том числе его библиографических разысканий. Более ранние свидетельства гесснеровского интереса к языковому разнообразию содержатся в словаре латинских, греческих, немецких и французских названий растений (1542) и филологических разделах «Истории животных», в которых собрана зоологическая номенклатура по меньшей мере на шестнадцати языках. Некоторые из томов, дополняющих основные части «Истории», фактически являются многоязычными словарями, включающими также изображения животных или этимологию их названий («Icones animalium quadrupedum viviparorum et oviparorum» (1553); «Aquatilium animalium nomina Germanica et Anglica» (1556); «Nomenclator aquatiliu animalium» (1560) и др.). В разделах XIX и XXI («О различных языках» и «О еврейской, халдейской, арабской и т. д. грамматике») первой книги систематической библиографии «Пандекты» (1548 г.) приведена библиография лингвистических трудов, которую полезно иметь в виду для понимания источников «Митридата». Помимо книг о немецком, французском и итальянском языках (которыми владел Гесснер, ср. [Leu et al., 2008, p. 16]) в ней названы славянские и многоязычные словари, «Linguarum duodecim characteribus differentium alphabetum» (1538) Гийома Постеля (см. [Сергеев, 2023]), а также грамматики и словари древнееврейского, арамейского и арабского [Gessner, 1548, f. 34b–36a; 38b–42b].

По подсчетам Коломба и Петерса, больше половины библиографических указаний в «Митридате» отсылают к античным произведениям

[Colombat, Peters, 2009, p. 75]. Можно осторожно предположить, что первые конспекты сведений о языках и народах мира Гесснер мог составить уже в 1534 г., когда он учился в Париже и «без определенной цели» (по его собственным словам, см. [Gessner, 1545, f. 180a]) пролистывал многочисленные произведения классиков, или несколькими годами позже, когда он преподавал греческий язык в Лозанне (1537–1540 гг.). По крайней мере трижды (л. 60a/b, 67b, 69a) автор «Митридата» ссылается на греческий словарь Гуарино Фаворино (ок. 1450–1537 гг.) [Favorino, 1538, col. 1070, 1407, 412]. Гесснер основательно изучил его, работая над новой версией греко-латинского лексикона по заказу издателя Иоганна Вальдера в 1537 году.

Текст «Митридат» также обнаруживает множество пересечений с другими проектами Гесснера. Например, в главе о древнем галльском языке («Gallica lingua vetus») перечислены названия галльских растений из трудов Диоскорида и Марцелла Эмпирика («bacchar», «beliocandas», «ratis», «bricumus» и т. д.) (л. 17b), которые Гесснер, вероятно, взял из заметок к будущей «Historia plantarum» (так и не изданной полностью). Шесть из семи египетских слов, приведенных в «Митридате» (л. 5a), являются зоонимами, пять из них упоминаются в первом (1551) и третьем (1555) томах «Historia animalium» [Gessner, 1551, p. 345; 1555a, p. 4, 744].

Существует множество подтверждений того, что Гесснер действительно продолжил работу над лингвистическим справочником после 1555 года. Например, в предисловии к немецко-латинскому словарю Йошуа Малера 1561 г. он несколько раз ссылается на уже напечатанную книгу и публикует небольшое дополнение к ней: из всех переводов «Отче наш» на немецкий и родственные языки здесь приведен только шведский, поскольку именно его не доставало в «Митридате»; кроме того, тут же дан образец старинных германских стихов из «Evangelienbuch» Отфрида [Gessner, 1561, f. *4b, *6b] (ср. [Kössinger, 2009, S. 41–85]). Также в письме к Ахиллесу Пирмину Гассеру (1505–1577) от 11 августа 1563 г. Гесснер сообщил о сборе материалов для нового издания «Митридата», вновь проявив особенный интерес к германским языкам и древностям [Gessner, 1577, f. 26b]. В октябре 1562 г. Гесснер обратился к кельнскому богослову Георгу Кассандеру (1518–1566) с просьбой прислать ему готский алфавит, а также образцы готских текстов (из недавно обна-

руженного перевода Вульфилы) для дополнения справочника; Кассандер вскоре выполнил его просьбу [Gessner, 1577, f. 28a].

Однако замысел Гесснера по изданию новой версии «Митридата» не был осуществлен при жизни автора. В 1610 г. прежний текст «Митридата» был опубликован под редакцией богослова и востоковеда Каспара Вазера (1565–1625), который добавил к статьям Гесснера подробные пояснения, составляющие в общей сложности 55 листов и содержащие сведения по истории языков и народов, новые языковые образцы и разнообразные этимологии [Waser, 1610]. В предисловии Вазер не упоминает ни о каких черновиках Гесснера, которые он мог бы использовать при написании дополнений. Исходя из имеющихся сведений о судьбе библиотеки и архива Гесснера [Leu et al., 2008, p. 5–9], можно предположить, что к началу XVII в. эти материалы уже были утеряны.

Кроме того, еще одно дополненное издание «Митридата» вышло в Риме в 1591 г. под именем филолога и библиотекаря Анджело Рокки (1545–1620 гг.) в качестве приложения к его книге о Ватиканской библиотеке – «Appendix de dialectis, hoc est de variis linguarum generibus» («Прибавление о диалектах, то есть о различных родах языков») [Росса, 1591, p. 291–376]. Исследование Чинции Фьякки показало, что Рокка перепечатал большинство статей Гесснера, не упомянув при этом его имени. Учитывая, что в книге также отсутствуют имена протестантских авторов, цитируемых Гесснером, Фьякки с полным основанием предположила, что умолчание было обусловлено цензурными ограничениями: все книги Гесснера были внесены в “Index librorum prohibitorum” в 1559 году [Fiacchi, 1996].

Форма и структура книги

«Митридат» представляет собой небольшую книгу формата in-octavo объемом в 80 листов (то есть 160 страниц). Если сравнить ее с другими справочниками Гесснера, можно согласиться с характеристикой, которую дал ей Каспар Вазер: «Тоненькая книжечка, в которой высокоученый [πολύμαθέστατος] Гесснер изящным образом сумел явить свой гений» [Waser, 1610, f. 3a].

Предисловие к «Митридату» посвящено общим вопросам различий между языками (“de differentiis linguarum observationes, & primum in genere”) (л. 1a). В самом начале сказано, что автор не собирается истолковывать сюжеты Священного Писания, связанные с историей языков

(в отличие, например, от Клода Дюре, посвятившего этому около трехсот страниц своего “Thresor de l’histoire des langues de cest univers” [Duret, 1619, p. 1–310]): давней утрате общего языка человечества Гесснер противопоставлял распространение языковых штудий и переводов Библии на народные языки в эпоху гуманизма (л. A2b, 1a/b). Затем проблема языкового разнообразия объясняется в синхронии (языки и диалекты) и диахронии (исторические изменения в языках), приводятся причины «упадка» и «смешения» языков, вводится понятие «варварских языков»; наконец, в предисловии имеются специальные разделы о «языке» богов и «языке» животных.

За теоретическим введением следует основная часть книги, имеющая подзаголовок “De linguis diversis singillatim ordine literarum” («О различных языках по отдельности, в алфавитном порядке») (л. 4b). В этой формулировке легко обнаружить отсылку к названию труда учителя и коллеги Гесснера Теодора Библиандера “De ratione communi omnium linguarum et literarum commentarius” («Комментарий о едином основании всех языков и письменностей») [Bibliander, 1548]: так Гесснер подчеркивал, что языки в «Митридате» рассматриваются под другим углом зрения – так, как это принято в жанре “historia”, представляющем знания о частных явлениях (см. [Pomata, Siraisi, 2005]): его Гесснер использовал и в своих важнейших естественно-научных трудах.

Структура текста «Митридата» в целом характерна для научных компиляций XVI века, устроенных как собрания «общих мест» [см. Blair, 2010, p. 62–172]. Цитаты, выбранные из различных источников, систематизировались по ключевым словам: в случае с «Митридатом» это обычно названия языков (“Aegyptiaca lingua”, “Aeolica lingua”, “Aethiopica lingua” и т.д.), реже – этнонимы или топонимы (“Assyriorum lingua” (л. 12a), “Cappadocum lingua” (л. 13b), “Lithuania olim...” (л. 59a), “Pannoniae pars Illyrice loquitur” (л. 62a) и т.д.). Эти термины вынесены в заголовки статей, которые следуют в алфавитном порядке (о значительном распространении этого принципа классификации в раннее Новое время см. [Фландерс, 2023, 134–161]).

Самые короткие статьи «Митридата» состоят из единственной цитаты, сопровождаемой ссылкой на источник, или вовсе ограничиваются перекрестной ссылкой на другие “loci”. Однако в большинстве случаев статьи содержат некоторые сведения по истории соответствующего языка

или народа, а также какой-то языковой материал. Так, в главе, посвященной *фракийскому* языку (л. 69а), сначала сообщается, что Элий Катон переселил во *Фракию* 50 тыс. гетов, а также что геты и *фракийцы* говорили на одном языке (согласно Страбону); затем приведены некоторые *фракийские* глоссы, имеющиеся у Фаворино и Евстафия; наконец, Гесснер ссылается на сообщение Геродота о пеласгийском языке, в котором упоминается *фракийский* город Крестон (л. 62b).

Проанализировав принципы цитирования источников в «Митридате», Б. Коломба отметил точность библиографических ссылок, разнообразие цитируемых источников и значительную неоднородность цитат по форме и объему [Colombat, 2007; Colombat, Peters, 2009, p. 45–58]. Эти характеристики в целом применимы и к другим справочным работам Гесснера. Как верно сформулировал Урс Лей, глагол “*inserere*” («вплетать, вставлять»), которым Гесснер обозначал включение в текст эксцерптов из других сочинений, очень точно передает суть явления: цитаты в его компиляциях воспроизводятся дословно и в полном объеме [Leu, 1990, s. 115–117]. «Митридат», несмотря на свою миниатюрность, не стал исключением.

В той или иной мере «разноголосица» цитат характерна в целом для справочных трудов XVI в. и объясняется, с одной стороны, технологией их составления и редактирования, с другой стороны – принципами гуманистической филологии, требовавшей в точности воспроизводить текст источника [см. подробнее Сергеев, Воробьев, 2003]. Отмечая эту особенность компилятивных текстов, Фабьен Симон называет языковые справочники «коллекциями», экспонатами которых являются фрагменты текстов [Simon, 2018, p. 299–300]. Не исключая правомерность такой интерпретации, я хотел бы обратить внимание на то, что образ музея еще более осязаемо проявляется на другом уровне текста «Митридата» – в представлении «языковых образцов».

Музеи языков

Музейными экспонатами в раннее Новое время – эпоху расцвета научных коллекций (см., прежде всего, [Findlen, 1994]) – становились не только природные находки или предметы искусства, но и языки, точнее их «образцы». Лингвистическое любопытство, свойственное европейцам и в Средние Века (известны рукописи, содержащие языковые “*curiosités*”, например, пе-

речни числительных, буквы, названия месяцев – на греческом, древнееврейском, коптском, армянском и др.), с началом эпохи географических открытий получило новый импульс: многообразие не только языков, но и систем письма превзошло все возможные ожидания [Considine, 2017]. Коллекционеры охотно приобретали образцы прежде неизвестных письмен или языков; в получении таких материалов были заинтересованы и ученые-филологи, которые начиная с 1530-х годов на их основе начали составлять и публиковать своего рода лингвистические «инвентари» (нем. *Spracheninventare*) или книги-полиглоты, весьма различавшиеся по форме и содержанию. Поначалу они охватывали избранный круг языков (прежде всего, языки Библии и ее ранних переводов), но уже начиная с «Митридата» Гесснера приобрели универсальные амбиции [ср. Schmidt-Riese, 2003; Simon, 2011; Сергеев 2019].

В этих книгах давался перечень (номенклатура) известных языков и диалектов, а также сообщалась достаточно разнородная информация о каждом из них, характер которой зависел от доступных источников и специфических интересов составителей: сведения о происхождении языка, правила чтения, основы грамматики, свидетельства об истории, нравах и религии народов – носителей тех или иных языков. Обязательной составляющей таких инвентарей были «образцы языков». Само выражение “*linguae specimen*” используется Гесснером в упоминавшемся выше посвяtitельном письме Дж. Бэйлу (л. A2a). Позднее Иероним Мегизер (1557–1618/1619) использовал термин “*specimen*” в качестве заглавия своего «инвентаря» – “*Specimen diversarum atque inter se differentium linguarum*”, – вышедшего двумя изданиями, в 1593 и 1603 гг. (прямая отсылка к сочинению Гесснера дается, впрочем, только при одном из переводов молитвы: текст № 19 “*Antiqua Germanorum Lingua, scripta circa annum 870 (Gesn.)*” [Megiser, 1593, f. B5a]).

«Образцами языков» могли выступать тексты в оригинальной графике или в латинской транскрипции, а также «алфавиты» и любые другие формы, позволявшие разным языкам так или иначе «звучать» или являть себя на страницах справочников: отдельные глоссы, этимологии, списки слов и т. д. [ср. Сергеев, 2018, с. 131–132]. При этом у составителей книг-полиглотов могли быть определенные излюбленные виды «образцов», к которым они обращались более регулярно.

Например, «Введение в халдейский, сирийский и армянский, а также 10 других языков» (1539) Тезео Амброджо Альбонези (1469–1540) содержит «Прибавление», в котором воспроизведены гравированные изображения 24 алфавитов. Однако кроме самих алфавитов тут же – менее последовательно – даются «образцы» других типов, в частности первая глава Евангелия от Матфея на армянском, греческие афоризмы из Египта, парадигмы склонения и спряжения в «пунийском» языке и др. [Albonesi, 1539, f. 196b–211a].

Основной функцией цитирования разноязычного материала было представление, экспонирование языка как такового, авторы «инвентарей» не стремились (и не имели возможности) дать к этим текстам исчерпывающий или регулярный комментарий, предпочитая разнообразие сведений их полноте и рассчитывая на то, что необходимые пояснения смогут быть добавлены в дальнейшем. Однако, независимо от происхождения и первоначального контекста, будучи включенными в текст компиляции, «образцы» становились органичной составляющей ее структуры и получали дополнительные функции на усмотрение составителя: лингводидактическую, аргументативную и др.

Переводы Господней молитвы в «Митридате»

Хотя в «Митридате», как и в других книгах-полиглотах, встречаются очень разные виды “specimina” (от отдельных глосс до целых стихов или даже девятистраничного словаря тайного языка Rotwelsch), имеется определенная их разновидность, которую можно считать «образцом» *par excellence* для Гесснера и которую вслед за ним стали использовать составители справочников о языках вплоть до XIX в., когда число собранных переводов достигло 500 [Van Hal, 2017].

Речь идет о молитве «Отче наш»: в «Митридате» она приводится 27 раз, на разных языках и диалектах, но почти исключительно в латинской транскрипции.

В приложении к «Митридату» собранные в нем переводы Господней молитвы, без каких-либо изменений в тексте (всего в таблице содержатся 22 текста – меньше, чем в «Митридате», поскольку Гесснер здесь ограничился одним вариантом перевода на немецкий), были перепечатаны на отдельном листе [Gessner, 1555b]. В посвятительном письме советнику императора Леонарду Беку фон Бекенштейну (?–1575) Гесснер обосновал выбор «образца» религиозными и прагматическими соображениями: он «представляет собой самую краткую и в то же время самую святую молитву».

Важнейшим обстоятельством, подтолкнувшим Гесснера к выпуску приложения, надо полагать, была возможность наглядно, в табличной форме представить свои представления об истории и классификации языков. На первом месте в первом столбце (см. Таблицу 1) помещен древнееврейский перевод, под ним – переводы на другие семитские языки (халдейский, арабский и эфиопский), затем – греческий оригинал и латинский текст (латынь рассматривалась гуманистами как относительно молодой язык, иногда даже производилась из греческого – см. [Tavoni, 1986]); романским отпрыскам латыни отведен второй столбец. Третий столбец открывает армянский (отношение которого к другим языкам представлялось Гесснеру скорее неясным), за которым следуют тексты на славянских языках и венгерском. В четвертом столбце представлены германские языки и валлийский (о кельтских языках в «Митридате» см. исследование Эриха Поппе [Porre, 1986]).

Семитские языки	Романские языки	Славянские языки	Германские языки
Древнееврейский	Итальянский	Армянский	Валлийский
Сирийский	Ретороманский	Чешский	Верхненемецкий
Арабский	Французский	«Иллирийский» (сербо-хорватский)	Фламандский
Эфиопский	Испанский	Польский	Исландский
	«Сардинский» (каталонский)		
Греческий	«Сардинский»	Венгерский	Английский
Латинский			

В расположении переводов отчетливо просматривается выделение Гесснером семитских, романских, славянских и германских языков; также можно говорить об относительно обособленном положении армянского, венгерского и валлийского. Таким образом, “Tabula” Гесснера очевидным образом предвосхищала современные представления и на столетия опередила знаменитую классификацию Иосифа Юста Скалигера (1540–1609), представленную в “Diatriba de Europaeorum linguis”, где утверждается существование четырех больших и семи малых языковых групп (matrices) [см. Van Hal, 2010; Шумилин 2016].

Конечно, и в основном тексте «Митридата» читатель мог найти сведения о языковом родстве и классификации языков, отраженные в таблице, но там они разнесены по отдельным главам, расположенным в алфавитном порядке, что существенно затрудняет составление общей картины. Напротив, таблица-приложение представила эти сведения в едином и обозримом текстовом пространстве; кроме того, благодаря последовательному использованию единого «образца» и латинской транскрипции, она позволила читателям самостоятельно убедиться в постулируемых сходствах и различиях между языками.

Подобное соположение различных видов или разновидностей одного и того же вида было характерно для ботанических справочников начала–середины XVI в., которые, благодаря развитию техники иллюстрации, стали представлять собой наглядные пособия, представляющие “differentiae specierum” как описательно, так и визуально [ср. Kusakawa, 2012, p. 98–177]. Гесснер принимал активное участие в составлении и редактировании таких трудов [Leu, 2016a, 251–307], кроме того, у него была собственная естественно-научная коллекция [Egmond, 2013; Egmond, Kusakawa, 2016]. Это позволяет предположить, что, заимствовав из более ранних языковых «инвентарей» сам принцип использования “specimina linguarum”, он придал ему функцию идентификации и классификации, известную уже в ботанической литературе. Это кажется тем более вероятным, если принять во внимание тесное переплетение языковых и естественно-научных занятий Гесснера, которая была показана выше. В результате переводы молитвы «Отче наш», оставаясь одной из разновидностей языковых экспонатов в «Митридате», одновременно рассматривались как наиболее репрезентативный

эмпирический материал для историко-лингвистических сопоставлений.

Заключение

Используя текст «Отче наш» в качестве “specimen”, Гесснер не был вполне оригинален – он мог полагаться, например, на опыт своего учителя Теодора Библиандера, в книге-полиглоте которого среди образцов христианских текстов на разных языках (древнееврейском, халдейском, эфиопском, греческом, латинском, французском, исландском, польском и др.), имеются и переводы “Pater noster” [Bibliander, 1548, p. 224–235]. Оригинальность и значение опыта «музея языков», реализованного в «Митридате» и таблице-приложении, состояли в том, что именно у Гесснера данный текст был подан в качестве стандартного, причем наглядно была продемонстрирована продуктивность использования в языковом справочнике единого образца для всех языков. Не менее важно то, что Гесснер в своей книге соединил несколько типов представления лингвистической информации – таблицу-классификацию и алфавитное расположение. Сведения о менее изученных, не поддающихся классификации языках легко включались в алфавитный ряд, дающий возможность для поиска информации и дальнейшего пополнения книги, как Гесснером, так и новыми авторами.

Библиографический список

1. Сергеев М. Л. Сопоставление языков в XVI веке (на примере «Митридата» (1555) Конрада Гесснера). Санкт-Петербург, 2018. 234 с.
2. Сергеев М. Л. Истории, музеи, словари: формы представления знания о языках в XVI веке и первые лингвистические справочники (книги-полиглоты) // Journal of applied linguistics and lexicography. 2019. Т. 1, 2. С. 381–389.
3. Сергеев М. Л. «Алфавит 12 языков» (1538) Гийома Постеля: замысел, форма, идеи (предварительные наблюдения) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. Т. XXVII, Ч. 2. С. 1035–1048.
4. Сергеев М. Л., Воробьев Г. М. Научные справочники XVI века и книжная традиция: формы и функции библиографической информации // Новое литературное обозрение. 2023. № 181. С. 384–400.
5. Фландерс Д. Всеу свое место. Необыкновенная история алфавитного порядка / пер. Т. Казаковой; под науч. ред. М. Сергеева. Москва : АНФ, 2023.
6. Шумилин М. В. «Митридат» Конрада Гесснера и «Диаatriba о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера: сравнительное языкознание в XVI веке // Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков / отв.

- ред. Ю. В. Иванова, М. В. Шумилин. Москва : Изд. дом. «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 169–199.
7. Albonesi T. A. *Introductio in Chaldaicam linguam, Syriacam, atque Armenicam, & decem alias linguas*. Pavia: I. M. Simoneta, 1539. 215, [1] p.
 8. Bibliander T. *De ratione communi omnium linguarum & literarum commentarius Theodori Bibliandri. Cui adnexa est compendiaria explicatio doctrinae recte beateque vivendi*. Zürich: Ch. Froschauer, 1548. [4] f., 236 p.
 9. Blair A. *Too Much to Know: Managing Scholarly Information before the Modern Age*. New Haven, London: Yale Univ. press, 2010. xvi, 398 p.
 10. Colombat B. L'horizon de rétrospection du Mithridate de Conrad Gessner (1555) // *History of Linguistics 2005: Selected Papers from the tenth International Conference on the History of the Language Sciences (1-5 September 2005, Urbana-Champaign, Illinois)* / ed. D. Kibbee. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 89–102.
 11. Colombat B., Peters M. *Introduction [à Mithridate de C. Gessner]* // Gessner C. *Mithridate = Mithridates (1555)* / éd. B. Colombat, M. Peters. Genève: DROZ, 2009. p. 11–90.
 12. Considine J. *Small dictionaries and curiosity: Lexicography and fieldwork in post-medieval Europe*. Oxford: OUP, 2017. 336 p.
 13. Dini P. *Auffassungsvarietät über die baltischen Sprachen in „Mithridates“ (1555) von Conradus Gesnerus* // *Baltistica*. 1997. Vol. 32, 1. S. 41–48.
 14. Duret C. *Thresor de l'histoire des langues de cest univers*. 2. éd. Yverdon: De l'Imprimerie de la Societé Helvetiale Caldoresque, 1619. [32], 1030 p.
 15. Egmond F. *A collection within a collection. Rediscovered animal drawings from the collections of Conrad Gessner and Felix Platter* // *Journal of the History of Collections*. 2013. Vol. 25, 2. p. 149–170.
 16. Egmond F., Kusakawa S. *Circulation of images and graphic practices in Renaissance natural history: the example of Conrad Gessner* // *Gesnerus*. 2016. Vol. 73, 1. p. 29–72.
 17. Favorino G. *Dictionarium Varini Phavorini Camertis ... totius linguae Graecae commentarius*. Basel: R. Winter, 1538. [4] f., 1900 col., [106] f.
 18. Fiacchi C. *Il „De dialectis“ di Angelo Rocca e il „Mithridates“ di Conrad Gesner* // *Italia ed Europa nella linguistica del Rinascimento: confronti e relazioni. Atti del Convegno internazionale (Ferrara, Palazzo Paradiso, 20–24 marzo 1991)* / ed. M. Tavoni. T. 2: *L'Italia e l'Europa non romanza: le lingue orientali*. Modena: F. C. Panini, 1996. p. 333–341.
 19. Findlen P. *Possessing nature: Museums, collecting, and scientific culture in Early Modern Italy*. Berkeley: Univ. of California press, 1994. 449 p.
 20. Gessner C. *Bibliotheca universalis, sive catalogus omnium scriptorum locupletissimus*. Zürich: Ch. Froschauer, 1545. [18], 631 f.
 21. Gessner C. *Pandectarum sive Partitionum universalium Conradi Gesneri Tigurini, medici et philosophiae professoris, libri XXI*. Zürich: Ch. Froschauer, 1548. [6], 374, [2] f.
 22. Gessner C. *Historiae Animalium Lib. I. de Quadrupedibus viviparis*. Zürich: Ch. Froschauer, 1551. [40], 1104, [12] p.
 23. Gessner C. *Historiae animalium liber III. qui est de avium natura*, Zürich: Ch. Froschauer, 1555a. [18] f., 779 p.
 24. Gessner C. *Magnifico et nobili viro D. Leonardo Bekk a Bekkenstain... Conradus Gesnerus S. D. P. Edidi nuper Mithridatem polyglottum...* Zürich: Ch. Froschauer, 1555b. 1 f.
 25. Gessner C. *Mithridates. De differentiis linguarum tum veterum tum quae hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt ... observationes*. Zürich: Ch. Froschauer, 1555c. [2], 78 f.
 26. Gessner C. *Conradi Gesneri ad lectorem praefatio super hoc dictionario germanicolatino* // Maaler J. *Die Teütsch Spraach*. Zürich: Ch. Froschauer, 1561. f. *3a–*7b.
 27. Gessner C. *Epistolarum medicinalium Conradi Gesneri, philosophi et medici Tigurini, libri III*. Zürich: Ch. Froschauer, 1577. [8], 140, 28 f.
 28. Gessner C. *Mithridate = Mithridates (1555)* / éd. B. Colombat, M. Peters. Genève: DROZ, 2009. 95 p., double pp. 96–283, p. 284–409, [1].
 29. Kössinger N. *Otfrids „Evangelienbuch“ in der frühen Neuzeit. Studien zu den Anfängen der deutschen Philologie*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2009. X, 342 S.
 30. Leu U. B. *Conrad Gesner als Theologe. Ein Beitrag zur Zürcher Geistesgeschichte des 16. Jahrhunderts*. Berlin [et al.]: Peter Lang, 1990. [2], 321, [5] S.
 31. Leu U. B. *Conrad Gessner (1516–1565). Universalgelehrter und Naturforscher der Renaissance*. Zürich: NZZ, 2016. 464 S.
 32. Leu U. B. *Conrad Gessners Netzwerk // Facetten eines Universums. Conrad Gessner 1516–2016* / Hrsg. U. B. Leu, M. Ruoss. Zürich: Neue Zürcher Zeitung, 2016. S. 61–74.
 33. Leu U. B., Keller R., Weidmann S. *Conrad Gessner's private library*. Leiden, Boston: Brill, 2008. xii, [24], 312 p.
 34. Megiser H. *Specimen quadraginta diversarum atque inter se differentium linguarum & dialectorum; videlicet, Oratio Dominica. totidem linguis expressa*. Francoforti: J. Spiess, 1593. [24] f.
 35. Metcalf G. *Konrad Gesner's views on the Germanic languages* // *Monatshefte für deutschen Unterricht, deutsche Sprache und Literatur*. 1963. Bd. LV, 4. p. 149–156.
 36. Peters M. *Einleitung* // Gessner C. *Mithridates*. Neudruck der Ausgabe Zürich 1555. Aalen: Scientia Verl., 1974. S. 5–84.
 37. Peters M. *Sprachwissenschaftliche Tendenzen der Schweizer Reformation* // *Althochdeutsch* / Hrsg. R. Bergmann. Bd. 2. Heidelberg: C. Winter, 1987. S. 1479–1496.

38. Pomata G., Siraisi N. (eds.) *Historia: Empiricism and Erudition in Early Modern Europe*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2005. 490 p.
39. Poppe E. *Multiplex sane linguarum ac dialectarum varietas: Zur Quellenrekonstruktion im „Mithridates“ (1555) des Konrad Gessner am Beispiel des Keltischen*. Münster: Inst. für Allgemeine Sprachwissenschaft der Westfälischen Wilhelms-Universität, 1986. 66, [2] S.
40. Rocca A. *Bibliotheca Apostolica Vaticana*. Roma: Typ. Apostolica Vaticana, 1591. [44], 424, [48] p.
41. Schmidt-Riese R. *Ordnung nach Babylon. Frühneuzeitliche Spracheninventare in Frankreich und ‘Deutschland’ // Sammeln, Ordnen, Veranschaulichen: Zur Wissenskomplikation in der Frühen Neuzeit / Hrsg. F. Büttner [et al.]. Münster: LIT Verlag, 2003. S. 53–82.*
42. Sergeev M. *Der Mithridates (1555) zwischen Sprachmuseum und neulateinischem Onomastikon: einige Überlegungen zur Konzeption und zum Genre des Gessnerschen Handbuchs // Conrad Gessner (1516–1565): Die Renaissance der Wissenschaften / The Renaissance of Learning / Hrsg. U. Leu, P. Opitz. Berlin: De Gruyter, 2019. S. 517–532.*
43. Simon F. *Sortir de Babel. Une République des langues en quête d’une „langue universelle“ à la Renaissance et à l’Âge classique? [Thèse de doctorat]. Univ. Rennes, 2011. 932 p.*
44. Simon F. *Collecting languages, alphabets and texts: The circulation of “parts of texts” among paper cabinets of linguistic curiosities (sixteenth-seventeenth century). // Pieces and parts in scientific texts / ed. F. Bretelle-Establet, S. Schmitt. Cham: Springer, 2018. P. 297–346.*
45. Swiggers P. *Intuition, exploration, and assertion of the Indo-European language relationship // Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics / ed. J. Klein [et al.]. Vol. I. Berlin; New York: De Gruyter, 2017. P. 138–170.*
46. Tavoni M. *On the Renaissance idea that Latin derives from Greek // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. 1986. Ser. III. Vol. XVI, 1. p. 205–238.*
47. Tavoni M. *Renaissance Linguistics: Western Europe // History of Linguistics / ed. G. Lepschy. Vol. III: Renaissance and Early Modern Linguistics. London: Longman, 1998. P. 1–108.*
48. Van Hal T. *“Quam enim periculosa sit ea via...”. Joseph Justus Scaliger’s views on linguistic kinship // Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft. 2010. Bd. 20. p. 111–140.*
49. Van Hal T. *The Universality and Diversity of Languages as Represented through Translations of the Lord’s Prayer: On the Development of an Early Modern Text Type : paper presented at the “The Making of the Humanities VI” (Oxford, 28–30 Sept. 2017).*
50. Van Rooy R. *Language or Dialect? The History of a Conceptual Pair*. Oxford: OUP, 2020. 349 p.
51. Waser C. *Mithridates Gesneri, exprimens differentias linguarum, tum veterum, tum quae hodie, per totum terrarum orbem, in usu sunt*. Caspar Vvaserus recensuit et Libello commentario illustravit. Ed. altera. Zürich: Typis Wolphianis, 1610. [4], 140 f.
52. Zedelmaier H. *Werkstätten des Wissens zwischen Renaissance und Aufklärung*. Tübingen : Mohr Siebeck, 2015. VI, 176 S.

Reference list

1. Sergeev M. L. *Sopostavlenie jazykov v XVI veke (na primere «Mitridata» (1555) Konrada Gessnera) = Comparison of languages in the XVI century (based on Konrad Gessner's «Mithridates» (1555))*. Sankt-Peterburg, 2018. 234 s.
2. Sergeev M. L. *Istorii, muzei, slovari: formy predstavlenija znanija o jazykah v XVI veke i pervye lingvisticheskie spravocniki (knigi-poliglotty) = Histories, museums, dictionaries: forms of representing knowledge of languages in the XVI century and the first linguistic reference books (polyglot books) // Journal of applied linguistics and lexicography. 2019. T. 1, 2. S. 381–389.*
3. Sergeev M. L. *«Alfavit 12 jazykov» (1538) Gijoma Postelja: zamysel, forma, idei (predvaritel'nye nabljudenija) = «Alphabet of 12 Languages» (1538) by Guillaume Postel: intent, form, ideas (preliminary observations) // Indoevropskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija. 2023. T. XXVII, Ch. 2. S. 1035–1048.*
4. Sergeev M. L., Vorob'ev G. M. *Nauchnye spravocniki XVI veka i knizhnaja tradicija: formy i funkcii bibliograficheskoj informacii = XVI century scientific reference books and literary tradition: forms and functions of bibliographic information // Novoe literaturnoe obozrenie. 2023. № 181. S. 384–400.*
5. Flanders D. *Vsemu svoje mesto. Neobyknovennaja istorija alfavitnogo porjadke = Everything has its place. The extraordinary story of alphabetical order / per. T. Kazakovo; pod nauch. red. M. Sergeeva. Moskva : ANF, 2023.*
6. Shumilin M. V. *«Mitridat» Konrada Gesnera i «Diatriba o jazykah evropejcev» Iosifa Justa Skaligera: sravnitel'noe jazykoznanie v XVI veke = Konrad Gesner's Mithridates and Joseph Justus Scaliger's Diatribe on European Languages: comparative linguistics in the sixteenth century // Nauki o jazyke i tekste v Evrope XIV–XVI vekov / otv. red. Ju. V. Ivanova, M. V. Shumilin. Moskva : Izd. dom. «Delo» RANHiGS, 2016. S. 169–199.*
7. Albonesi T. A. *Introductio in Chaldaicam linguam, Syriacam, atque Armenicam, & decem alias linguas*. Pavia: I. M. Simoneta, 1539. 215, [1] p.
8. Bibliander T. *De ratione communi omnium linguarum & literarum commentarius Theodori Bibliandri. Cui adnexa est compendiarie explicatio doctrinae recte beateque vivendi*. Zürich: Ch. Froschauer, 1548. [4] f., 236 p.
9. Blair A. *Too Much to Know: Managing Scholarly Information before the Modern Age*. New Haven, London : Yale Univ. press, 2010. xvi, 398 p.
10. Colombat B. *L'horizon de rétropection du Mithridate de Conrad Gessner (1555) // History of Linguistics 2005: Selected Papers from the tenth International*

Conference on the History of the Language Sciences (1-5 September 2005, Urbana-Champaign, Illinois) / ed. D. Kibbee. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 89–102.

11. Colombat B., Peters M. Introduction [à Mithridate de C. Gessner] // Gessner C. Mithridate = Mithridates (1555) / éd. B. Colombat, M. Peters. Genève: DROZ, 2009. p. 11–90.

12. Considine J. Small dictionaries and curiosity: Lexicography and fieldwork in post-medieval Europe. Oxford: OUP, 2017. 336 p.

13. Dini P. Auffassungsvarietät über die baltischen Sprachen in „Mithridates“ (1555) von Conradus Gesnerus // Baltistica. 1997. Vol. 32, 1. S. 41–48.

14. Duret C. Thresor de l'histoire des langues de cest univers. 2. éd. Yverdon: De l'Imprimerie de la Societé Helvetiale Caldoresque, 1619. [32], 1030 p.

15. Egmond F. A collection within a collection. Rediscovered animal drawings from the collections of Conrad Gessner and Felix Platter // Journal of the History of Collections. 2013. Vol. 25, 2. p. 149–170.

16. Egmond F., Kusukawa S. Circulation of images and graphic practices in Renaissance natural history: the example of Conrad Gessner // Gesnerus. 2016. Vol. 73, 1. p. 29–72.

17. Favorino G. Dictionarium Varini Phavorini Camertis ... totius linguae Graecae commentarius. Basel: R. Winter, 1538. [4] f., 1900 col., [106] f.

18. Fiacchi C. Il „De dialectis“ di Angelo Rocca e il „Mithridates“ di Conrad Gesner // Italia ed Europa nella linguistica del Rinascimento: confronti e relazioni. Atti del Convegno internazionale (Ferrara, Palazzo Paradiso, 20–24 marzo 1991) / ed. M. Tavoni. T. 2: L'Italia e l'Europa non romana: le lingue orientali. Modena: F. C. Panini, 1996. p. 333–341.

19. Findlen P. Possessing nature: Museums, collecting, and scientific culture in Early Modern Italy. Berkeley: Univ. of California press, 1994. 449 p.

20. Gessner C. Bibliotheca universalis, sive catalogus omnium scriptorum locupletissimus. Zürich: Ch. Froschauer, 1545. [18], 631 f.

21. Gessner C. Pandectarum sive Partitionum universalium Conradi Gesneri Tigurini, medici et philosophiae professoris, libri XXI. Zürich: Ch. Froschauer, 1548. [6], 374, [2] f.

22. Gessner C. Historiae Animalium Lib. I. de Quadrupedibus viviparis. Zürich: Ch. Froschauer, 1551. [40], 1104, [12] p.

23. Gessner C. Historiae animalium liber III. qui est de avium natura, Zürich: Ch. Froschauer, 1555a. [18] f., 779 p.

24. Gessner C. Magnifico et nobili viro D. Leonardo Bekk a Bekkenstain... Conradus Gesnerus S. D. P. Edidi nuper Mithridatem polyglottum... Zürich: Ch. Froschauer, 1555b. 1 f.

25. Gessner C. Mithridates. De differentiis linguarum tum veterum tum quae hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt ... observationes. Zürich: Ch. Froschauer, 1555c. [2], 78 f.

26. Gessner C. Conradi Gesneri ad lectorem praefatio super hoc dictionario germanicolatino // Maaler J. Die Teütsch Spraach. Zürich: Ch. Froschauer, 1561. f. *3a–*7b.

27. Gessner C. Epistolarum medicinalium Conradi Gesneri, philosophi et medici Tigurini, libri III. Zürich: Ch. Froschauer, 1577. [8], 140, 28 f.

28. Gessner C. Mithridate = Mithridates (1555) / éd. B. Colombat, M. Peters. Genève: DROZ, 2009. 95 p., double pp. 96–283, p. 284–409, [1].

29. Kössinger N. Otfriids „Evangelienbuch“ in der frühen Neuzeit. Studien zu den Anfängen der deutschen Philologie. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2009. X, 342 S.

30. Leu U. B. Conrad Gesner als Theologe. Ein Beitrag zur Zürcher Geistesgeschichte des 16. Jahrhunderts. Berlin [et al.]: Peter Lang, 1990. [2], 321, [5] S.

31. Leu U. B. Conrad Gessner (1516–1565). Universalgelehrter und Naturforscher der Renaissance. Zürich: NZZ, 2016. 464 S.

32. Leu U. B. Conrad Gessners Netzwerk // Facetten eines Universums. Conrad Gessner 1516–2016 / Hrsg. U. B. Leu, M. Ruoss. Zürich: Neue Zürcher Zeitung, 2016. S. 61–74.

33. Leu U. B., Keller R., Weidmann S. Conrad Gessner's private library. Leiden, Boston: Brill, 2008. xii, [24], 312 p.

34. Megiser H. Specimen quadraginta diversarum atque inter se differentium linguarum & dialectorum; videlicet, Oratio Dominica. totidem linguis expressa. Francoforti: J. Spiess, 1593. [24] f.

35. Metcalf G. Konrad Gesner's views on the Germanic languages // Monatshefte für deutschen Unterricht, deutsche Sprache und Literatur. 1963. Bd. LV, 4. P. 149–156.

36. Peters M. Einleitung // Gessner C. Mithridates. Neudruck der Ausgabe Zürich 1555. Aalen: Scientia Verl., 1974. S. 5–84.

37. Peters M. Sprachwissenschaftliche Tendenzen der Schweizer Reformation // Althochdeutsch / Hrsg. R. Bergmann. Bd. 2. Heidelberg: C. Winter, 1987. S. 1479–1496.

38. Pomata G., Siraisi N. (eds.) Historia: Empiricism and Erudition in Early Modern Europe. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2005. 490 p.

39. Poppe E. Multiplex sane linguarum ac dialectarum varietas: Zur Quellenrekonstruktion im „Mithridates“ (1555) des Konrad Gessner am Beispiel des Keltischen. Münster: Inst. für Allgemeine Sprachwissenschaft der Westfälischen Wilhelms-Universität, 1986. 66, [2] S.

40. Rocca A. Bibliotheca Apostolica Vaticana. Roma: Typ. Apostolica Vaticana, 1591. [44], 424, [48] p.

41. Schmidt-Riese R. Ordnung nach Babylon. Frühneuzeitliche Spracheninventare in Frankreich und 'Deutschland' // Sammeln, Ordnen, Veranschaulichen: Zur Wissenskompilatorik in der Frühen Neuzeit / Hrsg. F. Büttner [et al.]. Münster: LIT Verlag, 2003. S. 53–82.

42. Sergeev M. Der Mithridates (1555) zwischen Sprachmuseum und neulateinischem Onomastikon: einige Überlegungen zur Konzeption und zum Genre des Gessnerschen Handbuchs // Conrad Gessner (1516–1565): Die Renaissance der Wissenschaften / The Renaissance of Learning / Hrsg. U. Leu, P. Opitz. Berlin: De Gruyter, 2019. S. 517–532.
43. Simon F. Sortir de Babel. Une République des langues en quête d’une „langue universelle“ à la Renaissance et à l’Âge classique? [Thèse de doctorat]. Univ. Rennes, 2011. 932 p.
44. Simon F. Collecting languages, alphabets and texts: The circulation of “parts of texts” among paper cabinets of linguistic curiosities (sixteenth-seventeenth century). // Pieces and parts in scientific texts / ed. F. Bretelle-Establet, S. Schmitt. Cham: Springer, 2018. P. 297–346.
45. Swiggers P. Intuition, exploration, and assertion of the Indo-European language relationship // Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics / ed. J. Klein [et al.]. Vol. I. Berlin; New York: De Gruyter, 2017. P. 138–170.
46. Tavoni M. On the Renaissance idea that Latin derives from Greek // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. 1986. Ser. III. Vol. XVI, 1. p. 205–238.
47. Tavoni M. Renaissance Linguistics: Western Europe // History of Linguistics / ed. G. Lepschy. Vol. III: Renaissance and Early Modern Linguistics. London: Longman, 1998. P. 1–108.
48. Van Hal T. “Quam enim periculosa sit ea via...”. Joseph Justus Scaliger’s views on linguistic kinship // Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft. 2010. Bd. 20. p. 111–140.
49. Van Hal T. The Universality and Diversity of Languages as Represented through Translations of the Lord’s Prayer: On the Development of an Early Modern Text Type : paper presented at the “The Making of the Humanities VI” (Oxford, 28–30 Sept. 2017).
50. Van Rooy R. Language or Dialect? The History of a Conceptual Pair. Oxford: OUP, 2020. 349 p.
51. Waser C. Mithridates Gesneri, exprimens differentias linguarum, tum veterum, tum quae hodie, per totum terrarum orbem, in usu sunt. Caspar Vvaserus recensuit et Libello commentario illustravit. Ed. altera. Zürich : Typis Wolphianis, 1610. [4], 140 f.
52. Zedelmaier H. Werkstätten des Wissens zwischen Renaissance und Aufklärung. Tübingen : Mohr Siebeck, 2015. VI, 176 S.

Статья поступила в редакцию 16.08.2023; одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 16.08.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 81'1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_153

EDN: KQXSDB

Эмотивность ценностных смыслов художественного текста: прагматика декодирования

Анна Ивановна Трубкина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и русского языка института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42

aitrub-kina@sfnedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2375-1133>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эмотивности художественного текста и ее роли в формировании ценностно-смыслового пространства. Цель статьи состоит в выявлении эмотивных конститuentов ценностных смыслов, обуславливающих целостность художественного текста. Вербализации эмоций в художественном тексте способствуют такие ситуации, описываемые в нем, которые по природе своей эмоциогенны: таковы прецедентно эмотивные ситуации, ситуации реализации категории «ненормы», а также ситуации, актуализирующие эмоциональные состояния. В процессе исследования установлено, что фактически все такие ситуации являются основанием для возникновения ценностно значимых смыслов, декодируемых читателем в процессе реализации перлокутивной функции эмотивности. Определено, что эмотивность способствует активизации онтологических идей, объективированных в метасмыслах художественного текста и трансформирующихся в «вечные» темы мировой литературы. Анализ функционирования эмотивности в тексте повести А. П. Чехова «Черный монах» позволил установить, что вектор развития действия направлен от портретных и пейзажных описаний к событийности и поступкам персонажей. Маркеры эмотивности представлены в чеховском тексте прямыми номинациями чувств, а также лексемами и лексическими сочетаниями, эмотивными контекстуально. Частотна и соотносительность ценностно окрашенных эмотивов с интерпретацией ситуаций самим героем. Уточнение ценностных смыслов в процессе восприятия текста читателем амбивалентно: чувства героя и читателя прямо противоположны, потому что персонаж не чувствует опасности своей болезни. Перлокутивный эффект проявляется в тексте А. П. Чехова и тогда, когда языковые и текстовые средства не эмотивны по своей природе: так происходит потому, что ценностно-смысловое пространство художественного текста континуально в дискретности репрезентации маркеров эмотивности.

Ключевые слова: эмотивность; художественный текст; маркеры эмотивности; перлокутивный эффект; ценностно-смысловое пространство; «Черный монах»; А. П. Чехов

Для цитирования: Трубкина А. И. Эмотивность ценностных смыслов художественного текста: прагматика декодирования // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 153–160. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_153. <https://elibrary.ru/KQXSDB>

Original article

Emotiveness of value semantics in literary text: decoding pragmatics

Anna I. Trubkina

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of language theory and the russian language, Institute of philology, journalism and intercultural communication, Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 105/42

aitrub-kina@sfnedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2375-1133>

Abstract. The article focuses on considering the emotiveness of literary text and its role in forming value-semantic space. The aim of the article is to identify the emotive constituents of value meanings that determine the integrity of a literary text. Verbalization of emotions in a literary text is facilitated by such situations described in it that are emotional by nature: these are precedent emotive situations, situations realizing the category «abnormality», as well as situations that actualize emotional states. In the course of the research, the author finds that virtually all such situations are the basis for emerging value-significant meanings decoded by the reader while realizing the perlocutionary function of emotiveness. It is determined that emotiveness contributes to the activation of ontological ideas objectified in meta-

meanings of a literary text and transformed into «eternal» themes of world literature. Analyzing the emotiveness functioning in A. P. Chekhov's story «The Black Monk» the author has established that the vector of action development is directed from portrait and landscape descriptions to events and characters' actions. Emotiveness markers in Chekhov's text are direct nominations of feelings, as well as lexemes and word combinations that are contextually emotive. The correlation between value-based emotives and the interpretation of situations by the hero himself is also frequent. Clarification of value semantics in the text perception by the reader is ambivalent: the character and the reader's feelings are directly opposite because the character does not feel the danger of his illness. The perlocutionary effect is evident in A. P. Chekhov's text even when linguistic and textual means are not emotive by nature: this happens so because the value-semantic space of literary text is continual in its discreteness of emotive markers representation.

Key words: emotiveness; literary text; markers of emotiveness; perlocutionary effect; value-semantic space; «The Black Monk»; A. P. Chekhov

For citation: Trubkina A. I. Emotiveness of value semantics in literary text: decoding pragmatics. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):153–160. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_153. <https://elibrary.ru/KQXSDB>

Введение

Последние десятилетия ознаменованы усиливающимся интересом гуманитарной науки к эмоциям человека и их роли в различных сферах общения и деятельности, при этом ни теория текста, ни теория коммуникации пока не накопили достаточного количества знаний в области изучения реализации и маркирования эмоций посредством языка. Определяющим остается здесь тезис о первичности не Слова, но Эмоции: первичные и вторичные номинации изначально основаны на эмоциях и их функционировании.

Проблематика вербализации эмоций является уже традиционной в науке о языке, и в этих координатах эмотивная семантика языковых единиц осмысливается как релевантная обобщающей функции сознания. Когнитивная лингвистика признает аксиоматичным постулат об эмоциях как о структурообразующем факторе языковой личности. Результаты естественно-научных исследований свидетельствуют также и о том, что вся деятельность человека, а не только его речь, сопряжена с эмоциональной сферой. Язык вербализует эмоции человека как фрагмент объективной реальности, но и участие самих эмоций в формировании языковой картины мира бесспорно [Abdel-Raheem, 2020]. Языковая личность выступает в качестве активного субъекта отражения действительности, использующего в качестве средства отражения язык. В таком ракурсе рассмотрения эмоции представляют собой форму воплощения оценочности, иными словами – семантической интерпретации мира.

Очевидно, что высказывания всегда эмоционально окрашены, а лексика любого языка потенциально эмотивна. Вербализация эмоций происходит лишь на основании таких оценок, которые являются результатом обобщенного опыта, значимого для лингвокультурного кол-

лектива, то есть это эмоции видовые, они характерны не только для отдельной языковой личности [Водяха, 2012, с. 79]. Эмоции, коррелируя с действительностью, представляют собой «внутренние сигналы», вызываемые конкретной ситуацией в сознании индивида. Сформировавшееся в процессе накопления опыта позитивное или негативное отношение к ситуациям претерпевает перенос на другие, сходные по своим характеристикам ситуации, что обуславливает, в конечном счете, и присвоение им соответствующего языкового знака с конкретными прагматическими свойствами [Foolen, 2019], фиксируя фактически формирование эмотивного кода. Эмотивность последовательно изучается как лингвистическая [Султанова, 2023] и функциональная [Абдулкаримова, 2022] категория, параметрируются разнородные средства эмотивности в разных типах дискурса и текста [Крутова, 2020; Моисеева, 2021; Сюткина, 2022], в том числе, и художественном тексте [Полева, 2021]. Особое место в изучении эмотивного кода занимает выяснение функционального статуса и эмоциогенности метафоры [Di Paola, 2020; Genovesi, 2020].

Методы исследования образуют целостный комплекс в применении к художественному тексту: приоритетными являются метод моделирования (при анализе маркеров персонажной эмотивности в художественном тексте), метод лингвистической интерпретации (при выявлении ценностных смыслов художественного текста в аспекте онтологической тематики), компонентный и контекстуальный анализ (при уточнении прагматического потенциала эмотивности в художественном тексте).

Результаты исследования

В процессе общения эмоция подвергается кодированию, что трансформирует ее в экспрессию, восприятие обнаруживает обратный про-

цесс – декодирование экспрессии позволяет выявить эмоцию, составившую ее основания. Из этого закономерно следует, что экспрессивность характеризуется перлокутивной функцией, тогда как эмоциональности эта функция не свойственна [Тошович, 2006, с. 318–319]. Особое место в научной парадигме современной лингвистики занимает проблематика терминологического разграничения [См.: Холодионова, 2020], что позволяет уточнить определение эмотивности, трактуемой как вербализация эмоций. Очевидно, что эмотивность – это эмоции, прошедшие этап кодирования посредством языка. Эмотивности свойственна перлокутивная функция, а эмоциональность, включающая также неосознаваемые эмоции [Тошович, 2006, с. 319], шире, чем лингвистическая категория эмотивности. В этой связи Г. В. Колшанский указывает, что «чисто чувственный компонент многоуровневого сознания человека относится к области, недоступной для лингвистического анализа, так как эта область реализуется не в языковом воплощении, а в различных физиологических и психических формах, которые являются предметом изучения соответствующих наук, а не языкознания» [Колшанский, 2005, с. 142–143].

Возникновение эмоций и, как следствие, их вербализация обуславливаются определенными типами ситуаций [Ионова, 1998, с. 37]. Среди них выделяют, прежде всего, прецедентно эмотивные, базирующиеся на функционировании в коммуникации прецедентных феноменов – таких разноуровневых явлений, которые известны членам конкретного лингвокультурного коллектива и включены в общее когнитивное пространство участников общения [Красных, 1997, с. 63]. К феноменам, способным выступать в качестве основания прецедентно эмотивных ситуаций, относят и так называемые мотивационные модули – «импульс для создания эмоционального возбуждения» [Телия, 1991], включающий также социологизированный аспект чувства, который «связывает чувство с социальным компонентом картины мира данного языкового коллектива, переводит интерперсональное взаимодействие мира и человека во взаимодействие межличностное» [Телия, 1991, с. 60]. В процессе исследования эмотивности текста и дискурса выявлены такие универсальные темы, которые способны вызвать эмоции независимо от конкретных контекстов (смерть, опасность, власть, секс, хаос, любовь) [Кнееркенис, 1994–1995, с. 128]. Кроме того, выделяют и ситуации, которые определя-

ются категорией «ненормы». Категория языковой и смысловой нормы обуславливает передачу в тексте интеллектуальной информации, тогда как категория «ненормы» ответственна за транслирование эмоциональной информации, при этом такая «ненормативность» связана с «ложностью» этой информации в отношении смысла текста [Болотов, 1981, с. 19]. Эмотивность содержания текста обуславливается «ненормой» следующих видов отношений субъекта, объекта и действительности: человек – вселенная, человек – природа, человек – пространство и время, деятельность человека и его возраст, мотив – деятельность, действие – цель, характер субъекта – его деятельность и т. п. [Болотов, 1981, с. 23–38]. Также выделяют ситуации, которые эксплицируют эмоциональные состояния, отличие которых от ситуаций, вызывающих конкретное состояние, определяется дифференциацией «предмета описания как объективного явления и как субъективного чувства» [Ионова, 1998, с. 40]. Именно поэтому и Ю. С. Степанов, подвергая концепт «радость» анализу на материале русского языка, различает два аспекта: «а) радость как ощущение, внутреннее чувство и б) радость как то, что даёт повод для данного ощущения» [Степанов, 1997, с. 303]. Последнее – это демонстрация эмотивной ситуации, а первое – раскрытие самой ситуации, обнаруживающей оттенки конкретного переживания.

Эмотивность художественного текста имеет в своей основе общности тезаурусов, фоновых знаний адресанта и адресата текста: автором совершается отбор таких тем, которые должны быть понятны читателю на основании его бытового и духовного опыта, особенностей его эмоциональности и способны вызвать у адресата текста эмоциональный отклик [Ионова, 1998, с. 145]. Эта тематика, которая обусловлена прецедентными эмоциональными ситуациями, играет важную роль в формировании эмотивности ценностно-смыслового пространства художественных текстов. Отметим в этой связи, что «эмотивность в художественном тексте продуцируется на основании различного рода ассоциаций, которые автор ожидает от читателя. Лексемы и лексические сочетания оказываются связанными с другими компонентами текстами, «погружены» в них, что формирует импликационал художественного текста. Разумеется, автор опирается в этом случае и на эмпирический, и на духовный опыт читателя, поскольку стандартные, нормативные на первый взгляд сочетания

приобретают «неожиданные» смыслы, продуцируя эмотивный код целостного художественного текста» [Трубкина, 2022, с. 108].

Эмотивность рассматривается, прежде всего, как проявление субъективности [Шаховский, 1987, с. 4], однако в отношении ценностно-смыслового пространства художественного текста целесообразно судить о ней в парадигме филологической герменевтической интерпретации как об «интерсубъективности», которая позволяет обнаружить связи индивидуального и социального в восприятии и освоении мира [См.: Мерло-Понти, 1999, с. 19; Богин, 2001]. При этом классическое определение эмотивности, данное В.И. Шаховским, не теряет своей актуальности: эмотивность – это способность языковых средств выражать эмоции [Шаховский, 1987, с. 5]. Однако направление исследований, в рамках которого эмотивность понимается как один из определяющих компонентов интерсубъективности, позволяет уточнить коммуникативно-прагматический статус художественного текста и выявить специфику эмотивности в таких текстах, в которых авторское отношение к персонажам имплицитно либо не актуализировано вовсе.

В повести А. П. Чехова «Черный монах» (1893, первая публикация – 1894) разнообразно репрезентированы маркеры эмотивности, при этом подчеркнем, что мы намеренно остановили свой выбор именно на этом художественном тексте: при практически полном отсутствии авторской эмотивности в нем эмоции персонажей представлены эмотивами, принадлежащими различным языковым и текстовым уровням, что позволяет автору создать целостное ценностно-смысловое пространство вне проявления собственной оценочности и, как следствие, избегая назидательности. Очевидно, что такая прагматическая направленность художественного текста обуславливает перлокутивный эффект эмотивности и позволяет автору опираться на фоновые знания читателя. Кроме того, в этом художественном тексте представлены все три основных типа эмотивных ситуаций – прецедентно эмотивные, основанные на функционировании категории «ненормы» и объективирующие эмоциональные состояния.

А. П. Чехов закономерно отводит одно из центральных мест в своей повести пейзажу, так как восприятие природы сквозь призму эмоций персонажей дает возможность читателю сопоставить собственные впечатления, полученные эмпирически, в объективной реальности, с ре-

зультатами воздействия художественного мира на собственное восприятие и теми чувствами, которые вызывает та или иная природная картина у самого персонажа, например: «около самого дома, во дворе и в фруктовом саду, который вместе с питомниками занимал десятин тридцать, было весело и жизнерадостно даже в дурную погоду» [Чехов]. В приведенном контексте маркерами эмотивности являются лексемы *весело* и *жизнерадостно*, которые создают особое восприятие всей усадьбы Песоцких, к которым приехал погостить главный герой повести – магистр Коврин. Представляется, что индивидуально-авторская антитеза *весело и жизнерадостно* – *в дурную погоду* продуцирует необходимый фундамент для восприятия топоса усадьбы как микромоделей рая на земле и отсылает читателя к вечным онтологическим темам.

Именно внутренняя речь Коврина, окрашенная эмоционально, представлена и в следующем контексте: «Весна была еще только в начале, и самая настоящая роскошь цветников пряталась еще в теплицах, но уж и того, что цвело вдоль аллей и там и сям на клумбах, было достаточно, чтобы, гуляя по саду, почувствовать себя в царстве нежных красок, особенно в ранние часы, когда на каждом лепестке сверкала роса» [Чехов]. Сопоставление читателем собственных фоновых знаний и того, что чувствует в этот момент главный герой, дает возможность создания необходимого эмоционального эффекта: автор добивается ощущения предчувствия счастья в жизни персонажа, что ему особенно необходимо, ведь первое предложение в тексте повести «Андрей Васильич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы» [Чехов] лишь ненадолго настораживает читателя, чтобы затем предоставить возможность развиваться некой двойственности восприятия происходящего с героем. Читатель довольно длительное время не догадывается о том, что Коврин душевно болен, что черный монах является признаком этой прогрессирующей душевной болезни, а вовсе не символом гениальности персонажа.

Однако первоначально ничто не предвещает трагического финала: автор передает восприятие героем пейзажей так, что читатель вполне может увериться в нормальности, в душевном здоровье Коврина, например: «Деревья тут <в коммерческом саду Песоцкого> стояли в шашечном порядке, ряды их были прямы и правильны, точно шеренги солдат, и эта строгая педантическая правильность и то, что все деревья были одного

роста и имели совершенно одинаковые кроны и стволы, делали картину однообразной и даже скучной» [Чехов].

Интересно, что текст повести обнаруживает композиционный вектор, направленный от изображения внешнего мира к внутреннему, но так происходит вовсе не потому, что А. П. Чехов следует ставшим традиционными принципам организации архитектоники произведения: напротив, осуществляя именно такую траекторию развития действия, автор показывает, как Коврин постепенно фокусируется исключительно на собственном внутреннем мире, не находя для проверки собственных эмоций каких-либо внешних ориентиров. Главный герой повести как бы «уходит в себя», но происходит это постепенно. Так, в анализируемом тексте портреты тоже эмотивны, например: «Ее <Тани Песоцкой> широкое, очень серьезное, озябшее лицо с тонкими черными бровями, поднятый воротник пальто, мешавший ей свободно двигать головой, и вся она, худощавая, стройная, в подобранном от росы платье, умиляла его» [Чехов]. Восприятие героем внешности Тани манифестировано посредством ряда атрибутивов различной частеречной принадлежности (прилагательными *широкое, серьезное, с тонкими, черными, худощавая, стройная* и причастиями *озябшее, поднятый, мешавший, в подобранном*), завершаясь в предложении обозначением конкретного чувства – эмотивность маркирована здесь глаголом *умиляла*.

Постепенно герой перестает замечать красивые пейзажи, людей; автор зачастую прибегает и к антропоморфной метафоре с тем, чтобы акцентировать внимание читателя именно на сосредоточенности персонажа на самом себе даже в ситуации восприятия окружающего мира: «Не замечая роскошных цветов, он погулял по саду, посидел на скамье, потом прошелся по парку; дойдя до реки, он спустился вниз и тут постоял в раздумье, глядя на воду. Угрюмые *сосны* с мохнатыми корнями, которые в прошлом году видели его здесь таким молодым, радостным и бодрым, теперь *не шептались*, а стояли неподвижные и *немые, точно не узнавали его*. И в самом деле, голова у него острижена, длинных красивых волос уже нет, походка вялая, лицо, сравнительно с прошлым летом, пожелтело и побледнело» [Чехов]. В контексте выделены курсивом метафора (*сосны не шептались, немые*) и сравнение (*точно не узнавали его*) позволяют читателю корректно интерпретировать происходящее в душе героя через призму

персонажной оценочности и эмотивности, что подтверждается и восприятием самим героем собственной внешности (*голова у него острижена, длинных красивых волос уже нет, походка вялая, лицо, сравнительно с прошлым летом, пожелтело и побледнело*). Представленный в контексте портрет подчеркивает состояние нездоровья героя, его неудовлетворенность собой, что ориентирует читателя на формулирование основных смыслов художественного текста, имеющих ценностный характер.

Прекрасная реальность, пусть и часто обыденная в своих проявлениях, постепенно вытесняется в сознании Коврина болезненной фантазией о черном монахе. Первоначально он пересказывает Тане слышанную им где-то легенду, и спустя очень непродолжительное время черный монах начинает являться ему, эти галлюцинации учащаются. Автор дает портрет черного монаха, безусловно, с точки зрения самого героя: «Монах в черной одежде, с седой головой и черными бровями, *скрестив на груди руки*, пронесся мимо... Босые ноги его не касались земли. Уже пронесся сажени на три, он оглянулся на Коврина, *кивнул головой и улыбнулся ему ласково и в то же время лукаво. Но какое бледное, страшно бледное, худое лицо!* Опять начиная расти, он пролетел через реку, неслышно ударился о глинистый берег и сосны и, пройдя сквозь них, исчез как дым» [Чехов]. Представляется, что маркеры эмотивности в приведенном контексте (выделены курсивом) имеют ценностную окраску, а смыслы, возникающие в восприятии героем ситуации, закономерно образуют основу ценностно-смыслового пространства самого художественного текста, преобразуясь в восприятии читателя. Именно поэтому приподнятое состояние, радость, восторг, которые испытывает сам Коврин, диссонирует с тем, что чувствует читатель: не только настороженность в отношении нервного расстройства, но и предвосхищение надвигающегося сумасшествия – вот то, что обнаруживается в единстве ценностных смыслов художественного текста.

Разумеется, сам герой не ощущает приближения этой беды, что фиксируется и в следующем контексте: «Однажды монах явился во время обеда и сел в столовой у окна. Коврин обрадовался и очень ловко завел разговор с Егором Семенычем и с Таней о том, что могло быть интересно для монаха; черный гость слушал и приветливо кивал головой, а Егор Семеныч и Таня тоже слушали и весело улыбались, не подозре-

вая, что Коврин говорит не с ними, а со своей галлюцинацией» [Чехов]. Эмотивность в этом фрагменте маркирована и лексемами, обозначающими эмоции напрямую (*обрадовался, интересно, приветливо, весело*), а также лексемами и лексическими сочетаниями, характеризующими контекстуальной эмотивностью (*явился во время обеда, черный гость, не подозревая, с галлюцинацией*). В целом вполне можно говорить о том, что в этом текстовом фрагменте ориентация Коврина на внешний мир претерпевает радикальные изменения: он рассуждает только о том, что интересно его галлюцинации – черному монаху, а не живым людям, его близким, он и ориентируется, в первую очередь, только на эмоциональные проявления черного монаха, лишь походя отмечая для себя, что Таня и ее отец *тоже* слушают и весело улыбаются. Таким образом, можно утверждать, что постепенный отказ автора от пейзажных и портретных зарисовок, сменяющихся в тексте описанием действий героев, вовсе не свидетельствуют об объективности восприятия мира персонажем: напротив, он все чаще истолковывает поступки окружающих и события в собственной жизни через восприятие себя самого как гениальной натуры, внушенное черным монахом.

Акцентируя внимание читателя на мировосприятии героя, автор показывает процесс прогрессирования душевной болезни Коврина и все чаще обращается и к собственно эмотивам – прямым номинациям чувств или описательным фрагментам, однако все они направлены на характеристику происходящего именно во внутреннем мире героя (маркеры эмотивности выделены в контекстах курсивом): «Когда он, *вялый, неудовлетворенный*, вернулся домой, всенощная уже кончилась» [Чехов]; «Он *почувствовал сильное раздражение* и, чтобы не сказать лишнего, быстро встал и пошел в дом» [Чехов]; «Опять им овладело *беспокойство, похожее на страх*, и стало казаться, что во всей гостинице кроме него нет ни одной души...» [Чехов].

Заключение

Возникновение эмоций и их вербализация имеют в своей основе реализацию нескольких типов ситуаций: таковы прецедентно эмотивные ситуации, ситуации, формирующиеся за счет категории «ненормы», ситуации, актуализирующие эмоциональные состояния. Анализ текста повести А. П. Чехова «Черный монах» выявил наличие в нем всех трех типов ситуаций, так или ина-

че представленных на всех языковых и текстовых уровнях. Прецедентно эмотивные ситуации в повести представлены темами смерти, опасности, смысла жизни и выбором, совершаемым героем между окружающим миром и замкнутостью на самом себе; ситуации «ненормы» сосредоточиваются вокруг душевной болезни героя, демонстрируя аномальность его отношений с обществом, близкими, эмоциональные состояния репрезентированы практически в каждом эпизоде анализируемого художественного текста. Автор последовательно отказывается от экспликации собственной оценки и избегает назидательности, что способствует возникновению перлокутивного эффекта эмотивности на основании фоновых знаний читателя.

Эмотивность, трактуемая не только как компонент лексического значения, но и как значимая характеристика набора языковых знаков позволяет осуществлять герменевтические процедуры в отношении ценностно-смыслового пространства художественного текста. Очевидно, что выявление и описание таких языковых знаков способствуют уточнению континуального статуса эмотивности в художественном тексте как целостном феномене. Иными словами, смысловая целостность художественного текста не может быть корректно исследована вне уяснения той важной роли эмотивных языковых единиц, которую они играют в коммуникации автора и читателя. Эмотивность в этой связи может быть охарактеризована как метасредство, основной функцией которого является формирование метасмыслов художественного текста, обладающих приоритетной ценностью для автора и читателя. Такие метасмыслы представляют собой совокупности ценностных смыслов, выражающих онтологические идеи и являющихся, в сущности, фундаментом так называемых «вечных» тем в мировой литературе – тем жизни и смерти, любви и ненависти, долга и чувства, космоса и хаоса, добра и зла, смысла жизни и пр.

А. П. Чехов постепенно в тексте повести «Черный монах» отказывается от пейзажных и портретных описаний, обращаясь к актуализации персонажного действия. Однако это не свидетельствует о том, что герой объективен в восприятии мира. По мере развития душевного недуга он все более замыкается в себе, интерпретируя поступки людей и события при опоре исключительно на восприятие собственной личности как гениальной, что внушено Коврину черным монахом. Маркерами эмотивности высту-

пают как прямые номинации чувств, так и лексемы и лексические сочетания, приобретающие характеристики эмотивов в конкретных контекстах. Ценностно окрашенные эмотивы зачастую коррелируют с интерпретацией ситуаций самим героем, что продуцирует ценностно-смысловое пространство художественного текста. Ценностные смыслы уточняются в процессе восприятия текста, и читатель чувствует прямо противоположное тому, что ощущает герой: так, Коврина охватывает восторг, тогда как читатель должен, в соответствии с авторским замыслом, понимать, что герой душевно болен, и катастрофа, распад его личности неминуемы. Таким образом, ценностные смыслы художественного текста воздействуют на читательское сознание в нужном автору направлении именно за счет эмотивности художественного текста даже тогда, когда текстовые и языковые средства не являются эмотивами по своим лингвопрагматическим характеристикам.

Библиографический список

1. Абдулкаримова П. А. Эмотивность как одна из функциональных категорий языка // Инновационная наука. 2022. № 4–1. С. 36–37.
2. Богин Г. И. Обретение способности понимать : введение в филологическую герменевтику. Москва : Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с.
3. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности : (Основы эмотивной стилистики текста). Ташкент : Фан, 1981. 116 с.
4. Водяха А. А. Эмотивное пространство художественного текста // Грани познания. 2012. № 6 (20). С. 79–81.
5. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема. Волгоград, 1998. 197 с.
6. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. Москва : КомКнига, 2005. 232 с.
7. Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология, 1997. № 3. С. 62–76.
8. Крутова И. Н. Языковые средства выражения эмотивности в современной публицистике (на примере блогов и комментариев к ним) / И. Н. Крутова, М. В. Паршина // Гуманитарные исследования. 2020. № 1 (73). С. 62–66.
9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия : пер. с фр. ; под ред. И.С. Вдовиной и Л.С. Фокина. Санкт-Петербург : Ювента : Наука, 1999. 605 с.
10. Моисеева А. В. Отражение эмотивности в тексте // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 71–4. С. 49–51.
11. Полевая А. И. Зависимость категории эмотивности от типа повествователя в художественном тексте // Science Time. 2021. № 3 (87). С. 11–15.
12. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры: Опыт исследования. Москва : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
13. Султанова З. А. Эмотивность как лингвистическая категория // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 385–387.
14. Сюткина Н. П. Языковые средства актуализации эмотивности // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 50–57.
15. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке : языковые механизмы экспрессивности. Москва : Наука, 1991. С. 36–66.
16. Тошович Б. Соотносительный круг экспрессивности // Славистика: синхрония и диахрония : сборник научных статей к 70-летию И. С. Улуканова / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; [ред. В. Б. Крысько]. Москва : Азбуковник, 2006. С. 315–326.
17. Трубкина А. И. Эмотивный код художественного текста: лингвопрагматический аспект // Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 5. С. 104–110.
18. Чехов А. П. Черный монах. URL: https://royallib.com/read/chehov_anton/cherniy_monah.html#0 (дата обращения: 05.09.2023).
19. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. 192 с.
20. Холодионова С. И. Категория эмоциональности в структуре слова: дифференциация понятий «эмоциональность», «оценочность», «экспрессивность», «эмотивность» в русском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 170–177.
21. Abdel-Raheem A. Mental model theory as a model for analysing visual and multimodal discourse. Journal of Pragmatics. Vol. 155: 2020. P. 303–320.
22. Di Paola S. Metaphorical developing minds: The role of multiple factors in the development of metaphor comprehension / S. Di Paola, F. Domaneschi, N. Pouscoulous // Journal of Pragmatics. Vol. 156: 2020. P. 235–251.
23. Foolen A. Quo vadis pragmatics? From adaptation to participatory sense-making // Journal of Pragmatics. Vol. 145. 2019. P. 39–46.
24. Genovesi C. Metaphor and what is meant: Metaphorical content, what is said, and contextualism. Journal of Pragmatics. Vol. 157: 2020. P. 17–38.
25. Kneepkens E. W. E. M. Emotions and Literary Text Comprehension / E. W. E. M. Kneepkens, R. A. Zwaan // Poetics. V. 23. 1994–1995. P. 125–138.

Reference list

1. Abdulkarimova P. A. Jemotivnost' kak odna iz funkcional'nyh kategorij jazyka = Emotiveness as a functional linguistic category // Innovacionnaja nauka. 2022. № 4–1. S. 36–37.

2. Bogin G. I. Obretnie sposobnosti ponimat' : vvedenie v filologicheskiju germenektiviku = Acquiring capacity to understand: an introduction to philological hermeneutics. Moskva : Psihologija i Biznes OnLajn, 2001. 516 s.
3. Bolotov V. I. Jemocional'nost' teksta v aspektah jazykovoj i nejazykovoj variativnosti : (Osnovy jemotivnoj stilistiki teksta) = Emotional text in terms of linguistic and non-linguistic variability: (Fundamentals of text emotive stylistics). Tashkent : Fan, 1981. 116 s.
4. Vodjaha A. A. Jemotivnoe prostranstvo hudozhestvennogo teksta = Emotive space of literary text // Grani poznaniya. 2012. № 6 (20). S. 79–81.
5. Ionova S. V. Jemotivnost' teksta kak lingvisticheskaja problema = Text emotiveness as a linguistic problem. Volgograd, 1998. 197 s.
6. Kolshanskij G. V. Sootnoshenie sub#ektivnyh i ob#ektivnyh faktorov v jazyke = Correlation between subjective and objective factors in language. Moskva : KomKniga, 2005. 232 s.
7. Krasnyh V. V. Kognitivnaja baza i precedentnye fenomeny v sisteme drugih edinic i v kommunikacii = Cognitive basis and precedent phenomena in the system of other units and in communication / V. V. Krasnyh, D. B. Gudkov, I. V. Zaharenko, D. V. Bagaeva // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija, 1997. № 3. S. 62–76.
8. Krutova I. N. Jazykovye sredstva vyrazhenija jemotivnosti v sovremennoj publicistike (na primere blogov i kommentarijev k nim) = Linguistic means of expressing emotiveness in modern journalism (based on blogs and comments to them) / I. N. Krutova, M. V. Parshina // Gumanitarnye issledovanija. 2020. № 1 (73). S. 62–66.
9. Merlo-Ponti M. Fenomenologija vosprijatija = Phenomenology of perception : per. s fr. ; pod red. I.S. Vdovinoj i L.S. Fokina. Sankt-Peterburg : Juventa : Nauka, 1999. 605 s.
10. Moiseeva A. V. Otrazhenie jemotivnosti v tekste = Expressing emotiveness in text // Tendencii razvitiya nauki i obrazovanija. 2021. № 71-4. S. 49–51.
11. Polevaja A. I. Zavisimost' kategorii jemotivnosti ot tipa povestvovatelja v hudozhestvennom tekste = Dependence of emotive category on the type of the narrator in a literary text // Science Time. 2021. № 3 (87). S. 11–15.
12. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury: Opyt issledovanija = Constants: Dictionary of the Russian culture: Research experience. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 824 s.
13. Sultanova Z. A. Jemotivnost' kak lingvisticheskaja kategorija = Emotiveness as a linguistic category // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2023. № 2 (99). S. 385–387.
14. Sjutkina N. P. Jazykovye sredstva aktualizacii jemotivnosti = Linguistic means for actualizing emotiveness // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. 2022. № 2. S. 50–57.
15. Telija V. N. Mehanizmy jekspressivnoj okraski jazykovyh edinic = Means of expressive coloring in linguistic units // Chelovecheskij faktor v jazyke : jazykovye mehanizmy jekspressivnosti. Moskva : Nauka, 1991. S. 36–66.
16. Toshovich B. Sootnositel'nyj krug jekspressivnosti = Correlative circle of expressiveness // Slavistika: sinhronija i diahronija : sbornik nauchnyh statej k 70-letiju I. S. Uluhanova / In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova RAN; [red. V. B. Krys'ko]. Moskva : Azbukovnik, 2006. S. 315–326.
17. Trubkina A. I. Jemotivnyj kod hudozhestvennogo teksta: lingvopragmaticheskij aspekt = Emotive code of literary text: linguopragmatic aspect // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2022. № 5. S. 104–110.
18. Chehov A. P. Chernyj monah = The Black Monk. URL: https://royallib.com/read/chehov_anton/cherniy_monah.html#0 (data obrashhenija: 05.09.2023).
19. Shahovskij V. I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheckoj sisteme jazyka = Categorizing emotions in the lexical-semantic language system. Voronezh : Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1987. 192 s.
20. Holodionova S. I. Kategorija jemocional'nosti v strukture slova: differenciacija ponjatij «jemocional'nost'», «ocenocnost'», «jekspressivnost'», «jemotivnost'» v russkom jazyke = The category of affectiveness in the word structure: differentiation of the concepts «emotionality», «evaluateness», «expressiveness», «emotiveness» in the Russian language // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2020. № 1. S. 170–177.
21. Abdel-Raheem A. Mental model theory as a model for analysing visual and multimodal discourse. Journal of Pragmatics. Vol. 155: 2020. P. 303–320.
22. Di Paola S. Metaphorical developing minds: The role of multiple factors in the development of metaphor comprehension / S. Di Paola, F. Domaneschi, N. Pouscoulous // Journal of Pragmatics. Vol. 156: 2020. P. 235–251.
23. Foolen A. Quo vadis pragmatics? From adaptation to participatory sense-making // Journal of Pragmatics. Vol. 145. 2019. P. 39–46.
24. Genovesi C. Metaphor and what is meant: Metaphorical content, what is said, and contextualism. Journal of Pragmatics. Vol. 157: 2020. P. 17–38.
25. Kneepkens E. W. E. M. Emotions and Literary Text Comprehension / E. W. E. M. Kneepkens, R. A. Zwaan // Poetics. V. 23. 1994–1995. P. 125–138.

Статья поступила в редакцию 24.08.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 24.08.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья

УДК 811.161

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_161

EDN: KSXVPD

Семантика комплексного психического воздействия в английских высказываниях с однородными предикатами

Наталья Львовна Огуречникова^{1✉}, Светлана Александровна Блинова²

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет. 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

²Старший преподаватель кафедры социальной педагогики института иностранных языков, Российский университет дружбы народов. 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

¹ogurechnikova@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-2766-6414>

²Blinova-sa@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3259-8989>

Аннотация. Целью данной статьи является изучение функционирования глаголов межличностного взаимодействия с семантикой психического воздействия в речи, их потенциала для отражения тактик психологического воздействия в языке и речи. Материалом исследования послужили примеры предложений-высказываний, описывающих ситуации оказания воздействия. Для исследования языкового материала использовался метод структурно-семантического анализа высказывания, метод контекстного анализа и метод анализа словарных дефиниций.

В результате исследования была выделена лексико-семантическая группа глаголов, репрезентирующих комплексное психологическое воздействие; выявлено соответствие между глаголами и характером воздействия, которое они реализуют в языке и речи. Установлено, что семантика исследуемых глаголов неоднородна. В материале исследования были обнаружены глаголы, не имеющие в структуре своего значения признака «воздействие на объект». Подобные глаголы называют речевое действие или являются глаголами поведения и ранее не рассматривались как глаголы воздействия. Изучение данных глаголов как единиц языка, исследование функционирования их в речи не позволили объяснить их регулярное использование в контекстах, описывающих ситуации оказания психологического воздействия, выявить характер и особенности реализуемой ими семантики. В отношении таких глаголов был сделан вывод о том, что они способны реализовать семантику воздействия только в определенных ситуациях и контекстах. Будучи встроенными в последовательность предикатов, отражающих различные типы воздействия, действия, называемые такими глаголами, переосмысливаются как репрезентирующие комплексное психическое воздействие.

В результате исследования были установлены тактики психологического воздействия, отражаемые изучаемыми глаголами в речи. Сделан вывод о том, что в англоязычной речи наблюдается значительный перевес в сторону смешанных тактик воздействия по сравнению с «чистыми» тактиками.

Ключевые слова: психологическое воздействие; глаголы агрессии; методы воздействия; тактики воздействия; семантика психического воздействия; манипуляция; глаголы побуждения; глаголы обмана; глаголы убеждения

Для цитирования: Огуречникова Н. Л., Блинова С. А. Семантика комплексного психического воздействия в английских высказываниях с однородными предикатами // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 161–169. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_161. <https://elibrary.ru/KSXVPD>

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

Semantics of complex mental influence in english statements with homogeneous predicates

Natalia L. Ogurechnikova^{1✉}, Svetlana A. Blinova²

¹Doctor of philological sciences, professor at the department of scandinavian, dutch and finnish languages, faculty of translation, Moscow state linguistic university. 119034, Moscow, Ostozhenka st., 38, bld. 1

²Senior lecturer, department of social pedagogy, institute of foreign languages, Peoples' friendship university of Russia. 117198, Moscow, Miklukho-Maklay st., 6

¹ogurechnikowa@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-2766-6414>

²Blinova-sa@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3259-8989>

Abstract. The article focuses on the functioning of verbs of interpersonal interaction with the semantics of mental impact in speech and their potential for reflecting the psychological impact tactics in speech and in the language. The study is based on a corpus of statements describing situations of exerting psychological influence. The total number of the statements is 140. The material has been analyzed using the method of structural and semantic analysis, the method of contextual analysis and the method of analyzing dictionary definitions.

As a result of the study, the authors identify a lexical-semantic group of verbs representing complex psychological impact; they find out correspondence between the verbs and the nature of the impact they realize in language and in speech. It is established that the semantics of the verbs under analysis is heterogeneous. Some of the verbs have not been previously categorized as «influence» verbs. With regard to such verbs, it is concluded that they are able to realize the semantics of mental impact only in certain situations and contexts. Being included in a sequence of predicates reflecting the tactics of influence, such verbs are rethought and reinterpreted as representing a complex mental impact. The authors conclude that English speech shows a significant prevalence of mixed impact tactics over «pure» ones.

Key words: psychological impact; verbs of aggression; methods of influence; tactics of influence; semantics of influence; manipulation; verbs of motivation; verbs of deception; verbs of persuasion

For citation: Ogurechnikova N. L., Blinova S. A. Semantics of complex mental influence in english statements with homogeneous predicates. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):161–169. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_161. <https://elibrary.ru/KSXVPD>

Введение

Объектом исследования выступают последовательности предикатов в высказываниях, отражающие комплексное психическое воздействие. Предметом исследования является семантический потенциал глаголов межличностного взаимодействия, возникающий в речи при обозначении комплексного психологического воздействия (стратегий и тактик психологического воздействия). Цель работы – изучение речевых функций глаголов межличностного взаимодействия, выступающих в качестве предикатов в высказываниях, описывающих ситуации оказания психологического воздействия.

Актуальность работы обусловлена отсутствием исследований, посвященных последовательностям предикатов, отражающим комплексное психологическое воздействие. В семантике изучаемых цепочек предикатов, а иногда и отдельных глаголов, содержится указание на комплексное действие, состоящее из ряда событий, что вызывает трудности в описании и классификации таких глаголов. Границы группы глаголов, способных реализовать в речи семантику комплексного психического воздействия, не определены, не выявлено соответствие между глаголами и характером воздействия, которые они называют. Кроме того, актуальность работы определяется огромной ролью, которую психологическое воздействие играет в ежедневной жизни: оказывая воздействие, можно управлять людьми,

формировать у них ту или иную мотивацию, убеждения, менять их намерения и установки.

Материал и методы исследования

Материалом исследования является созданная авторами картотека (140 предложений-высказываний, описывающих ситуации оказания воздействия), источниками для которой послужили национальный корпус английского языка, а также современные электронные СМИ, а именно, *it.com*.

Для исследования языкового материала использовался *метод* структурно-семантического анализа высказывания, метод контекстного анализа и метод анализа словарных дефиниций.

Использование терминов

Необходимо пояснить использование нами терминов «психологическое воздействие» и «психическое воздействие». В лингвистических исследованиях глаголы, называющие воздействие, в результате которого изменяется психическое состояние объекта, называют глаголами психического воздействия [Королькова, 2204; Падучева, 2004]. В психологии говорят о психологическом воздействии, понимая под ним воздействие на различные психические структуры (мысли, чувства) и действия другого человека с помощью исключительно психологических средств [Душкина, 2019]. Объектом психологического воздействия является психика другого человека (или группы людей), а цель заключается в коррекции или полном изменении психического статуса объекта, его

целей, мотивационной сферы и т.д. [Крысько, 2006]. В настоящей работе мы будем придерживаться термина «психическое воздействие», говоря о глаголах и предикатах с соответствующей семантикой. Говоря о внеязыковой действительности, о методах, тактиках воздействия, используемых людьми в жизни, мы будем использовать термин «психологические воздействия», как это принято в психологии.

Отбор материала исследования

Объектом исследования являются предикаты межличностного взаимодействия с семантикой психического воздействия, выраженными «цепочками» глаголов, называющих конкретные действия. В состав таких «цепочек» может войти несколько (два, три, четырех и более) предикатов.

Рассмотрим следующие примеры:

(1) *I have been intreated during these weeks, cajoled, wheedled, almost caressed, tortured, threatened, brow-beaten and all but blackmailed to step in as the saviour of society.* (*Constitutional texts. Brazier, Rodney. Oxford: OUP, 1990, pp. 1-90. 1590 s-units.*)

(2) *The reason I didn't quibble or include Akin in the post is that I am 100% certain that the national GOP would have happily invited the entire Greyhound fleet to drive over him if they could have. But since he was the fairly-elected winner of the primary, they had little alternative but to beg and plead and wheedle for him to drop out.*(<http://ordinary-gentlemen.com/russellsaunders/2012/11/unsolicited-advice-for-the-gop/> *Unsolicited advice for the GOP*)

В примере (1) сам говорящий является объектом воздействия, которое включает попытки заставить его совершить выгодное субъекту действие с помощью мольбы, обмана, лести, давления, угроз. В примере (2) объектом воздействия является претендент от республиканской партии на президентских выборах в США, на которого пытаются воздействовать однопартийцы с целью заставить его снять свою кандидатуру с предвыборной гонки. Однако, учитывая то, что он законно победил на праймериз, арсенал их средств воздействия ограничен уговорами, увещеваниями и лестью.

Всего нами было обнаружено 140 предложений-высказываний с такими цепочками. Анализ примеров позволил установить наиболее частотные глаголы, которые в них употребляются:

wheedle, coax, cajole, bribe, coerce, taunt, humiliate, charm, inveigle, persuade, plead, hoodwink,

belittle, intimidate, offend, provoke, scold, cajole, fawn, connive, insult, censure, urge, implore, whine, complain, promise, encourage, entice, intreat, torture, threaten, brow-beaten, mock, harass, nag, beg, trick, bully, push, hassle, force, castigate, yell, induce, spook, massage, flatter, bribe, flirt, assault, pressure и др.

Семантическая классификация глаголов, отобранных для данного исследования представляет определенные сложности по нескольким причинам. Во-первых, комплексный характер лексического значения и речевой семантики таких глаголов (наличие нескольких семантических компонентов), позволяет включать их в разные группы в зависимости от семантического признака, используемого в качестве классифицирующего. Ряд изучаемых глаголов уже являлся предметом исследований, однако исследователей интересовали другие семантические признаки этих глаголов, соответственно глаголы, являющиеся объектом нашего исследования, рассматривались как глаголы принуждения, эмоций, обмана, речевых действий и др. [Закоян, 2010; Ильинская, 2022; Кузьмина, 2012]. Исследователи также рассматривали некоторые из изучаемых нами глаголов с точки зрения семантических ролей актантов этих глаголов [Candice Chi-Hang Cheung, Richard K. Larson, 2015; Figdor Carrie, 2017].

Кроме того, рассмотрение данных глаголов только как единиц языка не позволяет однозначно выявить характер описываемого ими воздействия и отнести данные единицы к тому или иному типу. Внимание к функционированию лексических единиц в речи позволяет разрешить некоторые упомянутые выше трудности и более точно описать их семантику. Необходимость изучения окружения слов в контексте при анализе их лексического значения отмечали многие исследователи, В. В. Виноградов писал: «Значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова, оно зависит от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами» [Виноградов, 1977, с. 163]. Д. Н. Шмелев также указывал, что изучение синтаксической сочетаемости слов помогает выявить «определенные критерии для отнесения слов к тем или иным лексико-семантическим группам, изучение же собственно лексической сочетаемости раскрывает индивидуальные семантические особенности каждого отдельного слова» [Шмелев, 2008].

Организация исследования

Начнем анализ с рассмотрения семантической структуры выделенных глаголов. Подавляющее большинство изучаемых глаголов имеют в своем значении признак «воздействие на объект», выраженный в словарной статье глаголами *cause* 'вызывать', *make* 'заставлять', *persuade* 'убеждать', *lead* 'вести, приводить', например:

Humiliate -to cause to feel stupid, embarrassed esp. when other people are present; or to lose the respect of others [LDOCE]

Coerce- to make an unwilling person do smth by force, threats [LDOCE]

Coax – to persuade someone by gentle kindness, patience, or flattery [LDOCE]

У многочисленной группы глаголов признак «воздействие на объект» является потенциальным и может реализовываться только в определенных контекстах. В семантике этих глаголов есть указание на признак «намеренность» оказания воздействия, в то время как результативность воздействия не находит отражения в дефинициях:

entreat – to ask someone in a very emotional way to do someone for you

fawn- to praise someone and be friendly to them in an insincere way, because you want them to like you or give you smth

implore -to ask for something in an emotional way

При изучении выделенной группы глаголов, было установлено, что признак «цель воздействия» эксплицитно выражен только у ряда глаголов:

Inveigle- to persuade someone to do what you want esp in a dishonest way

Flatter -to praise someone in order to please them or get something from them, even though you don't mean it.

В других же случаях в дефиниции глагола содержится указание на способ воздействия- угроза, повторяющиеся оскорбление и т.д.

(*) *Intimidate -to frighten esp by making threats*

(*) *Harass – to make someone's life unpleasant, for example, by frequently saying offensive things to them or threatening them*

(*) *Insult – to offend someone by saying or doing something they think is rude*

Как видно из вышеприведенных дефиниций (*) данные глаголы называют такие действия как запугивание, причинение беспокойства или оскорбление, которые сами по себе чаще всего не являются конечной целью воздействия, по-

средством этих действий люди хотят достичь какой-то цели- заставить других принять определенное решение, что-либо сделать, или, наоборот, заставить их перестать что-либо делать.

Невозможность выявить характер воздействия, описываемого глаголом, а также однозначно определить конкретные способы воздействия проявляется в подгруппе глаголов, называющих воздействие посредством манипулирования.

Fawn- to praise someone and be friendly to them in an insincere way, because you want them to like you or give you smth

Flatter -to praise someone in order to please them or get something from them, even though you don't mean it.

Wheedle -to persuade someone to do or give you smth e.g. by saying nice things to them that you do not mean

Coax -to persuade smb by gentle kindness, patience or flattery

To cajole – to persuade by praise or false promises

В семантике глаголов этой подгруппы (*wheedle, coax, cajole, flatter, fawn, inveigle, entice*) находит отражение цель воздействия- убедить кого-то что-либо сделать, и способ воздействия- обман, лесть, ложные обещания (признаки, характерные для манипулирования [Седов, 2003; Сидоренко, 2004; Титова, 2008]). В дефинициях способ и цель воздействия отражены не однозначно, а посредством возможных альтернатив с использованием союза *or*: *by praise or false promises, to like you or give you smth, in order to please them or get something from them, to persuade someone to do or give you smth* и т.д.

Как видим, изучение данных глаголов с опорой на анализ дефиниций без учета особенностей употребления их в речи не позволяет выявить характер описываемого ими воздействия, его конкретные цели и способы.

Также среди изучаемых глаголов можно выделить немногочисленную группу глаголов, в семантике которых нет признака воздействия на объект, и нет указаний на цель совершения действия:

Joke – say things that are intended to be funny and that you do not really mean

Flirt – to behave towards someone in a way that shows that you are sexually attracted to them, although you do not really want a relationship with them

Yell – to shout or say smth very loudly esp because you are frightened, angry or excited

Complain -to say that you are annoyed, not satisfied, or unhappy about something or someone

Whine – to complain in a sad annoying voice

Bluster -to speak in a loud angry way

Подобные глаголы описывают поведение или речевое действие / речевую деятельность, и ввиду того, что они не имеют признака «воздействие на объект», не могут быть отнесены к группе глаголов психического воздействия. Однако, частотность и повторяемость их употребления в подобных цепочках предикатов наряду с глаголами с семантикой психического воздействия не позволяет исключить их из анализа. Таким образом, рассматривая изучаемые глаголы с позиций языковых единиц, нами были выделены следующие группы глаголов:

- глаголы, называющие воздействие посредством формирования благосклонности (*charm, court, massage*);

- глаголы побуждения (*inspire, encourage, egg on*);

- глаголы, называющие воздействие посредством давления, угроз и запугивания (*browbeat, bludgeon, intimidate, pressure, command, threaten, bully, coerce*);

- глаголы, называющие воздействие посредством манипулирования (*wheel, coax, cajole, flatter, fawn, inveigle, entice, bribe*);

- глаголы, называющие воздействие посредством упрощения/мольбы (*plead, beg, insist, entreat, implore, hassle, nag*);

- глаголы убеждения (*persuade, convince, reason*);

- глаголы агрессии/нападок (*castigate, harangue, assault, bait, taunt* др.);

- глаголы, называющие воздействие посредством морального подавления (*mock, belittle, harass, insult, humiliate, offend*);

- глаголы, называющие воздействие посредством обмана (*trick, hoodwink, dupe*);

- глаголы, называющие речевое действие/речевую деятельность или поведение не имеющие в своей семантике признака «воздействие на объект» (*flirt, joke, scheme, yell, holler, scold, bluster, squabble, censure, collude, connive, complain, whine, cry*).

Как видим, языковой материал не позволяет полностью выявить семантические особенности изучаемых глаголов и не дает достаточных оснований для однозначной их классификации, поэтому следующим этапом исследования было

изучение функционирования отобранных глаголов в речи.

Рассмотрим несколько примеров.

(3) *I marketed the company's salt as if it were mine. I talked, cajoled, and joked, to woo customers to buy the product. (Source FIC: Massachusetts Review*

Date 2013 Publication information Spring2013, Vol. 54 Issue 1, p26-39. 14p.

Title The Waiting Stool. Author Anyaegbuna, Jekwu)

В примере (3) автор описывает свои действия – *talked, cajoled, and joked*, направленные на то, чтобы убедить покупателей приобрести товар. Как можно судить по дефинициям, глаголы *talk, joke* не имеют в своем значении признака «воздействие на объект», они оба являются глаголами говорения.

Joke –to say things that are intended to be funny and that you do not really mean

Talk – to say things to someone as part of a conversation

Использование глагола *joke* свидетельствует о том, что говорящий пытается растопить лед, расположить к себе покупателей, улучшить их эмоционально-психологическое состояние и таким образом поощрить их купить товар. Можно утверждать, что глагол *joke* сам по себе не является глаголом воздействия, но при употреблении в составе цепочки предикатов, называющих действия, направленные на то, чтобы коммуникативный партнер выполнил действие, необходимое говорящему, глагол *joke* переосмысливается как глагол, реализующий семантику воздействия.

(4) *I insisted my mother get out of bed. She was resistant at first. But I begged and cajoled, promised her it would be worth her effort. (Source FIC: Fantasy & Science Fiction Date 2006 (May) Publication information # . Vol. 110, Iss. 5; pg. 132, 27 pgs Title Journey into the Kingdom Author M Rickert)*

В примере (4) говорящий пытается убедить свою престарелую маму встать с постели и выйти на улицу. Данное воздействие описывается глаголами *to insist, to beg, to cajole, to promise*.

Ориентируясь на словарные дефиниции, можно утверждать, что глагол *promise* не имеет эксплицитно выраженного признака «воздействие на объект» (*promise – to tell somebody that you will definitely do or provide something or that something will happen*), хотя некоторые исследователи относят его к глаголам каузации мнения [Воронова, 1991]. Однако, будучи встроенным в цепочку предикатов с семантикой воздействия,

следуя за глаголом *cajole*, называющим манипулятивное действие «убеждать при помощи ложных обещаний», глагол *promise* оказывается «втянутым» в эту семантику и называемое им действие воспринимается как оказывающее воздействие на объект посредством обещаний, что соотносится с признаком манипулятивного воздействия, а именно манипулированием потребностями.

Анализ результатов исследования

Так как изучаемые цепочки предикатов формируются в речи при употреблении глаголов психического воздействия (или же в изучаемых контекстах ведут себя как таковые), на следующем этапе анализа мы нашли целесообразным посмотреть на материал исследования с позиций теории воздействия, разработанной в психологии.

Согласно А. Л. Журавлеву психологическое воздействие представляет собой направленную передачу информации от одного участника коммуникации к другому для влияния на его психологические характеристики, поведение и др. [Журавлев, 2002] и реализуется посредством приемов, тактик и стратегий воздействия.

Тактика воздействия — это использование различных психологических приемов для решения задач психологического воздействия.

В психологической литературе тактику психологического воздействия иногда смешивают с методами воздействия (например, с убеждением или принуждением), а отдельный психологический прием (конкретное действие) принимают за тактику [Журавлев, 2002].

А. Л. Журавлев полагает, что «в тактике должно быть не менее двух конкретных действий, которые могут быть как разнопорядковые (к примеру, унижение и лесть), так и однопорядковые (лесть, комплименты)». [Журавлев, 2002, с. 179].

Так как в состав изучаемых нами последовательностей предикатов входят два или несколько предикатов, каждый из которых называет как минимум одно конкретное действие, можно утверждать, что последовательностям предикатов соответствует семантика «тактики психического воздействия». Анализ последовательностей предикатов, представленных в изучаемом нами корпусе, позволил выделить несколько типов речевой семантики, отражающей определенные тактики воздействия, а также глаголы, которые характерны для соответствующих цепочек предикатов:

— **тактика формирования благосклонности**, включающая в себя такие действия/приемы как похвала, комплименты, ухаживание, воодушевление (*charm, court, flirt, massage, joke, inspire, encourage*);

— **тактика манипулирования**, включающая в себя лесть, ложные обещания, обман (*wheelde, coax, cajole, flatter, fawn, inveigle, entice, promise, bribe, scheme, trick, hoodwink, dupe*);

— **тактика уговоров** включает такие приемы, как просьба, мольба, нытье, «канючение» (*plead, beg, entreat, implore, hassle, nag, whine, complain, urge*);

— **тактика убеждения** включает приведение логических доводов, аргументов, апеллирование к разуму (*persuade, convince, reason with*);

— **тактика агрессии/нападок** включает угрозы, устрашение, критику, оскорбление, унижение, высмеивание, издевка, игнорирование (*yell, scold, castigate, assault, harangue, brush off, mock, belittle, pressure, bludgeon, harass, insult, humiliate, offend*).

Рассмотрим следующие примеры:

(4) *I believe coaches have a chance to mold players, to shape men, to create greatness. However, the new regime of coaches has preferred to belittle, intimidate and humiliate us.* (<http://www.cougcenter.com/2012/11/10/3629216/marquess-wilson-letter-wsu-football-mike-leach> Date 2012 Title Marquess Wilson leaves WSU, releases harshly-worded statement)

(5) *She had coaxed, cajoled and bribed the delivery boys to do what they had already been told to do -- carry it to the relevant floor of the hotel. She was feeling pleased with her progress when she walked in on a typical scene on the terrace of room 216. (Platinum coast. Pemberton, Lynne. London: HarperCollins, 1993, pp. 150-291. 3487 s-units.)*

Пример (4) описывает воздействия, оказываемое тренерами на спортсменов для создания у них мотивации. Данное воздействие является иллюстрацией тактики агрессии, осуществляемой посредством унижения, умаления достижений, угроз. Пример (5) является примером тактики манипулирования, включающей в себя такие действия, как лесть, обман и обещания.

Следует отметить, что цепочки предикатов, отражающие перечисленные выше тактики встречаются не так часто, как цепочки предикатов, отражающие смешанные тактики. Субъект воздействия в процессе межличностного взаимодействия оценивает получаемые от объекта воздействия сигналы, свидетельствующие об эф-

фективности, успешности или неуспешности выбранных приемов воздействия, учитывает их и корректирует первоначально выбранную тактику в зависимости от ситуации.

Рассмотрим несколько примеров:

(6) *Megachurch leaders clearly want attenders to do more than just show up. Everything about these large churches is designed to encourage, entice, and even cajole spectators into active participation. The survey explicitly asked attenders what action moved them from being a passive spectator in worship to an active participant, what method encouraged them to finally get involved.... It is*

clear that different pathways appealed to and worked best for different people. (http://hirr.hartsem.edu/megachurch/megachurch_attender_report.htm, *Profile of the People Who Attend America's Megachurches*)

(7) *Both male and female reporters carry basic tools in their bag of tricks, including the ability to flatter, cajole, wheedle and bully a subject into answering questions. # But the most effective tool of the female journalist is often her ability to disarm.* (Source <http://observer.com/2012/11/her-pen-his-sword/>, *Her Pen, His Sword: Petraeus's Paramour not the First Journo to*)

Пример (6) описывает тактику, используемую церковными лидерами для того, чтобы заставить прихожан не только посещать службы, но и активно участвовать, делать пожертвования. Как видно, действия, предпринимаемые субъектами воздействия, включают эмоциональное воздействие (*encourage*), которое, очевидно, не приносило желаемого результата, поэтому дальше субъект воздействия прибегает к манипулятивному приему обещаний и лести (*entice, cajole*).

В примере (7) журналист описывает, какие приемы воздействия есть в арсенале репортера, чтобы заставить людей отвечать на вопросы во время интервью.

(8) *But the sales rep wouldn't leave. For the next hour, she urged, cajoled, and pressured Buford to show her one of her electric bills. Finally, exhausted and groggy from medication, Buford relented.* (Mother Jones, *Publication information Jan/Feb2014, Vol. 39 Issue 1, p5-10. 6p. 1, Author Mencimer, Stephanie*)

В данном примере субъект воздействия в течение часа убеждал второго участника общения показать ей счета за электричество, при этом субъект воздействия начинает с попыток убедить/уговорить второго участника коммуника-

ции, потом пробует лести и обещания, и, наконец, давление и принуждение.

Проанализировав многообразие приемов, которые репрезентируются в изучаемых «цепочках» предикатов, нами был сделан вывод, что в речи гораздо чаще находят отражение смешанные тактики. Всего в исследуемом материале было обнаружено 21 пример «чистых» тактик, (14 %) и 119 примеров смешанных тактик (86%). Значительный перевес в пользу смешанных тактик по сравнению с «чистыми» свидетельствует о том, что в действительности при взаимодействии людей друг с другом имеет место комплексное психологическое воздействие, когда, если изначально выбранная тактика/прием воздействия не приносит желаемого результата, субъект воздействия вынужден их менять по мере взаимодействия со вторым участником ситуации – объектом воздействия.

Заключение

В данной статье рассмотрено функционирование в речи последовательностей предикатов, выраженных глаголами межличностного взаимодействия. Предпринята попытка выявить характер описываемого ими воздействия и соотнести исследуемые глаголы с видами психологического воздействия на уровне языка и речи. Большое количество высказываний, где представлены последовательность одних и тех же предикатов, в материале исследования свидетельствует о том, что данное явление характеризуется устойчивостью и повторяемостью и позволяет по-новому взглянуть на семантику психического воздействия и на глаголы, способные ее формировать в речи.

В результате исследования была выделена лексико-семантическая группа глаголов, репрезентирующих комплексное психологическое воздействие, а также определены подгруппы глаголов, отражающих отдельные приемы и тактики воздействия.

Границы данных подгрупп глаголов подвижны в силу неоднородности их семантики. В материале исследования присутствуют глаголы, называющие речевое действие или являющиеся глаголами поведения, которые ранее не рассматривались как глаголы воздействия. В контекстах, где соответствующие предикаты встраиваются в цепочку, формирующую представление о тактике воздействия, эти предикаты реализуют семантику психического воздействия в отличии от глаголов, остающихся глаголами речевого поведе-

ния или речевых действий.

В английской речи наблюдается значительный перевес в пользу смешанных тактик по сравнению с «чистыми» тактиками. Если допустить, что речь не противоречит действительно кардинальным образом, то можно утверждать, что при взаимодействии людей друг с другом имеет место комплексное психологическое воздействие.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология : учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. Москва : Аспект Пресс, 2014. 364 с.
2. Воронова С. К. Семантика и синтаксис конструкций с глаголами каузации мнения в современном английском языке. Санкт-Петербург, 1991. 16 с.
3. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений // Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. Москва : Наука, 1977. С. 162–189.
4. Душкина М. Р. Психология влияния в социальных коммуникациях: психологическое воздействие – методы и технологии : монография. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2019. 213 с.
5. Журавлев А. Л. Социальная психология : учебное пособие / отв. ред. А. Л. Журавлев. Москва : ПЕР СЭ, 2002. 351 с.
6. Закоян Л. М. Глаголы агрессивного эмоционального состояния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 54–60.
7. Ильинская Я. А. Лексико-семантическое поле глаголов речи в современном английском языке // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 6. С. 230–233.
8. Ковалёв Г. А. О системе психологического воздействия (к определению понятия) // Психология воздействия (проблемы теории и практики): сборник научных трудов АПН СССР. НИИ общей и пед. психологии / ред. А. А. Бодалев. Москва, 1989. С. 5–14.
9. Ковалев Г. А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика. Москва, 1991. 477 с.
10. Королькова О. О. История формирования группы глаголов психического воздействия в русском языке. Новосибирск : НГПУ, 2004. 160 с.
11. Крысько В. Г. Социальная психология : курс лекций. 3-е изд. Москва : Омега-Л, 2006. 352 с.
12. Кузьмина В. В. Интегральные и дифференциальные признаки английских мотивационных глаголов // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 20(274). С. 64–68.
13. Матяш Н. В. Методы активного социально-психологического обучения : учебное пособие / Н. В. Матяш, Т. А. Павлова. 2-е изд., стер. Москва : Издат. центр «Академия», 2010. 96 с.
14. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
15. Седов К. Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 2. С. 20–27.
16. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояние влиянию. Санкт-Петербург : Речь, 2004. 256 с.
17. Титова Л. Г. Технологии делового общения : учебное пособие. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 271 с.
18. Шмелев Д. Н. 2006. Проблемы семантического анализа лексики. Изд. 3-е. Москва : Издательство ЛКИ, 2008. 280 с.
19. Candice Chi-Hang Cheung, Richard K. Larson. Psych verbs in English and Mandarin. Natural Language & Linguistic Theory, Vol. 33, No. 1. 2015. P. 127–189. URL: <https://www.jstor.org/stable/43697765> (дата обращения: 20.09.2023)
20. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 20.09.2023)
21. Figdor Carrie. On the Proper Domain of Psychological Predicates. Synthese, vol. 194, no. 11. 2017. P. 4289–310. URL: <http://www.jstor.org/stable/26748803> (дата обращения: 24.07.2023)
22. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English, Fifth Edition. Pearson Education Limited, 2009.
23. Longman Dictionary of English Language and Culture. Third Edition. Pearson Education Ltd., 2005. 1620 p.
24. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. Oxford University Press Inc., 1999. 572 p.

Reference list

1. Andreeva G. M. Social'naja psihologija = Social psychology : uchebnik dlja vuzov. 5-e izd., ispr. i dop. Moskva : Aspekt Press, 2014. 364 s.
2. Voronova S. K. Semantika i sintaksis konstrukcij s glagolami kauzacji mnenija v sovremennom anglijskom jazyke = Semantics and syntax of constructions with opinion-causation verbs in modern English. Sankt-Peterburg, 1991. 16 s.
3. Vinogradov V. V. Osnovnye tipy leksicheskikh znachenij = Major types of lexical meanings // Vinogradov V. V. Izbrannye trudy: Leksikologija i leksikografija. Moskva : Nauka, 1977. S. 162–189.
4. Dushkina M. R. Psihologija vlijanija v social'nyh kommunikacijah: psihologicheskoe vozdejstvie – metody i tehnologii = Psychology of influence in social communications: psychological influence – methods and technologies : monografija. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Jurajt, 2019. 213 s.
5. Zhuravlev A. L. Social'naja psihologija = Social psychology : uchebnoe posobie / отв. ред. А. Л. Журавлев. Moskva : PER SJe, 2002. 351 s.
6. Zakojan L. M. Glagoly agressivnogo jemocional'nogo sostojanija = Verbs of aggressive emotional state // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika. 2010. № 3. S. 54–60.

7. Il'inskaja Ja. A. Leksiko-semanticheskoe pole glagolov rechi v sovremennom anglijskom jazyke = Lexical-semantic field of verbs of speaking in modern English // *Uspehi gumanitarnykh nauk*. 2022. № 6. S. 230–233.
8. Koval'ov G. A. O sisteme psihologicheskogo vozdejstvija (k opredeleniju ponjatija) = On the system of psychological influence (to the definition of the concept) // *Psihologija vozdejstvija (problemy teorii i praktiki): sbornik nauchnykh trudov APN SSSR. NII obshej i ped. psihologii* / red. A. A. Bodalev. Moskva, 1989. S. 5–14.
9. Kovalev G. A. Psihologicheskoe vozdejstvie: teorija, metodologija, praktika = Psychological influence: theory, methodology, practice. Moskva, 1991. 477 s.
10. Korol'kova O. O. Istoriya formirovanija gruppy glagolov psihicheskogo vozdejstvija v russkom jazyke = History of forming the group of mental influence verbs in Russian. Novosibirsk : NGPU, 2004. 160 s.
11. Krysko V. G. Social'naja psihologija = Social psychology : kurs lekcij. 3-e izd. Moskva : Omega-L, 2006. 352 s.
12. Kuz'mina V. V. Integral'nye i differencial'nye priznaki anglijskikh motivacionnykh glagolov = Integral and differential features of English motivational verbs // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 20(274). S. 64–68.
13. Matjash N. V. Metody aktivnogo social'no-psihologicheskogo obuchenija = Active methods of social-psychological studying : uchebnoe posobie / N. V. Matjash, T. A. Pavlova. 2-e izd., ster. Moskva : Izdat. centr «Akademija», 2010. 96 s.
14. Paducheva E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki = Dynamic models in lexical semantics. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 608 s.
15. Sedov K. F. O manipuljacii i aktualizacii v rechevom vozdejstvii = On manipulation and actualization in speech impact // *Problemy rechevoj kommunikacii: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. prof. M. A. Kormilicyn-oj*. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2003. Vyp. 2. S. 20–27.
16. Sidorenko E. V. Trening vlijanija i protivostojanie vlijaniju = Training influence and opposing influence. Sankt-Peterburg : Rech', 2004. 256 s.
17. Titova L. G. Tehnologii delovogo obshhenija = Technology of business communication : uchebnoe posobie. Moskva : JuNITI-DANA, 2008. 271 s.
18. Shmelev D. N. 2006. Problemy semanticheskogo analiza leksiki = Problems of vocabulary semantic analysis. Izd. 3-e. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2008. 280 s.
19. Candice Chi-Hang Cheung, Richard K. Larson. Psych verbs in English and Mandarin. *Natural Language & Linguistic Theory*, Vol. 33, No. 1. 2015. R. 127–189. URL: <https://www.jstor.org/stable/43697765> (data obrashhenija: 20.09.2023)
20. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (data obrashhenija: 20.09.2023)
21. Figdor Carrie. On the Proper Domain of Psychological Predicates. *Synthese*, vol. 194, no. 11. 2017. R. 4289–310. URL: <http://www.jstor.org/stable/26748803> (data obrashhenija: 24.07.2023)
22. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English, Fifth Edition. Pearson Education Limited, 2009.
23. Longman Dictionary of English Language and Culture. Third Edition. Pearson Education Ltd., 2005. 1620 p.
24. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. Oxford University Press Inc., 1999. 572 p.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 15.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья
УДК 81'42(410)
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_170
EDN: KTSKPI

Лингвокультурологический анализ изменения культурных кодов Великобритании в контексте Брексита

Марьяна Марковна Ангелова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
maryachi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0840-964X>

Аннотация. Существует интересный культурологический и языковой взгляд на процесс преобразования культурных кодов Великобритании, освещаемый в свете крупномасштабного исторического события, известного как Брексит. В рамках данной работы основной упор сделан на изучение эффекта, оказываемого решением Великобритании об отделении от Европейского союза, на лингвистические и культурные основы общества. Во вступлении освещается набор вопросов, связанных с темой, ее актуальностью, а также выдвигаются задачи и принципы, лежащие в основе анализа. В разделе, посвященном теории, даются определения таким ключевым концепциям, как культурные коды и лингвокультурология, а также приводятся обзор ранее проведенных исследований и взаимосвязь между языком и культурными кодами. Следующий этап работы включает в себя изучение исторического фона Брексита, исследуются его причины и последствия, проводится основательный анализ влияния Брексита на общественное мнение, политическую атмосферу, а также его отображение в медиа и литературе. Далее следует подробное изучение трансформации культурных кодов Великобритании на основе общественного дискурса и использования материалов из медиа, литературы, искусства и других областей общественной жизни. Этот анализ подчеркивает изменения в языковых и культурных кодах, вызванные Брекситом, и открывает дискуссию о возможных причинах этих изменений. Исследование обращает внимание на социокультурное воздействие этих трансформаций на британское общество. Особое внимание уделяется социальным и культурным последствиям, которые затронули взаимоотношения между различными группами общества, обсуждаются такие аспекты, как поляризация, сдвиги в национальной идентичности, приспособления к новым условиям и другие важные факторы. В заключительной части статьи подводятся основные итоги исследования, а также делается обобщение анализа трансформации культурных кодов Великобритании в свете Брексита.

Ключевые слова: Брексит; Великобритания; культурные коды; лингвокультурология; изменение; общественный дискурс; поляризация; национальная идентичность

Для цитирования: Ангелова М. М. Лингвокультурологический анализ изменения культурных кодов Великобритании в контексте Брексита // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 170–176. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_170. <https://elibrary.ru/KTSKPI>

Original article

Linguocultural analysis of the change in cultural codes of Great Britain in the context of Brexit

Maryana M. Angelova

Candidate of philological sciences, associate professor at the english language department, Moscow state institute of international relations (university), the Russian Federation Ministry of foreign affairs. 119454, Moscow, Vernadsky ave., 76
maryachi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0840-964X>

Abstract. There is an interesting cultural and linguistic view of the process of transforming British cultural codes, reported in terms of the large-scale historical event known as Brexit. Within this study, the primary emphasis is placed on examining the effect of the UK's decision to separate from the European Union on the linguistic and cultural foundations of society. The introduction covers a set of questions related to the topic, its relevance; it also sets out the tasks and principles underlying the analysis. In the theory section, definitions are given to such key concepts as cultural

codes and linguocultural studies, as well as an overview of previously conducted research and the interplay between language and cultural codes. The next stage of the study involves exploring the historical background of Brexit, examining its causes and consequences. The author conducts a thorough analysis of Brexit's impact on public opinion and the political climate, as well as its representation in media and literature. This is followed by a detailed study of the UK's cultural codes transformation, based on public discourse and using materials from media, literature, art, and other areas of public life. This analysis emphasizes changes in linguistic and cultural codes brought about by Brexit, initiating a discussion on potential reasons for these shifts. The study draws attention to the socio-cultural impact of these transformations on British society with a particular focus on the social and cultural consequences that have affected relationships between different groups within society, discussing aspects such as polarization, shifts in national identity, adjustments to new conditions, and other significant factors. The concluding part of the article summarizes the main results of the study and provides a general overview of the analysis regarding the UK's cultural code transformations in the light of Brexit.

Key words: Brexit; Great Britain; cultural codes; linguistic-cultural studies; change; public discourse; polarization; national identity

For citation: Angelova M. M. Linguocultural analysis of the change in cultural codes of Great Britain in the context of Brexit. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):170–176. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_170. <https://elibrary.ru/KTSKPI>

Введение

В эпоху глобализации, когда события в одной стране могут оказывать воздействие на всемирном уровне, изучение взаимосвязи между культурными кодами становится все более актуальным для ученых. В этом контексте наш взгляд невольно обращается к Великобритании, стране с богатым историческим и культурным наследием, которая недавно прошла через большие перемены, включая отделение от Европейского союза, так называемый «Брексит». Главной темой этого исследования является воздействие Брексита на культурные коды Великобритании. Лингвокультурологическое исследование этих вопросов позволит нам выявить основные тенденции и перестановки, происходящие в общественном дискурсе, литературе, искусстве и других культурных сферах. Проведение такого исследования улучшит наше понимание текущих изменений и способствует развитию теории лингвокультурологии и анализа культурных кодов.

Целью данного исследования является изучение влияния Брексита на культурные коды Великобритании и определение воздействия этих изменений на общество этой страны. В свете этой цели мы ставим перед собой следующие задачи:

- Исследовать теорию культурных кодов и лингвокультурологии для лучшего понимания и использования концепций и методов анализа.

- Провести обзор предыдущих исследований, касающихся влияния Брексита на культурные коды Великобритании, выявить их основные результаты и недостающие элементы для углубления нашего понимания этой проблемы.

- Анализировать изменения в общественном дискурсе Великобритании после Брексита, выде-

лить основные тенденции и характерные черты культурных кодов, которые изменились.

- Исследовать конкретные случаи изменений в лингвистических и культурных кодах, основываясь на анализе медиа, литературы, искусства и других социокультурных форм.

- Идентифицировать возможные причины и объяснить динамику изменений культурных кодов, связанных с Брекситом.

С целью успешного достижения поставленных задач и целей, мы прибегнем к таким методологическим подходам, как сопоставительный текстовый анализ, детальное исследование качественного и количественного содержания, декодирование собранных данных и синтез полученных выводов.

Данная статья ставит своей целью подчеркнуть важность исследования изменения культурных кодов Великобритании в свете Брексита, предоставляя важные выводы и направления для последующих исследований в этой области. Изучение этих перемен поможет расширить наш горизонт понимания того, как культурные факторы могут влиять на общественные процессы и принятие решений в современном обществе.

Взаимосвязь культурных кодов и языковой выразительности

Культурные коды – это уникальный набор знаков, символов, представлений и значений, используемых в рамках конкретной культуры для передачи и обмена информацией. Они служат основой для формирования и осмысления культурных ценностей, стандартов, обычаев и традиций. Культурные коды могут находить свое отражение в разнообразных формах, таких как язык, литература, искусство, религия, символы и

обряды. Они играют ключевую роль в восприятии и поведении членов культуры, а также формируют идентичность и культурную принадлежность [Карасик, 2009, с. 18].

Лингвокультурология – область науки, занимающаяся изучением связей между языком и культурой и влиянием культурных факторов на языковые явления. Основной фокус внимания в лингвокультурологии направлен на изучение культурных кодов, которые вложены в языковые единицы и семантику. Эта область исследований помогает понять, как язык отражает культурные ценности, менталитет, обычаи и традиции общества [Карасик, 2009, с. 8].

Лингвокультурология анализирует культурно-зависимые языковые явления, их переводческие особенности и интерпретацию в различных культурных контекстах. Эта область науки помогает разобраться в вопросах межкультурной коммуникации и взаимопонимания, особенно в условиях глобализации и многонациональных обществ. Исследования в лингвокультурологии способствуют разрешению межкультурных конфликтов и укреплению диалога между различными культурами.

Итак, перед нами поставлена задача рассмотреть взаимосвязь культурного наследия и уникальности вербального выражения. Это подразумевает сильную взаимозависимость между культурой и способами ее выражения внутри общности.

Язык как отражение культурных особенностей:

Язык – это не просто средство для передачи информации, но и мощный инструмент хранения и передачи культурного наследия. Вся фраза, слово или даже идиома содержат в себе уникальные культурные ссылки, которые понятны тем, кто владеет данным языком. Культурное наследие вкладывается в языковые единицы, придавая им большую значимость и подчеркивая специфические культурные образы [Horne, 2006, с. 73].

Культурные особенности как средство языкового выражения:

Культурные особенности напрямую влияют на развитие языка и его структуру. Они определяют способ, которым мы преобразуем наши мысли, эмоции и опыт в слова [Кропотухина, 2017, с. 95]. Культуры могут варьироваться в своих подходах к восприятию и описанию окружающего мира, что отражается в языковых особенностях. Так, одни языки могут более эмоционально описывать события, в то время как другие стремятся к более детальному и точному описанию.

Язык как средство выражения культурной идентичности:

Через применение культурно-специфических кодов в языке формируется чувство культурной принадлежности. Люди используют язык для выражения своего участия в культуре, отражения своих ценностей, традиций и обычаев [Левенкова, 2009, с. 227]. Использование определенных фраз или выражений может способствовать укреплению взаимопонимания и солидарности внутри культурной группы.

Культурные коды в аспекте влияния на общение

В процессе общения люди учитывают культурные различия и контекст для более эффективного выражения своих мыслей и понимания собеседника. Некоторые культурные коды могут быть специфичными для определенной группы людей и сложными для понимания для представителей других культур. Понимание и эффективное общение между различными культурами требуют уважения и осознания культурных особенностей языка [Wodak, Fairclough, 2001, с. 45].

Вполне очевидно, что связь между культурными кодами и самим языком представляет собой неотъемлемую составляющую в силу того, что язык выполняет функции переноса и сохранения культурных устоев и ценностей, в то время как культурные коды устанавливают способы и содержание языковых проявлений, способствуя формированию культурной идентичности и обеспечивая взаимодействие между различными культурами.

Брексит: мотивы и значение выхода Великобритании из Европейского Союза

Событие, известное как Брексит, символизирует отход Великобритании от Европейского Союза. Демократическое голосование по этому вопросу было проведено 23 июня 2016 года, где 51,9 % жителей Великобритании поддержали идею отказа от участия в ЕС. Этот выбор был кульминацией продолжительных дебатов и размышлений о месте и значении Великобритании на европейской арене [Hamilton, 2021, с. 17].

Мотивы, приведшие к Брекситу:

– Самостоятельность и руководство: одним из главных мотивов, которые вдохновили многих защитников Брексита, было желание поддерживать национальную самостоятельность и автономию. Они высказывали опасения относительно усиливающегося влияния Европейской комиссии

и Европейского суда на внутренние вопросы Великобритании.

– Регулирование миграции: тема миграции была одним из центральных пунктов в поддержку Брексита. Большое количество сторонников отделения от ЕС выразили беспокойство относительно свободного перемещения граждан ЕС в Великобританию и приветствовали идею строгой проверки въезда иностранцев.

– Экономические и финансовые вопросы: некоторые сторонники Брексита верили в то, что Великобритания сможет более активно заключать торговые договоры с другими государствами вне ЕС и наращивать свою экономику без ограничений, налагаемых членством в ЕС.

– Несогласие с политикой ЕС: отдельные общественные группы и политические организации в Великобритании демонстрировали свое недовольство некоторыми аспектами политики Европейского союза, включая нормативное регулирование, которое считалось избыточным или негативно влияющим на британскую экономику и обычаи [Buckledee, 2018, с. 112].

Брексит и трансформация культурного кодекса в аспекте лингвистических изменений

Трансформация культурного кодекса Соединенного Королевства в свете Брексита проявляется в разнообразных элементах социального общения. Ключевое замечание здесь – Брексит как момент в истории оказал воздействие на общественные обсуждения, интегрировав многие новые тематики и лингвистические структуры в быденную речь граждан UK. Далее представлены иллюстрации модификаций в социокультурном обмене:

– Brexit (Брексит): таковой неймтитет нашел свое место в современном лексическом наборе, суть которого – отражение процесса ухода Великобритании из ЕС. Этот оборот речи, «Brexit», обосновался в просторечии и в общении на политические, экономические и социальные темы [Hamilton, 2021, с. 181].

– «Leave» и «Remain» (Остаться и уйти): эти слова воплотили собой образы двух конфликтующих фракций в референдуме о Брексите. Те, кто предпочитал «Leave», пропагандировали идею выхода из ЕС, в то время как адепты «Remain» стояли на стороне сохранения членства в Евросоюзе. Эти фразы принесли заметный вклад в политическую дискуссию и общественные беседы [McQueen, 2020, с. 50].

– «Hard Brexit» и «Soft Brexit» (Жесткий и мягкий Брексит): эти выражения охватывают разнообразные ситуации, связанные с выходом Великобритании из ЕС. «Hard Brexit» предвосхищает полное отделение от ЕС, включая уход из единого рынка и таможенного союза, в то время как «Soft Brexit» намекает на менее строгий разрыв, при котором сохраняются активные торговые связи и открытые границы с ЕС [Dennison, Geddes, 2018].

– «Divorce bill» (Счет за развод): этот сленговый оборот связан с финансовыми обязательствами Великобритании перед ЕС в ходе процесса ухода. Разговоры о «divorce bill» стали одной из центральных тем в переговорах о Брексите.

– «Backstop» (запасной вариант): это слово появилось в общественной речи в связи с вопросом об ирландской границе. «Backstop» – это мероприятие, предназначенное для предотвращения установления физической границы между Северной Ирландией и Республикой Ирландия после Брексита.

– «Project Fear» (проект страха): этот лейбл использовали адепты Брексита для осуждения предупреждений и прогнозов относительно негативных последствий ухода из ЕС. Он иллюстрирует убежденность некоторых сторонников в благоприятных перспективах после Брексита.

– Новые обороты и выражения: Брексит породил огромное количество новых выражений и фразеологических единиц, которые отображают настроение и отношение общества к происходящему. Примерами таких фраз могут служить «Brexit fatigue» (усталость от Брексита), «Brexit chaos» (хаос из-за Брексита) и так далее.

В историческом событии отделения Великобритании от Евросоюза, известном как «Брексит», отчетливо прослеживается его эхо в языковой культуре страны. Вокабуляр, символики и выражения, отражающие масштаб и комплексность процесса, внедрились в жизнь британцев.

Языковая и культурная динамика: влияние Брексита на общение и идентичность

Спектр воздействия на язык широк, охватывает медиа, искусство, литературу и общественные разговоры. Вот несколько примеров, которые бросаются в глаза:

В новостных и медиаисточниках, например, стало обыденностью встречать упоминание «Брексита» в текстах, заголовках и статьях. Это слово прочно вошло в словарь обозначений, связанных с отделением Великобритании от ЕС. Из-

растающая фраза «Брексит без договорённости» (no-deal Brexit) теперь часто витает в воздухе. Она описывает возможную ситуацию, когда Великобритания решит уйти из ЕС, не заключив соглашения о будущих связях.

В сфере литературы Брексит также не остался незамеченным. Многие писатели в своих произведениях отразили влияние Брексита на жизнь обычных граждан. Примером может послужить роман Джонатана Коу «Срединная Англия» (Middle England), опубликованный в 2018 году, который погружает читателя в изучение культурных изменений в обществе, вызванных Брекситом.

Важно отметить, что Брексит оказывает глубокое влияние на языковую и культурную динамику Великобритании. Влияние Брексита ощущается на всех уровнях общества, и оно является ярким примером того, как политические и экономические изменения могут привести к изменениям в языке и культуре.

Специфика Британских островов, которая отражается в долгой и уникальной культурной традиции Великобритании, формирует основу национального характера, воспитанного в течение веков. Возведение величественной Империи, отчасти, привнесло в национальный менталитет жителей Британии свою «изюминку». Остро чувствуется связь британцев с морскими просторами, а активное мореплавание и общение с зарубежными странами привнесли своеобразный вклад в культурное многообразие королевства. Особенностью этого влияния является создание чувства изоляции от континентальной Европы, благодаря окружающим водам и военным столкновениям в истории британцев. Событие, известное как Брексит, не могло остаться в стороне от этого «островного менталитета». Многие из британцев воспринимали членство в Евросоюзе как угрозу своей национальной независимости и свободе [Тэтчер, 2003, с. 213]. Это привело к желанию вернуть контроль над собственными законами и торговыми отношениями. Однако решение о выходе из Евросоюза не было принято единогласно. Несмотря на стремление к сохранению уникальности, многие видели в этом решении риски для экономики и общественного благосостояния. Брексит стал выражением уверенности в собственных силах, даже при потере привилегий членства в ЕС, и одновременно источником раскола в обществе. В итоге, Брексит предстает как сложный феномен, оказывающий продолжающее воздействие на жизнь Велико-

британии. Это не просто политическое событие, а выражение национального характера и стремления идти своим путем в мире, постоянно меняющем свои границы и правила.

Брексит внес изменения не только в экономические и политические процессы Великобритании, но также оказал воздействие на культурное самосознание и общественное взаимодействие её граждан. Фраза Терезы Мэй «Брексит значит Брексит» стала не просто заявлением о намерениях, но и символом усиливающихся социальных разногласий [May, 2018]. С точки зрения Эша, Брексит во многом представляет собой результат столкновения различных культурных ориентиров и интересов [Ash, 2017].

Брексит стал вызовом для лингвистической и культурологической идентичности Великобритании. О. Тим считает, что анализ последствий Брексита требует комплексного применения разнообразных научных методов, основанных на изучении культурных и лингвистических процессов [Oliver, 2018]. Тем временем, как подчеркивает И. Бусыгина, европейская интеграция не ограничивается только экономическим сотрудничеством, она предполагает и культурное объединение [Бусыгина, 2012, с. 11]. Этот процесс «европеизации миграции» способствовал возникновению Брексита и усилению социальных напряжений внутри Великобритании [Eppler, Anders, Tuntschew, 2018].

События, связанные с Брекситом, спровоцировали дебаты касательно культурных особенностей и самоидентификации Великобритании. Кризисы на европейском континенте активизировали дискуссии о культурных и общественных связях между нациями. Работы ученых вроде Кенни и Пирса указывают на влияние имперской истории страны на ее отношение к Европейскому Союзу [Kenney, Pearce, 2018, с. 49]. В общем Брексит стал поводом для критического осмысления культурных традиций и образов Великобритании, влияя на ее лингвистические и культурные практики.

Брексит, став каталитическим фактором, инициировал ярко выраженные лексические трансформации в общественной риторике. Фразеологический оборот, который Тереза Мэй использовала, «Брексит значит Брексит», не только подчеркивает непреклонную позицию, но и демонстрирует динамику социокультурных взглядов в контексте данной темы [May, 2018].

Дополнительно, определенные концепции, такие как «hard Brexit» и «soft Brexit», выступа-

ют ключевыми понятиями, демонстрируя различные пути развития отношений Великобритании с ЕС. Эти конструкции не просто языковые элементы; они стали путеводными звездами в культурном и политическом дискурсе [May, 2018].

Брексит также стимулировал трансформацию устоявшихся выражений. Например, риторический призыв «take back control» получил новый контекст и акцент в свете аргументов за Брексит. Термины, такие как «remainer» и «leaver», были введены для демонстрации поляризации общественного мнения относительно этого вопроса [Hamilton, 2021, с. 243].

В заключение, языковая эволюция, вызванная Брекситом, не только отражает политический дискурс, но и становится зеркалом социокультурных изменений, характерных для современной Великобритании.

Заключение

В рамках анализа последствий Брексита на культурную ткань Объединенного Королевства нас заинтересовали преобразования внутри общества, которые стали эхом данного исторического шага. Вот несколько ключевых моментов, выявленных в ходе нашего исследования:

– Брексит действовал как катализатор крупномасштабных перестроек в лингвистической и культурной сферах Объединенного Королевства. Появление уникальных слов, выражений и символов стало свидетельством как сложной политической динамики, так и социокультурного переосмысления внутри общества.

– Явное разделение общества на лагеря сторонников и оппонентов отделения от ЕС стало одной из прямых последствий Брексита. Это разделение повлияло на межгрупповые взаимоотношения и породило в обществе потенциал для напряженности и противостояний.

– Брексит также оказал влияние на самоосознание нации внутри Великобритании, инициировав дебаты о социокультурных ориентирах и историческом наследии страны.

– В сфере экономики и политики наблюдались колебания, которые отразились на обществе, меняя взаимоотношения между его различными слоями.

Более глубокое изучение этой тематики в разных дисциплинах позволит лучше оценить последствия Брексита для культурной матрицы и общественной жизни Великобритании. Это также поможет понять, какие элементы могут иметь

ключевое значение для будущего развития страны и ее взаимодействия с остальным миром и международной общностью.

Библиографический список

1. Бусыгина И. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // Международные процессы. 2012. № 2 (29). С. 10–12.
2. Вишнякова В. Действительно ли Мэй провалила Brexit. 2019. URL: <https://news.ru/yevropa/dejstvitelno-li-mej-provalila-brexit/> (дата обращения: 29.05.2019).
3. Капитальный евроремонт: чем закончился последний саммит ЕС 2017 года. 2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/12/2017/5a33dd549a79471443b4bdad> (дата обращения: 08.03.2019).
4. Карасик В.И. Лингвокультурная концептология. 2009. 114 с.
5. Кропотухина П. В. Концептуальные метафоры кризисного дискурса Великобритании // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 94–99.
6. Левенкова Е. Р. Концептосфера политического дискурса Великобритании на рубеже XX–XXI веков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4-1. С. 226–231.
7. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. 2003. С. 425.
8. Ash T. G. Brexit is a tragedy, but there's much we can do before the final act. 2017. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/3/0/brexit-tragedy-negotiations-2020-change-public-mood> (дата обращения: 17.09.2019).
9. Buckledee S. The Language of Brexit: How Britain Talked Its Way Out of the European Union. 2018. 240 p.
10. Dennison J. and Geddes, A. Brexit and the perils of «Europeanised immigration». 2018.
11. Eppler A., Anders, L.H. and Tuntschew, T. Europe's Political, Social, and Economic (Dis-) Integration: Revisiting the Elephant in Times of Crisis. 2018.
12. Hamilton J. Brexit: The Establishment Civil War. 2021. 416 p.
13. Horne S.L., Lantolf, J.P. Sociocultural Theory and the Genesis of Second Language Development. 2006. 410 p.
14. Kenny M. and Pearce, N. Shadows of Empire. 2018. P. 46–56.
15. Laclau E., Mouffe, C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. 1985. P. 41–42.
16. May Theresa: Brexit means Brexit does mean Brexit. 2018. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/av/uk-politics-44689824/Theresa-may-brexit-means-brexit-does-mean-brexit> (дата обращения: 17.09.2019).
17. McQueen P. Brexit Exposed: The Brexit Chronicles Kindle Edition. 2020. 124 p.
18. Moravcsik A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. 1998. P. 145–153.

19. Oliver Tim. Theory and Brexit: can theoretical approaches help us understand Brexit? 2017. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2017/03/14/theory-and-brexit-can-theoretical-approaches-help-usunderstand-brexit/> (дата обращения: 16.07.2018)

20. Wodak R., Fairclough M. *Methods of Critical Discourse Analysis* // SAGE Publications Ltd. 2001. P. 43–48.

Reference list

1. Busygina I. Asimmetrichnaja integracija v Evrosojuze = Asymmetric integration in the European Union // *Mezhdunarodnye processy*. 2012. № 2 (29). S. 10–12.

2. Vishnjakova V. Dejstvitel'no li Mjej provalila Brexit = Did May really fail Brexit. 2019. URL: <https://news.ru/evropa/dejstvitelno-li-mej-provalila-brexit/> (data obrashhenija: 29.05.2019).

3. Kapital'nyj evroremont: chem zakonchilsja poslednij sammit ES 2017 goda = European overhaul: how the last 2017 EU summit ended. 2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/12/2017/5a33dd549a79471443b4bdad> (data obrashhenija: 08.03.2019).

4. Karasik V. I. *Lingvokul'turnaja konceptologija = Linguocultural conceptology*. 2009. 114 s.

5. Kropotuhina P. V. *Konceptual'nye metafory krizisnogo diskursa Velikobritanii = Conceptual metaphors of crisis discourse in the UK* // *Politicheskaja lingvistika*. 2017. № 2 (62). C. 94–99.

6. Levenkova E. R. *Konceptosfera politicheskogo diskursa Velikobritanii na rubezhe XX–XXI vekov = Conceptual sphere of British political discourse at the turn of the XX–XXI centuries* // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2009. T. 11. № 4-1. S. 226–231.

7. Tjetcher M. *Iskusstvo upravljenja gosudarstvom. Strategija dlja menjajushhegosja mira = The art of governing the state. Strategy for the changing world*. 2003. S. 425.

8. Ash T. G. Brexit is a tragedy, but there's much we can do before the final act. 2017. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/30/brexit-tragedy-negotiations-2020-change-public-mood> (data obrashhenija: 17.09.2019).

9. Buckledee S. *The Language of Brexit: How Britain Talked Its Way Out of the European Union*. 2018. 240 p.

10. Dennison J. and Geddes, A. Brexit and the perils of «Europeanised immigration». 2018.

11. Eppler A., Anders, L.H. and Tuntschew, T. *Europe's Political, Social, and Economic (Dis-) Integration: Revisiting the Elephant in Times of Crisis*. 2018.

12. Hamilton J. *Brexit: The Establishment Civil War*. 2021. 416 p.

13. Horne S.L., Lantolf, J.P. *Sociocultural Theory and the Genesis of Second Language Development*. 2006. 410 p.

14. Kenny M. and Pearce, N. *Shadows of Empire*. 2018. P. 46–56.

15. Laclau E., Mouffe, C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. 1985. P. 41–42.

16. May Theresa: Brexit means Brexit does mean Brexit. 2018. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/av/uk-politics-44689824/Theresa-may-brexit-means-brexit-does-mean-brexit> (data obrashhenija: 17.09.2019).

17. McQueen P. *Brexit Exposed: The Brexit Chronicles* Kindle Edition. 2020. 124 p.

18. Moravcsik A. *The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht*. 1998. P. 145–153.

19. Oliver Tim. Theory and Brexit: can theoretical approaches help us understand Brexit? 2017. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2017/03/14/theory-and-brexit-can-theoretical-approaches-help-usunderstand-brexit/> (data obrashhenija: 16.07.2018)

20. Wodak R., Fairclough M. *Methods of Critical Discourse Analysis* // SAGE Publications Ltd. 2001. P. 43–48.

Статья поступила в редакцию 18.08.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 18.08.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 811.113

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_177

EDN: LGWXAG

Изучение фарерского языка и литературы в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Дмитрий Дмитриевич Пиотровский

Кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского языка, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения РФ. 197022, г. Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6–8
dimapiotrovsky@hotmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-1493-0328>

Аннотация. Письменность на фарерском языке появилась только в XIX в., то есть существенно позднее, чем на других скандинавских языках. В то же время там в устной традиции бытовали народные песни – баллады. На рубеже XVIII–XIX вв. на Островах и в Дании сформировался устойчивый интерес к собиранию устного народного творчества фарерцев. Первым собирателем был Йенс Кристиан Свабо. Его записи при жизни опубликованы не были, и только в XX в. благодаря деятельности Кристиана Матраса увидели свет три тетради Свабо с записями баллад и фарерско-датско-латинский словарь. Первой опубликованной народной песней стала в 1814 г. «Чудесная арфа». Первым напечатанным крупным сборником фарерских баллад оказалось издание цикла песен о Сигурде, осуществленное Хансом Кристианом Люнбю в 1822 г. Наибольший же вклад в дело изучения фарерского языка и литературы на раннем этапе внес Венцеслав Ульрик Хаммерсхаймб. Именно этот человек разработал систему фарерского письма, которая используется до сих пор. Система построена на этимологическом принципе. Хаммерсхаймбу принадлежат два сборника фарерских текстов: первое систематическое описание грамматики фарерского языка и фарерско-датский словарь. Таким образом в XVIII–XIX вв., благодаря деятельности первых фарерских филологов и ряда энтузиастов, появились четыре сборника фарерской устной поэзии, несколько отдельных изданий фарерских баллад, одно полное и несколько фрагментарных описаний грамматики фарерского языка и два фарерских словаря.

Ключевые слова: фарерские баллады; устная поэзия; народная поэзия; фарерский язык; письменность; принципы письменности; лексикография

Для цитирования: Пиотровский Д. Д. Изучение фарерского языка и литературы в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 177–186. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_177. <https://elibrary.ru/LGWXAG>

Original article

Studying the faroese language and literature at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries

Dmitry D. Piotrovsky

Candidate of philological sciences, associate professor at the latin language department, First Pavlov state medical university of St. Petersburg, Ministry of health of Russian Federation. 197022, St. Petersburg, Leo Tolstoy st., 6–8
dimapiotrovsky@hotmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-1493-0328>

Abstract. Faroese writing did not appear until the XIX century, that is, much later than in other Scandinavian languages. At the same time, popular songs, ballads, had existed there in oral tradition. At the turn of the XIX century a steady interest in collecting Faroese folklore was formed both on the Faroe Islands and in Denmark, the first collector being Jens Christian Svabo. His recordings were not published during his lifetime, and it was not until the XX century that the work of Christian Matras led to the publication of three Svabo's notebooks of ballads and a Faroese-Danish-Latin dictionary. In 1814, The Wonderful Harp became the first published song. In 1822, Hans Christian Lyngbye published a Sigurd cycle of songs, which became the first large collection of Faroese ballads. The greatest contribution to the study of the Faroese language and literature at an early stage was made by Venceslaus Ulricus Hammershaimb. It was he who created the Faroese writing system which has been in use until today. The system is based on the etymological principle. Hammershaimb is the editor of two collections of Faroese texts and the author of the first systematic Faroese grammar and a Faroese-Danish dictionary. As a result, four collections of Faroese oral poetry, several editions of Faroese ballads, one complete and several fragmentary Faroese grammars and two Faroese

dictionaries appeared in the XVIII–XIX centuries, thanks to the work of pioneer faroese philologists and a number of enthusiasts.

Key words: faroese ballads; oral poetry; popular poetry; faroese language; writing; principles of writing; lexicography

For citation: Piotrovsky D. D. Studying the faroese language and literature at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):177–186. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_177. <https://elibrary.ru/LGWXAG>

Введение

Еще в XVIII в. население Фарерских островов не имело письменности на своем языке. В качестве письменного использовался датский язык. Но в то же время на Островах существовала вполне сложившаяся традиция исполнения устных поэтических произведений – народных баллад. Эти баллады на рубеже XVIII и XIX вв. вызвали на самих Фарерских островах, а также в Дании устойчивый интерес, который проявился в их собирании и опубликовании. Некоторые песни оказались записаны по несколько раз, и теперь в нашем распоряжении имеются иногда по две, а то и по три версии одного и того же устного поэтического текста.

Традиция письменной фиксации изначально устных памятников фарерской словесности, а также неразрывно с ней связанные первые попытки научного осмысления фарерского языка, имеет свою историю. В ней могут быть выделены два периода:

1. ранний период: конец XVIII – первая половина XIX в.;

2. зрелый период: вторая половина XIX в.

Первый период связан с именами Й. Кр. Свабо, Х. К. Люнбю и других представителей так называемого антикварного направления; второй период – это прежде всего деятельность В. У. Хаммерсхаймба. Пожалуй, самым характерным признаком, различающим два указанных периода, оказывается графика и орфография записей фарерского языкового материала. Орфографические стратегии сохранившихся записей устной поэзии Фарерских островов могут быть подразделены на две позиции:

1. записи, выполненные по фонетическому принципу на основе графики континентальных скандинавских языков (датского и отчасти шведского);

2. записи, выполненные по этимологическому принципу на основе графики исландского языка.

Фонетический принцип характерен для раннего периода, этимологический – для зрелого.

Методы исследования

Статья представляет собой исследование истории первых публикаций фарерских баллад и попыток их научного осмысления. В качестве метода исследования используется сопоставительный анализ печатных источников, содержащих как сами тексты баллад, так и различного рода сведения о них, а также об их собирателях.

Результаты исследования

Первые записи Фарерских народных баллад сделал еще в конце XVIII в. Й. Кр. Свабо.

Й. Кр. Свабо

Йенс Кристиан Свабо (1746–1824) по праву может считаться первым фарерским филологом. Датский биографический словарь сообщает о нем следующее. Свабо был сыном приходского священника, получил редкое для своего времени образование, сначала в Торсхавне, затем в Копенгагене. Еще будучи студентом, он начал составление словаря на тот момент еще бесписьменного фарерского языка. В 1781–1782 гг. по приказу короля Дании он путешествует по своим родным Фарерским островам с целью раздобыть сведения об их природных ресурсах и экономических условиях, а также собрать материал для физического и экономического описания этой территории. Поручение Свабо выполнил с большим прилежанием и аккуратностью. Наиболее значительным результатом поездки Свабо стало открытие фарерских народных песен, которых он собрал и записал более 50. Экземпляр его собрания – три тома ин-кварто – были переданы кронпринцу Фредерику, который отправил их в Королевскую библиотеку Копенгагена, а Свабо за свое сокровище получил 50 риксдалеров. Свабо умер в нищете [Bloch, 1902, с. 595–596].

Считалось, что дальнейшая судьба записей Свабо была неизвестна [см. напр. Стеблин-Каменский, 1953, с. 94]. Еще при жизни Свабо сожаление о том, что его труды не опубликованы, выражал Х. Кр. Люнбю [Lyngbye, 1816–1817, с. 266–268].

В течение более чем ста лет о рукописях Свабо было известно только то, что сообщал П. Э. Мюллер в своем предисловии к книге Х. К. Люнбю [Müller, 1822, с. 3–42]. Сам Мюллер получил эти сведения от П. М. Хентце, который состоял в личной переписке со Свабо.

Петер Матиесен Хентце (1753–1843), сын переехавшего из Германии в Хорсенс каменщика Матиаса Хентце, в 1783 получил церковную должность на Фарерских островах. В течение более 50-и лет П. М. Хентце с прилежанием и точностью вел служебный журнал, до сих пор являющийся важным источником для изучения духовной жизни Островов того времени. После себя он оставил достойное собрание записей старых Фарерских баллад. П. М. Хентце был необыкновенной личностью. По свидетельствам знавших его людей он был хорошим врачом и очень образованным человеком [Bloch, 1893, с. 373].

Мюллер приводит перечень (оглавление) песен, включенных Свабо в свой сборник, и рассказывает, что у Свабо перед каждой песней было добавлено краткое изложение ее содержания. В собрание были включены частично старые, частично новые песни [Müller, 1822, с. 10]. Свабо отмечает во вступлении, что старые песни называются Qveðir, а новые Taattir [Müller, 1822, с. 15].

Далее Мюллер со ссылкой на Хентце, который в свою очередь ссылается на предисловие Свабо к своему труду, рассказывает, что на Фарерских островах было сказание, о том, что все их песни восходят к одной кожаной книге, которая была привезена на Сандой (остров в южной части Фарер) исландским кораблем, который там сел на мель [Müller, 1822, с. 13]. История носит явно сказочный характер, да и сам Мюллер не верит в то, что все устное поэтическое творчество фарерцев может восходить к одной привезенной извне книге [Müller, 1822, с. 40]. Но само существование фолианта Мюллер допускает и даже рассказывает вероятный, по его мнению, эпизод о том, что эта книга была куплена пастором с Сандоя Михаелем Аррёебо для епископа Херслеба, известного копенгагенского букиниста. Однако в реестре книг епископа никакой подобной единицы хранения обнаружено не было [Müller, 1822, с. 13–14].

Однако и словарь Свабо, и его тетради с записями фарерской поэзии оказались-таки изданы. Так случилось благодаря деятельности выдаю-

щегося фарерского филолога Кристиана Матраса (1900–1988), но произошло это уже в XX в.

Записи баллад Свабо увидели свет в 1939 г. [Matras, 1939]. Словарь вышел позднее, первый том – в 1966 г. [Svabo, 1966], второй – в 1970 г. [Svabo, 1970].

Изданию 1939 г. Матрас предпосылает довольно подробную биографию Свабо. При этом его версия частично расходится с данными Датского биографического словаря (см. выше). Согласно Матрасу Свабо действительно получил образование сначала школьное в Торсхавне, затем университетское в Копенгагене. Для небогатых жителей датских колоний в то время существовала возможность по окончании университета поехать в командировку к себе на родину, составить описание соответствующей территории и после этого получить должность на государственной службе. В 1781–1782 гг. Свабо совершает такую поездку по Фарерским островам. Однако отчет о ней им так и не был окончательно подготовлен. Возможно, этому помешала болезнь. По описанию Матраса Свабо предстает как крайне непрактичный в житейских вопросах человек. Еще до поездки на Фарерские острова, предположительно в 1777 г. ему удалось получить должность фогта в одном из районов Норвегии, но буквально через несколько дней после вступления в нее Свабо от этой должности отказался. Основным источником информации для Матраса является переписка Свабо с Королевским казначейством. Свабо обращается за финансовой поддержкой, а чиновники напоминают ему о невыполненном поручении правительства предоставить отчет о своей поездке на Фарерские острова. Свабо оказывается стеснен в средствах и в результате скудного питания заболевает цингой. В самом начале XIX в. он возвращается на Фарерские острова, где проводит остаток жизни у своих родственников. О подарке кронпринцу Фредерику Матрас не сообщает ничего. Работа по составлению отчета о поездке на Фарерские острова утратила свой смысл в 1800 г. из-за появления книги пастора Йоргена Ландта.

Й. Ландт

Йорген Ландт (1751–1804) рано лишился отца и воспитывался своим дядей, священником на о. Фюн. В 1777 г. он получил аттестат. В течение следующих 14-ти лет Ландт, будучи частным учителем в Копенгагене и Фредриксборге, ревностно увлекся ботаникой. В 1791 г. он получил должность священника на Фарерских островах и

взял на себя труд составить коллекцию местных растений. После своего возвращения в Данию в 1798 г. Ландт издал объемное (почти 500 страниц) описание Фарерских островов. В последние годы жизни Й. Ландт служил приходским священником на о. Борнхольм, где и умер 26 июня 1804 г. [Jantzen, 1896, с. 12].

Книга Й. Ландта представляет собой разностороннее описание Фарерских островов. Весьма подробно описаны географическое положение, природа, экономика данной территории. В последней части, посвященной политическому устройству островов, имеется небольшая (всего четыре страницы) глава, посвященная фарерскому языку [Landt, 1800, с. 436–440].

Й. Ландт не был лингвистом. Систематического описания фарерского языка он после себя не оставил. В его материале имеются некоторые погрешности. Но Й. Ландт, несомненно, заслуживает не критики, а благодарности потомков. То, что им было написано, выдает грамотного и образованного человека. Разделение лексики на группы в соответствии с происхождением слов и в современной лингвистике является нормальной практикой. Внутри списков слова распределены по частям речи: сначала идут глаголы, затем – существительные, прилагательные, числительные, наречия.

Но и никак не может быть обойдено вниманием то обстоятельство, что благодаря Й. Ландту в наше распоряжение попал первый связный текст

на фарерском языке, приведенный автором книги в качестве иллюстрации.

Р. Кр. Раск

Следующим по времени печатным материалом, имеющим отношение к фарерской филологии, стало небольшое (20 страниц) описание фарерского языка, включенное выдающимся датским лингвистом Расмусом Кристианом Раском в его «Исландскую грамматику» [Rask, 1811, с. 262–282]. Такое включение обусловлено тем обстоятельством, что Раск не рассматривает фарерский как самостоятельный язык, а считает его диалектным вариантом исландского. Этим объясняется и методология описания: Раск не предлагает полной картины языка, а ограничивается лишь отличиями, которые имеют место в фарерском по отношению к исландскому языку. Описание выполнено на высочайшем профессиональном уровне, и несмотря на то, что с момента публикации прошло более двухсот лет, оно не утратило своей актуальности. Обращение к данному фрагменту книги вполне приемлемо и целесообразно при современном исследовании фарерского языка. Более того публикация Раска интересна тем, что автор, судя по всему, оказался современником начала важнейшего изменения в истории становления грамматического строя фарерского языка.

Наиболее существенным отличием в грамматике фарерского языка по сравнению с исландским является выравнивание всех форм множественного числа глагола по третьему лицу.

Древнеисландский язык

[по Стеблин-Каменский, 1955, с. 113]

1-е лицо мн. ч.
2-е лицо мн. ч.
3-е лицо мн. ч.

kollum (зовем и т. д.)
kallið
kalla

Фарерский язык

[по Thráinsson et al., 2004, с. 135]

kalla
kalla
kalla

В таблице приведены формы настоящего времени, в прошедшем времени ситуация аналогичная. Речь идет именно о выравнивании, так как фарерские формы 1-го и 2-го лица фонетически невыводимы из соответствующих исландских форм.

В начале XIX в. этот процесс выравнивания уже начался, но еще не закончился. Р. Кр. Раск описывает современную ему ситуацию так: «второе лицо во множественном числе должно оканчиваться на *u* и *i* (вместо *uð* и *ið*), напр.: *skuljun*, *skulu*, *skulja*... но второе лицо множественного числа также часто оканчивается на *a*, точно так же как третье, напр. *veár hövum*, *teár heáva*, *tajr heáva*» [Rask, 1811, с. 279]. То есть

форма второго лица уже начала выравниваться по третьему, а форма первого – еще нет.

Конечно, среди всех достижений Раска, открывателя первого в истории языкознания звукового закона (по иронии судьбы названного в честь другого лингвиста – Якоба Гримма), его описание фарерского языка занимает довольно скромное место. Но никак не может быть обойден молчанием тот факт, что Раск предоставил в наше распоряжение первую сохранившуюся лингвистическую работу о фарерском языке, выполненную на профессиональном уровне. Собственно фарерское языкознание начинается с Расмуса Кристиана Раска.

«Чудесная арфа»

Очередное издание фарерского текста состоялось не в Дании, а в другой скандинавской стране – в Швеции. В 1814 г. Э. Г. Гейер и А. А. Афцелиус [Geijer, Afzelius, 1814] издают трехтомное собрание старинной шведской народной поэзии, сохранившейся в устной традиции.

Эрик Густав Гейер (1783–1847), шведский историк, философ, поэт и композитор, вождь «Готского союза» шведских романтиков, Автор трехтомной «Истории шведского народа» [Литературный, 1987, с. 498, 578, подробнее см. Nordisk Familjebok, 1876–1899, V, с. 978–988].

Арвид Август Афцелиус (1785–1871), шведский священник, поэт [Nordisk Familjebok, 1876–1899, I, с. 240–242].

Среди других стихотворений в первый том была включена «Чудесная арфа» (Den underbara Harpan) со следующим кратким предисловием: «[э]та народная песня обнаружена в Вестра-Гётланде и встречается во многих провинциях со значительными вариациями. Она даже была прислана на фарерском языке г-ном Аманнсенсом Раском из Копенгагена, который во время своего пребывания на Фарерских островах слышал, как островитяне ее поют: перевод можно сравнить с оригиналом, так что вариант приводится ниже». Таким образом в сборнике представлено два шведских варианта этого стихотворения и один фарерский. Фарерский вариант записан по фонетическому принципу со смешанным использованием шведских (использование буквы ö) и датских (буква ø) графических приемов. Дифтонги обозначаются сочетаниями букв, долгие гласные и согласные удвоением. Наличие удвоений обусловлено тем, что в фарерском языке, как и в шведском, норвежском и исландском, но не в датском, действует закон слогового равновесия [см. напр. Клейнер, 2010, с. 87–113]. Использовано множество диакритических знаков, которые явно отражают не фонематические различия, а интонацию, напр.:

Um tû tvear tee adlan Dea
tu verur aj kvujtar enn Gud tea geav.

‘Если ты будешь умываться день напролет, Ты будешь белее, чем бог тебе дал’. Здесь одно и то же слово tu (личное местоимение ‘ты’) приведено в двух различающихся написаниях tu и tû. Видеть разные фонемы не представляется возможным, поэтому речь должна идти либо об ин-

тонационных различиях, либо о некоторой неаккуратности непрофессионального фольклориста. Ни в коем случае это не упрек г-ну А. Раску: этому человеку мы обязаны сохранением одной из старейших записей фарерской народной поэзии, а никакой нормы фарерской орфографии на тот момент, естественно, не существовало и не могло существовать. Заслуга несоизмеримо значительнее некоторой шероховатости исполнения.

Х. К. Люнбю

Свабо не был единственным человеком, проявлявшим интерес к Фарерским балладам. В первой половине XIX в. такой интерес к устному творчеству населения колонии явно не был единственным явлением как на самих Островах, так и в Дании. В основном к изучению Фарерского народного фольклора склонность проявляли образованные люди духовного звания. Среди них должны быть отмечены П. М. Хентце (см. выше), Й. Х. Шрётер и особенно Х. К. Люнбю, который занимает особое место в ряду представителей антикварного направления в изучении Фарерских баллад.

Йохан Хенрик Шрётер (1771–1851), священник, родился в Торсхавне. Сын фарерского немца врача Христиана Готтлоба Шрётера (1724–1781) и дочери полицмейстера Йоргена Франса Хаммерсхайма Анны Элизабет (1741–1780). Воспитывался в Торсхавне, но школьные годы провел в Слагельсе, где в 1791 г. окончил школу. В университете сначала изучал медицину, но поменял специальность и в 1796 г. получил аттестат по теологии. Со следующего года он стал священником на Фарерских островах. Но в 1826 г. вышел на пенсию по состоянию здоровья. Он был женат на дочери своего дяди по материнской линии полицмейстера Венцеслава Хаммерсхайма Мариане Софи (1773–1828) и умер в глубокой старости в Торсхавне. Й. Х. Шрётер известен не столько как человек духовного звания, сколько как собиратель песен и сказаний его родины. Кроме этого, он перевел на фарерский язык Евангелие от Матфея (1823) и Сагу о фарерцах (1832) [Bloch, 1901, с. 315].

Ханс Кристиан Люнбю (1782–1837) больше известен своими работами по ботанике «Hydrophytologia Danica (Датская гидрофитология)» и «Rariora Codana (Балтийские редкости)», посвященные в основном описаниям водорослей. С целью изучения флоры и низшей фауны Балтийского региона Люнбю предпринял две поездки: в Норвегию (1816), и на Фарерские остро-

ва (1817). По нелепой случайности Х. К. Люнгбю не получил докторскую степень по биологии. Последние годы жизни он служил священником в Сёборге в северной части о. Зеландия. Приглашение из Копенгагенского университета в 1836 г. для защиты диссертации ему было передано обычным в то время способом, через крестьянина-торфяника, который его благополучно забыл у себя кармане. Когда приглашение все-таки дошло до адресата, было уже поздно. В одном из писем к друзьям Люнгбю писал, что он собирается «получить докторскую степень в другом месте». В следующем (1837) году Люнгбю умер. Во время своей поездки на Фарерские острова, а также от фарерцев живущих в Дании Люнгбю собрал значительное количество народных песен. Преодолев с помощью Свабо языковые проблемы и добавив материал, собранный Хентце и Шрётером, Люнгбю в 1822 г. выпустил первое известное издание фарерских баллад под заглавием «Фарерские баллады о Сигурде Убийце Фафнира и его роде» [Lyngbye, 1822]. Важную роль в подготовке издания и получении финансовой поддержки от королевского дома сыграл П. Э. Мюллер¹⁰. Кроме того, именно Мюллеру принадлежит одно из двух предисловий и перевод текста на датский язык [Warming, Bloch, 1896, с. 532–535].

Петер Эразмус (Расмус) Мюллер (1776–1834) епископ, историк, филолог. Занимал высокие посты в церковной и университетской иерархии. Автор нескольких работ по теологии, но гораздо большую известность снискал как филолог и историк. В области языкознания он известен прежде всего как автор книги «Dansk Synonymik eller Forklaring af enstydige danske Ord (Датская синонимика или объяснение однозначных датских слов)» [Müller, 1829]. Кроме этого, перу Мюллера принадлежат многочисленные исторические труды, посвященные исследованию исландских саг и наследия Саксона Грамматика [Jantzen, Steenstrup, 1897, с. 602–606]. Из трудов Мюллера укажем еще [Müller, 1817–1820].

Издание Х. К. Люнгбю и П. Э. Мюллера является первым известным систематическим изданием фарерской литературы, но оно не было первой филологической публикацией самого Х. К. Люнгбю. В 1817 г. появляется изданное им шуточное стихотворение «Прядь о Штанах» [Lyngbye, 1816–1817, с. 234–268].

Помимо описанных выше текстов Й. Ландта и «Чудесной Арфы» Х. К. Люнгбю отмечает, что у профессора Р. Ньюрупа в 1817 г. имелся фраг-

мент фарерской баллады Битва на Рунсивальской пустоши; записанный предположительно поэтом И. Б. Ингеманном с устной диктовки от молодой женщины с Фарерских островов, но от него в последствии остался только датский перевод [Lyngbye, 1822, V].

В. У. Хаммерсхаймб

Дальнейшая история издания Фарерских баллад связана с именем В. У. Хаммерсхаймба. В Лингвистическом энциклопедическом словаре его фамилия передается как Хаммершаймб. Венцеслав Ульрик Хаммерсхаймб (1819–1909) был вторым после Свабо фарерским лингвистом. Хотя он и происходил из рода, изгнанного в XVII в. из Силезии за протестантские убеждения, Венцеслава Франциска де Хаммерсхаймба, но, тем не менее, фарерский язык был для него родным: три поколения его предков по мужской линии занимали различные, в основном церковные, должности на Фарерских островах и вступали в брак с представительницами фарерских семей. Основными заслугами Хаммерсхаймба являются, сохранившиеся до наших дней, записи народных баллад и разработка фарерской орфографии, построенной по морфологическому (этимологическому) принципу. Использование этого принципа с одной стороны несколько помогает человеку, знакомому с древнеисландским языком, понимать написанное, но с другой не отражает особенностей фарерского звукового строя, который претерпел весьма значительные и своеобразные изменения [Kaalund, 1892, с. 548–550]. Первым крупным филологическим трудом Хаммерсхаймба было издание баллад сигурдовского цикла [Hammershaimb, 1851]. Это издание включает в себя шестнадцать текстов. Тринадцать из них являются образцами классической скандинавской баллады, то есть состоят из четверостиший с рифмовкой только четных строк и припевом. Три текста (Гест, Норнагест и Прядь о Локки) самим В. У. Хаммерсхаймбом названы римами, хотя они и отличаются по строению от исландских рим [об исландских римах см. Стеблин-Каменский, 2003, с. 419–423]; состоят из рифмующихся двустихий с припевом. Что касается названия «Прядь о Локки», то здесь «прядь» (фар. *táttur*) употреблено в собственном фарерском значении этого слова ‘часть баллады или песни’ [Føroysk-Ensk, Orðabók, 1985, с. 589], то есть текст стихотворный. Гораздо больше, применительно к скандинавской литературе, распространено другое значение этого термина ‘краткое

прозаическое повествование'. О прядях см. напр. [Гуревич 2004].

Весь корпус делится на две неравные по объёму части: первая часть «Песни о Шууре» (фар. *Sjurðar kvæði*) объединяет пятнадцать песен; вторая часть «Прядь о Локки» (фар. *Lokka táttur*) представлена лишь одной. Шуур – это никто иной, как исландский Сигурд. В. П. Берков транскрибирует данное имя как Шуурур, с сохранением фарерского окончания именительного падежа единственного числа, что, на наш взгляд, противоречит традиции передачи скандинавских личных имен в переводах на русский язык.

Хотя под названием «Песни о Шууре» значатся пятнадцать текстов, собственно историю Шуура-Сигурда, включая месть за него, передают только первые три баллады: «Кузнец Реин» (фар. *Regin smíður*), «Бринхильда» (фар. *Brinhild*) и Хёгни (фар. *Högni*). Именно эти три баллады, которые Де Боор [Boor, 1918] назвал балладами нибелунговского цикла, изучены лучше всего.

Первая баллада «Кузнец Реин» состоит из 131 четырехстрочной строфы с припевом, также из четырех строк, повторяющимся после каждой строфы. В этой балладе рассказывается предыстория героя. Его отец Сигмунд был убит сыновьями Хундинга, и Чёрдис (Хьёрдис) родила Шуура уже после его смерти. Воспитывал юного королевича кузнец Реин. Когда Шуур узнал о смерти отца и необходимости за него отомстить, ему потребовалось оружие. Реин согласился починить для Шуура отцовский меч, тот был сломан в злосчастной битве, но за это Шуур должен был убить брата Реина змея Френа (Фафнира), с которым они не поделили наследство. Шуур отомстил за отца, выполнил свое обещание Реину убить Френа. Случайно Шуур узнает о коварном плане кузнеца убить его самого (он ведь должен мстить за убитого брата). Тогда Шуур убивает и Реина. Сокровища, которые ранее охранял Френ, достались ему [Комментированный перевод см. Фарерская баллада, 2010, с. 363–391].

Вторая баллада «Бринхильда» состоит из 238 четырехстрочных строф, с припевом из пяти строк. Припев «Бринхильды» отличается от припева «Кузнеца Реина» только добавлением одной дополнительной строки. Баллада повествует о встрече Шуура с Бринхильдой, во время которой они обменялись клятвами верности. Но свою клятву Шуур нарушил и женился на Гурун, дочери Юки и Гримхильды. Брат Гурун Гуннар женится на Бринхильде. Бринхильда не прощает Шуура измены и подстрекает Гуннара и его бра-

та Хёгни убить Шуура, что те и совершают предательским образом. В конце баллады Гурун выходит замуж за гуннского короля Арталу [Комментированный перевод см. Фарерская баллада, 2021, с. 95–142].

Третья баллада «Хёгни» состоит из 254 четырехстрочных строф. Припева в издании Хаммерсхаймба нет, но можно предположить, что он приблизительно такой же, как и в первых двух балладах. Здесь речь идет о поездке братьев Гуннара и Хёгни к Арталу. Братья были коварно убиты, но Хёгни перед смертью успевает зачать сына Хёгни Хёгнасона, который, повзрослев, мстит за убийство отца и дяди.

На этом нибелунговский цикл заканчивается.

Кроме этого, Хаммерсхаймбом была составлена «Фарерская антология», первая часть которой включает в себя общие сведения о географии, населении и языке Фарерских островов, а также записи баллад, не вошедших в его сигурдовский сборник [Hammershaimb 1891a]; вторая часть представляет собой словарь с указателем [Hammershaimb 1891b].

Заключение

История фарерской филологии, несомненно, значительно менее богата событиями по сравнению с другими скандинавскими странами. Однако вкладом фарерцев в скандинавскую словесность не следует пренебрегать. Начиная с конца XVIII в. на Островах, а также в Дании существовал устойчивый интерес к устному народному творчеству Фарер. Это выразилось в собирательской деятельности представителей антикварного направления фарерской филологии, что в конце концов привело к тому, что увидели свет четыре сборника устной поэзии, а также несколько изданий отдельных фарерских народных песен. Некоторые тексты записаны по нескольку раз, что дает возможность их изучения в духе теории устного сказительства Пэрри-Лорда [Лорд, 1994].

Не был обойден вниманием и фарерский язык. Несколько попыток его описания привели в конце концов к появлению первой полной грамматики фарерского языка Хаммерсхаймба. Ранняя фарерская лексикография представлена двумя высокопрофессиональными словарями Свабо и Хаммерсхаймба.

Библиографический список

1. Берков В. П. Белое пятно скандинавистики (Фарерские острова) // *Philologica Scandinavica*. Сборник

статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. Санкт-Петербург, 2003. С. 11–27.

2. Гуревич Е. А. Древнескандинавская новелла. Поэтика прядей об исландцах. Москва : Наука, 2004. 424 с.

3. Клейнер Ю. А. Очерки по общей и германской просодике. Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 240 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва : «Советская энциклопедия», 1990. 688 с.

5. Литературный энциклопедический словарь. Москва : «Советская энциклопедия», 1987. 752 с.

6. Лорд А. Б. Сказитель. Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 370 с.

7. Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1953. 340 с.

8. Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1955. 288 с.

9. Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2003. 928 с.

10. Фарерская баллада о кузнеце Реине. Вступительная статья, перевод и комментарии Д. Д. Пиотровского // Поэтика традиции. Сборник научных статей / под ред. Я. В. Василькова и М. Л. Кисилиера; предисловие Ю. А. Клейнера. Санкт-Петербург : Европейский дом, 2010. С. 363–391.

11. Фарерская баллада о Бринхильде. Вступительная статья, перевод и комментарии Д. Д. Пиотровского // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Выпуск XVII. Москва, 2021. С. 95–142.

12. Bloch J. Hentze // Dansk biografisk Lexicon. VII. Bind. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537–1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1893. S. 373.

13. Bloch J. Schrøter // Dansk biografisk Lexicon. XV. Bind. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537–1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1901. S. 315.

14. Bloch J. Svabo // Dansk biografisk Lexicon. XVI. Bind. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537–1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1902. S. 595–596.

15. Føroysk-Ensk Orðabók compiled by G. V. C. Young, O. B. E. and Cynthia R. Clewer, B. A. (Hons.). Tórshavn, 1985. 684 s.

16. Geijer E. G., Afzelius A. A. Svenska folk-visor från forntiden. Första delen. Stockholm, 1814, hos Strinnholm och Häggström. 338 s.

17. Hammershaimb V. U. Sjúrdar kvæði, samlede og besørgede ved V. U. Hammershaimb. Kjøbenhavn, Trykt I Brødrene Berlings Bogtrykkeri, 1851. 214 s.

18. Hammershaimb V. U. Færøsk Anthologi I. Text samt Historisk og Grammatisk Indledning. Med Understøttelse af Carlsbergfondet. Kjøbenhavn, S. L. Møllers Bogtrykkeri (Møller & Thomsen), 1891a. 460 s.

19. Hammershaimb V. U. Færøsk Anthologi II. Ord-samling og Register. Udarbejdede af J. Jakobsen. Med Understøttelse af Carlsbergfondet. Kjøbenhavn, S. L. Møllers Bogtrykkeri (Møller & Thomsen), 1891b. 470 s.

20. Jantzen A. Landt // Dansk biografisk Lexicon. X. Bind. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537–1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1896. s. 12.

21. Jantzen A., Steenstrup J. C. H. R. Müller // Dansk biografisk Lexicon. XI. Bind. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537–1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1897. S. 602–606.

22. Kaalund Kr. Hammershaimb // Dansk biografisk Lexicon. VI. Bind. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537–1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1892. S. 548–550.

23. Landt J. Forsøg til en Beskrivelse over Færøerne, af Jorgen Landt, Sogneprest til Allinge og St. Olskirke paa Bornholm. Med Kobbere. Kjøbenhavn, 1800. Trykt paa Tikjobs Forlag, hos Zach. Breum. 480 s.

24. Lyngbye H. Ch. Brouka Taat // Det skandinaviske Litteraturselskabs Skrifter. 1816 og 1817. Tolvte og Trettende Aargang. Kjøbenhavn. Trykt og forlagt hos Andreas Seidelin, I store Kannikestræde No. 46.

25. Lyngbye H. Ch. Færøske Kvæder om Sigurd Fofnersbane og hans Æt. Med et Anhang. Samlede og oversatte af Hans Christian Lyngbye, Sogneprest I Gjesing. Udgivne ved kgl. allernaadigst Understøttelse. Randers, 1822. Trukt hos Elmenhoff, kgl. priv. Bogtrykker. 630 s.

26. Matras Chr. Svabos Færøske Vischaandskrifter. Udgivne for Samfund til af Gammel Nordisk Litteratur ved Chr. Matras. Kjøbenhavn, Bianco Lunos Bogtrykkeri A/S, 1939. 536 s.

27. Müller P. E. Sagabibliothek med Anmærkninger og indledende Afhandlinger Af Peter Erasmus Müller, Dr. og Prof. i Theolog. ved Kjøbenhavns Universitet. Kjøbenhavn. 1B. 1817. 410 S., 2B. 1818. 702 S., 3B. 1820. 524 s.

28. Müller P. E. Om de færøiske Qvæders Beskaffenhed og Ælde // Lyngbye H. Ch. Færøske Kvæder om Sigurd Fofnersbane og hans Æt. Med et Anhang. Samlede og oversatte af Hans Christian Lyngbye, Sogneprest I Gjesing. Udgivne ved kgl. allernaadigst Understøttelse. Randers, 1822. Trukt hos Elmenhoff, kgl. priv. Bogtrykker. S. 3–42.

29. Müller P. E. Dansk synonymik eller, Forklaring af eenstydige danske ord // Peter Erasmus Müller ved B.S. Sporon, M.L. Heiberg, J. Smidth. Den Gyldendalske boghandels forlag, trykt hos P. T. Brännich, Kiøbenhavn 1829.

30. Nordisk Familjebok. Konversationslexicon och Realencyclopedia. Innehållande Upplysningar och Förklaringar om Märkvärdiga Namn, Föremål och Begrepp. Stockholm Expeditionen af Nordisk familjebok Stockholm, Gernandts boktryckeri-aktiebolag, 1876–1899.

31. Rask R. Kr. Vejledning til det Islandske eller gamle Nordiske Sprog. Af Rasmus Krisyian Rask. Kjøbenhavn, 1811. Trykt paa Hofboghändler Schuboths Forlag, hos J. K. Thiele. 344 s.

32. Svabo J. C. Dictionarium Færoense. Færøsk-dansk-latinsk ordbog. Af J. C. Svabo. Udgivet efter håndskrifterne af Chr. Matras, I, Ordbogen. Munksgaard – København, Bianco Lunos Bogtrykkeri A/S, 1966. 994 S.

33. Svabo J. C. Dictionarium Færoense. Færøsk-dansk-latinsk ordbog. Af J. C. Svabo. Udgivet efter håndskrifterne af Chr. Matras, II, Indledning og Registre. Munksgaard – København, Bianco Lunos Bogtrykkeri A/S, 1970. 124 s.

34. Thraínsson H., Petersen H. J., Jacobsen J. Í., Yansen Z. S. Faroese. An overview and reference grammar. Føroya Fróðskaparfelag. Tórshavn 2004. 502 P.

35. Warming E., Bloch J. Lyngbye // Dansk biografisk Lexicon. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537-1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1896. X. Bind. S. 532–535.

Reference list

1. Berkov V. P. Beloe pjatno skandinavistiki (Færøskie ostrova) = White spot of Scandinavistics (Faroe Islands) // Philologica Scandinavica. Sbornik statej k 100-letiju so dnja rozhdenija M. I. Steblin-Kamenskogo. Sankt-Peterburg, 2003. S. 11–27.

2. Gurevich E. A. Drevneskandinavskaja novella. Pojetika prjadej ob islandcah = The ancient Scandinavian novella. Poetics of sagas about the Icelanders. Moskva : Nauka, 2004. 424 s.

3. Klejner Ju. A. Ocherki po obshhej i germanskoj prosodike = Essays on general and Germanic prosodics. Sankt-Peterburg : Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2010. 240 s.

4. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' = Linguistic encyclopedic dictionary. Moskva : «Sovetskaja jenciklopedija», 1990. 688 s.

5. Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' = Literary encyclopedic dictionary. Moskva : «Sovetskaja jenciklopedija», 1987. 752 s.

6. Lord A. B. Skazitel' = Narrator of folk tales. Moskva : Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 1994. 370 s.

7. Steblin-Kamenskij M. I. Istorija skandinavskih jazykov = History of Scandinavian languages. Moskva-Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. 340 s.

8. Steblin-Kamenskij M. I. Drevneislandskij jazyk = Old Icelandic language. Moskva : Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 1955. 288 s.

9. Steblin-Kamenskij M. I. Trudy po filologii = Works on philology. Sankt-Peterburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2003. 928 s.

10. Farerskaja ballada o kuznece Reine. Vstupitel'naja stat'ja, perevod i kommentarii D. D. Piotrovskogo = Faroese ballad about the blacksmith Rein. Foreword, translation and commentary by D. D. Piotrovsky // Pojetika tradicii. Sbornik nauchnyh statej / pod red. Ja. V. Vasil'kova i M. L. Kisiliera; predislovie Ju. A. Klejnera. Sankt-Peterburg : Evropejskij dom, 2010. S. 363–391.

11. Farerskaja ballada o Brinhi'l'de. Vstupitel'naja stat'ja, perevod i kommentarii D. D. Piotrovskogo = Faroese ballad about Brynhild. Foreword, translation and commentary by D. D. Piotrovsky // Atlantika. Zapiski po istoricheskoi pojetike. Vypusk XVII. Moskva, 2021. S. 95–142.

12. Bloch J. Hentze // Dansk biografisk Lexicon. VII. Bind. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537–1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1893. S. 373.

13. Bloch J. Schrøter // Dansk biografisk Lexicon. XV. Bind. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537-1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1901. S. 315.

14. Bloch J. Svabo // Dansk biografisk Lexicon. XVI. Bind. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537–1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1902. S. 595–596.

15. Føroysk-Ensk Orðabók compiled by G. V. C. Young, O. B. E. and Cynthia R. Clewer, B. A. (Hons.). Tórshavn, 1985. 684 s.

16. Geijer E. G., Afzelius A. A. Svenska folk-visor från forntiden. Första delen. Stockholm, 1814, hos Strinholm och Häggström. 338 s.

17. Hammershaimb V. U. Sjúrdar kvæði, samlede og besørgede ved V. U. Hammershaimb. København, Trykt I Brødrene Berlings Bogtrykkeri, 1851. 214 s.

18. Hammershaimb V. U. Færøsk Anthologi I. Text samt Historisk og Grammatisk Indledning. Med Understøttelse af Carlsbergfondet. København, S. L. Møllers Bogtrykkeri (Møller & Thomsen), 1891a. 460 s.

19. Hammershaimb V. U. Færøsk Anthologi II. Ord-samling og Register. Udarbejdede af J. Jakobsen. Med Understøttelse af Carlsbergfondet. København, S. L. Møllers Bogtrykkeri (Møller & Thomsen), 1891b. 470 s.

20. Jantzen A. Landt // Dansk biografisk Lexicon. X. Bind. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537-1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1896. s. 12.

21. Jantzen A., Steenstrup J. C. H. R. Müller // Dansk biografisk Lexicon. XI. Bind. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537-1814. Udgivet af C. F. Bricka.

Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1897. S. 602–606.

22. Kaalund Kr. Hammershaimb // Dansk biografisk Lexicon. VI. Bind. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537-1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1892. S. 548–550.

23. Landt J. Forsøg til en Beskrivelse over Færøerne, af Jorgen Landt, Sogneprest til Allinge og St. Olskirke paa Bornholm. Med Kobbere. Kjøbenhavn, 1800. Trykt paa Tikjobs Forlag, hos Zach. Breum. 480 s.

24. Lyngbye H. Ch. Brouka Taat // Det skandinaviske Litteraturselskabs Skrifter. 1816 og 1817. Tolvte og Trettede Aargang. Kjøbenhavn. Trykt og forlagt hos Andreas Seidelin, I store Kannikestræde No. 46.

25. Lyngbye H. Ch. Færøske Kvæder om Sigurd Fofnersbane og hans Æt. Med et Anhang. Samlede og oversatte af Hans Christian Lyngbye, Sogneprest I Gjesing. Udgivne ved kgl. allernaadigst Understøttelse. Randers, 1822. Trukt hos Elmenhoff, kgl. priv. Bogtrykker. 630 s.

26. Matras Chr. Svabos Færøske Visehaandskrifter. Udgivne for Samfund til af Gammel Nordisk Litteratur ved Chr. Matras. København, Bianco Lunos Bogtrykkeri A/S, 1939. 536 s.

27. Müller P. E. Sagabibliothek med Anmærkninger og indledende Afhandling Af Peter Erasmus Müller, Dr. og Prof. i Theolog. ved Kjøbenhavns Universitet. Kjøbenhavn. 1B. 1817. 410 S., 2B. 1818. 702 S., 3B. 1820. 524 s.

28. Müller P. E. Om de færøiske Qvæders Beskaffenhed og Ælde // Lyngbye H. Ch. Færøske Kvæder om Sigurd Fofnersbane og hans Æt. Med et Anhang. Samlede og oversatte af Hans Christian Lyngbye, Sogneprest I Gjesing. Udgivne ved kgl. allernaadigst Understøttelse.

Randers, 1822. Trukt hos Elmenhoff, kgl. priv. Bogtrykker. S. 3–42.

29. Müller P. E. Dansk synonymik eller, Forklaring af eenstydige danske ord // Peter Erasmus Müller ved B.S. Sporon, M.L. Heiberg, J. Smidth. Den Gyldendalske boghandels forlag, trykt hos P. T. Brännich, Kiøbenhavn 1829.

30. Nordisk Familjebok. Konversationslexicon och Realencyclopædi. Innehållande Upplysningar och Förklaringar om Märkvärdiga Namn, Föremål och Begrepp. Stockholm Expeditionen af Nordisk familjebok Stockholm, Gernandts boktryckeri-aktiebolag, 1876–1899.

31. Rask R. Kr. Vejledning til det Islandske eller gamle Nordiske Sprog. Af Rasmus Krisyian Rask. Kjøbenhavn, 1811. Trykt paa Hofboghändler Schuboths Forlag, hos J. K. Thiele. 344 s.

32. Svabo J. C. Dictionarium Færoense. Færøskdansk-latinsk ordbog. Af J. C. Svabo. Udgivet efter håndskrifterne af Chr. Matras, I, Ordbogen. Munksgaard – København, Bianco Lunos Bogtrykkeri A/S, 1966. 994 S.

33. Svabo J. C. Dictionarium Færoense. Færøskdansk-latinsk ordbog. Af J. C. Svabo. Udgivet efter håndskrifterne af Chr. Matras, II, Indledning og Registre. Munksgaard – København, Bianco Lunos Bogtrykkeri A/S, 1970. 124 s.

34. Thráinsson H., Petersen Hj. P., Jacobsen J. Í., Yansen Z. S. Faroese. An overview and reference grammar. Føroya Fróðskaparfelag. Tórshavn 2004. 502 P.

35. Warming E., Bloch J. Lyngbye // Dansk biografisk Lexicon. Tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537-1814. Udgivet af C. F. Bricka. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1896. X. Bind. S. 532–535.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023; одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 14.08.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 811.111.11

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_187

EDN: IMTNJP

О некоторых путях обогащения современной финансово-экономической лексики английского языка

Татьяна Сергеевна Полунина^{1✉}, Ольга Дмитриевна Вишнякова²

¹Старший преподаватель английского языка кафедры западноевропейских языков, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

²Доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

¹tatyana_polunina@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-7366-9843>

²ol-vish@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1617-051X>

Аннотация. В первую очередь стоит сказать о том, что каждая область изучения имеет свой собственный язык и свой собственный образ мышления. В данной работе речь пойдет о языке экономики, точнее о заимствованиях в данной сфере. В статье авторы рассматривают некоторые семантические пути обогащения лексики английского языка, а также процесс заимствования в финансово-экономической сфере на примере статей финансового английского журнала «Financial times» (в период с 2022 по 2023 гг.). Исследуются, в частности, такие семантические способы пополнения лексики, как омонимия и конверсия, образование новых значений на основе уже существующих слов. В работе описываются заимствования из французского, итальянского, немецкого и других иностранных языков. Особое внимание в публикации уделяется специфике перевода и адаптации новых лексических единиц в современном английском языке. Стоит отметить тот факт, что текущее состояние экономического дискурса определяется несколькими важными характеристиками. Наиболее важной особенностью является глобализация, особенно в экономической сфере. Однако этот процесс не является новым явлением, поскольку торговые контакты были популярны даже в сообществах, существовавших много веков назад. Данные коммерческие отношения повлияли на языковое поведение этих членов сообщества. Стоит помнить, что именно сам язык влияет не только на другие языки, но и на то, как говорит данное население, и что наиболее примечательными источниками этих влияний являются заимствованные слова.

Ключевые слова: заимствования; терминосистема; специальная лексика; форма языка; трансформация; языковое сообщество

Для цитирования: Полунина Т. С., Вишнякова О. Д. О некоторых путях обогащения современной финансово-экономической лексики английского языка // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 187–195. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_187. <https://elibrary.ru/IMTNJP>

Original article

On some ways of enriching the modern english financial and economic lexicon

Tatiana S. Polunina^{1✉}, Olga D. Vishnyakova²

¹Senior lecturer of english at the department of western european languages, Lomonosov Moscow state university. 119991, Moscow, Leninskie gory, 1

²Doctor of philological sciences, professor at the department of the theory of teaching foreign languages, Lomonosov Moscow state university. 119991, Moscow, Leninskie gory, 1

¹tatyana_polunina@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-7366-9843>

²ol-vish@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1617-051X>

Abstract. The first thing worth mentioning is that each field of study has its own language and its own way of thinking. This paper focuses on the language of economics, more precisely on borrowings in this sphere. The authors consider some semantic ways of enriching the vocabulary of the english language, as well as the process of borrowing in the sphere of finance and economics using the articles from the financial english magazine «Financial times» (2022–2023). In particular, such semantic ways of replenishing the vocabulary as homonymy and conversion, the formation of

new meanings on the basis of already existing words are studied. The paper describes borrowings from french, italian, german and other foreign languages. The article pays special attention to the specifics of translation and adaptation of new lexical units in modern english. It is worth noting that the current state of economic discourse is determined by several important characteristics. The most important feature is globalization, especially in the economic sphere. However, this process is not a new phenomenon, since trade contacts were popular even in communities that existed many centuries ago. These commercial relationships influenced the linguistic behavior of these community members. It is worth remembering that it is the language itself that influences not only other languages, but also the way this population speaks, and that the most notable sources of these influences are borrowed words.

Key words: borrowings; term system; specialist vocabulary; language form; transformation; language community

For citation: Polunina T. S., Vishnyakova O. D. On some ways of enriching the modern english financial and economic lexicon. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):187–195. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_187. <https://elibrary.ru/IMTNJP>

Введение

Общеизвестным является тот факт, что экономика играет большую роль в жизни современного общества в виду того, что экономические отношения являются основными для любого социума и во многом определяют общественное развитие. Изменения, происходящие в экономике той или иной страны, в значительной степени влияют на развитие соответствующей терминологии, так как новые экономические реалии обуславливают формирование новой системы терминов [Солганик, 2007].

Проблема исследования специальной лексики является достаточно актуальной для отечественной и западной лингвистики. Об этом говорит значительное число работ как по общим проблемам терминологии, так и по различным отраслевым терминологиям в русском и иностранных языках [Арнольд, 2014].

В последние годы особенно активно разрабатываются проблемы финансово-экономической терминологии. Объектом исследования, в частности, являются: 1) общие аспекты развития и описания западной экономической терминологии; 2) проблемы экономического дискурса; 3) происхождение финансово-экономических терминов; 4) метафорические и метонимические процессы в финансово-экономической терминологии [Александрова, 2000].

В настоящее время существует целый ряд научных работ, посвящённых терминологии отдельных сегментов экономической системы. В основном, в качестве объекта описания выступают как правило, два сегмента:

1. финансовая система и банковское дело
2. деньги и рынок

Однако, в силу многоаспектности данной сферы, работ, рассматривающих весь комплекс зарубежной финансово-экономической терминологии, а также динамику изменения данной лексики, практически нет [Брыкина, 2012].

Сложность и нестабильность мировой экономической ситуации обусловили рост интереса к этой сфере как специалистов, так и непрофессионалов. Благодаря непрерывному обогащению экономического знания, в том числе и в области международного сотрудничества, подробное изучение динамики изменения финансово-экономической терминологии особенно интересно. Как следствие этих процессов, терминологическая система финансово-экономической сферы проходит через определенные трансформации. Одним из основных изменений, происходящих в языке финансово-экономической сферы, является процесс заимствования [Белякова, 2007].

Особенности процесса заимствования в экономическом дискурсе

Следует отметить, что заимствования последних лет отражают те изменения, которые происходят в мире в эпоху глобализации. Процесс внедрения в язык и употребления новых слов, отражающих современные финансово-экономические изменения, является наиболее живым и значимым в современном английском языке. Язык экономики служит многим целям. Он предоставляет членам экономического сообщества (таким как клиенты, инвесторы или банкиры) инструменты, необходимые для обсуждения различных деловых вопросов. Более того, этот подязык используется не только специалистами, принадлежащими к ограниченной и лингвистически однородной группе, но и не специалистами, так как все мы прямо или косвенно участвуем в экономических отношениях [Ильина, 2012].

Современное состояние экономического дискурса определяется несколькими значимыми характеристиками. Наиболее важной из них является глобализация, особенно в экономической сфере. Однако этот процесс не является новым явлением, поскольку торговые контакты были популярны даже в сообществах, существовавших

много веков назад [Касьянов, 2001]. На языковое поведение упомянутых членов сообщества повлияли коммерческие отношения. Важно подчеркнуть, что товары, технологии или мода, хотя и очень важны в межкультурном обмене, не управляют структурой данных культур [Кутина, 2000]. Сам язык влияет не только на другие языки, но и на форму общения населения. Именно заимствованные слова являются наиболее примечательными источниками отмеченных влияний. Лингвистические инновации осуществляются людьми, имеющими множество связей как внутри сообщества, так и большое количество внешних контактов. Вот почему в языке экономики появляется так много заимствований, которые всегда определялись межкультурными контактами и внутренним общением данного сообщества [Криворучко, 2022].

Что касается появления заимствованных слов, то, как известно, лингвистические контакты между языками приводят к включению некоторых языковых единиц из других языков. Таким образом, процесс заимствования иностранных слов не является монолитным. Этот процесс затрагивает все языки, диалекты и жаргоны в разной степени и разными способами, поскольку сообщества, говорящие на этих языках, не функционируют изолированно. Есть несколько причин, по которым заимствованные слова встречаются в других языках. Прежде всего, новое слово вводится в целевую культуру, когда оно может быть согласовано с инкорпорирующей средой [Макаров, 2000]. Есть также несколько этапов, связанных с адаптацией заимствованных слов. Этот процесс зависит от следующих факторов:

- 1) истории развития языка получателя;
- 2) степени «национальной сознательности» говорящих;
- 3) международных предпочтений;
- 4) филологических знаний и понимания трудностей в иностранном языке [Лейчик, 2009].

Согласно многим исследованиям, английский язык заимствовал свою лексику из 84 языков, причем французский (25 %) – является наиболее важным донором. К другим языкам, оказавшим влияние на английский, относятся японский, испанский, немецкий, греческий и ряд африканских языков [Джесон, 2002].

Важность роли английского языка в процессе заимствования слов из других языков

Многие исследования языка в финансово-экономической сфере показывают важность английского в процессе заимствования слов из дру-

гих языков. Кроме того, существует исследование, в котором подчеркивается роль английского языка в формировании латышского языка, французского делового словаря или немецкого экономического лексикона. Доминирующее положение английского способствует глобализации, которая усиливает использование данного языка. Вместе с тем, не только английский определяет состояние других языков, но и другие языки влияют на форму английского языка [Заботкина, 1997].

Полный список собранных терминов состоит из 60 слов и фраз, которые взяты из разных языков. Материалы исследования классифицируются в соответствии с языком, на котором используются термины, и областью экономики, в которой они применяются. В частности, автором проанализированы наиболее часто встречающиеся заимствования в финансово-экономической сфере, найденные и выделенные им из 10 статей упомянутого финансового журнала. Отбор материала проходил не случайно. «Financial Times» является американским журналом и веб-сайтом, который публикует новости о предпринимательстве, управлении малым бизнесом, финансах и бизнесе. Он был впервые издан в 1977 году, ежегодно публикует 10 номеров, доступных по подписке и в газетных киосках. Подробный список выбранных автором статей представлен в разделе «Исследовательские материалы». Проведенный анализ показал, что экономический лексикон включает слова, заимствованные из разных областей знаний, в частности, из юриспруденции, политической экономики и другие. Этим объясняется неоднородность его лексики. Более того, часть экономических терминов вошла в стандартный лексикон, поэтому некоторыми учеными они могут трактоваться не обязательно как чисто экономические.

Целью данного исследования является изучение языкового распределения в рамках английского экономического лексикона, а также уточнение того, какие иностранные языки определяют изучаемую экономическую подобласть.

Заимствования из французского

Авторы группируют все обсуждаемые термины в соответствии с иностранным языком, из которого они взяты, начиная с тех, которые представили их наибольшее количество (французский, японский, итальянский, греческий, испанский, северогерманские языки, немецкий, голландский, идиш, ассирийский, персидский, корейский, латинский). В соответствии с другим

методом исследования – слова были сгруппированы по следующим финансово-экономическим категориям: общий бизнес, торговля, менеджмент, управление персоналом, маркетинг, бухгалтерский учет, финансы (инвестиционные фонды, ценные бумаги), банковское дело (валюты), страховое, предпринимательское право, налоги и недвижимое имущество.

Общеизвестно, что большинство заимствованных слов в английском языке происходят из французского и классических языков [Gramley and Pätzold, 2003]. Согласно проведенным исследованиям, 75 % английской лексики состоит из французских и латинских слов [Thomason, 2001]. Та же особенность подтверждается и в проведенном автором исследовании: французские слова составляют 41 % из 300 проанализированных терминов. Вторым языком является латынь, которая составляет 30 % изучаемой лексики. Следующий – японский язык с 13 % всех изученных терминов. Мы также можем найти слова греческого (4 %), итальянского (4 %), испанского (2,3 %) и германского происхождения (1,7 %). Определенная доля влияния на экономическую лексику английского языка приходится на немецкий (1,7 %), голландский (0,7 %), идиш (0,7 %), ассирийский (0,3 %), персидский (0,3 %) и корейский (0,3 %) языки.

Как было отмечено ранее, большинство экономических терминов были заимствованы из французского языка и начали появляться в английском в одиннадцатом веке. Одним из первых слов было «казначейство», импортированное еще в 1137 году [Cangeri, 2007]. Есть неподтвержденные сведения о том, что между 1066 и 1485 годами в английский язык было включено около десяти тысяч слов. Около семи тысяч из них стали частью английского лексикона [Katamba, 2004]. Во время правления Вильгельма I французские дворяне взяли верх над английскими чиновниками и знание французского языка стало представлять более высокий социальный статус, в то время как английский был языком, используемым в массах [Fennel, 2001]. Этот процесс французского доминирования начался в 1066 году и, соответственно, повлиял на лексику, связанную с экономикой и политикой: герцог, аренда, рынок, стоимость, рабочая сила, календарь, оплата [Хадсон, 2000].

Французский язык, который, как правило, в первую очередь, ассоциируется со стилем и модой, оказал в этой сфере на английский язык заметное влияние.

Также следует отметить, что французские термины зачастую используются в тех случаях, когда определенные товары или услуги считаются модными, поскольку французские слова были импортированы как свидетельство высокой культуры или социального статуса [Лерер, 2007].

Отношения между французским и английским языками очень динамичны. В области общего бизнеса почти 60 % терминов в этой области имеют французское происхождение. Такая же ситуация наблюдается в торговле, недвижимости, финансах, бухгалтерском учете (около 50 %) и сфере законодательства (почти 40 %). Чтобы предоставить читателям несколько примеров, следует для начала сосредоточиться на ранее упомянутых двух областях, где в значительной степени чувствуется влияние французских заимствований, а именно общего бизнеса и финансов, в связи с тем, что французские слова составляют 54 % всех изученных терминов в этих областях. Наиболее часто встречающимся и часто употребляемым является слово «цена» (price), классифицируемое под заголовком «общий бизнес». Оно происходит от старофранцузского «prix», означающего ценность, превосходство, деньги, заплаченные за что-то. [Webster's II, 2004]. Чтобы в свою очередь привести пример из области финансов, представляется целесообразным обсудить одно из слов, связанных с торговлей ценными бумагами, а именно «арбитраж» (arbitrage). Это французское слово происходит от глагола «арбитр», означающего судить или оценивать.

Следующий интересный термин, связанный с финансовыми инструментами, – «купон», который происходит от французского «сокращать, резать (couper)». Купон представляет собой процентные выплаты держателям облигаций со стороны эмитента, то есть компании или госоргана, выпустивших этот тип ценных бумаг. «Купонным» он называется по историческим причинам: раньше облигации существовали в виде бумажных документов и при выплате дохода от них отрезали части.

Следует также отметить, что французский язык повлиял на написание ряда английских слов. В сфере бизнеса в английском языке есть несколько слов, звучащих по-французски, с окончанием -iser, таких как «франчайзер» или «мерчендайзер». Авторы обратили внимание на слово «предприниматель», которое происходит от французского слова «entreprendre» означает «предпринимать» [Kao, Kao, Kao, 2002, с. 32]. Что касается истории этого слова, то оно сформировалось в средние века для обозначения «ак-

тивного человека, который что-то делает». Ричард Кантильон (1680–1734) придал этому понятию новое значение, заявив, что предприниматели являются спекулянтами, торговцами и дилерами, принимая во внимание принятие решений и риски [Souitaris, 2009].

Как было отмечено выше, французские слова также присутствуют в английской терминологии делового права. Одним из примеров может быть выражение форс-мажор, которое означает событие, находящееся вне контроля любой из сторон контракта (например, забастовка, беспорядки, война, стихийное бедствие), которое может освободить любую из сторон от выполнения своих договорных обязательств при определенных обстоятельствах и при условии, что контракт содержит форс-мажорный случай [Smullen, 2005].

Таким образом, есть основания утверждать, что французские слова можно найти во многих областях экономики. Представляется целесообразным процитировать Катамбу, который утверждает, что «мы не можем обойтись без французских заимствований в английском языке. Было бы чрезвычайно трудно разговаривать даже несколько минут, не используя ни одного слова иностранного происхождения» [Katamba, 2004]. Даже несмотря на то, что носители английского языка не обращают внимания на вышеупомянутое лингвистическое явление, заимствования слов из французского языка особенно заметны в области экономики.

Заимствования из японского

Как общеизвестно, некоторые японские слова, связанные с войной или военными действиями, вошли в английский лексикон: «самурай», «карате», «харакири» и «камикадзе». Другими распространенными заимствованиями являются «оригами», «кимоно», «хайку», «хабуки» и «караоке» [Katamba, 2004]. Согласно проведенным исследованиям, японский язык является вторым по продуктивности источником новых заимствований в английском языке [Эванс, 1997]. В связи с высоким уровнем развития экономики Японии в настоящее время многие японские термины входят в экономический лексикон английского языка [Джексон, 2002]. Существует множество исследований, показывающих влияние английского языка на японский маркетинг, особенно в рекламных материалах [Usunier, 2005]. Однако в экономическом дискурсе есть определенные области, где японский язык имеет решающее значение. Японские термины используются в ме-

неджменте и финансах (технический анализ и ценные бумаги, в основном облигации). Целесообразно привести некоторые примеры. В частности, в философии менеджмента используются такие термины, как «генбасюги», «кейрецу» и «дзайбацу». Берд [Berd, 2002] утверждает, что «генбасюги» означает производственный цех. Это философия управления, согласно которой процесс производства товаров и услуг контролируется на уровне цеха сотрудниками. Группа под названием «кейрецу» является выдающейся благодаря взаимному владению акциями между входящими в ее состав фирмами и консультированию между топ-менеджерами фирм-членов, но это не так строго по форме, как «дзайбацу» [Каран и Гилбрит, 2005]. «Канбан», что буквально означает вывеску, является синонимом планирования спроса. Его цель – минимизировать затраты, связанные с хранением запасов [Gross, 2003]. Еще одним полезным термином для управления и производства является выражение «метод Тагучи». Как утверждает Норман [2006], «метод Тагучи» заключается в анализе ряда проблем, разработанном Геничи Тагучи. Он используется для повышения качества производимых товаров.

Другой областью интересов, которая служит источником заимствования в английский язык, является технический анализ. Это объясняется тем, что в Японии технический анализ имел решающее значение много веков назад. В семнадцатом веке японцы торговали пустыми контрактами на рис. Это означало, что они использовали рис в коммерческих контактах без физического обращения с ним [Nison, 1995]. Заимствования из японского языка также можно найти в инструментах, относящихся к местному рынку. Например, gensaki – это соглашение о выкупе иены, основанное на японских ценных бумагах. Ставки соглашения Генсаки установлены в соответствии с рыночной ставкой депозитных сертификатов в иенах. Генсаки ссылаются только на соглашение об обратном выкупе, доступное в Японии, а не на зарубежном рынке [Carew, 1996]. Завершая раздел о японских заимствованиях, следует отметить, что японские термины можно найти в английском словаре, связанном со стратегическим управлением, техническим анализом и финансовыми инструментами.

Заимствования из древнегреческого

Влияние древнегреческого языка на культуру и языки многих европейских языков неоспоримо. В частности, значительное количество слов греческого происхождения можно найти и в финан-

сово-экономической сфере английского языка. Лингвистическое влияние греческого языка связано с историей инвестиционных возможностей. Например, первые инструменты, похожие на современный термин «опционы», можно найти в Кодексе Хаммурапи. Двенадцать столетий спустя греческий философ Фалес изобрел опционный контракт, который позволил ему покупать урожай до того, как он был посажен [Тейлор, 2004]. Слог «rho», например, описывает насколько чувствительна цена опциона к изменению процентных ставок, где «rho» указывает уровень чувствительности опциона к изменениям иностранных процентных ставок. Термины греческого происхождения можно найти в терминологии, связанной с общим бизнесом, управлением (филотимо), человеческими ресурсами (харизма) и банковским делом. В качестве примера можно привести банковское слово «автаркия» или «автархия» и которое происходит от греческого слова «autarchia», означающее самоуправление. На экономическом языке оно определяет национальную экономическую самодостаточность [Carew, 1996].

Вывод по заимствованиям

Общеизвестно, что существует множество заимствований из различных языков-источников, которые определяют форму современного английского экономического лексикона. На основании проведенного исследования 45 терминов авторы могут констатировать, что на экономическую лексику влияют разные языки. С учетом критерия количества заимствованных слов, лишь некоторые из них были представлены более подробно.

Следует отметить, однако, что это исследование страдает некоторыми потенциальными недостатками, поскольку охватываемые автором термины с точки зрения их этимологии во многих источниках классифицируются по-разному. Тем не менее, в английском языке экономики заметны некоторые языковые и предметные особенности. Именно со стороны французского языка чувствуется наибольшее влияние на английский экономический лексикон, определяя такие экономические под-домены, как администрирование, торговля или бухгалтерский учет. Латынь, в свою очередь, формирует деловое право. Японский язык определяет лексику технического анализа, испанский – формирует торговую, особенно транспортную терминологию, а термины греческого происхождения используются инвесторами в опционы. При взгляде на перспективу,

можно с уверенностью сказать, что процесс заимствования будет продолжен как в английском, так и в других языках.

По мере того, как глобализация приобретает все большее значение, можно предвидеть, что роль других языков в формировании английского языка будет еще более заметной. Очевидно также и то, что языки, чье лингвистическое влияние на другие языки сейчас не очень заметно, вполне могут усилить его благодаря более быстрому экономическому росту стран их использования. Далее авторы в своей работе говорят о таком процессе, которому подвергается лексико-финансово-экономической сферы как семантический сдвиг или семантическая прогрессия.

Семантическое изменение, также известное как семантический сдвиг или семантическая прогрессия описывает эволюцию словоупотребления – обычно до такой степени, что современное значение радикально отличается от первоначального употребления. В диахронической (или исторической) лингвистике семантическое изменение – это изменение одного из значений слова. Каждое слово имеет множество значений и коннотаций, которые могут быть добавлены, удалены или изменены с течением времени, часто до такой степени, что родственные слова в пространстве и времени имеют совершенно разные значения. Изучение семантических изменений можно рассматривать как часть этимологии, ономазиологии, семасиологии и семантики.

Первое выражение, которое претерпело семантическое изменение, а именно процесс метафоризации и на которое хотели бы обратить внимание авторы это **economic hangover** [Financial Times 2, 2022] (A feeling of tiredness and slight illness after meeting and discussing economic and financial issues with colleagues). Данное выражение означает чувство усталости и плохое самочувствие после обсуждения экономических и финансовых вопросов с коллегами.

Следующее выражение, которое так же подверглось процессу метафоризации это **goldfish economist** [Financial Times 20, 2023], которое описывает работника экономической сферы, который имеет достаточно слабую память в силу проведения большого количества времени с мобильными телефонами и другими устройствами.

Далее авторы приводят пример специализации. Как известно слово **stimulus** в английском языке обозначает побуждение, толчок, движущая сила. Что же касается сферы финансов, то здесь данное слово обозначает некоторые поощри-

тельные выплаты работникам финансовой сферы с целью повышения производительности труда.

Пример такого семантического изменения как деградация можно проследить на слове **forbearance**, первоначальное значение которого – выдержка, терпеливость [Financial Times 20, 2022]. В период пандемии данный термин немного изменил своё значение и стал означать отсрочку по ипотечным платежам для тех людей, у которых в период пандемии 2020 резко ухудшилось финансовое положение в связи с потерей основного источника дохода.

Стоит также обратить внимание на такое выражение как **black swan** [Financial Times 4, 2022] прямое значение которого «черный лебедь». Данное выражение в финансово-экономической сфере также претерпело процесс метафоризации. Некоторые считают пандемию коронавируса и связанное с ним резкое ухудшение в экономике многих стран «черным лебедем» – термин, придуманный для обозначения непредсказуемых событий, которые выходят за рамки того, что обычно ожидается от ситуации, и имеют потенциально серьезные последствия. События «Черного лебедя» характеризуются их крайней редкостью, серьезным воздействием и широко распространенным утверждением, что они были очевидны задним числом.

Одним из основных выражений, которое мы часто можем встретить в западной финансовой прессе в последнее это **(Russian) financial chokehold** [Financial Times 29, 2023], слово **chokehold** означает захват, удушающий прием. Данное выражение используется для описания действий западных компаний, которые вводя санкции, активно используют удушающий финансовый прием по отношению к российским компаниям. Данное выражение претерпело процесс как метафоризации, так и элевации, так как используется как выражение с исключительно положительной коннотацией, например: *United States have successfully put financial choke hold on some Russian companies.*

Еще одним примером изменения значения слова на основе метонимического переноса является выражение **asset / liability hands** [Financial Times 27, 2023]. В данном случае речь идет о переносе части на целое. Выражение **asset / liability hands** означает людей, занимающихся контролем и подсчетов всех активов или пассивов той или иной компании.

Важно помнить, что значения слов подвержены изменениям в процессе исторического разви-

тия языка, а семантическая структура слова никогда не бывает статичной. Стоит сказать о том, что очень важно следить за изменениями значений слов, принадлежащих финансово-экономической сфере, так как эта сфера претерпевает постоянные изменения и отражает все те реалии, происходящие непосредственно в ежедневной жизни современного общества. Знание новой, специфической терминологии на английском языке не только обогащает риторiku и письменное слово, но и приводит к созданию успешных дипломатических отношений [Financial Times 29, 2023].

В эпоху глобализации лексика финансово-экономической сферы претерпевает значительные семантические трансформации, обогащаясь более новыми терминами и понятиями, требующих семантически точных наименований. Изучение семантических изменений в терминологической лексике играет важную роль при сопоставительном описании лексики в разных языках и способствует грамотному переводу экономических текстов на всех релевантных уровнях. Проведенный анализ лексики журнала *The Entrepreneur* показал, что основной пласт словарного состава экономической лексики составляют заимствования: латинизмы, слова, пришедшие из немецкого, французского, греческого, японского языков.

В данной работе авторы также пришли к выводу о том, что за последние несколько лет наблюдается очень активный переход общеупотребительной лексики в разряд профессиональной. Это связано с тем, что именно экономическая сфера деятельности подвергается значительным и очень быстрым социальным процессам, требующим семантически точных экономических дефиниций.

В заключение можно отметить, что границы языковых подсистем остаются проницаемыми и пополняются за счет заимствованной лексики, неологизмов, слов, подвергающихся семантическим изменениям. Содержание лексики играет важную роль в прикладном языкознании, особенно в практике преподавания иностранных языков.

Библиографический список

1. Александрова Н. Г. Тенденции развития современной экономической терминологии в английском и русском языках. Когнитивные аспекты изучения языковых явлений в германских языках // Межвузовский сборник научных статей. Самара : Самарский университет, 2000. 215 с.

2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учебное пособие. Москва : ФЛИНТА, 2014. 376 с.
3. Белякова Н. С. Лексико-семантические поля экономических терминов (на материале англоязычного учебно-академического текста) // Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. Мордовия, 2017. 3 с.
4. Брыкина С. В. Английские экономические термины: структура, семантика, перевод // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2012. №27. 229 с.
5. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. Москва : Высшая школа, 1997. 126 с.
6. Ильина А. Н. Словообразование в современном английском языке : учебное пособие для студентов экономических специальностей. Санкт-Петербург : СПбГУЭФ, 2012. 90 с.
7. Касьянов В. В. Сопоставительный анализ современной терминологии финансовой деятельности в английском и русском языках. Москва, 2001. 260 с.
8. Криворучко И. С. К вопросу классификации способов образования англоязычных неологизмов деловой дискурсивной сферы // Вестник северо-восточного Федерального Университета им. М. К. Аммосова. № 3, 2022. С. 63–72.
9. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении терминологической системы. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Москва : Наука, 2000. 199 с.
10. Лейчик В. М. Предмет, методы и структура терминоведения : учебное пособие. Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
11. Макаров А. А. Коннотационные свойства современной экономической терминологии. Москва : Высшая школа, 2000. 221 с.
12. Солганик Г. Я. Язык современной публицистики. Москва : ФЛИНТА, 2007. 232 с.
13. Stephan Gramley, Michael Patzold. A survey of Modern English. Routledge, 2003. 512 p.
14. Thomason Sara G, Language Contact. An Introduction, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2001. 333 p.
15. Cangeri Francesca, Anglicization of French Words, Norderstedt GRIN Verlag, 2007. 55 p.
16. Katamba Francis, English Words: Structure, History, Usage, Abingdon, Routledge, 2004. 676 p.
17. Fennell Barbara A. A History of English: A Sociolinguistic Approach, Oxford and Malden, Blackwell, 2001. P. 545–547.
18. Hudson Alastair, Equity and Trusts, London, Routledge, 2005.
19. Lerer Seth. Inventing English: a portable history of the language. New York, Columbia University Press, 2007.
20. Carew Edna, The Language of Money, Sydney, Allen & Unwin Academic, 1996. 66 p.
21. Webster's II New College Dictionary, Houghton, Mifflin Reference Books, 2004.
22. Smullen John and Hand Nicholas, A dictionary of finance and banking, Oxford, Oxford University Press, 2005. 67 p.
23. Souitaris Vangelis, «Entrepreneurship», in Yiannis Gabriel (Ed.), Organizing Words: A Critical Thesaurus for Social and Organization Studies. Oxford : Oxford University Press, 2009 P. 91–93.
24. Usunier Jean-Claude and Lee Julie, Marketing Across Cultures, Harlow, Pearson, 2005. 55 p.
25. Norman Thomas. The Illustrated Dictionary of Business Administration, New Delhi, Lotus Press, 2007. P. 89–90.
26. Gross John M. Kanban Made Simple: Demystifying and Applying Toyota's Legendary Manufacturing Process, New York, AMACOM, 2003. 45 p.
27. Carew Edna. The Language of Money, Sydney, Allen & Unwin Academic, 1996.
28. Taylor Marc C. Confidence Games: Money and Markets in a World Without Redemption. Chicago : University of Chicago Press, 2004. 768 p.
29. Nison Steve. «An Introduction to Japanese Candlestick Charts», in Schwager Jack D. (Ed.), Technical Analysis, New York, John Wiley & Sons Inc, 1995. P. 277–296.
30. Financial Times 20, 2022. URL: <https://www.ft.com/content/9a34242c-2020-4f06-9422-64cca5b925e1> (дата обращения 08.12.22)
31. Financial Times 2, 2022. URL: <https://www.ft.com/content/dd0f067f-3a5d-4f5c-9a49-784f2b174892> (дата обращения 12.12.22)
32. Financial Times 4, 2022. URL: <https://www.ft.com/content/bd70adcf-80cc-44a4-8ede-d7b94228f007> (дата обращения 4.12.22)
33. Financial Times 20, 2023. URL: <https://www.ft.com/content/a9c25d59-3c8b-42c8-9c27-64e8a7435b7b> (дата обращения 08.20.23)
34. Financial Times 27, 2023. URL: <https://www.ft.com/content/81a2cf17-360c-4aca-a524-8672e6e6786f> (дата обращения 08.27.23)
35. Financial Times 29, 2023. URL: <https://www.ft.com/content/7c892d3b-c646-4247-9504-5f755e486101> (дата обращения 08.29.23)

Reference list

1. Aleksandrova N. G. Tendencii razvitiya sovremennoj jekonomicheskoy terminologii v anglijskom i russkom jazykah. Kognitivnye aspekty izuchenija jazykovyh javlenij v germanskijh jazykah = Trends in the development of modern economic terminology in English and Russian. Cognitive aspects of studying linguistic phenomena in Germanic languages // Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej. Samara : Samarskij universitet, 2000. 215 s.
2. Arnol'd I. V. Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka = Lexicology of the modern English language : uchebnoe posobie. Moskva : FLINTA, 2014. 376 s.
3. Beljakova N. S. Leksiko-semanticheskie polja jekonomicheskijh terminov (na materiale anglojazychnogo uchebno-akademicheskogo teksta) = Lexical-semantic fields of economic terms (based on academic text in English) //

Nacional'nyj issledovatel'skij Mordovskij gosudarstvennyj universitet im. N. P. Ogareva. Mordovija, 2017. 3 s.

4. Brykina S. V. Anglijskie jekonomicheskie terminy: struktura, semantika, perevod = English economic terms: structure, semantics, translation // Izvestija PGPU im. V. G. Belinskogo, 2012. №27. 229 s.

5. Zabotkina V. I. Novaja leksika sovremennogo anglijskogo jazyka. Moskva : Vysshaja shkola, 1997. 126 s.

6. Il'ina A. N. Slovoobrazovanie v sovremennom anglijskom jazyke = Word formation in modern English : uchebnoe posobie dlja studentov jekonomicheskikh special'nostej. Sankt-Peterburg : SPbGUJeF, 2012. 90 s.

7. Kas'janov V. V. Sopostavitel'nyj analiz sovremennoj terminologii finansovoj dejatel'nosti v anglijskom i russkom jazykah = Comparative analysis of modern financial terminology in the English and Russian language. Moskva, 2001. 260 s.

8. Krivoruchko I. S. K voprosu klassifikacii sposobov obrazovanija anglojazychnyh neologizmov delovoj diskursivnoj sfery = Classifying ways of forming English neologisms in business discursive sphere // Vestnik severo-vostochnogo Federal'nogo Universiteta im. M. K. Ammosova. № 3, 2022. S. 63–72.

9. Kutina L. L. Jazykovye processy, vznikajushhie pri stanovlenii terminologicheskoi sistemy. Lingvisticheskie problemy nauchno-tehnicheskoi terminologii = Linguistic processes in the formation of a terminological system. Linguistic problems of scientific and technical terminology. Moskva : Nauka, 2000. 199 s.

10. Lejchik V. M. Predmet, metody i struktura terminovedenija = Subject, methods and structure of terminology studies : uchebnoe posobie. Moskva : LIBROKOM, 2009. 256 s.

11. Makarov A. A. Konnotacionnye svoystva sovremennoj jekonomicheskoi terminologii = Connotational properties of modern economic terminology. Moskva : Vysshaja shkola, 2000. 221 s.

12. Solganik G. Ja. Jazyk sovremennoj publicistiki = The language of modern journalism. Moskva : FLINTA, 2007. 232 s.

13. Stephan Gramley, Michael Patzold. A survey of Modern English. Routledge, 2003. 512 p.

14. Thomason Sara G. Language Contact. An Introduction, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2001. 333 p.

15. Cangeri Francesca, Anglicization of French Words, Norderstedt GRIN Verlag, 2007. 55 p.

16. Katamba Francis, English Words: Structure, History, Usage, Abingdon, Routledge, 2004. 676 p.

17. Fennell Barbara A. A History of English: A Sociolinguistic Approach, Oxford and Malden, Blackwell, 2001. P. 545–547.

18. Hudson Alastair, Equity and Trusts, London, Routledge, 2005.

19. Lerer Seth. Inventing English: a portable history of the language. New York, Columbia University Press, 2007.

20. Carew Edna, The Language of Money, Sydney, Allen & Unwin Academic, 1996. 66 p.

21. Webster's II New College Dictionary, Houghton, Mifflin Reference Books, 2004.

22. Smullen John and HAND Nicholas, A dictionary of finance and banking, Oxford, Oxford University Press, 2005. 67 p.

23. Souitaris Vangelis, «Entrepreneurship», in YIANNIS Gabriel (Ed.), Organizing Words: A Critical Thesaurus for Social and Organization Studies. Oxford : Oxford University Press, 2009 P. 91–93.

24. Usunier Jean-Claude and LEE Julie, Marketing Across Cultures, Harlow, Pearson, 2005. 55 p.

25. Norman Thomas. The Illustrated Dictionary of Business Administration, New Delhi, Lotus Press, 2007. P. 89–90.

26. Gross John M. Kanban Made Simple: Demystifying and Applying Toyota's Legendary Manufacturing Process, New York, AMACOM, 2003. 45 p.

27. Carew Edna. The Language of Money, Sydney, Allen & Unwin Academic, 1996.

28. Taylor Marc C. Confidence Games: Money and Markets in a World Without Redemption. Chicago : University of Chicago Press, 2004. 768 p.

29. Nison Steve. «An Introduction to Japanese Candlestick Charts», in Schwager Jack D. (Ed.), Technical Analysis, New York, John Wiley & Sons Inc, 1995. R. 277–296.

30. Financial Times 20, 2022. URL: <https://www.ft.com/content/9a34242c-2020-4f06-9422-64cca5b925e1> (data obrashhenija 08.12.22)

31. Financial Times 2, 2022. URL: <https://www.ft.com/content/dd0f067f-3a5d-4f5c-9a49-784f2b174892> (data obrashhenija 12.12.22)

32. Financial Times 4, 2022. URL: <https://www.ft.com/content/bd70adcf-80cc-44a4-8ede-d7b94228f007> (data obrashhenija 4.12.22)

33. Financial Times 20, 2023. URL: <https://www.ft.com/content/a9c25d59-3c8b-42c8-9c27-64e8a7435b7b> (data obrashhenija 08.20.23)

34. Financial Times 27, 2023. URL: <https://www.ft.com/content/81a2cf17-360c-4aca-a524-8672e6e6786f> (data obrashhenija 08.27.23)

35. Financial Times 29, 2023. URL: <https://www.ft.com/content/7c892d3b-c646-4247-9504-5f755e486101> (data obrashhenija 08.29.23)

Статья поступила в редакцию 13.08.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 13.08.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья

УДК 811.13

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_196

EDN: IYESAQ

Фонетические и лексико-грамматические особенности слов нуши французского происхождения под влиянием языкового многообразия Кот-д'Ивуара

Елена Игоревна Бойчук^{1✉}, Христина Геннадьевна Косогорова²

¹Доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Кандидат филологических наук, заведующая кафедрой романских языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

¹elena-boychouk@rambler.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6600-2971>

²christina_kos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8719-5047>

Аннотация. В статье представлено актуальное языковое состояние Кот-д'Ивуара, которое характеризуется наличием большого количества языков, находящихся в активном использовании. Географическая характеристика распространения языков на территории республики позволяет определить наиболее активные местные языки, каковыми являются дыюла, бауле, бете и сенуфо, а также выявить степень их распространения и влияния других европейских языков (в частности немецкого, испанского и английского) на языки Кот-д'Ивуара. Нуши на данный момент не зафиксирован в качестве языка, он представляет собой арг, которое по форме является совокупностью различных европейских языков, в основе которых французский язык, а также местных языков и диалектов. Целью статьи является, во-первых, представление языкового многообразия республики, во-вторых, обзор основных работ, посвященных специфике арга нуши, его происхождению, истории, лексическому составу и фонетическим и грамматическим особенностям, в-третьих, анализ фонетических и лексико-грамматических характеристик некоторых слов и конструкций, которые включают в свой состав слова французского происхождения. Материалом исследования послужил словарь и конструкции, заимствованные с сайта pouchi.com. Основным результатом предпринятого исследования стало подтверждение того, что арг нуши приобретает все большие масштабы употребления на территории республики и за ее пределами, все большее влияние арга нуши испытывает со стороны местных языков, что коренным образом видоизменяет французский язык, благодаря чему язык народа все увереннее чувствует себя не только на территории республики, но и за ее пределами, он обретает свою идентичность.

Ключевые слова: арг; нуши; Кот-д'Ивуар; дыюла; трансэтнический язык; гибридность; идентичность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения на научно-исследовательскую работу по теме «Научно-методическое сопровождение образовательной и просветительской деятельности в Республике Кот-д'Ивуаре в интересах продвижения целей и ценностей российского образования и культуры»

Для цитирования: Бойчук Е. И., Косогорова Х. Г. Фонетические и лексико-грамматические особенности слов нуши французского происхождения под влиянием языкового многообразия Кот-д'Ивуара // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 196–204. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_196. <https://elibrary.ru/IYESAQ>

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

Phonetic, lexical and grammatical features of nouchi words of french origin under the influence of linguistic diversity in Côte d'Ivoire

Elena I. Boichuk^{1✉}, Khristina G. Kosogorova²

¹Doctor of philological sciences, associate professor at the department of romance languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

²Candidate of philological sciences, head of the department of romance languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

¹elena-boychouk@rambler.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-6600-2971>

²christina_kos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8719-5047>

Abstract. The article presents the current linguistic situation in Côte d'Ivoire, which is characterized by a large number of actively used languages. The geographical characteristics of how languages spread throughout the territory of the Republic make it possible to identify the most active local languages, as well as the extent of their expansion and the influence of other European languages (in particular German, Spanish and English) on the languages of Côte d'Ivoire. Nouchi is currently not registered as a language, it is argot, which is in form a mixture of various European languages, based on French, as well as local languages and dialects. The purpose of the article is, firstly, to present the diversity of the languages in the republic; secondly, to review the major works devoted to the specifics of the nouchi argot; and thirdly, to analyze the phonetic, lexical and grammatical features of certain words and constructions that include words of French origin. The material for the study is words and constructions from the website nouchi.com. The authors of this research have come to the conclusion that the nouchi argot is becoming more and more common on the territory of the republic and beyond, and that the nouchi argot is increasingly influenced by local languages, which radically modifies the French language, making the people's language feel more and more confident not only in the Republic, but also beyond its borders; it acquires its identity.

Key words: argot; nouchi; Ivory Coast; dioula; transethnic language; hybridity; identity

The article is prepared for publication within the framework of the state assignment from the Ministry of Education to conduct a research on the topic «Scientific and methodological support of educational and awareness-raising activities in the Republic of Côte d'Ivoire in order to promote the goals and values of Russian education and culture»

For citation: Boychuk E. I., Kosogorova Kh. G. Phonetic, lexical and grammatical features of nouchi words of french origin under the influence of linguistic diversity in Côte d'Ivoire. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):196–204. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_196. <https://elibrary.ru/IYESAQ>

Языковое многообразие республики Кот-д'Ивуар

Согласно сведениям официального сайта о состоянии языков в странах мира *Ethnologue*, в Кот-д'Ивуаре насчитывается 76 языков, находящихся в активном использовании [*Ethnologue*].

Со времен колониализма официальным языком, безусловно, являлся и является французский язык, он преподаётся в школах и является lingua franca в республике. Однако всё многообразие языков Кот-д'Ивуара не может не оказывать на него влияния.

Все местные языки Кот-д'Ивуара могут быть разделены на 5 основных ветвей нигеро-конголезской семьи. На юго-востоке распространены языки ква (kwa), некоторые из них, такие как бауле (*baoulé*) и аньи (*agni*) (на них говорят соответственно 2-3 млн и 1 млн человек) являются частью диалектного континуума с языком акан (akan), который распространён в Гане, соседней с Кот-д'Ивуаром республике. Бауле в большей степени распространён к востоку от озера Коссу и в столице страны Ямусукро, аньи более активен вдоль границы с Ганой. К юго-западу более распространены языки кру (krou), такие как бете (*bété*) и ве (гуре/вобе *wobé*), на каждом из которых разговаривают примерно 500 тыс. человек и дида (*dida*) (250 тыс. человек), относящийся в большей степени к язы-

кам Либерии. На северо-западе, вдоль границы с Гвинеей за озером Коссу в центре страны, распространены языки манде (mandé), такие как дан (*dan*) (1 млн) и гуру (*gouro*) (500 тыс. чел.). Озеро Коссу и река Бандама разделили страну на две части: на востоке распространены языки ква, а на западе – кру и манде. В центре республики и к северу распространены языки сенуфо (*sénoufo*). К северо-западу страны, в районе Национального парка Комоз проживает четверть миллиона человек, говорящих на дьюла (*dioula*), представляющий собой lingua franca для соседней республики Буркина-Фасо.

Всё это языковое многообразие представляет собой живую систему, которая функционирует, видоизменяется и порождает новые формы, основываясь на языковых канонах. Одной из таких новых форм является **арго нуши (nouchi)**, получившее свое распространение в Республике Кот-д'Ивуар и даже в некоторой степени во Франции, и представляющее все больший интерес для лингвистов. Являясь смешанным вариантом языка, в основе которого всё же лежит французский язык, нуши впитывает диалектные формы языков коренного населения, в частности дьюла (*dioula*), бауле (*baoulé*), бете (*bété*) и сенуфо (*sénoufo*), которые являются доминирующими для этнолингвистических семей языков, таких как ква (*kwa*), (кру) *kru*, гур (*gur*) и манде (*mandé*). Кроме автохтонных языков, которые влияют на формиро-

вание аргю нуши, можно назвать английский язык, кроме того, формирование новых слов происходит посредством появления неологизмов, выдуманных слов, слов неизвестного происхождения [Kouacou, 2015]. Интересно само происхождение названия аргю: по одной версии, которая считается ошибочной, это слово пришло в 70 годы из местного языка дьюла и обозначает «волосы в носу», неологизм, который изобрела «продвинутая» молодежь. По второй версии слово является аббревиатурой выражения [an pou siya], которое на языке малинке или мандинке (malinké) означает: «как мы», «наш клан» или даже «наша этническая принадлежность» в зависимости от контекста употребления. Согласно С. Лафаж, этот термин, впервые записанный в 1977 г., происходит от двух слов из языка дьюла: nún «нос» и mii «волосы», переводится как «усы», «усатый» и в то время использовался для обозначения «хулигана» [Lafage, 1991, p. 97]. Использование слова нуши может быть связано с тем, что в то время ивуарийцы, которые очень любили вестерны, считали усы отличительным признаком главных героев-храбрецов. Молодые люди хотели ассоциировать себя с важными людьми, главными героями и взяли подобное самоназвание, которое в дальнейшем стало обозначать их особый язык [Багана, 2021].

Обзор научных исследований в области изучения аргю нуши

За последние несколько лет количество работ в области изучения аргю нуши возросло, что обусловлено в первую очередь все возрастающей степенью распространения аргю не только на территории республики Кот-д'Ивуар, но и за её пределами. Так, некоторые лексемы из аргю нуши были включены в словарь Larousse в 2020 году: «Après "s'enjailler", le mot "boucantier", issu du nouchi, figure désormais dans le "Petit Larousse illustré-2020". Une fierté pour les jeunes Ivoiriens, de plus en plus nombreux à employer cet argot de rue» [Un autre mot du nouchi...].

Большая часть исследований выполнена европейскими и африканскими лингвистами, среди них А. А. L. Aboa [Aboa, 2011]; М.В. Ahua [Ahua, 2006, 2008], М. Cisse, [Cisse, 2000]; L. B. Grah [Grah, 2014], G-A. Kadi [Kadi, 2017], N. J. Kouacou [Kouacou, 2015, 2016, 2020], K. J-M. Kouame [Kouame, 2012], S. Lafage, [Lafage 2002-2003], A.B. Boutin, J. N. Kouadio [Boutin, Kouadio, 2015], J.-B. Atsé N'cho [Atsé N'cho, 2014], J.-M. Tape [Tape, 2016] и другие.

Представленные выше авторы ориентируются в своих исследованиях на изучение словообразовательных, социолингвистических аспектов исследования. Так, в диссертации Б.Л. Гра аргю нуши представлено как выражение стремления населения Кот-д'Ивуара «стереть клеймо» колониальной культуры, которая проникала в жизнь и традиции ивуарийцев с 1883 года. Автор рассматривает аргю нуши как трансэтнический язык, способный укреплять национальное единство, рассматривает его как единственный социолект, который мог бы разрушить племенные барьеры и партикуляризм и смог бы обеспечить населению республики, отличающемуся разнообразием этнических групп и языков, полное взаимопонимание. Кроме того, автор делает акцент на том, что нуши стало определенной формой общения в транспортной и экономической сфере, в сфере торговли и бизнеса. В своей диссертации автор анализирует состав аргю с точки зрения проникновения в него заимствований из французского, английского, испанского, немецкого языков, а также местных языков дьюла, бете, бауле [Grah, 2014].

В статье Б.А. Бутен говорит о гибридности как основной характеристике аргю нуши, который постепенно обретает статус самостоятельного национального языка. Автор подробно рассматривает процесс гибридизации на фонологическом, лексическом, морфологическом языковых уровнях. Довольно интересным является тот факт, что даже на фонологическом уровне наблюдаются несоответствия с французским языком: «On remarque des solutions orthographiques diverses pour les consonnes /dz/ et /tʃ/» в аргю наблюдается несколько иное орфографическое выражение звуков /dz/ и /tʃ/, например, *attiéké* [atʃeke] *dioula* [dzula]. Что касается гласных звуков, то здесь автор отмечает определенное приближение к системе гласных звуков ивуарийских языков, отличием является отсутствие в них звука [y], который сохранился. Другие огубленные звуки различаются слабо. В статье также отмечается гибридизация нуши на графическом уровне, в частности частотное употребление accent circonflexe над звуком ô, для различения этой фонемы появилась новая графема *or*: *djor* – [dʒo] [Boutin, 2020].

Довольно интересным является исследование Ж.Б. Атсе-Нчо, которое сосредоточено на функционировании глагольной системы в аргю нуши. Автор отмечает, что в зависимости от типа заимствования глагола в современном ивуарийском

языке реализуется то или иное спряжение. Так, для настоящего времени глаголы, заимствованные из французского языка, спрягаются по его правилам, однако для заимствованных глаголов формы остаются неизменными в единственном числе и в 3 лице множественного числа, а для 1 и 2 лица множественного числа глаголы спрягаются как глаголы второй группы во французском языке: *Je mange Je / Yé badou Tu manges Tu / Ti badou Il / elle mange Il / elle badou Nous mangeons Nous badouSSONS Vous mangez Vous badoussé (SSEZ) Ils / elles mangent Ils / elles badou*. В *Imparfait* французские глаголы спрягаются согласно правилам французского языка, но заимствованные из других языков в том числе из языков Кот-д'Ивуара, спрягаются по второй группе: *Je mangeais Je / Yé badoussé (SSAIS) Tu mangeais Tu / Ti badoussé (SSAIS) Il / elle mangeait Il / elle badoussé (SSAIT) Nous mangions *Nous badoussions ?? Vous mangiez *Vous badoussiez ?? Ils / elles mangeaient Ils / elles badoussé (SSAIENT)*. В *Passé Composé* в качестве причастия прошедшего времени выступает заимствованный глагол в начальной форме: *Verbe du français : « manger » Verbe d'origine inconnue : badou « manger » J' ai mangé Je / Yé ai badou « j' ai mangé » Tu as mangé Tu / Ti as badou « tu as mangé » Il / elle a mangé Il / elle a badou « il a mangé » Nous avons mangé Nous avons badou « nous avons mangé » Vous avez mangé Vous avez badou « vous avez mangé » Ils / elles ont mangé Ils / elles ont badou « ils ont mangé »*. Что касается будущего времени, то используется *Futur Immédiat* и следующие формы: *Verbe du français : « manger » Verbe d'autres origines (inconnue) : badou « manger » Je vais manger Je / Yé vais badou « je vais manger » Tu vas manger Tu / Ti vas badou « tu vas manger » Il / elle va manger Il / elle va badou « il va manger » Nous allons manger Nous allons badou « nous allons manger » Vous allez manger Vous allez badou « vous allez manger » Ils / elles vont manger Ils / elles vont badou « ils vont manger »* [Atsé N'cho, 2014].

А. Б. Бутен в своем исследовании раскрывает происхождение нуши, историю его появления и становления и иллюстрирует материал текстами песен ивуарийских рэперов, которые выражали своё мнение по поводу неблагоприятной обстановки в обществе, выражали недовольство властью через тексты песен. Автор сообщает о том, что то презрение к языку молодёжи, которое появилось на начальном этапе, постепенно стерлось к 2009 году. В настоящее время аргю нуши

становится больше, чем аргю, это смешанный, гибридный язык (*mixtes* или *métissée*), который передаёт национальную идентичность, является символом многообразия и единства народа, представляет современность, шокирующей своей грубостью и агрессивностью [Boutin, 2015].

Нуши как динамичный язык, присутствующий в различных сферах деятельности в первую очередь используется в текстах рекламных объявлений ивуарийских компаний и в средствах массовой информации (телевидении, радио и печатной прессе). На материале данных текстов основано исследование Н. Ж. Куаку [Kouacou, 2015]. Автор статьи анализирует различные области применения нуши, в частности аргю является неотъемлемым элементом речи рабочего класса, также часто появляется в рекламных текстах (*MON MOGO, j'ai soif dèh, position ? – Mon gars, je meurs d'envie de boire la bière ; donne-moi ta position ? ; Ici, on ne s'amuse pas, on S'ENJAILLE – Ici, on ne s'amuse pas, on s'éclate de joie.*) на телевидении (*On se djô sur A+Ivoire – On se rencontre sur A+Ivoire/On prend rendez-vous sur A+Ivoire; Je suis petite et de DJA ! – Je suis petite de taille mais séduisante, je ne passe inaperçue*), в печатной прессе (*On a tous été gaou un jour – On a tous été ignorant un jour*), в современной музыке таких направлений, как *zouglou*, *RAP*, *reggae*, *coupé décalé*, и конечно, в кино и сериалах [Kouacou, 2015].

Что касается российских лингвистов, то необходимо упомянуть работы Ж. Багана, Я. А. Глебовой, Н. А. Шейфель [Багана, Глебова, Шейфель, 2021], И. В. Скуратова [Скуратов, Кондратьева, 2021], А. С. Кондратьевой [Кондратьева, 2022], Д. Ф. Мищенко [Мищенко, 2014].

Наиболее комплексным трудом, характеризующим язык нуши, является кандидатская диссертация, защищенная в 2022 году и публикации по тематике употребления и словообразования в аргю нуши А. С. Кондратьевой под руководством профессора И. В. Скуратова [Скуратов, Кондратьева, 2021]. Автор рассматривает специфику французского языка Кот-д'Ивуара на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях, говорит об истории становления аргю нуши, его специфике с точки зрения словообразовательных структур, а также с точки зрения включений в аргю нуши лексем из автохтонных языков и европейских языков. Основываясь на исследованиях Ж. Багана, автор отмечает, что территориальный вариант французского языка в Кот-д'Ивуаре в целом обнаруживает общие черты афро-

французского произношения, но не ограничивается ими, отмечает частотность глухого веларного [x], доминирование апикального [r] над щелевым [R], значительные изменения в произношении носовых гласных и оглушений. Также автором отмечается элизия конечного [r], которая встречается в ивуарийском французском повсеместно. Например, *voiture* произносится как [vwa ty], *partir* как [par ti], *bancaire* как [bā kɛ] и т. д. [Скуратов, Кондратьева, 2021]. На лексическом уровне особенно отмечается использование лексем из автохтонных языков, а на грамматическом – сильное упрощение структур.

Я. А. Глебова в своем исследовании сообщает о том, что аргю нуши приобрело устойчивые черты, характерные для пиджина. На материале словарей, справочников, социальных сетей Twitter и Facebook, мобильных приложений (например, Dicos Nouchi), а также форума Nouchi.com автор проводит исследование лексического состава аргю [Глебова, 2021]. Автор поддерживает точку зрения К.В. Бабаева о том, что в связи с тем, что большую часть населения Абиджана, столицы Кот-д'Ивуара составляет молодежь до 25 лет, нуши вполне может стать самостоятельным языком [Бабаев, 2018].

Как было уже отмечено, помимо собственных лексических форм, аргю нуши содержит в своём составе значительное количество слов, заимствованных из нескольких языков, в частности из французского, английского, испанского, немецкого и из других местных языков Кот д'Ивуара. Кроме того, аргю нуши обладает специфической особенностью черпать свое «вдохновение» в ивуарийской социально-культурной жизни, развиваться вместе с ней, «подпитываться» актуальными событиями. Повседневная речь представителей разных социальных слоев и языковых групп активно пополняет словарный состав аргю нуши большим количеством экспрессивных новообразований [Kouadio, 1990].

Фонетическая и лексико-грамматическая специфика слов нуши французского происхождения

В рамках данного исследования остановимся на некоторых лексико-грамматических и фонетических особенностях слов нуши, имеющих французское происхождение.

Говоря о языковой специфике нуши следует отметить, что значительная часть его слов заимствована из французского языка с полным или частичным сохранением фонетических особен-

ностей. Частота их употребления существенно варьируется в зависимости от «носителя» аргю (больше французских слов можно услышать в лицах, чем, например, в удаленных кварталах). Так, *Vié Pèr* [viepɛ], существующее во французском языке как *vieux-père* [vjøpɛ] и имеющее уничижительное значение, позволяет обозначить пожилого, сварливого и крупногабаритного человека. В нуши существительное *Vié Pèr* [viepɛ] содержит оценочное суждение и применяется по отношению к человеку с определённым жизненным опытом – *старейшине*. Сходное явление наблюдается в *Vièl Mèr* [viejmɛ]. Во французском языке эта лексема пишется *Vielle mère* [viejmɛr], содержит коннотацию пренебрежительной оценки, и применяется по отношению к пожилой, старомодной женщине. В нуши *Vièl Mèr* [viejmɛ] имеет, скорее, почтительно-хвалебное указание на преклонный возраст женщины, соотносимый с определенными достижениями и жизненным опытом.

Во фразе *On han fini a è toi!* [ɔnãfiniaetwa], слова *fini* и *toi* – это два арготизма. Форма *fini* [fini], спрягаемая в сложном прошедшем времени (*avoir fini*), образована от французского глагола *finir*, синонимами которого являются *achever*, *terminer* – *завершать, заканчивать что-либо*. В нуши, равно как и в выше упомянутой фразе, форма *fini* [fini] также образована от глагола *finir*. Отличие заключается в том, что она используется для образования ближайшего будущего времени в сочетании с полувспомогательным глаголом *han* [ã], который во французском языке имеет смысл глагола *aller* – *идти, ехать* в форме простого будущего времени в 3-лице единственного числа. Само значение глагола *finir* в нуши тоже отличается: *abattre ou tuer quelqu'un* – *избить, убить кого-либо*. Таким образом, *On han fini a è toi!* означает *Nous allons t'abattre, on va te tuer, on va te faire du mal* – *мы тебя побьем, мы тебя убьем*. Арготическое слово *toi* [twa] тоже пришло из французского языка, где является личным местоимением. В нуши *toi* [twa] сохраняет свой грамматический класс, указывая на 2-лицо единственного числа.

В другом высказывании *C'è gaté chez mè frèr d'sang!* [ɛgateʃemɛfredsã] все слова либо пишутся, либо произносятся как во французском языке. Так, *c'è* [sɛ] – от французского *c'est* [sɛ] – *это есть*; *gaté* [gate] от *gâter* [gate] – *портить*; абсолютно идентичная форма *chez* [ʃe] – *у кого-то, к кому-то*; лексический компонент *mè* [mɛ] образован от *mes* [mɛ] – *мой*; *frèr* [frɛ] – *брат* [frɛr] –

bram; *d'sang* [dsã] ведет свое происхождение от французского сочетания *de sang* [dsã].

Действительно, в нуши *c'ê* [sɛ] сохраняет то же значение, ту же грамматическую природу и произношение, как и во французском языке. Меняется только орфографическая форма некоторых слов. Речь идет о морфеме, состоящей из указательного местоимения (*c'* (нуши) = *ce* (французский)) и глагола *être* – *быть* в настоящем времени (*ê* (нуши) = *est* (французский)). В обоих языках эта составная морфема является «презентативной», то есть помогает показать, представить факт или ситуацию. Слово *gaté* [gate] в арго нуши сохраняет французское произношение и грамматический класс (глагол). Однако значение и форма изменяются: в нуши этот глагол пишется без надстрочного знака над буквой *ê*, не означает *endommager quelque chose* – *портить, повреждать что-либо*, как во французском, а относится скорее к лексической единице с семантическим компонентом *разногласия, недоумения* или *дисгармонии*. Структура слова *d'sang* [dsã] имеет некоторое сходство с французской грамматической системой, с той лишь разницей, что во французском языке мы имеем дело с группой слов *de sang* [dsã]. Предлог *de* не сокращается и отделяется от существительного *sang*; это означает, что лексические компоненты четко обозначены, где каждый входящий элемент имеет свое самостоятельное значение. В нуши значение *d'sang* [dsã] объясняется исключительно в рамках *mè frèr d'sang* [mɛfrɛdsã]. Это выражение, имеющее в своем составе французские слова, означает *mes amis – мои друзья*. Таким образом, высказывание *C'ê gaté chez mè frèr d'sang!* [sɛgateʃemɛfrɛdsã] переводится на французский язык, как *Il règne une confusion, une mésentente chez mes amis!* – *Среди моих друзей царит растерянность, разногласия!*

Приведем еще несколько примеров из арго нуши, в которых явно иллюстрируются слова французского происхождения с полным или частичным сохранением фонетических норм: *On n'ê calé ici!* [ɔ̃nɛkaleisi] и *Les grandes gos du yoro* [lɛgrãdgodyjɔɾɔ].

В состав фразы *On n'ê calé ici!* [ɔ̃nɛkaleisi] входят фонетически идентичные словоформы, образованные от французских слов: *on* [ɔ̃], *n'ê* [nɛ], *calé* [kale], *ici* [isi]. Однако *on* [ɔ̃] в нуши является неопределенно-личным местоимением первого лица множественного числа, в то время как во французском языке *on* [ɔ̃] – это неопределенно-личное местоимение третьего лица един-

ственного числа. Слово *n'ê* [nɛ], фигурирующее во французском языке, как группа слов *n'est* (отрицательная частица *ne* + глагол-связка *être* в третьем лице единственного числа настоящего времени), является глаголом. Этот глагол заимствует значение от французского глагола *быть*, но стоит в первом лице множественного числа. Арготическое слово *calé* [kale] – глагол, который происходит от французского глагола *caler*, означающего *bloquer, coïncider* – *блокировать, тормозить*. В нуши *calé* [kale] употреблено как причастие прошедшего времени и означает *installé – устроенный*. Наречие места *ici* [isi] полностью сохраняет форму, произношение и значение французского наречия *ici* [isi] – *здесь*, от которого оно исходит. Из вышесказанного можно заключить, что фраза *On n'ê calé ici!* [ɔ̃nɛkaleisi] звучит по-французски, как *Nous sommes bien installé ici!* – *Мы здесь хорошо устроились!*

В лексическом составе высказывания *Les grandes gos du yoro* [lɛgrãdgodyjɔɾɔ] присутствуют следующие слова: *les* [lɛ], *grandes* [grãd], *gos* [go], *du* [dy], *yoro* [jɔɾɔ]. Проанализируем входящие компоненты: детерминант *les* [lɛ] происходит от французского определенного артикля *les* [lɛ]. Качественное прилагательное *grandes* [grãd] образуется от французского прилагательного *grandes* [grãd], однако его значение существенно отличается от французского. В арго нуши оно имеет значение *riche – богатый*, тогда как во французском языке это прилагательное соотносится с чем-то *колоссальным, огромным, значимым*. Форма *du* [dy] ведет своё начало от французского предлога *de*, который, как и в нуши, вводит дополнение существительного. В целом, высказывание *Les grandes gos du yoro* [lɛgrãdgodyjɔɾɔ] означает по-французски *Les dames riches du pays* – *Богатые дамы страны*.

Важно отметить, что в арго нуши, помимо слов французского происхождения, произносятся идентично или почти идентично, встречаются французские слова с усеченными звуками в конечной позиции. Рассмотрим следующий пример: *se tógô ê po!* [sɛtɔgɔɛpo]. Арготическое *po* [po] образовано от французского качественного прилагательного *posé* [poze] со значением *calme, réfléchi, sérieux* – *спокойный, вдумчивый, серьезный*. В нуши эта форма также является прилагательным и используется для описания серьезного, спокойного человека. Это означает, что в обоих языках сохраняется смысловая общность; с другой стороны, наблюдается суще-

ственная морфологическая разница: из приведенного выше примера видно, что слово *posé* употреблено в усеченной форме *po*. Следовательно, *se môgô é po!* [*sətmɔgɔpɔ*] переводится на французский, как *cet homme est sérieux ou réfléchi* – *этот мужчина серьезен или вдумчив*.

В предложении *c'ê in bri* [*sɛɛ̃bri*] арготическое слово *bri* [*bri*] полностью сохраняет значение французского существительного, от которого произошло – *brigand* и означает *правонарушитель, нечестный человек*. Изменениям подвергается только форма за счет полного усечения конечного слога: *c'ê in bri* [*sɛɛ̃bri*] = *c'est un brigand, un délinquant ou un bandit* – *это разбойник, преступник или бандит*.

Похожее явление наблюдается в высказывании *Mogô-là a cracra si la go!* [*mɔgɔlaakrakrazymago*]. Интересующее нас слово *cracra* [*krakra*] в нуши является глаголом, заимствующим свою морфологическую структуру у французского глагола *craquer* [*krake*]. Мы видим, что арготическое слово подвержено не только формальным изменениям, но и фонетическим: так, звук [*ke*] заменяется на звук [*kra*]. По-французски *cracra* [*krakra*] означает *tomber amoureux de quelqu'un ou de quelque chose* – *влюбиться в кого-то или во что-то*. Во французском же языке глагол *craquer* [*krake*], в определенном контексте, может означать *céder* – *уступать, поддаваться*, а в другом – *tomber sous le charme de quelqu'un* – *попасть под чье-то обаяние*. Получается, что *Mogô-là a cracra si la go!* [*mɔgɔlaakrakrazymago*] означает по-французски *le monsieur a cédé à l'attrait de la jeune fille* – *господин поддался чарам молодой девушки*.

Помимо слов французского происхождения с конечными усеченными формами, в арго нуши встречаются лексемы с усечением в начале слова. Данный лингвистический феномен можно наблюдать в следующих примерах: *Gué-moi la teille* [*gemwalatej*]; *Phone-moi après-demin!* [*fɔnmwademɛ̃*].

В высказывании *Gué-moi la teille* [*gemwalatej*] слово *teille* [*tej*] происходит от французского существительного *la bouteille* [*butej*] – *бутылка*. В нуши оно служит для обозначения ёмкости для жидкостей и сохраняет, таким образом, тот же грамматический класс и то же значение, что и французское существительное *la bouteille* [*butej*] – *бутылка*. *Gué-moi la teille* [*gemwalatej*] переводится на французский язык, как *donne-moi la bouteille* – *дай мне бутылку*. Арготическое слово *teille* [*tej*] было образовано путем удаления у

существительного *bouteille* [*butej*] начального слога *bou*.

Во фразе *Phone-moi après-demin!* [*fɔnmwaapɛdemɛ̃*] наблюдается тот же принцип. В нуши глагол *phone* [*fɔn*] появился от французского глагола *téléphoner* [*telefone*] – *звонить по телефону* путем усечения начальных слогов, и полностью сохранил исходное значение. Поэтому *Phone-moi après-demin!* [*fɔnmwademɛ̃*] = *appelle-moi après-demain* – *позвони мне послезавтра*.

В заключении отметим, что в арго нуши выявлены слова французского происхождения с искаженной фонетической формой. Данное явление можно проиллюстрировать следующими примерами: *son kèr ê mor* [*sɔkɛrɛmor*]; *c'ê conhan* [*sekɔnã*].

Действительно, высказывание *son kèr ê mor* [*sɔkɛrɛmor*] содержит в своем составе деформированную словоформу *kèr* [*ker*] от французского существительного *coeur* [*kœr*] – *сердце*. Фундаментальный смысл каждого слова (*kèr* [*ker*] и *coeur* [*kœr*]) соотносится с вместилищем душевного мира эмоций и чувств (смелости, жалости, любви, дружбы и др.). Сказать кому-то, что *son kèr ê mor* [*sɔkɛrɛmor*] = *qu'il a peur, qu'il a perdu courage* – *дать понять, что он боится, что он потерял храбрость*. Несоответствия в двух языках проявляются только на фонетическом уровне.

Подобное фонетическое явление происходит с наречием *conhan* [*kɔnã*], например, в таком предложении: *c'ê conhan* [*sekɔnã*]. Арготическое слово *conhan* [*kɔnã*] представляет собой искаженное французское наречие *comme ça* [*kɔmsa*] и подвергается только фонетической деформации. Оба слова принадлежат к одной грамматической категории и представляют одно и то же смысловое содержание. В соответствии с этим, *c'ê conhan* [*sekɔnã*] означает по-французски *c'est comme ça, c'est de cette façon* [*sɛkɔmsa/sɛdasetfasɔ̃*] – *вот так, таким образом*.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что арго нуши как вид контактного языка в Кот-д'Ивуаре считается значимым источником заимствований; он демонстрирует эволюционную тенденцию, которая, несомненно, может привести к новому управлению многоязычием в Кот-д'Ивуаре. Об этом заявляют ивуарийцы, отстаивающие свою идентичность, свой творческий дух и свое стремление к свободе через секретный код нуши.

Библиографический список

1. Бабаев К. В. Введение в африканское языкознание. Языки славянских культур. 2018. 376 с.
2. Багана Ж., Глебова Я. А., Шейфель Н. А Нуши как социолингвистический феномен: определение статуса // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40. № 2 (227–233).
3. Глебова Я. А. Основные характеристики языкового кода нуши // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 7. № 2. 2021.
4. Кондратьева А. С. Специфика средств речевой выразительности в территориальном варианте французского языка в республике Кот-д'Ивуар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 10. С. 3134–3138.
5. Мищенко Д. Надписи на такси в Абиджане (Кот-д'Ивуар) // Материалы конференции Антропологический Форум № 24. 2014.
6. Скуратов И. В., Кондратьева А. С. Языковая ситуация во франкоязычных странах Западной Африки (на примере республики Кот-д'Ивуар) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 2. С. 25–32.
7. Aboa A. A. L. Le nouchi a-t-il un avenir ? // Revue électronique internationale de sciences du langage Sudlangues. Dakar, 2011. № 16. P. 44–54. URL: www.sudlangues.sn/ (дата обращения: 21.10.2023).
8. Ahua M. B. La motivation dans les créations lexicales en nouchi // Le Français en Afrique. № 21. 2006.
9. Ahua M. B. Mots, phrases et syntaxe du nouchi // Le français en Afrique. № 23. Nice, ILF CNRS, 2008. P. 135–150.
10. Atsé N'cho J.-B. Les verbes du nouchi (parler argotique ivoirien) : pour une analyse morphosyntaxique // Revue du Laboratoire des Théories et Modèles Linguistiques. № 10. 2014.
11. Boutin A. B., Kouadio J. N. Le nouchi c'est notre créole en quelque sorte, qui est parlé par presque toute la Côte d'Ivoire. Université Félix Houphouët-Boigny, Abidjan // Dynamique des français africains: entre le culturel et le linguistique. Peter Lang, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/311513803_Le_nouchi_c'est_notre_creole_en_quelque_sorte_qui_est_parle_par_presque_toute_la_Cote_d'Ivoire (дата обращения: 10.10.2023)
12. Boutin B. A. Nouchi, français ivoirien: quelles hybridités? // InterFrancophonies, 2020, 1 (11). URL: <https://auf.hal.science/hal-03337981/document> (дата обращения: 10.10.2023).
13. Cisse M. Le nouchi et le FPI dans les médiats d'État: le cas de la RTI, Abidjan, Mémoire de Maîtrise, Département des Sciences du Langage, Université de Coudy. 2000.
14. Ethnologue. URL: <https://www.ethnologue.com/country/CI/> (дата обращения: 23.10.2023)
15. Grah L. B. Le nouchi: une langue en devenir? Mémoire de Master, Trondheim, Université des Sciences et Techniques de Norvège. 2014.
16. Kadi G-A. Le nouchi de Côte d'Ivoire: dictionnaire et anthologie (Plus de 1000 mots et expressions usuels). L'Harmattan. Collection Études africaines. 2017.
17. Kouacou N. J. Le nouchi en Côte d'Ivoire: description d'une variété de français en pleine évolution, Thèse de doctorat, Université Félix Houphouët Boigny, Abidjan. 2015.
18. Kouacou N. J. Le nouchi en Côte d'Ivoire : regard sur un parler jeune ivoirien, trois décennies après sa naissance // Cheminements Linguistiques: mélange en hommage à Kouadio N'guessan Jérémie, EUE, Saarbrücken, 2016. P. 480–496.
19. Kouacou N. J. Le nouchi en Côte d'Ivoire, un cas de dynamisme linguistique, CIRL. № 47. 2020. P. 107–122.
20. Kouadio N. J. Le nouchi abidjanais, naissance d'un argot ou mode linguistique passagère? in Gouaini/Thiam (éds.), Des langues et des villes. Paris, ACCT/Didier Erudition, 1990.
21. Kouame K. J.-M. Le nouchi: creuset de la diversité culturelle et linguistique de la Côte d'Ivoire, Franco-polyphonie: l'interculturalité à travers la linguistique et la littérature, Chişinău, Université Libre Internationale de Moldova, 2012. (1)7. P. 69–77.
22. Lafage S. L'argot des jeunes ivoiriens, marque d'appropriation [The slang of young Ivoirians, a mark of appropriation]? In: Parluresargotiques, langue française. Paris, Publ. Larousse, 1991. № 90. P. 95–105.
23. Lafage S. Le lexique français de Côte d'Ivoire: appropriation et créativité, Institut de Linguistique française, CNRS, 2002–2003. (1) et (2).
24. Tape J. M. Étymologie des mots hybrides en nouchi // Revue Sciences, Langage et Communication, École Supérieure de Technologie de Mknès. № 1, 3, 2016. URL: <https://revues.imist.ma/index.php/SLC/article/view/6286> (дата обращения: 13.10.2023).
25. Un autre mot du nouchi, l'argot ivoirien, fait son entrée dans le dictionnaire français. URL: <https://www.france24.com/fr/20190601cote-ivoire-nouchi-argot-langue-dictionnaire-larousse-fierte-ivoiriens-boucancier-enjailler> (дата обращения: 13.10.2023).

Reference list

1. Babaev K. V. Vvedenie v afrikanskoe jazykoznanie = Introduction to African linguistics. Jazyki slavjanskikh kul'tur. 2018. 376 s.
2. Bagana Zh., Glebova Ja. A., Shejfel' N. A. Nushi kak sociolingvisticheskiy fenomen: opredelenie statusa = Nouchi as a sociolinguistic phenomenon: determining the status // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznanija. 2021. T. 40. № 2 (227–233).
3. Glebova Ja. A. Osnovnye harakteristiki jazykovogo koda nushi = The main characteristics of the nouchi language code // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki. T. 7. № 2. 2021.

4. Kondrat'eva A. S. Specifika sredstv rechevoj vyrazitel'nosti v territorial'nom variante francuzskogo jazyka v respublike Kot-d'Ivuar = Specific means of speech expressiveness in the regional variant of the French language in the Republic of Côte d'Ivoire // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2021. T. 14. Vyp. 10. S. 3134–3138.
5. Mishhenko D. Nadpisi na taksi v Abidzhane (Kot-d'Ivuar) = What is written on taxis in Abidjan, Côte d'Ivoire // *Materialy konferencii Antropologicheskij Forum* № 24. 2014.
6. Skuratov I. V., Kondrat'eva A. S. Jazykovaja situacija vo frankojazychnyh stranah Zapadnoj Afriki (na primere respubliky Kot-d'Ivuar) = Linguistic situation in French-speaking countries of West Africa (on the example of the Republic of Côte d'Ivoire) // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika*. 2021. № 2. S. 25–32.
7. Aboa A. A. L. Le nouchi a-t-il un avenir ? // *Revue électronique internationale de sciences du langage Sudlangues*. Dakar, 2011. № 16. P. 44–54. URL: www.sudlangues.sn/ (data obrashhenija: 21.10.2023).
8. Ahua M. B. La motivation dans les créations lexicales en nouchi // *Le Français en Afrique*. № 21. 2006.
9. Ahua M. B. Mots, phrases et syntaxe du nouchi // *Le français en Afrique*. № 23. Nice, ILF CNRS, 2008. P. 135–150.
10. Atsé N'cho J.-B. Les verbes du nouchi (parler argotique ivoirien) : pour une analyse morphosyntaxique // *Revue du Laboratoire des Théories et Modèles Linguistiques*. № 10. 2014.
11. Boutin A. B., Kouadio J. N. Le nouchi c'est notre créole en quelque sorte, qui est parlé par presque toute la Côte d'Ivoire. Université Félix Houphouët-Boigny, Abidjan // *Dynamique des français africains: entre le culturel et le linguistique*. Peter Lang, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/311513803_Le_nouchi_c%27est_notre_creole_en_quelque_sorte_qui_est_parle_par_presque_toute_la_Cote_d%27Ivoire (data obrashhenija: 10.10.2023)
12. Boutin B. A. Nouchi, français ivoirien: quelles hybridités? // *InterFrancophonies*, 2020, 1 (11). URL: <https://auf.hal.science/hal-03337981/document> (data obrashhenija: 10.10.2023).
13. Cisse M. Le nouchi et le FPI dans les médiats d'État: le cas de la RTI, Abidjan, Mémoire de Maîtrise, Département des Sciences du Langage, Université de Coudy. 2000.
14. Ethnologue. URL: <https://www.ethnologue.com/country/CI/> (data obrashhenija: 23.10.2023)
15. Grah L. B. Le nouchi: une langue en devenir? Mémoire de Master, Trondheim, Université des Sciences et Techniques de Norvège. 2014.
16. Kadi G-A. Le nouchi de Côte d'Ivoire: dictionnaire et anthologie (Plus de 1000 mots et expressions usuels). L'Harmattan. Collection Études africaines. 2017.
17. Kouacou N. J. Le nouchi en Côte d'Ivoire: description d'une variété de français en pleine évolution, Thèse de doctorat, Université Félix Houphouët Boigny, Abidjan. 2015.
18. Kouacou N. J. Le nouchi en Côte d'Ivoire : regard sur un parler jeune ivoirien, trois décennies après sa naissance // *Cheminements Linguistiques: mélange en hommage à Kouadio N'guessan Jérémie*, EUE, Saarbrücken, 2016. P. 480–496.
19. Kouacou N. J. Le nouchi en Côte d'Ivoire, un cas de dynamisme linguistique, CIRL. № 47. 2020. P. 107–122.
20. Kouadio N. J. Le nouchi abidjanais, naissance d'un argot ou mode linguistique passagère? in Gouaini/Thiam (éds.), *Des langues et des villes*. Paris, ACCT/Didier Erudition, 1990.
21. Kouame K. J.-M. Le nouchi: creuset de la diversité culturelle et linguistique de la Côte d'Ivoire, Franco-polyphonie: l'interculturalité à travers la linguistique et la littérature, Chişinău, Université Libre Internationale de Moldova, 2012. (1)7. P. 69–77.
22. Lafage S. L'argot des jeunes ivoiriens, marque d'appropriation [The slang of young Ivoirians, a mark of appropriation]? In: *Parluresargotiques, langue française*. Paris, Publ. Larousse, 1991. № 90. P. 95–105.
23. Lafage S. Le lexique français de Côte d'Ivoire: appropriation et créativité, Institut de Linguistique française, CNRS, 2002–2003. (1) et (2).
24. Tape J. M. Étymologie des mots hybrides en nouchi // *Revue Sciences, Langage et Communication*, École Supérieure de Technologie de Meknès. № 1, 3, 2016. URL: <https://revues.imist.ma/index.php/SLC/article/view/6286> (data obrashhenija: 13.10.2023).
25. Un autre mot du nouchi, l'argot ivoirien, fait son entrée dans le dictionnaire français. URL: <https://www.france24.com/fr/20190601cote-ivoire-nouchi-argot-langue-dictionnaire-larousse-fierte-ivoiriens-boucancier-enjailler> (data obrashhenija: 13.10.2023).

Статья поступила в редакцию 19.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 19.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 811.133.1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_205

EDN: JMCHVA

Вариативность структур общего вопроса в современном французском языке (на материале игровых фильмов)

Мария Николаевна Зубкова

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

simplymarie@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8174-6469>

Аннотация. В статье исследуются общевпросительные предложения во французском языке на базе примеров устной разговорной речи, собранных путем сплошной выборки из французских художественных фильмов преимущественно последнего десятилетия. Целью статьи явилось определить синтаксико-семантические и прагматические характеристики двух типов общевпросительных конструкций (*est-ce que* и *SV*), выявить сходства и различия между ними.

Не ослабевает интерес ученых к теме функционирования разнообразных форм вопроса в различных типах дискурса во французском языке, а также к просодическим особенностям данных структур как в синхронии, так и в диахронии. Тем не менее, до настоящего времени однозначно не решена проблема критериев выбора того или иного варианта общего вопроса, что обусловило актуальность настоящего исследования.

С целью определить данные факторы ученые используют следующие подходы: теорию диглоссии, теорию вариативности, прагматико-синтаксический подход. Последний признается автором статьи наиболее логичным и последовательным. Показано, что ведущим критерием выбора формы вопроса является именно коммуникативное намерение говорящего.

В результате количественного подсчета выявлено, что *SV* является ведущей структурой общевпросительного предложения. Это связано с ее способностью передавать широкий спектр значений: как собственно-впросительных, так и невопросительных, наиболее типичным из которых является запрос подтверждения информации.

Выявлено, что, несмотря на возможность функционирования в схожих контекстах, оборот *est-ce que* противопоставляется *SV*. Основное различие заключается в том, что *est-ce que* обозначает дубитатив (*interrogation dubitative*), что подразумевает определенную степень недоверия к словам собеседника, то есть достоверность информации, содержащаяся в вопросе, подвергается сомнению. Вот почему *est-ce que* не может функционировать в качестве запроса подтверждения информации, которое является типичным для прямого порядка слов (*interrogation affirmative*), в силу его близости по структуре повествовательному предложению. Кроме того, в отличие от *SV est-ce que* обладает эмфатическим значением, а также может вводить риторический вопрос.

Ключевые слова: вариативность; коммуникативная задача; семантика; прагматика; морфосинтаксис; впросительные структуры; общий вопрос

Для цитирования: Зубкова М. Н. Вариативность структур общего вопроса в современном французском языке (на материале игровых фильмов) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 205–212. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_205. <https://elibrary.ru/JMCHVA>

Original article

Variation of the general question structures in the modern french language (based on feature films)

Maria N. Zubkova

Candidate of philological sciences, senior lecturer at the department of the french language, Moscow state institute of international relations (university), the Russian Federation Ministry of foreign affairs. 119454, Moscow, Vernadsky ave. 76
simplymarie@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8174-6469>

Abstract. The article focuses on the analysis of yes/no questions in French, on the basis of oral colloquial speech collected from French feature films, mainly of the last decade. The purpose is to determine the syntactic, semantic and pragmatic characteristics of two types of interrogative constructions (*est-ce que* and *SV*), to identify similarities and differences between them. Scientists have always been interested in the functioning of various question forms in different types of discourse in French, as well as in the prosodic peculiarities of these structures both in synchrony and diachrony. However, the problem of criteria for choosing a particular variant of the general question has not been solved clearly so far, which determines the relevance of the study. In order to determine these factors, the scientists use the following approaches: diglossia theory, variation theory, pragmatic-syntactic approach. The latter is recognized by the author as the most logical and consistent. It is shown that the leading criterion for choosing the question form is the speaker's communicative intention. The quantitative analysis shows that *SV* is the leading structure of yes/no questions. This is due to its ability to convey a wide range of meanings, both interrogative and non-interrogative, the most typical of which is a request for confirmation.

Despite the possibility of functioning in similar contexts, «*est-ce que*» is opposed to *SV*. The main difference is that *est-ce que* denotes the interrogation dubitative, which implies a certain degree of distrust in the interlocutor's words, i.e., the reliability of the information contained in the question is doubted. This is why «*est-ce que*» cannot function as a request for confirmation, due to its declarative word order. Moreover, unlike *SV*, *est-ce que* has an emphatic meaning and can also introduce a rhetorical question.

Key words: variability; communicative intention; semantics; pragmatics; morphosyntax; interrogative structures; yes/no questions

For citation: Zubkova M. N. Variation of the general question structures in the modern French language (based on feature films). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):205–212. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_205. <https://elibrary.ru/JMCHVA>

Введение

Интерес ученых к изучению вопросительного высказывания во французском языке не перестает расти. Особенно увеличилось количество исследований, посвященных интеррогатаивам, за последние десятилетия. В трудах многих отечественных и зарубежных романистов [Васильева, 2020; Соболева, 2012; Сосунова, 2019; Дроздова, 2020; Чепурнова, 2018; Coveney, 1997, 2020; Quillard, 2001; Lailier, 2011; Merle, 2019; Divoux, 2020] находят отражение особенности функционирования разнообразных форм вопроса во французском языке в различных типах дискурса, а также просодические особенности морфосинтаксических вариантов вопроса [Reinhardt, 2017]. Учеными проводились исследования вопросительных структур на материале разнообразных корпусов примеров: смс [Guryev, 2018, 2019], реалити-шоу [Rossi-Gensane], устной коммуникации [Stark, 2021].

Необходимость предпринятого анализа обусловлена недостаточным освещением семантико-прагматических различий между вариантами структур общего вопроса, так как в своих работах авторы, как правило, ограничиваются лишь количественным подсчетом выявленных форм, без контекстного анализа, что имеет целью восполнить настоящее исследование.

Целью настоящей статьи является проанализировать использование вопросительных структур в устной спонтанной речи в современном французском языке с точки зрения синтаксико-

семантических и прагматических характеристик, выявить факторы, влияющие на выбор той или иной формы говорящим.

Материал и методы исследования

Материалом для настоящего исследования послужили французские фильмы преимущественно последнего десятилетия, которые содержат множество диалогов, ярко иллюстрирующих современную разговорную речь.

Автором были отобраны все вопросительные высказывания, в состав которых входит общий вопрос. За рамками исследования остались только безглагольные конструкции. В ходе изучения фактического материала вопросы были распределены по группам исходя из установленных критериев (восходящая интонация, специальные морфемы или частицы [Druetta, 2018; Guryev, Arrivé, 2021], а также вопросительная целеустановка), а также произведен количественный подсчет выявленных единиц.

Постановка проблемы. Обзор литературы

Известно, что грамматическая структура вопросительного высказывания во французском языке характеризуется вариативностью. Следует отметить, что данной проблематике посвящено огромное количество публикаций. Это, прежде всего, фундаментальные исследования первой половины XX века [Foulet, 1921; Fromageait, 1938], за которыми последовали работы преимущественно статистического характера, содержащие подсчет использования различных

форм в устной речи или неформальной коммуникации [Coveney, 1997; Adli, 2015; Guryev, 2018; Stark, 2021].

Среди факторов, влияющих на выбор говорящим той или иной вопросительной структуры, традиционно выделяются: семантический, морфосинтаксический, прагматический, социолингвистический и стилистический [Quillard, 2001].

В зависимости от того, какой критерий признается ведущим, в лингвистической литературе существует ряд подходов к изучению интеррогативов, которые можно свести к следующим: теория диглоссии, теория вариативности, прагматическая или социально-когнитивная теория.

С точки зрения теории диглоссии [Rowlett 2007; Massot 2010; Zribi-Hertz 2011], в языке существует две грамматики, формальная и неформальная. И, следовательно, есть структуры, присутствующие исключительно в письменном языке и структуры, характерные исключительно для неформальной устной речи. Данная концепция представляется непоследовательной, поскольку все формы вопроса могут встречаться в разных регистрах и взаимодействовать даже в рамках одного контекста или высказывания.

Постулатом теории вариативности является тот факт, что наличие вариантов в языке, будь то фонология или синтаксис, отражает социо-стилистическое или социо-демографическое разнообразие [Лукина, 2014]. Поэтому взаимозаменяемые с точки зрения семантики и прагматики варианты обладают различной дистрибуцией в социолингвистическом плане. Речь идет, например, о регистрах речи (*soutenu, familier, neutre*) [Coveney, 1997, 2020; Guryev, 2018; Druetta, 2018; Berrendonner, 2018].

Авторами выделяются следующие типы вариативности: а) диатопическая (диалектальная); б) диастратическая (социально-демографическая); в) диафазическая (стили-стическая); г) диамезическая (связанная с различием устной и письменной форм речи) [Gadet, 1996].

Изучение вопросительных предложений с точки зрения этих видов вариативности позволяет объяснить наличие большого количества вариантов языковых структур при синхронном или диахронном исследовании языка. Однако данный подход также не может быть единственным при анализе вопроса.

Прагматический подход подразумевает коммуникативную направленность всех вариантов вопросительных структур, следовательно, выбор той или иной формы осуществляется исходя из

намерений говорящего [Merle, 2019; Berrendonner, 2018]. Огромный вклад в изучение интеррогативных высказываний внесли работы Ж.-С. Anscombre и О. Ducrot, исследовавшие вопросы с точки зрения теории речевых актов [Anscombre, Ducrot, 1981].

Итак, анализ интеррогативов во французском языке в силу своей сложности с точки зрения соотношения плана выражения и плана содержания находится на пересечении различных концепций и лингвистических подходов.

Следовательно, изучая вопросительное предложение необходимо принимать во внимание совокупность факторов, а не опираться на какой-то один аспект вопроса.

Результаты исследования

В настоящей статье применяется семантико-прагматический подход к анализу вопросительных структур. Автором представлены результаты проведенного исследования диалогов художественных фильмов, в ходе которого было выделено 1340 общевопросительных предложений, распределенных по двум типам.

Тип	Пример	Количество примеров (%)
SV↑	Ils/Les invités sont venus?	1150 (86%)
Est-ce que	Est-ce que les invités /ils sont venus?	190 (14%)

В силу отсутствия в нашем корпусе примеров инвертированных структур общего вопроса данный тип не рассматривается в данной статье.

Действительно, инверсия подлежащего становится все более редким признаком общего вопроса в устной речи во французском языке. Тем не менее, обратный порядок слов сохраняется в письменных видах дискурса, что не позволяет говорить о полном исчезновении инверсии подлежащего из вопросительного предложения.

Исходя из количественных данных, можно утверждать, что для построения общего вопроса в устной разговорной речи используется преимущественно **конструкция с прямым порядком слов** типа SV (86 %). В зависимости от коммуникативного намерения говорящего данная структура способна передавать разнообразную семантику:

1. Собственно-вопросительное значение.

Говорящий задает вопрос, направленный на поиск недостающей информации.

1) – *Vous avez travaillé dans quelle maison?*

Vous savez découper une sole, un loup? [Le sens de la fête, 00:22:09]

2) – *Tu as renvoyé Mirko? [Le sens de la fête, 00:11:12]*

3) – *Vous vous plaisez ici, dans notre entreprise? [La délicatesse, 01:15:05]*

4) – *Il est où? – Il vient de partir. Tu ne l'as pas croisé? – Il a signé? – Non. – Il a pas signé? – Bah, non. [Mon cousin, 00:06:53]*

5) – *Il va revenir, papa? – Oui, il va revenir, il ne va pas nous laisser seuls dans la forêt. (La forêt de mon père, 00:18:28)*

Разновидностью собственно-вопросительного значения является вопрос-переспрос, к которому говорящий прибегает, чтобы уточнить ранее упомянутую информацию, получить дополнительные сведения или убедиться в правильности понимания им высказанной мысли.

– *C'est quoi? – C'est un groupe que j'écoutais quand j'étais petit. [...] – Et vous écoutiez ça, petit? [La délicatesse, 01:06:11]*

Структура с прямым порядком слов часто служит для запроса подтверждения информации, содержащейся в вопросе. Собеседник уже знает ответ (или имеет свой вариант) и задает вопрос с целью убедиться в правильности своей догадки.

– *Tu ne t'habilles même plus pour travailler? [Le sens de la fête, 00:07:01]*

– *Je vais me changer, alors? – Oui, voilà, fais ça. [Le sens de la fête, 01:11:15]*

– *Vous préférez que je m'en aille? [Le gout des merveilles, 01:12:45]*

– *Tu n'as pas de nouvelles de ta sœur? Elle t'a rien dit? [Le sens de la fête, 00:06:01]*

В последнем примере уточняющий вопрос говорящего, содержащий отрицательное наречие *rien*, дает понять, что он ожидает отрицательный ответ на свой вопрос (что собеседница не получила новостей от сестры).

Запрос подтверждения информации может также дополняться различными лексико-грамматическими структурами: модальными наречиями, оборотами *c'est ça?*, *n'est-ce pas?*, наречиями *oui/non?*, ориентирующими собеседника на положительный ответ.

– *Tu penses vraiment qu'il n'y a que du travail dans ma vie? [La délicatesse, 00:31:47]*

– *C'est mieux comme ça, non? [Mon cousin, 00:20:33]*

– *Je te plais pas, c'est ça? [La délicatesse, 00:33:32]*

– *Guy, on se connaît depuis longtemps, oui? – Oui. [Le sens de la fête, 00:50:04]*

Наибольшая степень утвердительного значения при запросе подтверждения информации содержится в так называемых вопросах-эхо, подразумевающих лишь один вариант ответа и исключающих другие альтернативы.

– *Tu plaisantes?*

– *J'ai l'air de plaisanter? (Le sens de la fête, 00:00:13)*

В прагматико-дискурсивном плане структура SV может выполнять интродуктивную функцию, то есть она используется говорящим для введения в речь новой темы разговора:

– *Tu te souviens de ton beau vélo neuf que tu t'es fait voler? – Oui. – J'avais une dette de jeu, je l'ai vendu et je t'ai dit que tu t'étais fait voler. (Père fils thérapie, 00:43:39)*

– *Je peux te poser une question personnelle? Pourquoi tu détestes tant ton fils? (Père fils thérapie, 00:31:50)*

2. Невопросительное значение.

Вопросительная конструкция с прямым порядком слов может служить для передачи и невопросительных значений, например, просьбы или предложения.

– *Je te raccompagne? – Non, merci, je veux marcher. [La délicatesse, 00:34:27]*

– *Tu y vas, s'il te plaît, chérie? [Le sens de la fête, 00:28:45]*

– *Vous en [un feuilleté] voulez un autre? [Le sens de la fête, 01:13:09]*

– *Vous avez quelque chose de prévu? Ça vous dirait de prendre un petit verre? [Eléonore, 00:46:05]*

– *Alors, ce cadeau, vous me le donnez? – Oui, oui. [La délicatesse, 01:15:00]*

Значение просьбы может выражаться имплицитно, дополняясь разнообразной эмоциональной коннотацией (удивление, раздражение, возмущение и др.). В следующем примере с помощью вопроса говорящий хочет намекнуть собеседнику, что он должен идти заниматься своей работой (фотографировать гостей):

– *T'as pas d'autre truc à faire plutôt que de vider le buffet? [Le sens de la fête, 00:47:56]*

Структура типа SV может выполнять также фатическую функцию:

– *Oh, tu m'écoutes? [Le sens de la fête, 00:08:06]*

Второе место по распространенности (14%) занимает структура общего вопроса с оборотом *est-ce que*.

Следует отметить, что в семантическом плане между конструкцией с прямым порядком слов и оборотом *est-ce que* наблюдаются как сходные, так и различительные черты. Так, аналогично SV, *est-ce que* способен передавать значение запроса информации:

- **Est-ce que** mon fils vous a transmis la liste de mes chansons préférées? [Le sens de la fête, 00:36:10]

- On se disait si on enlevait le bord blanc entre les photos, **est-ce que** ça réduirait un peu le coût? [Le sens de la fête, 00:01:04]

Он может использоваться и в невопросительном значении, например, для выражения просьбы (преимущественно с глаголом *pouvoir*):

- **Est-ce que** vous pourriez me le dédicacer? C'est pour ma sœur. [Eléonore, 00:47:40]

Однако, по сравнению с SV в данном значении, *est-ce que* является более вежливым вариантом:

- **Est-ce que** je peux prendre une journée pour mon déménagement? [Le sens de la fête, 00:43:07]

- Madame, je peux vous voir toute seule? [La forêt de mon père, 00:28:40]

Важно отметить способность обеих вопросительных структур выражать эмоционально-оценочное отношение говорящего к реплике или действиям собеседника. Наиболее типичными эмоциональными значениями вопросительного предложения являются: удивление, недоумение, возмущение (раздражение), гнев, страх (испуг) и некоторые другие.

1) – **Est-ce que** tu te rends compte? Les enfants tout seuls dans la forêt! [La forêt de mon père, 00:21:45]

2) a) – Tu trouves ça normal, toi? [Mon cousin, 01:27:09]

b) – Je suis pas venu, je veux pas payer pour un truc que...c'est abusé. ... J'avais un rendez-vous pour un taf, c'est pas de ma faute, Felix. – Et je fais quoi pendant ce temps-là, je plante des choux? [La bonne conduite, 00:03:21]

В примере 2b, говорящий объясняет, почему он пропустил занятие и не заплатил за него. Ответная реплика, содержащая вопросительное предложение, не является запросом или уточнением информации, а выражает искреннее удивление и недовольство собеседника.

Несмотря на близость выражаемых ими значений между структурой SV и оборотом *est-ce que* наблюдается и ряд различий:

1. *Est-ce que* не функционирует в качестве запроса подтверждения информации. Этим обу-

словлена невозможность его сочетания с вводными предложениями (*je crois, je pense, je suppose, n'est-ce pas* и др.).

2. Оборот *est-ce que* может вводить риторический вопрос, что невозможно для структуры с прямым порядком слов.

- Il y a un problème juste pour les quantités. – [...] Alors, tu coupes en trois, tu mets la sauce, les légumes. **Est-ce qu'on a le choix**? [Le sens de la fête, 01:13:30]

3. *Est-ce que* может использоваться для выделения какой-то мысли, чтобы акцентировать внимание на содержании вопроса, тогда как SV не обладает эмфатическим значением.

- Jacques, **est-ce qu'il y a quelque chose que tu as jamais dit à ton fils et que tu aimerais lui dire**? – Non, pas vraiment. [Père fils thérapie, 00:43:02]

- **Est-ce que** ça vous paraît clair? [Le sens de la fête, 00:28:00]

- J'ai juste une question: **Est-ce que** tu as remarqué sa robe blanche? [Le sens de la fête, 00:53:45] В данном примере, после объяснений собеседника, что он влюблен, говорящий иронизирует, спрашивая, не заметил ли тот свадебного платья девушки. Он хочет дать понять, что раз это ее свадьба, она явно не свободна.

Следует отметить, что обе вопросительные структуры могут использоваться в речи последовательно, но в эмфатической функции выступает именно *est-ce que* – он позволяет говорящему повторить сказанное, но более настойчиво, с целью добиться лучшего понимания вопроса и получить, наконец, ответ:

- Tu veux expliquer ce qui s'est passé? **Est-ce que** tu comprends ce que je te dis? [La forêt de mon père, 00:14:38]

Таким образом, несмотря на возможность функционирования в схожих контекстах, *est-ce que* противопоставляется SV. Основное различие заключается в том, что оборот обозначает дубитатив (*interrogation dubitative*), что подразумевает определенную степень недоверия к словам собеседника, то есть, достоверность информации, содержащаяся в вопросе, подвергается сомнению. Вот почему *est-ce que* не может функционировать в качестве запроса подтверждения информации, которое является типичным для прямого порядка слов (*interrogation affirmative*), в силу его близости по структуре повествовательному предложению. Кроме того, в отличие от SV, *est-ce que* обладает эмфатическим значением, а также может вводить риторический вопрос.

Заключение

Количественный анализ фактического материала позволяет утверждать, что в современном французском языке (в устной коммуникации) наблюдается наибольшая частотность (86 %) общевпросительных конструкций с прямым порядком слов типа SV.

Это объясняется, прежде всего, способностью данной структуры передавать широкий диапазон значений. В частности, это собственно-вопросительная семантика: запрос информации, а также запрос подтверждения информации – значение, наиболее типичное для данной конструкции. Кроме того, для SV характерна и невопросительная семантика (просьба, предложение, побуждение к действию и др.). Можно сказать, что SV является практически универсальной структурой.

Нельзя игнорировать тот факт, что преимущественное употребление прямого порядка слов диктуется и законом языковой экономии.

Структура с оборотом *est-ce que* стоит на втором месте по распространенности. Определено, что она имеет ряд общих черт с SV, в связи с чем данные формы вопроса могут использоваться в сходных контекстах. Однако специфика *est-ce que* заключается в том, что он способен фигурировать в риторическом вопросе, а также приобретать некоторые оттенки значения, не свойственные структуре с прямым порядком слов (выделение, уточнение, и др.). Так, он может использоваться для повторения высказанной мысли, если собеседник нуждается в том, чтобы ему уточнили сказанное ранее.

Таким образом, выбор вопросительной структуры говорящим в современном французском языке нельзя назвать свободным, он обусловлен рядом факторов (прагматическими, социолингвистическими, стилистическими и др.). Но ведущим среди них следует считать коммуникативное намерение говорящего, будь то: запрос информации или подтверждения ранее упомянутых сведений, просьба совершить какое-то действие, намерение либо дать совет/разрешение, либо сделать предложение/намек и др. Говорящий использует тот вариант, который наиболее соответствует коммуникативной задаче и позволяет реализовать цель коммуникации за счет минимального количества языковых усилий.

В качестве перспектив для дальнейшего исследования можно предложить более детальное изучение вопросительных структур в большем количестве контекстов разного типа дискурса, а

также сравнительно-сопоставительный анализ их использования в близкородственных языках.

Библиографический список

1. Васильева Н. М. Вопросительное предложение во французском и испанском языках (на французском языке) = la phrase interrogative dans les langues française et espagnole. Москва : ЛЕНАНД, 2020. 112 с.
2. Дроздова Ю. А. Употребление вопросительных конструкций в названиях экономических статей французской прессы // Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов. Материалы Международной научной онлайн-конференции / отв. редактор И. В. Скуратов. 2020. С. 119–124.
3. Лукина А. Е. Понятие «языковой вариативности» в отечественной и зарубежной лингвистической традиции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11. № 1. С. 7–11.
4. Соболева Т. Е. Прагматические особенности языковой системы и дискурса (применительно к вопросительным предложениям французского языка) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 6 (125). С. 116–122.
5. Сосунова Г. А. Вопросительное предложение как реализация коммуникативной интенции адресанта (на примере текстов франкоязычной прессы) / Г. А. Сосунова, Н. И. Болотина, Н. А. Авдеева // Язык и культура. 2019. № 47. С. 76–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprositelnoe-predlozhenie-kak-realizatsiya-kommunikativnoy-intentsii-adresanta-na-primere-tekstov-frankoyazychnoy-pressy> (дата обращения: 15.07.2023).
6. Чепурнова Т. А. Порядок слов в вопросительном предложении во французской разговорной речи // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве: Материалы II Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 04–05 октября 2018 года. Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2018. С. 210–213.
7. Adli A. What you like is not what you do: Acceptability and frequency in syntactic variation. // Adli, A., García García, M. & Kaufmann, G. (éds.). Variation in language: System- and Usage-based Approaches. Berlin–Boston : Walter De Gruyter, 2015. P. 173–200.
8. Anscombe J.-C., Ducrot O. Interrogation et argumentation // Langue française. № 52, 1981. P. 5–22.
9. Berrendonner A. Inversion du sujet clitique et interrogation. // M.-J. Béguelin, A. Coveney, A. Guryev (éds.). L'interrogative en français. Berne : Peter Lang, 2018. P. 79–94.
10. Coveney A. L'approche variationniste et la description de la grammaire du français: le cas des interrogatives // Langue française, 1997. № 115. P. 88–100.

11. Coveney A. L'interrogation directe // Encyclopédie grammaticale du français, en ligne: encyclogram.fr, 2020. URL: http://encyclogram.fr/notx/002/002_Notice.php (дата обращения 03.07.2023)
12. Divoux A. La question comme outil de construction de l'intercompréhension en réunion de travail. Thèse de doctorat. Université de Lorraine, 2020. URL: <https://hal.univ-lorraine.fr/tel-03153385/document> (дата обращения 03.07.2023)
13. Druetta R. Syntaxe de l'interrogation en français et clivage écrit-oral: une description impossible? // L'interrogative en français. Berne: Peter Lang, 2018. P. 19–50.
14. Foulet L. Comment ont évolué les formes de l'interrogation // Romania, 1921. T. 47. № 186–187. P. 243–348.
15. Fromaigeat E. Les formes de l'interrogation en français moderne: leur emploi, leurs significations et leur valeur stylistique // Vox romania, 1938. № 3. P. 1–47.
16. Gadet F. Niveaux de langue et variation intrinsèque // Palimpsestes [Online], 10, 1996. URL: <http://journals.openedition.org/palimpsestes/1504> (дата обращения 03.07.2023)
17. Guryev A. Critères de sélection des interrogatives en français: un éclairage par le biais du texte // I. Behr & F. Lefeuve (éds), Le Genre bref: des contraintes grammaticales, lexicales et énonciatives à son exploitation ludique et esthétique. Frankfurt & Timme, 2019. P. 109–130.
18. Guryev A. Du rôle des paramètres morphosyntaxiques dans la sélection des interrogatives. // L'interrogative en français. M.-J. Béguelin, A. Coveney & A. Guryev (éds). Berne: Peter Lang, 2018. P. 153–182.
19. Lailler C. Morphosyntaxe de l'interrogation en conversation spontanée: modélisation et évaluations. Linguistique. Thèse de doctorat, Laboratoire d'informatique de l'université du Maine, 2011. 332 p.
20. Larrivée P., Guryev A. Variantes formelles de l'interrogation. Présentation // Langue française, 2021. № 212. Armand Colin. P. 9–24. URL: <https://www.revues.armand-colin.com/lettres-langues/langue-francaise/langue-francaise-no212-42021/variantes-formelles-linterrogation-presentation> (дата обращения 03.07.2023)
21. Massot B. Le patron diglossique de variation grammaticale en français // Langue française, vol. 168, № 4, 2010. P. 87–106.
22. Merle J.-M. La question et l'interrogation en contexte: point de vue énonciatif. // Corela [En ligne], HS-29, 2019. URL: <http://journals.openedition.org/corela/8834> (дата обращения 03.07.2023)
23. Quillard V. La diversité des formes interrogatives – comment l'interpréter? // Langage et société. 2001. № 95. P. 57–72.
24. Reinhardt J. La transmission du manque d'information dans la télé réalité française // RJC2017 – 20èmes Rencontres des jeunes chercheurs en Sciences du Langage, Jun 2017, Paris, France. Actes des 20èmes Rencontres Jeunes Chercheurs en Sciences du Langage.
25. Rossi-Gensane N., et al. Les structures interrogatives directes partielles fondées sur où dans les dialogues de romans français du XXe siècle. // Journal of French Language Studies 31, 2021. P. 169–191.
26. Rowlett P. The Syntax of French. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 174 p.
27. Stark E., Binder L. L'inversion du sujet clitique en français oral: ultime apanage des interrogatives? // Langue française, 2021. № 212. Armand Colin. P. 25–40.
28. Zribi-Hertz A. Pour un modèle diglossique de description du français: quelques implications théoriques, didactiques et méthodologiques. // Journal of French Language Studies, 2011. 21 (2). P. 231–256.

Reference list

1. Vasil'eva N. M. Voprositel'noe predlozhenie vo francuzskom i ispanskom jazykah (na francuzskom jazyke) = The interrogative sentence in French and Spanish (in the French language) = la phrase interrogative dans les langues française et espagnole. Moskva: LENAND, 2020. 112 s.
2. Drozdova Ju. A. Upotreblenie voprositel'nyh konstrukcij v nazvanijah jekonomicheskijh statej francuzskoj pressy = Using interrogative constructions in economic articles titles in the French press // Romanskie jazyki: vzaimodejstvie literatury i kul'tury narodov. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj onlajn-konferencii / otv. redaktor I. V. Skuratov. 2020. S. 119–124.
3. Lukina A. E. Ponjatie «jazykovoj variativnosti» v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvisticheskoj tradicii = The concept of «linguistic variability» in the national and foreign linguistic tradition // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2014. T. 11. № 1. S. 7–11.
4. Soboleva T. E. Pragmatische osobennosti jazykovoj sistemy i diskursa (primeritel'no k voprositel'nym predlozhenijam francuzskogo jazyka) = Pragmatic specifics of linguistic system and discourse (in relation to interrogative sentences in French) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2012. № 6 (125). S. 116–122.
5. Sosunova G. A. Voprositel'noe predlozhenie kak realizacija kommunikativnoj intencii adresanta (na primere tekstov frankojazychnoj pressy) = Interrogative sentences as realizing the addresser's communicative intention (based on texts from the French press) / G. A. Sosunova, N. I. Bolotina, N. A. Avdeeva // Jazyk i kul'tura. 2019. № 47. S. 76–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprositelnoe-predlozhenie-kak-realizatsiya-kommunikativnoj-intentsii-adresanta-na-primere-tekstov-frankoyazychnoj-pressy> (дата обращения: 15.07.2023).
6. Chepurnova T. A. Porjadok slov v voprositel'nom predlozhenii vo francuzskoj razgovornoj rechi = Word order in interrogative sentences in French colloquial speech // Jazyk, kul'tura, mental'nost': Germanija i Francija v evropejskom jazykovom prostranstve: Materialy II Mezhdunarod-

noj nauchno-prakticheskoy konferencii, Nizhnij Novgorod, 04–05 oktjabrja 2018 goda. Nizhnij Novgorod : Nizhegorodskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet im. N. A. Dobroljubova, 2018. S. 210–213.

7. Adli A. What you like is not what you do: Acceptability and frequency in syntactic variation. // Adli, A., García García, M. & Kaufmann, G. (éds.). Variation in language: System- and Usage-based Approaches. Berlin–Boston : Walter De Gruyter, 2015. P. 173–200.

8. Anscombre J.-C., Ducrot O. Interrogation et argumentation // Langue française. № 52, 1981. P. 5–22.

9. Berrendonner A. Inversion du sujet clitique et interrogation. // M.-J. Béguelin, A. Coveney, A. Guryev (éds). L'interrogative en français. Berne : Peter Lang, 2018. P. 79–94.

10. Coveney A. L'approche variationniste et la description de la grammaire du français: le cas des interrogatives // Langue française, 1997. № 115. P. 88–100.

11. Coveney A. L'interrogation directe // Encyclopédie grammaticale du français, en ligne: encyclogram.fr, 2020. URL: http://encyclogram.fr/notx/002/002_Notice.php (data obrashhenija 03.07.2023)

12. Divoux A. La question comme outil de construction de l'intercompréhension en réunion de travail. Thèse de doctorat. Université de Lorraine, 2020. URL: <https://hal.univ-lorraine.fr/tel-03153385/document> (data obrashhenija 03.07.2023)

13. Druetta R. Syntaxe de l'interrogation en français et clivage écrit-oral: une description impossible? // L'interrogative en français. Berne : Peter Lang, 2018. P. 19–50.

14. Foulet L. Comment ont évolué les formes de l'interrogation // Romania, 1921. T. 47. № 186–187. P. 243–348.

15. Fromaigeat E. Les formes de l'interrogation en français moderne: leur emploi, leurs significations et leur valeur stylistique // Vox romania, 1938. № 3. P. 1–47.

16. Gadet F. Niveaux de langue et variation intrinsèque // Palimpsestes [Online], 10, 1996. URL: <http://journals.openedition.org/palimpsestes/1504> (data obrashhenija 03.07.2023)

17. Guryev A. Critères de sélection des interrogatives en français : un éclairage par le biais du texte // I. Behr & F. Lefevre (éds), Le Genre bref: des contraintes gram-

maticales, lexicales et énonciatives à son exploitation ludique et esthétique. Frank & Timme, 2019. P. 109–130.

18. Guryev A. Du rôle des paramètres morphosyntaxiques dans la sélection des interrogatives. // L'interrogative en français. M.-J. Béguelin, A. Coveney & A. Guryev (éds). Berne : Peter Lang, 2018. P. 153–182.

19. Lailler C. Morphosyntaxe de l'interrogation en conversation spontanée : modélisation et évaluations. Linguistique. Thèse de doctorat, Laboratoire d'informatique de l'université du Maine, 2011. 332 p.

20. Larrivé P., Guryev A. Variantes formelles de l'interrogation. Présentation // Langue française, 2021. N°212. Armand Colin. P. 9–24. URL: <https://www.revues.armand-colin.com/lettres-langues/langue-francaise/langue-francaise-no212-42021/variantes-formelles-linterrogation-presentation> (data obrashhenija 03.07.2023)

21. Massot B. Le patron diglossique de variation grammaticale en français // Langue française, vol. 168, № 4, 2010. P. 87–106.

22. Merle J.-M. La question et l'interrogation en contexte : point de vue énonciatif. // Corela [En ligne], HS-29, 2019. URL: <http://journals.openedition.org/corela/8834> (data obrashhenija 03.07.2023)

23. Quillard V. La diversité des formes interrogatives – comment l'interpréter? // Langage et société. 2001. № 95. P. 57–72.

24. Reinhardt J. La transmission du manque d'information dans la télérealité française // RJC2017 – 20èmes Rencontres des jeunes chercheurs en Sciences du Langage, Jun 2017, Paris, France. Actes des 20èmes Rencontres Jeunes Chercheurs en Sciences du Langage.

25. Rossi-Gensane N., et al. Les structures interrogatives directes partielles fondées sur où dans les dialogues de romans français du XXe siècle. // Journal of French Language Studies 31, 2021. P. 169–191.

26. Rowlett P. The Syntax of French. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 174 p.

27. Stark E., Binder L. L'inversion du sujet clitique en français oral: ultime apanage des interrogatives? // Langue française, 2021. №212. Armand Colin. P. 25–40.

28. Zribi-Hertz A. Pour un modèle diglossique de description du français : quelques implications théoriques, didactiques et méthodologiques. // Journal of French Language Studies, 2011. 21 (2). P. 231–256.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023; одобрена после рецензирования 03.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 14.08.2023; approved after reviewing 03.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 811.134.3

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_213

EDN: ENFPMP

Проблема перевода названий сортов винограда с португальского языка на русский

Зоя Борисовна Долгих

Кандидат филологических наук, доцент кафедры португальского языка переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет. 119992, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

z.dolgikh@linguanet.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9313-6166>

Аннотация. В статье рассмотрен ряд проблем, возникающих при работе с текстами винодельческой (энологической) тематики на разных языках (французский, итальянский). Автором сделан краткий обзор универсальных и специфичных для русского и португальского языка энологических номинаций. Основной фокус статьи состоит в переводческих рекомендациях по передаче названий португальских сортов винограда, ввиду отсутствия официально закрепленных эквивалентов в русском языке.

В теоретических исследованиях, посвященных данному вопросу в испанском, итальянском, французском и некоторых других языках, нет недостатка. Выведенный различными исследователями набор приемов в области перевода названий, терминов и имен собственных с языка на язык традиционно сводится к таким, как: транслитерация, транскрипция и калькирование. Однако в практическом отношении проблема оказывается гораздо сложнее и глубже и для уже хорошо исследованных в этом отношении языков, и, вне всяких сомнений, для рассматриваемого нами португальского языка, обладающего весьма своеобразным фонетическим строем.

Особую остроту проблема перевода имен собственных и названий на русский язык приобретает применительно к исследованию профессиональных дискурсов, таких как, к примеру, энологический, или винодельческий. Единой политики в отношении передачи звучания наименований португальских сортов винограда пока не существует. В интернете можно найти несколько вариантов русских соответствий на каждый португальский сорт.

Объединяющим элементом всех форм и типов энологического дискурса являются энологические термины, а лингвистическую основу составляют энологические тексты различной коммуникативно-функциональной направленности.

Ключевые слова: виноделие; энология; энологический; дискурс; термины; номинации; вариативность; сорт; транслитерация; транскрипция

Для цитирования: Долгих З. Б. Проблема перевода названий сортов винограда с португальского языка на русский // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 213–220. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_213. <https://elibrary.ru/ENFPMP>

Original article

Problems with translating the names of grape varieties from portuguese into russian

Zoya B. Dolgikh

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the portuguese language, faculty of translation, Moscow state linguistic university. 119992, Moscow, Ostozhenka st., 38

z.dolgikh@linguanet.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9313-6166>

Abstract. The article discusses a number of problems that arise when working with wine-related (oenological) texts in different languages (french, italian). The author outlines enological nominations both universal and specific for russian and portuguese. The main idea of the article is to provide recommendations for translating the names of portuguese grape varieties, due to the lack of officially accepted equivalents in russian. There is no shortage of theoretical studies on this issue in Spanish, Italian, French and some other languages. The set of techniques in the field of translating names, terms and proper names from language to language, as deduced by various researchers, is traditionally reduced to the following: transliteration, transcription and loan translation. In practical terms, however, the problem is much more complex and deeper both for languages already well-studied in this respect and, no doubt, for the portuguese language, which has a very peculiar phonetic structure.

The problem of translating proper names and designations into Russian becomes especially acute in the study of professional discourses, such as, for example, oenological or winemaking discourses. There is no uniform policy on transmitting the sound of the Portuguese names for grape varieties. One can find several variations of Russian equivalents for each Portuguese variety on the Internet. The unifying element of all forms and types of oenological discourse are oenological terms, and the linguistic basis is formed by oenological texts of different communicative and functional nature.

Key words: winemaking; oenology; oenological; discourse; terms; nominations; variability; variety; transliteration; transcription

For citation: Dolgikh Z. B. Problems with translating the names of grape varieties from Portuguese into Russian. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):213–220. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_213. <https://elibrary.ru/ENFPMP>

Введение

Сложность перевода имен собственных и названий с португальского на русский является актуальной проблемой современной португалистики. В теоретических исследованиях, посвященных данному вопросу в испанском, итальянском, французском и некоторых других языках, нет недостатка [Логачева, Клышинский, Галактионов, 2012]. Выведенный исследователями набор приемов в этой области традиционно сводится к таким, как: транслитерация, транскрипция и калькирование [Суперанская, 1978; Чугунов 2015]. Однако в практическом отношении проблема оказывается гораздо сложнее и глубже и для уже хорошо исследованных в этом отношении языков, и, вне всяких сомнений, для рассматриваемого нами португальского языка, обладающего весьма своеобразным фонетическим строем [Голубева, 1981; Мазняк, Николаева, 2013].

Особую остроту проблема перевода имен собственных и названий на русский язык приобретает в контексте исследования профессиональных дискурсов [Карасик, 2002; Лазуренко, 2006], таких как, к примеру, энологический, или винодельческий. Профессиональная коммуникация и, соответственно, профессиональные дискурсы объединяют специалистов той или иной области из разных языковых сообществ. Несоответствия в плане передачи с языка на язык тех или иных названий существенно затрудняют общение между людьми, маркирование, брендирование и, соответственно, продвижение товаров и услуг. В энологической сфере одним из проблемных аспектов является адаптация наименований сортов винограда. Несмотря на наличие некой вариативности, французские, итальянские и испанские сорта в большинстве случаев имеют закрепленные наименования в русском языке [Логинова, 2016]. Степень вариативности для пары языков португальский-русский гораздо более высокая.

Сложности, связанные с вариативностью наименований сортов винограда

Подавляющее большинство французских сортов вин, несмотря на объективно сложное для обывателя написание (*Cabernet Sauvignon*, *Cabernet Franc*, *Merlot*, *Pinot Noir*, *Chardonnay*, *Petit Verdot*, *Petit Verdot*, *Chablis*, *Grenache*), имеют закрепленные соответствия в русском языке: Каберне Совиньон, Каберне Фран, Мерло, Пино Нуар, Шардоне, Пти Вердо, Шабли, Гренаш и нек.др. Некоторые сорта французского винограда имеют даже двойные закрепленные названия, что зависит от фактора исторического происхождения сорта и места его возделывания и коммерческого и использования на настоящий момент времени. Вина Сира (*Syrah*) и Шираз (*Shiraz*) производятся, по сути, из одного и того же сорта винограда, но история различия в названиях уходит своими корнями к двум совершенно разным географическим территориям – французской долине реки Роны и Австралии. Это не единственный случай в винном мире и энологическом дискурсе. Например, Пино Гри (франц.: *Pinot Gris*) и Пино Гриджио (ит.: *Pinot Grigio*) – тоже разные названия одного и того же сорта. Несмотря на то, что сорт один, сами вина имеют принципиально разные качественные органолептические характеристики, что в энологическом дискурсе обозначается словосочетанием «винный стиль» [Виномания №52, 2006; Виномания №54, 2006].

Традиционный австралийский Шираз обычно бывает более полнотелым, спелым и концентрированным во вкусе, при этом вина зачастую относятся к полусухим и не кислотным. В то время как старосветские вина сорта Сира из Северной Роны будут сочетать в себе вкус и аромат насыщенных ягод с цветочными нотами или оттенками и обладать более сдержанным характером. Разница между винами на основе Сира или Шираз в самой большой степени обусловлена кли-

матом и региональными особенностями, что представляет определенную сложность для переводчиков с точки зрения нахождения необходимого соответствия в русском языке. Особенно непросто выбрать необходимое соответствие в том случае, если виноделы, работающие в прохладных регионах (и в Новом, и в Старом Свете), не называют свои вина согласно географической традиции, а принимают окончательное решение исходя из прагматической цели. Иными словами, винодел может забутилировать «Шираз», чтобы таким образом показать, что в этот раз сделал богатое, пышное, насыщенное, фруктовое вино в «австралийском стиле», а не в классическом «французском». Это может произойти несмотря на то, что Шираз (Shiraz) обычно производится в регионах с более теплым климатом (Южная Австралия), и именно это автоматически придает винам определенные вкусовые характеристики.

Получается, переводчику необходимо понимать, что, по сути, Шираз (с точки зрения именно наименования сорта) нельзя найти, разве что, в регионе «Северная Рона», да и вообще во Франции. Есть какие-то отдельные вина из Лангедока с наименованием Shiraz, но в целом во Франции и у европейских производителей можно встретить в основном сорт Сира, а не Шираз. Но Сира может встречаться и в Чили, и в ЮАР, Греции и даже в России, а вот в Австралии, разумеется, сорта Сира нет – только Шираз.

Проблема отсутствия закрепленных соответствий португальских сортов винограда в русском языке

Несмотря на описанные выше технические и / или географические особенности номинации тех или иных сортов винограда, можно утверждать, что французские, итальянские и, отчасти, испанские наименования имеют фиксированные русские соответствия [Абрамичева, Лашина, 2020; Лашина 2020].

Единой политики же в отношении перевода наименований португальских сортов винограда пока не существует. В интернете можно найти несколько вариантов русских соответствий на каждый португальский сорт, которых, по данным Института виноделия и виноградарства Португалии, немало: 166 сортов красного и 152 сорта белого винограда.

Когда говорят о переводе конкретного имени собственного или названия, обычно имеют в виду передачу звучания на уровне фонем: звуки исходного языка заменяются наиболее близкими к ним

по артикуляции и акустическим свойствам в принимающем языке (или же графемы исходного языка заменяются передающими сходные звуки графемами в принимающем языке). Так, чтобы передать на русский язык португальское название *Castelão*, нужно каждой фонеме в составе португальского слова подобрать наиболее близкую по артикуляции и звучанию фонему русского языка. Таким образом, *Castelão* на русский язык передается как «Каштелау», то есть каждой фонеме исходного слова найдено соответствие в фонемном составе русского слова; иными словами, здесь в качестве единицы перевода выступает фонема. Такой перевод, где соответствие между единицами устанавливается на уровне фонем, осуществляется с применением приема транскрипции. Однако это не является единственно возможным вариантом. Есть случаи, когда также применяется прием транслитерации и соответствие устанавливается на уровне графем, то есть передается не звуковой облик, а написание (графическая форма) исходного слова и португальское *Castelão* передается как «Кастелао».

Для некоторых названий, помимо транскрипции или транслитерации, применим метод калькирования, к примеру, всем известный вид вина *Vinho verde* можно в русском языке встретить как «зеленое вино».

Однако, на наш взгляд, решение о целесообразности того или иного переводческого варианта должно приниматься не столько на уровне фонем (графем), сколько на уровне всего текста, с учетом его прагматической составляющей (особенно если мы говорим о профессиональных дискурсах).

Соотнесение будущего варианта перевода с традицией и «лекалами» переводящей культуры, опора на культурно обусловленные ассоциативные связи, возможные (а иногда и вовсе нежелательные) интертекстуальные характеристики, учет фоносемантических ассоциаций могут помочь переводчику избежать досадных ошибок, неточностей и искажений.

К таким искажениям можно отнести, например, появление в русском языке понятия «зеленое вино», которое, на самом деле, ничего общего с зеленым цветом не имеет. Португальское *Vinho verde* (Винью верде) (ведущее свое название от одноименного винодельческого региона на северо-западе Португалии) по цвету может быть и красным, и розовым, и белым. Его название при переводе изначально должно было транслитерироваться, этого не произошло, в ре-

зультате чего в русском языке закрепилось название «зеленое вино», во многом дезинформирующее неподготовленного рецепиента и каждый раз вызывающее проблемы при переводе, так как требует дополнительных разъяснений со стороны переводчика [Долгих, 2022].

Проблема транскрибирования или транслитерации португальских названий, как мы уже подчеркивали, одна из самых насущных проблем в португалистике. В сфере энологии, с одной стороны, любой действующий переводчик с португальского языка ориентируется на существующие авторитетные справочники практической транскрипции [Гиляревский, Старостин, 1985; Ермолович, 2016; Ермолович, 2001], с другой, – португалисты то интуитивно, то осознанно стремятся идти по пути передачи фонетического звучания максимально близко к оригиналу, вразрез существующим правилам. Необходимо отметить, что такой подход максимально соответствует

запросам португальских производителей вин, которые порой не владеют иностранными языками (не говоря уже о русском) и просто не понимают названий своих же сортов вин, производимым по правилам другого языка. В результате этой тенденции в интернете, а также в печатных изданиях по португальскому виноделию в переводе на русский можно увидеть либо разные, либо сразу несколько названий одного и того же португальского сорта.

Приведем конкретные примеры из материалов презентаций, дегустаций, технической документации, рекламных текстов на португальском и русском языках в сфере виноделия и энологии.

Для упрощения восприятия представим португальские сорта винограда и варианты соответствий их названиям в энологическом дискурсе на русском языке в виде двух блоков (таблиц).

Блок 1

Самые известные португальские сорта красных вин и варианты их названий на русском языке

Название сорта на португальском языке	Часто встречающиеся варианты соответствий в русском языке	Вариант, наиболее соответствующий оригинальному звучанию на португальском	Относительно закреплённый в профессиональном русском энологическом дискурсе вариант
Touriga Nacional	турига националь / насьональ, тоурига националь/ насьональ, тоурига национал/ насьонал	тоурига национал	турига насьонал
Tinta Roriz	С ударением на первом слоге во втором слове: тинта рорис, тинта рориз, тинта рориш. С ударением на последнем слоге во втором слове: тинта рорис, тинта руриш, тинта рориш	тинта руриш (с ударением на последнем слоге)	тинта рориш (с ударением на последнем слоге)
Touriga Franca	турига франка, тоурига франка	тоурига франка	турига франка
Castelão	кастелан, каштелан, кастелао, каштелао, каштелу	каштелау	каштелао
Trincadeira	тринкадера	тринкадейра	тринкадейра
Aragonês	С ударением на третьем слоге: арагонес, арагонеш. С ударением на последнем слоге: арагонес, арагунес, арагунеш	арагунеш (с ударением на последнем слоге)	арагонеш (с ударением на последнем слоге)
Vinhão	виньяу, виньяо, виняу, виняо, виньян	виняу	виньяу
Tinta Cão	тинта кан, тинта кау, тинта као	тинта кау	танта као
Alfrocheiro	альфрочейро, альфрошейро, альфрошейру, алфрочшейро, алфрушейро, алфрушейру	алфрушейру	алфрошейро

Самые известные португальские сорта белых вин и варианты их названий на русском языке

Название сорта на португальском языке	Часто встречающиеся варианты соответствий в русском языке	Вариант, наиболее соответствующий оригинальному звучанию на португальском	Относительно закрепленный в профессиональном русском энологическом дискурсе вариант
Fernão Pires	С ударением на последнем слоге во втором слове: фернан пирес, фернао пиреш, фернау пиреш. С ударением на первом слоге во втором слове: фернао пириш, фернао пиреш, фернау пиреш.	фернау пиреш (с ударением на первом слоге во втором слове)	фернао пиреш (с ударением на первом слоге во втором слове)
Alvarinho	альвариньо, альваринью, альвариню, алваринью, алвариньо	алваринью (с ударением на предпоследнем слоге)	алваринью (с ударением на предпоследнем слоге)
Arinto	аринто, аринту	аринту	аринто
Encruzado	энкрузадо, энкрузадо, инкрузадо, энкрузаду	энкрузаду	энкрузадо
Antão Vaz	антан важ, антан ваз, антан вас, антао ваш, антау важ, антау ваш, антау вайш, антау вайс	антау ваш	антао ваш
Loureiro	лореро, лорейро, лорейру, лоурейро, лоурейру	лоурейру	лорейро
Verdelho	вирдельо, вердельо, вэрдельо, вэрдельу, верделью, вердэлю	вэрдэлю	верделью
Trajadura	тражадура, трэжэдура	трэжэдурэ	тражадура

Рекомендации по передаче звучания некоторых названий сортов винограда с португальского на русский

Очевидно, что названия португальских сортов очень сложны для передачи ввиду наличия в португальском языке дифтонгов, редуцированных и носовых гласных, диакритических знаков.

Сугубо графический способ передачи единиц приводит к тому, что в русском языке появляются названия, фонетически похожие на французские или испанские: со смягченными согласными звуками или с ударением на последнем слоге (как это видно из первой колонки представленной таблицы).

Мы рекомендуем все-таки придерживаться приема транскрипции, передачи звуков и подбора максимально адекватного звукового эквивалента в русском языке, потому что считаем, что названия автохтонных португальских сортов винограда должны произноситься в соответствии с правилами чтения и произнесения звуков именно португальского языка и ограничивать таким образом появление искаженных номинаций и не-

существующих названий на испанский или французский манер.

Таким образом, предлагаем:

1. Не допускать смягчения согласного звука *-l* (*-л*): (*Alvarinho* – Алвариньо, а не Альвариньо).

2. Португальские звуки *-s* и *-z* в конце слов передавать как *-ш* при переводе на русский, поэтому *Antão Vaz* и *Fernão Pires* переводить как: Антао Ваш и Фернао Пиреш. Несмотря на тот факт, что в бразильском варианте португальского языка указанные буквы в конце слов читаются как *-йс* и *-с*, настаиваем на континентальном варианте произнесения и, соответственно, передачи этих звуков. Мы исходим из того, что энологический дискурс исторически и экономически основывается прежде всего на европейской традиции наименований.

3. Буквосочетание *-ch* передавать исключительно звуком *-ш* (*Alfrocheiro* – Алфрочейро, а не Алфрочейро).

4. Согласный звук *-j* передавать как звук *-ж* (*Trajadura* – Тражадура).

5. При передаче португальских названий или частей названий, заканчивающихся на *-ão* и *-o* (*Arinto*, *Encruzado*, *Castelão*), несмотря на то, что

такие звуки произносятся в португальском как -ау и -у, рекомендуем отдавать предпочтение русскому эквиваленту с -о на конце, чтобы переведенное на русский язык название воспринималось, как слово в именительном, а не в дательном падеже (Аринто, Энкрузадо, Каштелао, а не Аринту, Энкрузаду, Каштелу). Исключениями будут являться уже закрепленные в исторических и географических справочниках названия, например: Порту, Тежу, Алентежу (*Porto, Tejo, Alentejo*).

6. Гласные -е и -а, несмотря на их редукцию в безударной позиции до звуков, схожих с русскими -ы и -э, предлагаем оставлять при написании сортов в виде исходных букв (-е и -а): *Fernão Pires* – Фернао Пиреш, а не Фырнау Пирыш. Нам кажется, что в этом случае, при условии сохранения графической формы написания этих гласных названия португальских сортов визуально проще воспринимаются и запоминаются потребителями вина и профессионалами, лучше идентифицируются на этикетках и контрэтикетках и, самое главное, легче воспроизводятся с русского на португальский. Однако, если -е стоит в начале названия, то предпочтительна передача звучания на русский язык через звук -э (*Encruzado* – Энкрузадо, а не Енкрузадо).

7. При переводе названий, оканчивающихся на -lho и -nho рекомендуем, вразрез правилам чтения на португальском, добавлять в русском варианте мягкий знак и букву -ю, во избежание попыток участников энологической коммуникации ставить ударение в таких словах на последний слог. Например: *Verdelho* письменно фиксировать как *Верделью*, а не *Верделю*; *Alvarinho* – как *Алваринью*, а не *Алвариню*.

8. Португальское буквосочетание -ou рекомендуем передавать звуком -оу (а не -о, как это зачастую встречается в энологическом дискурсе на данный момент). Например: *Loureiro* – Лорейро, а не Лореиро. Исключением будет являться уже закрепленное в исторических и географических справочниках название реки *Douro* (*Douro*).

Заключение

Структуре речевого поведения людей в обществе и в профессиональной коммуникации присущи специфические черты, обусловленные социальной природой языка. Как, например, типы варьирования средств языка, зависящие от различных характеристик говорящих и от языковых условий, которые могут обуславливаться как со-

циальными, профессиональными, так и внутриязыковыми причинами. Распределение и закрепление языковых ресурсов происходит в зависимости от областей, и условий коммуникации, а также профессиональных целей и задач говорящих и реципиентов.

Анализируя энологический дискурс как дискурс профессиональный, мы соглашаемся с мнением В.М. Лейчика о том, что единицей плана содержания термина является научное или техническое понятие, тогда как звуки (буквы) не могут быть единицами его плана выражения, наименьшей же единицей плана выражения является «терминоэлемент» [Лейчик, 1981].

Для того, чтобы адекватно воспринимать и, тем более, передавать на другой язык имена собственные, термины и названия, относимые к профессиональной сфере, считаем необходимым активное участие переводчиков в формировании, пополнении и корректировке профессиональных дискурсов на иностранных языках. Это достижимо путем формирования свода правил и / или рекомендаций, предназначенных для понимания и фиксации уже существующих способов перевода единиц, а также для создания новых или же, наоборот, для недопущения появления искаженных или дублирующих номинаций.

Библиографический список

1. Абрамичева Е. Н., Лашина Д. А. Официально-деловой дискурс как объект перевода (на материале энологических текстов) // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. № 09 (65). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/ofitsialno-delovoj-diskurs-kak-obekt-perevoda-na-materiale-enologicheskikh-tekstov.html> (дата обращения: 28.12.2022)
2. Виномания. Москва, 2006. № 52. 136 с.
3. Виномания. Москва, 2006. № 54. 145 с.
4. Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте : справочник. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Высшая школа, 1985. 303 с.
5. Голубева Е. Г. Фонетика португальского языка. Москва : Высшая школа, 1981. 118 с.
6. Долгих З. Б. О некоторых лексических особенностях португальского энологического дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 162–168.
7. Ермолович Д. И. Правила практической транскрипции имен и названий с 29 языков на русский и с русского на английский. Москва : Аудитория, 2016. 125 с.
8. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. Москва : Р. Валент, 2001. 200 с.

9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
10. Лазуренко Е. Ю. Профессиональное коммуникативное поведение: экспериментальное исследование. Воронеж, 2006. 18 с.
11. Лашина Д. А. Энологический дискурс как объект перевода // Проблемы языка и перевода в трудах молодых ученых: Сборник научных трудов. Выпуск 19. Нижний Новгород : НГЛУ, 2020. С. 106–114.
12. Лейчик В. М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С.63–73.
13. Логачева В. К., Клышинский Э. С., Галактионов В. А. Современные методы практической транскрипции. Москва : Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН, 2012.
14. Логинова П. Г. Лингвокультурный концепт «вино» и его отражение в языках романской группы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 2. С. 31–45.
15. Мазняк М. М., Николаева Е. С. Вводный фонетический курс португальского языка с грамматическими комментариями. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. 212 с.
16. Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. Москва : Наука, 1978. 284 с.
17. Чугунов А. А. Обоснованность использования приёма транскрипции/ транслитерации при переводе банковской терминологии // Вестник МГЛУ. Выпуск 12 (723). 2015.
18. Межгосударственный стандарт. Продукция винодельческая. Упаковка, маркировка, транспортирование и хранение. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200104852> (дата обращения: 29.12.2022)
19. Instituto da vinha e do vinho. <https://www.ivv.gov.pt/np4/home.html> (дата обращения: 20.01.2023)
20. Vinho verde. URL: <https://www.vinhoverde.pt/pt/historia-da-marca> (дата обращения: 22.10.2023)
21. What's the difference between Syrah and Shiraz? URL: <https://www.decanter.com/learn/syrah-shiraz-difference-51740/> (дата обращения: 20.09.2023)
3. Vinomanija = Winemania. Moskva, 2006. № 54. 145 s.
4. Giljarevskij R. S., Starostin B. A. Inostrannye imena i nazvanija v russkom tekste = Foreign names and titles in Russian text : spravochnik. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva : Vysshaja shkola, 1985. 303 s.
5. Golubeva E. G. Fonetika portugal'skogo jazyka = Phonetics of the Portuguese language. Moskva : Vysshaja shkola, 1981. 118 s.
6. Dolgih Z. B. O nekotoryh leksicheskikh osobennostjah portugal'skogo jenologicheskogo diskursa = On some lexical features of Portuguese oenological discourse // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 1 (28). S. 162–168.
7. Ermolovich D. I. Pravila prakticheskoj transkripcii imen i nazvanij s 29 jazykov na russkij i s russkogo na anglijskij = Rules of practical transcription of names and titles from 29 languages into Russian and from Russian into English. Moskva : Auditorija, 2016. 125 s.
8. Ermolovich D. I. Imena sobstvennye na styke jazykov i kul'tur = Proper names at the intersection of languages and cultures. Moskva : R. Valent, 2001. 200 s.
9. Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. = Linguistic circle: personality, concepts, discourse. Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.
10. Lazurenko E. Ju. Professional'noe kommunikativnoe povedenie: jeksperimental'noe issledovanie = Professional communicative behavior: an experimental study. Voronezh, 2006. 18 s.
11. Lashina D. A. Jenologicheskij diskurs kak ob#ekt perevoda = Oenological discourse as an object of translation // Problemy jazyka i perevoda v trudah molodyh uchenyh: Sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 19. Nizhnij Novgorod : NGLU, 2020. S. 106–114.
12. Lejchik V. M. Optimal'naja dlina i optimal'naja struktura termina = Optimum length and optimum term structure // Voprosy jazykoznanija. 1981. № 2. S.63–73.
13. Logacheva V. K., Klyshinskij Je. S., Galaktionov V. A. Sovremennye metody prakticheskoj transkripcii = Modern methods of practical transcription. Moskva : Institut prikladnoj matematiki im. M. V. Keldysya RAN, 2012.
14. Loginova P. G. Lingvokul'turnyj koncept «vino» i ego otrazhenie v jazykah romanskoj gruppy = Linguocultural concept «wine» and its expression in the languages of the Romance group // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2016. № 2. S. 31–45.
15. Maznjak M. M., Nikolaeva E. S. Vvodnyj foneticheskij kurs portugal'skogo jazyka s grammaticheskimi kommentarijami = Introductory phonetic course of Portuguese with grammar comments. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2013. 212 s.
16. Superanskaja A. V. Teoreticheskie osnovy prakticheskoj transkripcii = Theoretical basis of practical transcription. Moskva : Nauka, 1978. 284 s.
17. Chugunov A. A. Obosnovannost' ispol'zovanija prijoma transkripcii/ transliteracii pri perevode

Reference list

1. Abramicheva E. N., Lashina D. A. Oficial'no-delovoj diskurs kak ob#ekt perevoda (na materiale jenologicheskikh tekstov) = Official business discourse as an object of translation (based on oenological texts) // Filologicheskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. 2020. № 09 (65). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/ofitsialno-delovoj-diskurs-kak-obekt-perevoda-na-materiale-enologicheskikh-tekstov.html> (data obrashhenija: 28.12.2022)
2. Vinomanija = Winemania. Moskva, 2006. № 52. 136 s.

bankovskoj terminologii = The validity of using the transcription/transliteration technique when translating banking terminology // Vestnik MGLU. Vypusk 12 (723). 2015.

18. Mezhgosudarstvennyj standart. Produkcija vinodel'cheskaja. Upakovka, markirovka, transportirovanie i hranenie = Interstate standard. Winemaking products. Packing, marking, transportation and storage. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200104852> (data obrashhenija: 29.12.2022)

19. Instituto da vinha e do vinho. <https://www.ivv.gov.pt/np4/home.html> (data obrashhenija: 20.01.2023)

20. Vinho verde. URL: <https://www.vinhoverde.pt/pt/historia-da-marca> (data obrashhenija: 22.10.2023)

21. What's the difference between Syrah and Shiraz? URL: <https://www.decanter.com/learn/syrah-shiraz-difference-51740/> (data obrashhenija: 20.09.2023)

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 21.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_221

EDN: EWBWNG

Истоки становления и основания для развития информационно-семиотической теории культуры

Ольга Николаевна Астафьева^{1✉}, Хажисмелъ Гисович Тхагапсоев²

¹Доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО, директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119606, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84

²Доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173

¹onastafieva@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-8727-6322>

²gapsara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5778-5265>

Аннотация. Статья представляет собой первую часть исследования, посвященного особенностям становления и развития информационно-семиотической теории культуры в отечественной культурологии. Основываясь на результатах анализа работ ученых, представляющих разные области научного знания – естественно-научного и гуманитарного, авторы статьи раскрывают процесс «прорастания» идей информации и ее понимания в трудах Ю. М. Лотмана, М. С. Кагана, В. С. Степина, А. Моля и др., благодаря которым к настоящему времени формируется отдельное методологическое направление в культурологической мысли и науке о культуре. Речь идет об осознании информации и ее признании в качестве одной из ключевых сущностей бытия человека и социального бытия в социально-гуманитарных науках, о становлении в XX–XXI в. методологии информационного подхода в гуманитарном познании. Особое внимание уделяется анализу трактовки культуры Ю. М. Лотманом как «вторичной моделирующей системы». В отличие от первичной системы – языка, выступающим полем и механизмом коммуникации, культура понимается как особый род действия культуры, в котором заключена задача борьбы с энтропией, хранение информации, память культуры. По мысли Лотмана, искусство является важнейшей частью культуры, наделяющей объекты значением и создающей информацию. Авторами указывается, что идея культуры как социальной информации во множестве культурных текстов, создаваемых на основе разнообразных знаков и знаковых систем, ведет к информационной теории культуры. Подчеркивается, что в итоге формируемая информационно-семиотическая теория синтезирует существующие концептуальные взгляды на культуру в рамках культурологической науки. Авторы предлагают включиться в методологическую дискуссию и планируют во второй части статьи, которая также будет опубликована в нашем журнале, продолжить изложение сути рассматриваемой теории и перспективы развития культурологии в ключе современных идей и взглядов наук о человеке, методологических принципов постнеклассической парадигмы научного познания.

Ключевые слова: культура; информация; модусы бытия человека; культурная форма; динамика культуры; фрейм; эмерджентность; типологизация культуры

Для цитирования: Астафьева О. Н., Тхагапсоев Х. Г. Истоки становления и основания для развития информационно-семиотической теории культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 221–230. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_221. <https://elibrary.ru/EWBWNG>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Original article

Origins of formation and reasons for developing the information-semiotic theory of culture

Olga N. Astafieva^{1✉}, Khajismel G. Tkhagapsoev²

¹Doctor of philosophical science, professor of the UNESCO department, director of the scientific educational center Civil society and social communications, Russian Presidential academy of national economy and public administration. 119606, Moscow, Vernadsky ave., 84

²Doctor of philosophical science, professor, Kabardino-Balkarian state university named after Kh. M. Berbekov. 360004, Nalchik, Chernyshevsky st., 173

¹onastafieva@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-8727-6322>

²gapsara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5778-5265>

Abstract. The article is the first part of the research devoted to the specifics of forming and developing the information-semiotic culture theory in Russian cultural studies. Analyzing scientific works in different fields of knowledge – natural sciences and humanities – the authors of the article describe the «germination» of the ideas of understanding information in the works by Yu. M. Lotman, M. S. Kagan, V. S. Stepin, A. Mohl and others, which have led to the formation of a special methodological direction in cultural studies and the science of culture. The point is that information is realized and recognized as one of the key essences of human existence and social existence in social and humanitarian sciences, and that the methodology of the information approach in humanitarian cognition is being formed in the XX–XXI centuries. Special attention is paid to the analysis of Yu. M. Lotman's interpretation of culture as a «secondary modeling system». In contrast to the primary system – language, acting as a field and mechanism of communication, culture is understood as a special kind of cultural action, which includes the task of fighting entropy, storing information and memory of culture. According to Lotman, art is the most important part of culture, giving objects their meaning and creating information. The authors point out that the idea of culture as social information in a multitude of cultural texts created on the basis of various signs and sign systems leads to the information theory of culture. It is emphasized that, as a result, the information-semiotic theory that is being formed synthesizes the existing conceptual views on culture within the framework of cultural science. In the second part of the article, which will also be published in this journal, the authors suggest joining the methodological discussion and they plan to continue elaborating on the essence of the theory in question and on the prospects of developing cultural studies in the context of modern ideas and views of the human sciences and methodological principles of the post-nonclassical paradigm in scientific cognition.

Key words: culture; information; modes of human existence; cultural form; dynamics of culture; frame; emergence; typology of culture

For citation: Astafieva O. N., Tkhagapsoev Kh. G. Origins of formation and reasons for developing the information-semiotic theory of culture. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):221–230. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_221. <https://elibrary.ru/EWBWNG>

Введение

Предлагая описать и обсудить наши наблюдения над развитием отечественной культурологии через призму поисков ее методологических оснований, мы продолжаем продвигаться к построению информационно-семиотической теории, которая, на наш взгляд, может стать фундаментом для исследований современных культурных процессов. Признавая, что с момента институционализации культурологической науки прошло по меркам истории не так много времени, мы одновременно понимаем, что уже сложился масштабный и разноплановый массив предметно-специализированных и интегративных знаний о

культуре, широкий спектр подходов к ее познанию. Один из таких подходов – это информационно-семиотическая теория культуры, которая пока еще медленно осваивается культурологами и этому препятствует, прежде всего, существующие расхождения в понимании информационного подхода в гуманитарном познании.

В трактовках сущности информации, ее роли и значимости в процессах бытия и познания в точных науках и науках социально-гуманитарного плана сложились концептуально различные подходы. Соответственно, это образует когнитивные разрывы и приводит, на наш взгляд, к трансляции разных, порой упрощенных

объяснительных схем в контексте расширенного понимания информации в гуманитарном знании. Не претендуя на истину в последней инстанции и, тем более, не преследуя цели отказывать другим ученым в праве поиска истины на понимание информации, позволим себе высказать собственное понимание на сложившуюся ситуацию.

Одна из точек зрения на информацию заключается в ее соотношении с социальным бытием, где сведения или сообщения (что подчас трактуется как информация) ставят ее в ряд самых обыденных элементов и предметов повседневности. При этом информация не включается в ряд базовых категорий познания социального бытия, подобно социальным связям-отношениям, социальным процессам и т. д., то есть не соотносится с ними.

Другая методологическая позиция, сложившаяся в лоне точных наук, раскрывает сущность информации в связи с базовыми характеристиками бытия природы (структурность, процессность, сложность, развитие) и, кратко резюмируя, измеряя ее количество на основе строгой физической меры – энтропии. Таким образом, информация в естественных науках ставится в ряд базовых категорий познания объективного мира и его закономерностей, чего в концептуально развернутом изложении пока нет в социально-гуманитарных науках.

Данная ситуация не в последнюю очередь порождена самой историей осознания информации и процессом ее признания в качестве одной из ключевых сущностей бытия человека и социального бытия в социально-гуманитарных науках, становлением методологии информационного подхода в гуманитарном познании.

К перипетиям осознания наукой онтологической сущности информации

В истории науки не раз случалось так: когда еще не открытая, не осознанная (не эксплицированная в науку) сущность настойчиво заявляла о себе в разных ситуациях и в косвенных формах, вызывая к жизни различные ошибочные гипотезы о природе этой сущности, которые порой держались чуть ли ни веками. Самые громкие примеры – флогистон, мировой эфир, электричество... Напомним, пока не появилась физика Эйнштейна действие гравитационных сил на большие расстояния связывалось с тем что, будто мировое пространство заполнено невидимой абсолютно упругой средой – «эфиром», что обеспечивает действие сил на любые расстояния

с любой скоростью. А электричество, признаки которого были известны еще в Античной Греции и реально стали получать в лабораториях (пусть и понемногу) с XVII в., вплоть до XX века трактовалось как «нематериальная жидкость», якобы текущая по проводам (наподобие воды по трубам). Нечто подобное имело место и в истории осознания информации, ее сущности. Речь идет об идее «опредмечивания-распредмечивания», ставшей первой, разумеется, косвенной формой отражения информации в социально-гуманитарной науке и, что еще важнее, ее особой роли в бытии человека.

Дефиниции «опредмечивание» и «распредмечивание», введенные Гегелем в свою философию, приобрели категориальный статус в марксизме в контексте трактовки сущности человека, которая, как известно, виделась марксистами в деятельности. Она и считалась основой и источником всех механизмов существования человека. В итоге сложилось понимание «опредмечивания» как воплощение идей, целей, принципов, знаний человека в орудия труда, в предметы культуры и потребления, а «распредмечивания» – как процесса освоения человеком окружающего предметного мира, то есть его превращения в формы духовных сил человека – в знания, опыт, принципы, идеи, технологии, теории, компетенции. И самое главное здесь в том, что за деятельностью как цепи «опредмечиваний-распредмечиваний», помимо того, что она производит нечто (орудия, предметы потребления), виделась роль особой значимости: замещать отсутствующий у человека генетический механизм прямой передачи от вида к индивиду (как у животных) программ существования, адаптации и развития. Считалось также, что эти программы бытуют в «отторгнутом от человека» и по сему не исчезающем с его смертью виде, то есть на основе идей, принципов, знаний, навыков, опыта, добываемых в актах и процессах «опредмечивания-распредмечивания» и закрепляемых (зафиксированных) в орудиях труда, артефактах, знаках и символах. Сегодня, в логике и взглядах науки все это понимается и трактуется совсем иначе – как информационный процесс, который сопутствует деятельности (да и любой иной форме активности человека – коммуникации, интеракции, рефлексии, саморефлексии) и строится как перевод смыслов и знаний в знаки, символы, артефакты, что именуется «кодирование информации». Оно, в свою очередь, сопряжено с декодированием – «высвобождением» смыслов, знаний

и опыта из «оков» и «плена» знаков, символов и артефактов для их задействования в акты коммуникации, деятельности, прочие формы активности. Но главное в данном случае в том, что идея «опредмечивания-распредмечивания» стала первым историческим свидетельством связи информации с деятельностью, ее актами. Однако даже в 90-е годы XX в. (когда мировая научная мысль вовсю занималась проблематикой становящегося информационного общества) в строительстве отечественной культурологии так и продолжали опираться на косвенные свидетельства связи деятельности и информационных процессов, то есть на ту же идею «опредмечивания-распредмечивания». Дело в том, что на этих трактовках оставался М. Каган, как и Э. Маркарян, влияние которых на этом этапе на развитие российской культурологии общепризнанно.

С тех пор прошло почти полвека, но для культурологов так и сохранились базовые положения понимания отражения информации, ее отношений к деятельности, культуре, к бытию человека. Без внимания остаются идущие на протяжении ряда десятилетий призывы к обсуждению дискуссионных тезисов об информационной культуре, как полученного извне содержания, которое не является ни материей, ни энергией [Егоров, 2003, с. 45–46]. Без особого переосмысления, опираясь на семиотические концепции и теории культуры Э. Кассирера, Ю. М. Лотмана, в культурологии продолжают развиваться традиции трактовки культуры как системы знаков – символов, понимания культуры как текста и гипертекста, опуская факт того, что текст и есть самая типичная форма информации.

С одной стороны, принимая семиотическую концепцию, культурологи подтверждают значимость информации как таковой, ведь знаки и символы, их совокупности и системы составляют основу информации, являются ее носителями, и сама информация бытует только в сопряжении и неразрывной связи с этими носителями (знаками, символами).

С другой стороны, введение понятия информация в предлагаемой нами трактовке влечет за собой пересмотр (уточнение, расширение) методологического инструментария культурологии, что является показателем развития гуманитарной науки. К примеру, актуализирует вопрос относительно объяснительной модели лингвистической культурологии, ведь идеи и концепции лингвистики (например – математическая лингвистика) давно стали частью общей теории информации.

А сами языки, естественные и искусственные, в науке считаются информационными системами. В этом же ряду и отнесение фольклорных жанров (мифов, сказок, былин, пословиц, поговорок) к «формам культуры», а то время как в теории информации они именуются формами «условно-социальной информации» [Чернавский, 2001]. Если учитывать хотя бы перечисленное, получается, что очевидность информационной сущности культуры остается без признания и артикуляции в культурологии. Однако нельзя не отметить, к примеру, представленные в монографии «Теория культуры: разнообразие подходов и возможности из интерпретации» проектные поиски оснований культурологии в виде ряда концепций и подходов к исследованию феномена культуры (смыслонетическая и синергетическая концепции, диспозиционно-коммуникативный и дискурсивные подходы), где, если и не постулируется информационная природа культуры, то и не находится в явном противоречии с предлагаемой нами концепции [Теория культуры..., 2012].

И тем не менее, в отличие от методологии познания гуманитарных наук, в естественных науках, где активно идут поиски онтологической сущности информации, в разные периоды предлагались методы ее количественного измерения и прикладного применения. В этом особую роль сыграли широко известные ученые Л. Больцман, Дж. Гиббс, Дж. Фон Нейман, Л. Силард, К. Шеннон. В итоге к 60-м годам XX в. сложилась кибернетика («дитя-вундеркинд» теории информации), фактически, перевернув представления об управлении системами и процессами инженерии (техники), а также стратегий социального развития. Но самое главное в данном случае в том, что именно кибернетика стала толчком к осознанию в гуманитарной среде (и науке) фундаментальности информации и ее соотносительности не только с физикой, химией, инженерией и их объектами и процессами, но и с науками о человеке, с культурой и ее процессами. Именно в 60-е годы XX в. появляются работы философа, эстетика, культуролога, психолога А. Моля, в которых феномены культуры трактуются с позиции теории информации [Моль, 1966].

На всере путей к открытию информационной природы культуры

Примечательно, что книга А. Моля начинается с раздела «Общий очерк физических основ теории информации», тем самым в своих поис-

ках сути отношения информации и культуры автор отталкивается от естественно-научной теории информации. И предлагает, как итог своих размышлений, определение культуры, как интеллектуальной стороны искусственной среды, которую человек создает в процессе общественной жизни [Моль, 2005, с. 363]. При этом, подчеркивая, что «культура – материал мышления, а мышление – активный процесс» [Моль, 2005, с. 363] и, ссылаясь на Маргарет Мид, дополняет свое определение: «в совокупности все то, что он не может забыть» [Моль, 2005, с. 363]. Основное наблюдение: А. Моль не ограничивается постулированием сущностного характера связи культуры и информации, но пытается конструировать дефиниции, которым отводится роль объективных «измерителей» культуры – «атом культуры», «культурема», «вероятности ассоциаций», которым, как он полагает, надлежит стать основами строгой информационной теории культуры. Некоторые из этих идей («атом культуры», например) в последующем будут подхвачены нашими культурологами – М. Каганом, А. Карминым, А. Флиером. Как показало время, ход от физической теории информации вовсе не единственный путь к «узрению» информационной природы культуры. Тем более, что в этой связи возникает вопрос языка описания и его метафоричности.

Отечественная гуманитарная мысль пошла к обоснованию информационной природы культуры иначе, оттолкнувшись от взглядов, идей, концепций филологии и лингвистики, где язык, как первичная моделирующая система, по своей внутренней природе позволяет отнести его и форме мысли, даже более, чем физические факты речи, считал в свою очередь Э. Сепир [Сепир, 2001, с. 41].

Особая роль в развитии познания информационной сущности культуры принадлежит Ю. М. Лотману, который трактовал ее как «вторичную моделирующую систему». Но язык, прежде всего – это поле и механизм коммуникации, которую Лотман трактует весьма своеобразно – как «действие», род действия. Действие он видит и числит и за культурой. При этом основное «действие культуры», как он полагает – борьба с энтропией, хранение информации, память культуры. А вот задача искусства, которое на его взгляд является важнейшей частью культуры, заключается в «наделении объектов значением» и создании информации. Подобно А. Моль, который утверждал, что «нельзя заменить кинофильм его описанием, точно так же как

симфонию нельзя заменить партитурой» [Моль, 2005, с. 345]. В этих суждениях явно проступает видение культуры как информационного процесса. Ко всему этому, по Лотману, культура есть еще и «коллективный интеллект общества, который хранит социальную информацию во множестве культурных текстов», создаваемых на основе разнообразных знаков и знаковых систем. Эти идеи ведут к информационной теории культуры, но, как видим, без апелляции к естественным наукам, без опоры на «основы физической теории информации» (как А. Моль). Однако из работ Лотмана видно, что он весьма осведомлен и о взглядах точных наук на информацию, видя в культуре один из совершенных механизмов по превращению энтропии в информацию. Конечно, можно предположить, что в подобных утверждениях Лотмана присутствует метафоричность, но оснований отказывать Лотману в точности характеристики недостаточно, поскольку культура, будучи инструментом поддержания порядка и устойчивости в социальном бытии, действительно, в определенном смысле – нега-энтропийный механизм, то есть снижающий энтропию социума [Лотман, 2010].

Впрочем, талант Ю. Лотмана блистательно апеллировать метафорически к идеям точных наук заявил о себе не только в данном случае. Пример тому, его известная книга «Культура и взрыв», посвященная анализу сложных процессов развития культуры через призму идей синергетики (метастабильности, эмерджентности, бифуркации, сопутствующих развитию), используя при этом метафору «взрыв» [Лотман, 2018], место самоорганизации в объяснении динамики культуры [Астафьева, 2023]. Уместным будем обращение и к другим текстам Ю. Лотмана, где его размышления относительно культуры и информации актуализируют обсуждаемую тему. «Культура — не склад информации», – заявляет Ю. М. Лотман, поясняя далее: «Это чрезвычайно сложно организованный механизм, который хранит информацию, постоянно вырабатывая для этого наиболее выгодные и компактные способы, получает новую, зашифровывает и дешифровывает сообщения, переводит их из одной системы знаков в другую» [Лотман, 2010, с. 395]. Однако такое определение сущности культуры как информации, по мнению Лотмана, «влечет за собой постановку вопроса об отношении культуры к основным категориям ее передачи и хранения, и прежде всего, об отношении к понятиям языка,

текста и всего круга проблем, с этими понятиями связанного» [Лотман, 2010, с. 396].

Продолжим главную линию нашего дискурса.

Свой подход к выявлению сути отношений информации и культуры строил и В. С. Степин (в то время, что и Ю. Лотман) – от философии, ее объемлющих представлений о человеке, социуме, культуре и их отношениях. Он трактует культуру как систему «над-биологических программ жизнедеятельности человека (коммуникации, интеракции, деятельности), по воспроизводству и обеспечению развития социального бытия» во всех его формах, аспектах [Степин, 2001, с. 341–347]. Как видим, В. С. Степин понимает культуру именно как систему программ, то есть информационную систему, обслуживающую все процессы бытия и формы жизнедеятельности человека, их воспроизводство и развитие.

Между тем, другой философ, А. Д. Урсул, известный своими работами по философии информации, трактует культуру существенно иначе – как продукт и феномен эволюции природной информации, утверждая при этом, что смысловой объем категории «информация» больше, чем у понятия «культура». Более того, информация, на его взгляд, первична в генетическом и онтологическом планах, а культура вторична, поскольку являет собой плод эволюции информации [Урсул]. Говоря о том, что информация в ходе развития может породить еще и нечто куда посложнее, чем культура, А. Д. Урсул в большей степени говорил о внимании к рискам и последствиям расширения «мира информации». В этой статье мы ограничимся только одним, но существенным замечанием: трактовка культуры как продукта эволюции природной информации лишает ее самого главного – быть миром смыслов, заодно лишая и человека основы его уникальности, а именно – субъектности в культуре. Эти дискуссионные положения развиваются в монографии К. Колина и А. Урсула «Информация и культура» [Колин, Урсул, 2015], в которой, на наш взгляд, развиваются представления об информационной природе и информационной сущности культуры, что заслуживает специального внимания.

Уместно напомнить и о опубликованных до этого текстов А. С. Кармина культура уже подавалась как «тип информационного процесса, которого не знает природа» [Кармин, 2001]. Но эта идея, не получила должного наполнения и развития: А. С. Кармин предпочел выстроить свою теорию культуры на основе взглядов близких к

теории М. С. Кагана. Им воспроизводилась также и известная идея М. Кагана относительно системности культуры: многообразие ее форм может быть описано как некое множество «культурных форм», являющих собой комбинации (сочетания) неких базовых элементов («атомов» культуры), каковыми Каган видел знания, ценности и проекты, а Кармин – «знания», «ценности» и «регулятивы». Это объяснимо их профессиональной и человеческой дружбой, дискуссиями и одновременно признанием авторитета и влияния идей Кагана – личности энциклопедического ума, тонкого знатока едва ли ни всех сфер культуры, ее истории, а также глубокого философа (оставаясь при этом на марксистских взглядах на деятельность, ее роль в бытии человека) на становление отечественной культурологической школы.

Применительно к предмету нашего обсуждения, философия культуры М. С. Кагана базировалась прежде всего на двух креативных идеях. Первая – культура являет собой особую, самостоятельную форму бытия («четвертое бытие», как он считал) наряду с тремя давно известными – природа, общество, человек. А бытие – это предельно масштабная целостность, подчиняющаяся только своим законам, т.е. оно никак не может быть сведено к сумме неких рукотворных элементов, скажем, артефактов, как трактуют культуру с позиции деятельности теории. Вторая идея М. С. Кагана – единство и неразрывность материального и духовного в культуре, невозможность их раздельного существования [Каган, 1996]. Эта идея (ее в теории информации именуют принципом неразрывности информации и ее носителя), по существу, ведет к информационному пониманию культуры, ее сущности.

Если учитывать хотя бы приведенный краткий очерк процессов осознания информации как одного из онтологических сущностей бытия в целом, социального бытия, в частности, и наконец – глубинного основания культуры, трудно не заметить, что информационно-семиотическое понимание культуры зрело (и вызрело) в недрах культурологии, в процессах ее исторического развития. Однако следует подчеркнуть, что эта теория не сводит культуру к информации, не отождествляет их, а утверждает нечто принципиально иное. А именно – культура являет собой сложнейшую систему смыслов, ценностей, форм, механизмов и стратегий бытия человека в их знаково-символическом, то есть информационном выражении, составляя глубинную основу и

результат мозговых процессов и всех форм разумной активности человека.

Самые первые, «робкие силуэты» информационного понимания культуры можно усматривать в идеях Р. Барта – мыслить и видеть культуру как текст, сложный текст [Барт, 2000]. Ведь текст и сеть самая типичная и самая массовая форма информации вокруг нас. Роль информации в бытии культуры находит новое видение у А. Моля и обретает глубину в трудах Ю. Лотмана, а следом – точную артикуляцию на языке и в логике современной науки в текстах В. Степина и А. Кармина. И все это находит системное отражение в монографии [Тхагапсоев, Астафьева, 2020], в которой культура предстает как форма бытия человека. Подчеркнем еще раз: информационное понимание культуры сложилось в ходе развития культурологической мысли, как его аспект и некий результирующий итог. Более того, информационно-семиотическая теория культуры являет собой результат развития культурологической мысли и в том плане(смысле), что она фактически обобщает и синтезирует исторически сложившиеся (и бытующие сегодня) концепции культуры. Как это понимать?

Начнем с деятельностной концепции или «системно-деятельностной», как ее еще именуют, хотя это сути не меняет – системный подход являет собой общенаучный принцип познания и соотносим не только с культурой. Будучи способом бытия человека, деятельность, разумеется, связана с культурой, которая, в свою очередь, является формой бытия человека. Но связана не в том поверхностном смысле, что мол «культура есть продукт и результат деятельности человека». Ведь у деятельности человека множество таких результатов, которые просто не относимы к культуре. Например, несчетные миллиарды тонн мусора, вскрышных пород и отвалов угольных шахт и от добычи разных минералов, энергоносителей, руд. К этому следует добавить и газовые выбросы в атмосферу (углерода, в том числе), а также опасные излучения, губительные для всего живого. И все это (и не только) – результаты деятельности человека. Однако они, прежде всего, являются продуктами вещественно-обменных отношений «человек-природа». Уже на заре социо-культурогенеза была такая известная деятельность как «подсечно-огневое земледелие», результатом чего порой становилась безжизненная пустыня. С тех пор, по мере роста технико-энергетической мощи человека масштабы и уровень опасности результатов ве-

щественно-обменных отношений человека и природы лишь возрастают. Так что ключ к сущности реальных отношений деятельности и культуры не в ее материально-вещественных результатах, а в нечто совсем ином. В том самом опредмечивании-распредмечивании, точнее – в оперировании смыслами, знаками, символами, то есть информацией в процессах деятельности.

В рассматриваемой теории культура и понимается именно как информационный процесс уникального рода, ведомый и доступный лишь человеку, а мир культуры видится как единство трех миров – мира смыслов, мира артефактов, мира знаков и символов, которые и сопрягаются в целое (в культуру) именно посредством знако-творчества человека, кодирования и декодирования информации в различных формах. В этом контексте творение культуры предстает как результат множества форм активности человека и состояний его духа – общения, деятельности, рефлексии, само-рефлексии, озарения, любви, мечтаний, грез, желаний, потрясений, духовного подъема, разочарований и бесконечных внутренних(порой беспощадных) диалогов, неумной жажды творчества и самовыражения (и, видимо, не без участия также и импульсов бессознательного). Здесь едва ли мыслима монополия за одной, какой-то из форм активности, включая и ту самую «материально-преобразующую деятельность», к которой когда-то все сводили категорично.

Остается лишь напомнить, что облачение смыслов, идей, знаний, чувств, эмоций в символы знаки, артефакты и их превращение в информацию (тексты, скажем), именуется кодированием. И с ним непременно сопряжена другая операция информационного процесса – декодирование, то есть извлечение смыслов (идей, знаний, принципов) из знаков, символов, мира артефактов. Эти операции могут быть совсем простыми, рутинными как письмо (кодирование) и чтение (декодирование), но и чрезвычайно сложным, как сочинение музыки и музыкальное исполнительство, балетная хореография, живопись, занятия математикой. То, что мы привычно именуем сочинением музыки, являет собой процесс создания информации (музыкальных фреймов) – кодирование наших мыслей, чувств посредством знаков, то есть нот. А то, что принято называть исполнением – это декодирование фреймов музыкальной информации. Да и все наши отношения с культурой и к культуре (усилия по ее освоению, участие в ее развитии, действия по ее со-

хранению и трансляции грядущим поколениям) строятся на основе этих информационных процессов – кодирования и декодирования. Ярким примером выступает музыка, способная выразить самые тонкие грани и краски бытия, самые глубокие ощущения и переживания человека. В сознании композитора она существует как мозговой процесс и его чувствования и это не слышно и недоступно даже живущему рядом с ним человеку. Но будучи записана в нотных знаках, она становится информацией, которой может оперировать компьютер – как прочими знаками, символами и текстами, лишенными всяких чувств и эмоций [Ивин, 2023]. Более того, компьютер так умел в декодировании музыки и ее обработке, что стал незаменимым помощником музыканта.

А вполне сносные стихи, «автором» коих являются компьютер, уже привычны. Если учитывать все это, культура предстает как мир смыслов и чувствований человека в их информационной форме. Ведь мозг, который создает, «творит» и выражает суть человека и его внутренний мир, оперирует только некими формами информации, которые не похожи на привычный лик культуры, а именно – слабыми электрическими импульсами и биохимическими реакциями.

А знаково-символический мир, с которым мы прочно ассоциируем культуру, является лишь внешней формой, «одеждой» культуры, а также носителем той самой информации, тех мозговых процессов, в которых и выражена (выражается) суть культуры.

Теперь очень кратко о семиотической концепции культуры. Ю. Лотман, «взойдя на вершину» семиотического понимания культуры, увидел в ней (культуре) способ и механизм снижения энтропии, то есть увидел информацию. Так, один из самых выдающихся творцов культурологической мысли от семиотического видения культуры «эволюционировал» к ее информационно-семиотической трактовке, выразив как нельзя лучше логику и историю генезиса взглядов культурологической науки на природу культуры.

Впрочем, есть и культурологи, которые отстаивают аксиологический взгляд на культуру – аксиологическую концепцию культуры. Культура несомненно выполняет аксиологические функции (как и много других функций). Но сводима ли она к этим функциям? Здесь впору обратиться к философии, частью которой является аксиология [Хохлова, 2017], обобщить типоло-

гии ценностей и убедиться в том, что все многообразие ценностей раскрывается в признаках культуры, влияет на действия и поведение человека.

Их принято делить на типы по множеству различных признаков:

- по сфере действия – экономические, политические, культурные, правовые;
- по способу(форме) существования – материальные, духовные, которые в свою очередь делятся на научные, религиозные, эстетические, моральные.

Ценности подразделяются и в зависимости от характера соотнесенности с человеком и его деятельностью – на «ценности-цели» и «ценности-средства».

А вот по характеру соотнесенности с потребностями человека они бывают:

- удовлетворяющие витальные потребности и субъективные (идеалы, нормы).

Да и ценности личности подразделяются на целый ряд групп:

- витальные – здоровье, семья, секс, дети;
- прагматические – материальный достаток, социальный статус, карьера;
- духовные – любовь, добро, истина, вера, красота и др.

Добавим, ценности делятся по масштабу охвата на личностные, социально-групповые, этнические, локальных цивилизаций, универсальные. Бытует также и целая группа экологических ценностей.

Но сводима ли культура к миру ценностей, способам их бытия? Разумеется, нет. Мир ценностей – это лишь некая часть «космоса культуры» – мира смыслов, духа, творчества, самовыражения, артефактов. К тому же, мир ценностей – это сфера нормативного полагания, чем занималась и занимается издревле философия. И еще. Наивысшей ценностью в разумном мире является сам человек, его жизнь. Но мыслимо ли на этом основании числить ценности по ведомству антропологии? Также узко сведение культуры к ценностям, заодно рассматривая культурологию в роли приложения к философии, к ее некоему разделу. Культурология являет собой масштабную предметно-дисциплинарную науку, что задает и диктует объекты и цели ее познания – сущность культуры, история и типология культуры; формы и проблематика субъектности человека в культуре; мир институций и артефактов культуры, мир технологии культуры, культурная политика и т. д.

Если учитывать все доселе изложенное, то в рамках информационно-семиотической теории культуры, она может быть определена так: культура в статике и синхронии (как объект описания) – это присущая только человеку форма бытия, воплощенная в мире смыслов, ценностей, знаний, стратегий поведения и коммуникации посредством знаков, символов и артефактов. В реальном же существовании (диахронии) она есть особый, присущий лишь человеку род информационного процесса, в котором складываются и передаются от человека человеку, от социума человеку, от социума другим социумам программы, стратегии, коды существования и развития на основе процессов-знако-творчества в актах и процессах всех форм активности человека. Все это нашло отражение более подробно в выше затронутой монографии, в которой и предпринята попытка выстроить самые общие контуры информационно-семиотической теории культуры и раскрытие перспектив обращения к ней в системе методологических инструментов культурологии. Однако как «непредсказуемые механизмы культуры» [Лотман, 2010б], так и полемический характер исследований в совокупности повышенного интереса к теме [Семиосфера..., 2013; Мрочко, 2020] убеждают нас в необходимости продолжить изложение сути предлагаемой нами теории в ключе современных идей и взглядов наук о человеке, методологических принципов постнеклассической парадигмы научного познания, что мы и предполагаем сделать в следующей публикации.

Библиографический список

1. «Семиосфера» Ю. М. Лотмана: рецепции в современном социально-гуманитарном знании: Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Ю. М. Лотмана : в 3 т. Москва : МГУКИ, 2013. Т. 1. 192 с.; Т. 2. 178 с.; Т. 3. 200 с.
2. Астафьева О. Н. Гуманитарный дискурс Ю. М. Лотмана: семиотическая интерпретация динамики культуры // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 156–159.
3. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму : [пер. с франц. Г. К. Косикова]. Москва : Прогресс, 2000. С. 196–238.
4. Егоров В. С. Постнеклассическая наука и современное миропонимание // Нелинейная динамика и постнеклассическая наука: сб. статей. Москва : Изд-во РАГС, 2003. С. 34–51.
5. Ивин А. А. Аксиология. Москва : Изд-во ЮРАЙТ, 2023. 342 с.
6. Каган М. С. Философия культуры. Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. 415 с.
7. Кармин А. С. Культурология. Санкт-Петербург : Лань, 2001. 830 с.
8. Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура. Москва : Стратегические приоритеты, 2015. 268 с.
9. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва : АСТ, 2018. 256 с.
10. Лотман Ю. М. Культура и информация // Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010а. С. 393–396.
11. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры / Подготовка текста и прим. Т. Д. Кузовкиной при участии О. И. Утгоф. Таллин : TLU Press, 2010б. 232 с.
12. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010. 704 с.
13. Моль А. Социодинамика культуры / предисл. В. В. Бирюкова. Изд 2-е, стереотипное. Москва : Ком-Книга, 2005. 416 с.
14. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. Москва : Мир, 1966. 352 с.
15. Мрочко Л. В., Мрочко В. В. К вопросу о сущности информационной культуры // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. №3 (27). С. 137–141.
16. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. 2-е изд. Москва : Издательская группа «Прогресс», 2001. 656 с.
17. Степин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия. Т. 2. Москва : Мысль, 2001. С. 341–347.
18. Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интерпретации: монография / О. Н. Астафьева, Ю. М. Резник, Э. А. Орлова, А. А. Пелипенко, Е. Н. Шапинская, П. Н. Гречко / под ред. Ю. М. Резника. Москва : Научно-политическая книга, 2012. 479 с.
19. Тхагапсоев Х. Г., Астафьева О. Н. Информационно-семиотическая теория культуры. Введение / Х. Г. Тхагапсоев, О. Н. Астафьева, И. И. Докучаев, И. В. Леонов. Санкт-Петербург : Астерион, 2020. 208 с.
20. Урсул А. Д. Культура как информационный феномен. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_508.html (дата обращения: 20.10.2023)
21. Хохлова А. Л. Типология семантических фреймов в музыке // Вестник музыкальной науки. 2017. № 2 (16). С. 29–35.
22. Чернавский Д. С. Синергетика и информация. Москва : Наука, 2001. 243 с.

Reference list

1. Astaf'eva O. N. Gumanitarnyj diskurs Ju.M. Lotmana: semioticheskaja interpretacija dinamiki kul'tury = Yu.M. Lotman's humanitarian discourse: semiotic interpretation of the culture dynamics // Voprosy filosofii. 2023. № 6. S. 156–159.
2. Bart R. Vvedenie v strukturnyj analiz povestvovatel'nyh tekstov = Introduction to the structural analysis

of narrative texts // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu : [per. s franc. G. K. Kosikova]. Moskva : Progress, 2000. S. 196–238.

3. Egorov V. S. Postneklassicheskaja nauka i sovremennoe miroponimanie = Post-non-classical science and modern worldviews // Nelinejnaja dinamika i postneklassicheskaja nauka: sb. statej. Moskva : Izd-vo RAGS, 2003. C. 34–51.

4. Ivin A. A. Aksiologija = Axiology. Moskva : Izd-vo JuRAJT, 2023. 342 s.

5. Kagan M. S. Filosofija kul'tury = Philosophy of culture. Sankt-Peterburg : Petropolis, 1996. 415 s.

6. Karmin A. S. Kul'turologija = Cultural studies. Sankt-Peterburg : Lan', 2001. 830 s.

7. Kolin K. K., Ursul A. D. Informacija i kul'tura = Information and culture. Moskva : Strategicheskie priority, 2015. 268 s.

8. Lotman Ju. M. Kul'tura i vzryv = Culture and the explosion. Moskva : AST, 2018. 256 s.

9. Lotman Ju. M. Kul'tura i informacija = Culture and information // Lotman Ju. M. Semiosfera. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 2010a. S. 393–396.

10. Lotman Ju. M. Nepredskazuemye mehanizmy kul'tury = Unpredictable cultural mechanisms / Podgotovka teksta i prim. T. D. Kuzovkinoj pri uchastii O. I. Utgof. Tallin : TLU Press, 2010b. 232 c.

11. Lotman Ju. M. Semiosfera = Semiotic sphere. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 2010. 704 s.

12. Mol' A. Sociodinamika kul'tury = Sociodynamics of culture / predisl. V. V. Birjukova. Izd 2-e, stereotipnoe. Moskva : KomKniga, 2005. 416 s.

13. Mol' A. Teorija informacii i jesteticheskoe vospriyatje = Information theory and aesthetic perception. Moskva : Mir, 1966. 352 s.

14. Mrochko L. V., Mrochko V. V. K voprosu o sushhnosti informacionnoj kul'tury = Towards the essence

of information culture // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2020. №3 (27). S. 137–141.

15. Semiosfera Ju. M. Lotmana: recepcii v sovremennom social'no-gumanitarnom znanii = Yu. M. Lotman's semiotic sphere: receptions in modern social-humanitarian knowledge // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 90-letiju so dnja rozhdenija Ju. M. Lotmana : v 3 t. Moskva : MGUKI, 2013. T. 1. 192 s.; T. 2. 178 s.; T. 3. 200 s.

16. Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii = Selected works on linguistics and culture studies / obshh. red. i vstup. st. A. E. Kibrika. 2-e izd. Moskva : Izdatel'skaja gruppa «Progress», 2001. 656 s.

17. Stepin V. S. Kul'tura = Culture // Novaja filosofskaja jenciklopedija. T. 2. Moskva : Mysl', 2001. S. 341–347.

18. Teorija kul'tury: raznoobrazie podhodov i vozmozhnosti ih interpretacii = Cultural theory: diversity of approaches and their interpretation possibilities : monografija / O. N. Astaf'eva, Ju. M. Reznik, Je. A. Orlova, A. A. Pelipenko, E. N. Shapinskaja, P. N. Grechko / pod red. Ju. M. Reznika. Moskva : Nauchno-politicheskaja kniga, 2012. 479 s.

19. Thagapsoev H. G., Astaf'eva O. N. Informacionno-semioticheskaja teorija kul'tury. Vvedenie = Information-semiotic theory of culture. Introduction / H. G. Thagapsoev, O. N. Astaf'eva, I. I. Dokuchaev, I. V. Leonov. Sankt-Peterburg : Asterion, 2020. 208 s.

20. Ursul A. D. Kul'tura kak informacionnyj fenomen = Culture as an informational phenomenon. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_508.html (data obrashhenija: 20.10.2023)

21. Hohlova A. L. Tipologija semanticheskikh frejmov v muzyke = Typology of semantic frames in music // Vestnik muzykal'noj nauki. 2017. № 2 (16). S. 29–35.

22. Chernavskij D. S. Sinergetika i informacija = Synergetic and information. Moskva : Nauka, 2001. 243 s.

Статья поступила в редакцию 17.08.2023; одобрена после рецензирования 08.09.2023; принята к публикации 20.09.2023.

The article was submitted on 17.08.2023; approved after reviewing 08.09.2023; accepted for publication on 20.09.2023.

Научная статья

УДК 008:1-027.21, 008(091)

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_231

EDN: FRXDKC

Рецепция художественного произведения как культурологическая проблема: диалог между культурами и его влияние на интерпретацию искусства

Николай Андреевич Хренов

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры, Государственный институт искусствознания. 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5

nihrenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

Аннотация. В статье ставится задача – теоретически обосновать и показать на конкретных примерах, как в сфере искусства проявляется еще один значимый уровень, связанный с взаимодействием между культурами. Игнорируя этот уровень, реципиент не способен прочесть все те смыслы, что имеются в конкретном произведении. Но его не должен игнорировать и эксперт – критик. Конечно, в процессах взаимодействия между культурами идеальной формой может быть лишь диалог. Но в реальности слишком много отклонений от диалога. Другая или «чужая» культура может восприниматься по принципу друга или врага. Понятно, что если одна культура видит в другой культуре «друга», то многое в другой культуре притягивает и способствует развитию и расширению собственной культурной идентичности. Но в случае отношения к другой культуре как к «врагу», воздействие на идентичность тоже нельзя сбрасывать со счета. Ведь нередко образ врага формируется на основе того, что культура хотела бы из себя вытеснить, что ей в себе не нравится и передать это отвергаемое своей другой культуре. Наделяя другую культуру таким негативным образом, собственная культура получает возможность еще больше утвердить свой идеальный образ. Нередко враг – это проекция отвергаемого в собственной культуре. Это обстоятельство, характерное для взаимодействия культур, способствует притяжению или отторжению конкретных художественных явлений. Особенностью советской культуры было то, что она культивировала жесткий отбор как собственного культурного наследия, о чем свидетельствует опыт цензуры, так и художественного опыта других культур. В данной статье под другой культурой подразумевается западная культура. Автор на примере творчества Э. Хемингуэя показывает, как произведения другой культуры восполняют целые пласты нового искусства, изъятые из процессов художественной коммуникации в советской России. Поэтому автор утверждает, что история рецепции искусства должны быть принята во внимание при создании истории художественной культуры.

Ключевые слова: взаимодействие культур; диалог между культурами; советская культура; западная культура; мировой художественный процесс; Первый съезд советских писателей; Н. Бухарин; Д. Бедный; Б. Пастернак; тадеэпизация; рецепция; Н. Бердяев; О. Шпенглер; Э. Пискатор; Э. Хемингуэй; Р. Орлова

Для цитирования: Хренов Н. А. Рецепция художественного произведения как культурологическая проблема: диалог между культурами и его влияние на интерпретацию искусства // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 231–240. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_231. <https://elibrary.ru/FRXDKC>

Original article

Reception of artwork as a cultural problem: dialogue of cultures and its influence on the arts interpretation

Nikolai A. Khrenov

Doctor of philosophical science, professor, chief researcher at the department of media and mass arts, the sector of entertainment culture, State institute for the arts studies, 125009, Moscow, Kozitsky lane, 5

nihrenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

Abstract. The article aims to theoretically justify and illustrate with concrete examples how another significant level concerning the interaction of cultures is manifested in the arts sphere. Ignoring this level, the recipient is unable to read all the meanings of a particular artwork. However, it should not be ignored by the arts critics either. Obviously, the ideal

form of interaction between cultures can only be dialogue. But the reality shows too many deviations from the dialogue. A different or «alien» culture can be perceived on the principle of friend or foe. It is clear that if one culture sees another culture as a «friend», this other culture seems attractive and contributes a lot to the development and growth of its own cultural identity. But in the case of treating another culture as «enemy», there is also a certain impact on the identity. Often enough, the enemy image is formed on the basis of what one culture would like to get rid of, what it does not like about itself, and wants to pass what it rejects on to another culture. By assigning such a negative image to another culture, one's own culture further asserts its ideal image. The enemy is often a projection of what is rejected in one's own culture, which is characteristic of the interaction of cultures and contributes to attracting or rejecting specific artistic phenomena. The specific feature of soviet culture was that it encouraged a strict selection of both its own cultural heritage, which is evident from the censorship practice, and the artistic experience of other cultures. By «other» cultures this article means western cultures. According to the author, the example of E. Hemingway's work, shows how the works of another culture make up for the whole layers of new art, removed from artistic communication in Soviet Russia. Therefore, the author claims that the reception of the arts should be taken into consideration when creating the history of artistic culture.

Key words: interaction of cultures; dialogue of cultures; soviet culture; western culture; world artistic process; First Congress of Soviet Writers; N. Bukharin; D. Bedny; B. Pasternak; tadeepization; reception; N. Berdyaev; O. Spengler; E. Piscator; E. Hemingway; R. Orlova

For citation: Khrenov N. A. Reception of artwork as a cultural problem: dialogue of cultures and its influence on the arts interpretation. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):231–240. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_231. <https://elibrary.ru/FRXDKC>

Введение

Данная статья является частью одного из фрагментов текста большого объема, подготовленного к 100-летию образования Советского Союза, но еще полностью не опубликованного (и отражает постоянный интерес автора к теме русского цивилизационного эксперимента [Хренов, 2023]). Первый фрагмент фиксирует взгляд на советскую культуру с точки зрения дореволюционной русской культуры, многие явления которой в советской России отвергаются. Вторым фрагмент – взгляд на дореволюционную русскую культуру с точки зрения возникающей, становящейся и устремленной в будущее советской культуры. И, наконец, третий его фрагмент, начало которого и публикуется в данном номере, представляет советскую культуру с точки зрения мирового художественного процесса. Здесь очень важно проследить, как рецепция конкретных произведений искусства – советского искусства в других культурах и зарубежного искусства в советской культуре несет на себе печать взаимоотношений между культурами, которые бывают весьма конфликтными.

Результаты исследования

Российский эксперимент с культурологической точки зрения: взаимоотношения между культурами как проблема

В том случае, когда культура игнорирует другие культуры, она оказывается в ситуации изоляции, отказывает себе в развитии, окостеневает,

становится провинциальной [Хренов, 2022a]. Не могу отказать себе, чтобы не процитировать суждение, высказанное М. Каганом в его «Введении в историю мировой культуры». Он говорит, что осмысление процесса развития культуры XX века – самая трудная задача культурологического анализа [Каган, 2003]. В связи с этим он вспоминает идею Шпенглера о том, что человечества как единого целого не существует, а есть лишь самостоятельные в своем существовании и саморазвитии культуры, которые плохо друг друга понимают. Философ пытается показать, что это не соответствует действительности и что в реальной истории все время между культурами происходит взаимное проникновение.

Все это так. Но только, как свидетельствует история XX века с ее мировыми войнами, сближение между культурами все-таки представляет проблему. Концепция диалога между культурами не получается. Пока это только идеал. Но, несмотря ни на что, человечество все чаще начало размышлять о глобализации, а что такое эта глобализация как не идея единства, единения. Но как ни опровергай вывод Шпенглера, какая-то правда в его точке зрения есть. Учитывая это, мы все больше говорим о возможности и необходимости того, что назвали диалогом. Диалогом между культурами. Это означает признание несходства и в то же время возможность взаимопонимания. М. Бахтин справедливо писал о том, что новые и самые глубокие творческие идеи и образы как раз и возникают на границах разных культур. Чтобы дать более или менее верную оценку художественной культуре советского времени, необхо-

димо понять, были ли у нее контакты с другими культурами и если были, то в каких – в официальных или в неофициальных формах. Опять же, Н. Бердяев творческую вспышку в России связывает с ее соприкосновением с Западом («Необычайный, взрывчатый динамизм русского народа обнаружился в его культурном слое лишь от его соприкосновения с Западом и после реформ Петра») [Бердяев, 1997, с. 7].

В. Жукоцкий и З. Жукоцкая также мимо этой особенности русской реформации пройти не могут. Ведь значение Реформации, а в еще большей степени предшествовавшего ей Ренессанса заключается в расширении культурных горизонтов, в открытии самых разных культур, ставших в среде гуманистов впервые предметом изучения. Об этом хорошо в начале прошлого века писал С. Маковский, обративший внимание на активное заимствование русской культурой ценностей из самых разных культур – не только западной, но и восточной. «Уникальность русской культуры, задавшей эту просвещенческую модель Реформации всей советской эпохой, – пишут В. Жукоцкий и З. Жукоцкая – заключается не только в ней самой, но и в исторически сложившемся способе ее отношений с западной культурой, воспринимающей всегда как некое «свое – чужое» [Жукоцкий, Жукоцкая, 2008, с. 46]. Согласно Жукоцким, для русской культуры это «чужое» было особенно востребованным и без него последствий того пробуждения, которое произошло в XIX веке, могло и не произойти. Ведь православная церковь развитие светской культуры сдерживала. Поэтому контакты с культурами других народов приобретали здесь особую ценность. Прежде всего контакты с Западом. «Единственным средством культивирования светской культуры в России оставалось внешнее заимствование, и прежде всего из Европы. Получалось так, что европейская культура выступала необходимым посредником во внутринациональном диалоге между русской светской культурой и традиционной церковью. Именно это обстоятельство создало уникальный феномен русской интеллигенции, оппозиционной власти – светской и духовной, но образующей собственный эпицентр влияния, производящий на свет самобытную национальную культуру – музыку, поэзию, литературу, науку, философию» [Жукоцкий, Жукоцкая, 2008, с. 46].

Не случайно в объемном докладе Н. Бухарина на Первом съезде советских писателей в 1934 году было много внимания уделено возможному

провинциализму советского искусства и его опасности для новой культуры. Исходя из особой значимости этой новой культуры («Мы глядим на тысячелетия. Во все концы земли проникает наша великая идея... Потенциально мы все. Мы – наследники тысячелетней, всей культуры из века в век... Мы – воплощение исторического разума, основная, победоносная, движущая сила всемирной истории» [Первый Всесоюзный, 1934, с. 498], Н. Бухарин и затрагивает вопрос об опасности возможного провинциализма. Новая культура понимается как некий новый синтез всего достигнутого в мировой истории разными народами. Это единство возникает в результате преобразующей старый мир коммунистической идеи. Но речь идет уже не о существующих, а всего лишь пока желаемых успехах. Называя множество фактов, свидетельствующих об успехах советского искусства, Н. Бухарин констатирует также его некоторую отсталость. Именно она и свидетельствует о том, что наше искусство еще не находится на уровне великих культур прошлого и настоящего. «Разве наши поэты достаточно усвоили замечательное наследство старого мастерства всех времен и народов, мандат на получение которого выдал им, теперь своим сынам, победоносный пролетариат? Нет и нет! Жестокая, некультурная провинция еще царит у нас» [Первый Всесоюзный, 1934, с. 498].

В 20-е годы проблемы по поводу активного усвоения мировой культуры и взаимодействия новой культуры с другими культурами, кажется, не существовало. Не существовало потому, что имела место убежденность в истинности коммунистической идеи. Да и позднее немало было написано о том, как советские художники используют достижения прошлого и настоящего мирового искусства и как советское искусство воздействует на искусство других стран. Достаточно, например, вчитаться в статью Н. Анастасьева «Диалог (Советская литература и художественный опыт XX века)», опубликованную в 1983 году в журнале «Вопросы литературы» [Анастасьев, 1983], в которой так и мелькают имена оказывающих влияние на советских писателей М. Пруста, Т. Манна, Дос-Пасоса, Хемингуэя, Камю, Хаксли, Ремарка, Фолкнера, Маркеса и др. С этой точки зрения получают исключительно положительную оценку имена тех поэтов, восприятие которых пока еще представляет трудности. Так тот же Н. Бухарин с трибуны Первого съезда советских писателей высоко оценивает поэзию Б. Пастернака, хотя и констатирует

ет в его поэзии отход от коллективных ценностей и уход в индивидуализм. «Пастернак оригинален. В этом и его сила и его слабость одновременно. В этом его сила, потому что он бесконечно далек от шаблона, трафаретности, рифмованной прозы. В этом его слабость, потому что эта оригинальность переходит у него в эгоцентризм, когда его образы перестают быть понятными, когда трепет его задышающегося ритма и изгибы тончайшей словесной инструментровки превращаются, за известной гранью, в перепады непонятных образосочетаний, – настолько они субъективны и интимно-тонки» [Первый Всесоюзный, 1934, с. 495].

В этом же докладе Н. Бухарин позволил себе сделать замечание в адрес одного из самых популярных в 20-е годы поэтов Д. Бедного, констатируя примитивный язык его поэзии, который делает творчество этого поэта на новом этапе архаичным. Он отстает от времени. Но эта сформулированная политиком мысль о «выпадении из современности» вызвала возражение Д. Бедного. В своем докладе Н. Бухарин процитировал несколько строчек из пастернаковского определения поэзии и, в частности, строчку «Это – двух соловьев поединок» [Первый Всесоюзный, 1934, с. 495]. Опровергая мысль Н. Бухарина, Д. Бедный отталкивался именно от смысла этой строчки. Не отрицая оценку Б. Пастернака как «первоклассного интимного лирика», Д. Бедный говорит: «Пусть будет так : непонятно, но приятно. Лирический голос. Любим же мы слушать кузнециков, и соловьев не прочь послушать. Всему – свое время. Было время, гремевшее боевыми громами. Не слышно было за громами ни кузнециков, ни соловьев. А теперь – такая благодать. Так ласкает ухо невразумительный, взволнованно-косноязычный стих» [Первый Всесоюзный, 1934, с. 557].

Нет, пока не проходит идея эстетизации бытия в советском государстве. Оказывается, еще рано об этом говорить. И, наконец, Д. Бедный излагает свою позицию полностью. Ему хотелось бы революционный аскетизм сохранить и в настоящем, и в 30-е годы. Ведь, с его точки зрения, поэты, выразившие этот аскетический революционный дух, только и могут называться настоящими поэтами. «После грохота боев, отвлекшись на минуту от строительного грохота, приятно иному заслушаться кузнециков и соловьев. Дело естественное. Слушайте. Но только не натаскивайте нас на вывод, что тут-то и есть основные достижения у кузнециков и соловьев. А

вот те, которые грохотали, они-де отгрохотали и – уже не современники» [Первый Всесоюзный, 1934, с. 557]. Нет, не согласен Д. Бедный с тем, что пора начаться оттепели, он не допускает об этом и мысли. В самом деле, не получается пока послереволюционной весны. Рано.

Более подробно мы остановимся лишь на трех явлениях зарубежного искусства (в данной статье – на рецепции в советской России Э. Хемингуэя [Орлова, 1985], в следующей – отношения к неореалистическому кино Италии [Кино Италии, 1989] и настроений экзистенциализма (Сартр)), оставивших заметный след в его рецепции как в среде творческой интеллигенции, так и в сознании различных слоев и поколений читателей и зрителей. На этот раз, претендуя на характеристику художественной культуры советского времени, мы попытаемся в осуществлении этой цели ввести особый раздел, связанный с проблематикой рецепции зарубежного искусства в художественной культуре советского времени. Такая проблематика позволяет в этой культуре обнаружить особые акценты, отсутствующие в традиционных анализах. В частности, в поле нашего внимания оказывается лидер так называемого «потерянного поколения» на Западе Э. Хемингуэй, итальянское кино 50-х годов, известное как неореализм, а также настроения, связанные с таким философским направлением как экзистенциализм.

Но таких явлений западной культуры, которые влияли на искусство советской эпохи, было, разумеется, много. Можно было бы здесь говорить о популярности в России итальянского драматурга Э. де Филиппо или немецкого драматурга Б. Брехта, в котором, как писали наши критики, улавливается влияние театральных экспериментов В. Мейерхольда. Иногда влияние проявляется даже не в постановке пьес названных драматургов, а в использовании приемов. Так, например, критики видели влияние брехтовской поэтики в спектакле Г. Товстоногова «История лошади». Известно, что Г. Товстоногов интересовался Ионеско и Беккетом. Беккета он хотел даже ставить. Это не было сделано, однако критик К. Рудницкий влияние абсурдистской драмы усматривал в спектакле «Мещане» [Премьеры Товстоногова, 1994, с. 368]. Недавно один из наших известных театроведов В. Колязин опубликовал издание большого объема, посвященное немецкому театральному режиссеру Э. Пискатору, который работал в 20-е годы в Советском Союзе [Пискатор, 2022]. Он испытывал воздей-

ствие русского театрального авангарда и, в частности, В. Мейерхольда. Книга смонтирована из самых разных источников (театральных рецензий, фрагментов из книг, интервью с режиссерами и актерами, переписки и т. д.). В полной мере можно было бы говорить также о влиянии на наших кинорежиссеров фильмов Ф. Феллини, уже отошедшего от неореализма, о влиянии на наших писателей романов Э. Ремарка, Г. Маркеса или Фолкнера [Палиевский, 1979], сыгравшего в советской литературе значительную роль в момент, когда она заново открывала то, что в России всегда называли почвенничеством. Вот и в анкете, что была предложена редакцией журнала «Искусство кино» деятелям культуры, есть вопрос: «Считаете ли вы, что развитие русской культуры ограничено традиционной альтернативой «почвенничество – западничество» или видите возможность иного, третьего пути?». Уже имевшее место в истории и разбуженное, в том числе, Фолкнером почвенничество дало замечательные плоды в виде так называемой «деревенской» прозы. Сама же эта проза выражала дух надолго исчезнувшей, но возрождающей перед окончательным исчезновением в ситуации оттепели российской земледельческой Атлантиды.

Но мы остановимся лишь на трех названных, которые дополняют воссоздаваемую картину неофициального пласта в советской художественной культуре, связанного с рецепцией произведений, представляющих другие культуры. В особенности, тех произведений европейского искусства, которые несут на себе печать модернизма. Ведь воспринимали – то их уже в другой, российской культуре, в которой продолжали иметь место мощные пласты традиционной культуры, сохраняющиеся еще со времени Средневековья [Хренов, 2022б]. Оставившие след в сознании советского человека эти и другие явления мировой культуры позволяют лучше представить и осуществившееся и по разным причинам неосуществившееся, что в разное время имело место в советской России. Резонанс этих явлений в советской культуре позволяет лучше представить общественное сознание того периода. Однако ставить акцент исключительно на влиянии этих явлений было бы неверным. В данном случае следовало бы прислушаться к суждению А. Тойнби о том, что влияния чужих культур иногда бывают не только полезными, но они могут принести вред. Они могут быть вредны в том случае, если своя культура, испытывающая влияние чужой культуры, в своем становлении еще не успе-

ла достичь того этапа, когда можно было бы фиксировать ее целостность и завершенность. Поэтому А. Тойнби и говорит: элементы культуры, безвредные на родной почве, могут быть разрушительными в чужом контексте [Тойнби, 2003, с. 63]. Разрушительными, пока культура еще находится на ранних стадиях своего становления. Один из самых блестящих наших критиков эпохи Серебряного века, задумываясь о логике развития русского искусства, вынужден был как раз подчеркнуть эту особенность – невозможность окончательно сформировать собственный стиль. «Сколько раз в течение многострадальной нашей истории культурное преемство обрывалось, и мы принуждены были если не все начинать сначала, то во всяком случае менять творческий стиль» [Маковский, 2000]. Поэтому получалось так: не то, что состариться, созреть не успели». По этой причине, не успевая развить свое и придать этому своему устойчивые формы, активно заимствовали художественные формы, заимствованные из других культур. Это было не всегда позитивно и даже неконструктивно.

В самом деле, разве Средневековье не ощущало вплоть до XV века опасность языческой, то есть античной культуры, во всяком случае на ранних своих этапах. А сама античная культура разве не опасалась воздействия восточной культуры? Опасалась и даже передала этот страх европейской культуре. Ведь и в том, и в другом случае процесс становления новой культуры под сильным давлением другой культуры мог прерваться и не достичь того момента, когда можно было утверждать, что ее становление как самостоятельной культуры завершилось. И вот когда это случается, чужая культура опасности уже не представляет. В этом смысле стоило бы вспомнить суждения Ж. де Местра, касающиеся преждевременного усвоения в России конца XVIII и начала XIX века просветительской философии, которая могла молодой петербургской культуре, не достигшей стадии зрелости, нанести вред. Но если к становлению после революции 1917 года новой культуры относиться серьезно, то все эти примеры весьма показательны. Ведь и в самом деле новая культура с присущими ей четкими установками не могла и не должна была быть всеядной. Хотя история свидетельствует, что такой русская культура время от времени становилась. Это имело место в петровскую эпоху, и это имело место в первые десятилетия XX века. Другое дело, что в ходе возведения нового общества новая культура утрачивала свою новизну и

возвращала к средневековому архетипу, то есть к усвоенному византийскому образцу империи. На этот раз извлеченная из истории традиция, подтверждающая действие принципа преемственности, не отторгалась. Наоборот, ей воспользовались. Реабилитация византийского комплекса позволила разрешать тактические проблемы (например, достичь победы в Отечественной войне), но одновременно она сыграла и отрицательную роль, ибо извратила реализацию идеи социализма.

Герой Э. Хемингуэя как стоик нового времени: разгадка популярности американского писателя в художественной культуре советского времени

Ставя своей целью понять становление в советской стране нового типа личности, мы, к сожалению, не всегда обращаемся к помогающим этот вопрос исследовать источникам, прибегая к косвенным источникам. А прямые источники часто ограничиваются переключившимися в исследования пропагандистскими лозунгами. Ведь то или иное художественное произведение, созданное в другой культуре и воспринимаемое в советской культуре, – значимый документ фиксации воспитательного и социализирующего процесса, как и расхождения между идеологическими и пропагандистскими установками и реальным положением дел. В качестве примера рассмотрим рецепцию в советской России сочинений Э. Хемингуэя. Когда говорят и пишут об Э. Хемингуэе, демонстрирующем в своих произведениях моральный стоицизм, не могут пройти мимо одной из его особенностей, связанной с меняющимися отношениями человека и мира, человека и какого-то значимого исторического события, чаще всего, войны. Это обстоятельство предполагает изображение того, что случается с героем, но и самого этого события, как это было у классиков, например, у Л. Толстого (вспомним его роман «Война и мир»). Казалось бы, этого следовало ожидать и от Э. Хемингуэя. Но у него происходит то, что Н. Анастасьев называет «деэпизацией» литературы. У него личность героя, его переживания выдвигаются на первый план, а большое событие, в котором он принимает участие, вытесняется на задний план. «Рассматривая человека как несломленную жертву враждебного мира, Хемингуэй – пишет Н. Анастасьев – подобно своим литературным единоверцам – Олдингтону, Ремарку, раннему Дос – Пассосу, – широко и свободно использует ту форму «субъ-

ективной», или «личностной», эпопеи, которая, как говорилось, начала складываться на рубеже веков, а к 20-м годам уже обрела авторитет традиции, пусть молодой. По сути дела, он изображает не саму войну, а частный опыт человека на войне, его потрясенное сознание, потому избегает широких панорам в стиле Толстого, которого ценил необычайно высоко как художника, умевшего несравненно описывать именно войну» [Анастасьев, 1983, с. 82].

Значит, в его произведениях присутствует повышение значимости личности [Хренов, 2022в]. Используемые Хемингуэем приемы позволяют ему решить вопрос о месте человека в истории, в разворачивающихся ключевых событиях этой истории. Они происходят не помимо личности. Герой принимает участие в историческом процессе сознательно. Он – активный участник события и, следовательно, история разворачивается непременно в личностном плане. Однако такое перераспределение в романе значимости личностного переживания, с одной стороны, и изображения большого события, с другой, потребовало и формальной трансформации произведения. Именно поэтому литература XX века открывает то, что называли «поток сознания» или внутренним монологом, открытым еще М. Прустом под воздействием философии времени А. Бергсона. Такой прием стали использовать не потому, что он модный, а потому, что только в этом случае можно выявить личностный смысл истории. Но это про Хемингуэя. Готов ли был советский человек 30-х и последующих десятилетий к таким сдвигам? Продолжая свою мысль о деэпизации романа, Н. Анастасьев фиксирует сдвиги в психологизме. «Поведение личности, самый ее характер управляются уже не только социальным происхождением, обстоятельствами и т. д., – пристальному анализу подвергаются сугубо индивидуальные, недетерминированные свойства: своего рода анатомия человеческого духа. При этом осуществляется она словно бы не со стороны, как раньше, – всеведущим автором, а изнутри – в процессе самоизъявления героя. В связи с этим и вошла в столь широкий обиход техника внутреннего монолога, потока сознания и т. д., – важно достичь абсолютной натуральности в изображении внутреннего мира» [Анастасьев, 1983, с. 71].

Уже само признание существования внутреннего мира героя свидетельствует о значительных сдвигах. Значит, личность уже выделяется из толпы, из массы, как это было в 20-е годы. Мож-

но констатировать прогресс. Правда, несмотря на прогрессивность подобных формальных сдвигов в построении романа, некоторые классики приходят к выводу, что в этом случае рассказать историю не удастся. «История не рассказалась», как в этом однажды признался У. Фолкнер, имея в виду свой роман «Шум и ярость», в котором множатся персонажи со своими версиями разворачивающихся событий, вытесняя из структуры повествования самого автора [Анастасьев, 1983, с. 74]. А вот этот прием казался уже совершенно неприемлемым. Ведь здесь отсутствует не только элементарная человеческая солидарность, но и взаимопонимание между людьми даже в одной распадающейся семье. Получается, как об этом свидетельствует пример с У. Фолкнером, что в романе XX века и в самом деле осуществилась «смерть автора», не справляющегося со своей прямой функцией. Это подтверждает и повышенная потребность в таких жанровых элементах как притча или миф. Ориентация на них позволяет обеспечить целостность произведения даже при ущемлении прав автора. Исторический, то есть событийный слой произведения понижается, а мифологический повышается. Это означает, что воспроизводимое в романе событие могло произойти когда угодно. На этом основании могут быть сближены любые исторические периоды, как это происходит в романе В. Сорокина «День опричника».

Но такая формальная новизна – свидетельство ускользания произведения из жесткого идеологического контекста. Что же касается Э. Хемингуэя, то в советской России его знали не только в период оттепели. Так, на вопрос, заданный в середине 30-х годов редакцией «Интернациональная литература», кто из зарубежных писателей в советской России популярен, ответ получался таким: это Хемингуэй. К этому времени советский читатель уже знал некоторые рассказы Хемингуэя. В 1934 году вышел составленный И. Кашкиным сборник его рассказов «Смерть после полудня». В последующий период известность и популярность Хемингуэя нарастала. В своей очень глубокой статье «Русская судьба Хемингуэя» Р. Орлова обсуждает причину популярности Хемингуэя в советской России. «Что было общего у друзей моей юности, немного легкомысленных, уверенных в единственно правильном пути к великой, единственно правильной цели, с молодыми героями «потерянного поколения»? Разве вот тоже пили вино. Целовались. Многие реалии хемингуэевского мира: бар,

яхта, бой быков, сафари – нам почти ничего не говорили; может быть потому и притягивали» [Орлова, 1989, с. 81].

Но если такое расхождение между тем, что изображает Хемингуэй и переживаниями поколения 30–40-х годов в советской России происходит, то популярность этого писателя становится загадкой. Как же ее разгадывает Р. Орлова. Что получается? Получается столь популярная в эпоху Хемингуэя философия стоицизма. Получается мужественное поведение героев в безвыходных обстоятельствах. «Задолго до него Корнель и Расин, вслед за античными авторами, – пишет Р. Орлова – утверждали трагическое величие героев, у которых в трудной борьбе долг побеждает чувство. Но Хемингуэй был нашим современником. Когда его герои обуздывали своеволие, для их подражателей это становилось спасительным примером. За него цеплялись. У нас в книгах Хемингуэя иногда находили опору и оправдание те, у кого за внешней оболочкой скрывалась непокорная душа, которая подчас сжималась, билась о стенки, вырывалась, угрожая ее носителю, а иногда и гибла. Возникали психологические травмы, мучительный разлад» [Орлова, 1989, с. 86]. Р. Орлова ощущает сходство героев Хемингуэя с французскими трагиками, представляющих классицизм, но ничего не пишет о римских стоиках, с которых эта психология и началась. Но все равно – происхождение этой современной психологии древнее («Герои Хемингуэя не плачут. Если тебе худо, если очень худо – кусай губы, крути бумажки. Хемингуэевский стоицизм и слова, звучащие вокруг и во мне «стоять», «устоять», «выстоять», – одного корня» [Орлова, 1989, с. 89].

А. Синявский нашел точное и близкое к нашему предмету понятие, характеризующее официальный стиль не только искусства, но и кодекса поведения человека советской эпохи. Это «социалистический классицизм». Однако такое мировосприятие человека – стоика, во-первых, длится недолго, а, во-вторых, этой психологии оно не исчерпывает. Индивидуальная стихия в этом моральном кодексе не может быть всецело стертой и вытесненной. А именно это-то и ощущалось в текстах Хемингуэя. Точнее, даже не в текстах, а в подтекстах. Короче, Хемингуэй привлекал не содержанием, не психологией даже, а методом, а этот метод приближал личность героя, волею судьбы включенного в большую историю, в события. Но привлекал, конечно, прежде всего самих писателей, подражающих

Хемингуэю, а их было много. Вот, например, признание Ю. Трифонова «Хемингуэй изумил не содержанием, а методом. Вроде бы ни о чем, а в то же время о многом. Вроде бы без конца и без начала, но конец и начало не нужны. Вроде нет ни портретов, ни описаний душевного состояния, ни характеристики, но – люди необыкновенно живые... Какая скудость диалогов, какая обрывочность, какие чепуховые темы, какая бескрайность ремарок: «сказал», «сказала», «сказал», «сказала» – и какая правда в разговорах людей!... Мне кажется, Хемингуэй – один из немногих писателей, сумевших создать волну в этом бескрайнем море, называемом литературой» [Орлова, 1989, с. 105].

Нельзя сказать, что для сочинений Хэмингуэя в России была зеленая улица. Об этом свидетельствует не только впервые опубликованный в Америке в 1940 году роман «По ком звонит колокол». Вообще, в советской России этот роман вышел только в 1968 году в собрании сочинений Хемингуэя. Что касается этого романа, то поводом к запрету его печатать послужило его неприятие испанскими ветеранами войны. Они в нем обнаружили искажение и неверное изображение войны в Испании. В России роман перевели еще в 1941 году, но опубликовать его не удалось. Резолюция Сталина «Интересно. Печатать нельзя» привела к запрету. Однако его распространению способствовал самиздат. По утверждению Р. Орловой, с 1939 по 1955 год книги Хэмингуэя в советской России не издавались [Орлова, 1989, с. 90]. С 1955 года в СССР начал выходить журнал «Иностранная литература» – значимый признак начинающейся оттепели. Главный редактор А. Чаковский хотел, чтобы первый номер вышел с публикаций повести «Старик и море». Но так не случилось. Оказывается, о повести плохо отзывался В.Молотов. Правда, позднее он признавался, что повесть не читал и от своей отрицательной оценки отказался. Она была напечатана лишь в сентябрьском номере журнала за 1955 год. В 1959 году вышел двухтомник Хемингуэя. Хэмингуэй возвращался к читателю, правда, поток его изданий в советской России совпадал с падением к писателю интереса.

Р. Орлова высказывает о популярности Хэмингуэя в советской России одно важное наблюдение, касающееся культурного контекста, из которого во время популярности Хэмингуэя выпали целые пласты. Эту утрату проза Хэмингуэя компенсировала. «Тридцать лет сталинизма иссушили духовную почву России. Оазисы в пу-

стыне были редкими. В начале 60-х годов, когда Хэмингуэй возвращался, целые пласты нашей собственной великой культуры были еще закрыты для нескольких читательских поколений. Не были опубликованы многие стихи Ахматовой и Пастернака. Не было вообще Цветаевой и Мандельштама. Не было ни Булгакова, ни Платонова. Не было Бердяева и Флоренского, Розанова и Г. Федотова. Почти не было американских, французских, немецких современников Хэмингуэя. Отчасти и потому его слово многие приняли за единственное, за общее и за свое. На него возложили непосильный груз. Ничем, кроме нашей истории, не обоснованный» [Орлова, 1989, с. 96]. О том, что новые поколения не знали многого из того, что появилось в искусстве начала прошлого века, пишет в своих воспоминаниях И. Эренбург. Вспоминая атмосферу 50-х, он констатирует: «Наша молодежь ничего не знала о Мейерхольде, никогда не читала стихов Мандельштама или Марины Цветаевой, не видела холстов прекрасных наших художников – раннего Кончаловского, Лентулова, Ларионова, Шагала, Малевича, Фалька. Холсты живописцев Запада – Мане, Дега, Моне, Сезанна, Матисса, Пикассо – были спрятаны в таинственные „фонды“. Кафку критики поносили, это было общепризнанным, но никто, даже критики не знали, что Кафка писал» [Эренбург, 1990, с. 313].

А как молодежь могла все эти имена знать, если в стране продолжали их предавать анафеме. В этом смысле показательна оценка, данная М. Горьким на Первом съезде советских писателей русским символистам и философам начала прошлого века (Л. Андрееву, В. Розанову, Ф. Сологубу и др.) [Первый Всесоюзный, 1934, с. 12]. Речь идет не просто о забвении художественных открытий Серебряного века, а об агрессивном неприятии многих художественных явлений этого времени. Обостряя этот вопрос в связи с постреволюционной ситуацией, Вяч. Иванов, как в воду глядел. О том, до какого безобразия может дойти отношение не только массы, но самих художников к искусству начала прошлого века, красноречиво говорит произнесенное с трибуны в 1949 году кинорежиссером М. Донским проклятие лучшим поэтам и художникам этого времени. Обвиняя своих коллег, в том числе, Л. Трауберга, М. Блеймана, С. Юткевича и др. в увлечении фрондой, М. Донской говорит с трибуны во время совещания кинематографистов: «... Они говорили: „Ах, это поколение, которое пришло, не понимает прелести поэзии Мандель-

штама, Гумилева, Цветаевой”. Читали. К черту послали давно. Знали. И наизусть не учили, и убрали. Когда-то хотели троцкисты, к молодежи обращались, – прогнали, уничтожили. И бухаринцы хотели. Уничтожили» [Стенограмма Собрании...]. А ведь М. Донской – классик кино. Итальянские режиссеры-неореалисты признавались, что учились на его фильмах. Так что иногда даже приходится задумываться: виноваты ли в том, что происходило, исключительно чиновники.

Заключение

Таким образом, очевидно, что взаимодействия между разными культурами, будут ли это отношения, с одной стороны, советской России с Западом или, с другой стороны, советской России с Востоком (а сегодня для России эта сторона дела становится предельно значимой [Хренов, 2022a]), вызывают к жизни особую драматургию, способную во многом определять рецепцию конкретных произведений даже и в том случае, когда авторы этих произведений прочтение своих замыслов, как считают представители герменевтики, на этом уровне не предполагали. Но, цитируя суждение кинорежиссера М. Донского, автора знаменитых экранизаций по произведениям М. Горького, как и многих других фильмов, автор статьи стремится показать, что взаимоотношения между культурами во многом зависят и от тех внутренних процессов, что в каждой культуре существуют. А под ними следует иметь в виду существование в каждой культуре разных социальных групп и субкультур с присущим им культивированием особых ценностей, в том числе, эстетических и художественных. Об этом свидетельствует дискуссия на Первом съезде советских писателей в 1934 году, касающаяся творчества Д. Бедного и Б. Пастернака. Наличием этого внутреннего плюрализма объясняется то обстоятельство в рецепции художественного опыта других культур, когда в одной и той же стране одни и те же авторы, представляющие другую культуру, и приветствуются, а, с другой стороны, отвергаются. К сожалению, пока в России не существует исследования по исторической рецепции искусства, представляющего иные культуры, а между тем эта проблематика представляет особый раздел в большой культурологической теме, связанной с взаимодействием между культурами. Будем надеяться, что оно появится.

Библиографический список

1. Анастасьев Н. А. Диалог (Советская литература и художественный опыт XX века) // Вопросы литературы. 1983. № 3. С. 62–104.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Москва : ЗАО «Сварог и К», 1997. 541 с.
3. Жукоцкий В. Д., Жукоцкая З. Р. Реформация как универсалия культуры: переключки эпох и поколений // Русская реформация XX века: статьи по культурфилософии советизма. Москва : Новый хронограф, 2008. 52 с.
4. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. В 2-х т. Т. 1. Санкт-Петербург : Петрополис, 2003. С. 213–320.
5. Кино Италии: Неореализм. Москва : Искусство, 1989. 431 с.
6. Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. Москва : Наш дом, 2000. 393 с.
7. Орлова Р. Д. Хемингуэй в России : Роман длиною в столетия. Ann Arbor : Ardis, Corp. 1985. 86 с.
8. Орлова Р. Д. Русская судьба Хемингуэя // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 77–107.
9. Палиевский П. В. Литература и теория. Москва : Советская Россия, 1979. 288 с.
10. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. Москва : Государственное издательство «Художественная литература», 1934. 718 с.
11. Пискалов Э. Путь от политического тетра к театру откровения. Москва : РОССПЭН, 2022. 608 с.
12. Премьеры Товстоногова. Москва : Артист. Режиссер. Театр, 1994. 368 с.
13. Стенограмма Собрании работников кино в феврале 1949 года // Личный архив члена Союза кинематографистов РФ В. И. Фомина.
14. Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм. Москва : Издательство иностранной литературы, 1953. С. 42.
15. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Москва : Айрис-пресс, 2003. 592 с.
16. Хренов Н. А. Россия, Америка, Китай: Социально-психологический аспект взаимодействия цивилизаций по принципу «Другого» // Материалы XXI национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Москва, 2022. С. 1048–1058.
17. Хренов Н. А. Традиционные ценности: судьба их носителей как судьба культуры // СССР в достижениях и катастрофах. Размышления по случаю 100-летия. Москва : Голос, 2022. С. 218–244.
18. Хренов Н. А. Персоналогический аспект цивилизационной идентичности (Россия, Америка, Китай) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3. С. 186–196.

19. Хренов Н. А. Русский эксперимент столетие спустя: революция, государство, культура // Вестник гуманитарного университета. Екатеринбург, 2023. № 1. С. 135–152.

20. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания. В 3-х т. Т. 3. Москва : Советский писатель, 1990. 496 с.

Reference list

1. Anastas'ev N. A. Dialog (Sovetskaja literatura i hudozhestvennyj opyt HH veka) = Dialogue (Soviet Literature and XX century artistic experience) // Voprosy literatury. 1983. № 3. S. 62–104.

2. Berdjaev N. A. Russkaja ideja. Osnovnye problemy russkoj mysli HH veka i nachala HH veka = Russian idea. The main problems of Russian thought in the XIX century and early XX century. Moskva : ZAO «Svarog i K», 1997. 541 s.

3. Zhukockij V. D., Zhukockaja Z. R. Reformacija kak universalija kul'tury: pereklichka jepoh i pokolenij = The Reformation as a universal of culture: echoing epochs and generations // Russkaja reformacija HH veka: stat'i po kul'turfilosofii sovetizma. Moskva : Novyj hronograf, 2008. 52 s.

4. Kagan M. S. Vvedenie v istoriju mirovoj kul'tury = Introduction to world culture. V 2-h t. T. 1. Sankt-Peterburg : Petropolis, 2003. S. 213–320.

5. Kino Italii: Neorealizm = Italian cinema: Neorealism. Moskva : Iskusstvo, 1989. 431 s.

6. Makovskij S. K. Na Parnase Serebrjanogo veka = On Parnassus of the Silver Age. Moskva : Nash dom, 2000. 393 s.

7. Orlova R. D. Heminguvej v Rossii : Roman dlinoju v polstoletija = Hemingway in Russia : A novel half a century long. Ann Arbor : Ardis, Cop. 1985. 86 s.

8. Orlova R. D. Russkaja sud'ba Hemingujeja = Hemingway's Russian destiny // Voprosy literatury. 1989. № 5. S. 77–107.

9. Palievskij P. V. Literatura i teorija = Literature and theory. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1979. 288 s.

10. Pervyj Vsesojuznyj s'ezd sovetskih pisatelej. Stenograficheskiy otchet = The First All-Union Congress of Soviet Writers. Stenographic report. Moskva : Gosu-

darstvennoe izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», 1934. 718 s.

11. Piskator Je. Put' ot politicheskogo tetra k teatru otkrovenija = The journey from political theater to revelation theater. Moskva : ROSSPJeN, 2022. 608 s.

12. Prem'ery Tovstonogova = Tovstonogov's premiers. Moskva : Artist. Rezhisser. Teatr, 1994. 368 s.

13. Stenogramma Sobranija rabotnikov kino v fevrale 1949 goda = Transcript of the Cinema Workers' Meeting in February 1949 // Lichnyj arhiv chlena Sojuza kinematografistov RF V. I. Fomina.

14. Sartr Zh. P. Jekzistencializm – jeto gumanizm = Existentialism is humanism. Moskva : Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1953. S. 42.

15. Tojnbi A. Civilizacija pored sudom istorii = Civilization facing the judgment of history. Moskva : Ajrispress, 2003. 592 s.

16. Hrenov N. A. Rossija, Amerika, Kitaj: Social'no-psihologicheskij aspekt vzaimodejstvija civilizacij po principu «Drugogo» = Russia, America, China: Social and psychological aspects of interaction between civilizations on the principle of the "Other" // Materialy HHI nacional'noj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Modernizacija Rossii: priority, problemy, reshenija. Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN. Moskva, 2022. S. 1048–1058.

17. Hrenov N. A. Tradicionnye cennosti: sud'ba ih nositelej kak sud'ba kul'tury = Traditional values: the fate of their bearers as the fate of culture // SSSR v dostizhenijah i katastrofah. Razmyshlenija po sluchaju 100-letija. Moskva : Golos, 2022. S. 218–244.

18. Hrenov N. A. Personologicheskij aspekt civilizacionnoj identichnosti (Rossija, Amerika, Kitaj) = Personological aspect of civilizational identity (Russia, America, China) // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 3. S. 186–196.

19. Hrenov N. A. Russkij jeksperiment stoletie spustja: revoljucija, gosudarstvo, kul'tura = The Russian experiment a century later: revolution, state, culture // Vestnik gumanitarnogo universiteta. Ekaterinburg, 2023. № 1. S. 135–152.

20. Jerenburg I. G. Ljudi, gody, zhizn'. Vospominani-ja = People, years, life. Memoirs. V 3-h t. T. 3. Moskva : Sovetskij pisatel', 1990. 496 s.

Статья поступила в редакцию 23.08.2023; одобрена после рецензирования 09.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 23.08.2023; approved after reviewing 09.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья
УДК 008 13.15.51
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_241
EDN: FZWMBU

Социокультурное пространство как фактор формирования духовно-нравственных ценностей

Татьяна Иосифовна Ерохина

Доктор культурологии, профессор, и. о. ректора, Ярославский государственный театральный институт имени Фирса Шишигина. 150000, г. Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43
tatyaner@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

Аннотация. В статье рассматривается специфика социокультурного пространства как сложного многосоставного феномена, включающего в себя подпространства, связанные с социальным и культурным развитием общества. Автор отмечает дискуссионность интерпретации социокультурного пространства как феномена культуры, обращается к культурфилософскому и социокультурному дискурсу содержания данного понятия. Определяя базовые элементы социокультурного пространства и его функции, автор акцентирует внимание на стадиях и результатах инкультурации и социализации, особенностях конструирования, репрезентации и трансляции духовно-нравственных ценностей посредством формирования, развития и функционирования социокультурного пространства.

В статье рассмотрены научно-образовательная, культурно-просветительская, информационно-коммуникативная, культурно-досуговая функции социокультурного пространства как фактора формирования духовно-нравственных ценностей. Обозначено ядро социокультурного пространства в аспекте константных ценностей, обозначена дифференциация ядерных и периферийных ценностей. Особое внимание уделено социокультурному пространству региона, который транслирует общероссийские ценности и обладает уникальными характеристиками, связанными с историко-культурными реалиями и социокультурными институтами, функционирующими в регионе. Обращаясь к социокультурному пространству Ярославского региона, автор анализирует культурно-просветительские и культурно-образовательные проекты Ярославля и Ярославской области, способствующие формированию духовно-нравственных ценностей и региональной идентичности. Внимание уделено музейным, театральным, культурно-просветительским и образовательным проектам, которые были представлены в Ярославском регионе и способствовали реализации основных функций социокультурного пространства, а также формированию ценностной ориентации и духовно-нравственному развитию личности.

В статье представлен аксиологический подход к анализу социокультурной среды, позволяющий подчеркнуть роль образовательных учреждений, учреждений культуры и искусства, в формировании духовно-нравственных ценностей индивида.

Ключевые слова: социокультурное пространство; духовно-нравственные ценности; Ярославский регион; идентичность; аккультурация; социализация

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации №1023012500010-5-5.3.1 по теме «Научно-методическое обеспечение формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей у детей младшего школьного возраста в рамках реализации Федеральной образовательной программы начального общего образования»

Для цитирования: Ерохина Т. И. Социокультурное пространство как фактор формирования духовно-нравственных ценностей // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 241–249. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_241. <https://elibrary.ru/FZWMBU>

Original article

Sociocultural space as a factor in forming spiritual and moral values

Tatiana I. Erokhina

Doctor of cultural sciences, professor, acting rector of Firs Shishigin Yaroslavl state theater institute. 150000, Yaroslavl, Deputatskaya st., 15/43
tatyaner@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

Abstract. The article focuses on the specifics of sociocultural space as a complex multicomponent phenomenon that includes subspaces related to social and cultural development of society. The author notes that the interpretation of sociocultural space as a cultural phenomenon is controversial and turns to the cultural-philosophical and sociocultural discourse of this concept's content. Defining the basic elements of sociocultural space and its functions, the author highlights the stages and results of enculturation and socialization, the specifics of its constructing, representing and conveying spiritual and moral values through the formation, development and functioning of sociocultural space. The article considers scientific-educational, cultural-educational, informational-communicative, and cultural-leisure functions of socio-cultural space as a factor in the formation of spiritual and moral values. The core of the sociocultural space is outlined in terms of constant values, and the differentiation of nuclear and peripheral values is identified. Special attention is paid to the socio-cultural space of the region, which transmits national values and possesses unique characteristics related to historical-cultural realities and regional socio-cultural institutions. With reference to the socio-cultural space of the Yaroslavl region, the author analyzes cultural-educational projects of Yaroslavl and the Yaroslavl region that contribute to shaping spiritual and moral values, as well as regional identity. Particular attention is paid to various cultural projects related to museums, theaters, and educational activities in the Yaroslavl region which contribute to implementing the main functions of the socio-cultural space, as well as to the formation of values and to the personality's spiritual and moral development. The article introduces an axiological approach to the analysis of sociocultural environment, which emphasizes the role of educational, cultural and art institutions in the formation of a person's spiritual and moral values.

Key words: sociocultural space; spiritual and moral values; Yaroslavl region; identity; acculturation; socialization

The article is prepared for publication within the framework of the state assignment from the Russian Federation Ministry of Education №1023012500010-5-5.3.1 on the topic «Scientific and methodological support for the formation of traditional Russian spiritual and moral values in primary school children as part of the Federal educational program for primary general education»

For citation: Erokhina T. I. Sociocultural space as a factor in forming spiritual and moral values. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):241–249. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_241. <https://elibrary.ru/FZWMBU>

Введение

Формирование духовно-нравственных ценностей у обучающихся – длительный и непрерывный процесс, требующий комплексного подхода как к содержанию понятий «духовно-нравственные ценности», так и к факторам, определяющим успешность формирования и развития ценностных ориентаций. Духовно-нравственная парадигма воспитания и обучения предполагает личностное и индивидуальное развитие школьников, целью которого является создание навыков, умений к саморазвитию и самосовершенствованию.

Опираясь на определение традиционных духовно-нравственных ценностей, обозначенных в Указе Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022: «традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [Указ], отметим, что и содержание, и инструменты реализации государственной политики по сохранению и

укреплению традиционных ценностей подразумевают обращение к социокультурному пространству, без которого невозможно решение поставленных задач. Обусловлено это не только тем, что духовно-нравственные ценности – это ценности, принятые в обществе и существующие в культурных, семейных, социально-исторических, религиозных традициях, но и тем, что они являются основой поведения людей в обществе, обеспечивают успешное развитие страны. Формирование социальной структуры опирается на систему ценностей: «ценности – основа общества, социокультурные феномены, детерминирующие функционирование системы в данной социокультурной среде» [Шакирова, 2013, с. 111]. Е. Ю. Шакирова указывает на то, что аксиологические матрицы, существующие в социуме, являются не только «условием взаимодействия социума с окружающей действительностью и нормализации отношений внутри самого социума» [Шакирова, 2013, с. 111], но и определяют пространственные рамки социокультурного пространства.

Актуальность представленного в статье исследования обусловлена научной значимостью осмысления специфики социокультурного пространства в аксиологическом аспекте, а также выявлением культурно-образовательного и куль-

турно-просветительского потенциала социокультурного пространства региона как фактора формирования духовно-нравственных ценностей.

Целью исследования стало осмысление характеристик и функций социокультурного пространства региона, способствующих формированию гражданской и региональной идентичности.

Структура и функции социокультурного пространства

Социокультурное пространство представляет собой сложную динамическую структуру, которая включает в себя множество подпространств: семиотическое, ментальное, аксиологическое, коммуникационное, образовательное и др. Не останавливаясь на научных дискуссиях, связанных с определением понятия «социокультурное пространство» (генезис которых связан с работами П. Бурдьё [Бурдьё, 2005], Э. Гидденса [Гидденс, 2005], Г. Зиммеля [Зиммель, 1999], Т. Парсонса [Парсонс, 2002], П. Сорокина [Сорокин, 1992] и др.), отметим, что под социокультурным пространством мы будем понимать сложный многоуровневый феномен, конструирующий смыслы и ценности, в которых отражена специфика культурной и социальной организации общества.

Социокультурное пространство изначально объединяет культурную и социальную составляющие, которые взаимосвязаны и взаимозависимы: система ценностей культуры зависит от многих социальных факторов, процессов, изменений, в то же время социальное устройство базируется на культурных традициях: «“социальное” фиксирует идентичность общества в его инаковости по отношению к природной среде», а “культурное” фиксирует идентичность общества как отдельного социального организма в его инаковости по отношению к другим социальным организмам» [Попков, Тюгашев, 2010, с. 62]. Интегративность, многогранность и разнородность социокультурного пространства обусловлены сочетанием аспектов социального и культурного развития. П. Сорокин указывал на неразрывность личности, общества и культуры, определяя три аспекта структуры социокультурного взаимодействия: «1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами; 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, соци-

ализируют и раскрывают эти значения» [Сорокин, 1992, с. 53].

Социокультурное пространство как и пространство в целом, обладает определенными характеристиками протяженности, координирует сферы и элементы культуры с смысловой наполненностью социальной организации, имеет ценностную характеристику: «Ценности, являющиеся каркасом, на которых выстраивается социальное и личностное пространство, могут оказаться фундирующим звеном – тем звеном, благодаря которому можно строить и сохранять, транслировать социальные, ментальные стержневые основания бытия» [Листвина, 2022, с. 42].

Социокультурное пространство будучи сложным многосоставным феноменом включает в себя ряд базовых составляющих, к которым относятся, прежде всего, символы и ценности, коммуникация и информация [Тулиганова, 2017], категория социокультурное пространство «предстает как связка понятий, что превращает её в универсальную общесоциологическую категорию и включает в себя экономическое, политическое, педагогическое, физическое, туристическое и т.п. пространства» [Колинько, 2005]. Важнейшим, на наш взгляд, является деятельностный подход к социокультурному пространству, который позволяет рассматривать социокультурное пространство как пространство самореализации индивида и пространство реализации социальных отношений на основе культурных связей и взаимодействий. Социокультурное пространство конструирует, репрезентирует и транслирует ценности и нормы общества, культурные традиции и смыслы, формирует и формируется социокультурными институтами.

Социокультурное пространство выполняет ряд функций, среди которых наиболее значимыми являются функции аккультурации и социализации: «социокультурном пространстве происходит взаимодействие различных культур и этносов, а также периодическая смена культурных элементов, передача и трансформация культурно-исторического опыта и все прочие формы взаимодействия информации» [Голубева, 2018, с. 59], при этом в контексте нашего исследования под аккультурацией и социализацией мы понимаем «усвоение людьми культурных форм <...> общества», «процесс усвоения индивидом культурных норм и социальных ролей, благодаря которому происходит превращение человека в социального индивида» [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2003, с. 55–56].

Исследователи выделяют различные стадии аккультурации и социализации, обусловленные спецификой освоения культурных и социальных норм, в нашем случае, мы обращаемся к осмыслению первой стадии или первичной аккультурации и социализации, которая начинается с момента рождения ребенка и продолжается до завершения подросткового возраста: «В этот период дети усваивают важнейшие элементы своей культуры, овладевают ее азбукой, приобретают навыки, необходимые для нормальной социокультурной жизни. Процессы инкультурации реализуются у них в это время в основном в результате целенаправленного воспитания и частично на собственном опыте» [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2003, с. 60]. Именно в ходе инкультурации и социализации происходит присвоение «внешних по отношению к индивиду и/или группе социально-культурных требований во внутренне мотивированные, определяющие индивидуальные и групповые формы поведения, стереотипы восприятия, миропонимание» [Мурзина, 2014, с. 65]. Значимость первичной стадии инкультурации обусловлена тем, что путем вхождения с социокультурное пространство, освоения, а в дальнейшем присвоения ценностей и смыслов, индивид формирует собственный мир «на основе переживания социального опыта и интериоризации принятых общественных представлений» [Мурзина, 2014, с. 65]. Результатом инкультурации и социализации становится формирование социокультурной идентичности, которая возникает в процессе эмоционально-чувственного и рационально-интеллектуального восприятия социокультурного пространства, выработки собственного отношения к этому пространству и реакции на него.

Функции инкультурации и социализации (зачастую выступающие в качестве синонимичных с контексте социокультурного пространства) в аспекте формирования духовно-нравственных ценностей могут быть представлены в виде следующих функций: научно-образовательная, культурно-просветительская, информационно-коммуникативная, культурно-досуговая [Гаврилина, 2019].

Научно-образовательная функция определена наличием образовательного пространства, которое характеризуется количеством научных и образовательных организаций, «объемом и качеством образовательных услуг, мощностью и интенсивностью образовательной информации» [Гаврилина, 2019, с. 200]. Безусловно, эта функ-

ция социокультурного пространства является базовой, поскольку образование и воспитание неразрывно связаны с деятельностью образовательных организаций. Культурно-просветительская функция также связана с воспитанием личности, распространением и популяризацией культурных ценностей и знаний, повышением уровня культуры и образования. При этом культурно-просветительская функция социокультурного пространства обусловлена как вовлечением индивидов в культурно-просветительскую деятельность, так и созданием культурно-просветительских пространств. Следствием реализации научно-образовательной и культурно-просветительской функций становится коммуникация, которая представлена в информационно-коммуникативной функции. Социокультурное пространство существует как коммуникативное пространство, позволяющее актуализировать ценности и смыслы культуры в процессе диалога, получения и осмысления информации, общения и формирования сообществ. Культурно-досуговая функция социокультурного пространства связана с культурно-досуговой деятельностью, способствующей распространению духовно-культурных ценностей, их творческому освоению и присвоению, формированию творчески активной личности.

Социокультурное пространство, являясь пространством ценностным, представляет собой целостное образование, в котором существуют ядро и периферия. Ядром социокультурного пространства являются ценности, которые являются константными, традиционными для общества («основополагающие, базовые, определяющие социокультурную специфику того или иного общества» [Шакирова, 2013, с. 115]), а периферийными, по мнению исследователей, становятся ценности заимствованные, не характерные для данного общества. Мы разделяем данную дифференциацию ценностей социокультурного пространства, особенно в части осмысления динамики соотношения «ядерных» и «периферийных» ценностей. В современной культуре вследствие стирания границ между базовыми и вторичными ценностями в социокультурном пространстве происходит нарушение социокультурной идентичности: «Периферийные ценности получают все большее развитие, и постепенно граница между ядром и периферией нивелируется, а структурные связи между ценностными группами нарушаются. Благодаря процессам глобализации и культурной ассимиляции в цен-

ностную матрицу социума все активнее проникают ценности иных социокультурных полей, изменяется характер периферийных ценностей, и это способствует тому, что многие из них начинают приобретать самостоятельный статус и значимость в социокультурном пространстве» [Шакирова, 2013, с. 115].

Вместе с тем, выделение в социокультурном пространстве ядра и периферии может происходить и в другом ракурсе, подобно предложенному Ю. М. Лотманом выделению в семиосфере культуры центра, периферии и границы. Социокультурное пространство имеет общие черты с семиосферой, которая также является пространством (семиотическим пространством), реализующим коммуникативные функции: «любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как семиосферу» [Лотман, 2000, с. 251]. И в этом семиотическом пространстве выделяются центр и периферия, которые рассматриваются в контексте бинарных оппозиций («свое / чужое», «в / вне», «верх / низ» и др.). Опираясь на концепцию Ю. М. Лотмана, мы также можем говорить о существовании социокультурного пространства как единого пространства государства, которое является своего рода ядром, репрезентирующим общегосударственные ценности, а также – периферийных образований, которые представлены социокультурными пространствами регионов. При этом, социокультурное пространство региона также репрезентирует общегосударственные ценности, но механизмы формирования и трансляции этих ценностей имеют ряд особенностей, обусловленных спецификой региона. Именно в этом контексте нам значима концепция Ю. М. Лотмана, который считал, что динамика культуры связана именно с периферийными образованиями, с границами (как пространством культуры), на которых происходит взаимодействие центра и периферии и рождаются новые смыслы.

Социокультурное пространство региона в аспекте формирования духовно- нравственных ценностей

Категория пространства априори связана с территориально-географическими и историко-культурными факторами. Социокультурное пространство России имеет базовые ценностные характеристики, к которым относятся следующие: «Россия как многонациональное единство (с акцентом на рассмотрение проблем межкультурной коммуникации), Россия как поликонфессиональная страна (с акцентом на толерантное отношение к представителям иной, нежели твоя собственная, системы верований), Россия как общее пространство для жизни представителей многих народов (с акцентом на исторически сложившемся территориальном единстве)» [Мурзина, 2014, с. 15]. Именно эти ценности обозначены как базовые в Указе Президента Российской Федерации: «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» [Указ]. Роль социокультурного пространства в процессе формирования духовно-нравственных ориентиров сложно переоценить [см. Ершова, 2007]. Но социокультурное пространство имеет специфику, связанную с региональными характеристиками.

Социокультурное пространство региона, транслируя общероссийские ценности, обладает уникальностью, обусловленной историко-культурными реалиями, а также наличием социокультурных институтов, функционирование которых и определяет специфику региона. Региональное пространство является территориально закрепленным «местом культуры», поскольку «региональная культура, определяемая условиями существования людей и определяющая формы их существования, становится интегрирующим началом жизни конкретной территории» [Мурзина, 2014, с. 25]. Обозначенные выше процессы инкультурации и социализации способствуют формированию двух уровней идентичности: региональной и общероссийской. И без формирования первого – регионального – уровня невозможно сформировать уровень второй.

Особую роль в формировании духовно-нравственных ценностей играет культурно-образовательное пространство, которое актуализи-

зирует и транслирует смыслы и ценности, определяющие идентичность жителей региона и, как следствие – общероссийскую идентичность. Несмотря на существование в России «единого образовательного пространства», которое характеризуется общностью принципов государственной политики в сфере образования и обеспечивает содержательное единство российского образования, обращение к региональному компоненту в процессе образования является необходимым и онтологически значимым условием инкультурации и социализации: «Символическое «измерение» регионального культурно-образовательного пространства может быть рассмотрено как пространство смыслов культуры, которые «оживают», когда человек обращается к ним, стремится их понять и принять» [Мурзина, 2014, с. 88]. В этом контексте отметим те смысловые и ценностные доминанты социокультурного пространства Ярославского региона, которые наиболее репрезентативно демонстрируют механизмы формирования традиционных духовно-нравственных ценностей.

Учитывая специфику Ярославля, социокультурное пространство региона формируется присутствием и функционированием музеев. Современный музей в современной культуре является образовательным ресурсом и образовательным пространством: экспозиционная деятельность дополняется образовательными программами и проектами, ориентированными на разные возрастные группы: «Через создание особой среды, в которой посетитель вступает в непосредственный контакт с музейным предметом, обеспечивая содержательную коммуникацию, через реализацию сущностной потребности быть услышанным и востребованным, через обретение новых возможностей для самоактуализации и взаимодействия с другими людьми» [Мурзина, 2014, с. 137]. Акцентируем внимание на тех музейных практиках, которые, на наш взгляд, могут быть наиболее востребованы в процессе формирования традиционных духовно-нравственных ценностей обучающихся, в том числе – младшего школьного возраста.

К таким уникальным проектам относится постоянная экспозиция «Слово о полку Игореве», расположенная на территории Ярославского музея-заповедника. При этом, внимания заслуживает не только сама экспозиция, посвященная уникальному литературному памятнику, но и предлагаемые музеем практики общения со школьниками. Так, музей приглашает на «Урок в древне-

русской школе» – интерактивную программу, позволяющую познакомиться с процессом создания рукописной и печатной книги на Руси, узнать секрет приготовления чернил, выполнить задание «писалами на церах». Таким образом, происходит приобщение как к древнерусской культуре в целом (ценностям исторической памяти, патриотизму, гражданственности), так и к региональной культуре, подчеркивающей роль Ярославского региона в культуре России. Еще один вариант интерактивной программы – «Без обеда не красна беседа», а также выставка / гастрономическое путешествие «Трапеза по-ярославски». Выставка позволяет познакомиться с бытом ярославцев второй половины XIX века – начала XX века, а участники программы вместе с «купчихой» отправятся закупать продукты, узнают на какие хитрости идут торговцы, пытаются обмануть покупателя, выяснят, какие продукты производили в Ярославской области. Особого внимания заслуживает выставка о ярославском говоре «Следи за языком», которая представляет ярославские говоры не просто как часть русского языка (основой выставки стали слова и аудиоматериал, собранный в том числе во время диалектологических экспедиций преподавателей и студентов ЯГПУ им. К. Д. Ушинского), а как новый культурный бренд региона.

Значимым для ярославцев стало событие 1990 года, когда Ярославский государственный музей-заповедник взял под свою опеку живую медведицу Машу. Медведица стала своеобразным символом музея и в определенной степени «брендом» Ярославля: в стенах музея традиционно проводится праздник «День медведя», образ медведицы Маши используется в сувенирной продукции.

Особое значение в ярославском регионе имеет обращение к театральной тематике. Значительное количество театров Ярославля (Российский государственный академический театр драмы им. Федора Волкова, Ярославский театр юного зрителя имени В. С. Розова, Ярославский государственный театр кукол, Ярославский камерный театр под руководством Владимира Воронцова, Учебный театр Ярославского государственного театрального института имени Фирса Шишигина, театр (студия кукол) «Ёжики») позволяет говорить о значимости театрального пространства в ярославском регионе и его культурно-образовательном потенциале в формировании духовно-нравственных ценностей. Отметим также, что согласно Региональной целевой про-

грамме «Развитие культуры и искусства в Ярославской области на 2019–2024 гг.» Ярославская область позиционирует себя как территория фестивалей, и театральные фестивали являются одной из составляющих социокультурного пространства ярославского региона. Обратим внимание на то, что почти все указанные театры ориентированы на разновозрастную аудиторию. К зрителям младшего школьного возраста обращается студия кукол «Ёжики», предлагающая не только кукольные спектакли, но и мастер-классы по созданию кукол, Ярославский государственный театр кукол, в программе которого есть экскурсия «Театральное закулистье», театрализованная образовательная программа «Такой разный театр кукол», знакомство с экспозицией музея Ярославского театра кукол. На школьников рассчитаны образовательные программы Ярославского театра юного зрителя имени В. С. Розова (в том числе, ежегодно проводимый Всероссийский театальный фестиваль им. В. С. Розова – «Розовфест»), Учебного театра ЯГТИ им. Ф. Шишигина, предлагающего мастер-классы для школьников, просмотры и обсуждения спектаклей. Образовательные и культурно-просветительские экскурсии для школьников проводит Российский государственный академический театр драмы им. Федора Волкова.

Театральная направленность отличает и многие проекты Ярославля, актуализирующие культурную идентичность региона. Так, в 2022 году в Ярославле был реализован театальный проект «Голоса цеха», созданный режиссером С. Карповым на основе пьесы Н. Ключаревой. Текст пьесы был основан на документальных источниках – воспоминаниях рабочих фабрики «Красный Перекоп» и работниц фабрики Рыбинска, которые были собраны Ю. Кривцовой, Л. Непочатовой, Д. Ротенберг. Специфика конструирования гражданской идентичности, представленная этим проектом, была рассмотрена нами ранее [см. Ерохина, 2023]. Отметим, что актуализация индустриального наследия Ярославля реализована и в других проектах авторов: аудиоспектакль «Радио Фабрика», экскурсия-беседа «Мануфактура возможностей», семейная экскурсия и мастер-класс «Ткани на деревьях не растут», аудио прогулка «Перекоп».

Актуализация культурного наследия представлена также опытом Данилова: проектом путеводителя по городу «Наглядное пособие для прогулок», автор Е. Змеева. Авторы проекта предложили вовлечь подростков и молодёжь Да-

нилова «в процессы изменения культурного ландшафта города, создания творческой среды». Целью проекта стало создание нестандартного путеводителя по городу. К участию в проекте были приглашены педагоги и ученики 7–11 классов школ города. Дети вместе со взрослыми выбрали самые особенно значимые и интересные места на карте Данилова, с участием экспертов собирали материал, подбирали иллюстрации и фотографии. Итогом проекта стало издание путеводителя в виде небольшой книги.

Заключение

Указанные проекты и программы не исчерпывают социокультурный потенциал ярославского региона как фактора формирования духовно-нравственных ценностей, но демонстрируют значимость формирования культурной идентичности, которая происходит в процессе освоения культурного наследия, знакомства с краеведческим материалом, памятниками культуры, общения и совместных проектов с творческими личностями региона.

Таким образом, социокультурное пространство – это пространство, создаваемое социумом и транслирующее базовые культурные ценности посредством функционирования культурно-образовательной, культурно-просветительской, коммуникативной среды. Образовательные учреждения, учреждения культуры и искусства, культурно-досуговые учреждения способствуют созданию и функционированию социокультурной среды, целью которой является аккумуляция и социализация индивида. Правильная организация взаимодействия индивида и социокультурного пространства в аспекте аккумуляции и трансляции духовно-нравственных ценностей будет способствовать ценностной ориентации и духовно-нравственному развитию личности.

Библиографический список

1. Бурдые П. Социальное пространство : поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. Н. А. Шматко. Москва ; Санкт-Петербург : Ин-т эксперим. социологии : Алетея, 2005. 288 с.
2. Гаврилина Т. О. Социокультурное пространство города: структура, функции // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (59). С. 196–205.
3. Гидденс Э. Устроение общества : очерк теории структуризации. 2-е изд. Москва : Акад. проект, 2005. 528 с.
4. Голубева О. Ю. Духовно-нравственное развитие личности в социокультурном пространстве средствами психологического тренинга // Ученые записки

Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 4 (70). 2018. № 4. С. 58–64.

5. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации / под ред. А. П. Садохина. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.

6. Ерохина Т. И. Реконструкция гражданской идентичности в современном театре: документальный спектакль «Голоса цеха» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 218–225.

7. Ершова О. Б. Сущность и специфика воздействия социально-культурной среды на формирование ценностных ориентаций подростков и молодежи // Вестник Томского гуманитарного университета. Гуманитарные науки. Педагогика. 2007. Выпуск 9 (53). С. 134–139

8. Зиммель Г. Философия денег (фрагмент) // Теория общества : сборник / пер. с нем., англ. Москва : КАНОН-Пресс-Ц, 1999. 416 с.

9. Колинко И. В. Социологические основы развития социокультурного пространства // Теория и практика общественного развития. 2005. Вып. № 3. URL: <http://www.teoria-practica.ru/ru/2005/3-2005.html> (дата обращения: 04.03.2023)

10. Листвина Е. В. Современная социокультурная ситуация: проблема ценностных ориентиров // Аспирантский вестник Поволжья. 2022. № 22(3). С. 41–43.

11. Лотман Ю. М. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. Санкт-Петербург : Искусство СПб., 2000. 704 с.

12. Мурзина И. Я. Региональное культурно-образовательное пространство: структура, функции, социокультурный потенциал : монография. Москва : Издательство Перо, 2014. 197 с.

13. Наглядное пособие для прогулок. URL: https://cultmosaic.ru/winners/naglyadnoe-posobie-dlya-progulok/?sphrase_id=4538 (дата обращения: 04.03.2023)

14. Орлова Е. В. Социокультурное пространство: к определению понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 149–152.

15. Парсонс Т. О социальных системах. Москва : Академ. проект, 2002. 832 с.

16. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Социокультурное движение в гуманитарном сообществе и социокультурный подход // Вестник Новосибирского государственного университета. 2010. Т. 10. № 3. С. 58–63.

17. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. Москва : Политиздат, 1992. 542 с.

18. Тулиганова И. В. Социальная память в пространстве города // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (83). С. 196–198.

19. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государ-

ственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 04.03.2023)

20. Шакирова Е. Ю. Общее представление о строении и динамике современного социокультурного пространства // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2013. № 2. С. 108–124.

Reference list

1. Burd'e P. Social'noe prostranstvo: polja i praktiki = Social space: fields and practices / per. s fr.; otv. red. N. A. Shmatko. Moskva ; Sankt-Peterburg : In-t jeksperim. sociologii : Aleteja, 2005. 288 s.

2. Gavrilina T. O. Sociokul'turnoe prostranstvo goroda: struktura, funkcii = Sociocultural urban space: structure, functions // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 2 (59). S. 196–205.

3. Giddens Je. Ustroenie obshhestva : ocherk teorii strukturacii = Structuring society : an essay on structuration theory. 2-e izd. Moskva : Akad. proekt, 2005. 528 s.

4. Golubeva O. Ju. Duhovno-nravstvennoe razvitie lichnosti v sociokul'turnom prostranstve sredstvami psihologicheskogo treninga = Personal spiritual and moral development in the socio-cultural space through psychological training // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernad'skogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija. Tom 4 (70). 2018. № 4. S. 58–64.

5. Grushevickaja T. G., Popkov V. D., Sadohin A. P. Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii = Basic intercultural communication / pod red. A. P. Sadohina. Moskva : JuNITI-DANA, 2003. 352 s.

6. Erohina T. I. Rekonstrukcija grazhdanskoj identichnosti v sovremennom teatre: dokumental'nyj spektakl' «Golosa ceha» = Reconstructing civic identity in contemporary theater: the documentary performance "Voices of the workshop" // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2023. № 1 (32). S. 218–225.

7. Ershova O. B. Sushhnost' i specifika vozdejstvija social'no-kul'turnoj sredy na formirovanie cennostnyh orientacij podrostkov i molodezhi = Essence and specificity of the impact of socio-cultural environment on the formation of values in teenagers and young people // Vestnik Tom'skogo gumanitarnogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Pedagogika. 2007. Vypusk 9 (53). S. 134–139

8. Zimmel' G. Filosofija deneg (fragment) = Philosophy of money (excerpt) // Teorija obshhestva : sbornik / per. s nem., angl. Moskva : KANON-Press-C, 1999. 416 s.

9. Kolin'ko I. V. Sociologicheskie osnovy razvitiya sociokul'turnogo prostranstva = Sociological bases of sociocultural space development // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2005. Vyp. № 3. URL: <http://www.teoria-practica.ru/ru/2005/3-2005.html> (data obrashhenija: 04.03.2023)

10. Listvina E. V. Sovremennaja sociokul'turnaja situacija: problema cennostnyh orientirov = Modern sociocultural situation: the problem of value guidelines // Aspirantskij vestnik Povolzh'ja. 2022. № 22(3). S. 41–43.

11. Lotman Ju. M. Semiosfera: kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhih mirov. Stat'i. Issledovanija. Zametki = Semiotic sphere: culture and explosion. Inside thinking worlds. Articles. Studies. Notes. Sankt-Peterburg : Iskustvo SPb., 2000. 704 s.
12. Murzina I. Ja. Regional'noe kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo: struktura, funkcii, sociokul'turnyj potencial = Regional cultural and educational space: structure, functions, socio-cultural potential: monografija. Moskva : Izdatel'stvo Pero, 2014. 197 s.
13. Nagljadnoe posobie dlja progulok = A visual handbook for walkabouts. URL: https://cultmosaic.ru/winners/naglyadnoe-posobie-dlya-progulok/?sphrase_id=4538 (data obrashhenija: 04.03.2023)
14. Orlova E. V. Sociokul'turnoe prostranstvo: k opredeleniju ponjatija = Sociocultural space: towards defining the concept // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 7 (81). S. 149–152.
15. Parsons T. O social'nyh sistemah = On social systems. Moskva : Akadem. proekt, 2002. 832 s.
16. Popkov Ju. V., Tjugashev E. A. Sociokul'turnoe dvizhenie v gumanitarnom soobshhestve i sociokul'turnyj podhod = Sociocultural movement in humanitarian community and a sociocultural approach // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. T. 10. № 3. S. 58–63.
17. Sorokin P. A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo = Man. Civilization. Society. Moskva : Politizdat, 1992. 542 s.
18. Tuliganova I. V. Social'naja pamjat' v prostranstve goroda = Social memory in urban space // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 9 (83). S. 196–198.
19. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniu i ukrepleniju tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» = The Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022, No. 809 «On establishing the principles of state policy for the preservation and strengthening traditional Russian spiritual and moral values». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (data obrashhenija: 04.03.2023)
20. Shakirova E. Ju. Obshhee predstavlenie o stroenii i dinamike sovremennogo sociokul'turnogo prostranstva = General idea of the structure and dynamics of modern sociocultural space // Vestnik VGU. Serija: Filosofija. 2013. № 2. S. 108–124.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 21.08.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 008:316:347,787

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_250

EDN: HFRTPF

Культовые памятники в городском пространстве: транспозиции в диалоге времен

Ольга Ивановна Сгибнева^{1✉}, Екатерина Олеговна Беликова²

¹Доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет. 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100

²Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет. 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100

¹olga.sgibneva@volsu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-6397-6148>

²katena.belikova.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8686-1770>

Аннотация. Авторы рассматривают памятники религиозной культуры как неотъемлемую часть историко-культурного наследия. Особые смыслы и пространственные формы культовых памятников являются важными факторами формирования культурной среды города. Их утрата нарушает единство культурного пространства, разрушает культурную преемственность, деформирует историческую память. На примере Царицына-Сталинграда-Волгограда прослеживается динамика культовых памятников в пространстве городской культуры, их зависимость от политики власти по отношению к религии и религиозным организациям. Культурная среда Царицына наглядно демонстрировала его многонациональный и поликонфессиональный характер. Культовые памятники отражали особенности историко-культурного развития города, многообразие художественных стилей в провинциальной архитектуре. Утраты религиозного наследия стали последствиями не только военных сражений XX века, но прежде всего связаны с трансформацией политики власти по отношению к религиозным объединениям.

В современной России с изменением государственной политики, утверждением принципов свободы совести и свободы вероисповеданий значительно меняется и культурный ландшафт городов, религиозные объекты становятся неотъемлемой частью их культурной среды. Авторами представляются спорными современные попытки искусственной интеграции воссозданных «макетов» исторических храмов Царицына в иную по стилю архитектурную среду современного города. Ряд новых храмов Волгограда стали органической частью городской культурной среды, и, как показывают социологические исследования, такие примеры позитивно воспринимаются горожанами. В то же время принимаются порой спорные решения, которые вызывают дискуссии в городском сообществе. Анализ современного процесса восстановления объектов религиозной культуры в современном городе показывает необходимость общественного обсуждения проектов, учета мнения как религиозных деятелей, так и научного сообщества, а также мнения жителей города, квалифицированной экспертизы.

Ключевые слова: культура; культурное наследие; культурная среда; памятники культуры; преемственность; транспозиция; культурная динамика; религиозная культура

Для цитирования: Сгибнева О. И., Беликова Е. О. Культовые памятники в городском пространстве: транспозиции в диалоге времен // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 250–260. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_250. <https://elibrary.ru/HFRTPF>

Original article

Cult monuments in urban space: transpositions in the dialogue of times

Olga I. Sgibneva^{1✉}, Ekaterina O. Belikova²

¹Doctor of philosophical science, professor at the department of sociology and political science, Volgograd state university. 400062, Volgograd, Universitetsky ave., 100

²Candidate of sociological sciences, associate professor at the department of sociology and political science, Volgograd state university. 400062, Volgograd, Universitetsky ave., 100

¹olga.sgibneva@volsu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-6397-6148>

²katena.belikova.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8686-1770>

Abstract. The authors regard the monuments of religious culture as an integral part of historical and cultural heritage. Unique senses and spatial forms of cult monuments are important factors in shaping urban cultural environment. Their loss breaks the unity of cultural space, destroys cultural continuity, and distorts historical memory. The example of Tsaritsyn-Stalingrad-Volgograd shows the dynamics of cult monuments in the space of urban culture, their dependence on the state policy towards religion and religious organizations. The cultural space of Tsaritsyn clearly demonstrated its multi-ethnic and multi-confessional character. The cult monuments reflected the specifics of the historical and cultural development of the city, the diversity of artistic styles in provincial architecture. The loss of religious heritage was not only a consequence of the military battles in the XX century, but first of all it is connected with the changes in the policy of the authorities towards religious organizations. In modern Russia, following the changes in state policy and the transition to the principles of freedom of conscience and freedom of religion, urban cultural landscape is changing significantly, and religious sites are becoming an integral part of cities' cultural environment. The authors see as controversial the modern attempts to artificially integrate recreated «models» of Tsaritsyn's historical churches into the modern architectural environment, which is quite different in style. A number of new churches in Volgograd have integrated into the city's cultural environment and, as sociological studies show, such examples are positively viewed by the citizens. At the same time, some controversial decisions are made, which cause debates in the city community. Analyzing the current restoration process of religious cultural objects in the modern city the authors show the need for public discussion of projects, the need to take into account the opinion of both religious figures and the scientific community, as well as the opinion of the people and the qualified expertise.

Key words: culture; cultural heritage; cultural environment; cultural monuments; continuity; transposition; cultural dynamics; religious culture

For citation: Sgibneva O. I., Belikova E. O. Cult monuments in urban space: transpositions in the dialogue of times. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(4):250–260. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_250. <https://elibrary.ru/HFRTPF>

Введение

В культуре исторически интегрированы и светские, и религиозные начала. Они то мирно сосуществуют в культурном пространстве, то вступают в спор, доходящий до конфликтного противостояния. Периоды споров и конфликтов неизбежно приводили к культурным утратам, обеднению культурного наследия. Эти процессы и их результаты наглядно отразились в динамике русской культуры, которая со времени своего становления столетиями развивалась под определяющим воздействием православной религии и церкви. При строительстве городов, других видов поселений православные храмы становились доминантами жизненного пространства людей. Переход к каменному строительству позволил на века вперед сохранить как художественные особенности культового зодчества, так и его градообразующую функцию в культурной среде.

С учетом того, что Россия исторически формировалась как многоконфессиональное государство при доминировании православия, культовые памятники стали важной частью историко-культурного наследия, той сокровищницы, которая сохраняет и передает исторический опыт от одного поколения к другому, обеспечивая их преемственность, предоставляя им возможность, осваивая прошлое, понимать настоящее и творить будущее. От средневековья к новому и новейшему времени памятники религиозной культуры пополняли наследие и новыми формами, и

новыми смыслами. Единство и целостность культурного наследия проявляется не только в историческом контексте и в его материальном воплощении [Культурный ландшафт, 2020, с. 10–11], но и в пространственных связях, подтверждающих историческую репрезентативность, аутентичность и достоверность объектов. Утрата культовых памятников в XX веке обеднила культурную среду, нарушила ее целостность и историко-культурные связи. Восстановление преемственных связей в культуре – сложный и многогранный процесс, требующий изучения как экспертного мнения, так и массового сознания, мнения горожан, ощущающих городское культурное пространство каждодневно.

Теоретические основания исследования

П. Сорокин, исследуя динамику развития культуры, при характеристике средневекового ее типа справедливо отмечал, что главным ее принципом, главной ценностью был Бог, все основные культурные виды выражали этот фундаментальный принцип: «Архитектура и скульптура средних веков были „Библией в камне“. Литература также была насквозь пронизана религией и христианской верой. Живопись выражала те же библейские темы в линии и цвете. Музыка почти исключительно носила религиозный характер. Философия была практически идентична религии и теологии... Наука была лишь прислужницей христианской

религии... Политическая организация в ее духовных и светских сферах была преимущественно теократической и базировалась на Боге и религии» [Сорокин, 1992, с. 430]. Подобная картина характерна и для западноевропейского, и русского средневековья.

Анализируя динамику русской средневековой культуры, А. Панченко приходит к выводу, что для неё историческая дистанция не имеет особого значения, ибо не человек владеет историей, а история владеет человеком. Поэтому культура – это сумма вечных идей, она не стареет, у нее нет срока давности [Панченко, 2000, с. 71]. Размыкая круг православных ассоциаций, культура нового времени, опираясь на идеи античности, рождает новые формы религиозных памятников, прежде всего в культовом зодчестве, которое продолжает оставаться важной доминантой культурной среды.

По мере освоения окружающего мира, познания законов природы, развития научного знания человек все активнее выходит за пределы религиозного мировоззрения, пополняя культурное пространство новыми явлениями, отражающими его земную жизнь, создавая «культуру сенсорную, эмпирическую, светскую» [Сорокин, 1992, с. 431]. Но религия не вытесняется из духовной жизни человека, памятники религиозной культуры остаются важной составляющей историко-культурного наследия, под которым понимается совокупность культурных ценностей, отражающих социокультурный, религиозный, научный, художественный опыт человечества, нации, народности, передающийся от поколения к поколению в качестве основы объективного осмысления истории страны, как хранитель исторической памяти общества. Именно в культурном наследии реализуется объективная закономерность развития культурно-исторического процесса – историческая преемственность, связь между различными этапами культуры, когда на основании достижений предшественников и культурных инноваций создается новое, рождаются культурные ценности, наследуемые будущим [Баллер, 1987, с. 56]. Культурное наследие выступает в виде относительно неизменных, стабильных, устойчивых культурных форм, образующих фонд наследования и опирающихся на культурную традицию.

Историческая преемственность обеспечивает устойчивость культурной динамики. Следствием разрыва преемственных связей является утрата культурных ценностей, социального опыта прошлого, что порождает деструктивные тенденции в

культурной жизни, в сознании человека. Именно культурное наследие в этом случае становится объектом разрушения новыми социальными силами как нечто архаическое, отжившее, не соответствующее современности, мешающее развитию нового. В то же время исторический опыт показывает, что идея создания новой культуры с «чистого листа» всегда оказывалась исторической иллюзией. Включая в себя достижения науки и искусства, нравственные, правовые, политические, религиозные, лингвистические ценности, обычаи и традиции, опыт человеческих коммуникаций, быта и труда, культурное наследие всегда обеспечивало воспроизводство и самосохранение культуры [Сгибнева, 1999, с. 67–68].

Результаты исследования и дискуссия

На примере российских городов можно наглядно проследить, как сказывались исторические, общественно-политические события на культурном пространстве поселений. Особенно болезненно осознаются утраты на примере городов, пострадавших не только от внутренних российских трансформаций, но и от внешних деструкций. Одним из таких городов, сменивших за свою историю три имени, является Царицын – Сталинград – Волгоград.

Возникший как сторожевая крепость сначала на острове, затем на высоком правом волжском берегу не позднее 1589 г. по указу царя Федора Иоанновича, город прошел через череду восстаний в период Смуты, по нему прокатились восстания С. Разина, К Булавина, Е. Пугачева, здесь шли кровавые бои гражданской и Великой Отечественной войн XX века. Географическое положение города делало его важным стратегическим звеном в период военных событий. Получивший имя Сталина при жизни Генерального секретаря партии, в первой половине XX века город стал полем экспериментального строительства нового социалистического города, наглядно отражающего идеологию власти.

Как и в жизни других волжских городов, особую роль в его существовании играла река. Являясь главным градостроительным и социокультурным ориентиром, она постепенно становится важным экономическим фактором, определяет ритм и характер жизни населения. Волжская торговля – основа благосостояния Царицына. Развитие паромного судоходства, а затем строительство Грязе-Царицынской и Волго-Донской железных дорог позволило некогда захолустному уездному городу Саратовской губернии превратиться к концу

XIX в. в крупный транспортный, торговый, промышленный центр юго-востока России, который вскоре стали называть «Русским Чикаго» [Максимова, Петрова, 2012, с. 63–64]. Активное промышленно-торговое развитие обеспечило невиданный для уездного города демографический рост. К 1897 г. население Царицына составило 55,2 тыс. чел., он стал вторым по величине городом Саратовской губернии, обогнав такие уездные города, как Камышин, Вольск, Дубовка, Аткарск. В 1913 г. в Царицыне проживает уже 131 тыс. чел. и, оставаясь уездным городом, он входит в число 29 крупных городов России (Владимир, Смоленск, Тверь, Уфа, Пермь и др.) с населением более 100 тыс. чел. [Максимова, Петрова, 2012, с. 68]. При участии купцов и промышленников в Царицыне строятся храмы, гимназии и училища, библиотеки, открывается театр «Конкордия», Дом науки и искусства, краеведческий музей. Постепенно меняется весь социокультурный облик города, который из пыльного захолустья постепенно трансформируется в благоустроенный город индустриального типа с развивающейся социокультурной инфраструктурой.

Географическое положение определило формирование города как многонационального и поликонфессионального. Исследователи отмечают, что на начало XX века в городе проживали русские, татары, немцы, евреи, поляки, персияне, армяне, калмыки, французы, англичане. В то же время основную массу населения Царицына составляли русские (89,5 %), и только 10,5 % распределялись между другими народностями [Максимова, Петрова, 2012, с. 139].

По вероисповедным ориентациям основная часть населения на начало XX века – это православные Русской православной церкви (более 89 %), 4,2 % составляли старообрядцы, 2,35 % – мусульмане, более 2 % – лютеране, 1, 4 % – иудеи, 1 % – католики [Минх, 2010, с. 446].

В городском ландшафте Царицына культовые здания занимали доминирующее место. В XVII в. в Царицыне было построено два деревянных храма: в документах упоминаются соборная Воскресенская и Троицкая церкви. В конце XVII – начале XVIII вв. начинается возведение каменных сооружений: строятся Иоанно-Предтеченская, Троицкая, Успенская, Преображенская церкви; продолжается строительство деревянных храмов (Скорбященская, Николаевская церкви).

А. Минх в Историко-географическом словаре отмечает:

– в 1878 г. в Царицыне проживало духовенства всех вероисповеданий – 88 чел., «духовенства православного белого – 34 муж. п., 50 жен. п., магометанского – 1 муж. п., 2 жен. п. ... в городе было к 1 января 1880 г. 24568 душ об. п.; по вероисповеданиям: православного 10193 души муж. п., 10.352 жен. п.; раскольников разных сект – 223 муж. п., 255 жен. п.; римско-католиков – 206 м. п., 229 жен. п.; лютеран – 106 м. п., 97 ж. п.; еврейского – 169 м. п., 182 ж. п.; магометан – 300 муж. п., 200 жен. п.; прочих не христианских вероисповеданий – 506 муж. п. и 664 ж. п. ... Церквей было 7, из них 6 каменных 1 деревянная» [Минх, 2010, с. 445].

– в 1898 г. в городе уже проживало «56454 души об. п.» То есть за 20 лет население Царицына выросло более чем вдвое! Далее А. Минх, опираясь на данные статистического комитета Саратовской губернии, уточняет: «По вероисповеданиям: православных – 25528 муж., 24961 жен.; единоверцев – 284 муж., 418 жен.; раскольников разных сект – 762 муж., 887 жен.; римско-католиков – 253 муж., 330 жен.; лютеран – 588 муж., 567 жен.; еврейского – 281 муж., 298 жен., магометан – 651 муж., 676 жен.; пр. не христианских вероисповеданий – 41 муж., 19 ж. п. ... Духовенства православного белого – 57 муж. п., 81 жен. п.; монашествующих – 1 муж. п., 40 жен. п.; духовенства лютеранского 1 муж. п.; магометанского – 3 муж. п., 3 жен. п. ... Всех церквей, в т.ч. домовых, было: православных каменных – 10, монастырь каменный – 1, часовен каменных – 2, деревянная – 1, лютеранская церковь каменная – 1, магометанская мечеть деревянная – 1, молельня для лиц иудейского закона – 1. ... прочих церковных зданий – 6 каменных и 1 – деревянных, церковных и монастырских лавок – 1 каменная, 1 деревянная» [Минх, 2010, с. 436].

Таким образом, мы видим, что два последних десятилетия XIX в. город стремительно рос, расширялась его площадь, увеличивалось число промышленных предприятий (к концу века их было более 140, в их числе 4 чугунолитейных, 3 механических, 37 мельниц, 6 маслобоен, в т.ч. 2 – по производству горчичного масла, 10 лесопилен, завод минеральных вод и др.), в 3 раза увеличилось число каменных строений, строились школы, гимназии, училища, открылась немецкая смешанная школа (в доме лютеранского общества), татарская и еврейская школа [Минх, 2010, с. 437–442]. Город формировался как многонациональный и многоконфессиональный, причем основную часть населения состав-

ляли православные. Строятся храмовые здания разных конфессий.

К началу XX века подавляющее большинство культовых зданий были каменными. Основная часть – это православные храмы, но были построены также практически в центральной части города старообрядческая и армянская церкви, синагога, мечеть, лютеранская церковь. В начале XX века возведен каменный католический костёл.

К 1916 г. в Царицыне было 16 православных храмов. Самым древним считалась Иоанно-Предтеченская церковь, построенная на территории Царицынской крепости в 1664–1665 гг. (деревянная), в 1700–1704 гг. строится каменная церковь [Материкин, 1999, с. 50]. По мнению волгоградского историка архитектуры В. В. Серебряной, документы архивов позволяют говорить о том, что «церковь Иоанна Предтечи в царицынской архитектуре – ранняя ступень развития ярусных композиций, в которой уже четко просматривается продольная ось, еще с небольшой трапезной и с ярусным завершением четверика» [Серебряная, 2002, с. 16]. В древнейшей части Царицына располагались еще два храма: Троицкий (1710–1720 гг.) и собор Успения Божьей Матери (1718–1730, перестроен в 1850-е гг.). В храмах имелось множество церковных ценностей, описание которых сохранилось в церковных ризничных описях 1854 г. В архитектурном плане в этих храмах преобладали строгие прямые линии, в основе – четверик, перекрытый сводом с довольно плоским куполом [Серебряная, 2002, с. 19–21]. В Солдатской слободе строится Покровская церковь (1708 г. – деревянная, 1826 г. – каменная). В XVIII в. построены Спасо-Преображенская церковь (ориентировочно 1720–1729 гг., перестроена и заново освящена в 1885 г.), Скорбященская церковь (1775 г. – деревянная, 1837–1839 гг. – каменная); в XIX в. – Вознесенская церковь (1864 г.), церковь прп. Сергия Радонежского (1888 г.), Казанская церковь (1899 г.), Рождественско-Богородицкая церковь (1899 г.), Крестовоздвиженская церковь (1894–1901 гг.) и др. [Иванов, Супрун, 2003, с. 37–131]. Основные вклады в строительство православных храмов вносило царицынское купечество, в конце XIX – начале XX вв. к числу благотворителей добавились царицынские промышленники и фабриканты.

В апреле 1901 г. в центре Царицына «состоялась закладка нового собора во имя святого кн. Александра Невского, освященная епископом

Вольским Гермогеном» [Минх, 2010, с. 446]. За образец был взят проект недавно построенного собора в Оренбурге. Создается попечительство и начинается сбор средств на строительство собора. Наиболее крупные вклады внесли акционеры «Урало-Волжского металлургического общества», управление Тихорецкой железной дороги, царицынские купцы В. Н. и А. Н. Рысины, А. М. Шлыков, А. А. Репников и др. Купцом Серебряковым были подарены хрустальные кресты для внутреннего убранства собора. Строительство завершено в 1916 г., освящен собор в 1918 г. [Минх, 2010, с. 446].

Каждый из этих храмов представлял собой интересный образец русской провинциальной православной архитектуры, которая развивалась в русле общероссийских художественных тенденций XVII – начала XX вв., но имела особые черты, характерные для конкретного региона, с учетом специфики используемых местных материалов, традиций городской и сельской архитектуры. Храмы формировали внешний облик города, его панорамный вид с Волги. И все они, безусловно, составляли значительную часть историко-культурного наследия Царицына как крупного нижеволжского промышленного города, выросшего из оборонной крепости на южных рубежах Московского царства, затем Российской империи. Почти полная их утрата в первой половине XX века знаменовало собой выхолащивание и оскудение культурного пространства, той культурной среды существования человека, в которой формируются его ценности, его мировоззренческие, эстетические и нравственные ориентиры. Ведь культура – это целостное явление, накапливающая свой потенциал веками. Не случайно Д. С. Лихачёв отмечал, что «общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо одной его части...» [Лихачев, 2007, с. 10].

После Октябрьской революции и гражданской войны памятники культовой архитектуры стали объектами целенаправленного разрушения как чуждые новой идеологии, функционально неприемлемые в условиях построения нового общества. В 20-е годы XX в. под разными предлогами начинается закрытие православных церквей и монастырей, культовых зданий других конфессий, их переустройство под различные общественные нужды. Причем архитектурно-художественная и историческая ценность культовых объектов не учитывалась, их облик нивелировали, стирая внешние признаки религиозно-

го сооружения [Культурное наследие ... , 2013. с. 74–76]. Еще в 1918 г. большевиками реквизируется большая часть Свято-Духова монастыря, начинается разграбление храмов центральной части Царицына [Государственный архив ... , фонд 71, л.13].

С переименованием Царицына в Сталинград (1925 г.) и становлением его как губернского, а затем и краевого центра (Нижеволжский край — 1928 г., Сталинградский край — 1934 г.) происходят значительные изменения в городской культурной среде. Начинается крупное жилищное, промышленное и культурное строительство, а параллельно — уничтожение памятников культового зодчества. Социокультурное пространство города, центром которого были храмовые здания, лишалось своей целостности и привычности в восприятии жителей. В период 1926–1932 гг. этот процесс развивается постепенно от окраин города к его центру.

Вот как осуществлялось закрытие Никольской церкви в поселке деревообрабатывающего завода им. Я. Ермана, община которой составляла, по информации крайисполкома, 74 зарегистрированных чел., по данным самой религиозной организации — 119 зарегистрированных и 3 тыс. незарегистрированных [Государственный архив ... , фонд 313, л. 2]. Церковь передана общине по договору от 15 мая 1926 г. без пристроек, в которых разместили аптеку, стоматологический кабинет и амбулаторию. Решением Нижеволжского краевого исполнительного комитета депутатов трудящихся № 526/12 от 29 апреля 1929 г. церковь закрывается и передается для расширения амбулатории, обслуживающей 9 тыс. человек, а также для открытия детской консультации. Основанием послужил прилагающийся наказ трудящихся депутатам: «Ввиду того, что мы имеем в одном и том же помещении лечебное учреждение, а также и церковь, считаем необходимым последнюю закрыть и расширить амбулаторию» [Государственный архив ... , фонд 313, л. 3–4]. Жалобы верующих в крайисполком и Президиум ВЦИК не дали результата, община осталась без храма.

В период с 1928 до 1932 идет процесс закрытия церкви Вознесения. Построенная в 1864 г. (арх. Р. Курбатов) в торговой части города, на Базарной площади, церковь к началу XX века была самой богатой в Царицыне. И, хотя в 1922 г. прихожане храма активно участвовали в сборе средств голодающим, это не спасло храм. По «просьбам трудящихся» вопрос о закрытии

церкви сначала обсуждается в городе, предлагаются различные варианты использования культового здания, в том числе передачу его учебному заведению. Именно это предложение поддержал Народный Комиссариат земледелия и в январе 1931 г. принимается решение «О закреплении церкви Вознесения в Сталинграде за техникумом Социалистического Земледелия». В решении наркомата отмечается: «В Сталинграде недостаток помещений, вследствие чего учебное заведение Зернотреста не имеет необходимых кабинетов, учащиеся лишены возможности проведения лабораторных занятий» [Государственный архив ... , фонд 133, л. 28]. Наркомат обращается в Президиум ВЦИК с ходатайством о передаче бывшей церкви техникуму Земледелия Зернотреста Наркомата Земледелия, которое было поддержано.

По данным крайисполкома в 1930 г. в Сталинграде действовало 17 церквей и молитвенных домов: 3 церкви Русской Православной Церкви, 8 церквей Обновленческой православной церкви, 2 старообрядческие церкви, 1 Греко-Российской церкви, 1 католический костел, 1 мусульманская мечеть и 1 синагога [Государственный архив ... , фонд 133, л. 25].

Роковым для самых древних царицынских культовых памятников стал 1932 г. В этом году закрыты, разобраны или взорваны православные храмы, входившие в черту старинной Царицынской крепости: самый первый каменный храм — церковь Иоанна Предтечи (1664–1665 гг.), Троицкая церковь (1710–1720 гг.) и Успенский собор (1718 г.), который в течение 200 лет, вплоть до освящения собора Александра Невского, был кафедральным собором города. Каждый из уничтоженных храмов сыграл свою роль в истории Царицынской крепости и города Царицына, они были свидетелями строительства города, набегов и восстаний, пожаров и наводнений, церковного раскола, гражданской войны и политических реформаций, в них молились российские императоры, писатели и путешественники, миссионеры и художники, бывавшие в городе. Каждый храм отличался архитектурными формами, росписями и убранством, был хранителем историко-церковных ценностей, в том числе уникальных книг и рукописей [Минх, 2010; Иванов, Супрун, 2003]. Но это не останавливало новую власть. На месте культовых памятников отечественной истории и культуры разбит сквер, протянувшийся вдоль набережной, появились новые монументальные сооружения. Так, на месте разрушенной

Троицкой церкви в 1940 г. установлен памятник Герою Советского Союза Виктору Хользунову, уроженцу Царицына, защищавшему родной город от белогвардейцев в 1919 г., воевавшему в Испании и погибшему в 1939 г. при испытательном полете. В этот период диалог времен строился на отрицании культуры прошлого и утверждении новых идей и новых героев... Постепенно диалог подменяется монологом.

В этом же 1932 году завершилась короткая история нового кафедрального собора Царицына – храма Александра Невского. Построенный на деньги царицынского купечества и горожан, освященный в мае 1918 г., собор действовал в период гражданской войны, затем отдан обновленческой церкви и закрыт осенью 1929 г. Какое-то время здание собора использовалось для хозяйственных нужд, затем планировалось разместить в нем центральную библиотеку, краеведческий музей и дом санитарной культуры. В 1932 г. разграбленный и обветшавший храм решено было взорвать [Иванов, Супрун, 2003, с. 180].

В 1929 г. закрывают и расположенную недалеко от собора Скорбященскую церковь. Церковь эта обладала уникальным внутренним убранством. 13 октября 1901 г. газета «Царицынские ведомости» писала: «Завтра в Скорбященской церкви состоится освящение нового фарфорового иконостаса, сооруженного трудами и усердием старосты церкви купца А. Серебрякова. Фарфоровый иконостас – первый в Царицыне, да и вообще в России они очень редки, не более десятка. Такие иконостасы пока изготавливаются единственно лишь на фабрике Кузнецова, представившего свой фарфоровый иконостас на минувшей Парижской всемирной выставке и приобретенного там для русской посольской церкви в Вене» [Царицын ..., 2013, с. 126]. После закрытия церкви (1929 г.) здание передано под культурно-просветительское учреждение: вплоть до Великой Отечественной войны в церкви, лишенной крестов, размещался аэроклуб. Внутреннее убранство безвозвратно утрачено, в том числе и уникальный фарфоровый иконостас.

Похожая судьба постигла культовые здания других конфессий: в 1929 г. закрыта синагога (1906–1911 гг.), представлявшая собой уникальное в архитектурном и техническом плане сооружение, здание передано для открытия новой поликлиники; в 1934 закрыт и передан под нужды ОСОВИАХИМА построенный в 1899 г на пожертвования прихожан католический костел; в начале 30-х годов закрыты мечеть, Армянская

апостольская церковь, лютеранская кирха [Серебряная, 2002, с. 145–157].

Кирха колонии Сарепта была возведена в 1772 году на деньги прихожан (Братский Союз гернгутеров) и просуществовала до 1938 года. По решению советских властей в закрытой кирхе были демонтированы орган, всё внутреннее убранство, разобрана башня, сняты колокола, башенные часы. В 1941 г. в здании был открыт кинотеатр «Культармеец» [Парамонова, 2018, с. 22–26].

Большой урон исторически сложившемуся социокультурному пространству старого Царицына, уже обедненному борьбой с религией в Сталинграде, нанесла Великая Отечественная война. В период Сталинградской битвы город был практически полностью разрушен, пострадали все ещё оставшиеся культовые сооружения. После ковровых бомбардировок города в августе 1942 г., уличных боев зимой 1942–1943 гг. более 80 % зданий города разрушены – в основном в северной и центральной частях города, менее пострадали южные окраины. После окончания Сталинградской битвы начинается инициативное восстановление города его жителями, позднее на помощь к сталинградцам придут добровольцы из других городов. Частично восстанавливаются и культовые каменные здания – но для гражданских нужд: здание синагоги (поликлиника), костела (используется для хозяйственных нужд, позднее здесь открывается клуб железнодорожников), в развалинах Скорбященской церкви открывается детский сад, в дальнейшем аварийное здание было разобрано. В Зацарицынской части города начинается восстановление Казанской церкви – построенная в конце XIX в. на средства прихожан, она была закрыта в 1939 г., пострадала от бомбежек (были разрушены центральный купол и колокольня). Но сразу после завершения Сталинградского сражения прихожане стали расчищать пространство вокруг храма, надеясь на его восстановление. В апреле 1946 г. власти города передают полуразрушенное здание общине верующих, и восстановление начинается не только на пожертвования, но и на государственные средства. Работы ведутся под руководством архитектора В. Н. Симбирцева, который с 1944 г. занимал должность главного архитектора Сталинграда. В условиях послевоенного времени церковь была восстановлена с отступлениями от первого проекта, она стала однокупольной, и только в 2010 году очередная реконструкция вернула былое шатровое пятикуполье. В июне

1954 г. Указом Патриарха Московского и всея Руси Алексия храм был возведен в статус соборного [Иванов, Супрун, 2003, с. 116–120] и являлся таковым до 2021 г., до освящения вновь построенного кафедрального собора Александра Невского в центре Волгограда.

Таким образом, за первые десятилетия Советской власти Царицын-Сталинград лишился значительной части культовых зданий, многие из которых представляли уникальные объекты провинциальной культовой архитектуры, обладавшие исторической и художественной ценностью. Центральная часть города, которая в 30–40 гг. XX века модернизируется как культурное пространство современного социалистического промышленного города, практически полностью освобождается от объектов религиозной культуры.

После завершения Великой Отечественной войны Сталинград восстанавливался по новому генеральному плану, и в городской культурной среде уже не было места культовым сооружениям. На весь город, протянувшийся вдоль Волги на более чем 90 км, остались два православных храма — скромный Казанский собор (бывшая кладбищенская церковь) и небольшая Никитская церковь на юге города, самая старая из сохранившихся в регионе храмов (1795 г.) и благодаря своему окраинному положению устоявшая в годы церковных гонений.

Изменение государственной политики по отношению к религии и религиозным организациям на рубеже XX–XXI вв., утверждение принципа свободы совести и свободы вероисповедания [Федеральный закон ... 1997 (ред. 2023)] привели к новым изменениям культурного пространства города. Восстановление царицынских церквей было практически невозможно — слишком сильно трансформировалась планировка города, да и проекты, чертежи многих храмов не сохранились. Это прежде всего касалось исторической части города. Сегодня большинство царицынских храмов разных вероисповеданий остались лишь на старинных открытках и архивных фотографиях... Вопросы исторических транспозиций стали серьезной проблемой и темой для дискуссий.

Так, в заполотновской части Царицына (за железной дорогой, в 3-й части города) в 1908 г. на средства купцов А. А. Репникова и К. В. Воронина была построена Сергиевская православная церковь. Закрыта она в 1932 г., затем здание использовалось для хозяйственных нужд. Во время войны церковь пострадала, но уцелела, а в 50-е годы была снесена и на ее месте построен

жилой дом. В 1993 г. по заявлению верующих православной общине была выделена земля под строительство нового храма неподалеку от исторического места. Строится храм уже по новому проекту [Иванов, Супрун, 2003, с. 182–184]. Освященная в 1999 г., церковь во имя святого Сергия Радонежского, как и ее царицынская предшественница, приветствует поезда на подходе к железнодорожному вокзалу Волгограда. Изменились локация храма и его внешний облик, но горожанами церковь Сергия Радонежского воспринята как преемница традиций утерянного царицынского храма.

Удачно вписался в ландшафтную среду Центральной набережной им. 62-й армии воссозданный Иоанно-Предтеченский храм. Закрытый и разрушенный в 1932 г., он был свидетелем строительства Царицынской крепости, а затем и города (конец XVI в. — XVII в.), развития монастырской жизни и образования в городе; в нем по пути в Азовский поход побывал Петр I [Материкин, 1999]. Но историко-культурная значимость храма не уберегла его от разрушения. Возведение храма на историческом месте оказалась невозможным в связи с коренной трансформацией пространства. Новый храм Святого Пророка Иоанна Предтечи построен на новом месте, в парковой части набережной по инициативе митрополита Волгоградского и Камышинского Германа, поддержанной органами власти города и области, и освящен в 2001 году. Храм воссоздан по сохранившимся чертежам и документам и стал органической частью современного культурного пространства.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в сложившуюся культурную среду города вполне могут быть включены объекты, которые по своему смыслу и художественному оформлению не вступают в противоречие с этой средой, являются ее гармоническим дополнением, хотя и строятся не на историческом месте. Важным фактором является позитивное восприятие жителями города этих объектов. Проведенный социологами Волгоградского государственного университета с участием авторов в 2005 г. опрос волгоградцев (N=1200 чел.) показал, что 82 % респондентов положительно отнеслись к строительству в парковой зоне Центральной набережной православного храма.

Несколько иная ситуация сложилась со строительством в центре города собора Александра Невского. Некоторые средства массовой информации активно продвигали идею «восстановле-

ния исторического собора г. Царицына», что представляется нам недостаточно точным, так как проектная документация храма не сохранилась, архивные материалы содержат малую часть описаний собора и некоторые чертежи. Строительство собора на историческом месте также невозможно, так как планировка современного центра города радикальным образом отличается от царицынской. Руководством города и области было предложено строить собор неподалеку от исторического места, на территории сквера за центральной площадью Павших борцов. Но общественного обсуждения этой проблемы организовано не было.

Проведенное авторами эмпирическое исследование показало, что мнения волгоградцев по поводу строительства нового кафедрального собора разошлись: одни безоговорочно поддерживают строительство «исторического царицынского» кафедрального собора за центральной площадью Павших борцов, считая это место «историческим» – 20 %; другие высказали мнение, что, возможно, храм в центре города и нужен, но по другому проекту, не противоречащему сложившемуся архитектурному ансамблю центра Волгограда (34 %). Третьи не поддерживают саму идею строительства нового храма, объясняя это тем, что храмовых комплексов в городе построено за последние 30 лет достаточно, особенно православных, а учреждений культуры и образования не хватает (39 %). В ходе интервьюирования многие (52 %) выразили несогласие с трансформацией площади Павших борцов в связи с сооружением собора Александра Невского.

Пока велось строительство собора, споры и дискуссии продолжались – в СМИ, в социальных сетях, на встречах с руководством города, во время подготовки и проведения выборных компаний, во время праздничных мероприятий. Больше всего разногласий вызывала локация собора и несоответствие архитектурного облика собора художественному оформлению центра города.

Строительство кафедрального собора завершено в 2021 г., объявленного Президентом России годом 800-летия со дня рождения государственного деятеля и полководца князя Александра Невского. В сентябре этого года состоялось открытие и освящение собора. Но дискуссии вокруг нового собора не прекращаются. Во многом это связано с нарушениями порядка общественного обсуждения крупных городских проектов, игнорирование общественного мнения

теми структурами управления, которые принимают решения в сфере градостроительства, «новой мифологией», далекой от исторических реалий. Как всегда – рассудит время.

Заключение

В настоящее время культовые памятники различных религий вновь вошли в культурное пространство города, наглядно демонстрируя его конфессиональное многообразие. В религиозном пространстве города сегодня действуют православные, католические и протестантские общины, организации ислама, иудаизма, буддизма, армянской апостольской церкви. В Волгограде построены 60 храмов и часовен Русской православной церкви (значительная часть – в новых пространственных координатах), Свято-Духов мужской православный монастырь (на историческом месте), на историческом месте восстановлен католический собор Св. Николая Мирликийского. В новых пространственных условиях построены две старообрядческие церкви и храм Ново-Нахичеванской и Российской епархии Армянской апостольской церкви, 37 протестантских церквей и молельных домов, синагога Бейт Давид и школа традиционного еврейского воспитания «Ор Авнер», три мечети, Ступа Просветления Буддийского Центра Алмазного Пути Традиции Карма Кагью г. Волгограда [Беликова, Дулина, Парамонова, 2019, с. 186–191].

Однако новые храмы не изменили городскую топонимику, как это нередко было в дореволюционной России. Из 2337 улиц Волгограда только 12 сохранили традиционные названия, так или иначе связанные с конфессиональной ориентацией (Преображенская, Спасская, Софийская, Вознесенская, Покровская, Троицкая, переулок Никольский и др.). К ним добавился в 2022 году Александровский сквер рядом с собором Александра Невского. Культурное пространство города дополнили памятники святым Петру и Февронии, святому Александру Невскому; частью культурного ландшафта стали два святых источника, почитаемых православными общинами (Святой источник Пантелеимона-целителя и Святой источник Иоанна Богослова).

Таким образом, несмотря на изменение локаций культовых памятников, трансформацию объектов, они приняты значительной частью волгоградцев как неотъемлемая составляющая культурного пространства города. И хотя многие из них являются новыми объектами, жители города воспринимают их как связующее звено с про-

шлым нашего города, который более 400 лет формировался как многонациональный и многоконфессиональный центр, перекресток путей между востоком и западом, севером и югом. И пусть новые культовые объекты еще не стали памятниками культуры, но уже сегодня они ведут диалог культур, диалог прошлого и будущего.

Библиографический список

1. Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие. Москва : Наука, 1997. 160 с.
2. Беликова Е. О., Дулина Н. В., Парамонова В. А. Коммуникация религиозных символов в социокультурном ландшафте // Религия и Коммуникация : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Минск, 18–20 апреля 2019 года / под ред. С. И. Шатравского. Минск : Издательский дом «Ковчег», 2019. С. 186–191.
3. Культурное наследие Волгоградской области (структура и актуальные проблемы охраны памятников культуры): монография / О. В. Галкова, Е. В. Комиссарова, И. А. Петрова, О. Н. Савицкая. Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2013. 332 с.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Фонд 71. Оп. 1. Д. 144. Л. 1-15.
5. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Фонд 133. Оп. 1. Д. 1870. Л. 1-28.
6. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Фонд 313. Оп. 1. Д. 1877. Л. 1-4.
7. Иванов С. М., Супрун В. И. Православие на Волгоградской земле: храмы Царицына – Сталинграда – Волгограда. Волгоград : Изд-во ВГИПР РО, 2003. 240 с.
8. Культурный ландшафт : монография / О. В. Галкова, И. А. Петрова, Г. П. Кибасова, В. В. Глазунов. Волгоград : Издательство ВолгГМУ, 2020. 372 с.
9. Лихачев Д. С. Русская культура. Санкт-Петербург : «Искусство-СПб», 2007. 404 с.
10. Максимова И. В., Петрова И. А. «Русский Чикаго». (Уездные города Саратовской губернии в условиях модернизации) : монография. Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2012. 200 с.
11. Материкин А. В. Храм Иоанна Предтечи. Страницы истории города Царицына и его первого храма. Волгоград : Комитет по печати и информации, 1999. 176 с.
12. Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Камышинский и Царицынский. Современная версия / под ред. проф. И. О. Тюменцева. Волгоград : Изд-во ВАГС, 2010. 568 с.
13. Панченко А. М. О русской истории и культуре. Санкт-Петербург : Азбука, 2000. 463 с.
14. Парамонова В. А. От Острога до Города (на примере Царицына – Сталинграда – Волгограда // *Primo aspectu*. 2018. № 2 (34). С. 22–26
15. Сгибнева О. И. Живая память России. Москва : Изд. ООО «Агент», 1999. 205 с.

16. Серебряная В. В. Культовое зодчество Волгоградской области. Волгоград : Изд-во ВолгГАСА, 2002. 336 с.

17. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Соколова. Москва : Политиздат, 1992. 543 с.

18. Федеральный закон № 125-ФЗ от 26.09.1997 г. (в ред. 2023 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523/> (дата обращения 21.11.2023).

19. Царицын: путешествие по страницам городской печати / сост. А. Г. Байкин. Москва : Книга, 2013. 464 с.

20. Энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. проф. О. В. Иншаков. Волгоград : Издатель, 2007. 447 с.

Reference list

1. Baller Je. A. Social'nyj progress i kul'turnoe nasledie = Social progress and cultural heritage. Moskva : Nauka, 1997. 160 s.
2. Belikova E. O., Dulina N. V., Paramonova V. A. Kommunikacija religioznyh simvolov v sociokul'turnom landshafte = Religious symbols communication in the socio-cultural landscape // *Religija i Kommunikacija : Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Minsk, 18–20 aprlja 2019 goda / pod red. S. I. Shatravskogo*. Minsk : Izdatel'skij dom «Kovcheg», 2019. S. 186–191.
3. Kul'turnoe nasledie Volgogradskoj oblasti (struktura i aktual'nye problemy ohrany pamjatnikov kul'tury) = Cultural heritage of the Volgograd region (structure and current problems of cultural monuments protection) : monografija / O. V. Galkova, E. V. Komissarova, I. A. Petrova, O. N. Savickaja. Volgograd : Izd-vo VolgGMU, 2013. 332 s.
4. Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO). Fond 71. Op. 1. D. 144. L. 1-15.
5. Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO). Fond 133. Op. 1. D. 1870. L. 1-28.
6. Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO). Fond 313. Op. 1. D. 1877. L. 1-4.
7. Ivanov S. M., Suprun V. I. Pravoslavie na Volgogradskoj zemle: hramy Caricyna – Stalingrada – Volgograda = Orthodoxy on the Volgograd land: the churches of Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd. Volgograd : Izd-vo VGIPK RO, 2003. 240 s.
8. Kul'turnyj landshaft = Cultural landscape : monografija / O. V. Galkova, I. A. Petrova, G. P. Kibasova, V. V. Glazunov. Volgograd : Izdatel'stvo VolgGMU, 2020. 372 s.
9. Lihachev D. S. Russkaja kul'tura = Russian culture. Sankt-Peterburg : «Iskusstvo-SPb», 2007. 404 s.
10. Maksimova I. V., Petrova I. A. «Russkij Chikago». (Uezdnye goroda Saratovskoj gubernii v uslovijah modernizacii) = «Russian Chicago». (Rigional towns of Saratov Province in the context of modernization) : monografija. Volgograd : Izd-vo VolgGMU, 2012. 200 s.

11. Materikin A. V. Hram Ioanna Predtechi. Stranicy istorii goroda Caricyna i ego pervogo hrama = The Church of St. John the Baptist. History of Tsaritsyn and its first church. Volgograd : Komitet po pečati i informacii, 1999. 176 s.
12. Minh A. N. Istoriko-geograficheskij slovar' Saratovskoj gubernii: Juzhnye uezdy Kamyshinskij i Caricynskij. Sovremennaja versija = Historical-geographical dictionary of the Saratov province: Southern districts of Kamyshin and Tsaritsyn. Modern version / pod red. prof. I. O. Tjumenceva. Volgograd : Izd-vo VAGS, 2010. 568 s.
13. Panchenko A. M. O russkoj istorii i kul'ture = On Russian history and culture. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2000. 463 s.
14. Paramonova V. A. Ot Ostroga do Goroda (na primere Caricyna – Stalingrada – Volgograda = From jail to city (based on the example of Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd) // Primo aspectu. 2018. № 2 (34). S. 22–26
15. Sgibneva O. I. Zhivaja pamjat' Rossii = The vivid memory of Russia. Moskva : Izd. OOO «Agent», 1999. 205 s.
16. Serebrjanaja V. V. Kul'tovoe zodchestvo Volgogradskoj oblasti = Religious architecture of the Volgograd region. Volgograd : Izd-vo VolGASA, 2002. 336 s.
17. Sorokin P. A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo = Man. Civilization. Society / obshh. red., sost. i predisl. A. Ju. Sogomonov. Moskva : Politizdat, 1992. 543 s.
18. Federal'nyj zakon № 125-FZ ot 26.09.1997 g. (v red. 2023 g.) «O svobode sovesti i o religioznyh ob#edinenijah» = Federal Law No. 125-FZ of 26.09.1997 (revised 2023) «On Freedom of Conscience and Religious Associations». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523/> (data obrashhenija 21.11.2023).
19. Caricyn: puteshestvie po stranicam gorodskoj pečati = Tsaritsyn: a journey through the pages of the city press / sost. A. G. Bajkin. Moskva : Kniga, 2013. 464 s.
20. Jenciklopedija Volgogradskoj oblasti = Encyclopedia of the Volgograd region / gl. red. prof. O. V. Inshakov. Volgograd : Izdatel', 2007. 447 s.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 14.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья

УДК 008:1-027.21, 008(091)

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_261

EDN: CFIELG

Культуросообразный алгоритм исследования оснований российско-африканского диалога

Наталья Николаевна Летина

Доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
liotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

Аннотация. В статье представлен культуросообразный алгоритм исследования культурных оснований российско-африканского диалога, разработанный и апробированный в процессе взаимодействия ЯГПУ им. К.Д. Ушинского и университетов республик Гана и Кот-д'Ивуар. Данный алгоритм был создан в ходе работ над Государственным заданием Министерства просвещения Российской Федерации по теме «Научно-методическое сопровождение образовательной и просветительской деятельности в Республике Кот-д'Ивуаре в интересах продвижения целей и ценностей российского образования и культуры» (№ GTNU-2023-0011). Основная задача статьи – фиксация ключевых теоретико-методологических позиций алгоритма и его отдельной частной составляющей – социокультурного опроса коррелятивных русскому коду интенций африканских студентов. Научная значимость статьи обеспечена методологической интеграцией культурологического анализа, моделирования, систематизации, формирования эмпирического инструментария (социокультурный опрос, анкетирование). Научная значимость определена также необходимостью целенаправленного исследования оснований российско-африканского диалога в целом и в частности, на материале взаимодействия ЯГПУ им. К.Д. Ушинского и университетов республик Гана и Кот-д'Ивуар. В предлагаемой статье определены составляющие исходной модели обеспечения и сопровождения образовательного и просветительского продвижения целей и ценностей российского образования и культуры в республиках Гана и Кот-д'Ивуар (тернарный кластер «Наука – Культура – Образование»). Осмыслены основные факторы выбора теоретико-методологических принципов исследовательского алгоритма: обусловленность целеполаганием проекта и задачами этапа / вида работ, детерминированность характеристиками целевой аудитории и дифференциацией ее выборки. Установлены ключевые принципы равенства возможностей, общности, концепты диалога культур, культурного кода, русского культурного кода. Охарактеризована отдельная составляющая исследовательского алгоритма – верификация и систематизация значимых для русско-африканского взаимодействия стремлений и намерений африканских студентов задействованных в проекте университетов – Республик Гана и Кот-д'Ивуар, – реализованная посредством разработки, проведения, анализа и обобщения результатов социокультурного опроса (взрослая выборка русскоязычных активисток Республики Кот-д'Ивуар, онлайн анкетирование; студенческая выборка университетов Республик Гана и Кот-д'Ивуар). Обобщены произведенные процедуры, сформированные продукты, приведены тексты двух анкет и охарактеризованы отдельные аспекты разработки их содержания и формата.

Ключевые слова: культура; образование; межкультурное взаимодействие; Россия и Африка; основа культурного диалога; культурный код; русский культурный код; социокультурный опрос; ЯГПУ им. К.Д. Ушинского; университеты республик Кот-д'Ивуар и Гана

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме «Научно-методическое сопровождение образовательной и просветительской деятельности в Республике Кот-д'Ивуаре в интересах продвижения целей и ценностей российского образования и культуры» № GTNU-2023-0011

Для цитирования: Летина Н. Н. Культуросообразный алгоритм исследования оснований российско-африканского диалога // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 261–272. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_261. <https://elibrary.ru/CFIELG>

Original article

Culture-congruous algorithm for studying the foundations of the russian-african dialogue

Natalia N. Letina

Doctor of cultural sciences, associate professor, professor at the department of culture studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
liotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

© Летина Н. Н., 2023

Abstract. The article presents a culturally congruent algorithm for studying the cultural foundations of the Russian-African dialogue, designed and tested in the process of cooperation between YSPU n.a. K.D. Ushinsky and universities of the Republics of Ghana and Cote d'Ivoire. This algorithm was created in the course of work on the state assignment from the Russian Federation Ministry of Education – «Scientific and methodological support of educational and awareness-raising activities in the Republic of Côte d'Ivoire in order to promote the goals and values of Russian education and culture» (№ GTNU-2023-0011). The main task of the article is to register the key theoretical and methodological positions of the algorithm and its specific component – a sociocultural survey of African students' intents correlating to the Russian code. The scientific significance of the article is in methodological integration of cultural analysis, modeling, systematization and empirical tools formation (sociocultural survey, questionnaire). It is also scientifically significant to focus on studying the foundations of the Russian-African dialogue in general and the cooperation between YSPU n.a. K. D. Ushinsky and universities of the Republics of Ghana and Cote d'Ivoire in particular. This article defines the components of the initial model of promoting and supporting the goals and values of Russian education and culture in the Republics of Ghana and Cote d'Ivoire (ternary cluster «Science – Culture – Education»). The main factors of choosing theoretical-methodological principles for the research algorithm are: conditioning by the goals of the project and the objectives of the stage / type of work, determinism by characteristics of the target audience and differentiation of its sampling. Key principles are established of equal opportunities, community, concepts of dialogues of cultures, cultural code and Russian cultural code. The author characterizes a specific component of the research algorithm – verification and systematization of aspirations and intentions of African students from Ghana and Côte d'Ivoire universities involved in the project, which are significant for Russian-African cooperation. This component is realized through designing, conducting, analyzing and generalizing the results of the sociocultural survey (adult sampling of Russian-speaking female activists in the Republic of Côte d'Ivoire, online questionnaire; student sampling of universities in the Republics of Ghana and Côte d'Ivoire). The research summarizes the conducted procedures, provides the texts of the two questionnaires and characterizes certain aspects of designing their content and format.

Key words: culture; education; intercultural cooperation; Russia and Africa; the basis of cultural dialogue; cultural code; Russian cultural code; socio-cultural survey; YSPU n.a. K.D. Ushinsky; universities of the Republics of Cote d'Ivoire and Ghana

The article is prepared for publication within the framework of the state assignment from the Russian Federation Ministry of Education to conduct a research on the topic «Scientific and methodological support of educational and awareness-raising activities in the Republic of Côte d'Ivoire in order to promote the goals and values of Russian education and culture» № GTNU-2023-0011

For citation: Letina N. N. Culture-congruous algorithm for studying the foundations of the Russian-African dialogue. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(4):261–272. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_261. <https://elibrary.ru/CFIELG>

Введение

В актуальной ситуации глобального переустройства мира, в «непростых условиях международной турбулентности, когда идёт формирование по-настоящему многополярного миропорядка» [Саммит...] развитие российско-африканских отношений является одним из стратегически значимых факторов обеспечения геополитической стабильности, устойчивого развития, строительства «новой, более справедливой архитектуры мироустройства» [Саммит...]. В ходе работы первого (г. Сочи, 23–24 октября 2019 г.) и второго (г. Санкт-Петербург, 27–28 июля 2023 г.) саммитов Россия – Африка, роль которых «трудно переоценить» [Фитуни, 2023, с. 5], в процессе переговоров высокого уровня с участием Президента Российской Федерации В. В. Путина был определен комплекс вопросов и принят корпус документов, определяющих стратегические цели и области межгосудар-

ственного взаимодействия. Среди задействованных сфер взаимодействия – образование и культура. В области образования принято решение «60. Развивать сотрудничество в сфере образования, содействовать участию в совместных научно-исследовательских проектах [Декларация второго саммита...]. В области культуры решено «63. Уважать цивилизационное и национальное разнообразие Российской Федерации и Африки, подчеркивать уникальность традиций и исторического наследия наших народов. Развивать диалог в сфере культуры в целях поддержания традиционного для российско-африканских отношений духа дружбы и сотрудничества. Укреплять культурные связи в качестве инструмента достижения взаимопонимания» [Декларация второго саммита...].

Реализация указанных стратегических задач российско-африканского взаимодействия в образовании и культуре, бесспорно, требует синхронно формируемого теоретико-

методологического фундамента, определяющего содержательно-смысловые, концептуальные основания, формы и форматы, инструментарий. Формирование его в отечественной науке уже идет как общетеоретическом [Степин, 2018], так и специализированном ключе [Мосейко, 2021], [Першина, 2022], в том числе – научно-популярном [Любовь к России...], [Русская культура...]. В процессе развития образовательного и культурно-просветительского взаимодействия ЯГПУ им. К.Д. Ушинского с африканскими партнерами реализуется научное исследование по теме «Научно-методическое сопровождение образовательной и просветительской деятельности в Республике Кот-д'Ивуар в интересах продвижения целей и ценностей российского образования и культуры». Обратимся к обоснованию исследовательского алгоритма, сформированного в рамках выполнения Государственного задания Министерства просвещения, в ходе подготовки и реализации взаимодействия ЯГПУ им. К. Д. Ушинского и университетов республик Гана и Кот-д'Ивуар.

Методы исследования

В исследовании использованы культурологический анализ, социокультурный анализ, моделирование, систематизация, фокус-группа, контент-анализ, эмпирические методы социокультурного опроса (анкетирование) и количественного анализа.

Результаты исследования

Ключевые теоретико-методологические позиции алгоритма

Тернарный кластер «Наука – Культура – Образование» мы определили в качестве исходной модели, обеспечивающей эффективное раскрытие и устойчивое развитие образовательного и просветительского продвижения целей и ценностей российского образования и культуры в республиках Гана и Кот-д'Ивуар. При этом наука обеспечивает исследовательский и теоретико-методологический фундамент, исходные принципы и позиции взаимодействия, культура – ценностное, смысловое и содержательное наполнение взаимодействия, отчасти – его формы и форматы, образование – медиацию, модерацию, посредничество, непосредственную площадку и инструментарий взаимодействия.

Разработанный в ходе реализации проекта исследовательский алгоритм имманентен научному

компоненту, но также задействован в общем кластере. Методологическая основа алгоритма – синергетическая интеграция культурологического, педагогического, лингвокультурологического моделирования с эмпирическим инструментарием. Подчеркнем научную эффективность коллаборации участников коллектива – специалистов в коррелятивных областях социально-гуманитарного знания – культурологии, педагогики, лингвистики. И проакцентуируем ее значение в качестве направления, весьма полезного для модернизации подходов ЯГПУ им. К.Д. Ушинского к созданию ресурсных научных коллективов, способных к реализации актуального для современной передовой мировой и российской науки интегративного теоретико-методологического дискурса, для развития кадрового потенциала науки и научно-исследовательского статуса университета.

Ключевые теоретико-методологические принципы общего исследовательского алгоритма обусловлены целеполаганием проекта в целом, конкретными задачами этапа / вида работ; характеристиками целевой аудитории; дифференциацией выборки целевой аудитории, формата и контента, уровня сложности; концептами равенства возможностей, общности, диалога культур [Библер, 1989], культурного кода [Барт, 1975], [Лотман, 2002], [Лотман, 1996], русского культурного кода.

Целеполагание проекта и задачи первого этапа корреспондировали с имманентным исследованием русского культурного кода в сознании африканских студентов и его положительным позиционированием. Последнее в рамках проекта имеет минимум два измерения – осознанное и стихийное, целенаправленное и случайное, желаемое и данное, текст и контекст. Осознанное позиционирование с учетом задач репутационного менеджмента реализуется в данном проекте посредством целенаправленного продвижения определенного набора знаков – ценностей, качеств, характеристик, присущих культурному коду России. ЯГПУ им. К.Д. Ушинского и его представители, выступая субъектами такого позиционирования, в тоже время являются и субъектами, живыми носителями русского культурного кода в восприятии африканских студентов университетов Ганы и Кот-д'Ивуар. Безусловно, большой объем взаимодействия рационально обоснован, однако человеческие, эмоционально-экспрессивные проявления представителей и

особенно педагогов ЯГПУ, ведущих занятия по русскому языку, вносят элемент стихийности, свойственной общечеловеческой природе, непосредственно формируя не только полезные на рынке труда *soft skills* [Gruzdev, Kuznetsova, Tagkhanova, 2018], но и усиливают искренность, ведут к эмоциональному переживанию единения, общности. Стихийный уровень бытования культурных кодов в целом проявляется в том, что они «стихийно формируют характерную для каждой культуры (субкультуры) ценностно-смысловую картину мира» [Мосейко, 2021, с. 12]. В нашем частном случае стихийность воплощения русского культурного кода подразумевает существование уже сложившегося комплекса представлений африканцев о русских, русском, России на основании имеющихся школьных или университетских знаний, наблюдений за поведением и ментальностью «русских» в Африке, суггестивного воздействия медиаконтента СМИ, блогинга, инфлюенсеров.

Указанные обстоятельства проявления стихийности учтены и заложены в концептуальный строй осознанного позиционирования. Превентивно была определена важная роль уже сформировавшегося контекста восприятия восприятия «России», «русского» (человека), «русскости» и высказано предположение, которое затем подтвердилось результатами опроса, что его ключевые составляющие – стереотипы. Применительно к целевой аудитории – студентам университетов Ганы и Кот-д'Ивуар достоверная и актуальная информация об особенностях знания и понимания русского культурного кода отсутствовала, следовательно, определена насущная необходимость его углубленного изучения. Основными направлениями и объектами поиска и исследования стали государственные культурные программы, регламентирующие документы организаций культуры в республиках Кот-д'Ивуар и Ганы; образовательные программы и элементы образовательного процесса школ и университетов Ганы и Кот-д'Ивуар; содержание культурного кода России в индивидуальном и массовом сознании целевой аудитории; отдельные составляющие актуальной массовой культуры, контента местных СМИ [Mehenou, 2015]; особенности менталитета, религиозные основания, местные традиции Западной Африки.

К значимым характеристикам целевой аудитории отнесены: вовлеченность в русско-африканское взаимодействие субъектов россий-

ской и африканской культуры и образования, прежде всего – представителей ЯГПУ им К.Д. Ушинского, расширяющих опыт международного сотрудничества, в частности, русско-китайского [Аверина, Груздев, Се, Ходырев, 2021] и университетов Ганы и Кот-д'Ивуара); тернарная лингвистическая идентификация ЦА (русский, французский, английский языки); наличие или отсутствие опыта превентивного знакомства с русским культурным кодом; специфика менталитета и идентичности; особенности возрастной психологии (молодежная целевая аудитория, взрослая целевая аудитория), особенности массового (простота, комфорт, необременительность) и индивидуального (эрудиция, алгоритмическая, иерархическая, эвристическая логика) сознания [Злотникова, 2020; Злотникова, 2018].

Дифференциация выборки выразилась в выделении групп в составе целевой аудитории: микрогруппы из 9 русскоязычных активисток Кот-д'Ивуара, студентов университетов Республики Кот-д'Ивуар и Республики Гана, изучающих русский язык и не изучающих русский язык (количественно не менее 100 студентов). Дифференциация формата в ходе корректировки вводных данных была несколько нивелирована. В частности, при проведении социокультурного опроса пришлось отказаться от индивидуального интервьюирования русскоязычных участниц и использовать единый формат анкетирования онлайн посредством заполнения google-форм. Отметим, что унификация технического формата принципиально сопровождалась дифференциацией формы предъявления и содержательного наполнения контента. Дифференцирован был и уровень сложности вопросов как в содержательном, там и формальном плане (сложное, простое, очень простое).

Среди концептов равенства возможностей, общности, диалога культур, определивших теоретические основания исследовательского алгоритма, проакцентирован основополагающую роль актуализации русского культурного кода, выявление уровня и степени интереса, информированности, понимания целевой аудиторией его особенностей. Русский культурный код в различных вариантах своего воплощения культуре, образовании, социальных практиках и представлениях – предмет внимания обычных людей и исследователей, инструмент формирования идентичности для граждан и жителей России, а

также инструмент позиционирования российской культуры и образования [Першина, 2022].

Социокультурный опрос коррелятивных русскому коду интенций африканских студентов

В составе общего алгоритма исследования отдельным направлением была определена верификация и систематизация значимых для русско-африканского взаимодействия стремлений и намерений африканских студентов задействованных в проекте университетов – Республик Гана и Кот-д'Ивуар.

Проблема указанного направления исследования связана с установлением культуросообразных оснований для разработки модели организации просветительской и образовательной деятельности по позиционированию ценностей русской культуры и российского образования.

В рамках данного аспекта исследования были осуществлены: 1) разработка концепции, вопросника для интервью, анкет и алгоритма проведения опроса и контент-анализа (И. Ю. Тарханова, Н. Н. Летина, перевод на английский и французский языки Е. И. Бойчук); 2) проведение социокультурного опроса (взрослая выборка русскоязычных активисток Республики Кот-д'Ивуар, метод онлайн анкетирования); 3) проведение социокультурного опроса (студенческая выборка университета Республики Гана, метод онлайн анкетирования); 4) проведение социокультурного опроса (студенческая выборка университета Республики Кот-д'Ивуар, метод онлайн анкетирования); 5) осуществление количественного анализа, контент-анализа, обобщение результатов опросов (И. Ю. Тарханова, Н. Н. Летина).

В результате произведенных мероприятий были сформированы и созданы следующие продукты: комплект данных социокультурных опросов (концепция, анкеты, алгоритм проведения опроса и контент-анализа; электронный архив заполненных анкет); материалы по результатам анализа результатов социокультурных опросов (результаты количественного анализа и контент-анализа); тексты научных и учебно-методических публикаций.

Задача опроса: выявление и обобщение русских / российских интенций студентов университетов Республики Ганы и Республики Кот-д'Ивуар, значимых в горизонте интеграции образовательных моделей России и Африки.

Концептуализации и разработка алгоритма социокультурного исследования опираются на принципы, сформированные и апробированные членами научной школы по методологии изучения теории и истории культуры на базе ЯГПУ им. К.Д. Ушинского [Злотникова, Летина, 2018]; [Густякова, Дидковская, Шахова, 2014]; [Злотникова, Летина, Гапонова, 2015].

Проакцентируем отдельные аспекты составления анкет для различных групп выборки и приведем тексты двух анкет (русскоязычный исходник).

Текст анкеты, распространявшейся среди русскоязычных активисток Республики Кот-д'Ивуар из группы сопровождения с африканской стороны:

Дорогие друзья! Помогите нам понять, какие грани русской культуры могут быть интересны жителям Кот-д'Ивуар.

1. Что для Вас Россия в большей мере (можно отметить несколько вариантов ответов)?

- ✓ государство, Российская Федерация
- ✓ территория, Россия на карте
- ✓ ресурсы (нефть, газ и пр.)
- ✓ национальный характер (русский характер, русский человек)
- ✓ известные деятели,
- ✓ язык (русский),
- ✓ культура, искусство.

2. Если Вы были в России ранее, то Ваши воспоминания о России (выделите нужное)

- ✓ скорее позитивные
- ✓ скорее негативные
- ✓ нейтральные
- ✓ свой вариант

3. Ваше самое яркое положительное воспоминание (укажите)

4. Ваше самое яркое неприятное воспоминание (укажите)

5. Ваше представление о России сейчас (выберите одно)

- ✓ скорее позитивное
- ✓ скорее негативное
- ✓ нейтральное
- ✓ свой вариант

6. Выберите предложения, с которыми Вы согласны (можно выделить несколько)

- ✓ русская культура – богатая культура
- ✓ русская культура – бедная культура
- ✓ главное достояние России – большая территория и природные ресурсы

- ✓ главное достояние России – ее люди
- ✓ все русские на одно лицо
- ✓ русские не похожи друг на друга
- ✓ русские добрые и отзывчивые
- ✓ русские странные
- ✓ русские недоброжелательные

7. Вам хотелось бы вернуться в “ту” Россию, которую Вы помните? Почему (укажите)?

- ✓ Да
- ✓ Нет

8. Вам хотелось бы побывать в современной России? Почему? (укажите)

- ✓ Да
- ✓ Нет

9. Россия сейчас в Вашем представлении (можно выбрать несколько)

- ✓ помощник
- ✓ нейтральный наблюдатель
- ✓ друг
- ✓ враг
- ✓ партнер
- ✓ соперник

10. Какие источники знания о России актуальны для жителей Кот-д'Ивуар? (можно выбрать несколько)

- ✓ СМИ, новости, реклама
- ✓ Соцсети, блоги
- ✓ Произведения искусства – книги, фильмы, мультфильмы?
- ✓ Школа
- ✓ Университет
- ✓ Проекты и информация государственных организаций (посольства и пр.)
- ✓ Частные образовательные и/или культурные центры

11. Кого из известных «русских» знают жители Кот-д'Ивуар? (укажите)

12. Какие русские произведения искусства могут быть знакомы жителям Кот-д'Ивуар? (укажите)

13. Какие русские традиции известны жителям Кот-д'Ивуар? (укажите)

14. На Ваш взгляд, есть ли у жителей Кот-д'Ивуар и жителей России точки соприкосновения, что-то общее? Если да, то что именно?

15. Если бы Вы познакомили с русской культурой жителей Кот-д'Ивуар, о чем / ком бы Вы им рассказали? А что показали (репродукции, фото, ви-

део)? Какие музыкальные произведения предложили бы послушать? (укажите)

16. Что бы Вы посоветовали нам учесть при знакомстве жителей Кот-д'Ивуар с русской культурой? Какие особенности местной религии? Какие особенности менталитета, мировоззрения? Какие местные традиции? Новостной фон? Что-то еще? (укажите)

17. Поделитесь Вашим мнением о системе образования в республике Кот-д'Ивуар (выберите один вариант ответа)

А) Система образования в республике Кот-д'Ивуар отвечает основным социальным запросам государства и общества

Б) Система образования в республике Кот-д'Ивуар нуждается в реформировании по отдельным направлениям

В) Система образования в республике Кот-д'Ивуар нуждается в существенном реформировании

Г) Другое

18. Назовите главные, на Ваш взгляд, достижения системы образования в республике Кот-д'Ивуар

19. Назовите главные, на Ваш взгляд, проблемы системы образования в республике Кот-д'Ивуар

20. Какова, на Ваш взгляд, потребность граждан республики Кот-д'Ивуар в изучении русского языка и русской культуры? (выберите несколько вариантов ответа)

А) Изучение русского языка может быть интересно для развития туризма,

Б) Изучение русского языка может быть интересно для развития экономического сотрудничества стран,

В) Изучение русского языка может быть интересно для получения гражданами Кот-д'Ивуар высшего образования в Российской Федерации,

Г) Изучение русского языка может быть интересно для культурного обмена между нашими странами,

Д) Изучение русского языка может быть интересно для .. (допишите свой вариант ответа),

Е) Изучение русского языка не представляет интереса для граждан республики Кот-д'Ивуар.

Благодарим за Ваше участие в опросе!

Ваш вклад очень важен для развития нашего сотрудничества.

Вопросы данной анкеты носят в большинстве своем информационно-алгоритмический, реже – информационный или алгоритмический, а также эвристический характер и отличаются самым высоким уровнем сложности, поскольку отражают методику фокус-группы и предназначены микрогруппе экспертного статуса с перспективой осу-

ществления консалтинга. Экспрессивно-эмоциональная модальность анкеты направлена на создание корректной, партнерской и вместе с тем – комфортной, дружественной, доверительной атмосферы, потенциально повышающей готовность к сотрудничеству и искренность ответов. Вопросы распределены по анкете таким образом, чтобы не акцентировать внутреннюю коррелятивность отдельных групп (5-9; 11-13; 2-4 и 7, 8; 14-16, 20; 17-19). Смысловая направленность вопросов данных групп призвана определить общий и детализированный (природные проявления, персоны, традиции, произведения искусства) уровень культурной эрудиции и рефлексии о ключевых составляющих русского культурного кода, выявить иерархию граней идентичности России и русской культуры в зависимости от персонального интереса респондентов. Важный вектор направленности вопросов – аксиологический и эмоционально-экспрессивный уровень памяти и переживания индивидуального опыта встречи с Россией (реального – в прошлом, гипотетического – в будущем) и актуальности интереса к ней в данный момент времени – как собственного, так и характерного для африканской молодежи. Нацеленность на выявление потенциальных точек соприкосновения, граней общности африканского и русского / российского, а также верификация зон риска для взаимодействия также являлась значимой составляющей данной анкеты. На верификацию уровня удовлетворенности и результатов рефлексии по поводу образовательных практик и в целом системы образования направлена группа вопросов № 17–19.

Текст анкеты, распространявшейся среди студентов, изучающих русский язык:

Дорогие друзья! Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского из России просит вас принять участие в опросе. Помогите нам понять, какие грани русской культуры могут быть вам интересны

Для респондентов университета Республики Гана добавлено:

Опрос проводится по заданию Минобразования России для научных исследований эффективных механизмов популяризации (или пропаганды) русского языка и культуры в странах Западной Африки. Опрос анонимный, никаких персональных данных не требуется. Результаты исследования будут опубликованы исключительно в кратком виде.

1. Что для Вас Россия в большей мере (можно отметить несколько вариантов ответов)?

- ✓ государство, Российская Федерация
- ✓ территория, страна на карте
- ✓ ресурсы (нефть, газ и пр.)
- ✓ национальный характер (русский характер, русский человек)
- ✓ известные деятели, люди,
- ✓ язык (русский),
- ✓ культура, искусство.

2. Какие из предложенных изображений ассоциируется у Вас с Россией? (можно выбрать несколько)

Дан визуальный ряд: 1) девушки в русском национальном костюме, 2) хохлома, 3) большой каскад Петергофа, 4) танец лебедей из балета «Лебединое озеро», 5) Кремль, 6) «Рабочий и колхозница» (Б. Иофан, В. Мухина), 7) Тадж-Махал, 8) коллаж фото Ю. Гагарина и ракеты, 9) Стоунхендж.

3. Ваше представление о России сейчас (выберите одно)

- ✓ скорее позитивное
- ✓ скорее негативное
- ✓ нейтральное
- ✓ недостаточно знаю, не могу определиться
- ✓ свой вариант

4. Выберите предложения, с которыми Вы согласны (можно выделить несколько)

- ✓ русская культура – богатая культура
- ✓ русская культура – бедная культура
- ✓ главное достояние России – территория и ресурсы
- ✓ главное достояние России – люди
- ✓ все русские на одно лицо
- ✓ русские не похожи друг на друга
- ✓ русские добрые и отзывчивые
- ✓ русские странные
- ✓ русские недоброжелательные

5. Россия сейчас в Вашем представлении (можно выбрать несколько)

- ✓ помощник
- ✓ наблюдатель
- ✓ друг
- ✓ враг
- ✓ партнер
- ✓ соперник

6. Какие природные явления и части природы Вы соотносите с Россией?

Дан визуальный ряд, главным образом – репродукции русских художников с изображением природных реалий 1) снег, 2) поле, 3) лес, 4) горы, 5) река, 6) пустыня

7. Какие источники знания о России актуальны для вас и ваших знакомых? (можно выбрать несколько)

- ✓ СМИ, новости, реклама
- ✓ Соцсети, блоги
- ✓ Произведения искусства – книга, картина, фильм, песня
- ✓ Школа
- ✓ Университет
- ✓ Проекты и информация государственных организаций (посольства и пр.)
- ✓ Частные образовательные и/или культурные центры
- ✓ Знакомые, соседи, родные

8. Укажите название и / или автора наиболее важного для Вас источника информации, знаний о России

9. Какие черты характеризуют русского человека?

- ✓ доброта, готовность помочь
- ✓ равнодушие
- ✓ смекалка, умение выходить из сложных ситуаций
- ✓ вера в чудо
- ✓ сила воли, упорство
- ✓ мечтательность
- ✓ верность традициям
- ✓ стремление к новому
- ✓ смелость
- ✓ любовь к родине
- ✓ бескорыстие
- ✓ лень
- ✓ трудолюбие

10. Хотелось бы Вам поехать в Россию?

- ✓ да
- ✓ нет
- ✓ не знаю, не задумывался (не задумывалась)

11. Какие атрибуты Вы соотносите с Россией?

Дан визуальный ряд с подписями: 1) роспись по фарфору, 2) хохлома, 3) шапка-ушанка, 4) медведь, 5) матрешка, 6) коала, 7) балалайка, 8) наличники, 9) валенки.

12. С какой целью стоит ехать в Россию?

- ✓ культурный туризм (посмотреть достопримечательности, познакомиться с традициями)
- ✓ просто съездить, познакомиться со страной и ее жителями
- ✓ учиться
- ✓ работать
- ✓ временно пожить
- ✓ жить постоянно
- ✓ свой вариант

13. Какие города России Вам хотелось бы посетить?

- ✓ Москва
- ✓ Санкт-Петербург
- ✓ Древние русские города Золотого кольца (Суздаль, Владимир, Ярославль)
- ✓ Свой вариант

14. Какие продукты / напитки Вы соотносите с Россией?

Дан визуальный ряд с подписями: 1) пельмени, 2) водка, 3) щи, 4) чай из самовара, 5) пироги, 6) блины, 7) каша пшенная, 8) пудинг, 9) паста.

15. Кого из деятелей русской культуры, искусства Вы знаете? (укажите)

16. Какие русские произведения искусства вам знакомы? (укажите)

17. Какие образы искусства Вы соотносите с Россией?

Дан визуальный ряд: 1) кадр из мультфильма «Ну, погоди!», 2) кадр из мультфильма «Том и Джерри», 3) иллюстрация к сказке «По щучьему веленью», 4) церковь Илии Пророка, Ярославль, 5) Тадж-Махал, 6) собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву (храм Василия Блаженного), 7) «Троица» Андрея Рублева, 8) «Богатыри» В. Васнецова, 9) «Царевна-Лебедь» М. Врубеля.

18. Какие из указанных традиций характерны для русских? (выберите)

- ✓ Семейные традиции
- ✓ Ходить в храм, молиться
- ✓ Посещать балы
- ✓ Танцевать на вечеринках
- ✓ Улыбаться прохожим
- ✓ Выращивать виноград и делать вино
- ✓ Работать в огороде (на земле)
- ✓ Париться в бане
- ✓ Лежать на печи (на диване)
- ✓ Посидеть на дорожку (перед поездкой)
- ✓ Чаепитие five-o'clock
- ✓ Пить чай с баранками (блинами, пирогами)
- ✓ Рассказывать сказки
- ✓ Сжигать чучело Масленицы в конце зимы
- ✓ Отмечать Новый год
- ✓ Участвовать в пивных фестивалях

19. Поделитесь Вашим мнением о системе образования в Республике Кот-д'Ивуар / Ганы (выберите один вариант ответа)

А) Система образования в республике Кот-д'Ивуар отвечает основным социальным запросам государства и общества

Б) Система образования в республике Кот-д'Ивуар нуждается в реформировании по отдельным направлениям

В) Система образования в республике Кот-д'Ивуар нуждается в существенном реформировании
Г) Другое

20. Назовите главные, на Ваш взгляд, достижения системы образования в Республике Кот-д'Ивуар / Гана

21. Назовите главные, на Ваш взгляд, проблемы системы образования в Республике Кот-д'Ивуар / Гана

22. Какова, на Ваш взгляд, потребность граждан Республики Кот-д'Ивуар / Гана в изучении русского языка и русской культуры? (выберите несколько вариантов ответа)

А) Изучение русского языка может быть интересно для развития туризма,

Б) Изучение русского языка может быть интересно для развития экономического сотрудничества стран,

В) Изучение русского языка может быть интересно для получения гражданами Кот-д'Ивуар высшего образования в Российской Федерации,

Г) Изучение русского языка может быть интересно для культурного обмена между нашими странами,

Д) Изучение русского языка может быть интересно для .. (допишите свой вариант ответа),

Е) Изучение русского языка не представляет интереса для граждан республики Кот-д'Ивуар.

Благодарим за Ваше участие в опросе! Ваш вклад очень важен для развития нашего сотрудничества.

Ирина Юрьевна Тарханова, доктор педагогических наук, директор Института педагогики и психологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Наталья Николаевна Летина, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Елена Игоревна Бойчук, доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Вопросы данной анкеты направлены главным образом на определение сформированности интереса жителей Республик Кот-д'Ивуар и Ганы к России и русскому культурному коду в различных его проявлениях, а также на выявление отношения респондентов к собственной системе образования. Эвристический компонент в вопросах анкеты нивелирован, использованы вопросы информационного и алгоритмического характе-

ра. Уровень сложности вопросов и формы их представления средний, сокращена вербальная составляющая вопросов и вариантов ответов, упрощены грамматические конструкции и лексический состав, добавлен визуальный ряд для закрытых вопросов с выбором вариантов ответа. Формирование групп имманентно коррелирующих вопросов (1, 2, 4, 9; 6, 11, 13-18; 3-5, 9, 10, 12; 19-21) направлено как на уточнение и детализацию знаний, представлений, мнений, так и на выявление их достоверности и устойчивости, которые могут быть подтверждены внутренней непротиворечивостью ответов на вопросы одной группы (или, наоборот, поставлены под сомнение при несогласованности ответов).

Вопросы анкеты, предназначенной для студентов университетов Республик Гана и Кот-д'Ивуар, не изучающих русский язык были сокращены по количеству (19 вопросов) и упрощены по смыслу и форме (не требовалось углубленной рефлексии, увеличена пропорция визуального ряда, сокращено количество предлагаемых вариантов ответа).

В ходе проведения опроса запланированная выборка претерпела изменения: образовалась диспропорция внутри второй и внутри третьей групп выборки, которая лишила исследователей возможности сравнить результаты от респондентов – студентов университета Республики Кот-д'Ивуар и студентов университета Республики Гана внутри данных групп. Однако, сложившаяся диспропорция отчасти нивелирована возможностью сравнения данных, полученных от второй (студенты Университета Республики Гана) и третьей (студенты Университета Республики Кот-д'Ивуар) групп в силу корреляции анкет. Изменения количественных показателей выборки и опрошенных охватывают сокращение первой группы с 9 до 3 респондентов и расширение числа участников с запланированных 100 человек до 193 участвовавших в опросе. Подчеркнем: количественный аспект изначально не являлся для данного опроса определяющим, поскольку ключевой акцент сделан на качественных показателях – знаниях, представлениях, мнениях респондентов.

Заключение

В ходе работ над Государственным заданием Министерства просвещения Российской Федерации по теме «Научно-методическое сопровождение образовательной и просветительской дея-

тельности в Республике Кот-д'Ивуаре в интересах продвижения целей и ценностей российского образования и культуры» (№ GTNU-2023-0011) был разработан культуросообразный алгоритм исследования культурных оснований российско-африканского диалога, апробированный в процессе взаимодействия ЯГПУ им. К.Д. Ушинского и университетов республик Гана и Кот-д'Ивуар.

Методологическая основа алгоритма – синергия культурологического, педагогического, лингвокультурологического моделирования и анализа с эмпирическим инструментарием (фокус-группа, социокультурный опрос, анкетирование, количественный анализ).

Среди теоретических принципов, определивших концепцию исследовательского алгоритма (равенства возможностей, общности, диалог культур, культурный код), высокую значимость продемонстрировала актуализация русского культурного кода.

Преимущественно на выявление уровня и степени интереса, информированности, понимания целевой аудиторией – африканскими студентами университетов республик Гана и Кот-д'Ивуар особенностей русского культурного кода был направлен разработанный алгоритм концептуализации, формирования и проведения социокультурного опроса и фокус-группы, ставший основанием эмпирических инструментов. Социокультурный опрос и фокус-группа помимо решения исследовательских задач, выступили также триггером целенаправленной рефлексии африканских студентов о России, русской культуре, русском языке, о возможностях африканско-русского диалога. Целенаправленное позиционирование русского культурного кода через контент и формат предназначенной африканским студентам анкеты, демонстрировавшей русские ландшафты, традиции, выдающихся персон, вершинные произведения позволило реализовать просветительскую задачу и осуществить актуализацию России в сознании респондентов.

По итогам систематизации полученных в результате произведенного социокультурного опроса гипотеза о значимости русского культурного кода как одного из ключевых оснований культурно-просветительского и образовательно-взаимодействия между ЯГПУ им. К.Д. Ушинского и университетами республик Гана и Кот-д'Ивуар.

Библиографический список

1. Аверина М. Н., Груздев М. В. Диалог культур: сотрудничество ЯГПУ им. К.Д. Ушинского и Юго-Западного университета г. Чунцин (КНР) / М. Н. Аверина, М. В. Груздев, Т. Ж. Калинина [и др.] // «Один пояс – один путь»: российско-китайский культурный диалог. Коллективная монография. Сер. «Россия и Китай: научное сотрудничество „中俄学术合作”丛书» / под научн. ред. Е. М. Болдыревой, Се Чжоу. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 15–19.
2. Барт Р. Основы семиологии. Москва : Прогресс, 1975. 468 с.
3. Библер В. С. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.
4. Густякова Д. Ю. Личность в современной российской провинции: приоритеты и перспективы / Д. Ю. Густякова, Н. А. Дидковская, Е. А. Шахова // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. 1. С. 253–258.
5. Декларация второго саммита Россия – Африка (г. Санкт-Петербург, 28 июля 2023 г.) URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5972> (дата обращения: 07.11.2023).
6. Злотникова Т. С., Летина Н. Н. Российский дискурс массовой культуры в фокусе социокультурного исследования // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 4. С. 422–435.
7. Злотникова Т. С. Молодежь в современной российской провинции: социокультурная рефлексия / Т. С. Злотникова, Н. Н. Летина, Ж. К. Гапонова // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1 (9). С. 115–132.
8. Злотникова Т. С. Массовое сознание в философской традиции и в современных интерпретациях // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 46–56.
9. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства // Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. 542 с.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
11. Любовь к России и русская культура на африканском континенте. URL: https://vk.com/video-135454514_456245273 (дата обращения 14.11.2023).
12. Мосейко И. А. Культурные коды социума: научно-практическое значение в современной африканистике // Ученые записки Института Африки РАН № 4(57), 2021. С. 5–18.
13. Першина К. В. О языковом воплощении русского культурного кода // Формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве. 2022. С. 131–133.
14. Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ : учебное пособие по курсу «Эстетика и теория искусства» / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 227 с.

15. Русская культура на африканском континенте. Дискуссия в студии Знание. Лекторий на экономическом и гуманитарном форуме в рамках второго Саммита Россия – Африка. URL: <https://znanierussia.ru/library/video/lyubov-k-rossii-i-russkaya-kultura-na-afrikanskom-kontinente-3450?page=1> (дата обращения: 07.11.2023)

16. Саммит Россия – Африка. Владимир Путин принял участие в пленарных сессиях второго саммита Россия – Африка. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71826> (дата обращения: 07.11.2023)

17. Степин В. С. Человек. Деятельность. Культура. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2018. 796 с.

18. Фитуни Л. Л. Роль «африканских» саммитов лета 2023 г. в построении нового миропорядка // Ученые записки Института Африки РАН № 3(64), 2023. С. 5–13.

19. Gruzdev M. V. University graduates' soft skills: the employers' opinion / M. V. Gruzdev, I. V. Kuznetsova, I. Yu. Tarkhanova, E. I. Kazakova // European Journal of Contemporary Education. 2018. T. 7. № 4. С. 690–698.

20. Mehenou Amouzou. Culture And Development In Africa // Modern Ghana. 23.02.2015. URL: <https://www.modernghana.com/news/600426/culture-and-development-in-africa.html> (дата обращения: 07.11.2023)

Reference list

1. Averina M. N., Gruzdev M. V. Dialog kul'tur: sotrudnichestvo JaGPU im. K. D. Ushinskogo i Jugo-Zapadnogo universiteta g. Chuncin (KNR) = Dialogue of cultures: cooperation between YSPU n.a. K.D. Ushinsky and Southwest University of Chongqing (PRC) / M. N. Averina, M. V. Gruzdev, T. Zh. Kalinina [i dr.] // «Odin pojas – odin put'»: rossijsko-kitajskij kul'turnyj dialog. Kollektivnaja monografija. Ser. «Rossija i Kitaj: nauchnoe sotrudnichestvo „中俄学术合作”丛书» / pod nauchn. red. E. M. Boldyrevoj, Se Chzhou. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. S. 15–19.

2. Bart R. Osnovy semiologii = Basic semiology. Moskva : Progress, 1975. 468 s.

3. Bibler V. S. Dialog kul'tur (opyt opredelenija) = Dialogue of cultures (attempt at definition) // Voprosy filosofii. 1989. № 6. S. 31–42.

4. Gustjakova D. Ju. Lichnost' v sovremennoj rossijskoj provincii: priority i perspektivy = Personality in modern Russian provinces: priorities and perspectives / D. Ju. Gustjakova, N. A. Didkovskaja, E. A. Shahova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2014. № 4. T. 1. S. 253–258.

5. Deklaracija vtorogo sammita Rossija – Afrika = The Declaration of the Second Russia-Africa Summit (g. Sankt-Peterburg, 28 ijulja 2023 g.) URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5972> (data obrashhenija: 07.11.2023).

6. Zlotnikova T. S., Letina N. N. Rossijskij diskurs massovoj kul'tury v fokuse sociokul'turnogo issledovani-ja = Russian mass culture discourse in the focus of sociocultural research // Observatorija kul'tury. 2018. T. 15. № 4. S. 422–435.

7. Zlotnikova T. S. Molodezh' v sovremennoj rossijskoj provincii: sociokul'turnaja refleksija = Modern youth in Russian provincial space: sociocultural reflection / T. S. Zlotnikova, N. N. Letina, Zh. K. Gaponova // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2015. № 1 (9). S. 115–132.

8. Zlotnikova T. S. Massovoe soznanie v filosofskoj tradicii i v sovremennyh interpretacijah = Mass consciousness in philosophical tradition and in modern interpretations // Voprosy filosofii. 2020. № 10. S. 46–56.

9. Lotman Ju. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva = Articles on semiotics of culture and the arts // Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2002. 542 s.

10. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhih mirov. Che-lovek – tekst – semiosfera – istorija = Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.

11. Ljubov' k Rossii i russkaja kul'tura na afrikanskom kontinente = Love of Russia and Russian culture on the African continent. URL: https://vk.com/video-135454514_456245273 (data obrashhenija 14.11.2023).

12. Mosejko I. A. Kul'turnye kody sociuma: nauchno-prakticheskoe znachenie v sovremennoj afrikanistike = Cultural codes of society: scientific and practical significance in contemporary African studies // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN № 4(57), 2021. S. 5–18.

13. Pershina K. V. O jazykovom voploshhenii russkogo kul'turnogo koda = On linguistic realization of the Russian cultural code // Formirovanie nacional'no-duhovnoj identichnosti v sovremenном sociokul'turnom prostranstve. 2022. S. 131–133.

14. Rossijskij diskurs massovoj kul'tury: jesteticheskie praktiki i hudozhestvennyj obraz = Russian mass culture discourse: aesthetic practices and artistic image: uchebnoe posobie po kursu «Jestetika i teorija iskusstva» / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinov. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. 227 s.

15. Russkaja kul'tura na afrikanskom kontinente. Diskussija v studii Znanie. Lektorij na jekonomicheskom i humanitarnom forume v ramkah vtorogo Sammita Rossija – Afrika = Russian culture on the African continent. A discussion in the Znanie studio. Lectures at the Economic and Humanitarian Forum as part of the second Russia-Africa Summit. URL: <https://znanierussia.ru/library/video/lyubov-k-rossii-i-russkaya-kultura-na-afrikanskom-kontinente-3450?page=1> (data obrashhenija: 07.11.2023)

16. Sammit Rossija – Afrika. Vladimir Putin prinjal uchastie v plenarnyh sessijah vtorogo sammita Rossija – Afrika = Russia-Africa Summit. Vladimir Putin took part in the plenary sessions of the second Russia-Africa Summit. URL:

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/71826> (data obrashhenija: 07.11.2023)

17. Stepin V. S. Chelovek. Dejatel'nost'. Kul'tura.= Man. Activity. Culture. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gumanitarnyj universitet profsojuzov, 2018. 796 s.

18. Fituni L. L. Rol' «afrikanskih» sammitov leta 2023 g. v postroenii novogo miroporjadka = The role of the "African" summits of summer 2023 in building a new world order // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN № 3(64), 2023. S. 5–13.

19. Gruzdev M. V. University graduates' soft skills: the employers' opinion / M. V. Gruzdev, I. V. Kuznetsova, I. Yu. Tarkhanova, E. I. Kazakova // European Journal of Contemporary Education. 2018. T. 7. № 4. S. 690–698.

20. Mehenou Amouzou. Culture And Development In Africa // Modern Ghana. 23.02.2015. URL: <https://www.modernghana.com/news/600426/culture-and-development-in-africa.html> (data obrashhenija: 07.11.2023)

Статья поступила в редакцию 19.08.2023; одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 19.08.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

Научная статья
УДК 008 (091)
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_273
EDN: EGPJCF

Документальная основа текста города Бежецка в художественной литературе XIX–XX веков

Анастасия Андреевна Суслова

Аспирант кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
Nastya424m@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1016-2574>

Аннотация. В статье сопоставлены документальная и художественная основы, формирующие текст провинциального города Бежецка. Соотнесены символы и маркеры, исторические и социокультурные факты с представлениями о провинциальном городе Бежецке поэтов и писателей, родившихся и нашедших вдохновение на бежецкой земле. Материалом исследования являются выпуски бежецкого альманаха, заметки о городе художественные произведения, дневники и письма причастных к региону творческих личностей: А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилева, В. Абакумова, В. Я. Шишкова. Исследование является актуальным в связи с недостаточной изученностью бежецкого текста в научной литературе, а также проводимой в ряде регионов разработкой имиджа территории. Бежецк, являясь типичным представителем малого провинциального города, аккумулирует в себе характерные для провинции черты: вязкость жизни как ее метафизическое качество, анахронизм, отсталость, чувство замкнутости, оставленности, покинутости, господство стереотипного над уникальным. В ходе исследования, проанализировав два типа источников, тем самым подвергнув информацию сличению, были выявлены разные доминантные точки в восприятии и видении одного и того же города разными авторами. Обусловлены эти различия факторами, которые влияют на восприятие писателем территории: биография, темперамент, связь с конкретной местностью, где проживает автор, – все это, так или иначе, находит своё отражение в творчестве художников, создавая особый текст города, который имеет как общие черты, свойственные такому тексту как типу, так и особенности, обусловленные принадлежностью этого текста конкретному городу.

Ключевые слова: текст города; Бежецк; образ города; провинция; Верхневолжье; творческая личность; Н. С. Гумилёв; А. А. Ахматова

Для цитирования: Суслова А. А. Документальная основа текста города Бежецка в художественной литературе XIX–XX веков // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 273–279. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_273. <https://elibrary.ru/EGPJCF>

Original article

Documentary basis for the urban text of Bezhetsk in the XIX–XX century literature

Anastasiya A. Suslova

Postgraduate student at the department of culture studies, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
Nastya424m@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1016-2574>

Abstract. The article compares the documentary and artistic bases that form the text of the provincial town of Bezhetsk. The author correlates symbols and markers, historical and socio-cultural facts with the poets' and writers' perceptions of the provincial town of Bezhetsk, where they were born and found their inspiration. The research materials are the issues of Bezhetsk almanac, notes about the city, literary works, diaries and letters of creative personalities who were connected to the region: A. A. Akhmatova, N. S. Gumilev, V. Abakumov, V. Y. Shishkov. The study is relevant due to the fact that the Bezhetsk text is insufficiently studied in the scientific literature, as well as the ongoing research on the image of the territory in a number of regions. Bezhetsk, being a typical representative of a small provincial town, accumulates the features characteristic of the province: thickness of life as its metaphysical quality, anachronism, backwardness, feeling of isolation, of being abandoned, dominance of the stereotypical over the unique. Having analyzed two types of sources, and compared the information, the author found different dominant points in the perception and vision of one and the same city by different people. These differences are conditioned by

the factors that influence the writer's perception of the territory: biography, temperament, connection with the particular area the writer lives in – all this, in one way or another, is reflected in the artists' work, creating a unique urban text, which has both common features typical of any such text, and certain specific features determined by the fact that the text is related to a particular city.

Key words: urban text; Bezhet'sk; image of the city; province; Verkhnevolzhye; creative personality; N. S. Gumilev; A. A. Akhmatova

For citation: Suslova A. A. Documentary basis for the urban text of Bezhet'sk in the XIX–XX century literature. *Verkhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):273–279. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_273. <https://elibrary.ru/EGPJCF>

Введение

В отечественном и зарубежном литературоведении не ослабевает научный интерес к культурологическому понятию текста, в котором объектом изучения становится город. Н. Анциферов называл город местом встреч, отводя городам особый статус центра формирования человеческого общества и развития культуры [Анциферов, 1926].

Постановка проблемы

В рамках данной статьи мы обращаемся к осмыслению документальной основы текста города Бежецка, значимость которого обусловлена следующими причинами. Прежде всего, актуальностью темы, которая раскрывает особенности синтеза документального и художественного в современной культуре, что позволяет обнаружить двойственность отражения восприятия города в художественной литературе. Кроме того – недостаточной изученностью текста города выбранной территории в научной литературе, который в силу специфики регионального развития, имеет отличительные характеристики. Пытаясь найти новые жизнесмыслы, современный город конструирует свой бренд, нередко обращаясь к «гениям места» и художественной литературе (Петербург Достоевского; Москва Булгакова, Тверь Салтыкова-Щедрина и т. д.), поэтому актуальным представляется исследование текста города в аспекте творчества известных персоналий, относящихся к выбранному региону.

Материал и методы исследования

Материал исследования представлен двумя типами источников: источниками документальными (архивными записями об истории города, биографическими сведениями персоналий, связанных с выбранным регионом, их дневниковыми записями и письмами) и источниками художественными (произведениями А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилёва, В. Я. Шишкова, В. Абакумова). Сравнивая два типа источников, мы верифицируем информацию и обнаруживаем различия в

восприятии и видении одного и того же города разными авторами. Обусловлены эти различия факторами, которые влияют на восприятие писателем территории: биография, темперамент, связь с конкретной местностью, где проживает автор, – все это, так или иначе, находит своё отражение в творчестве художников, создавая особый текст города, который имеет как общие черты, свойственные такому тексту как типу, так и особенности, обусловленные принадлежностью этого текста конкретному городу.

Семиотический анализ при исследовании текста города не только раскрывает его, но и порождает новые смыслы. Флейшман в своём труде указывает на двойственность природы городского пространства, где город одновременно является изображением и реальностью. Мы можем прочитывать город как цельную смысловую единицу, как текст, составленный из множества взаимосвязанных образов. К. Линч в своём труде «Образ города» пишет о важном в данном контексте понятии *вообразимость*. Читаем: «Поскольку нас интересует предметное окружение в роли независимой переменной, мы будем искать предметные качества, которые соответствовали бы атрибутам опознаваемости и структуре мысленного образа. Это приводит к необходимости определить то, что лучше всего назвать вообразимостью, – такое качество материального объекта, которое может вызвать сильный образ в сознании произвольно избранного наблюдателя. Это такие формы, цвет или композиция, которые способны облегчить формирование живо опознаваемых, хорошо упорядоченных и явно полезных образов окружения. Это качество можно было бы назвать читаемостью или, быть может, видимостью в усиленном смысле, когда объекты не просто можно видеть, но они навязывают себя чувствам обостренно и интенсивно» [Линч, 1982, с. 21–22]. Мы делаем вывод о том, что вообразимость можно назвать основой для перехода чувственного восприятия города к его художественному воплощению.

Назовём «живо опознаваемые» образы окружения доминантными точками и в данной статье в каждом из представленных произведений выбранных авторов будем обращать на них особое внимание. Таким образом, мы сможем проследить частотность упоминания, значимость существующих культурных и географических объектов, формирующих в дальнейшем образы города.

Результаты исследования

Проанализировав документальные источники, посвященные бежецкой земле, мы отмечаем, что на формирование социокультурного пространства Бежецка оказало его выгодное местоположение (пересечение торговых путей, близость столицы, соседство с крупными торговыми городами — Тверь, Весьегонск, Ярославль), что привело к увеличению числа жителей. Культурная жизнь Бежецка XVII–XIX столетий, остающаяся сегодня практически неизученной, проходила, вероятно, в рамках церковно-земледельческого календаря — как и в сельской местности. Что касается образования, то до 1865 г. школ почти не было, а те, которые имелись, пребывали на крайне низком уровне [Смирнов, 2017 с. 30–61]. С падением административного и экономического статуса Бежецка в конце XIX века на время затихает и культурная активность.

Ситуация меняется с началом XX века. В частности, активизируется литературная жизнь уездного Бежецка. В городе с населением, едва превышающим 10 тысяч жителей, в 1921 году зарождается литературное объединение «Союз поэтов». Во многом это событие было связано с деятельностью Н. С. Гумилева — одного из самых заметных литераторов региона. В местной газете за 1921 были опубликованы такие строки: «При участии поэта Николая Гумилёва и его содействии организовался в г. Бежецке «Союз поэтов», где по примеру Петербургского отделения Всероссийского союза поэтов проходит чтение произведений авторов — членов союза. ... Почётным председателем «Союза поэтов» состоит поэт Николай Гумилёв» [Сенин, 2013]. О развивающейся литературной жизни стали говорить в региональном центре — Твери, как о следствии произошедшей революции. Но после гибели Н. С. Гумилёва литературное отделение «Цех поэтов» постепенно прекращает свою деятельность.

С 1928 года по начало 1970-е годов литературное творчество теряет свою популярность и становится лишь ярким отголоском прошлого, с

главной фигурой в лице Николая Степановича Гумилёва.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в Бежецке эпохе XIX века идёт активное развитие культурной жизни общества. Развивается экономика, что способствует приросту капитала, который дальше используется для построения церквей, архитектурных шедевров, которые сохранились и по сей день, выделения собственной иконописной школы (за счет городской казны и подношения прихожан), усовершенствуется система образования.

Патриархальный город Бежецк, где проживало на тот момент чуть более двадцати пяти тысяч жителей, несколько выделялся на фоне общего провинциального пейзажа, заслуживая отдельных характеристик, упоминаний, эпитетов. При этом аспекты провинциальной жизни, привлекавшие посещавших Бежецк авторов, были, как правило, схожи.

Первая доминантная точка, которая часто встречается у авторов — *уникальность окружающего пространства*.

Тесно связана с Верхневолжьем жизнь Фёдора Николаевича Глинка (1786–1880). Он хорошо изучил Тверской край, путешествуя в 1810–1811 гг. по центральным губерниям России, в частности по Волге от Зубцова до Твери.

Много времени Ф. Н. Глинка посвятил исследованию местности и древностей, в его книге «О древностях в Тверской Карелии» читаем: «Да! В Тверской Карелии есть много любопытного; только всё это разбросано, заброшено, утаено в лесах, утоплено в болотах... Однако прилежно-наблюдательный взгляд неугомимого ходока откроет, как сказал недавно один молодой поэт:

«Могила...каменной ряд,
На камнях дивные сказанья...»

Признаюсь, я подумал, что это чертёж какого-нибудь подземного строения, тем более что о тайниках и погребках подземных существуют здесь, давние слухи...» [Глинка, 2012, с. 8]

Упоминание о необычных камнях мы можем встретить и у Н. С. Гумилёва, он постепенно начинает замечать и исследовать предметы провинциального мира. Такие камни, скорее всего, участвовали в ритуальных действиях, от чего можно заметить на них пересекающиеся, выпуклые линии. Гумилев в стихотворении «Камень» видит в этих валунах что-то магическое (стран-

ные щели), придаёт им свойства живых существ (камень смотрит со злобой).

Во многих текстах у Николая Степановича Гумилёва присутствуют строки на религиозную тематику. Если обращаться к произведениям, имеющим отношение к Бежецку, то в «Старых усадьбах» поэт отмечает феномен двоеверия, который не чужд провинциальной России:

«Русь бредит Богом, красным пламенем,
Где видно ангелов сквозь дым...
Они ж покорно верят знаменьям,
Любя свое, живя своим» [Гумилёв, 1988, с. 215–216]

Ещё одна доминанта – *внешний облик города*, характеризующийся разрухой и запущением. Гумилёв в своём творчестве часто упоминает Бежецк, показывая его внешний облик следующим образом: «Дома косые, двухэтажные, и тут же рига, скотный двор...» [Гумилёв, 1988, с. 215–216] Для города характерна широкая / не плотная городская застройка с невысокими домами, часто к которым примыкает подсобное хозяйство.

Устройство родового дворянского гнезда нашло своё отражение в стихотворении «Старина».

«Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь, <...>
Вот дом, старинный и некрашенный,
В нём словно плавает туман, <...>
Мне суждено одну тоску нести,
И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и томная
Незолотая старина» [Гумилёв, 1988, с. 139–140]

Часто упоминаются в литературных произведениях *исторические события города, традиции, нормы и обычаи* – ещё одна доминантная точка, которую мы выделяем. Так, В. Абакумов в «Сказании о преподобном Нектарии Бежецком» пишет о городе следующее:

«Князь Бежецкий поссорится
С Московским — в тьме их дел
Страдает, стонет, мается
Весь Бежецкий удел...
Да! Время было черное... [Абакумов].

Абакумов указывает на древнее происхождение города, историческое противостояние Тверских и Московских князей, названием автор указывает на роль святого в этом конфликте.

Н. С. Гумилёв (интуитивно) стремясь подчеркнуть региональную идентичность места, в котором родился и вырос, испытывая к нему позитивные чувства, проявляет интерес к коренным традициям и обычаям. Он напишет:

«Порою крестный ход и пение,
Звонят во все колокола,
Бегут, – то значит, по течению
В село икона приплыла...» [Гумилёв, 1988, с. 215–216]

В этом стихотворении снова прослеживается религиозная тематика. На бежецкой земле более трёхсот лет существует традиция «Большой Бежецкий Крестный ход» в память об избавлении региона от моровой язвы, по которой в июле месяце иконы Божией Матери «Теребенская» и Теребенский образ Николая чудотворца проносят из Максатихи до Лихославля.

Н. С. Гумилёв также знает историю города, упоминая о его древности и местоположении. Читаем: «Над широкой рекой, пояском-мостком перетянутой» – в Бежецке протекает река Молога, здесь она широко разливается за счёт притоков – рек Моглуша и Похлава, а поясок-мосток, связующий две части города (центральную и «штабскую») занимал своё место уже в конце XVII века. Далее – «Городок стоит небольшой, летописцем не раз помянутый» [Гумилёв, 1988, с. 255] – действительно, город Бежецк не единожды упоминается в Новгородской летописи, по которой датой основания города принято считать 1137 год.

А. А. Ахматова также описывает исторические события, свидетельницей которых она стала – крестьянские волнения на бежецкой земле в июле 1917 года.

«И целый день, своих пугаясь стонов,
В тоске смертельной мечется толпа,
А за рекой на траурных знамёнах
Зловещие смеются черепа.
Вот для чего я пела и мечтала,
Мне сердце разорвали пополам,
Как после залпа сразу тихо стало,
Смерть выслала дозорных по дворам» [Ахматова, 1976, с. 147].

Примечательно, что в большинстве текстов о городе А. А. Ахматова употребляет слова «тоска», «печаль» и синонимичные им, полагаем, их можно отнести к центральным, в формировании образа города у поэтессы. Ахматова пишет: «*И в город печали и гнева // Из тихой Карельской земли...*», «*В саду под шум берёз карельских...*» – из написанного мы понимаем, что А. А. Ахматова детально изучила историю региона, в котором ей приходилось находиться продолжительное время. Коренным населением региона являются не только бежавшие из Новгорода жители (откуда по легенде и произошёл топоним «Бежецк») но и карелы. В некоторых населённых пунктах и сегодня продолжают жить их традиции и искусство. В Бежецке А. А. Ахматова начинает глубже изучать историю Тверского края. Возможно, интерес к истории, был связан и с личными корнями Ахматовой, ее интересом к дворянской культуре.

Ещё множество деталей о городе Бежецке встречаем в тексте писателя, инженера, уроженца бежецкой земли Вячеслава Яковлевича Шишкова. Такая особенность провинции как инертность, неготовность к переменам, жизнь по своим правилам находит своё отражение в первой главе романа «Угрюм-река». У Шишкова читаем: «Он треснул по голове бежавшего ему навстречу мальчика. Опытным глазом забияки он быстро окинул поле битвы: на площадке, где обычно играла музыка, шел горячий бой между „семинарами“ и „гимназерами“. К той и другой стороне приставали мещане, хулиганы, всякий сброд. <... > Гони кутью в болото! [Шишков, 8]. По сохранившимся воспоминаниям сторожил, этот эпизод обыденное событие для города. Из развлечений того времени – драка между учениками духовной семинарии и учениками городского училища – гимназии. Кличка «кутья» не имеет четкой дифференциации, она лишь призывала начать драку.

Следующая доминанта – отношение к городу. Оно у каждого автора индивидуально. В отношении А. А. Ахматовой примечательным является отражение в тексте её внутренних переживаний, связанных с бежецкой землёй, где долгое время поэтесса ощущала себя чужой, одинокой, отвергнутой. В стихотворении «Ты знаешь, я томлюсь в неволе» А. А. Ахматова характеризует бежецкую землю эпитетом «скудная», а далее раскрывает окружающее её пространство, типичными представлениями о провинции как о чём-то отсталом, разрушенном, запущенном, одиноком. Читаем:

«Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.
И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб» [Ахматова, 1976, с. 69]

Тверская земля для Анны Ахматовой не имеет положительных оттенков (в неволе, скудная, тоска, осуждающие взоры), хотя Ольга Медведко – культуролог, лингвист, председатель Гумилёвского общества пишет, что Бежецк в то время был сытым городом – «После смерти Николая Гумилёва в 1921 году Анна Ахматова приехала в Бежецк, чтобы решить вопрос, где жить Леве дальше – в голодном и холодном Петрограде или в более сытом Бежецке» [Медведко].

Сельская жизнь Бежецкого Верха была весьма однообразна. Поэтесса очень долго и болезненно привыкала к патриархальному укладу провинции, её заскорузлости, медлительности, а неживописный провинциальный пейзаж Бежецка с его полями, трясины, болотами тяготил поэтессу. В одном из стихотворений, написанном в родовом доме Гумилевых, она назовет такую жизнь «*томленьем в неволе*».

В 1921 году Анна Андреевна пишет стихотворение «Бежецк».

В данном стихотворении можно выделить ключевые аспекты, формирующие у Ахматовой образ Бежецка: во-первых, это история города и его древнее происхождение, его традиции, прочно укоренившиеся в сознании жителей; во-вторых, насыщенность древними памятниками – «теремами», «белыми церквями», колокольнями, воплощающими культурную память.

Анна Ахматова не считает себя родной для Бежецка, не считает его «своим». Он олицетворяют для нее провинцию, как состояние души человека, особый мир, знакомый, но не родной.

Уроженец бежецкой земли В. Я. Шишков тоже экстраполирует своё видение территории на городское пространство «Угрюм-реки». У Шишкова местность формировали «яркие по своей индивидуальности» люди, а природа и объекты архитектуры лишь дополняли картину.

Основой для развития событий становится возможность нахождения новых торговых путей. Здесь следует обратить внимание на две вещи: первая – путешествие, в которое отправляются

герои, тем самым писатель сближает роман с жанром травелога, Шишков выступает с позиции писателя путевых заметок; вторая – сама цель поездки (поиск торговых путей) не случайна, отец Вячеслава Яковлевича – представитель бежецкого купечества. Время, проведенное в Бежецке, оставило тёплый след в душе писателя. В своих произведениях Шишков так или иначе упоминает место, где он родился и рос. Присутствуют тверские топонимы (Бежецк и его близлежащие села, Ржев и т. д.), название городских объектов (трактир, существовавший в Бежецке во времена В. Я. Шишкова, также именовался «Тычек»).

В.Я. Шишков питает живой интерес к личности, людям, которые составляли пространство романа. Так, яркая деталь – поговорка «елёха-воха», которую то и дело произносит герой романа – «...вот так, елеха, воха, нахвостался», «Эх ты.., елеха-воха...». Персонаж имеет реальный прототип, в городе жил человек с прозвищем «Елёха-воха». Наблюдательный В. Я. Шишков переносит необычную речевую особенность в свое произведение.

Бежецк, как и любой другой провинциальный город, не лишён типичных для провинции черт: вязкость жизни как ее метафизическое качество, анахронизм, отсталость, чувство замкнутости и оставленности, господство стереотипного над уникальным.

Выводы

Подводя итоги нашего исследования, мы можем сделать вывод о том, что авторы, опираясь на документальные факты, преобразуют их в художественные. Здесь отражены типичные доминантные точки: обилие исторических фактов, упоминание культурных объектов, тяга авторов к отражению религиозных сторон жизни города, мифологизация пространства. Важно отметить, что чаще всего автор строит модель текста города, используя реалии окружающего пространства. В ходе анализа мы обнаружили, что уникальными доминантами стали субъективные образы Бежецка как места одиночества, замкнутости, покинутости. На наш взгляд, это связано с моментами биографии и принадлежностью автора к пространству. Родившиеся в провинции ощущают её иначе: относятся к ней снисходительно, замалчивая или не замечая её неприглядных, неэстетичных сторон. Авторы, которые составляют образ города, не имея с ним глубинной

связи, более объективно оценивают город, отмечая его недостатки.

Библиографический список

1. Абакумов В. Сказание о преподобном Нектарии Бежецком // литературная карта Тверского края URL: <https://litmap.tverlib.ru/bezhecky/poetry.html#z06> (дата обращения 1.05.2023)
2. Андиферов Н. П. Книга о городе. Ленинград : Изд-во Брокгауз и Ефрон, 1926. 224 с.
3. Ахматова А. А. От царскосельских лип: поэзия и проза. Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. 652 с.
4. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. Ленинград : Советский писатель, 1976. 560 с.
5. Бежецкий край: истор.-краевед. альманах. №2 (14). «Ещё не раз Вы вспомните меня...»: сб. докладов и выступлений на науч.-практ. конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения Николая Степановича Гумилёва. Вышний Волочёк : Издательство «ИСТОКИ», 2016. 88 с.
6. Глинка Ф. Н. О древностях в Тверской Карелии. Москва : Книга по Требованию, 2012. 23 с.
7. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. Москва : ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. 448 с.
8. Гумилёв Н. С. Стихотворения и поэмы. Ленинград : Советский писатель, 1988. 632 с.
9. Дворников А. С. Город Бежецк и Бежецкий край: Очерки по истории и археологии. Тверь, 1996. 129 с.
10. Еселев Н. Х. Шишков. Москва : Молодая гвардия, 1973. 224 с.
11. Иванов Г. Знаменитые и известные бежечане. Вып. 1–3. Москва : Вече, 2005.
12. Линч К. Образ города. Москва, 1982. 328 с.
13. Медведко О. Пассионарность отца и сына // Независимая газета. URL: <https://gumilev.ru/author/566/> (дата обращения 01.05.2023)
14. Раскина Е. Ю. Пространство России в поэтической географии Н. С. Гумилева // Русская литература. 2001. № 2. С. 34–41.
15. Сенин С. И. Тихие песни: Бежецкий край в русской поэзии. Поэтическая антология. Санкт-Петербург : [BBM], 2013. 535 с. URL: <http://bezheck.tverlib.ru/node/180> (дата обращения 1.05.2023)
16. Смирнов А. К. Бежецкая история. Москва : ОнтоПринт, 2017. 200 с.
17. Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996. С. 269–273.
18. Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. Мюнхен, 1981.
19. Шишков В. Я. Угрюм-река. Москва : издательство АСТ, 2021. 928 с.
20. Шубинский В. И. Жизнь Николая Гумилева. Москва : КоЛибри, 2019. 656 с.

Reference list

1. Abakumov V. Skazanie o prepodobnom Nektarii Bezheckom = Tale of the Monk Nektary of Bezhet'sk // literaturnaja karta Tverskogo kraja URL: <https://litmap.tverlib.ru/bezhecky/poetry.html#z06> (data obrashhenija 1.05.2023)
2. Anciferov N. P. Kniga o gorode = A book of the city. Leningrad : Izd-vo Brokgauz i Efron, 1926. 224 s.
3. Ahmatova A. A. Ot carskosel'skih lip: poezija i proza = From the linden trees of Tsarskoye Selo: poetry and prose. Moskva : JeKSMO-Press, 2000. 652 s.
4. Ahmatova A. A. Stihotvorenija i pojemy.= Verses and poems. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1976. 560 s.
5. Bezheckij kraj = Bezhet'sk region: istor.-kraeved. al'manah. №2 (14). «Eshho ne raz Vy vspomnite menja...»: sb. dokladov i vystuplenij na nauch.-prakt. konferencii, posvjashhjonnoj 130-letiju so dnja rozhdenija Nikolaja Stepanovicha Gumiljova. Vyshnij Volochjok : Izdatel'stvo «ISTOKI», 2016. 88 s.
6. Glinka F. N. O drevnostjah v Tverskoj Karelii = On ancient artifacts in Tver Karelia. Moskva : Kniga po Trebovaniju, 2012. 23 s.
7. Glinka F. N. Pis'ma russkogo oficera = A Russian officer's letters. Moskva : TERRA – Knizhnyj klub, 2009. 448 s.
8. Gumil'ov N. S. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1988. 632 s.
9. Dvornikov A. S. Gorod Bezheck i Bezheckij kraj: Ocherki po istorii i arheologii = The city of Bezhet'sk and Bezhet'sk region: Essays on the history and archeology. Tver', 1996. 129 s.
10. Eselev N. H. Shishkov = Shishkov. Moskva : Molodaja gvardija, 1973. 224 s.
11. Ivanov G. Znamenitye i izvestnye bezhechane = Famous and renowned citizens of Bezhet'sk. Vyp. 1–3. Moskva : Veche, 2005.
12. Linch K. Obraz goroda = The image of a city. Moskva, 1982. 328 s.
13. Medvedko O. Passionarnost' otca i syna = Passionarity of father and son // Nezavisimaja gazeta. URL: <https://gumilev.ru/author/566/> (data obrashhenija 01.05.2023)
14. Raskina E. Ju. Prostranstvo Rossii v pojeticheskoi geografii N. S. Gumileva = Russia's space in N. S. Gumilev's poetic geography // Russkaja literatura. 2001. № 2. S. 34–41.
15. Senin S. I. Tihie pesni: Bezheckij kraj v russkoj poezii. Pojeticheskaja antologija = Quiet songs: Bezhet'sk region in Russian poetry. Poetic anthology. Sankt-Peterburg : [VVM], 2013. 535 s. URL: <http://bezheck.tverlib.ru/node/180> (data obrashhenija 1.05.2023)
16. Smirnov A. K. Bezheckaja istorija = History of Bezhet'sk. Moskva : OntoPrint, 2017. 200 s.
17. Tver', Tverskaja zemlja i sopredel'nye territorii v jepohu srednevekov'ja = Tver, Tver lands and neighboring territories in the Middle Ages. Vyp. 1. Tver', 1996. S. 269–273.
18. Flejšman L. Boris Pasternak v dvadcatye gody = Boris Pasternak in the twenties. Mjunhen, 1981.
19. Shishkov V. Ja. Ugrjum-reka = The Ugrjum river. Moskva : izdatel'stvo AST, 2021. 928 s.
20. Shubinskij V. I. Zhizn' Nikolaja Gumileva = The life of Nikolay Gumilev. Moskva : KoLibri, 2019. 656 s.

Статья поступила в редакцию 27.08.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 27.08.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Воронина

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 35 п. л., 29,51 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.

Печать ризографическая. Заказ № 205. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 26.12.2023

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО

«Ярославский государственный педагогический университет

им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)

150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44

Тел.: (4852) 32 98 69